

Полное собраніе сочиненій Льва Николаевича Толстого.

Томъ XII.

Народные и другіе разсказы.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
П. И. Бирюкова.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Изображенiе Л. Н. Толстого на переплетѣ скопировано съ медальона работы скульптора И. Я. Гинцбурга.

Типографiя Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, соб. домъ.
Москва. — 1913 г.

Левъ Николаевичъ Толстой
въ 1885 г.

НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

ЧѢМЪ ЛЮДИ ЖИВЫ.

Мы знаемъ, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ: не любящій брата пребываетъ въ смерти (1 посл. Іоан. III, 14).

А кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое: какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія? (III, 17).

Дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиной (III, 18).

Любовь отъ Бога, и всякій любящій рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога (IV, 7).

Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь (IV, 8).

Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ (IV, 12).

Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ (IV, 16),

Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ? (IV, 20).

I.

Жилъ сапожникъ съ женой и дѣтьми у мужика на квартирѣ. Ни дома своего, ни земли у него не было, и кормился онъ съ семьей сапожною работой. Хлѣбъ былъ дорогой, а работа дешевая, и что заработаетъ, то и проѣстъ. Была у сапожника одна шуба съ женой, да и та износилась въ лохмотья; и второй годъ собирался сапожникъ купить овчинъ на новую шубу.

Къ осени собрались у сапожника деньжонки: три рубля бумажка лежала у бабы въ сундукѣ, а еще пять рублей двадцать копеекъ было за мужиками въ селѣ.

И собрался съ утра сапожникъ въ село за шубой. Надѣлъ нанковую бабью куртушку на ватѣ на рубаху, сверху кафтанъ суконный, взялъ бумажку трехрублевую въ карманъ, выломалъ палку и пошелъ послѣ завтрака. Думалъ: «получу пять рублей съ мужика, приложу своихъ три,—куплю овчинъ на шубу».

Пришелъ сапожникъ въ село, зашелъ къ одному мужику,— дома нѣтъ, обѣщала баба на недѣлѣ прислать мужа съ деньгами, а денегъ не дала; зашелъ къ другому, — забожился мужикъ, что нѣтъ денегъ, только двадцать копеекъ отдалъ за по чинку сапогъ. Думалъ сапожникъ въ долгъ взять овчины,— въ долгъ не повѣрилъ овчинникъ.

— Денежки, говоритъ, принеси, тогда выбирай любыя, а то знаемъ мы, какъ долги выбирать.

Такъ и не сдѣлалъ сапожникъ никакого дѣла, только получилъ двадцать копеекъ за починку да взялъ у мужика старые валенки кожей обшить.

Потужилъ сапожникъ, выпилъ на всѣ двадцать копеекъ водки и пошелъ домой безъ шубы. Съ утра сапожнику морозно показалось, а выпивши тепло было и безъ шубы. Идетъ сапожникъ дорогой, одною рукой палочкой по мерзлымъ калмыжкамъ постукиваетъ, а другою рукой сапогами валеными помахиваетъ, самъ съ собой разговариваетъ.

— Я, говоритъ, и безъ шубы тепелъ. Выпилъ шкаликъ, оно во всѣхъ жилкахъ играетъ. И тулупа не надо. Иду, забывши горе. Вотъ какой я человѣкъ! Мнѣ что? Я безъ шубы проживу. Мнѣ ея вѣкъ не надо. Одно—баба заскучаетъ. Да и обидно—ты на него работай, а онъ тебѣ водитъ. Постой же ты теперь: не принесешь денежки, я съ тебя шапку сниму, ей-Богу, сниму. А то что жъ это? По двугривенному отдаетъ! Ну что на двугривенный сдѣлаешь? Выпить — одно. Говоритъ: нужда. Тебѣ нужда, а мнѣ не нужда? У тебя и домъ, и скотина, и все, а я весь тутъ; у тебя свой хлѣбъ, а я на покупномъ,— откуда хочешь, а три рубля въ недѣлю на одинъ хлѣбъ подай. Приду домой, а хлѣбъ дошелъ—опять полтора рубля выложь. Такъ ты мнѣ мое отдай.

Подходитъ такъ сапожникъ къ часовнѣ у повертка, глядитъ— за самою часовней что-то бѣлѣется. Стало уже смеркаться. Приглядывается сапожникъ, а не можетъ разсмотрѣть, что такое. «Камня, думаетъ, здѣсь такого не было. Скотина? На скотину не похоже. Съ головы похоже на человѣка, да бѣло что-то. Да и человѣку зачѣмъ тутъ быть?»

Подошелъ ближе—совсѣмъ видно стало. Что за чудо: точно человѣкъ, живой ли, мертвый, голышомъ сидитъ, прислоненъ къ часовнѣ и не шевелится. Страшно стало сапожнику; думаетъ себѣ: «убили какіе-нибудь человѣка, раздѣли, да и бросили тутъ. Подойди только, и не раздѣлаешься потомъ».

И пошелъ сапожникъ мимо. Зашелъ за часовню—не видать стало человѣка. Прошелъ часовню, оглянулся, видитъ — чело-

вѣкъ отслонился отъ часовни, шевелится, какъ будто приглядывается. Еще больше заробѣлъ сапожникъ, думаетъ себѣ: «Подойти или мимо пройти? Подойти—какъ бы худо не было: кто его знаетъ, какой онъ? Не за добрыя дѣла попалъ сюда. Подойдешь, а онъ вскочитъ да задушитъ, и не уйдешь отъ него. А не задушитъ, такъ поди вожжайся съ нимъ. Что съ нимъ, съ голымъ, дѣлать? Не съ себя же снять, послѣднее отдать. Пронеси только Богъ!»

И прибавилъ сапожникъ шагу. Сталъ уже проходить часовню, да зазрила его совѣсть.

И остановился сапожникъ на дорогѣ.

— Ты что же это, говоритъ на себя, Семенъ, дѣлаешь? Человѣкъ въ бѣдѣ помираетъ, а ты заробѣлъ, мимо идешь. Али дюже разбогатѣлъ? Боишься, ограбятъ богатство твое? Ай, Сема, неладно!

Повернулся Семенъ и пошелъ къ человѣку.

II.

Подходитъ Семенъ къ человѣку, разглядываетъ его и видитъ: человѣкъ молодой, въ силѣ, не видать на тѣлѣ побоевъ, только видно—измерзъ человѣкъ и напуганъ; сидитъ прислонясь и не глядитъ на Семена, будто ослабъ, глазъ поднять не можетъ. Подошелъ Семенъ вплоть, и вдругъ какъ будто очнулся человѣкъ, повернулъ голову, открылъ глаза и взглянулъ на Семена. И съ этого взгляда полюбился человѣкъ Семену. Бросилъ онъ наземь валенки, распоясался, положилъ подпояску на валенки, скинулъ кафтанъ.

— Будетъ, говоритъ, толковать-то! Одѣвай, что ли! Ну-ка!

Взялъ Семенъ человѣка подъ локоть, сталъ поднимать. Поднялся человѣкъ. И видитъ Семенъ—тѣло тонкое, чистое, руки, ноги не ломаныя и лицо умильное. Накинулъ ему Семенъ кафтанъ на плечи,—не попадетъ въ рукава. Заправилъ ему Семенъ руки, натянулъ, запахнулъ кафтанъ и подтянулъ подпояскою.

Снялъ было Семенъ картузъ рваный, хотѣлъ на голаго надѣть, да холодно головѣ стало, думаетъ: «у меня лысина во всю голову! а у него виски курчавые, длинные». Надѣлъ опять. «Лучше сапоги ему обую».

Посадилъ его и сапоги валеные обулъ ему.

Одѣлъ его сапожникъ и говоритъ:

— Такъ-то, братъ. Ну-ка, разминайся да согрѣвайся. А эти дѣла всѣ безъ насъ разберутъ. Идти можешь?

Стоитъ человѣкъ, умильно глядитъ на Семена, а выговорить ничего не можетъ.

— Что же не говоришь? Не зимовать же тутъ. Надо къ жилью. Ну-ка, на вотъ дубинку мою, обопрись, коли ослабъ. Раскачивайся-ка!

И пошелъ человѣкъ. И пошелъ легко, не отстаетъ.

Идутъ они дорогой, и говоритъ Семенъ:

— Чей, значитъ, будешь?

— Я не здѣшній.

— Здѣшнихъ-то я знаю. Попалъ-то, значитъ, какъ сюда, подъ часовню?

— Нельзя мнѣ сказать.

— Должно, люди обидѣли?

— Никто меня не обидѣлъ. Меня Богъ наказалъ.

— Извѣстно, все Богъ, да все же куда-нибудь прибиваться надо. Куда надо-то тебѣ?

— Мнѣ все равно.

Подивился Семенъ. Не похожъ на озорника и на рѣчахъ мягокъ, а не сказываетъ про себя. И думаетъ Семенъ: «мало ли какія дѣла бываютъ», и говоритъ человѣку:

— Что жъ, заходи ко мнѣ въ домъ, хоть отойдешь маломальски.

Подходитъ Семенъ ко двору, не отстаетъ отъ него странникъ, рядомъ идетъ. Поднялся вѣтеръ, прохватываетъ Семена подъ рубаху, и сталъ съ него сходить хмель, и прозябать сталъ. Идетъ онъ, носомъ посапываетъ, запахиваетъ на себѣ куртушку бабью и думаетъ: «вотъ-те и шуба, за шубой пошелъ, а безъ кафтана приду да еще голаго съ собой приведу. Не похвалитъ Матрена!» И какъ подумаетъ о Матренѣ, скучно станетъ Семену. А какъ поглядитъ на странника, вспомнитъ, какъ онъ взглянулъ на него за часовней, такъ взыграетъ въ немъ сердце.

III.

Убралась Семенова жена рано. Дровъ нарубила, воды принесла, ребятъ накормила, сама закусила и задумалась; задумалась, когда хлѣбы ставить: нынѣ или завтра? Краюшка большая осталась.

«Если, думаетъ, Семенъ тамъ пообѣдаетъ да много за ужиномъ не съѣстъ, на завтра хватитъ хлѣба».

Повертѣла, повертѣла Матрена краюху, думаетъ: «не стану нынче хлѣбовъ ставить. Муки и то всего на одни хлѣбы осталось. Еще до пятницы протянемъ».

Убрала Матрена хлѣбъ и сѣла у стола заплату на мужнину рубаху нашить. Шьетъ и думаетъ Матрена про мужа, какъ онъ будетъ овчины на шубу покупать.

«Не обманулъ бы его овчинникъ. А то простъ ужъ очень мой-то. Самъ никого не обманетъ, а его малое дитя проведетъ. Восемь рублей деньги не малыя. Можно хорошую шубу собрать. Хоть не дубленая, а все шуба. Прошлую зиму какъ бились безъ шубы! Ни на рѣчку выйти, ни куда. А то вотъ пошелъ со двора, все на себя надѣлъ, мнѣ и одѣть нечего. Не рано пошелъ. Пора бы ему. Ужъ не загулялъ ли соколикъ-то мой?»

Только подумала Матрена, заскрипѣли ступеньки на крыльцѣ кто-то вошелъ. Воткнула Матрена иголку, вышла въ сѣни. Видитъ—вошли двое: Семенъ и съ нимъ мужикъ какой-то безъ шапки и въ валенкахъ.

Сразу почуяла Матрена духъ винный отъ мужа. «Ну, думаетъ, такъ и есть загулялъ». Да какъ увидѣла, что онъ безъ кафтана, въ куртушкѣ въ одной и не несетъ ничего, а молчитъ, ужимается, оборвалось у Матрены сердце. «Пропилъ, думаетъ, деньги, загулялъ съ какимъ - нибудь непутевымъ, да и его еще съ собой привелъ».

Пропустила ихъ Матрена въ избу, сама вошла, видитъ — человѣкъ чужой, молодой, худощавый, кафтанъ на немъ ихній. Рубахи не видать подъ кафтаномъ, шапки нѣтъ. Какъ вошелъ, такъ сталъ, не шевелится и глазъ не поднимаетъ. И думаетъ Матрена: недобрый человѣкъ—боится.

Насупилась Матрена, отошла къ печи, глядитъ, что отъ нихъ будетъ.

Снялъ Семенъ шапку, сѣлъ на лавку какъ добрый.

— Что жъ, говоритъ, Матрена, собери ужинать, что ли!

Пробурчала что-то себѣ подъ носъ Матрена. Какъ стала у печи, не шевельнется: то на одного, то на другого посмотритъ и только головой покачиваетъ. Видитъ Семенъ, что баба не въ себѣ, да дѣлать нечего: какъ будто не примѣчаетъ, беретъ за руку странника.

— Садись, говоритъ, братъ, ужинать станемъ.

Сѣлъ странникъ на лавку.

— Что же али не варила?

Взяло зло Матрену.

— Варила, да не про тебя. Ты и умъ, я вижу, пропилъ. Пошелъ за шубой, а безъ кафтана пришелъ, да еще какого-то бродягу голаго съ собой привелъ. Нѣтъ у меня про васъ, пьяницъ, ужина.

— Будетъ, Матрена, что безъ-толку-то языкомъ стрекотать! Ты спроси прежде, какой человѣкъ...

— Ты сказывай, куда деньги дѣвалъ?

Полѣзъ Семенъ въ кафтанъ, вынулъ бумажку, развернулъ.

— Деньги—вотъ онѣ, а Трифоновъ не отдалъ, завтра посулился.

Еще пуще взяло зло Матрену: шубы не купилъ, а послѣднiй кафтанъ на какого-то голаго надѣлъ да къ себѣ привелъ.

Схватила со стола бумажку, понесла прятать, сама говоритъ:

— Нѣтъ у меня ужина. Всѣхъ пьяницъ голыхъ не накормишь.

— Эхъ, Матрена, подержи языкъ-то. Прежде послушай, что говорятъ...

— Наслушаешься ума отъ пьянаго дурака. Не даромъ не хотѣла за тебя, пьяницу, замужъ идти. Матушка мнѣ холсты отдала—ты пропилъ; пошелъ шубу купить—пропилъ.

Хочетъ Семенъ растолковать женѣ, что пропилъ онъ только двадцать копеекъ; хочетъ сказать, гдѣ онъ человѣка нашелъ,— не даетъ ему Матрена слова вставить: откуда что берется, по два слова вдругъ говоритъ. Что десять лѣтъ тому назадъ было, и то все помянула.

Говорила, говорила Матрена, подскочила къ Семену, схватила его за рукавъ.

— Давай поддевку-то мою. А то одна осталась, и ту съ меня снялъ да не себя наперъ. Давай сюда, конопатый песъ, пострѣлъ тебя расшиби!

Сталъ снимать съ себя Семенъ кацавейку, рукавъ вывернулъ, дернула баба — затрещала въ швахъ кацавейка. Схватила Матрена поддевку, на голову накинула и взялась за дверь. Хотѣла уйти, да остановилась: и сердце въ ней расходилось — хочется ей зло сорвать и узнать хочется, какой такой человѣкъ.

IV.

Остановилась Матрена и говоритъ:

— Кабы добрый человѣкъ, такъ голый бы не былъ, а то на немъ и рубахи-то нѣтъ. Кабы за добрыми дѣлами пошелъ, ты бы сказалъ, откуда привелъ щеголя такого.

— Да я сказываю тебѣ: иду, у часовни сидитъ этотъ раздѣмши, застылъ совсѣмъ. Не лѣто вѣдь, нагишомъ-то. Нанесъ меня на него Богъ, а то бы пропасть. Ну какъ быть? Мало ли какiя дѣла бываютъ! Взялъ, одѣлъ и привелъ сюда. Утиши ты свое сердце. Грѣхъ, Матрена. Помирать будемъ.

Хотѣла Матрена изругаться, да поглядѣла на странника и замолчала. Сидитъ странникъ — не шевельнется, какъ сѣлъ на краю лавки. Руки сложены на колѣняхъ, голова на грудь опущена, глазъ не раскрываетъ и все морщится, какъ будто душитъ его что. Замолчала Матрена, Семенъ и говоритъ:

— Матрена, али въ тебѣ Бога нѣтъ?!

Услыхала это слово Матрена, взглянула еще на странника, и вдругъ сошло въ ней сердце. Отошла она отъ двери, подошла къ печному углу, достала ужинать. Поставила чашку на столъ, налила квасу, выложила краюшку послѣднюю. Подала ножъ и ложки.

— Хлебайте, что ль, говоритъ.

Подвинулъ Семенъ странника.

— Пролѣзай, говоритъ, молодецъ.

Нарѣзалъ Семенъ хлѣба, накрошилъ, и стали ужинать. А Матрена сѣла объ уголъ стола, подперлась рукой и глядитъ на странника.

И жалко стало Матренѣ странника, и полюбила она его. И вдругъ повеселѣлъ странникъ,ересталъ морщиться, поднялъ глаза на Матрену и улыбнулся.

Поужинали; убрала баба и стала спрашивать странника:

— Да ты чей будешь?

— Не здѣшній я.

— Да какъ же ты на дорогу-то попалъ?

— Нельзя мнѣ сказать.

— Кто жъ тебя обобралъ?

— Меня Богъ наказалъ.

— Такъ голый и лежалъ?

— Такъ и лежалъ нагой, замерзалъ. Увидалъ меня Семенъ, пожалѣлъ, снялъ съ себя кафтанъ, на меня надѣлъ и велѣлъ сюда придти. А здѣсь ты меня накормила, напоила, пожалѣла. Спасетъ васъ Господь!

Встала Матрена, взяла съ окна рубаху старую Семенову, ту самую, что платила, подала страннику; нашла еще портки, подала.

— На вотъ, я вижу, у тебя и рубахи-то нѣтъ. Одѣнься да ложись, гдѣ полюбится, — на хоры али на печь.

Снялъ странникъ кафтанъ, одѣлъ рубаху и легъ на хоры. Потушила Матрена свѣтъ, взяла кафтанъ и полѣзла къ мужу.

Прикрылась Матрена концомъ кафтана, лежитъ и не спитъ, все странникъ ей съ мыслей не идетъ.

Какъ вспомнитъ, что онъ послѣднюю краюшку доѣлъ и на завтра нѣтъ хлѣба, какъ вспомнитъ, что рубаху и портки от-

дала, такъ скучно ей станетъ; а вспомнитъ, какъ онъ улыбнулся, и взыграетъ въ ней сердце.

Долго не спала Матрена и слышитъ — Семенъ тоже не спитъ, кафтанъ на себя тащитъ.

— Семенъ!

— А!

— Хлѣбъ-то послѣдній поѣли, а я не ставила. На завтра, не знаю, какъ быть. Нечто у кумы Маланьи попрошу.

— Живы будемъ, сыты будемъ.

Полежала баба, помолчала.

— А человѣкъ, видно, хорошій, только что жъ онъ не сказываетъ про себя?

— Должно, нельзя.

— Семъ!

— А!

— Мы-то даемъ, да что жъ намъ никто не даетъ?

Не зналъ Семенъ, что сказать. Говоритъ: «будетъ толковать-то». Повернулся и заснулъ.

V.

На утро проснулся Семенъ. Дѣти спятъ, жена пошла къ сосѣдямъ хлѣба занимать. Одинъ вчерашній странникъ въ старыхъ порткахъ и рубахѣ на лавкѣ сидитъ, вверхъ смотритъ. И лицо у него противъ вчерашняго свѣтлѣе.

И говоритъ Семенъ:

— Чего жъ, милая голова: брюхо хлѣба проситъ, а голое тѣло одежи. Кормиться надо. Чтò работать умѣешь?

— Я ничего не умѣю.

Подивился Семенъ и говоритъ:

— Была бы охота. Всему люди учатся.

— Люди работаютъ, и я работать буду.

— Тебя какъ звать?

— Михаилъ.

— Ну, Михайла, сказывать про себя не хочешь — твое дѣло, а кормиться надо. Работать будешь, что прикажу,—кормить буду.

— Спаси тебя Господь, а я учиться буду. Покажи, что дѣлать.

Взялъ Семенъ пряжу, надѣлъ на пальцы и сталъ дѣлать конецъ.

— Дѣло не хитрое, гляди...

Посмотрѣлъ Михайла, надѣлъ также на пальцы, тотчасъ перенялъ, сдѣлалъ конецъ.

Показалъ ему Семенъ, какъ наваривать. Также сразу понялъ Михайла. Показалъ хозяинъ и какъ всучить щетину и какъ тачать, и тоже сразу понялъ Михайла.

Какую ни покажетъ ему работу Семенъ, все сразу пойметъ, и съ третьяго дня сталъ работать, какъ будто вѣкъ шилъ. Работаетъ безъ разгиба, ѣстъ мало; перемежится работа — молчитъ и все вверхъ глядитъ. На улицу не ходитъ, не говоритъ лишняго, не шутитъ, не смѣется.

Только и видѣли разъ, какъ онъ улыбнулся въ первый вечеръ, когда ему баба ужинать собрала.

VI.

День ко дню, недѣля къ недѣли, вскружился и годъ. Живетъ Михайла попрежнему у Семена, работаетъ. И прошла про Семенова работника слава, что никто такъ чисто и крѣпко сапогъ не сошьетъ, какъ Семеновъ работникъ Михайла, и стали изъ округи къ Семену за сапогами ѣздить, и сталъ у Семена достатокъ прибавляться.

Сидятъ разъ по зимѣ Семенъ съ Михайлой, работаютъ, подъѣзжаетъ къ избѣ тройкой съ колокольцами возокъ. Поглядѣли въ окно: остановился возокъ противъ избы, соскочилъ молодецъ съ облучка, отворилъ дверцу. Вылѣзаетъ изъ возка въ шубѣ баринъ. Вышелъ изъ возка, пошелъ къ Семенову дому, вошелъ на крыльцо. Выскочила Матрена, распахнула дверь настежь. Нагнулся баринъ, вошелъ въ избу, выпрямился, чуть головой до потолка не досталъ, весь уголъ захватилъ.

Всталъ Семенъ, поклонился и дивуется на барина. И не видывалъ онъ людей такихъ. Самъ Семенъ поджарый и Михайла худощавый, а Матрена и вовсе какъ щепка сухая, а этотъ — какъ съ другого свѣта человѣкъ: морда красная, налитая, шея какъ у быка, весь какъ изъ чугуна вылитъ.

Отдулся баринъ, снялъ шубу, сѣлъ на лавку и говоритъ:

— Кто хозяинъ сапожникъ?

Вышелъ Семенъ, говоритъ:

— Я, ваше степенство.

Крикнулъ баринъ на своего малаго:

— Эй, Ѳедька, подай сюда товаръ!

Вбѣжалъ малый, внесъ узелокъ. Взялъ баринъ узелъ, положилъ на столъ.

— Развяжи, говоритъ. Развязалъ малый.

Ткнулъ баринъ пальцемъ товаръ сапожный и говоритъ Семену:

— Ну, слушай же ты, сапожникъ. Видишь товаръ?

— Вижу, говоритъ, ваше благородіе.

— Да ты понимаешь ли, какой это товаръ?

Пощупалъ Семенъ товаръ, говоритъ:

— Товаръ хорошій.

— То-то хорошій! Ты, дуракъ, еще не видалъ товару такого. Товаръ нѣмецкій, двадцать рублей плаченъ.

Заробѣлъ Семенъ, говоритъ:

— Гдѣ же намъ видать.

— Ну, то-то. Можешь ты изъ этого товару на мою ногу сапоги сшить?

— Можно, ваше степенство.

Закричалъ на него баринъ:

— То-то можно. Ты понимай, ты на кого шьешь, изъ какого товару. Такіе сапоги мнѣ сшей, чтобы годъ носились, не кривились, не поролись. Можешь — берись, рѣжь товаръ, а не можешь — и не берись и не рѣжь товару. Я тебѣ напередъ говорю: распорются, скривятся сапоги раньше году, я тебя въ острогъ засажу; не скривятся, не распорются до году, я за работу десять рублей отдамъ.

Заробѣлъ Семенъ и не знаетъ, что сказать. Оглянулся на Михайлу.

Толкнулъ его локтемъ и шепчетъ:

— Брать, что ли?

Кивнулъ головой Михайла: бери, молъ, работу.

Послушался Семенъ Михайлу, взялся такіе сапоги сшить, чтобы годъ не кривились, не поролись.

Крикнулъ баринъ малаго, велѣлъ снять сапогъ съ лѣвой ноги, вытянулъ ногу.

— Снимай мѣрку!

Сшилъ Семенъ бумажку въ десять вершковъ, загладилъ, сталъ на колѣнки, руку о фартукъ обтеръ хорошенько, чтобы барскій чулокъ не попачкать, и сталъ мѣрить. Обмѣрилъ Семенъ подошву, обмѣрилъ въ подъемѣ; сталъ икру мѣрить, не сошлась бумажка. Ножища въ икрѣ какъ бревно толстая.

— Смотри, въ голенищѣ не обузь.

Сталъ Семенъ еще бумажку нашивать. Сидитъ баринъ, пошевеливаетъ перстами въ чулкѣ, народъ въ избѣ оглядываетъ. Увидалъ Михайлу.

— Это кто жъ, говоритъ, у тебя?

— А это самый мой мастеръ, онъ и шить будетъ.

— Смотри же, — говоритъ баринъ на Михайлу, — помни, такъ сшей, чтобы годъ проносились.

Оглянулся и Семенъ на Михайлу; видитъ — Михайла на барина и не глядитъ, а уставился въ уголъ за бариномъ, точно вглядывается въ кого. Глядѣлъ, глядѣлъ Михайла и вдругъ улыбнулся и просвѣтлѣлъ весь.

— Ты что, дуракъ, зубы скалишь? Ты лучше смотри, чтобы къ сроку готовы были.

И говоритъ Михайла:

— Какъ разъ поспѣютъ, когда надо.

— То-то.

Надѣлъ баринъ сапогъ, шубу, запахнулся и пошелъ къ двери. Да забылъ нагнуться, стукнулся въ притолоку головой.

Разругался баринъ, потеръ себѣ голову, сѣлъ въ возокъ и уѣхалъ.

Отъѣхалъ баринъ, Семенъ и говоритъ:

— Ну ужъ кремнястъ. Этого долбней не убьешь. Косякъ головой высадилъ, а ему горя мало.

А Матрена говоритъ:

— Съ житья такого какъ имъ гладкимъ не быть. Этакаго заклепа и смерть не возьметъ.

VII.

И говоритъ Семенъ Михайлѣ:

— Взять-то взяли работу, да какъ бы намъ бѣды не нажить. Товаръ дорогой, а баринъ сердитый. Какъ бы не ошибиться. Ну-ка ты, у тебя и глаза повострѣе, да и въ рукахъ-то больше моего сноровки стало, на-ка мѣрку. Крой товаръ, а я головки дошивать буду.

Не ослушался Михайла, взялъ товаръ барскій, разостлалъ на столѣ, сложилъ вдвое, взялъ ножъ и началъ кроить.

Подошла Матрена, глядитъ, какъ Михайла кроитъ, и дивится, что такое Михайла дѣлаетъ. Привыкла ужъ и Матрена къ сапожному дѣлу глядитъ и видитъ, что Михайла не по-сапожному товаръ кроитъ, а на круглые вырѣзаетъ.

Хотѣла сказать Матрена, да думаетъ себѣ: «должно, не поняла я, какъ сапоги барину шить; должно, Михайла лучше знаетъ, не стану мѣшаться».

Скроилъ Михайла пару, взялъ конецъ и сталъ сшивать не по-сапожному, въ два конца, а однимъ концомъ, какъ босовики шьютъ.

Подивилась и на это Матрена, да тоже мѣшаться не стала. А Михайла все шьетъ. Стали полудновать, поднялся Семенъ, смотритъ — у Михайлы изъ барскаго товару босовики сшиты.

Ахнулъ Семенъ. «Какъ это, думаетъ, Михайла годъ цѣлый жилъ, не ошибался ни въ чемъ, а теперь бѣду такую надѣлалъ? Баринъ сапоги вытяжные на ранту заказывалъ, а онъ босовики сшилъ безъ подошвы, товаръ испортилъ. Какъ я теперь раздѣлаюсь съ бариномъ? Товару такого не найдешь».

И говоритъ онъ Михайлѣ:

— Ты что же это, говоритъ, милая голова, надѣлалъ? Зарѣзалъ ты меня! Вѣдь баринъ сапоги заказывалъ, а ты что̀ сшилъ?

Только началъ онъ выговаривать Михайлѣ — грохъ въ кольцо у двери, стучится кто-то. Глянули въ окно: верхомъ кто-то пріѣхалъ, лошадь привязываетъ. Отперли: входитъ тотъ самый малый отъ барина.

— Здорово!

— Здорово. Чего надо?

— Да вотъ барыня прислала объ сапогахъ.

— Что̀ объ сапогахъ?

— Да что̀ объ сапогахъ! сапогъ не нужно барину. Приказалъ долго жить баринъ.

— Что ты!

— Отъ васъ до дому не доѣхалъ, въ возкѣ и померъ. Подъѣхала повозка къ дому, вышли высаживать, а онъ какъ куль завалился, уже и закоченѣлъ, мертвый лежитъ, насилу изъ возка выпростали. Барыня и прислала, говоритъ: «Скажи ты сапожнику, что былъ, молъ, у васъ баринъ, сапоги заказывалъ и товаръ оставилъ, такъ скажи: сапогъ не нужно, а чтобы босовики на мертваго поскорѣе изъ товару сшилъ. Да дождись, пока сошьютъ, и съ собой босовики привези». Вотъ и пріѣхалъ.

Взялъ Михайла со стола обрѣзки товара, свернулъ трубкой, взялъ и босовики готовые, щелкнулъ другъ о друга, обтеръ фартукомъ и подалъ малому. Взялъ малый босовики.

— Прощайте, хозяева! Часъ добрый!

VIII.

Прошелъ и еще годъ, и два, и живетъ Михайла уже шестой годъ у Семена. Живетъ попрежнему. Никуда не ходитъ, лишняго не говоритъ и во все время только два раза улыбнулся: одинъ разъ, когда баба ему ужинать собрала, другой разъ на барина. Не нарадуется Семенъ на своего работника. И не спрашиваетъ его больше, откуда онъ; только одного боится, чтобъ не ушелъ отъ него Михайла.

Сидятъ разъ дома. Хозяйка въ печь чугуны ставитъ, а ребята по лавкамъ бѣгаютъ, въ окна глядятъ. Семенъ тачаетъ у одного окна, а Михайла у другого каблукъ набиваетъ.

Подбѣжалъ мальчикъ по лавкѣ къ Михайлѣ, оперся ему на плечо и глядитъ въ окно.

— Дядя Михайла, глянь-ка, купчиха съ дѣвочками никакъ къ намъ идетъ. А дѣвочка одна хромая.

Только сказалъ это мальчикъ, Михайла бросилъ работу, повернулся къ окну, глядитъ на улицу.

И удивился Семенъ. То никогда не глядитъ на улицу Михайла, а теперь припалъ къ окну, глядитъ на что-то. Поглядѣлъ и Семенъ въ окно; видитъ — вправду идетъ женщина къ его двору, одѣта чисто, ведетъ за ручки двухъ дѣвочекъ въ шубкахъ, въ платочкахъ въ ковровыхъ. Дѣвочки одна въ одну, разузнать нельзя. Только у одной лѣвая ножка попорчена, — идетъ, припадаетъ.

Взошла женщина на крыльцо, въ сѣни, ощупала дверь, потянула за скобу — отворила. Пропустила впередъ себя двухъ дѣвочекъ и вошла въ избу.

— Здорово, хозяева!

— Просимъ милости. Чтó надо?

Сѣла женщина къ столу. Прижались ей дѣвочки въ колѣни, людей чудятся.

— Да вотъ дѣвочкамъ на весну кожаные башмачки сшить.

— Что же, можно. Не шивали мы маленькихъ такихъ, да все можно. Можно рантовые, можно выворотные на холстѣ. Вотъ Михайла у меня мастеръ.

Оглянулся Семенъ на Михайлу и видитъ: Михайла работу бросилъ, сидитъ, глазъ не сводитъ съ дѣвочекъ.

И подивился Семенъ на Михайлу. Правда, хороши дѣвочки: черноглазенькія, пухленькія, румяненькія, и шубки и платочки на нихъ хорошіе, а все не пойметъ Семенъ, что онъ такъ приглядывается на нихъ, точно знакомыя онѣ ему.

Подивился Семенъ и сталъ съ женщиной толковать — рядиться. Порядился, сложилъ мѣрку. Подняла себѣ женщина на колѣни хроменькую и говоритъ:

— Вотъ съ этой двѣ мѣрки сними; на кривенькую ножку одинъ башмачокъ сшей, а на пряменькую три. У нихъ ножки одинакія, одна въ одну. Двойни онѣ.

Снялъ Семенъ мѣрку и говоритъ на хроменькую:

— Съ чего же это съ ней сталось? Дѣвочка такая хорошая. Сроду, что ли?

— Нѣтъ, мать задавила.

Вступилась Матрена, хочется ей узнать, чья такая женщина и чьи дѣти, и говоритъ:

— А ты развѣ имъ не мать будешь?

— Я не мать имъ и не родня, хозяюшка, чужія вовсе — пріемыши.

Не свои дѣти, а какъ жалѣешь ихъ!

— Какъ мнѣ ихъ не жалѣть, я ихъ обѣихъ своею грудью выкормила. Свое было дѣтище, да Богъ прибралъ; его такъ не жалѣла, какъ ихъ жалѣю.

— Да чьи же онѣ?

IX.

Разговорилась женщина и стала разсказывать:

— Годовъ шесть, говоритъ, тому дѣло было, въ одну недѣлю обмерли сиротки эти: отца во вторникъ похоронили, а мать въ пятницу померла. Остались обмбрушки эти отъ отца трехъ деньковъ, а мать и дня не прожила. Я въ эту пору съ мужемъ въ крестьянствѣ жила. Сосѣди были, дворъ объ дворъ жили. Отецъ ихъ мужикъ одинокій былъ, въ рощѣ работалъ. Да уронили дерево какъ-то на него, его поперекъ прихватило, все нутро выдавило. Только довезли, онъ и отдалъ Богу душу, а баба его въ ту же недѣлю и роди двойню, вотъ этихъ дѣвочекъ. Бѣдность, одиночество, одна баба была, — ни старухи, ни дѣвчонки. Одна родила, одна и померла.

Пошла я на утро провѣдать сосѣдку, прихожу въ избу, а она, сердечная, ужъ и застыла. Да какъ помирала, завалилась на дѣвочку. Вотъ эту задавила — ножку вывернула. Собрался народъ — обмыли, опрятали, гробъ сдѣлали, похоронили. Все добрые люди. Остались дѣвчонки однѣ. Куда ихъ дѣть? А я изъ бабъ одна съ ребенкомъ была. Первенькаго мальчика восьмую недѣлю кормила. Взяла я ихъ до времени къ себѣ. Собрались мужики, думали, думали, куда ихъ дѣть, да и говорятъ мнѣ: «Ты, Марья, подержи покамѣстъ дѣвчонокъ у себя, а мы, дай срокъ, ихъ обдумаемъ». А я разокъ покормила грудью пряменькую, а эту раздавленную и кормить не стала: не чаяла ей живой быть. Да думаю себѣ, за что ангельская душка млѣетъ? Жалко стало и ту. Стала кормить, да такъ-то одного своего да этихъ двухъ, — троихъ грудью и выкормила! Молода была, сила была, да и пища хорошая. И молока столько Богъ далъ въ грудяхъ было, что зальются бывало. Двоихъ кормлю бывало, а третья ждетъ. Отвалится одна, третью возьму. Да такъ-то Богъ привелъ, что этихъ выкормила, а своего по второму годочку схоронила. И больше Богъ и дѣтей не далъ. А достатокъ прибавляться сталъ. Вотъ теперь живемъ здѣсь на мельницѣ у купца. Жалованье большое, жизнь хорошая. А дѣтей нѣтъ. И какъ бы мнѣ жить одной, кабы не дѣвчонки эти! Какъ же мнѣ ихъ не любить! Только у меня и воску въ свѣчѣ, что онѣ!

Прижала къ себѣ женщина одною рукой дѣвочку хроменькую, а другою рукой стала со щекъ слезы стирать.

И вздохнула Матрена и говоритъ:

— Видно, пословица не мимо молвится: безъ отца, матери проживутъ, а безъ Бога не проживутъ.

Говорятъ они такъ промежъ себя, и вдругъ какъ зарница освѣтила всю избу отъ того угла, гдѣ сидѣлъ Михайла. Оглянулись всѣ на него и видятъ: сидитъ Михайла, сложивши руки на колѣнкахъ, глядитъ вверхъ, улыбается.

X.

Ушла женщина съ дѣвочками, всталъ и Михайла съ лавки, положилъ работу, снялъ фартукъ, поклонился хозяину съ хозяйкой и говоритъ:

— Простите, хозяева. Меня Богъ простилъ. Простите и вы.

И видятъ хозяева, что отъ Михайлы свѣтъ идетъ. И всталъ Семенъ, поклонился Михайлѣ и сказалъ ему:

— Вижу я, Михайла, что ты не простой человѣкъ, и не могу я тебя держать, и не могу я тебя спрашивать. Скажи мнѣ только одно: отчего, когда я нашелъ тебя и привелъ въ домъ, ты былъ пасмуренъ, и когда баба подала тебя ужинать, ты улыбнулся на нее и съ тѣхъ поръ сталъ свѣтлѣе? Потомъ, когда баринъ заказывалъ сапоги, ты улыбнулся въ другой разъ и съ тѣхъ поръ сталъ еще свѣтлѣе? И теперь, когда женщина приводила дѣвочекъ, ты улыбнулся въ третій разъ и весь просвѣтлѣлъ. Скажи мнѣ, Михайла, отчего такой свѣтъ отъ тебя и отчего ты улыбнулся три раза?

И сказалъ Михайла:

— Оттого свѣтъ отъ меня, что я былъ наказанъ, а теперь Богъ простилъ меня. А улыбнулся я три раза оттого, что мнѣ надо было узнать три слова Божія. И я узналъ слова Божьи: одно слово я узналъ, когда твоя жена пожалѣла меня, и оттого я въ первый разъ улыбнулся. Другое слово я узналъ, когда богачъ заказывалъ сапоги, и я въ другой разъ улыбнулся; и теперь, когда я увидалъ дѣвочекъ, я узналъ послѣднее, третье слово, и я улыбнулся въ третій разъ.

И сказалъ Семенъ:

— Скажи мнѣ, Михайла, за что̀ Богъ наказалъ тебя и какія тѣ слова Бога, чтобы мнѣ знать.

И сказалъ Михайла:

— Наказалъ меня Богъ за то, что я ослушался Его. Я былъ ангелъ на небѣ и ослушался Бога.

Былъ я ангелъ на небѣ, и послалъ меня Господь вынуть изъ женщины душу. Слетѣлъ я на землю, вижу: лежитъ одна жена — больна, родила двойню, двухъ дѣвочекъ. Копошатся дѣвочки подлѣ матери, и не можетъ ихъ мать къ грудямъ взять. Увидала меня жена, поняла, что Богъ меня по душу послалъ, заплакала и говоритъ: «Ангелъ Божій! мужа моего только схоронили, деревомъ въ лѣсу убило. Нѣтъ у меня ни сестры, ни тетки, ни бабки, некому моихъ сиротъ взрастить. Не бери ты мою душеньку, дай мнѣ самой дѣтей вспоить, вскормить, на ноги поставить! Нельзя дѣтямъ безъ отца, безъ матери прожить!» И послушалъ я матери, приложилъ одну дѣвочку къ груди, подалъ другую матери въ руки и поднялся къ Господу на небо. Прилетѣлъ къ Господу и говорю: «Не могъ я изъ родильницы души вынуть. Отца деревомъ убило, мать родила двойню и молитъ не брать изъ нея души, говоритъ: «Дай мнѣ дѣтей вспоить, вскормить, на ноги поставить. Нельзя дѣтямъ безъ отца, безъ матери прожить». Не вынулъ я изъ родильницы душу». И сказалъ Господь: «Поди вынь изъ родильницы душу и узнаешь три слова: узнаешь, что есть въ людяхъ и чего не дано людямъ и чѣмъ люди живы. Когда узнаешь, вернешься на небо». Полетѣлъ я назадъ на землю и вынулъ изъ родильницы душу.

Отпали младенцы отъ грудей. Завалилось на кровати мертвое тѣло, придавило одну дѣвочку, вывернуло ей ножку. Поднялся я надъ селомъ, хотѣлъ отнести душу Богу, подхватилъ меня вѣтеръ, повисли у меня крылья, отвалились, и пошла душа одна къ Богу, а я упалъ у дороги на землю.

XI.

И поняли Семенъ съ Матреной, кого они одѣли и накормили и кто жилъ съ ними, и заплакали они отъ страха и радости.

И сказалъ ангелъ:

— Остался я одинъ въ полѣ и нагой. Не зналъ я прежде нужды людской, не зналъ ни холода, ни голода, и сталъ человѣкомъ. Проголодался, измерзъ и не зналъ, что̀ дѣлать. Увидалъ я—въ полѣ часовня для Бога сдѣлана, подошелъ къ Божьей часовнѣ, хотѣлъ въ ней укрыться. Часовня заперта была замкомъ и войти нельзя было. И сѣлъ я за часовней, чтобы укрыться отъ вѣтра. Пришелъ вечеръ, проголодался я и застылъ и изболѣлъ весь. Вдругъ слышу: идетъ человѣкъ по дорогѣ, несетъ сапоги, самъ съ собой говоритъ. И увидалъ я впервой смертное лицо человѣческое послѣ того, какъ сталъ человѣкомъ, и

страшно мнѣ стало это лицо, отвернулся я отъ него. И слышу я, что говоритъ самъ съ собой этотъ человѣкъ о томъ, какъ ему свое тѣло отъ стужи въ зиму прикрыть, какъ жену и дѣтей прокормить. И подумалъ: «я пропадаю отъ холода и голода, а вотъ идетъ человѣкъ, только о томъ и думаетъ, какъ себя съ женой шубой прикрыть и хлѣбомъ прокормить. Нельзя ему помочь мнѣ». Увидалъ меня человѣкъ, нахмурился, сталъ еще страшнѣе и прошелъ мимо. И отчаялся я. Вдругъ слышу, идетъ назадъ человѣкъ. Взглянулъ я и не узналъ прежняго человѣка: то въ лицѣ его была смерть, а теперь вдругъ сталъ живой, и въ лицѣ его я узналъ Бога. Подошелъ онъ ко мнѣ, одѣлъ меня, взялъ съ собой и повелъ къ себѣ въ домъ. Пришелъ я въ его домъ, вышла намъ навстрѣчу женщина и стала говорить. Женщина была еще страшнѣе человѣка—мертвый духъ шелъ у нея изо рта, и я не могъ продохнуть отъ смрада смерти. Она хотѣла выгнать меня на холодъ, и я зналъ, что умретъ она, если выгонитъ меня. И вдругъ мужъ ея напомнилъ ей о Богѣ, и женщина вдругъ перемѣнилась. И когда она подала намъ ужинать, а сама глядѣла на меня, я взглянулъ на нее — въ ней уже не было смерти, она была живая, и я и въ ней узналъ Бога.

И вспомнилъ я первое слово Бога: «узнаешь, что есть въ людяхъ». И я узналъ, что есть въ людяхъ любовь. И обрадовался я тому, что Богъ уже началъ открывать мнѣ то, что обѣщалъ, и улыбнулся въ первый разъ. Но всего не могъ я узнать еще. Не могъ я понять, чего не дано людямъ и чѣмъ люди живы.

Сталъ я жить у васъ и прожилъ годъ. И пріѣхалъ человѣкъ заказывать сапоги такіе, чтобы годъ носились, не поролись, не кривились. Я взглянулъ на него и вдругъ за плечами его увидалъ товарища своего, смертнаго ангела. Никто, кромѣ меня, не видалъ этого ангела, но я зналъ его и зналъ, что не зайдетъ еще солнце, какъ возьмется душа богача. И подумалъ я: «припасаетъ себѣ человѣкъ на годъ, а не знаетъ, что не будетъ живъ до вечера». И вспомнилъ я другое слово Бога: «узнаешь, чего не дано людямъ».

Что есть въ людяхъ, я уже зналъ. Теперь я узналъ, чего не дано людямъ. Не дано людямъ знать, чего имъ для своего тѣла нужно. И улыбнулся я въ другой разъ. Обрадовался я тому, что увидалъ товарища ангела, и тому, что Богъ мнѣ другое слово открылъ.

Но всего не могъ я понять. Не могъ еще я понять, чѣмъ люди живы. И все жилъ я и ждалъ, когда Богъ откроетъ мнѣ послѣднее слово. И на шестомъ году пришли дѣвочки-двойни съ женщиной, и узналъ я дѣвочекъ, и узналъ, какъ остались жи-

вы дѣвочки эти. Узналъ и подумалъ: «просила мать за дѣтей, и повѣрилъ я матери, — думалъ, что безъ отца, матери нельзя прожить дѣтямъ, а чужая женщина вскормила, взрастила ихъ». И когда умилилась женщина на чужихъ дѣтей и заплакала, я въ ней увидалъ живого Бога и понялъ, чѣмъ люди живы. И узналъ, что Богъ открылъ мнѣ послѣднее слово и простилъ меня, и улыбнулся я въ третій разъ.

XII.

И обнажилось тѣло ангела, и одѣлся онъ весь свѣтомъ, такъ что глазу нельзя смотрѣть на него; и заговорилъ онъ громче, какъ будто не изъ него, а съ неба шелъ его голосъ. И сказалъ ангелъ:

— Узналъ я, что живъ всякій человѣкъ не заботой о себѣ, а любовью.

Не дано было знать матери, чего ея дѣтямъ для жизни нужно. Не дано было знать богачу, чего ему самому нужно. И не дано знать ни одному человѣку — сапоги на живого или босовики ему же на мертваго къ вечеру нужны.

Остался я живъ, когда былъ человѣкомъ, не тѣмъ, что я самъ себя обдумалъ, а тѣмъ, что была любовь въ прохожемъ человѣкѣ и въ женѣ его и они пожалѣли и полюбили меня. Остались живы сироты не тѣмъ, что обдумали ихъ, а тѣмъ, что была любовь въ сердцѣ чужой женщины и она пожалѣла, полюбила ихъ. И живы всѣ люди не тѣмъ, что они сами себя обдумываютъ, а тѣмъ, что есть любовь въ людяхъ.

Зналъ я прежде, что Богъ далъ жизнь людямъ и хочетъ, чтобы они жили; теперь понялъ я еще и другое.

Я понялъ, что Богъ не хотѣлъ, чтобы люди врозь жили, и затѣмъ не открылъ имъ того, что каждому для себя нужно, а хотѣлъ, чтобъ они жили заодно, и затѣмъ открылъ имъ то, что̀ имъ всѣмъ для себя и для всѣхъ нужно.

Понялъ я теперь, что кажется только людямъ, что они заботой о себѣ живы, а что живы они одною любовью. Кто въ любви, тотъ въ Богѣ и Богъ въ немъ, потому что Богъ есть любовь.

И запѣлъ ангелъ хвалу Богу, и отъ голоса его затряслась изба. И раздвинулся потолокъ, и всталъ огненный столбъ отъ земли до неба. И попадали Семенъ съ женой и съ дѣтьми на землю. И распустились у ангела за спиной крылья, и поднялся онъ на небо.

И когда очнулся Семенъ, изба стояла попрежнему, и въ избѣ уже никого, кромѣ семейныхъ, не было.

1881 г.

УПУСТИШЬ ОГОНЬ — НЕ ПОТУШИШЬ.

Тогда Петръ приступилъ къ нему и сказалъ: Господи, сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ? (Матѳ. XVIII, 21).

Іисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ до семи, но до седмижды семидесяти разъ (22).

Посему царство небесное подобно царю, который захотѣлъ сосчитаться съ рабами своими (23).

Когда началъ онъ считаться, приведенъ былъ къ нему нѣкто, который долженъ былъ ему десять тысячъ талантовъ (24).

А какъ онъ не имѣлъ, чѣмъ заплатить, то государь его приказалъ продать его, и жену его, и дѣтей, и все, что онъ имѣлъ, и заплатить (25).

Тогда рабъ тотъ палъ и, кланяясь ему, говорилъ: государь! потерпи на мнѣ, я все тебѣ заплачу (26).

Государь, умилосердившись надъ рабомъ тѣмъ, отпустилъ его и долгъ простилъ ему (27).

Рабъ же тотъ, вышедши, нашелъ одного изъ товарищей своихъ, который долженъ былъ ему сто динаріевъ, и, схвативъ его, душилъ, говоря: отдай мнѣ что долженъ (28).

Тогда товарищъ его палъ къ ногамъ его, умолялъ его и говорилъ: потерпи на мнѣ и все отдамъ тебѣ (29).

Но тотъ не захотѣлъ, а пошелъ и посадилъ его въ темницу, пока не отдастъ долга (30).

Товарищи его, видѣвъ происшедшее, очень огорчились и, пришедши, разсказали государю своему все бывшее (31).

Тогда государь призываетъ его и говоритъ: злой рабъ! весь долгъ тотъ я простилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня (32).

Не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища твоего, какъ и я помиловалъ тебя? (33).

И, разгнѣвавшись, государь его отдалъ его истязателямъ, пока не отдастъ ему всего долга (34).

Такъ и Отецъ мой небесный поступитъ съ вами, если не проститъ каждый изъ васъ отъ сердца своего брату своему согрѣшеній его (35).

Жилъ въ деревнѣ крестьянинъ Иванъ Щербаковъ. Жилъ хорошо; самъ былъ въ полной силѣ, первый на селѣ работникъ, да три сына на ногахъ: одинъ женатый, другой женихъ, а третій, подростокъ, съ лошадьми ѣздилъ и пахать зачиналъ. Старуха Иванова была баба умная и хозяйственная, и сноха попалась смирная и работящая. Жить бы да жить Ивану съ семьей. Только нерабочихъ ртовъ во дворѣ и было, что одинъ старикъ - отецъ больной (отъ удушья седьмой годъ на печи лежалъ). Всего было довольно у Ивана — 3 лошади съ жеребенкомъ, корова съ подтелкомъ, 15 овецъ. Бабы обували, обшивали мужиковъ и въ полѣ работали; мужики крестьянствовали. Хлѣба своего за новину переходило. Овсомъ подати и нужду всю справляли. Жить бы да жить Ивану съ дѣтьми. Да дворъ

объ дворъ жилъ съ нимъ сосѣдъ Гаврило Хромой — Гордея Иванова сынъ. И завелась съ нимъ у Ивана вражда.

Пока старикъ Гордей живъ былъ и Ивана отецъ хозяйствовалъ, жили мужики по-сосѣдски. Понадобится сито бабамъ или ушатъ, понадобится мужикамъ веретье или колесо смѣнить до времени, посылаютъ изъ одного двора въ другой и по-сосѣдски помогаютъ другъ дружкѣ. Забѣжитъ теленокъ на гумно — сгонятъ и только скажутъ: не пускай, молъ, у насъ ворохъ не убранъ. А того, чтобы прятать да запирать на гумнѣ или въ сараѣ или клепать другъ на дружку, того и въ заводѣ не было.

Такъ жили при старикахъ. А стали хозяйствовать молодые — пошло другое.

Затѣялось все изъ пустого.

Занеслась у Ивановой снохи рано курочка. Стала молодайка собирать къ Святой яйца. Что ни день, то идетъ за яичкомъ подъ сарай въ телѣжный ящикъ. Только спугнули, видно, ребята курицу, и перелетѣла она черезъ плетень къ сосѣду и тамъ снесла. Слышитъ молодайка, кудахтаетъ курочка, — думаетъ: теперь недосугъ, убраться надо въ избѣ подъ праздникъ; ужотко зайду возьму. Пошла вечеромъ подъ сарай къ телѣжному ящику — нѣтъ яичка. Стала молодайка спрашивать свекровь, деверя, — не брали ли. Нѣтъ, говорятъ, не брали; а Тараска, деверь меньшой, говоритъ: твоя хохлатка на дворѣ у сосѣда снесла, тамъ кудахтала и оттуда прилетѣла. Посмотрѣла молодайка на свою хохлатку, сидитъ рядомъ съ пѣтухомъ на переметѣ, ужъ глаза завела, спать собралась. И спросила бы у ней, гдѣ снесла, да не отвѣтитъ, и пошла молодайка къ сосѣдямъ. Встрѣчаетъ ее старуха.

— Чего тебѣ, молодка, надо?

— Да что, говоритъ, баушка, моя курочка къ вамъ нынче перелетала, не снесла ли она яичка гдѣ?

— И видомъ не видали. У насъ свои, Богъ далъ, давно несутся. Мы своихъ собрали, а намъ чужихъ не надо. Мы, дѣвушка, по чужимъ дворамъ яйца собирать не ходимъ.

Обидно стало молодайкѣ, сказала слово лишнее, сосѣдка еще два, и стали бабы ругаться. Шла Иванова жена съ водой, тоже ввязалась. Выскочила Гаврилова хозяйка, стала сосѣдку укорять, помянула, что было, да и то, чего не было, приплела. И пошла трескотня. Всѣ вдругъ кричатъ, норовятъ по два слова вразъ выговорить. Да и слова-то все дурныя. Ты такая, ты сякая, да ты воровка, шлюха, ты и старика свекра моромъ моришь, ты безпоставочная.

— А ты побирушка, сито мое продрала! Да и коромысло-то у тебя наше, — давай коромысло!

Ухватились за коромысло, воду пролили, платки сорвали, стали драться. Подъѣхалъ съ поля Гаврило, вступился за свою бабу. Выскочилъ Иванъ съ сыномъ, свалились въ кучу. Иванъ мужикъ здоровый былъ, раскидалъ всѣхъ. Гаврилѣ клокъ бороды выдралъ. Сбѣжался народъ, насилу розняли.

Съ того началось.

Завернулъ Гаврило свой клокъ бороды въ грамотку и поѣхалъ въ волостное судиться.

— Я, говоритъ, не за тѣмъ ее растилъ, бороду-то, чтобъ мнѣ ее конопатый Ванька дралъ.

А жена его сосѣдямъ хвалится, что они теперь Ивана засудятъ, въ Сибирь сошлютъ. И пошла вражда.

Уговаривалъ ихъ съ печи старикъ еще съ перваго дня, да не послушали молодые. Говорилъ онъ имъ:

— Пустое вы, ребята, дѣлаете и изъ пустого дѣла заводите. Вѣдь подумайте, все дѣло у васъ изъ-за яйца завязалось. Подняли ребятишки яичко, ну и Богъ съ нимъ; въ одномъ яйцѣ корысти нисколько. У Бога про всѣхъ хватитъ. Ну, дурное слово сказала, а ты его поправь, научи, какъ лучше сказать. Ну, подрались — грѣшные люди. Бываетъ и это. Ну, подите, попроститесь, да крышка всему. А на зло пойдете — вамъ хуже будетъ.

Не послушали молодые старика, думали, что все это старикъ не къ дѣлу говоритъ, а только по-стариковски брюзжитъ.

Не покорился Иванъ сосѣду.

— Я, говоритъ, ему бороды не рвалъ, онъ ее самъ себѣ выщипалъ, а его сынъ мнѣ пельки оборвалъ и всю рубаху на мнѣ. Вотъ она.

И поѣхалъ Иванъ судиться. Судились они и у мирового и у волостного. Пока судились, пропалъ у Гаврилы изъ телѣги шкворень. Поклепали Гавриловы бабы этимъ шкворнемъ Иванова сына. — Мы, говорятъ, видѣли, какъ онъ ночью мимо окна къ телѣгѣ подходилъ, а кума сказывала, онъ въ кабакъ заѣзжалъ, тамъ кабашнику шкворнемъ набивался.

Опять стали судиться. А дома что ни день, то брань, а то и драка. И ребята бранятся, у старшихъ научаются, и бабы на рѣчкѣ сойдутся, не столько вальками бьютъ, сколько языками стрекочутъ, и все назло.

Сначала клепали мужики другъ на дружку, а потомъ и вправду, чуть что плохо лежитъ, стали и таскать. И такъ и бабъ и ребятъ пріучили. И стало житье ихъ все хуже и хуже. Суди-

лись Иванъ Щербаковъ съ Гаврилой Хромымъ и на сходкахъ, и въ волостномъ, и у мирового, такъ что и судьямъ всѣмъ надокучили; то Гаврило Ивана подъ штрафъ подведетъ или въ холодную, то Иванъ Гаврилу. И что больше они другъ дружкѣ пакостили, то больше злились. Собаки схватятся: что больше дерутся, то больше остервеняются. Собаку сзади бьютъ, а она думаетъ, что это ее та кусаетъ, и еще пуще зарится. Такъ и эти мужики: поѣдутъ судиться, ихъ накажутъ, того либо другого, штрафомъ или арестомъ, и за все это у нихъ другъ на дружку сердце разгорается. «Погоди жъ, молъ, я тебѣ все это выворочу». И шло такъ у нихъ дѣло шесть годовъ. Только старикъ на печи все одно говорилъ. Начнетъ, бывало, усовѣщивать:

— Что вы, ребята, дѣлаете? Бросьте вы всѣ счеты, дѣло не упускайте, а на людей не злобьтесь, лучше будетъ. А что больше злобитесь, то хуже.

Не слушаютъ старика.

Зашло дѣло на седьмомъ году о томъ, что на свадьбѣ стала сноха Иванова Гаврилу при народѣ срамить, стала его уличать, что онъ съ лошадьми попался. Былъ Гаврило пьяный, не сдержалъ своего сердца, ударилъ бабу и зашибъ такъ, что она недѣлю лежала, а баба тяжелая была. Обрадовался Иванъ, поѣхалъ съ прошеніемъ къ слѣдователю. Теперь, думаетъ, развяжусь я съ сосѣдомъ, не миновать ему острога или Сибири. Да опять не вышло Иваново дѣло. Не принялъ слѣдователь прошенія; освидѣтельствовали бабу; баба встала и знаковъ нѣтъ. Поѣхалъ Иванъ къ мировому, и тотъ переслалъ дѣло въ волостное. Сталъ Иванъ хлопотать въ волости, писарю со старшиной полведра сладкой пропоилъ и выхлопоталъ, что присудили высѣчь Гаврилѣ спину. Прочли Гаврилѣ на судѣ рѣшеніе.

Читаетъ писарь: «Судъ постановилъ: наказать крестьянина Гаврилу Гордеева 20-ю ударами розогъ при волостномъ правленіи». Слушаетъ и Иванъ рѣшеніе и глядитъ на Гаврилу: что отъ него теперь будетъ? Выслушалъ Гаврило, побѣлѣлъ какъ полотенце, повернулся, вышелъ въ сѣни. Вышелъ за нимъ Иванъ, хотѣлъ къ лошади, да услыхалъ, — говоритъ Гаврило:

— Ладно, говоритъ, онъ мою спину высѣчетъ, загорится она у меня, да и у него какъ бы больнѣе чего не загорѣлось.

Услыхалъ эти слова Иванъ, тотчасъ вернулся къ судьямъ.

— Судьи праведные! Онъ меня спалить грозитъ. Прислушайте, при свидѣтеляхъ сказалъ.

Позвали Гаврилу.

— Правда, ты говорилъ?

— Я ничего не говорилъ. Сѣките, коли ваша власть есть. Видно, мнѣ одному за мою правду страдать, а ему все можно.

Хотѣлъ еще что-то сказать Гаврило, да затряслись у него и губы и щеки. Отвернулся къ стѣнкѣ. Испугались даже судьи, глядя на Гаврилу. Какъ бы, думаютъ, онъ и впрямь чего худого надъ сосѣдомъ или надъ собой не сдѣлалъ.

И сталъ старичокъ-судья говорить:

— А вотъ что, братцы: сойдитесь-ка вы лучше добромъ. Ты, братъ Гаврило, развѣ хорошо сдѣлалъ — тяжелую бабу ударилъ? Вѣдь хорошо, Богъ помиловалъ, а то какой бы грѣхъ сдѣлалъ. Развѣ хорошо? Ты повинись да поклонись ему. А онъ проститъ. Мы это рѣшеніе перепишемъ.

Услыхалъ это писарь и говоритъ:

— Это нельзя, потому что на основаніи 117-й ст. миролюбивое соглашеніе не состоялось, а состоялось рѣшеніе суда, и рѣшеніе должно войти въ силу.

Но судья не послушалъ писаря.

— Будетъ, говоритъ, языкъ чесать-то. Первая статья, братъ, одна: Бога помнить надо, а помириться Богъ велѣлъ.

И сталъ судья опять уговаривать мужиковъ, да не уговорилъ. Не сталъ его Гаврило слушать.

Мнѣ, говоритъ, безъ году пятьдесятъ, у меня сынъ женатый, и битъ я отродясь не былъ, а теперь меня конопатый Ванька подъ розги привелъ, да я же ему поклонись! Ну, да будетъ... Попомнитъ меня и Ванька!

Задрожалъ опять голосъ у Гаврилы. Не могъ больше говорить. Повернулся и вышелъ.

Отъ волости до двора десять верстъ было, и вернулся Иванъ домой поздно. Ужъ бабы вышли скотину встрѣчать. Отпрягъ онъ лошадь, убрался и вошелъ въ избу. Въ избѣ никого не было. Ребята съ поля не ворочались, а бабы скотину встрѣчали. Вошелъ Иванъ, сѣлъ на лавку и задумался. Вспомнилъ онъ, какъ Гаврилѣ рѣшеніе объявили и какъ онъ побѣлѣлъ и къ стѣнѣ повернулся. И защемило ему сердце. Примѣрилъ онъ къ себѣ, кабы его высѣчь присудили. И жалко ему стало Гаврилы. И слышитъ онъ, закашлялся старикъ на печи, поворочался, спустилъ ноги и полѣзъ съ печи. Сползъ старикъ, протащился до лавки и сѣлъ. Уморился до лавки доползть, кашлялъ, кашлялъ, старикъ, откашлялся, оперся на столъ и говоритъ:

— Что жъ? присудили?

Иванъ говоритъ:

— Двадцать розгъ присудили.

Помоталъ головой старикъ.

— Худо, говоритъ, Иванъ, ты дѣлаешь. Охъ, худо! Не ему, себѣ худо дѣлаешь. Ну, выпорютъ ему спину, тебѣ-то полегчаетъ, что ли?

— Впередъ не будетъ,—сказалъ Иванъ.

— Чего не будетъ-то? Чѣмъ онъ хуже тебя дѣлаетъ?

— Какъ, чего онъ мнѣ сдѣлалъ?—заговорилъ Иванъ.—Онъ бабу бы до смерти убилъ, да онъ и теперь сжечь грозится. Что жъ ему кланяться за это?

Вздохнулъ старикъ и говоритъ:

— По всему ты, Иванъ, вольному свѣту ходишь и ѣздишь, а я на печи который годъ лежу, ты и думаешь, что ты все видишь, а я ничего не вижу. Нѣтъ, малый, тебѣ ничего не видно; тебѣ злоба глаза замстила. Чужіе - то грѣхи передъ собой, а свои за спиной. Что сказалъ: онъ худо дѣлаетъ! Кабы онъ одинъ худо дѣлалъ, зла бы не было. Развѣ зло промежъ людьми отъ одного заводится? Зло промежъ двоихъ. Его плохоту тебѣ видно, а свою не видать. Кабы онъ одинъ былъ золъ, а ты бы хорошъ, зла бы не было. Бороду-то ему кто выдралъ? Копну - то испольную кто поднялъ? По судамъ - то кто его волочилъ? А все на него воротишь. Самъ плохо живешь, оттого и худо. Не такъ я, братъ, жилъ и не тому васъ училъ. Мы съ старикомъ, съ отцомъ его, развѣ такъ жили? Мы жили какъ?—по-сусѣдски. У него мука дошла, придетъ баба:—дядя Флоръ, муки надо!—Иди, молъ, молодка, въ амбаръ, насыпай сколько надо. — У него некого съ лошадьми послать,—ступай, Ванятка, сведи его лошадей. — А у меня чего нехватка, иду къ нему.—Дядя Гордей, того-то, того-то надо. — Бери, дядя Флоръ!—Такъ у насъ шло. И вамъ житье легкое было. А теперь что? Вотъ намедни солдатъ про Плевну сказывалъ. Что жъ, у васъ теперь война хуже Плевны этой. Развѣ это житье? А грѣхъ-то! Ты мужикъ, ты хозяинъ въ дому. Съ тебя спросится. Ты чему своихъ бабъ да ребятъ учишь? Собачиться. Намедни Тараска—и тотъ, соплякъ, тетку Арину коститъ по-матери, а мать на него смѣется. Развѣ это добро? Вѣдь съ тебя спросится! Ты объ душѣ - то подумай. Развѣ такъ надо? Ты мнѣ слово—я два, ты мнѣ плюху—я тебѣ двѣ. Нѣтъ, милый, Христосъ по землѣ ходилъ, не тому насъ, дураковъ, училъ. Тебѣ слово, а ты смолчи,—его самого совѣсть обличитъ. Вотъ какъ Онъ насъ, Батюшка, училъ. Тебѣ плюху, а ты подъ другую подвернись: на, молъ, бей, коли я того стою. А его совѣсть и зазритъ. Онъ и смирится, и тебя послухаетъ. Такъ-то Онъ намъ приказывалъ, а не гордыбачить. Что жъ молчишь? Такъ ли я говорю?

Молчитъ Иванъ—слушаетъ.

Закашлялся старикъ, насилу отплевался, опять сталъ говорить:

— Ты думаешь, Христосъ-то насъ худому училъ? Вѣдь все для насъ же, для добра. Ты объ земномъ житьѣ-то своемъ подумай: что тебѣ лучше али хуже стало съ тѣхъ поръ, какъ эта Плевна у васъ завелась? Ты посчитай-ка, чтὸ ты провелъ добра на суды, чтὸ ты проѣздилъ да прохарчилъ? У тебя сыновья-то какіе орлы поднялись, тебѣ бы жить да жить, да въ гору идти, а у тебя достатокъ убывать сталъ. А отъ чего? Все отъ того. Отъ гордости отъ твоей. Тебѣ надо съ ребятами въ полѣ пахать да самому разсѣять, а тебя врагъ къ судьѣ али къ стракулисту какому гонитъ. Не во-время вспашешь, не во-время посѣешь, она, матушка, и не родитъ. Овесъ-то отчего нынѣ не родился? Ты когда сѣялъ? Изъ города пріѣхалъ. А что высудилъ? Себѣ на шею. Эхъ, малый, ты свое дѣло помни: ворочай съ ребятами на пашнѣ да въ дому, а обидѣлъ тебя кто, такъ ты по-Божьи прости, и по дѣлу-то вольготнѣе тебѣ будетъ, и на душѣ-то легость у тебя всегда будетъ.

Молчитъ Иванъ.

— Ты вотъ что, Ваня! Послушай ты меня, старика. Поди ты, запряги чалаго, поѣзжай ты тѣмъ же слѣдомъ въ правленіе, прикрой ты тамъ всѣ дѣла и поди ты на утро къ Гаврилѣ, попростись ты съ нимъ по-божески, да къ себѣ позови, завтра же праздникъ (дѣло было подъ Рождество Богородицы), поставь самоварчикъ, полштофъ возьми и развяжи ты всѣ грѣхи, чтобъ и впередъ ихъ не было, и бабамъ и дѣтямъ закажи.

Вздохнулъ и Иванъ, думаетъ: правду старикъ говоритъ, и отошло у него вовсе сердце. Только не знаетъ, какъ дѣло это сдѣлать, какъ помириться теперь.

И началъ опять старикъ, точно угадалъ.

— Поди, Ваня, не откладывай. Туши огонь въ началѣ, а разгорится—не захватишь.

Хотѣлъ еще что-то сказать старикъ, да не договорилъ: пришли бабы въ избу, защекотали какъ сороки. До нихъ уже всѣ вѣсти дошли: и какъ Гаврилу присудили розгами высѣчь, и какъ онъ сжечь грозился. Все узнали и своего приплели, и ужъ съ Гавриловыми бабами на выгонѣ опять побраниться успѣли. Стали разсказывать, какъ имъ Гаврилова сноха грозилась производителемъ. Производитель, молъ, Гаврилову руку тянетъ. Онъ теперь все дѣло перевернетъ, а учитель, молъ, ужъ другое прошеніе къ самому царю на Ивана писалъ, и въ прошеніи всѣ дѣла прописаны: и объ шкворнѣ, и объ огородѣ, и

половина усадьбы теперь къ нимъ перейдетъ. Послушалъ ихъ рѣчи Иванъ, и застыло у него опять сердце, и раздумалъ мириться съ Гаврилой.

У хозяина во дворѣ всегда дѣла много. Не сталъ съ бабами говорить Иванъ, а всталъ и пошелъ изъ избы, пошелъ на гумно и въ сарай. Пока убрался тамъ да вернулся во дворъ, ужъ и солнышко зашло; подъѣхали и ребята съ поля: они яровое подъ зиму надвоемъ пахали. Встрѣтилъ ихъ Иванъ, поразспросилъ про работу, подсобилъ убраться, отложилъ хомутъ разорванный починить, хотѣлъ еще убрать жерди подъ сарай, да ужъ вовсе смерклось. Оставилъ Иванъ жерди до завтра, а подкинулъ скотинѣ корму, отворилъ ворота, выпустилъ Тараску съ лошадьми на улицу ѣхать въ ночное и опять заперъ, заложилъ подворотню. «Теперь поужинать да и спать», подумалъ Иванъ, захватилъ хомутъ рваный и пошелъ въ избу. И забылъ онъ къ тому времени и про Гаврилу, и про то, что̀ отецъ говорилъ. Только взялся за кольцо, входитъ въ сѣни, слышитъ — изъ-за плетня ругается на кого-то сосѣдъ хриплымъ голосомъ. «На кой его дьявола! — кричитъ на кого-то Гаврило. — Убить его стоитъ!» Такъ и всплыло у Ивана отъ этихъ словъ все прежнее зло на сосѣда. Постоялъ онъ, послушалъ, покуда Гаврило ругался. Затихъ Гаврило, пошелъ и Иванъ въ избу. Вошелъ онъ въ избу, въ избѣ засвѣтили огонь; молодайка въ углу сидитъ за пряхой, старуха ужинать собираетъ, старшій сынъ оборки вьетъ на лапти, второй у стола сидитъ съ книжкой. Тараска въ ночное убирается.

Въ избѣ все хорошо, весело, кабы не зазноба эта—сосѣдъ лихой.

Вошелъ Иванъ сердитый, сбросилъ кошку съ лавки и бабъ разбранилъ, что у нихъ лохань не на мѣстѣ. И скучно стало Ивану; сѣлъ онъ, нахмурился и сталъ хомутъ чинить, и нейдутъ у него изъ головы Гавриловы слова, какъ онъ на судѣ погрозился и какъ сейчасъ прокричалъ хриплымъ голосомъ про кого-то: «убить его стоитъ!».

Собрала старуха Тараскѣ ужинать; поѣлъ онъ надѣлъ шубенку, кафтанъ, подпоясался, взялъ хлѣба и пошелъ на улицу къ лошадямъ. Хотѣлъ его старшій братъ проводить, да Иванъ самъ всталъ и вышелъ на крыльцо. На дворѣ ужъ вовсе темно, черно стало, наволокло, и поднялся вѣтеръ. Сошелъ Иванъ съ крыльца, посадилъ сынишку, пугнулъ за нимъ жеребенка и постоялъ, посмотрѣлъ, послушалъ, какъ поѣхалъ Тараска внизъ по деревнѣ, какъ съѣхался съ другими ребятами и какъ всѣ они выѣхали изъ слуха вонъ. Постоялъ, постоялъ Иванъ у во-

ротъ, и не выходятъ у него изъ головы Гавриловы слова: «какъ бы у тебя больнѣе не загорѣлось».

«И себя,—думаетъ Иванъ,—не пожалѣетъ. Сушь стоитъ, да еще вѣтеръ. Зайдетъ гдѣ съ задовъ, сунетъ огонь, да и былъ таковъ; сожжетъ, злодѣй, и да и правъ останется. Вотъ кабы накрыть его, ужъ не ушелъ бы!» И такъ запала эта Ивану думка въ голову, что не пошелъ онъ пазадъ на крыльцо, а прямо сошелъ на улицу и за ворота, за уголъ. «Дай обойду дворъ. Кто его знаетъ». И пошелъ Иванъ тихой ступней вдоль воротъ.

Только зашелъ онъ за уголъ, поглядѣлъ вдоль плетня, и покажись ему, что на томъ углу что-то мотнулось, какъ будто высунулось и опять спряталось за уголъ. Остановился Иванъ и притихъ, — слушаетъ и смотритъ: все тихо, только вѣтеръ листочки на лозинѣ треплетъ и по соломѣ шуршитъ. То было темно, хоть глазъ выткни, а то приглядѣлись глаза въ темнотѣ: и видитъ Иванъ весь уголъ, и соху и застрѣху. Постоялъ онъ, посмотрѣлъ: нѣтъ никого.

«Видно, померещилось,—подумалъ Иванъ,—а все-таки обойду», и пошелъ крадучись вдоль сарая. Ступаетъ Иванъ тихо, въ лаптяхъ, такъ что и самъ своихъ шаговъ не слышитъ. Дошелъ до угла—глядь, на томъ концѣ что-то блеснуло у сохи и опять скрылось. Такъ и ударило Ивана въ сердце, и остановился онъ. Только остановился онъ, на томъ же мѣстѣ вспыхнуло ярче, и явственно видно—сидитъ на корточкахъ къ нему спиной человѣкъ въ шапкѣ и соломы пучокъ въ рукахъ разжигаетъ. Забилось у Ивана сердце въ груди, какъ птица, и напружился онъ весь и зашагалъ большими шагами. Самъ подъ собой ногъ не слышитъ. «Ну, думаетъ, теперь не уйдетъ, на мѣстѣ захвачу!»

Не дошелъ Иванъ еще до двухъ прогалковъ, какъ вдругъ засвѣтилось ярко-ярко, да уже не на томъ мѣстѣ и не маленькій огонекъ, а полымемъ вспыхнула солома подъ застрѣхой и на крышу несетъ, и Гаврило стоитъ, и всего его видно.

Какъ ястребъ на жаворонка бросился Иванъ на Хромого. «Скручу, думаетъ, не уйдетъ теперь!» Да услыхалъ, видно, Хромой шаги, оглянулся и, откуда прыть взялась, заковылялъ, какъ заяцъ, вдоль сарая.

— Не уйдешь!—закричалъ Иванъ и налетѣлъ на него.

Только онъ хотѣлъ ухватить его за шиворотъ, вывернулся у него изъ-подъ рукъ Гаврило, и поймался Иванъ за полу. Пола оборвалась, и упалъ Иванъ. Вскочилъ Иванъ: «караулъ! держи!» и побѣжалъ опять.

Пока онъ поднимался, Гаврило уже былъ у своего двора, но и тутъ Иванъ настигъ его. И только хотѣлъ сцапать, какъ вдругъ оглушило его что-то по головѣ, какъ камнемъ ударило по темени: это Гаврило у двора поднялъ дубовый колъ и, когда Иванъ подбѣгалъ къ нему, со всего маху ударилъ его въ голову.

Очумѣлъ Иванъ, посыпались у него искры изъ глазъ, потомъ потемнѣло, и зашатался онъ. Когда онъ опомнился, Гаврилы не было; было свѣтло, какъ днемъ, и со стороны его двора, какъ машина шла, гудѣло и трещало что -то. Иванъ повернулся и увидалъ, что заднiй сарай его полыхалъ весь, боковой сарай захватило, и огонь, и дымъ, и оскретки соломы съ дымомъ гнало на избу.

— Что же это, братцы!—вскрикнулъ Иванъ, поднялъ руки и хлопнулъ ими себя по ляжкамъ. — Вѣдь мнѣ бы только выдернуть изъ застрѣхи да затоптать! Что же это, братцы! — повторилъ онъ. Хотѣлъ закричать—духъ захватило, голоса не было. Хотѣлъ бѣжать—ноги не двигались, одна за другую цѣплялась. Пошелъ шагомъ — зашатался, опять духъ захватило. Постоялъ, отдышался, опять пошелъ. Покуда онъ обошелъ сарай и дошелъ до пожара, боковой сарай весь полыхалъ, захватило уже и уголъ избы и ворота, и изъ избы валилъ огонь, и ходу во дворъ не было. Народу сбѣжалось много, но дѣлать нечего было. Сосѣди вытаскивали свое и сгоняли со дворовъ свою скотину. Послѣ Иванова занялся Гавриловъ дворъ, поднялся вѣтеръ, перекинуло черезъ улицу. Снесло половину деревни.

У Ивана только вытащили старика да сами повыскочили въ чемъ были, а то все осталось; кромѣ лошадей въ ночномъ, вся скотина сгорѣла, куры погорѣли на насѣстяхъ, телѣги, сохи, бороны, бабьи сундуки, хлѣбъ въ закромахъ, все—сгорѣло.

У Гаврилы скотину выгнали и кое-что повытаскали.

Горѣло долго, всю ночь. Иванъ стоялъ около своего двора, смотрѣлъ и только все приговаривалъ: «Что жъ это, братцы! только бы выхватить да затоптать». Но когда завалился потолокъ въ избѣ, онъ полѣзъ въ самый жаръ, ухватилъ обгорѣлое бревно и хотѣлъ тащить его. Бабы увидали его и стали звать назадъ, но онъ вытащилъ бревно и полѣзъ за другимъ, да пошатнулся и упалъ въ огонь. Тогда сынъ полѣзъ за нимъ и вытащилъ его. Опалилъ себѣ Иванъ и бороду и волосы, прожегъ платье и испортилъ руки, и ничего не чуялъ. «Это онъ съ горя одурѣлъ», говорилъ народъ. Сталъ пожаръ утихать, а Иванъ все стоялъ и только приговаривалъ: «Братцы, что жъ

это! только бы выхватить». Къ утру прислалъ за Иваномъ староста сына.

— Дядя Иванъ, твой родитель помираетъ, велѣлъ тебя звать проститься.

Забылъ Иванъ и про отца и не понялъ, что ему говорятъ.

— Какой, говоритъ, родитель? Кого звать?

— Велѣлъ тебя звать—проститься, онъ у насъ въ избѣ помираетъ. Пойдемъ, дядя Иванъ,—сказалъ старостинъ сынъ и потянулъ его за руку. Иванъ пошелъ за старостинымъ сыномъ.

Старика, когда выносили, окинуло соломой съ огнемъ и обожгло. Его снесли къ старостѣ на дальнюю слободу. Слобода эта не сгорѣла.

Когда Иванъ пришелъ къ отцу, въ избѣ была только одна старушка старостина и ребята на печкѣ. Всѣ были на пожарѣ. Старикъ лежалъ на лавкѣ со свѣчкой въ рукѣ и косился на дверь. Когда сынъ вошелъ, онъ зашевелился. Старуха подошла къ нему и сказала, что пришелъ сынъ. Онъ велѣлъ позвать его ближе. Иванъ подошелъ, и тогда старикъ заговорилъ:

— Что, Ванятка,—сказалъ онъ,—говорилъ я тебѣ? Кто сжегъ деревню?

— Онъ, батюшка, — сказалъ Иванъ,—онъ, я и засталъ его. При мнѣ онъ и огонь въ крышу сунулъ. Мнѣ бы только выхватить клокъ соломы съ огнемъ да затоптать, и ничего бы не было.

— Иванъ,—сказалъ старикъ. — Моя смерть пришла, и ты помирать будешь. Чей грѣхъ?

Иванъ уставился на отца и молчалъ, ничего не могъ выговорить.

— Передъ Богомъ говори: чей грѣхъ? Что я тебѣ говорилъ?

Тутъ только очнулся Иванъ и все понялъ. И засопѣлъ онъ носомъ и сказалъ:

— Мой, батюшка! — И палъ на колѣни передъ отцомъ, заплакалъ и сказалъ:—Прости меня, батюшка, виноватъ я передъ тобой и передъ Богомъ.

Старикъ подвигалъ руками, перехватилъ въ лѣвую руку свѣчку и потащилъ правую ко лбу, хотѣлъ перекреститься, да не дотащилъ и остановился.

— Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!—сказалъ онъ и скосилъ глаза опять на сына.

— Ванька! а Ванька!

— Что, батюшка?

— Что же надо дѣлать теперь?

Иванъ все плакалъ.

— Не знаю, батюшка, — сказалъ онъ.—Какъ теперь и жить, батюшка?

Закрылъ глаза старикъ, помулявилъ губами, какъ будто съ силами собирался, и опять открылъ глаза и сказалъ:

— Проживете. Съ Богомъ жить будете—проживете.—Помолчалъ еще старикъ, ухмыльнулся и сказалъ:

— Смотри жъ, Ваня, не сказывай, кто зажегъ. Чужой грѣхъ покрой, Богъ два проститъ.—И взялъ старикъ свѣчку въ обѣ руки, сложилъ ихъ подъ сердцемъ, вздохнулъ, потянулся и померъ.

Иванъ не сказалъ на Гаврилу, и никто и не узналъ, отъ чего былъ пожаръ.

И сошло у Ивана сердце на Гаврилу, и дивился Гаврило Ивану, что Иванъ на него никому не сказалъ. Сначала боялся его Гаврило, а потомъ и привыкъ. Перестали ссориться мужики, перестали и семейные. Пока строились, жили обѣ семьи въ одномъ дворѣ, а когда отстроилась деревня и дворы размѣстили шире, Иванъ съ Гаврилой остались опять сосѣдями, въ одномъ гнѣздѣ.

И жили Иванъ съ Гаврилой по-сосѣдски, такъ же, какъ жили старики. И помнитъ Иванъ Щербаковъ наказъ старика и Божье указанье, что тушить огонь надо въ началѣ.

И если ему кто худое сдѣлаетъ, норовитъ не другому за то выместить, а норовитъ, какъ дѣло поправить; а если ему кто худое слово скажетъ, норовитъ не то что еще злѣе отвѣтить, а какъ бы того научить, чтобы не говорить худого; и такъ и бабъ и ребятъ своихъ учитъ. И поправился Иванъ Щербаковъ и сталъ жить лучше прежняго.

1885 г.

ГДѢ ЛЮБОВЬ, ТАМЪ И БОГЪ.

Жилъ въ городѣ сапожникъ Мартынъ Авдеичъ. Жилъ онъ въ подвалѣ, въ горенкѣ объ одномъ окнѣ. Окно было на улицу. Въ окно видно было, какъ проходили люди; хоть видны были только ноги, но Мартынъ Авдеичъ по сапогамъ узнавалъ людей. Мартынъ Авдеичъ жилъ давно на одномъ мѣстѣ, и знакомства много было. Рѣдкая пара сапогъ въ околоткѣ не побывала и разъ и два у него въ рукахъ. На какіе подметки подкинетъ, на какіе латки положитъ, какіе обошьетъ, а въ другой разъ и новыя головки сдѣлаетъ. И часто въ окно онъ видалъ свою работу. Работы было много, потому что работалъ Авдеичъ прочно, товаръ ставилъ хорошій, лишняго не бралъ и слово держалъ. Если можетъ къ сроку сдѣлать—возьмется, а нѣтъ—такъ и обманывать не станетъ, впередъ говоритъ. И знали всѣ Авдеича, и у него не переводилась работа.

Авдеичъ и всегда былъ человѣкъ хорошій, но подъ старость сталъ онъ больше о душѣ своей думать и больше къ Богу приближаться. Еще когда Мартынъ у хозяина жилъ, померла у него жена. И остался послѣ жены одинъ мальчикъ трехъ годовъ. Дѣти у нихъ не жили. Старшія всѣ прежде померли. Хотѣлъ сначала Мартынъ сынишку сестрѣ въ деревню отдать, потомъ пожалѣлъ—подумалъ: тяжело будетъ Капитошкѣ моему въ чужой семьѣ расти, оставлю его при себѣ.

И отошелъ Авдеичъ отъ хозяина и сталъ съ сынишкой на квартирѣ жить. Да не далъ Богъ Авдеичу въ дѣтяхъ счастья. Только подросъ мальчикъ, сталъ отцу помогать, только бы на него радоваться, напала на Капитошку болѣзнь, слегъ мальчикъ, погорѣлъ недѣльку и померъ. Схоронилъ Мартынъ сына и отчаялся. Такъ отчаялся, что сталъ на Бога роптать. Скука такая нашла на Мартына, что не разъ просилъ у Бога смерти и укорялъ Бога за то, что Онъ не его, старика, прибралъ, а любимаго единственнаго сына. Пересталъ Авдеичъ и въ церковь ходить.

И вотъ зашелъ разъ къ Авдеичу отъ Троицы землякъ-старичокъ—ужъ восьмой годъ странствовалъ. Разговорился съ нимъ Авдеичъ и сталъ ему на своё горе жаловаться:

— И жить, говоритъ, Божій человѣкъ, больше не охота. Только бы помереть. Объ одномъ Бога прошу. Безнадежный я остался теперь человѣкъ.

И сказалъ ему старичокъ:

— Нехорошо ты говоришь, Мартынъ, намъ нельзя Божьи дѣла судить. Не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ. Твоему сыну судилъ Богъ помереть, а тебѣ—жить. Значитъ, такъ лучше. А что отчаиваешься, такъ это оттого, что ты для своей радости жить хочешь.

— А для чего же жить-то? — спросилъ Мартынъ.

И старичокъ сказалъ: «Для Бога, Мартынъ, жить надо. Онъ тебѣ жизнь даетъ, для Него и жить надо. Когда для Него жить станешь, ни о чемъ тужить не станешь, и все тебѣ легко покажется».

Помолчалъ Мартынъ и говоритъ: «А какъ же для Бога жить-то?»

И сказалъ старичокъ: «А жить какъ для Бога, то намъ Христосъ показалъ. Ты грамотѣ знаешь? Купи Ева́нгеліе и читай, тамъ узнаешь, какъ для Бога жить. Тамъ все показано».

И запали эти слова въ сердце Авдеичу, и пошелъ онъ въ тотъ же день, купилъ себѣ Новый завѣтъ крупной печати и сталъ читать.

Хотѣлъ Авдеичъ читать только по праздникамъ, да какъ началъ читать, такъ ему на душѣ хорошо стало, что сталъ каждый день читать. Другой разъ такъ зачитается, что въ лампѣ весь керосинъ выгоритъ, и все отъ книги оторваться не можетъ. И сталъ такъ читать Авдеичъ каждый вечеръ. И что больше читалъ, то яснѣе понималъ, чего отъ него Богъ хочетъ и какъ надо для Бога жить; и все легче и легче ему становилось на сердцѣ. Бывало прежде, спать ложится, охаетъ онъ и крехчетъ и все про Капитошку вспоминаетъ, а теперь только приговариваетъ: «Слава Тебѣ, слава Тебѣ, Господи! Твоя воля!»

И съ той поры перемѣнилась вся жизнь Авдеича. Бывало прежде, праздничнымъ дѣломъ захаживалъ и онъ въ трактиръ чайку попить, да и отъ водочки не отказывался. Выпьетъ, бывало, съ знакомымъ человѣкомъ, и хоть не пьянъ, а все-таки выходилъ изъ трактира навеселѣ и гова́ривалъ пустое: и окрикнетъ и оговоритъ человѣка. Теперь все это само отошло отъ него. Жизнь стала его тихая и радостная. Съ утра садится за

работу, отработаетъ свое время, сниметъ лампочку съ крючка, поставитъ на столъ, достанетъ съ полки книгу, разложитъ и сядетъ читать. И что больше читаетъ, то больше понимаетъ, и то яснѣе и веселѣе на сердцѣ.

Случилось разъ, поздно зачитался Мартынъ. Читалъ онъ Евангеліе отъ Луки. Прочелъ онъ главу шестую, прочелъ онъ стихи: «Ударившему тебя по щекѣ подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому просящему у тебя давай и отъ взявшаго твое не требуй назадъ. И какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними». Прочелъ и дальше тѣ стихи, гдѣ Господь говоритъ:

«Что вы зовете Меня: Господи! Господи! и не дѣлаете того, что Я говорю? Всякій, приходящій ко Мнѣ, слушающій слова Мои и исполняющій ихъ, скажу вамъ, кому подобенъ. Онъ подобенъ человѣку, строящему домъ, который копалъ, углубился и положилъ основаніе на камнѣ, почему, когда случилось наводненіе и вода наперла на этотъ домъ, то не могла поколебать его, потому что онъ основанъ былъ на камнѣ. А слушающій и не исполняющій подобенъ человѣку, построившему домъ на землѣ безъ основанія, который, когда наперла на него вода, тотчасъ обрушился; и разрушеніе дома сего было великое».

Прочиталъ эти слова Авдеичъ, и радостно ему стало на душѣ. Снялъ онъ очки, положилъ на книгу, облокотился на столъ и задумался. И сталъ онъ примѣрять свою жизнь къ словамъ этимъ. И думаетъ самъ съ собой:

«Что мой домъ—на камнѣ или на пескѣ? Хорошо, какъ на камнѣ. И легко такъ-то, одинъ сидишь, кажется, все и сдѣлалъ, какъ Богъ велитъ, а разсѣешься и опять согрѣшишь. Все жъ буду тянуться. Ужъ хорошо очень! Помоги мнѣ, Господи!»

Подумалъ онъ такъ, хотѣлъ ложиться, да жаль было оторваться отъ книги. И сталъ читать еще 7-ю главу. Прочелъ онъ про сотника, прочелъ про сына вдовы, прочелъ про отвѣтъ ученикамъ Іоанновымъ и дошелъ до того мѣста, гдѣ богатый фарисей позвалъ Господа къ себѣ въ гости; и прочелъ о томъ, какъ женщина-грѣшница помазала Ему ноги и омывала ихъ слезами, и какъ Онъ оправдалъ ее. И дошелъ онъ до 44-го стиха и сталъ читать:

«И, обратившись къ женщинѣ, сказалъ Симону: видишь ли ты сію женщину? Я пришелъ въ домъ твой, и ты воды Мнѣ на ноги не далъ; а она слезами облила Мнѣ ноги и волосами головы своей отерла. Ты лобзанія Мнѣ не далъ, а она съ тѣхъ поръ, какъ Я пришелъ, не перестаетъ цѣловать у Меня ноги.

Ты головы Мнѣ масломъ не помазалъ, а она мѵромъ помазала Мнѣ ноги». Прочелъ онъ эти стихи и думаетъ: «*Воды на ноги не далъ, цѣлованія не далъ, головы масломъ не помазалъ*»...

И опять снялъ очки Авдеичъ, положилъ на книгу и опять задумался.

«Такой же, видно, какъ я, фарисей-то былъ... Тоже, я чай, только о себѣ помнилъ. Какъ бы чайку напиться, да въ теплѣ, да въ холѣ, а нѣтъ того, чтобы о гостѣ подумать. О себѣ помнилъ, а о гостѣ и заботушки нѣтъ. А гость-то кто? Самъ Господь. Кабы ко мнѣ пришелъ, развѣ я такъ бы сдѣлалъ?»

И облокотился на обѣ руки Авдеичъ и не видалъ, какъ задремалъ.

— Мартынъ!—вдругъ какъ задышало что-то у него надъ ухомъ.

Встрепенулся Мартынъ спросонокъ: «Кто тутъ?»

Повернулся онъ, взглянулъ на дверь—никого. Прикурнулъ онъ опять. Вдругъ явственно слышитъ:

— Мартынъ, а Мартынъ! смотри завтра на улицу, приду.

Очнулся Мартынъ, поднялся со стула, сталъ протирать глаза. И не знаетъ самъ—во снѣ или наяву слышалъ онъ слова эти. Завернулъ онъ лампу и легъ спать.

На утро до свѣта поднялся Авдеичъ, помолился Богу, истопилъ печку, поставилъ щи, кашу, развелъ самоваръ, надѣлъ фартукъ и сѣлъ къ окну работать. Сидитъ Авдеичъ, работаетъ, а самъ все про вчерашнее думаетъ. И думаетъ надвое: то думаетъ — померещилось, а то думаетъ, что и вправду слышалъ онъ голосъ. «Что жъ, думаетъ, бывало и это».

Сидитъ Мартынъ у окна и столько не работаетъ, сколько въ окно смотритъ, и какъ пройдетъ кто въ незнакомыхъ сапогахъ, изогнется, выглядываетъ изъ окна, чтобы не однѣ ноги, а и лицо увидать. Прошелъ дворникъ въ новыхъ валенкахъ, прошелъ водовозъ, потомъ поровнялся съ окномъ старый солдатъ Николаевскій въ обшитыхъ старыхъ валенкахъ съ лопатой въ рукахъ. По валенкамъ узналъ его Авдеичъ. Старика звали Степанычемъ, и жилъ онъ у сосѣдняго купца изъ милости. Положена ему была должность дворнику помогать. Сталъ противъ Авдеичева окна Степанычъ очищать снѣгъ. Посмотрѣлъ на него Авдеичъ и опять взялся за работу.

«Вишь, одурѣлъ, видно, я со старости, — самъ на себя посмѣялся Авдеичъ.—Степанычъ снѣгъ чиститъ, а я думаю, Христосъ ко мнѣ идетъ. Совсѣмъ одурѣлъ, старый хрычъ». Однако стежковъ десятокъ сдѣлалъ Авдеичъ, опять тянетъ его въ окно

посмотрѣть. Посмотрѣлъ опять въ окно, видитъ — Степанычъ прислонилъ лопату къ стѣнѣ и самъ не то грѣется, не то отдыхаетъ.

Человѣкъ старый, ломаный, видно, и снѣгъ-то сгребать силы нѣтъ. Подумалъ Авдеичъ: «напоить его развѣ чайкомъ? кстати и самоваръ уходить хочетъ». Воткнулъ Авдеичъ шило, всталъ, поставилъ на столъ самоваръ, залилъ чай и постучалъ пальцемъ въ стекло. Степанычъ обернулся и подошелъ къ окну. Авдеичъ поманилъ его и пошелъ отворить дверь.

— Войди, погрѣйся, что ль,—сказалъ онъ.—Озябъ, чай?

— Спаси Христосъ, и то кости ломятъ,—сказалъ Степанычъ. Вошелъ Степанычъ, отряхнулся отъ снѣга, сталъ ноги вытирать, чтобы не наслѣдить по полу, а самъ шатается.

— Не трудись вытирать. Я подотру, наше дѣло такое. Проходи, садись!—сказалъ Авдеичъ.—Вотъ чайку выпей.

И Авдеичъ налилъ два стакана и подвинулъ одинъ гостю, а самъ вылилъ свой на блюдечко и сталъ дуть.

Выпилъ Степанычъ свой стаканъ, перевернулъ дномъ кверху и на него положилъ огрызокъ и сталъ благодарить. А самому, видно, еще хочется.

— Кушай еще, — сказалъ Авдеичъ и налилъ еще стаканъ и себѣ и гостю. Пьетъ Авдеичъ свой чай, а самъ нѣтъ-нѣтъ на улицу поглядываетъ.

— Али ждешь кого? — спросилъ гость.

— Жду кого? И сказать совѣстно, кого жду. Жду, не жду, а запало мнѣ въ сердце слово одно. Видѣнье или такъ, самъ не знаю. Видишь ли, братецъ ты мой: читалъ я вчера Евангеліе про Христа Батюшку, какъ Онъ страдалъ, какъ по землѣ ходилъ. Слыхалъ ты, я чай?

— Слыхать слыхалъ, — отвѣчалъ Степанычъ, — да мы люди темные, грамотѣ не знаемъ.

— Ну вотъ, читалъ я про самое то, какъ Онъ по землѣ ходилъ. Читаю я, знаешь, какъ Онъ къ фарисею пришелъ, а тотъ Ему встрѣчи не сдѣлалъ. Ну такъ вотъ, читалъ, братецъ ты мой, я вчера про это самое и подумалъ: какъ Христа Батюшку честь-честью не принялъ! Доведись, къ примѣру, мнѣ или кому, думаю, и не зналъ бы, какъ принялъ. А онъ и пріему не сдѣлалъ! Вотъ подумалъ я такъ-то и задремалъ. Задремалъ я, братецъ ты мой, слышу, по имени кличетъ: поднялся я — голосъ, ровно шепчетъ кто-то: жди, говоритъ, завтра приду. Да до двухъ разъ. Ну вотъ, вѣришь ли, запало мнѣ это въ голову, самъ себя браню и все жду Его Батюшку.

Степанычъ покачалъ головой и ничего не сказалъ, а допилъ стаканъ и положилъ его бокомъ, но Авдеичъ опять поднялъ стаканъ, налилъ еще.

— Кушай на здоровье! Вѣдь тоже, думаю, когда Онъ, Батюшка, по землѣ ходилъ, не брезговалъ никѣмъ, а съ простымъ народомъ больше водился. Все по простымъ ходилъ, учениковъ-то набиралъ все больше изъ нашего брата, такихъ же, какъ мы грѣшные, изъ рабочихъ. Кто, говоритъ, возвышается, тотъ унизится, а кто унижается, тотъ возвысится. Вы Меня, говоритъ, Господомъ называете, а Я, говоритъ, вамъ ноги умою. Кто хочетъ, говоритъ, быть первымъ, тотъ будь всѣмъ слуга. Потому что, говоритъ, блаженны нищіе, смиренные, кроткіе, милостивые.

Забылъ свой чай Степанычъ. Человѣкъ онъ былъ старый и мягкослезый; сидитъ, слушаетъ, а по лицу слезы катятся.

— Ну, кушай еще, — сказалъ Авдеичъ. Но Степанычъ перекрестился, поблагодарилъ, отодвинулъ стаканъ и всталъ.

— Спасибо тебѣ, говоритъ, Мартынъ Авдеичъ, угостилъ ты меня, и душу и тѣло насытилъ.

— Милости просимъ, заходи другой разъ, радъ гостю, — сказалъ Авдеичъ.

Степанычъ ушелъ, а Мартынъ слилъ послѣдній чай, допилъ, убралъ посуду и опять сѣлъ къ окну за работу — строчить задникъ. Строчитъ, а самъ все поглядываетъ въ окно — Христа ждетъ, все о Немъ и о Его дѣлахъ думаетъ. И въ головѣ у него все Христовы рѣчи разныя.

Прошли мимо два солдата, одинъ въ казенныхъ, другой въ своихъ сапогахъ; прошелъ потомъ въ чищеныхъ калошахъ хозяинъ изъ сосѣдняго дома; прошелъ булочникъ съ корзиной. Всѣ мимо прошли, и вотъ поровнялась еще съ окномъ женщина въ шерстяныхъ чулкахъ и деревенскихъ башмакахъ. Прошла она мимо окна и остановилась у простѣнка. Заглянулъ на нее изъ-подъ окна Авдеичъ, видитъ—женщина чужая, одѣта плохо и съ ребенкомъ, стала у стѣны къ вѣтру спиной и укутываетъ ребенка, а окутывать не во что. Одежа на женщинѣ лѣтняя да и плохая. И изъ-за рамы слышитъ Авдеичъ, ребенокъ кричитъ, а она его уговариваетъ, никакъ уговорить не можетъ. Всталъ Авдеичъ, вышелъ въ дверь и на лѣстницу и крикнулъ: «умница! а умница!» Женщина услыхала и обернулась.

— Что же такъ на холоду съ ребенкомъ стоишь? Заходи въ горницу, въ теплѣ-то лучше уберешь его. Сюда вотъ!

Удивилась женщина. Видитъ — старикъ старый въ фартукѣ, очки на носу, зоветъ къ себѣ. Пошла за нимъ.

Спустились подъ лѣстницу, вошли въ горницу, провелъ старикъ женщину къ кровати.

— Сюда, говоритъ, садись, умница, къ печкѣ ближе, — погрѣешься и покормишь младенца-то.

— Молока-то въ грудяхъ нѣтъ, сама съ утра не ѣла, — сказала женщина, а все-таки взяла къ груди ребенка.

Покачалъ головой Авдеичъ, пошелъ къ столу, досталъ хлѣба, чашку, открылъ въ печи заслонку, налилъ въ чашку щей. Вынулъ горшокъ съ кашей, да не упрѣла еще; налилъ однѣхъ щей и поставилъ на столъ. Досталъ хлѣба, снялъ съ крючка утирку и на столъ положилъ.

— Садись, говоритъ, покушай, умница, а съ младенцемъ я посижу, вѣдь у меня свои дѣти были,—умѣю съ ними няньчиться.

Перекрестилась женщина, сѣла къ столу и стала ѣсть, а Авдеичъ присѣлъ на кровать къ ребенку. Чмокалъ, чмокалъ ему Авдеичъ губами, да плохо чмокается — зубовъ нѣту. Все кричитъ ребеночекъ. И придумалъ Авдеичъ его пальцемъ пугать: замахнется-замахнется на него пальцемъ прямо ко рту и прочь отниметъ. Въ ротъ не даетъ, потому палецъ черный, въ вару запачканъ. И засмотрѣлся ребеночекъ на палецъ и затихъ, а потомъ и смѣяться сталъ. И обрадовался и Авдеичъ. А женщина ѣстъ, а сама разсказываетъ, кто она и куда ходила.

— Я, говоритъ, солдатка, мужа 8-й мѣсяцъ угнали далеко и слуху нѣтъ. Жила въ кухаркахъ, родила. Съ ребенкомъ не стали держать. Вотъ третій мѣсяцъ бьюсь безъ мѣста. Проѣла все съ себя. Хотѣла въ кормилицы—не берутъ: худа, говорятъ. Ходила вотъ къ купчихѣ, тамъ наша бабочка живетъ, такъ обѣщали взять. Я думала совсѣмъ, а она велѣла на той недѣлѣ приходить. А живетъ далеко. Изморилась и его сердечнаго замучила. Спасибо, хозяйка жалѣетъ насъ за ради Христа на квартирѣ. А то бы и не знала, какъ прожить.

Вздохнулъ Авдеичъ и говоритъ:

— А одежи-то теплой али нѣтъ?

— Пора тутъ, родной, теплой одежѣ быть! Вчера платокъ послѣдній за двугривенный заложила.

Подошла женщина къ кровати и взяла ребенка, а Авдеичъ всталъ и пошелъ къ стѣнкѣ, порылся, принесъ старую поддевку.

— На, говоритъ, хоть и плохая штука, а все пригодится завернуть.

Посмотрѣла женщина на поддевку, посмотрѣла на старика, взяла поддевку и заплакала. Отвернулся и Авдеичъ; полѣзъ подъ кровать, выдвинулъ сундучокъ, покопался въ немъ и сѣлъ опять противъ женщины.

И сказала женщина:

— Спаси тебя Христосъ, дѣдушка. Наслалъ, видно, Онъ меня подъ твое окно. Заморозила бы я дѣтище. Вышла я, тепло было, а теперь вотъ какъ студено завернуло. И наставилъ же Онъ, Батюшка, тебя въ окно поглядѣть и меня горькую пожалѣть!

Усмѣхнулся Авдеичъ и говоритъ: «И то Онъ наставилъ. Въ окно-то я, умница, не спроста гляжу».

И разсказалъ Мартынъ и солдаткѣ свой сонъ, и какъ онъ голосъ слышалъ, что обѣщался нынѣшній день Господь придти къ нему.

— Все можетъ быть, — сказала женщина, встала, накинула поддевку, завернула въ нее дѣтище и стала кланяться, стала опять благодарить Авдеича:

— Прими ради Христа,—сказалъ Авдеичъ и подалъ ей двугривенный—платокъ выкупить. Перекрестилась женщина, перекрестился Авдеичъ и проводилъ женщину.

Ушла женщина; поѣлъ Авдеичъ щей, убрался и сѣлъ опять работать. Самъ работаетъ, а окно помнитъ — какъ потемнѣетъ въ окнѣ, сейчасъ взглядываетъ, кто прошелъ. Проходили и знакомые, проходили и чужіе, и не было никого особеннаго.

И вотъ видитъ Авдеичъ, противъ самаго его окна остановилась старуха-торговка. Несетъ лукошко съ яблоками. Немного уже осталось, видно, всѣ распродала, а черезъ плечо держитъ мѣшокъ щепокъ. Набрала, должно быть, гдѣ на постройкѣ, къ дому идетъ. Да, видно, оттянулъ ей плечо мѣшокъ; захотѣла на другое плечо переложить, спустила она мѣшокъ на панель, поставила лукошко съ яблоками на столбикѣ и стала щепки въ мѣшкѣ утрясать. И пока утрясала она мѣшокъ, откуда ни возьмись, вывернулся мальчишка въ картузѣ рваномъ, схватилъ изъ лукошка яблоко и хотѣлъ проскользнуть, да смѣтила старуха, повернулась и сцапала малаго за рукавъ. Забился мальчишка, хотѣлъ вырваться, да старуха ухватила его обѣими руками, сбила съ него картузъ и поймала за волосы. Кричитъ мальчишка, ругается старуха. Не поспѣлъ Авдеичъ шила воткнуть, бросилъ на полъ, выскочилъ въ дверь, даже на лѣстницѣ споткнулся и очки уронилъ. Выбѣжалъ Авдеичъ на улицу; старуха малаго треплетъ за вихры и ругаетъ, къ городовому вести хочетъ; малый отбивается и отпирается: «я, говоритъ, не бралъ, за что бьешь, пусти!» Сталъ ихъ Авдеичъ разнимать, взялъ мальчика за руку и говоритъ:

— Пусти его, бабушка, прости его ради Христа!

— Я его такъ прощу, что онъ до новыхъ вѣниковъ не забудетъ! Въ полицію шельмеца сведу!

Сталъ Авдеичъ упрашивать старуху:

— Пусти, говоритъ, бабушка, онъ впередъ не будетъ. Пусти ради Христа!

Пустила его старуха, хотѣлъ мальчикъ бѣжать, но Авдеичъ придержалъ его.

— Проси, говоритъ, у бабушки прощенья! И впередъ не дѣлай; я видѣлъ, какъ ты взялъ.

Заплакалъ мальчикъ, сталъ просить прощенья.

— Ну вотъ такъ. А теперь яблоко на вотъ тебѣ. — И Авдеичъ взялъ изъ лукошка и далъ мальчику. — Заплачу, бабушка, — сказалъ онъ старухѣ.

— Набалуешь ты ихъ такъ, сорванцовъ, — сказала старуха. — Его такъ наградить надо, чтобъ онъ недѣлю этого не забылъ.

— Эхъ, бабушка, бабушка, — сказалъ Авдеичъ. — По-нашему-то такъ, а по-Божьему не такъ. Коли его за яблоко высѣчь надо, такъ съ нами-то за наши грѣхи что сдѣлать надо.

Замолчала старуха.

И разсказалъ Авдеичъ старухѣ притчу о томъ, какъ хозяинъ простилъ оброчнику весь большой долгъ его, а оброчникъ пошелъ и сталъ душить своего должника. Выслушала старуха, и мальчикъ стоялъ, слушалъ.

— Богъ велѣлъ прощать, — сказалъ Авдеичъ, — а то и намъ не простится. Всѣмъ прощать, а несмысленному поготово.

Покачала головой старуха, вздохнула.

— Такъ-то такъ,—сказала старуха,—да ужъ очень набаловались они.

— Такъ намъ, старикамъ, и учить ихъ, — сказалъ Авдеичъ.

— Такъ и я говорю,—сказала старуха.—У меня самой ихъ семеро было, одна дочь осталась.—И стала старуха разсказывать, гдѣ и какъ она живетъ у дочери и сколько у ней внучатъ.— Вотъ, говоритъ, сила моя ужъ какая, а тружусь. Ребятъ-внучатъ жалко, да и хороши внучата-то: никто меня не встрѣтитъ, какъ они. Аксютка — такъ та ни къ кому и не пойдетъ отъ меня. «Бабушка, милая бабушка, сердечная!..»

И совсѣмъ размякла старуха.

— Извѣстно, дѣло ребячье. Богъ съ нимъ, — сказала старуха на мальчика.

Только хотѣла старуха поднимать мѣшокъ на плечи, подскочилъ мальчикъ и говоритъ:

— Дай я снесу, бабушка: мнѣ по дорогѣ.

Старуха покачала головой и взвалила мѣшокъ на мальчика.

И пошли они рядомъ по улицѣ. И забыла старуха спросить у Авдеича деньги за яблоко. Авдеичъ стоялъ и все смотрѣлъ на нихъ и слушалъ, какъ они шли и что-то все говорили.

Проводилъ ихъ Авдеичъ и вернулся къ себѣ, нашелъ очки на лѣстницѣ, и не разбились, поднялъ шило и сѣлъ опять за работу. Поработалъ немного, да ужъ сталъ щетинкой не попадать, и видитъ, фонарщикъ прошелъ фонари зажигать. «Видно, надо огонь засвѣчать», подумалъ онъ; заправилъ лампочку, повѣсилъ и опять принялся работать. Докончилъ одинъ сапогъ совсѣмъ; повертѣлъ, посмотрѣлъ—хорошо. Сложилъ струментъ, смелъ обрѣзки, убралъ щетинки и концы и шилья, взялъ лампу, поставилъ ее на столъ и досталъ съ полки Евангеліе. Хотѣлъ онъ раскрыть книгу на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вчера обрѣзкомъ сафьяна заложилъ, да раскрылось въ другомъ мѣстѣ. И какъ раскрылъ Авдеичъ Евангеліе, такъ вспомнился ему вчерашній сонъ. И только онъ вспомнилъ, какъ вдругъ послышалось ему, какъ будто кто-то шевелится, ногами переступаетъ сзади его. Оглянулся Авдеичъ и видитъ: стоятъ точно люди въ темномъ углу, стоятъ люди, а не можетъ разобрать, кто такіе. И шепчетъ ему на ухо голосъ:

— Мартынъ, а Мартынъ, или ты не узналъ Меня?

— Кого? — проговорилъ Авдеичъ.

— Меня, — сказалъ голосъ. — Вѣдь это Я.

И выступилъ изъ темнаго угла Степанычъ, улыбнулся и какъ облачко разошелся, и не стало его...

— И это Я,—сказалъ голосъ. И выступила изъ темнаго угла женщина съ ребеночкомъ, и улыбнулась женщина, и засмѣялся ребеночекъ, и тоже пропали.

— И это Я,—сказалъ голосъ. Выступила старуха и мальчикъ съ яблокомъ, и оба улыбнулись и тоже пропали.

И радостно стало на душѣ Авдеича. Перекрестился онъ, надѣлъ очки и сталъ читать Евангеліе тамъ, гдѣ открылось. И наверху страницы онъ прочелъ:

«Ибо взалкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть, жаждалъ, и вы напоили Меня, былъ странникомъ, и вы приняли Меня...»

И внизу страницы прочелъ еще:

«Такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ» (Матѳея 25 глава).

И понялъ Авдеичъ, что не обманулъ его сонъ, что точно приходилъ къ нему въ этотъ день Спаситель его и что точно онъ принялъ Его.

1885 г.

СВѢЧКА.

Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противься злому (Мѳ. V, 38, 39).

Было это дѣло при господахъ. Всякіе были господа. Были такіе, что смертный часъ и Бога помнили и жалѣли людей, и были собаки, не тѣмъ будь помянуты. Но хуже не было начальниковъ какъ изъ крѣпостныхъ, какъ изъ грязи да попали въ князи! И отъ нихъ-то хуже всего житье было.

Завелся такой приказчикъ въ господскомъ имѣніи. Крестьяне были на барщинѣ. Земли было много, и земля была добрая; и воды, и луга, и лѣса, всего бы всѣмъ достало — и барину и мужикамъ, да поставилъ баринъ приказчикомъ своего двороваго изъ другой вотчины.

Забралъ приказчикъ власть и сѣлъ на шею мужикамъ. Самъ онъ былъ человѣкъ семейный — жена и двѣ дочери замужемъ— и нажилъ ужъ онъ денегъ: жить бы да жить ему безъ грѣха, да завидливъ былъ и завязъ въ грѣхѣ. Началось съ того, что сталъ онъ мужиковъ сверхъ дней на барщину гонять. Завелъ кирпичный заводъ, всѣхъ — и бабъ и мужиковъ — поморилъ на работѣ, а кирпичъ продавалъ. Ходили мужики къ помѣщику въ Москву жаловаться, да не вышло ихъ дѣло. Ни съ чѣмъ отослалъ мужиковъ и не снялъ воли съ приказчика. Прозналъ приказчикъ, что ходили мужики жаловаться, и сталъ имъ за то вымещать. Еще хуже стало житье мужикамъ. Нашлись изъ мужиковъ невѣрные люди: стали приказчику на своего брата доносить и другъ дружку подводить. И спутался весь народъ, и обозлился приказчикъ.

Дальше да больше, и дожилъ приказчикъ до того, что сталъ его народъ бояться, какъ звѣря лютаго. Проѣдетъ по деревнѣ, такъ всѣ отъ него, какъ отъ волка, хоронятся, кто куда попало, только бы на глаза не попадаться. И видѣлъ это приказ-

чикъ и еще пуще злился за то, что боятся его. И битьемъ, и работой донималъ народъ, и много отъ него муки приняли мужики.

Бывало, что и изводили такихъ злодѣевъ; и про этого стали поговаривать мужики. Сойдутся гдѣ въ сторонкѣ, кто посмѣлѣе и говоритъ: «Долго ли намъ терпѣть злодѣя нашего? Пропадать заодно — такого убить не грѣхъ!»

Собрались разъ мужики въ лѣсу до Святой: лѣсъ господскій послалъ приказчикъ подчищать. Собрались въ обѣдъ, стали толковать.

— Какъ намъ, говорятъ, теперь жить? Изведетъ онъ насъ до корня. Замучилъ работой: ни дня, ни ночи ни намъ, ни бабамъ отдыха нѣтъ. А чуть что не по немъ, придерется, поретъ. Семенъ отъ его поронья померъ; Анисима въ колодкахъ замучилъ. Чего жъ еще намъ дожидать? Пріѣдетъ вотъ сюда вечеромъ, станетъ опять озорничать, — только сдернуть его съ лошади, пристукнуть топоромъ, да и дѣлу конецъ. Зарыть гдѣ, какъ собаку, и концы въ воду. Только уговоръ: всѣмъ стоять заодно, не выдавать!

Говорилъ такъ Василій Минаевъ. Пуще всѣхъ онъ былъ золъ на приказчика. Поролъ онъ его каждую недѣлю и жену отбилъ, къ себѣ въ кухарки взялъ.

Поговорили такъ мужики, и пріѣхалъ на вечеръ приказчикъ. Пріѣхалъ верхомъ, сейчасъ придрался, что не такъ рубятъ. Нашелъ въ кучѣ липку.

— Я, говоритъ, не велѣлъ рубить липы. Кто срубилъ? Сказывай, а то всѣхъ запорю!

Сталъ добираться, въ чьемъ ряду липа. Показали на Сидора. Исколотилъ приказчикъ Сидору все лицо въ кровь. Отхлесталъ и Василія татаркой за то, что куча мала. Поѣхалъ домой.

Сошлись опять вечеромъ мужики, и сталъ говорить Василій:

— Эхъ, народъ! Не люди, а воробьи. «Постоимъ, постоимъ», а пришло дѣло, всѣ подъ застрѣху. Такъ-то воробьи противъ ястреба собирались: «не выдавать, не выдавать, постоимъ, постоимъ!» А какъ налетѣлъ, всѣ по крапивѣ. Такъ-то и ястребъ ухватилъ какого ему надо, поволокъ. Выскочили воробьи: чивикъ, чивикъ!—не досчитываются одного. «Кого нѣтъ? Ваньки. Э! туда ему и дорога. Онъ того и стоитъ». Такъ-то и вы. Не выдавать, такъ не выдавать! Какъ онъ взялся за Сидора, вы бы сгрудились, да и покончили. А то: не выдавать, не выдавать, постоимъ, постоимъ! а какъ налетѣлъ,—такъ и въ кусты.

Стали такъ говорить чаще и чаще, и совсѣмъ собрались мужики уходить приказчика. Повѣстилъ на Страстной приказчикъ

мужикамъ, чтобы готовились на Святой барщину подъ овесъ пахать. Обидно это показалось мужикамъ и собрались они на Страстной у Василія на задворкѣ и опять стали толковать.

— Коли онъ Бога забылъ, говорятъ, и такія дѣла дѣлать хочетъ, надо и вправду его убить. Пропадать заодно!

Пришелъ къ нимъ и Петръ Михеевъ. Смирный былъ мужикъ Петръ Михеевъ и не шелъ въ совѣтъ съ мужиками. Пришелъ Михеевъ, послушалъ ихъ рѣчи и говоритъ:

— Грѣхъ вы, братцы, великій задумали. Душу погубить— великое дѣло. Чужую душу погубить легко, да своей-то каково? Онъ худо дѣлаетъ — передъ нимъ худое. Терпѣть, братцы, надо.

Разсердился на эти рѣчи Василій.

— Заладилъ, говоритъ, одно: грѣхъ человѣка убить. Извѣстно — грѣхъ, да какого, говоритъ, человѣка? Грѣхъ человѣка добраго убить, а такого собаку и Богъ велѣлъ. Собаку бѣшеную убить надо, людей жалѣючи. Не убить его — грѣхъ больше будетъ. Что онъ людей перепортитъ? А мы хоть и пострадаемъ, такъ за людей. Намъ люди спасибо скажутъ. А слюни-то распусти, онъ всѣхъ перепортитъ. Пустое ты, Михеичъ, толкуешь. Что жъ, развѣ меньше грѣхъ будетъ, какъ въ Христовъ праздникъ всѣ работать пойдемъ? Ты самъ не пойдешь!

И заговорилъ Михеичъ.

— Отчего не пойти? говоритъ. Пошлютъ, и пахать поѣду. Не себѣ. А Богъ узнаетъ, чей грѣхъ, только намъ бы Его не забыть. Я, говоритъ, братцы, не свое говорю. Кабы намъ показано было зло зломъ изводить, такъ бы намъ и отъ Бога законъ лежалъ; а то намъ другое показано. Ты станешь зло изводить, а оно въ тебя перейдетъ. Человѣка убить не мудро, да кровь къ душѣ липнетъ. Человѣка убить душу себѣ окровянить. Ты думаешь — худого человѣка убилъ; думаешь — худо извелъ, анъ глядь, ты въ себѣ худо злѣе того завелъ. Покорись бѣдѣ, и бѣда покорится.

Такъ и не договорились мужики: разбились мыслями. Одни такъ думаютъ по Васильевымъ рѣчамъ, другіе на Петровы рѣчи соглашаются, чтобы не заводить грѣха, а терпѣть.

Отпраздновали мужики первый день, воскресенье. На вечеръ приходитъ староста съ земскими съ барскаго двора, и сказываютъ — Михаилъ Семенычъ, приказчикъ, велѣлъ назавтра наряжать мужиковъ, всѣмъ пахать подъ овесъ. Обошелъ староста съ земскими деревню, повѣстилъ всѣмъ назавтра выѣзжать пахать, кому за рѣку, кому отъ большой дороги. Попла-

кали мужики, а ослушаться не смѣютъ, на утро выѣхали съ сохами, принялись пахать. Въ церкви благовѣстятъ къ ранней обѣднѣ, народъ вездѣ праздникъ справляетъ, — мужики пашутъ.

Проснулся Михаилъ Семенычъ, приказчикъ, не рано, пошелъ по хозяйству; убрались, нарядились домашнія — жена, дочь вдовая (къ празднику пріѣхала); запрягъ имъ работникъ телѣжку, съѣздили къ обѣднѣ, вернулись; поставила работница самоваръ, пришелъ и Михаилъ Семенычъ, стали чай пить. Напился Михаилъ Семенычъ чаю, закурилъ трубку, позвалъ старосту.

— Ну что, молъ, поставилъ мужиковъ на пахоту?

— Поставилъ, Михаилъ Семенычъ.

— Что, всѣ выѣхали?

— Всѣ выѣхали, я ихъ самъ разставлялъ.

— Разставить-то разставилъ, да пашутъ ли? Поѣзжай посмотри, да скажи, что я послѣ обѣда пріѣду, чтобъ десятину на двѣ сохи выпахали, да чтобъ пахали хорошо! Если огрѣхъ найду, я на праздникъ не посмотрю!

— Слушаю-съ.

И пошелъ было староста, да Михаилъ Семенычъ вернулъ его. Вернулъ его Михаилъ Семенычъ, а самъ мнется, хочетъ что-то сказать, да не знаетъ какъ. Помялся, помялся, да и говоритъ:

— Да вотъ что, послушай ты еще, что они, разбойники, говорятъ про меня. Кто ругаетъ и что говоритъ — все мнѣ разскажи. Я ихъ, разбойниковъ, знаю, не любо имъ работать, только бы на боку лежать, лодырничать. Жрать да праздновать — это они любятъ, а того не думаютъ, что пахоту пропустишь, опоздаешь. Такъ вотъ ты и отслушай отъ нихъ рѣчи, кто что̀ скажетъ, все мнѣ передай. Мнѣ это знать надо. Ступай да смотри, все разскажи, ничего не утаивай.

Повернулся староста, вышелъ, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ къ мужикамъ въ поле.

Услыхала приказчица мужнины рѣчи со старостой, пришла къ мужу и стала его просить. Приказчица была женщина смирная, и сердце въ ней было доброе. Гдѣ могла, усмиряла мужа и застаивала передъ нимъ мужиковъ.

Пришла она къ мужу и стала просить:

— Другъ ты мой, Мишенька, говоритъ, для великаго дня, праздника Господня, не грѣши ты ради Христа, отпусти мужиковъ!

Не принялъ Михаилъ Семенычъ жениныхъ рѣчей, только засмѣялся на нее:

— Али давно, говоритъ, по тебѣ плетка не гуляла, что ты больно смѣла стала, — не въ свое дѣло вяжешься?

— Мишенька, другъ ты мой, я сонъ про тебя видѣла нехорошій, послушай ты меня, отпусти мужиковъ!

— То-то, говоритъ, и я говорю: видно, жиру много наѣла, думаешь, и плеть не проймеЪ. Смотри!

Разсердился Семенычъ, ткнулъ жену трубкой съ огнемъ въ зубы, прогналъ отъ себя, велѣлъ обѣдъ подавать.

Поѣлъ Михаилъ Семенычъ студню, пирога, щей со свининой, поросенка жаренаго, лапши молочной, выпилъ наливки вишневой, закусилъ сладкимъ пирогомъ, позвалъ кухарку, посадилъ ее пѣсни играть, а самъ взялъ гитару и сталъ подыгрывать.

Сидитъ Михаилъ Семенычъ съ веселымъ духомъ, отрыгивается, на струнахъ перебираетъ и съ кухаркою смѣется. Вошелъ староста, поклонился и сталъ докладывать, что на полѣ видѣлъ.

— Ну что, пашутъ? Допашутъ урокъ?

— Ужъ больше половины вспахали.

— Огрѣховъ нѣтъ?

— Не видалъ, хорошо пашутъ, боятся.

— А что, разборка земли хороша?

— Разборка земли мягкая, какъ макъ разсыпается.

Помолчалъ приказчикъ.

— Ну, а что про меня говорятъ, ругаютъ?

Замялся было староста, да велѣлъ Михаилъ Семенычъ всю правду говорить.

— Все говори, ты не свои слова, а ихнія говорить будешь. Правду скажешь, я тебя награжу, а покроешь ихъ, не взыщи, выпорю. Эй, Катюша, подай ему водки стаканъ для смѣлости.

Пошла кухарка, поднесла старостѣ. Поздравилъ староста, выпилъ, обтерся и сталъ говорить. «Все одно, думаетъ, не моя вина, что не хвалятъ его; скажу правду, коли онъ велитъ». И осмѣлился староста и сталъ говорить:

— Ропщутъ, Михаилъ Семенычъ, ропщутъ.

— Да что говорятъ? Сказывай.

— Одно говорятъ: онъ Богу не вѣруетъ.

Засмѣялся приказчикъ.

— Это, говоритъ, кто сказалъ?

— Да всѣ говорятъ. Говорятъ, онъ, молъ, нечистому покорился.

Смѣется приказчикъ.

— Это, говоритъ, хорошо. Да ты порознь разскажи, что̀ кто говоритъ. Васька что говоритъ?

Не хотѣлось старостѣ сказывать на своихъ, да съ Василіемъ у нихъ давно вражда шла.

— Василій, говоритъ, пуще всѣхъ ругаетъ.

— Да что говоритъ-то? Ты сказывай.

— Да и сказать страшно. Не миновать, говоритъ, ему безпокаянной смерти.

— Ай, молодецъ! говоритъ. Что жъ онъ зѣваетъ-то, не убиваетъ? Видно, руки не доходятъ? Ладно, говоритъ, Васька, посчитаемся мы съ тобой. Ну, а Тишка — собака тоже, я чай?

— Да всѣ худо говорятъ.

— Да что̀ говорятъ-то?

— Да повторять-то гнусно.

— Да что гнусно-то? Ты не робѣй сказывать.

— Да, говорятъ, чтобъ у него пузо лопнуло и утроба вытекла.

Обрадовался Михаилъ Семенычъ, захохоталъ даже.

— Посмотримъ, у кого прежде вытекетъ. Это кто же? Тишка?

— Да никто добраго не сказалъ, всѣ ругаютъ, всѣ грозятся.

— Ну, а Петрушка Михеевъ что? что онъ говоритъ? Тоже, говнякъ, ругается, я чай.

— Нѣтъ, Михайло Семенычъ, Петра не ругается.

— Что жъ онъ?

— Да онъ изъ всѣхъ мужиковъ одинъ ничего не говорилъ. И мудреный онъ мужикъ! Подивился я на него, Михаилъ Семенычъ!

— А что?

— Да что онъ сдѣлалъ! И всѣ мужики дивятся.

— Да что сдѣлалъ-то?

— Да ужъ чудно очень. Сталъ я подъѣзжать къ нему. Онъ на косой десятинѣ у Туркина верха пашетъ. Сталъ я подъѣзжать къ нему, слышу — поетъ кто-то, выводитъ тонко, хорошо такъ, а на сохѣ промежъ обжей что-то свѣтится.

— Ну?

— Свѣтится, ровно огонекъ. Подъѣхалъ ближе, смотрю— свѣчка восковая 5-тикопеечная приклеена къ распоркѣ и горитъ, и вѣтромъ не задуваетъ. А онъ въ новой рубахѣ ходитъ, пашетъ и поетъ стихи воскресные. И заворачиваетъ и отряхаетъ, а свѣчка не тухнетъ. Отряхнулъ онъ при мнѣ, переложилъ палицу, завелъ соху, все свѣчка горитъ, не тухнетъ!

— А сказалъ что?

— Да ничего не сказалъ. Только увидалъ меня, похристосовался и запѣлъ опять.

— Что же говорилъ ты съ нимъ?

— Я не говорилъ, а подошли тутъ мужики, стали ему смѣяться: вонъ, говорятъ, Михеичъ ввѣкъ грѣха не отмолитъ, что онъ на Святой пахалъ.

— Что жъ онъ сказалъ?

— Да онъ только сказалъ: «на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!» опять взялся за соху, тронулъ лошадь и запѣлъ тонкимъ голосомъ, а свѣчка горитъ и не тухнетъ.

Пересталъ смѣяться приказчикъ, поставилъ гитару, опустилъ голову и задумался.

Посидѣлъ, посидѣлъ, прогналъ кухарку, старосту и пошелъ за занавѣсъ, легъ на постель и сталъ вздыхать, сталъ стонать, ровно возъ со снопами ѣдетъ. Пришла къ нему жена, стала его разговаривать; не далъ ей отвѣта. Только и сказалъ:

— Побѣдилъ онъ меня! Дошло теперь и до меня!

Стала его жена уговаривать:

— Да ты поѣзжай, отпусти ихъ. Авось, ничего! Какія дѣла дѣлалъ, не боялся, а теперь чего жъ такъ оробѣлъ?

— Пропалъ я, говоритъ, побѣдилъ онъ меня.

Крикнула на него жена:

— Заладилъ одно: «побѣдилъ, побѣдилъ». Поѣзжай, отпусти мужиковъ, вотъ и хорошо будетъ. Поѣзжай, я велю лошадь осѣдлать.

Привели лошадь, и уговорила приказчица мужа ѣхать въ поле отпустить мужиковъ.

Сѣлъ Михаилъ Семенычъ на лошадь и поѣхалъ въ поле. Выѣхалъ въ околицу, отворила ему ворота баба, въѣхалъ въ деревню. Какъ только увидалъ народъ приказчика, похоронились всѣ отъ него, кто во дворъ, кто за уголъ, кто на огороды.

Проѣхалъ всю деревню приказчикъ, подъѣхалъ къ другимъ выѣзднымъ воротамъ. Ворота заперты, а самъ съ лошади отворить не можетъ. Покликалъ, покликалъ приказчикъ, чтобъ ему отворили, никого не докликался. Слѣзъ самъ съ коня, отворилъ ворота и сталъ въ воротищахъ опять садиться. Вложилъ ногу въ стремя, поднялся, хотѣлъ на сѣдло перекинуться, да испугалась лошадь свиньи, шарахнулась въ частоколъ, а человѣкъ былъ грузный, не попалъ на сѣдло, а перевалился пузомъ на частоколъ. Одинъ былъ только въ частоколѣ колъ, завостренный сверху, да и повыше другихъ. И попади онъ пузомъ прямо на этотъ колъ. И пропоролъ себѣ брюхо, свалился наземь.

4*

Пріѣхали мужики съ пахоты, фыркаютъ, нейдутъ лошади въ ворота. Поглядѣли мужики—лежитъ навзничь Михаилъ Семенычъ, руки раскинулъ, и глаза остановились, и нутро все на землю вытекло, и кровь лужей стоитъ, — земля не впитала.

Испугались мужики, повели лошадей задами, одинъ Петръ Михеичъ слѣзъ, подошелъ къ приказчику, увидалъ, что померъ, закрылъ ему глаза, запрягъ телѣгу, взвалилъ съ сыномъ мертваго въ ящикъ и свезъ къ барскому дому.

Узналъ про всѣ дѣла баринъ и отъ грѣха отпустилъ мужиковъ на оброкъ.

И поняли мужики, что не въ грѣхѣ, а въ добрѣ сила Божія.

1885 г.

ДВА СТАРИКА.

Іоан. IV, 19. — Женщина говоритъ Ему: Господи! вижу, что Ты пророкъ,

20. — Отцы наши поклонялись на этой горѣ, а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Іерусалимѣ.

21. — Іисусъ говоритъ ей: повѣрь Мнѣ, что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу.

22. — Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаемъ, чему кланяемся, ибо спасеніе отъ Іудеевъ.

23. — Но настанетъ время, и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ; ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ.

I.

Собрались два старика Богу молиться въ старый Іерусалимъ. Одинъ былъ богатый мужикъ, звали его Ефимъ Тарасычъ Шевелевъ. Другой былъ небогатый человѣкъ Елисей Бодровъ.

Ефимъ былъ мужикъ степенный, водки не пилъ, табаку не курилъ и не нюхалъ, чернымъ словомъ весь вѣкъ не ругался, и человѣкъ былъ строгій и твердый. Два срока проходилъ Ефимъ Тарасычъ въ старостахъ и высадился безъ начета. Семья у него была большая: два сына и внукъ женатый, и всѣ жили вмѣстѣ. Изъ себя онъ былъ мужикъ здоровый, бородатый и прямой, и на седьмомъ десяткѣ только стала сѣдина въ бородѣ пробивать. Елисей былъ старичокъ ни богатый, ни бѣдный, хаживалъ прежде по плотничной работѣ, а подъ старость сталъ дома жить и водилъ пчелъ. Одинъ сынъ въ добычу ходилъ, другой — дома. Человѣкъ былъ Елисей добродушный и веселый. Пивалъ и водку, и табакъ нюхалъ, и любилъ пѣсни пѣть, но человѣкъ былъ смирный, съ домашними и съ сосѣдями жилъ дружно. Изъ себя Елисей былъ мужичокъ невысокій, черноватенькій, съ курчавою бородкой и, по своему святому — Елисею пророку, съ лысиной во всю голову.

Давно пообѣщались старики и сговорились вмѣстѣ идти, да все Тарасычу недосугъ было: не перемежались у него дѣла. Только одно кончается, другое затѣвается: то внука женить, то изъ солдатства сына меньшого поджидаетъ, а то избу затѣялъ новую класть.

Сошлись разъ старики праздникомъ, сѣли на бревнахъ.

— Что жъ, — говоритъ Елисей, — когда оброкъ отбывать пойдемъ?

Поморщился Ефимъ.

— Да погодить, говоритъ, надо, годъ нынче мнѣ трудный вышелъ. Затѣялъ я эту избу класть, думалъ, что-нибудь на сотню накину, а она ужъ въ третью лѣзетъ. И то все не довелъ. Видно, ужъ до лѣта. На лѣто, коли Богъ дастъ, безпремѣнно пойдемъ.

— На мой разумъ, — говоритъ Елисей, — откладывать нечего, идти надо нынче. Самое время — весна.

— Время-то время, да дѣло расчато, какъ его бросить?

— Развѣ у тебя некому? Сынъ дѣла подѣлаетъ.

— Какъ подѣлаетъ-то! Большакъ-то у меня не надеженъ— зашибаетъ.

— Помремъ, кумъ, будутъ жить и безъ насъ. Надо и сыну поучиться.

— Такъ-то такъ, да все хочется при своемъ глазѣ дѣло совершить.

— Эхъ, милый человѣкъ! Дѣлъ всѣхъ никогда не переворшишь. Вотъ намеднись у меня бабы къ празднику моютъ, убираются. И то надо и другое, всѣхъ дѣлъ не захватятъ. Старшая сноха, баба умная, и говоритъ:

— Спасибо, говоритъ, праздникъ приходитъ, насъ не дожидается, а то, говоритъ, сколько бъ ни дѣлали, всего бы не передѣлали.

Задумался Тарасычъ.

— Денегъ, говоритъ, много извелъ я въ эту постройку; а въ походъ тоже не съ пустыми руками идти. Деньги не малыя— сто рублей.

Засмѣялся Елисей.

— Не грѣши, говоритъ, кумъ. Твой достатокъ противъ моего въ десять разъ, а ты про деньги толкуешь. Только скажи, когда выходить — у меня и нѣтъ, да будутъ.

Ухмыльнулся и Тарасычъ.

— Вишь, богачъ какой объявился, говоритъ, гдѣ жъ возьмешь-то?

— Да дома поскребу — наберу сколько-нибудь; а чего не хватитъ — ульевъ съ десятокъ съ выставки сосѣду отдамъ. Давно ужъ проситъ.

— Роевщина хорошая будетъ, тужить будешь.

— Тужить?! Нѣтъ, кумъ! Въ жизни ни о чемъ, кромѣ о грѣхахъ, не тужилъ. Дороже души ничего нѣтъ.

— Оно такъ, да все неладно, какъ по дому неуправка.

— А какъ у насъ по душѣ-то неуправка будетъ, тогда хуже. А обреклись — пойдемъ! Право, пойдемъ!

II.

И уговорилъ Елисей товарища. Подумалъ, подумалъ Ефимъ, на утро приходитъ къ Елисею.

— Что жъ, пойдемъ, говоритъ, правду ты говоришь. Въ смерти да въ животѣ Богъ воленъ. Пока живы да силы есть, идти надо.

Черезъ недѣльку собрались старики.

У Тарасыча были деньги дома. Взялъ онъ себѣ 100 рублей на дорогу, 200 рублей старухѣ оставилъ.

Собрался и Елисей; продалъ сосѣду 10 ульевъ съ выставки, и приплодъ, сколько будетъ отъ 10 колодокъ, тоже сосѣду. Взялъ за все 70 рублей. Остальные 30 рублей по дому подъ метелочку у всѣхъ обобралъ. Старуха свои послѣдніе отдала, на похоронки берегла; сноха свои дала.

Приказалъ Ефимъ Тарасычъ всѣ дѣла старшему сыну: и гдѣ сколько покосовъ взять, и куда навозъ вывезти, и какъ избу выдѣлать и покрыть. Всякое дѣло обдумалъ — все приказалъ. А Елисей только наказалъ старухѣ, чтобъ отъ проданныхъ ульевъ молодыхъ особо сажать и сосѣду безъ обмана отдать, а про домашнія дѣла и говорить не сталъ: само дѣло, молъ, покажетъ, что̀ и какъ дѣлать надо. Сами хозяева, для себя сдѣлаете какъ лучше.

Собрались старики. Напекли домашніе лепешекъ, пошили сумки, отрѣзали онучъ новыхъ, обули бахилки новыя, взяли запасныхъ лаптей и пошли. Проводили домашніе ихъ за околицу, распрощались, и пошли старики въ путь-дорогу.

Вышелъ Елисей съ веселымъ духомъ и какъ отошелъ отъ деревни, такъ всѣ дѣла свои забылъ. Только и думки у него, какъ бы дорогой товарищу угодить, какъ бы кому грубаго слова не сказать, какъ бы въ мирѣ и любви до мѣста дойти и домой вернуться. Идетъ Елисей дорогой и все самъ про себя либо молитву шепчетъ, либо житія, какія знаетъ, на память твер-

дитъ. А сойдется на пути съ человѣкомъ или на ночлегъ придетъ, со всякимъ норовитъ какъ бы поласковѣе обойтись да по-Божьи слово сказать. Идетъ — радуется. Одного дѣла не могъ сдѣлать Елисей. Хотѣлъ бросить табакъ нюхать и тавлинку дома оставилъ, да скучно стало. Дорогой далъ ему человѣкъ. И нѣтъ-нѣтъ, отстанетъ отъ товарища, чтобъ его въ грѣхъ не вводить, и понюхаетъ.

Идетъ и Ефимъ Тарасычъ хорошо, твердо, худого не дѣлаетъ и пустого не говоритъ, да нѣтъ у него легости на душѣ. Не выходитъ у него изъ головы забота про домашнее. Все поминаетъ, что дома дѣлается. Не забылъ ли чего сыну приказать и такъ ли сынъ дѣлаетъ? Увидитъ по дорогѣ, картофель садятъ или навозъ везутъ, и думаетъ: такъ ли по приказу его сынъ дѣлаетъ. Такъ бы, кажется, вернулся и все бы показалъ и самъ сдѣлалъ.

III.

Шли пять недѣль старики, домашніе лапти избили, ужъ новые покупать стали и пришли въ хохлатчину. Отъ дома шли, за ночлегъ и за обѣдъ платили, а пришли къ хохламъ, стали ихъ на перебой къ себѣ люди зазывать. И пустятъ, и покормятъ, и денегъ не берутъ, а еще на дорогу въ сумки имъ хлѣба, а то и лепешекъ накладутъ. Прошли такъ вольно старики сотъ семь; прошли еще губернію и пришли въ неурожайное мѣсто. Пускать пускали и денегъ за ночлегъ не брали, а кормить перестали. И хлѣба не вездѣ давали, другой разъ и за деньги не добьются. Прошлый годъ, разсказывалъ народъ, не родилось ничего. Которые богаты были, разорились, все распродали; которые средственно жили — на-нѣтъ сошли; а бѣдняки—такъ или уѣхали совсѣмъ, или по-міру ходятъ, или дома кое-какъ перебиваются. Зимой мякину или лебеду ѣли.

Ночевали разъ старики въ мѣстечкѣ, купили хлѣба фунтовъ пятнадцать, переночевали и вышли до зорьки, чтобъ подальше до жару уйти. Прошли верстъ десять и дошли до рѣчки, сѣли, зачерпнули воды въ чашку, помочили хлѣбца, поѣли и переобулись. Посидѣли, отдохнули. Досталъ Елисей рожокъ. Покачалъ на него головой Ефимъ Тарасычъ.

— Какъ, говоритъ, такую пакость не бросить!

Махнулъ рукой Елисей.

— Пересилилъ, говоритъ, меня грѣхъ, что сдѣлаешь!

Поднялись, пошли дальше. Прошли еще верстъ десятокъ. Пришли въ большое село, прошли все насквозь. И ужъ жарко стало. Уморился Елисей, захотѣлось ему и отдохнуть и напить-

ся, да не останавливается Тарасычъ. Тарасычъ въ ходьбѣ крѣпче былъ, и трудненько было Елисею за нимъ тянуться.

— Напиться бы, говоритъ.

— Что жъ, напейся. Я не хочу.

Остановился Елисей.

— Ты, говоритъ, не жди, я только забѣгу вонъ въ хатку, напьюсь. Живой рукой догоню.

— Ладно, говоритъ. И пошелъ Ефимъ Тарасычъ одинъ впередъ по дорогѣ, а Елисей повернулъ къ хаткѣ.

Подошелъ Елисей къ хаткѣ. Хатка небольшая, мазаная; низъ черный, верхъ бѣлый, да облупилась ужъ глина, давно, видно, не мазана, и крыша съ одного бока раскрыта. Ходъ въ хатку со двора. Вошелъ Елисей на дворъ, видитъ — у завалинки человѣкъ лежитъ безбородый, худой, рубаха въ портки — похохлацки. Человѣкъ, видно, легъ въ холодокъ, да солнце вышло прямо на него. А онъ лежитъ и не спитъ. Окликнулъ его Елисей, спросилъ напиться — не отозвался человѣкъ. «Либо хворый, либо неласковый», подумалъ Елисей и подошелъ къ двери. Слышитъ—въ хатѣ дитя плачетъ. Постучалъ Елисей кольцомъ. «Хозяева!» Не откликаются. Постучалъ еще посошкомъ въ дверь. «Крещеные!» Не шевелятся. «Рабы Божіи!» Не отзываются. Хотѣлъ Елисей уже и прочь идти, да слышитъ—изъ-за двери ровно охаетъ кто-то. «Ужъ не бѣда ли какая-нибудь съ людьми? Поглядѣть надо!» И пошелъ Елисей въ хату.

IV.

Повернулъ Елисей кольцо—не заперто. Отложилъ дверь, прошелъ черезъ сѣнцы. Дверь въ хату отперта. Налѣво печь; прямо передній уголъ; въ углу божница, столъ; за столомъ—лавка; на лавкѣ въ одной рубахѣ старуха простоволосая сидитъ, голову на столъ положила, а подлѣ нея мальчишка худой, какъ восковой весь, а брюхо толстое, старуху за рукавъ дергаетъ, а самъ ревмя-реветъ, чего-то проситъ. Вошелъ Елисей въ хату. Въ хатѣ духъ тяжелый. Смотритъ—за печью на полу женщина лежитъ. Лежитъ ничкомъ и не глядитъ, только хрипитъ и ногу то вытянетъ, то подтянетъ. И швыряетъ ее съ боку на бокъ, и отъ нея то духъ тяжкій,—видно, подъ себя ходитъ и убрать ее некому. Подняла голову старуха, увидала человѣка.

— Чого, говоритъ, тоби треба? чого треба? Нема, чоловіче ничого.

Понялъ Елисей, чтò она говоритъ, подошелъ къ ней.

— Я, говоритъ, раба Божія, напиться зашелъ.

— Нема, кажу, нема. Нема чого й взяти. Иди соби.

Сталъ Елисей спрашивать. — Что жъ, и здороваго у васъ али никого нѣтъ женщину убрать?

— Та нема никого; чоловікъ на двори помира, а мы тутечки.

Замолчалъ было мальчикъ — чужого увидалъ, да какъ заговорила старуха, опять ухватилъ ее за рукавъ: «Хліба, бабусю, хліба!» и опять заплакалъ.

Только хотѣлъ спросить Елисей старуху, ввалился мужикъ въ хату, прошелъ по стѣнкѣ и хотѣлъ на лавку сѣсть, да не дошелъ и повалился въ уголъ у порога. И не сталъ подыматься, сталъ говорить. По одному слову отрываетъ, скажетъ — отдышится, другое скажетъ.

— И болізть, говоритъ, напала, и... голодны. Ось зъ голоду помираетъ! — показалъ мужикъ головой на мальчика и заплакалъ.

Встряхнулъ Елисей сумку за плечами, выпросталъ руки, скинулъ сумку наземь, потомъ поднялъ на лавку и сталъ развязывать. Развязалъ, досталъ хлѣбъ, ножикъ, отрѣзалъ ломоть, подалъ мужику. Не взялъ мужикъ, а показалъ на мальчика и на дѣвочку, — имъ, молъ, дай. Подалъ Елисей мальчику. Почуялъ мальчикъ хлѣбъ, потянулся, ухватилъ ломоть обѣими ручонками, съ носомъ въ ломоть ушелъ. Вылѣзла изъ-за печки еще дѣвочка, уставилась на хлѣбъ. Подалъ и ей Елисей. Отрѣзалъ еще кусокъ и старухѣ далъ. Взяла и старуха, стала жевать.

— Воды бы, говоритъ, принести. Уста у ихъ запеклись. Хотѣла, говоритъ, я—вчера ли, сегодня, ужъ и не помню—принести, упала, не дошла, и ведро тамъ осталось, коли не взялъ кто.

Спросилъ Елисей, гдѣ колодецъ у нихъ. Растолковала старуха. Пошелъ Елисей, нашелъ ведро, принесъ воды, напоилъ людей. Поѣли ребята еще хлѣба съ водой, и старуха поѣла, а мужикъ не сталъ ѣсть. «Не принимаетъ, говоритъ, душа». Баба—та вовсе не поднималась и въ себя не приходила, только металась на полатяхъ. Пошелъ Елисей на село въ лавку, купилъ пшена, соли, муки, масла. Разыскалъ топоришко, нарубилъ дровъ, сталъ печку топить. Стала ему дѣвочка помогать. Сварилъ Елисей похлебку и кашу, накормилъ людей.

V.

Поѣлъ мужикъ немножко, и старуха поѣла, а дѣвочка съ малышкомъ и чашку всю вылизали и завалились обнявшись спать.

Стали мужикъ со старухой разсказывать, какъ все это съ ними сталось.

— Жили мы, говорятъ, и допрежь того небогато, а тутъ не родилось ничего, стали съ осени проѣдать, что было. Проѣли все—стали у сосѣдей и добрыхъ людей просить. Сперва давали, а потомъ отказывать стали. Которые бы и рады дать, да нечего. Да и просить-то совѣстно стало: всѣмъ должны—и деньгами, и мукой, и хлѣбомъ. Искалъ,—говоритъ мужикъ, — я себѣ работы—работы нѣтъ. Народъ вездѣ изъ-за корму въ работу набивается. День поработаешь, да два такъ ходишь — работы ищешь. Стали старуха съ дѣвчонкой ходить въ даль побираться. Подаяніе плохое, ни у кого хлѣба нѣтъ. Все-таки кормились кое-какъ, думали—пробьемся такъ до новины. Да съ весны совсѣмъ подавать перестали, а тутъ и болѣзнь напала. Пришло совсѣмъ плохо. День ѣдимъ, а два нѣтъ. Стали траву ѣсть. Да съ травы ли, али такъ напала на бабу болѣзнь. Слегла баба, и у меня,—говоритъ мужикъ,—силы нѣтъ. И поправиться не съ чего.

— Одна я,—говоритъ старуха,—билась, да изъ силы выбилась безъ ѣды и ослабла. Ослабла и дѣвчонка, да и заробѣла. Посылали ее къ сосѣдямъ — не пошла. Забилась въ уголъ и нейдетъ. Заходила сосѣдка позавчера, да увидала, что голодные да больные, повернулась да и ушла. У ней у самой мужъ ушелъ, а малыхъ дѣтей кормить нечѣмъ. Такъ вотъ и лежали—смерти ждали.

Отслушалъ ихъ рѣчи Елисей да и раздумалъ въ тотъ же день идти догонять товарища и заночевалъ тутъ. На утро всталъ Елисей, взялся по дому за заботу, какъ будто самъ онъ и хозяинъ. Замѣсилъ со старухой хлѣбы, истопилъ печку. Пошелъ съ дѣвчонкой по сосѣдямъ добывать, что̀ нужно. Чего ни хватится — ничего нѣтъ, все проѣдено: ни по хозяйству, ни изъ одежи. И сталъ Елисей припасать то, что̀ нужно: что̀ самъ сдѣлаетъ, а что̀ купитъ. Пробылъ такъ Елисей одинъ день, пробылъ другой, пробылъ и третій. Справился малышокъ, ходить сталъ по лавкѣ, къ Елисею ластится. А дѣвочка совсѣмъ повеселѣла, во всѣхъ дѣлахъ помогаетъ. Все за Елисеемъ бѣгаетъ: «діду! дідусю!» Поднялась и старуха, къ сосѣдочкѣ прошла. Сталъ и мужикъ по стѣнкѣ ходить. Лежала только баба, да и та на третій день очнулась и стала ѣсть просить. «Ну,—думаетъ Елисей,—не чаялъ я столько времени прогулять, теперь пойду».

VI.

На четвертый день подошли розговѣны, и думаетъ Елисей: «дай ужъ разговѣюсь съ людьми, куплю имъ кое-чего для праздника, а на вечеръ и пойду». Пошелъ Елисей опять на село, ку-

пилъ молока, муки бѣлой, сала. Наварили, напекли они со старухой, и на утро сходилъ Елисей къ обѣднѣ, пришелъ, разговѣлся съ людьми. Встала въ этотъ день и баба, стала бродить. А мужикъ побрился, чистую рубаху надѣлъ — старуха выстирала, — пошелъ на село къ богатому мужику милости просить. Заложены были богатому мужику и покосъ, и пашня, — такъ пошелъ просить, не отдастъ ли покоса и пашни до новины. Вернулся къ вечеру хозяинъ скучный и заплакалъ. Не помиловалъ богатый мужикъ, говоритъ: «приноси деньги».

Задумался опять Елисей. «Какъ имъ, думаетъ, теперь жить? Люди косить пойдутъ, имъ нечего: покосъ заложенъ. Поспѣетъ рожь — люди убирать примутся (да и родилась же она хороша, матушка!), а имъ прождать нечего: продана у нихъ десятина ихняя богатому мужику. Уйду я, они опять такъ же собьются». И разбился Елисей мыслями и не пошелъ съ вечера — отложилъ до утра. Пошелъ спать на дворъ. Помолился, легъ и не можетъ заснуть: и идти-то надо — ужъ и такъ и денегъ и времени много провелъ и людей жалко. «Всѣхъ, видно, не одѣлишь. Хотѣлъ имъ водицы принести да хлѣбца по ломтю подать, а оно вишь куда хватило. Теперь ужъ—покосъ да пашню выкупи. А пашню выкупи, — корову ребятамъ купи да лошадь мужику снопы возить. Видно, запутлялся ты, братъ Елисей Кузьмичъ. Разъякорился и толковъ не найдешь!» Поднялся Елисей, взялъ кафтанъ изъ-подъ головы, развернулъ, досталъ рожокъ, понюхалъ, думалъ мысли прочистить, анъ нѣтъ: думалъ, думалъ, ничего не придумалъ. И идти надо и людей жалко. А какъ быть, не знаетъ. Свернулъ кафтанъ подъ голова и опять легъ. Лежалъ, лежалъ, ужъ и пѣтухи пропѣли, и совсѣмъ засыпать сталъ. Вдругъ ровно разбудилъ его кто. Видитъ онъ, будто одѣтъ онъ совсѣмъ, и съ сумкой и съ посохомъ, и надо ему въ ворота пройти, а отложены ворота, только чтобъ пролѣзть одному. И идетъ онъ въ ворота и зацѣпилъ съ одной стороны сумкой; хотѣлъ отцѣпить, зацѣпился съ другой стороны онучей, и онуча развязалась. Сталъ отцѣплять, анъ зацѣпился не за плетень, а это дѣвчонка держитъ, кричитъ: «діду, дідусю, хліба!» Поглядѣлъ на ногу, а за онучу малышокъ держитъ, изъ окна старуха и мужикъ глядятъ. Проснулся Елисей, заговорилъ съ собой въ голосъ. «Выкуплю, говоритъ, завтра пашню и покосъ, и лошадь куплю, и муки до новины, и корову ребятамъ куплю. А то пойдешь за моремъ Христа искать, а въ самомъ себѣ потеряешь. Надо справить людей!» И заснулъ Елисей до утра. Проснулся Елисей рано. Пошелъ къ богатому мужику — рожь выкупилъ, отдалъ деньги и за покосъ. Купилъ

косу — и та продана была — принесъ домой. Послалъ мужика косить, а самъ пошелъ по мужикамъ: отыскалъ у кабатчика продажную лошадь съ телѣгой. Сторговался, купилъ, купилъ и муки мѣшокъ, на телѣгу положилъ и пошелъ корову покупать. Идетъ Елисей и нагоняетъ двухъ хохлушекъ. Идутъ бабы, промежъ себя балакаютъ. И слышитъ Елисей, что говорятъ бабы по-своему, а разбираетъ, что про него говорятъ.

— Бачь, оце його значала не пизнали, така думка: простый человікъ. Зайшовъ, кажутъ, напиться, та й тамъ и заживъ. Чого, чого не накупабъ винъ имъ. Сама бачила, якъ сёго-дня у шинкаря коняку съ возомъ купивъ. Ни мабуть таки е люди на світі. Треба пійдти подивиться.

Услыхавъ это, Елисей понялъ, что его хвалятъ, и не пошелъ корову покупать. Вернулся къ кабатчику, отдалъ деньги за лошадь. Запрягъ и поѣхалъ съ мукой къ хатѣ. Подъѣхалъ къ воротамъ, остановился и слѣзъ съ телѣги. Увидали хозяева лошадь — подивились. И думается имъ, что для нихъ онъ лошадь купилъ, да не смѣютъ сказать. Вышелъ хозяинъ отворить ворота.

— Откуда, говоритъ, конь у тебя, дѣдушка?

— А купилъ, говоритъ. Дешево попалась. Накоси, молъ, въ ящикъ травки ей на ночь положить. Да и мѣшокъ сними.

Отпрягъ хозяинъ лошадь, снесъ мѣшокъ въ амбаръ, накосилъ беремя травы, положилъ въ ящикъ. Легли спать. Елисей легъ на улицѣ и туда съ вечера свою сумку вынесъ. Заснулъ весь народъ. Поднялся Елисей, увязалъ сумку, обулся, одѣлъ кафтанъ и пошелъ въ путь за Ефимомъ.

VII.

Отошелъ Елисей верстъ пять. Стало свѣтать. Сѣлъ онъ подъ дерево, развязалъ сумку, сталъ считать. Сосчиталъ, осталось денегъ 17 р. 20 копеекъ. «Ну, думаетъ, съ этимъ за море не переѣдешь! А Христовымъ именемъ собирать — какъ бы грѣха больше не было. Кумъ Ефимъ и одинъ дойдетъ, за меня свѣчку поставитъ. А на мнѣ, видно, оброкъ до смерти останется. Спасибо, хозяинъ милостивый — потерпитъ».

Поднялся Елисей, встряхнулъ сумой за плечами и пошелъ назадъ. Только село-то обошелъ кругомъ, чтобъ его люди не видали. И скоро дошелъ домой Елисей. Туда шелъ — трудно казалось, черезъ силу другой разъ тянулся за Ефимомъ; а назадъ пошелъ, такъ ему Богъ далъ, что идетъ и устали незнаетъ. Идетъ играючи, посошкомъ помахиваетъ, по 70 верстъ въ день уходитъ.

Пришелъ Елисей домой. Ужъ съ поля убрались. Обрадовались домашніе своему старику, стали разспрашивать: какъ и что, отчего отъ товарища отсталъ, отчего не дошелъ, домой вернулся? Не сталъ разсказывать Елисей.

— Да не привелъ, говоритъ, Богъ; растерялъ дорогой деньги и отсталъ отъ товарища. Такъ и не пошелъ. Простите ради Христа!

И отдалъ старухѣ остальныя деньги. Разспросилъ Елисей про домашнія дѣла: все хорошо, всѣ дѣла передѣлали, упущенія въ хозяйствѣ нѣтъ, и живутъ всѣ въ мирѣ и согласіи.

Услыхали тѣмъ же днемъ и Ефимовы, что вернулся Елисей, пришли спрашивать про своего старика. И имъ то же сказалъ Елисей.

— Вашъ, говоритъ, старикъ здорово пошелъ, разошлись мы, говоритъ, за три дня до Петрова дня; хотѣлъ я было догонять, да тутъ такія дѣла подошли: растерялъ я деньги и не съ чѣмъ стало идти, такъ и вернулся.

Подивился народъ: какъ такъ человѣкъ умный да такъ глупо сдѣлалъ, —пошелъ и не дошелъ, только деньги провелъ? Подивились и забыли. И Елисей забылъ. Взялся за работу по дому: заготовилъ съ сыномъ дровъ на зиму, обмолотилъ съ бабами хлѣбъ, прикрылъ сараи, убралъ пчелъ, отдалъ 10 колодокъ пчелъ съ приплодомъ сосѣду. Хотѣла его старуха утаить, сколько отъ проданныхъ колодокъ отроилось, да Елисей самъ зналъ, какія холостыя, какія роились, и сосѣду вмѣсто десяти семнадцать отдалъ. Убрался Елисей, услалъ сына на заработки, а самъ засѣлъ на зиму лапти плести и колодки долбить.

VIII.

Весь тотъ день, какъ остался Елисей въ хатѣ у больныхъ людей, ждалъ Ефимъ товарища. Отошелъ онъ недалеко и сѣлъ. Ждалъ, ждалъ, соснулъ, проснулся, еще посидѣлъ — нѣтъ товарища. Всѣ глаза проглядѣлъ. Ужъ солнце за дерево зашло, — нѣтъ Елисея. «Ужъ не прошелъ ли, думаетъ, мимо меня, или не проѣхалъ ли (подвезъ кто), не примѣтилъ меня, пока я спалъ. Да нельзя же не видать ему. Въ степи далеко видно. Пойти назадъ, думаетъ, а онъ впередъ уйдетъ. Разстрянемся съ нимъ, еще того хуже. Пойду впередъ, на ночлегѣ сойдемся». Пришелъ въ деревню, попросилъ десятскаго, чтобы если придетъ такой старичокъ, отвести его въ ту же хату. Не пришелъ на ночлегъ Елисей. Пошелъ дальше Ефимъ, спрашивалъ всѣхъ: не видали ли старичка лысенькаго? Никто не видалъ. Подивился

Ефимъ и пошелъ одинъ. «Сойдемся, думаетъ, гдѣ-нибудь въ Одессѣ и на кораблѣ», и пересталъ думать.

Сошелся дорогой со странникомъ. Странникъ въ скуфьѣ, въ подрясникѣ и съ длинными волосами, былъ и на Аѳонѣ и въ другой разъ идетъ въ Іерусалимъ. Сошлись на ночлегѣ, разговорились и пошли вмѣстѣ.

Дошли до Одессы хорошо. Трое сутокъ прождали корабля. Богомольцевъ много дожидалось. Были съ разныхъ сторонъ. Опять поразспросилъ Ефимъ про Елисея — никто не видалъ.

Выправилъ Ефимъ билетъ заграничный — 5 рублей стало. Отдалъ 40 цѣлковыхъ за проѣздъ туда и обратно, закупилъ хлѣба, селедокъ на дорогу. Погрузили корабль, перевезли богомольцевъ, сѣлъ и Тарасычъ со странникомъ. Подняли якоря, отчалили, поплыли моремъ. День хорошо плыли; къ вечеру поднялся вѣтеръ, пошелъ дождь, стало качать и корабль заливать. Взметался народъ, стали бабы голосить, и изъ мужчинъ, которые послабѣе, стали по кораблю бѣгать, мѣста искать. Нашелъ и на Ефима страхъ, только виду не показалъ: какъ гдѣ сѣлъ съ прихода на полу, рядомъ съ тамбовскими стариками, такъ и сидѣлъ всю ночь и день другой весь; только свои сумки держали и ничего не говорили. Затихло на третій день. На пятый день пристали къ Царьграду. Которые странники высаживались на берегъ, ходили смотрѣть храмъ Софіи-Премудрости, гдѣ теперь турки владѣютъ; Тарасычъ не высаживался, на кораблѣ просидѣлъ. Только булки бѣлой купилъ. Простояли сутки, опять поплыли моремъ. Останавливались еще у Смирны города, у другого города Александріи и доплыли благополучно до Яффы города. Въ Яффѣ высадка всѣмъ богомольцамъ: 70 верстъ пѣшеходу до Іерусалима. Тоже при высадкѣ набрался страху народъ: корабль высокій и съ корабля внизъ на лодки народъ кидаютъ, а лодку качаетъ, того и гляди не угодитъ въ лодку, а мимо, человѣкъ двухъ замочило, а высадились всѣ благополучно. Высадились, пошли пѣшіе; на третій день къ обѣду дошли до Іерусалима. Стали за городомъ, на Русскомъ подворьѣ, билеты прописали, пообѣдали, пошли со странникомъ по святымъ. Къ самому гробу Господню еще впуска не было. Пошли въ патріаршій монастырь, собрали туда всѣхъ поклонниковъ, посадили женскій полъ и мужской полъ особо. Велѣли разуться и сѣсть кругомъ. Вышелъ монахъ съ полотенцемъ и сталъ всѣмъ ноги умывать; умоетъ, утретъ и поцѣлуетъ, и такъ всѣхъ обошелъ. Ефиму ноги обтеръ и поцѣловалъ. Отстояли вечерню, заутреню, помолились, свѣчи поставили и подали поминанья за родителей. Тутъ и покормили и вино подносили. На утро по-

шли въ келью Маріи Египетской, гдѣ она спасалась. Поставили свѣчи, молебенъ отслужили. Оттуда въ Авраамовъ монастырь ходили. Видѣли Савековъ садъ—мѣсто, гдѣ Авраамъ сына заколоть хотѣлъ Богу. Потомъ ходили на то мѣсто, гдѣ Христосъ явился Маріи Магдалинѣ, и въ церковь, Якова, брата Господня. Всѣ мѣста показывалъ странникъ и вездѣ сказывалъ, сколько гдѣ денегъ подавать надо. Къ обѣду вернулись на подворье, поѣли. И только стали укладываться спать, взахался странникъ, сталъ свою одежу перебирать — шарить. «Вытащили, говоритъ, у меня портмонетъ съ деньгами, 23 рубля, говоритъ, было: двѣ десятирублевыя и три мелочью». Потужилъ, потужилъ странникъ, дѣлать нечего — легли спать.

IX.

Легъ Ефимъ спать, и напало на него искушеніе. «Не вытаскивали, думаетъ, у странника денегъ; у него, думается, ихъ не было. Нигдѣ онъ не подавалъ. Мнѣ приказывалъ подавать, а самъ не давалъ, да и у меня рубль взялъ».

Подумаетъ такъ Ефимъ и начнетъ самъ себя укорять: «Что, говоритъ, мнѣ человѣка судить, грѣшу я. Не стану думать». Только забудется, опять станетъ поминать, какъ странникъ на деньги примѣтливъ и какъ онъ непохоже говоритъ, что у него портмонетъ вытащили. «И не было, думаетъ, у него денегъ. Одинъ отводъ».

Встали передъ вечеромъ и пошли къ ранней обѣднѣ въ большой храмъ Воскресенія—ко гробу Господню. Не остаетъ странникъ отъ Ефима, съ нимъ вмѣстѣ идетъ.

Пришли къ храму. Народу — странниковъ-богомольцевъ, и русскихъ, и всякихъ народовъ, и грековъ, и армянъ, и турокъ, и сиріянъ — собралось много. Пришелъ Ефимъ въ Святыя ворота съ народомъ. Повелъ ихъ монахъ. Провелъ ихъ мимо стражи турецкой къ тому мѣсту, гдѣ снятъ съ креста Спаситель и помазанъ и гдѣ 9 подсвѣчниковъ большихъ горятъ. Все показывалъ и разсказывалъ. Поставилъ тамъ свѣчку Ефимъ. Потомъ повели монахи Ефима на правую руку вверхъ по ступенькамъ на Голгоѳу, на то мѣсто, гдѣ крестъ стоялъ; тамъ помолился Ефимъ. Потомъ показали Ефиму скважину, гдѣ земля до преисподней просѣлась; потомъ показывали то мѣсто, гдѣ прибивали руки и ноги Христа ко кресту гвоздями; потомъ показали гробъ Адама, гдѣ кровь Христа лилась на кости его. Потомъ пришли къ камню, гдѣ сидѣлъ Христосъ, когда надѣвали на Него терновый вѣнецъ; потомъ—къ столбу, къ которому

привязывали Христа, когда били Его. Потомъ видѣлъ Ефимъ камень съ двумя дырами для ногъ Христа. Хотѣли еще что-то показать, да заторопился народъ: заспѣшили всѣ къ самой пещерѣ гроба Господня. Отошла тамъ чужая, началась православная обѣдня. Пошелъ Ефимъ съ народомъ къ пещерѣ.

Хотѣлъ онъ отбиться отъ странника — все въ мысляхъ грѣшилъ онъ на странника — да не отстаетъ отъ него странникъ, съ нимъ вмѣстѣ и къ обѣднѣ ко гробу Господню пошелъ. Хотѣли они поближе стать, не поспѣли. Стѣснился народъ такъ, что ни впередъ, ни назадъ продора нѣтъ. Стоитъ Ефимъ, смотритъ впередъ, молится, а нѣтъ-нѣтъ и ощупаетъ, тутъ ли кошель. Двоится у него въ мысляхъ: первое думаетъ — обманываетъ его странникъ; второе думаетъ — коли не обманулъ, а вправду вытащили, такъ какъ бы и со мной того же не было.

X.

Стоитъ такъ Ефимъ, молится и смотритъ впередъ, въ часовню, гдѣ самый гробъ и надъ гробомъ 36 лампадъ горятъ. Стоитъ Ефимъ, черезъ головы смотритъ, что за чудо! Подъ самыми лампадами, гдѣ благодатный огонь горилъ, впереди всѣхъ, видитъ, стоитъ старичокъ въ кафтанѣ сермяжномъ, блеститъ лысина во всю голову, какъ у Елисея Бодрова. «Похожъ, думаетъ, на Елисея. Да нельзя же ему быть! Нельзя ему прежде меня поспѣть. Корабль до насъ за недѣлю отходилъ. Нельзя ему было упредить. А на нашемъ кораблѣ не было. Я всѣхъ богомольцевъ видѣлъ».

Только подумалъ такъ Ефимъ, сталъ молиться старичокъ и поклонился три раза: разъ напередъ, Богу, а потомъ міру православному на обѣ стороны. И какъ повернулъ голову старичокъ на правую сторону, такъ и призналъ его Ефимъ. Самый онъ, Бодровъ, и есть — и борода черноватая, курчавая, и просѣдь на щекахъ, и брови, и глаза, и носъ, и все обличіе его. Самый онъ, Елисей Бодровъ.

Обрадовался Ефимъ, что товарища нашелъ, и подивился, какъ такъ Елисей напередъ его поспѣлъ.

«Ай да Бодровъ, думаетъ, куда напередъ пролѣзъ! Видно, съ человѣкомъ такимъ сошелся, что провелъ его. Дай на выходѣ найду его, своего странника въ скуфьѣ брошу и съ нимъ стану ходить, авось и онъ меня проведетъ напередъ».

И все смотрѣлъ Ефимъ, какъ бы не упустить ему Елисея. Да отошли обѣдни, зашатался народъ, пошли прикладываться, затѣснились, отдавили въ сторону Ефима. Опять напалъ на

него страхъ, какъ бы, думаетъ, кошель не вытащили? Прижалъ рукой кошель Ефимъ и сталъ продираться, только бы на просторъ выдраться. Выдрался на просторъ, ходилъ-ходилъ, искалъ-искалъ Елисея тутъ и въ храмѣ. Тутъ же въ храмѣ по кельямъ всякаго народа много видѣлъ: которые тутъ же и ѣдятъ, и пьютъ вино, и спятъ, и читаютъ. И нѣтъ нигдѣ Елисея. Вернулся Ефимъ на подворье, — не нашелъ товарища. Въ этотъ вечеръ странникъ не приходилъ. Пропалъ, и рубля не отдалъ. Остался Ефимъ одинъ.

На другой день пошелъ опять Ефимъ ко гробу Господню съ тамбовскимъ старикомъ, на кораблѣ съ нимъ ѣхалъ. Хотѣлъ пролѣзть напередъ, да опять отдавили его, и сталъ онъ у столба и молится. Поглядѣлъ напередъ, — опять подъ лампадами у самаго гроба Господня на переднемъ мѣстѣ стоитъ Елисей, руки развелъ, какъ священникъ у алтаря, и блеститъ лысина во всю голову. «Ну, — думаетъ Ефимъ, — теперь ужъ не упущу его». Полѣзъ продираться напередъ. Продрался — нѣтъ Елисея. Видно, ушелъ. И на третій день опять у гроба Господня смотритъ — въ самомъ святомъ мѣстѣ стоитъ Елисей на самомъ на виду, руки развелъ и глядитъ кверху, точно видитъ что̀ надъ собой. И свѣтится его лысина во всю голову. «Ну,—думаетъ Ефимъ, — теперь ужъ не упущу его, пойду къ выходу стану. Тамъ ужъ не разминемся». Вышелъ Ефимъ, стоялъ-стоялъ, полдень простоялъ: весь народъ прошелъ — нѣтъ Елисея.

Пробылъ шесть недѣль Ефимъ въ Іерусалимѣ и побывалъ вездѣ: и въ Виѳлеемѣ, и въ Виѳаніи, и на Іорданѣ, и на новую рубаху печать у гроба Господня наложилъ, чтобы похорониться въ ней, и воды изъ Іордана въ стклянку взялъ, и земли и свѣчей съ благодатнымъ огнемъ взялъ, и въ восьми мѣстахъ поминанья записалъ, извелъ всѣ деньги, только бы домой дойти. И пошелъ Ефимъ назадъ къ дому. Дошелъ до Яффы, сѣлъ на корабль, приплылъ въ Одессу и пошелъ пѣшеходомъ домой.

XI.

Идетъ Ефимъ одинъ тѣмъ же путемъ. Сталъ къ дому приближаться, опять напала на него забота, какъ безъ него дома живутъ. «Въ годъ, думаетъ, воды много утечетъ. Домъ цѣлый вѣкъ собираешь, а разорить домъ недолго. Какъ-то безъ него сынъ дѣла повелъ, какъ весна вскрылась, какъ скотина перезимовала, такъ ли избу выдѣлали». Дошелъ Ефимъ до того мѣста, гдѣ онъ запрошлый годъ разстался съ Елисеемъ. Народу и узнать нельзя. Гдѣ запрошлый годъ бѣдствовалъ народъ, нынче всѣ до-

статочно живутъ. Родилось хорошо въ полѣ. Поправился народъ и прежнее горе забыли. Подходитъ вечеркомъ Ефимъ къ тому самому селу, гдѣ запрошлый годъ Елисей отсталъ. Только вошелъ въ село, выскочила изъ-за хатки дѣвочка въ бѣлой рубахѣ.

— Дідъ! дідко! до насъ заходи.

Хотѣлъ Ефимъ пройти, да не пускаетъ дѣвочка, ухватила за полу, тащитъ къ хатѣ и сама смѣется.

Вышла на крыльцо и женщина съ мальчикомъ, тоже манитъ:

— Заходи, молъ, дѣдушка, поужинать — переночуешь.

Зашелъ Ефимъ. «Кстати, думаетъ, про Елисея спрошу: никакъ въ эту самую хатку онъ тогда и напиться заходилъ».

Вошелъ Ефимъ, сняла съ него женщина сумку, умыться подала, посадила за столъ. Молока достала, вареников, каши поставила на столъ. Поблагодарилъ Тарасычъ, похвалилъ людей за то, что они странниковъ привѣчаютъ. Покачала головой женщина.

— Намъ, говоритъ, нельзя странниковъ не привѣчать. Мы отъ странника жизнь узнали. Жили мы, Бога забыли, и наказалъ насъ Богъ такъ, что всѣ только смерти ждали. Дошли лѣтось до того, что всѣ лежали — и ѣсть нечего и больны. И помереть бы намъ, да послалъ намъ Богъ такого же, вотъ какъ ты, старичка. Зашелъ онъ среди дня напиться, да увидалъ насъ, пожалѣлъ, да и остался съ нами. И поилъ, и кормилъ, и на ноги поставилъ, и землю выкупилъ, и лошадь съ телѣгой купилъ, у насъ кинулъ.

Вошла въ хату старуха, перебила рѣчь женщины.

— И сами мы не знаемъ, говоритъ, человѣкъ ли былъ или ангелъ Божій. Всѣхъ-то любилъ, всѣхъ-то жалѣлъ, и ушелъ — не сказался, и молить за кого Бога — не знаемъ. Какъ теперь вижу: лежу я, смерти жду, смотрю — вошелъ старичокъ, немудрененькій, такъ лысенькій, воды напиться. Еще я подумала, грѣшная: что шляются? А онъ вонъ что сдѣлалъ! Какъ увидалъ насъ, сейчасъ сумочку долой, вотъ на этомъ мѣстѣ поставилъ, развязалъ.

Вступилась и дѣвочка.

— Нѣтъ, говоритъ, бабушка, онъ прежде сюда посередь хаты поставилъ сумку, а потомъ на лавку убралъ.

И стали онѣ спорить и всѣ его слова и дѣла поминать: и гдѣ онъ сидѣлъ, и гдѣ спалъ, и что дѣлалъ, и что кому сказалъ.

На ночь пріѣхалъ и мужикъ-хозяинъ на лошади, тоже сталъ про Елисея разсказывать, какъ онъ у нихъ жилъ.

— Не приди онъ къ намъ, говоритъ, мы бы всѣ въ грѣхахъ померли. Помирали мы въ отчаяніи, на Бога и на людей роп-

тали. А онъ насъ и на ноги поставилъ, и черезъ него мы и Бога узнали, и въ добрыхъ людей увѣровали. Спаси его Христосъ! Прежде какъ скоты жили, онъ насъ людьми сдѣлалъ.

Накормили, напоили люди Ефима, положили спать и сами легли.

Лежитъ Ефимъ и не спитъ, и не выходитъ у него изъ головы Елисей, какъ онъ видѣлъ его въ Іерусалимѣ три раза въ переднемъ мѣстѣ.

«Такъ вотъ онъ гдѣ, думаетъ, упредилъ меня! Мои труды приняты, нѣтъ ли, а его-то принялъ Господь».

На утро распрощались люди съ Ефимомъ, наклали ему пирожковъ на дорогу и пошли на работу, а Ефимъ—въ путь-дорогу.

XII.

Ровно годъ проходилъ Ефимъ. На весну вернулся домой.

Пришелъ онъ домой къ вечеру. Сына дома не было: въ кабакѣ былъ. Пришелъ сынъ выпимши, сталъ его Ефимъ разспрашивать. По всему увидалъ, что замотался безъ него малый. Деньги всѣ провелъ дурно, дѣла упустилъ. Сталъ его отецъ щунять. Сталъ сынъ грубіянить.

— Ты бы, говоритъ, самъ поворочалъ, а то ты ушелъ ходить да еще деньги съ собой унесъ всѣ, а съ меня спрашиваешь.

Разсерчалъ старикъ, побилъ сына.

На утро вышелъ Ефимъ Тарасычъ къ старостѣ о сынѣ поговорить, идетъ мимо Елисеева двора. Стоитъ старуха Елисеева на крылечкѣ, здоровкается:

— Здорово, кумъ, говоритъ; здорово ли, касатикъ, сходилъ? Остановился Ефимъ Тарасычъ.

— Слава Богу, говоритъ, сходилъ; твоего старика потерялъ, да слышу, онъ домой вернулся.

И заговорила старуха — охотница была покалякать.

— Вернулся, говоритъ, кормилецъ, давно вернулся. Вскорѣ послѣ Успенья никакъ. Ужъ и рады же мы были, что его Богъ принесъ! Скучно намъ безъ него. Работа ужъ отъ него какая,— года его ушли. А все голова, и намъ веселѣй. Ужъ и парень-то какъ радовался! Безъ него, говоритъ, какъ безъ свѣта въ глазу. Скучно намъ безъ него, желанный, любимъ мы его, ужъ какъ жалѣемъ.

— Что жъ, дома, что ль, онъ теперь?

— Дома, родной, на пчельникѣ, рои огребаетъ. Хороша, баитъ, роевщина. Такую Богъ далъ силу пчелѣ, что старикъ

и не запомнитъ. Не по грѣхамъ, баитъ, Богъ даетъ. Заходи, желанный, ужъ какъ радъ-то будетъ.

Пошелъ Ефимъ черезъ сѣни, черезъ дворъ на пчельникъ къ Елисею. Вошелъ на пчельникъ, смотритъ — стоитъ Елисей безъ сѣтки, безъ рукавицъ, въ кафтанѣ сѣромъ подъ березкою, руки развелъ и глядитъ кверху, и лысина блеститъ во всю голову, какъ онъ въ Іерусалимѣ у гроба Господня стоялъ, а надъ нимъ, какъ въ Іерусалимѣ, сквозь березку, какъ жаръ горитъ, играетъ солнце, а вокругъ головы золотыя пчелки въ вѣнецъ свились, вьются, а не жалятъ его. Остановился Ефимъ.

Окрикнула старуха Елисеева мужа.

— Кумъ, говоритъ, пришелъ!

Оглянулся Елисей, обрадовался, пошелъ куму навстрѣчу, полегонечку пчелъ изъ бороды выбираетъ.

— Здорово, кумъ, здорово, милый человѣкъ... Хорошо сходилъ?

— Ноги сходили, и водицы тебѣ съ Іордана рѣки принесъ. Заходи, возьми, да принялъ ли Господь труды...

— Ну и слава Богу, спаси Христосъ.

Помолчалъ Ефимъ.

— Ногами былъ, да душой-то былъ ли, али другой кто...

— Божье дѣло, кумъ, Божье дѣло.

— Заходилъ тоже я на обратномъ въ хату, гдѣ ты отсталъ...

Испугался Елисей, заторопился.

— Божье дѣло, кумъ, Божье дѣло. Что жъ, заходи, что ли, въ избу — медку принесу.

И замялъ Елисей рѣчь, заговорилъ про домашнее.

Вздохнулъ Ефимъ и не сталъ поминать Елисею про людей въ хатѣ и про то, что онъ видѣлъ его въ Іерусалимѣ. И понялъ онъ, что на міру по смерть велѣлъ Богъ отбывать каждому свой оброкъ — любовью и добрыми дѣлами.

1885 г.

СКАЗКА

объ Иванѣ-дуракѣ и его двухъ братьяхъ: Семенѣ-воинѣ и Тарасѣ-брюханѣ и нѣмой сестрѣ Маланьѣ, и о старомъ дьяволѣ и трехъ чертенятахъ.

I.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатый мужикъ. И было у богатаго мужика три сына: Семенъ-воинъ, Тарасъ-брюханъ и Иванъ-дуракъ, и дочь Маланья-вѣкоуха, нѣмая. Пошелъ Семенъ-воинъ на войну, царю служить, Тарасъ-брюханъ пошелъ въ городъ къ купцу, торговать, а Иванъ-дуракъ съ дѣвкою остался дома работать, горбъ наживать. Выслужилъ себѣ Семенъ-воинъ чинъ большой и вотчину и женился на барской дочери. Жалованье большое было и вотчина большая, а все концы съ концами не сводилъ: что̀ мужъ соберетъ, все жена-барыня рукавомъ растрясетъ; все денегъ нѣтъ. И пріѣхалъ Семенъ-воинъ въ вотчину доходы собирать. Приказчикъ ему и говоритъ: «Не съ чего взять; нѣтъ у насъ ни скотины, ни снасти, ни лошади, ни коровы, ни сохи, ни бороны; надо всего завести—тогда доходы будутъ». И пошелъ Семенъ-воинъ къ отцу: «Ты, говоритъ, батюшка, богатъ, а мнѣ ничего не далъ. Отдѣли мнѣ третью часть, я въ свою вотчину переведу». Старикъ и говоритъ: «Ты мнѣ въ домъ ничего не подавалъ, за что̀ тебѣ третью часть давать? Ивану съ дѣвкой обидно будетъ».

А Семенъ говоритъ: «Да вѣдь онъ дуракъ, а она — вѣкоуха нѣмая; чего имъ надо». Старикъ и говоритъ: «Какъ Иванъ скажетъ».

А Иванъ говоритъ: «Ну что жъ, говоритъ, пускай беретъ».

Взялъ Семенъ-воинъ часть изъ дома, перевелъ въ свою вотчину, опять уѣхалъ къ царю служить.

Нажилъ и Тарасъ-брюханъ денегъ много и женился на купчихѣ, да все ему мало было. Пріѣхалъ къ отцу и говоритъ: «Отдѣли мнѣ мою часть». Не хотѣлъ старикъ и Тарасу давать часть.—

«Ты, говоритъ, ничего намъ не подавалъ, а что̀ въ домѣ есть, то Иванъ нажилъ. Тоже и его съ дѣвкой обидѣть нельзя». А Тарасъ говоритъ: «На что ему, онъ дуракъ; жениться ему нельзя, никто не пойдетъ, а дѣвкѣ нѣмой тоже ничего не нужно. Давай, говоритъ, Иванъ, мнѣ хлѣба половинную часть; я снасти брать не буду, а изъ скотины только жеребца сиваго возьму, — тебѣ онъ пахать не годится».

Засмѣялся Иванъ. — Ну что жъ, говоритъ, бери, я пойду — обратаю.

Отдали и Тарасу часть. Увезъ Тарасъ хлѣбъ въ городъ и жеребца увелъ, и остался Иванъ съ одной кобылой старой попрежнему крестьянствовать — отца съ матерью кормить.

II.

Досадно стало старому дьяволу, что не поссорились братья, а разошлись по любови. И кликнулъ онъ трехъ чертенятъ.

— Вотъ видите, говоритъ, три брата живутъ: Семенъ-воинъ, Тарасъ-брюханъ и Иванъ-дуракъ. Надо бы имъ всѣмъ перессориться, а они мирно живутъ: другъ съ дружкой хлѣбъ-соль водятъ. Дуракъ мнѣ всѣ дѣла испортилъ. Подите вы втроемъ, возьмитесь за троихъ и смутите ихъ такъ, чтобы они другъ дружкѣ глаза повыдрали. Можете ли это сдѣлать?

— Можемъ, говорятъ.

— Какъ же вы дѣлать будете?

— А такъ, говорятъ, сдѣлаемъ: разоримъ ихъ сперва, чтобъ имъ жрать нечего было, а потомъ собьемъ въ одну кучу, они и передерутся.

— Ну, ладно, говоритъ, я вижу — вы дѣло знаете; ступайте и ко мнѣ не ворочайтесь, пока всѣхъ троихъ не смутите. А то со всѣхъ троихъ шкуру спущу.

Пошли чертенята всѣ въ болото, стали судить, какъ за дѣло браться; спорили, спорили, каждому хочется полегче работу выгадать, и порѣшили на томъ, что жеребій кинуть, какой кому достанется, и чтобъ каждый на одного шелъ. Кто раньше другихъ отдѣлается, чтобы приходилъ другимъ подсоблять. Кинули жеребій чертенята и назначили срокъ, когда опять въ болотѣ собраться, узнать, кто отдѣлался и кому подсоблять идти. И разошлись чертенята, каждый на свой жеребій.

Прошелъ срокъ, и собрались по уговору чертенята въ болотѣ. Стали толковать, какъ у кого дѣла. Сталъ разсказывать первый чертенокъ — отъ Семена-воина.

— Мое дѣло, говоритъ, ладится. Завтра, говоритъ, мой Семенъ домой къ отцу придетъ.

Стали его товарищи спрашивать: «Какъ ты, говорятъ, сдѣлалъ?»

— А я, говоритъ, первымъ дѣломъ храбрость такую на Семена навелъ, что онъ обѣщалъ своему царю весь свѣтъ завоевать. И сдѣлалъ царь Семена начальникомъ, послалъ его воевать индѣйскаго царя. Сошлись воевать, а я въ ту же ночь въ Семеновомъ войскѣ весь порохъ подмочилъ и пошелъ къ индѣйскому царю изъ соломы солдатъ надѣлалъ видимо невидимо. Увидали Семеновы солдаты, что на нихъ со всѣхъ сторонъ индѣйское войско заходитъ — заробѣли. Велѣлъ Семенъ-воинъ палить: пушки, ружья—не выходятъ. Испугались Семеновы солдаты и побѣжали, какъ бараны. И побилъ ихъ индѣйскій царь. Осрамился Семенъ-воинъ, отобрали у него вотчину и завтра казнить хотятъ. Только мнѣ на день и дѣла осталось, изъ темницы его выпустить, чтобы онъ домой убѣжалъ. Завтра отдѣлаюсь, такъ сказывайте, кому изъ двухъ помогать приходить?

Сталъ и другой чертенокъ, отъ Тараса, разсказывать про свои дѣла:

— Мнѣ, говоритъ, помогать не надо. Мое дѣло тоже на ладъ пошло. Больше недѣли не проживетъ Тарасъ. Я, говоритъ, первымъ дѣломъ отрастилъ ему брюхо и навелъ на него зависть. Такая у него зависть на чужое добро сдѣлалась, что, что̀ ни увидитъ, все ему купить хочется. Накупилъ онъ видимо-невидимо на всѣ свои деньги и все еще покупаетъ. Теперь ужъ сталъ на заемныя деньги покупать. Ужъ много на него набралъ и запутался такъ, что не распутаться. Черезъ недѣлю сроки подойдутъ отдавать, а я изъ всего товара его навозъ сдѣлаю, — не расплатится и пріѣдетъ къ отцу.

Стали спрашивать и у третьяго чертенка, отъ Ивана.

— А твое дѣло какъ?

— Да что, говоритъ, мое дѣло не ладится. Наплевалъ я ему первымъ дѣломъ въ кувшинъ съ квасомъ, чтобы у него животъ болѣлъ, и пошелъ на его пашню, сбилъ землю, какъ камень, чтобы онъ не осилилъ. Думалъ я, что онъ не вспашетъ, а онъ, дуракъ, пріѣхалъ съ сохой, началъ драть. Кряхтитъ отъ живота, а самъ все пашетъ. Изломалъ я ему одну соху, — поѣхалъ онъ домой, переладилъ другую, подвои новые подвязалъ и опять принялся пахать. Залѣзъ я подъ землю, сталъ за сошники держать, не удержишь никакъ, — налегаетъ на соху, а сошники вострые; изрѣзалъ мнѣ руки всѣ. Почти все допахалъ, одна только полоска осталась. Приходите, говоритъ, братцы, помогать, а то, какъ мы его одного не осилимъ, всѣ наши труды пропадутъ. Если дуракъ останется,

да крестьянствовать будетъ, они нужды не увидятъ, онъ обоихъ братьевъ кормить будетъ.

Пообѣщалъ чертенокъ отъ Семена-воина черезъ день приходить помогать, и разошлись на томъ чертенята.

III.

Вспахалъ Иванъ весь паръ, только одна полоска осталась. Пріѣхалъ допахивать. Болитъ у него животъ, а пахать надо. Выхлестнулъ гужи, перевернулъ соху и поѣхалъ пахать. Только завернулся разъ, поѣхалъ назадъ — ровно за корень зацѣпило — волочетъ. А это чертенокъ ногами вокругъ рассохи заплелъ,—держитъ. «Что за чудо!—думаетъ Иванъ.—Корней тутъ не было, а корень». Запустилъ Иванъ руку въ борозду, ощупалъ — мягкое. Ухватилъ что-то и вытащилъ. Черное, какъ корень, а на корнѣ что-то шевелится. Глядь — чертенокъ живой. «Ишь ты, говоритъ, пакость какая!» Замахнулся Иванъ, хотѣлъ о приголовокъ пришибить его, да запищалъ чертенокъ:

— Не бей ты меня, говоритъ, а я тебѣ, что̀ хочешь, сдѣлаю.

— Что жъ ты мнѣ сдѣлаешь?

— Скажи только, чего хочешь.

Почесался Иванъ.— Брюхо, говоритъ, болитъ у меня—поправить можешь?

— Могу, говоритъ.

— Ну, лѣчи.

Нагнулся чертенокъ въ борозду, пошарилъ, пошарилъ когтями, выхватилъ корешокъ-тройчатку, подалъ Ивану.

— Вотъ, говоритъ, кто ни проглотитъ одинъ корешокъ, всякая боль пройдетъ. — Взялъ Иванъ, разорвалъ корешки, проглотилъ одинъ. Сейчасъ животъ прошелъ.

Запросился опять чертенокъ.—Пусти, говоритъ, теперь меня, я въ землю проскочу — больше ходить не буду.

— Ну что жъ, говоритъ, Богъ съ тобой! — И какъ только сказалъ Иванъ про Бога, — юркнулъ чертенокъ подъ землю, какъ камень въ воду, только дыра осталась. Засунулъ Иванъ два остальныхъ корешка въ шапку и сталъ допахивать. Допахалъ до конца полоску, перевернулъ соху и поѣхалъ домой. Отпрягъ, пришелъ въ избу, а старшій братъ, Семенъ-воинъ, сидитъ съ женой — ужинаютъ. Отняли у него вотчину, — насилу изъ тюрьмы ушелъ и прибѣжалъ къ отцу жить.

Увидалъ Семенъ Ивана. — Я, говоритъ, къ тебѣ жить пріѣхалъ; корми насъ съ женой, пока мѣсто новое выйдетъ.

— Ну что жъ, говоритъ, живите.

Только хотѣлъ Иванъ на лавку сѣсть, — не понравился барынѣ духъ отъ Ивана. Она и говоритъ мужу: «Не могу я, говоритъ, съ вонючимъ мужикомъ вмѣстѣ ужинать».

Семенъ-воинъ и говоритъ: «Моя барыня говоритъ: отъ тебя духъ не хорошъ, — ты бы въ сѣняхъ поѣлъ».

— Ну что жъ, говоритъ. Мнѣ и такъ въ ночное пора — кобылу кормить.

Взялъ Иванъ хлѣба, кафтанъ и поѣхалъ въ ночное.

IV.

Отдѣлался въ эту ночь чертенокъ отъ Семена-воина и пришелъ по уговору Иванова чертенка искать — ему помогать дурака донимать. Пришелъ на пашню; поискалъ, поискалъ товарища, — нѣтъ нигдѣ, только дыру нашелъ. «Ну, думаетъ, видно съ товарищемъ бѣда случилась, надо на его мѣсто становиться. Пашня допахана, — надо будетъ дурака на покосѣ донимать».

Пошелъ чертенокъ въ луга, напустилъ на Ивановъ покосъ паводокъ; затянуло весь покосъ грязью. Вернулся на зорькѣ Иванъ изъ ночного, отбилъ косу, пошелъ луга косить. Пришелъ Иванъ, сталъ косить; махнетъ разъ, махнетъ другой — затупится коса, не рѣжетъ, точить надо. Бился, бился Иванъ. «Нѣтъ, говоритъ, пойду домой, отбой принесу да и хлѣба принесу. Хоть недѣлю пробьюсь, а не уйду, пока не выкошу». Услыхалъ чертенокъ — задумался. «Калянъ, говоритъ, дуракъ этотъ, не проймешь его. Надо на другія штуки подниматься».

Пришелъ Иванъ, отбилъ косу, сталъ косить. Залѣзъ чертенокъ въ траву, сталъ косу за пятку ловить, носкомъ въ землю тыкать. Трудно Ивану, однако выкосилъ покосъ, — осталась одна дѣлянка на болотѣ. Залѣзъ чертенокъ въ болото, думаетъ себѣ: «Хоть лапы перерѣжу, а не дамъ выкосить». Зашелъ Иванъ въ болото; трава — смотрѣть — не густая, а не проворотитъ косы. Разсердился Иванъ, началъ во всю мочь махать; сталъ чертенокъ подаваться, — не поспѣваетъ отскакивать; видитъ — дѣло плохо, забился въ кустъ. Размахнулся Иванъ, шаркнулъ по кусту, отхватилъ чертенку половину хвоста. Докосилъ Иванъ покосъ, велѣлъ дѣвкѣ грести, а самъ пошелъ рожь косить.

Вышелъ съ крюкомъ, а кургузый чертенокъ ужъ тамъ, перепуталъ рожь такъ, что на крюкъ нейдетъ. Вернулся Иванъ, взялъ серпъ и принялся жать—выжалъ всю рожь. «Ну, теперь, говоритъ, надо за овесъ браться». Услыхалъ кургузый чертенокъ, ну, думаетъ: «Я его теперь на овсѣ дойму, дай только утрà дождаться». Прибѣжалъ чертенокъ утромъ на

овсяное поле, а овесъ уже скошенъ: Иванъ его ночью скосилъ, чтобъ меньше сыпался. Разсердился чертенокъ. «Изрѣзалъ, говоритъ, меня и замучилъ дуракъ. И на войнѣ такой бѣды не видалъ! Не спитъ проклятый, за нимъ не поспѣешь! Пойду, говоритъ, теперь въ копны, прогною ему всѣ».

И пошелъ чертенокъ въ ржаную копну, залѣзъ между снопами — сталъ гноить: согрѣлъ ихъ и самъ согрѣлся и задремалъ.

А Иванъ запрягъ кобылу и поѣхалъ съ дѣвкой возить. Подъѣхалъ къ копнѣ, сталъ кидать на возъ. Скинулъ два снопа, сунулъ, — прямо чертенку въ задъ; поднялъ — глядь: на вилахъ чертенокъ живой, да еще кургузый, барахтается, ужимается, соскочить хочетъ.

— Ишь ты, говоритъ, пакость какая! Ты опять тутъ?

— Я, говоритъ, другой, то мой братъ былъ. А я, говоритъ, у твоего брата Семена былъ.

— Ну, говоритъ, какой ты тамъ ни будь, и тебѣ то же будетъ!—Хотѣлъ его объ грядку пришибить, да сталъ его просить чертенокъ. «Отпусти, говоритъ, больше не буду, — а я тебѣ что̀ хочешь сдѣлаю».

— Да что ты сдѣлать можешь?

— А я, говоритъ, могу изъ чего хочешь солдатъ надѣлать.

— Да на что ихъ?

— А на что, говоритъ, хочешь, ихъ поверни; они все могутъ.

— Пѣсни играть могутъ?

— Могутъ.

— Ну что жъ, говоритъ, сдѣлай.

И сказалъ чертенокъ: «Возьми ты, говоритъ, снопъ ржаной, тряхни его о землю гузомъ и скажи только: велитъ мой холопъ, чтобъ былъ не снопъ, а сколько въ тебѣ соломинокъ, столько бы солдатъ».

Взялъ Иванъ снопъ, тряхнулъ оземь и сказалъ, какъ велѣлъ чертенокъ. И разскочился снопъ, и сдѣлались солдаты, и впереди барабанщикъ и трубачъ играютъ. Засмѣялся Иванъ.

— Ишь ты, говоритъ, какъ ловко! Это, говоритъ, хорошо дѣвокъ веселить.

— Ну, — говоритъ чертенокъ, — пусти же теперь.

— Нѣтъ, говоритъ, это я изъ старновки дѣлать буду, а то даромъ зерно пропадаетъ. Научи, какъ опять въ снопъ поворотить. Я его обмолочу.

Чертенокъ и говоритъ: «Скажи: сколько солдатъ, столько соломинокъ. Велитъ мой холопъ, будь опять снопъ!» Сказалъ такъ Иванъ, и сталъ опять снопъ.

И сталъ опять проситься чертенокъ. — Пусти, говоритъ, теперь.

— Ну что жъ! — Зацѣпилъ его Иванъ за грядку, придержалъ рукой, сдернулъ съ вилъ. — Съ Богомъ, говоритъ. И только сказалъ про Бога, — юркнулъ чертенокъ подъ землю, какъ камень въ воду, только дыра осталась.

Пріѣхалъ Иванъ домой, а дома и другой братъ, Тарасъ, съ женой сидятъ — ужинаютъ. Не расчелся Тарасъ-брюханъ, убѣжалъ отъ долговъ и пришелъ къ отцу. Увидалъ Ивана.

— Ну, говоритъ, Иванъ, пока я расторгуюсь, корми насъ съ женой.

— Ну что жъ, говоритъ, живите.

Снялъ Иванъ кафтанъ, сѣлъ къ столу.

А купчиха говоритъ: «Я, говоритъ, съ дуракомъ кушать не могу: отъ него, говоритъ, пòтомъ воняетъ».

Тарасъ и говоритъ: «Отъ тебя, говоритъ, Иванъ, духъ не хорошъ, — поди, въ сѣняхъ поѣшь».

— Ну что жъ, говоритъ.—Взялъ хлѣба, ушелъ на дворъ.— Мнѣ, говоритъ, кстати въ ночное пора — кобылу кормить.

V.

Отдѣлался въ эту ночь и отъ Тараса чертенокъ и пришелъ по уговору товарищамъ помогать — Ивана-дурака донимать. Пришелъ на пашню, поискалъ, поискалъ товарищей — нѣтъ никого, только дыру нашелъ. Пошелъ на луга — въ болотѣ хвостъ нашелъ, а на ржаномъ жнивьѣ и другую дыру нашелъ. «Ну, думаетъ, видно, надъ товарищами бѣда случилась, надо на ихъ мѣсто становиться, за дурака приниматься».

Пошелъ чертенокъ на гумно Ивана искать. А Иванъ ужъ съ поля убрался, въ рощѣ лѣсъ рубитъ.

Стало братьямъ тѣсно жить вмѣстѣ: велѣли дураку себѣ на избы лѣсъ рубить, новые дома строить.

Прибѣжалъ чертенокъ въ лѣсъ, залѣзъ въ сучья, сталъ мѣшать Ивану деревья валить. Подрубитъ Иванъ дерево какъ надо, чтобъ на чистое мѣсто сронить, сталъ валить—дурòмъ пошло дерево, повалилось куда не надо, на сукахъ застряло. Вырубилъ Иванъ рочагъ, началъ отворачивать — насилу свалилъ дерево. Сталъ Иванъ рубить другое — опять то же. Бился, бился, насилу выпросталъ. Взялся за третье — опять то же. Думалъ Иванъ хлыстовъ полсотни срубить, и десятка не срубилъ, а ужъ ночь на дворѣ. И замучился Иванъ. Валитъ отъ него паръ, какъ туманъ по лѣсу пошелъ, а онъ все не бросаетъ. Подру-

билъ онъ одно дерево, и заломило ему спину, такъ что мочи не стало; воткнулъ топоръ и присѣлъ отдохнуть. Услыхалъ чертенокъ, что затихъ Иванъ, обрадовался. «Ну, думаетъ, выбился изъ силъ — броситъ; отдохну теперь и я». Сѣлъ верхомъ на сукъ и радуется. А Иванъ поднялся, вынулъ топоръ, размахнулся да какъ тяпнетъ съ другой стороны, сразу затрещало дерево — грохнулось. Не спопашился чертенокъ, не успѣлъ ногъ выпростать, сломался сукъ и защемилъ чертенка за лапу. Удивился Иванъ.

— Ишь ты, говоритъ, пакость какая! Ты опять тутъ?

— Я, говоритъ, другой. Я у твоего брата Тараса былъ.

— Ну, какой бы ты ни былъ, и тебѣ то же будетъ!

Замахнулся Иванъ топоромъ, хотѣлъ его обухомъ пристукнуть. Взмолился чертенокъ.

— Не бей, говоритъ, меня, я тебѣ что̀ хочешь сдѣлаю.

— Да что жъ ты сдѣлать можешь?

— А я, говоритъ, могу тебѣ денегъ сколько хочешь надѣлать.

— Ну что жъ, говоритъ, надѣлай!

И научилъ его чертенокъ.

— Возьми ты, говоритъ, листу дубоваго съ этого дуба и потри въ рукахъ. Наземь золото падать будетъ.

Взялъ Иванъ листьевъ, потеръ — посыпалось золото.

— Это, говоритъ, хорошо, когда на гулянкахъ съ ребятами играть.

— Пусти же, — говоритъ чертенокъ.

— Ну что жъ! — Взялъ Иванъ рочагъ, выпросталъ чертенка. — Богъ съ тобой! говоритъ. И какъ только сказалъ про Бога, — юркнулъ чертенокъ подъ землю, какъ камень въ воду, только дыра осталась.

VI.

Построили братья дома и стали жить порознь. А Иванъ убрался съ поля, пива наварилъ и позвалъ братьевъ гулять. Не пошли братья къ Ивану въ гости: — Не видали мы, говорятъ, мужицкаго гулянья.

Угостилъ Иванъ мужиковъ, бабъ и самъ выпилъ — захмелѣлъ и пошелъ на улицу въ хороводы. Подошелъ Иванъ къ хороводамъ, велѣлъ бабамъ себя величать.

— Я, говоритъ, вамъ того дамъ, чего вы въ жизнь не видали. — Посмѣялись бабы и стали его величать. Отвеличали и говорятъ:

— Ну что жъ, давай.

— Сейчасъ, говоритъ, принесу.—Ухватилъ сѣвалку, побѣжалъ въ лѣсъ. Смѣются бабы: «то-то дуракъ!» И забыли про него. Глядь: бѣжитъ Иванъ назадъ, несетъ сѣвалку полну чего-то.

— Одѣлять, что ли?

— Одѣляй.

Захватилъ Иванъ горсть золота — кинулъ бабамъ. Батюшки! Бросились бабы подбирать; выскочили мужики, другъ у дружки рвутъ, отнимаютъ. Старуху одну чуть до смерти не задавили. Смѣется Иванъ.

— Да не давите другъ дружку, говоритъ, я вамъ еще дамъ.— Сталъ еще швырять. Сбѣжался народъ — расшвырялъ Иванъ всю сѣвалку. Стали просить еще. А Иванъ говоритъ: «Вся. Другой разъ еще дамъ. Теперь давайте плясать, играйте пѣсни хорошія».

Заиграли бабы пѣсни.

— Не хороши, говоритъ, ваши пѣсни.

— Какія же, говорятъ, лучше?

— А я, говоритъ, вотъ вамъ покажу сейчасъ. — Пошелъ на гумно, выдернулъ снопъ, обилъ его, поставилъ на гузо, стукнулъ. «Ну, говоритъ, сдѣлай холопъ, чтобъ былъ не снопъ, а каждая соломинка — солдатъ». — Разскочился снопъ, стали солдаты; заиграли барабаны, трубы. Велѣлъ Иванъ солдатамъ пѣсни играть, вышелъ съ ними на улицу. Удивился народъ. Поиграли солдаты пѣсни, и увелъ ихъ Иванъ назадъ на гумно, а самъ не велѣлъ никому за собой ходить, и сдѣлалъ опять солдатъ снопомъ, бросилъ на одонье. Пришелъ домой и легъ спать въ закуту.

VII.

Узналъ на утро про эти дѣла старшій братъ Семенъ-воинъ, приходитъ къ Ивану.

— Открой ты мнѣ, говоритъ, откуда ты солдатъ приводилъ и куда увелъ?

— А на что, говоритъ, тебѣ?

— Какъ на что? Съ солдатами все сдѣлать можно. Можно себѣ царство добыть.

Удивился Иванъ. — Что жъ ты, говоритъ, давно не сказалъ? Я тебѣ сколько хочешь надѣлаю. Благо мы съ дѣвкой много насторновали.

Повелъ Иванъ брата на гумно и говоритъ: «Смотри жъ, я ихъ дѣлать буду, а ты ихъ уводи, а то коли ихъ кормить, такъ они въ одинъ день всю деревню слопаютъ».

Обѣщалъ Семенъ-воинъ увести солдатъ, и началъ Иванъ ихъ дѣлать. Стукнетъ по току снопомъ — рота; стукнетъ другимъ — другая; надѣлалъ ихъ столько, что все поле захватили.

— Что жъ, будетъ, что ли?

Обрадовался Семенъ и говоритъ: «Будетъ. Спасибо, Иванъ».

— То-то, говоритъ. Коли тебѣ еще надо, ты приходи, я еще надѣлаю. Соломы нынче много.

Сейчасъ распорядился Семенъ-воинъ войскомъ, собралъ ихъ какъ слѣдуетъ и пошелъ воевать.

Только ушелъ Семенъ-воинъ, приходитъ Тарасъ-брюханъ, — тоже узналъ про вчерашнее дѣло, сталъ брата просить:

— Открой мнѣ, откуда ты золотыя деньги берешь? Кабы у меня такія вольныя деньги были, я бы къ этимъ деньгамъ со всего свѣта деньги собралъ.

Удивился Иванъ. — Ну! Ты бъ давно, говоритъ, сказалъ. Я тебѣ сколько хочешь натру.

Обрадовался братъ. — Дай мнѣ хоть сѣвалки три.

— Ну что жъ, говоритъ, пойдемъ въ лѣсъ, а то лошадь запряги, — не унесешь.

Поѣхали въ лѣсъ; сталъ Иванъ съ дуба листья натирать. Насыпалъ кучу большую.

— Будетъ, что ли?

Обрадовался Тарасъ. — Пока будетъ, говоритъ. Спасибо, Иванъ.

— То-то, говоритъ. Коли тебѣ еще надо, приходи, я натру еще, — листу много осталось.

Набралъ Тарасъ-брюханъ денегъ возъ цѣлый и уѣхалъ торговать.

Уѣхали оба брата. И сталъ Семенъ воевать, а Тарасъ торговать. И завоевалъ себѣ Семенъ-воинъ два царства, а Тарасъ-брюханъ наторговалъ денегъ кучу большую.

Сошлись братья вмѣстѣ и открылись другъ другу: откуда у Семена солдаты, а у Тараса деньги.

Семенъ-воинъ и говоритъ брату: «Я, говоритъ, царство завоевалъ, и мнѣ жить хорошо, только у меня денегъ нехватка — солдатъ кормить».

А Тарасъ-брюханъ говоритъ: «А я, говоритъ, нажилъ денегъ бугоръ большой, только одно, говоритъ, горе — караулить денегъ некому».

Семенъ-воинъ и говоритъ: «Пойдемъ, говоритъ, къ брату Ивану, — я велю ему еще солдатъ надѣлать — тебѣ отдамъ твои деньги караулить, а ты вели ему мнѣ денегъ натереть, чтобъ было чѣмъ солдатъ кормить».

И поѣхали они къ Ивану. Пріѣзжаютъ къ Ивану. Семенъ и говоритъ: «Мнѣ мало, братецъ, моихъ солдатъ, сдѣлай мнѣ, говоритъ, еще солдатъ, хсть копны двѣ передѣлай».

Замоталъ головой Иванъ. — Даромъ, говоритъ, не стану больше тебѣ солдатъ дѣлать.

— Да какъ же, говоритъ, ты обѣщалъ?

— Обѣщалъ, говоритъ, да не стану больше.

— Да отчего жъ ты, дуракъ, не станешь?

— А оттого, что твои солдаты человѣка до смерти убили. Я намедни пашу у дороги: вижу, баба по дорогѣ гробъ везетъ, а сама воетъ. Я спросилъ: «Кто померъ?» Она говоритъ: «Мужа Семеновы солдаты на войнѣ убили». Я думалъ, что солдаты будутъ пѣсни играть, а они человѣка до смерти убили. Не дамъ больше.

Такъ и уперся, не сталъ больше дѣлать солдатъ.

Сталъ и Тарасъ-брюханъ просить Ивана-дурака, чтобъ онъ ему еще золотыхъ денегъ нздѣлалъ.

Замоталъ головой Иванъ. — Даромъ не стану, говоритъ, больше дѣлать.

— Да какъ же ты, говоритъ, обѣщалъ?

— Обѣщалъ, говоритъ, да не стану больше.

— Да отчего же ты, дуракъ, не станешь?

— А оттого, что твои золотые у Михайловны корову отняли.

— Какъ отняли?

— Такъ отняли. Была у Михайловны корова, ребята молоко хлебали, а намедни пришли ея ребята ко мнѣ молока просить. Я и говорю имъ: «А ваша корова гдѣ?» Говорятъ: «увели». Кто увелъ?—«Отъ Тараса-брюхана приказчикъ пріѣзжалъ, мамушкѣ три золотыя штучки далъ, а она и отдай ему корову, намъ теперь хлебать нечего». Я думалъ, ты золотыми штучками играть хочешь, а ты у ребятъ корову отнялъ. Не дамъ больше!»

И уперся дуракъ, не далъ больше. Такъ и уѣхали братья.

Уѣхали братья и стали судить, какъ имъ своему горю помочь. Семенъ и говоритъ: «Давай вотъ что сдѣлаемъ. Ты мнѣ денегъ дай — солдатъ кормить, а я тебѣ половину царства съ солдатами отдамъ — твои деньги караулить». Согласился Тарасъ. Подѣлились братья, и стали оба царями и оба — богаты.

VIII.

А Иванъ дома жилъ, отца съ матерью кормилъ, съ нѣмой дѣвкой въ полѣ работалъ.

Только случилось разъ, заболѣлъ у Ивана кобель старый, опаршивѣлъ, сталъ издыхать. Пожалѣлъ его Иванъ — взялъ

хлѣба у нѣмой, положилъ въ шапку, вынесъ кобелю, кинулъ ему. А шапка продралась, и выпалъ съ хлѣбомъ одинъ корешокъ. Слопалъ его съ хлѣбомъ кобель старый. И только проглотилъ корешокъ, вскочилъ кобель, заигралъ, залаялъ, хвостомъ замахалъ — здоровъ сталъ.

Увидали отецъ съ матерью, удивились.

— Чѣмъ ты, говорятъ, кобеля вылѣчилъ?

А Иванъ и говоритъ: «У меня два корешка были — отъ всякой боли лѣчатъ, такъ онъ и слопалъ одинъ».

И случилось въ это время, что заболѣла у царя дочь, и повѣстилъ царь по всѣмъ городамъ и селамъ — кто вылѣчитъ ее, того онъ наградитъ, и если холостой, за того и дочь замужъ отдастъ. Повѣстили и у Ивана въ деревнѣ.

Позвали отецъ съ матерью Ивана и говорятъ ему: «Слышалъ ты, что̀ царь повѣщаетъ? Ты сказывалъ, что у тебя корешокъ есть, поѣзжай, вылѣчи царскую дочь. Ты навѣкъ счастье получишь».

— Ну что жъ, говоритъ.—И собрался Иванъ ѣхать. Одѣли его, выходитъ Иванъ на крыльцо, видитъ — стоитъ побирушка косорукая.

— Слышала я, говоритъ, что ты лѣчишь? Вылѣчи мнѣ руку, а то и обуться сама не могу.

Иванъ и говоритъ: «Ну что жъ!» Досталъ корешокъ, далъ побирушкѣ, велѣлъ проглотить. Проглотила побирушка и выздоровѣла, сейчасъ стала махать рукой. Вышелъ отецъ съ матерью Ивана къ царю провожать, услыхали, что Иванъ послѣднiй корешокъ отдалъ и нечѣмъ царскую дочь лѣчить, стали его отецъ съ матерью ругать.

— Побирушку, говорятъ, пожалѣлъ, а царскую дочь не жалѣешь!

Жалко стало Ивану и царскую дочь. Запрягъ онъ лошадь, кинулъ соломы въ ящикъ и сѣлъ ѣхать.

— Да куда же ты, дуракъ?

— Царскую дочь лѣчить.

— Да вѣдь тебѣ лѣчить нечѣмъ?

— Ну что жъ, говоритъ, — и погналъ лошадь.

Прiѣхалъ на царскiй дворъ и только ступилъ на крыльцо, выздоровѣла царская дочь.

Обрадовался царь, велѣлъ звать къ себѣ Ивана, одѣлъ его, нарядилъ.—Будь, говоритъ, ты мнѣ зятемъ.

— Ну что жъ, говоритъ. И женился Иванъ на царевнѣ. А царь вскорѣ померъ. И сталъ Иванъ царемъ. Такъ стали царями всѣ три брата.

IX.

Жили три брата—царствовали.

Хорошо жилъ старшій братъ Семенъ-воинъ. Набралъ онъ со своими соломенными солдатами настоящихъ солдатъ, завелъ онъ порядки хорошіе. Велѣлъ онъ по всему своему царству съ десяти дворовъ по солдату поставлять, и чтобы былъ солдатъ тотъ и ростомъ великъ, и тѣломъ бѣлъ, и лицомъ чистъ. И набралъ онъ такихъ солдатъ много и всѣхъ обучилъ. И перестал онъ воевать, а держалъ солдатъ только для устраху, чтобы его и въ своемъ царствѣ и въ чужихъ царствахъ всѣ бы боялись. И боялись всѣ Семена-воина.

И житье ему было хорошее. Что только задумаетъ и на что̀ только глазами вскинетъ, то и его. Пошлетъ солдатъ, а тѣ отберутъ и принесутъ и приведутъ все, что̀ ему нужно.

Хорошо жилъ и Тарасъ-брюханъ. Онъ свои деньги, что̀ забралъ отъ Ивана, не растерялъ, а большой приростъ имъ сдѣлалъ. Завелъ и онъ у себя въ царствѣ порядки хорошіе. Деньги держалъ онъ у себя въ сундукахъ, а съ народа взыскивалъ деньги. Взыскивалъ онъ и съ души, и съ водки, и съ пива, и со свадьбы, и съ похоронъ, и съ проходу, и съ проѣзду, и съ лаптей, и съ онучъ, и съ оборокъ. Денегъ народу нужно, а деньги у него. И выкупаетъ у него народъ эти деньги и коровами, и телятами, и курами, и поросятами, и всякой работой. И житье было ему хорошее: и что ни вздумаетъ, все у него есть. За денежки къ нему всего несутъ и работать идутъ, потому что всякому деньги нужны.

Не плохо жилъ и Иванъ-дуракъ. Какъ только похоронилъ тестя, снялъ онъ все царское платье — женѣ отдалъ въ сундукъ спрятать, — опять надѣлъ посконную рубаху, портки и лапти обулъ и взялся за работу. «Скучно, говоритъ, мнѣ: брюхо расти стало, и ѣды и сна нѣтъ». Привезъ отца съ матерью и дѣвку нѣмую и сталъ опять работать.

Ему и говорятъ: «Да вѣдь ты царь!»

— Ну что жъ, говоритъ, и царю жрать надо.

Пришелъ къ нему министръ, говоритъ: «У насъ, говоритъ, денегъ нѣтъ жалованье платить».

— Ну что жъ, говоритъ, нѣтъ, такъ и не плати.

— Да они, говоритъ, служить не станутъ.

— Ну что жъ, говоритъ, пускай, говоритъ, не служатъ, свободнѣе работать будетъ; пускай навозъ вывозятъ, они много его нанавозили.

Пришли къ Ивану судиться. Одинъ говоритъ: «Онъ у меня деньги укралъ». А Иванъ говоритъ: «Ну что жъ! значитъ, ему нужно».

Узнали всѣ, что Иванъ—дуракъ. Жена емv и говоритъ: «Про тебя говорятъ, что ты дуракъ».

— Ну что жъ, говоритъ.

Подумала, подумала жена Иванова, а она тоже дура была.

— Что же мнѣ, говоритъ, противъ мужа идти? Куда иголка, туда и нитка! — Посняла царское платье, положила въ сундукъ, пошла къ дѣвкѣ нѣмой работѣ учиться. Научилась работать, стала мужу пособлять.

И ушли изъ Иванова царства всѣ умные, остались одни дураки. Денегъ ни у кого не было. Жили — работали, сами кормились и людей добрыхъ кормили.

X.

Ждалъ, ждалъ старый дьяволъ вѣстей отъ чертенятъ о томъ, какъ они трехъ братьевъ разорили,—нѣтъ вѣстей никакихъ. Пошелъ самъ провѣдать; искалъ, искалъ, нигдѣ не нашелъ, только три дыры отыскалъ. «Ну, думаетъ, видно, не осилили,—надо самому приниматься».

Пошелъ разыскивать братьевъ, а братьевъ на старыхъ мѣстахъ уже нѣтъ. Нашелъ онъ ихъ въ разныхъ царствахъ. Всѣ три живутъ-царствуютъ. Обидно показалось старому дьяволу.

— Ну, говоритъ, возьмусь-ка я самъ за дѣло.

Пошелъ онъ прежде всего къ Семену-воину въ царство. Пошелъ онъ не въ своемъ видѣ, а обратился воеводой,—пріѣхалъ къ Семену-царю. «Слышалъ я, говоритъ, что ты, Семенъ-царь, воинъ большой, а я этому дѣлу твердо наученъ, хочу тебѣ послужить». Сталъ его разспрашивать Семенъ-царь, видитъ: человѣкъ умный,—взялъ на службу.

Сталъ новый воевода Семена-царя научать, какъ сильное войско собрать.

— Первое дѣло, говоритъ,—надо, больше солдатъ собрать, а то, говоритъ, у тебя въ царствѣ много народа дурно гуляетъ. Надо, говоритъ, всѣхъ молодыхъ безъ разбора забрить, они тебѣ воевать будутъ. А бабы молодыя про тебя останутся. Второе дѣло—надо ружья и пушки новыя завести. Я тебѣ такія ружья заведу, что будутъ сразу по сто пуль выпускать, какъ горохомъ будутъ сыпать. И каждая пуля будетъ разрывать, въ кого попадетъ—всего разворотитъ. А пушки заведу такія, что онѣ будутъ огнемъ жечь. Человѣка ли, лошадь ли, стѣну ли—все сожжетъ.

Послушался Семенъ-царь воеводы новаго, велѣлъ всѣхъ подъ рядъ молодыхъ ребятъ въ солдаты брать, и заводы новые завелъ; надѣлалъ ружей, пушекъ новыхъ и сейчасъ же на сосѣдняго царя войной пошелъ. Только вышло навстрѣчу войско, велѣлъ Семенъ-царь своимъ солдатамъ пустить по немъ пулями и огнемъ изъ пушекъ; сразу перекалѣчилъ, перервалъ, пережегъ половину войска. Испугался сосѣдній царь, покорился и царство свое отдалъ. Обрадовался Семенъ-царь. «Теперь, говоритъ, я и индѣйскаго царя завоюю». А индѣйскій царь услыхалъ про Семена-царя и перенялъ отъ него всѣ его выдумки, да еще свои выдумалъ. Сталъ индѣйскій царь не однихъ молодыхъ ребятъ въ солдаты брать, а и всѣхъ бабъ холостыхъ въ солдаты забралъ, и стало у него войска еще больше, чѣмъ у Семена; а ружья и пушки всѣ отъ Семена-царя перенялъ, да еще выдумалъ по воздуху летать и бомбы разрывныя сверху кидать.

Пошелъ Семенъ-царь войной на индѣйскаго царя, думалъ какъ и прежняго, повоевать, да—рѣзала коса, да нарѣзалась. Не допустилъ индѣйскій царь Семенова войска до выстрѣла, а послалъ своихъ бабъ по воздуху на Семеново войско разрывныя бомбы кидать. Стали бабы сверху на Семеново войско, какъ буру на тараканов, бомбы посыпать; разбѣжалось Семеново войско и остался Семенъ-царь одинъ. Забралъ индѣйскій царь Семеново царство, а Семенъ-воинъ убѣжалъ куда глаза глядятъ.

Обдѣлалъ этого брата старый дьяволъ и пошелъ къ Тарасу-царю. Оборотился онъ въ купца и поселился въ Тарасовомъ царствѣ, сталъ заведенія заводить, сталъ денежки выпускать. Сталъ купецъ за всякую вещь дорого платить, и бросился весь народъ къ купцу деньги добывать, и на деньги всякую вещь и работу продавать. И завелось у народа денегъ такъ много, что всѣ недоимки выплатили и въ срокъ всѣ подати подавать стали.

Обрадовался Тарасъ-царь. «Спасибо, думаетъ, купцу, теперь у меня денегъ еще прибавится, житье мое еще лучше станетъ». И сталъ Тарасъ-царь новыя затѣи затѣвать, началъ себѣ новый дворецъ строить. Повѣстилъ народу, чтобъ везли ему лѣсъ, камень и шли бы работать, назначилъ за все цѣны высокія. Думалъ Тарасъ-царь, что попрежнему за его денежки повалитъ къ нему народъ работать. Глядь, весь лѣсъ и камень къ купцу везутъ, и весь рабочій народъ къ нему валитъ. Прибавилъ Тарасъ-царь цѣну, а купецъ еще накинулъ. У Тараса-царя денегъ много, а у купца еще больше, и перебилъ купецъ царскую цѣну. Сталъ дворецъ царскій не строиться. Затѣянъ былъ у Тараса-царя садъ. Пришла осень. Повѣщаетъ Тарасъ-царь, чтобъ шелъ къ нему народъ садъ

сажать, — не выходитъ никто, весь народъ купцу прудъ копаетъ. Пришла зима. Задумалъ Тарасъ мѣховъ собольихъ купить на шубу новую. Посылаетъ покупать, приходитъ посолъ, говоритъ: «Нѣтъ соболей,—всѣ мѣха у купца, онъ дороже далъ и изъ соболей коверъ сдѣлалъ». Понадобилось Тарасу-царю себѣ жеребцовъ купить. Посылаетъ купить, приходятъ послы: всѣ жеребцы хорошіе у купца, ему воду возятъ прудъ наливать. Стали всѣ дѣла царскія, ничего ему не дѣлаютъ, а все дѣлаютъ купцу, а ему только купцовы денежки несутъ, за подати отдаютъ.

И набралось у царя денегъ столько, что класть некуда, а житье плохое стало. Пересталъ ужъ царь затѣи затѣвать; только бы ужъ какъ-нибудь прожить, и того не можетъ. Во всемъ стѣсненіе стало. Стали отъ него и повара, и кучера, и слуги къ купцу отходить. Стало ужъ и ѣды недоставать. Пошлетъ на базаръ купить что—ничего нѣтъ: все купецъ перекупилъ, а ему только денежки за подати несутъ.

Разсердился Тарасъ и выслалъ купца за границу. А купецъ на самой на границѣ сѣлъ — все то же дѣлаетъ: все такъ же за купцовы денежки все тащатъ отъ царя къ купцу. Совсѣмъ плохо стало царю, по цѣлымъ днямъ не ѣстъ, да еще слухъ прошелъ, что купецъ хвалится, что онъ у царя и жену его купить хочетъ. Заробѣлъ царь Тарасъ и не знаетъ, какъ быть.

Пріѣзжаетъ къ нему Семенъ-воинъ и говоритъ: «Поддержи, говоритъ, — меня индѣйскій царь повоевалъ».

А Тарасу-брюхану самому ужъ узломъ къ гузну дошло.

— Я, говоритъ, самъ ужъ два дня не ѣлъ.

XI.

Обдѣлалъ старый дьяволъ обоихъ братьевъ и пошелъ къ Ивану. Обратился старый дьяволъ въ воеводу, пришелъ къ Ивану и сталъ его уговаривать, чтобъ онъ у себя войско завелъ. «Царю, говоритъ, не годится безъ войска жить. Ты мнѣ прикажи только, а я соберу изъ твоего народа солдатъ и войско заведу».

Отслушалъ его Иванъ. «Ну что жъ, говоритъ, заводи, да пѣсни ихъ научи играть половчѣе, я это люблю».

Сталъ старый дьяволъ по Иванову царству ходить, солдатъ по волѣ собирать. Объявилъ, чтобъ шли всѣ лбы брить — каждому штофъ водки и красная шапка будетъ.

Посмѣялись дураки. «Вино, говорятъ, у насъ вольное, мы сами куримъ, а шапки намъ бабы какія хочешь, хоть пестрыя, сошьютъ, да еще съ мохрами».

Такъ и не пошелъ никто. Приходитъ старый дьяволъ къ Ивану.

— Нейдутъ, говоритъ, твои дураки охотой, — надо ихъ силóмъ пригонять.

— Ну что жъ, говоритъ, пригоняй силóмъ.

И повѣстилъ старый дьяволъ, чтобъ всѣ дураки шли въ солдаты записываться, а кто не пойдетъ, того Иванъ смерти предастъ.

Пришли дураки къ воеводѣ и говорятъ: «Говоришь ты намъ, что, коли мы въ солдаты не пойдемъ, насъ царь смерти предастъ, а не сказываешь, что съ нами въ солдатствѣ будетъ. Сказываютъ, и солдатъ до смерти убиваютъ».

— Да не безъ того.

Услыхали это дураки, уперлись.

— Не пойдемъ, говорятъ, — что жъ, говорятъ, женъ нашихъ овдовятъ, дѣтей осиротятъ, загонятъ самихъ на чужую сторону, да и убьютъ, — ужъ лучше пускай дома смерти предадутъ. Ея и такъ не миновать.

— Дураки вы, дураки! — говоритъ старый дьяволъ. — Солдата еще убьютъ ли, нѣтъ ли, а не пойдешь — Иванъ-царь навѣрно смерти предастъ.

Задумались дураки, пошли къ царю Ивану-дураку спрашивать.

— Проявился, говорятъ, воевода, велитъ намъ всѣмъ въ солдаты идти. Коли пойдете, говоритъ, въ солдаты, тамъ васъ убьютъ ли, нѣтъ ли, а не пойдете, такъ васъ Иванъ-царь навѣрно смерти предастъ. Правда ли это?

Засмѣялся Иванъ.

— Какъ же, говоритъ, я васъ одинъ всѣхъ смерти предамъ? Кабы я не дуракъ былъ, я бы вамъ растолковалъ, а то я самъ не пойму.

— Такъ мы, говорятъ, не пойдемъ.

— Ну что жъ, говоритъ, не ходите.

Пошли дураки къ воеводѣ и отказались въ солдаты идти.

Видитъ старый дьяволъ — не беретъ это дѣло; пошелъ къ тараканскому царю, поддѣлался.

— Пойдемъ, говоритъ, войной, завоюемъ Ивана-царя. У него только денегъ нѣтъ, а хлѣба и скота и всякаго добра много.

Пошелъ тараканскій царь войной. Собралъ войско большое, ружья, пушки наладилъ, вышелъ на границу, сталъ въ Иваново царство входить.

Пришли къ Ивану и говорятъ: «На насъ тараканскій царь войной идетъ».

— Ну что жъ, говоритъ, пускай идетъ.

Перешелъ тараканскій царь границу, послалъ передовыхъ разыскивать Иваново войско. Искали, искали — нѣтъ войска. Ждать-пождать — не окажется ли гдѣ? И слуха нѣтъ про войско. Послалъ тараканскій царь солдатъ захватывать деревни. Пришли солдаты въ одну деревню — выскочили дураки, дуры, смотрятъ на солдатъ, дивятся. Стали солдаты отбирать у дураковъ хлѣбъ, скотину; дураки отдаютъ, никто не обороняется и зовутъ къ себѣ жить.—Коли вамъ, сердешные, говорятъ, на вашей сторонѣ житье плохое, приходите къ намъ совсѣмъ.

Походили, походили солдаты, видятъ—нѣтъ войска; а все народъ живетъ, кормится и людей кормитъ, и не обороняется, и зоветъ къ себѣ жить.

Скучно стало солдатамъ, пришли къ своему тараканскому царю.

— Не можемъ мы, говорятъ, воевать, отведи насъ въ другое мѣсто; добро бы была война, а это что — какъ кисель рѣзать. Не можемъ больше тутъ воевать.

Разсердился тараканскій царь, велѣлъ солдатамъ по всему царству пройти, разорять деревни, дома, хлѣбъ сжечь и скотину погубить.—Не послушаете, говоритъ, моего приказа, всѣхъ, говоритъ, васъ расказню.

Испугались солдаты, начали по царскому указу дѣлать. Стали дома, хлѣбъ жечь, скотину бить. Все не обороняются дураки, только плачутъ. Плачутъ старики, плачутъ старухи, плачутъ малые ребята.

— За что, говорятъ, вы насъ обижаете? Зачѣмъ вы, говорятъ, добро дурно губите? Коли вамъ нужно, вы лучше себѣ берите.

Гнусно стало солдатамъ. Не пошли дальше, и все войско разбѣжалось.

XII.

Такъ и ушелъ старый дьяволъ — не пронялъ Ивана солдатами.

Обратился старый дьяволъ въ господина чистаго и пріѣхалъ въ Иваново царство жить: хотѣлъ его, такъ же какъ Тараса-брюхана, деньгами пронять.—Я, говоритъ, хочу вамъ добро сдѣлать, уму-разуму научить. Я, говоритъ, у васъ домъ построю и заведеніе заведу.

— Ну что жъ, говорятъ, живи.

Отвелъ господину чистому десятскій квартиру, и легъ спать господинъ.

Переночевалъ и на утро вышелъ на площадь, вынесъ мѣшокъ большой золота и листъ бумаги и говоритъ: «Живете вы,

говоритъ, всѣ, какъ свиньи,—хочу я васъ научить, какъ жить надо. Стройте мнѣ, говоритъ, домъ по плану по этому. Вы работайте, а я показывать буду, а золотыя деньги вамъ буду платить». И показалъ имъ золото. Удивились дураки: у нихъ денегъ въ заводѣ не было, а они другъ дружкѣ вещь за вещь мѣняли и работой платили. Подивились они на золото. «Хороши, говорятъ, штучки». И стали господину за золотыя штучки вещи и работу мѣнять. Сталъ старый дьяволъ, какъ и у Тараса, золото выпускать, и стали ему за золото всякія вещи мѣнять и всякія работы работать. Обрадовался старый дьяволъ, думаетъ: «Пошло мое дѣло на ладъ! Разорю теперь дурака, какъ и Тараса, и куплю его съ потрохомъ совсѣмъ». Только забрались дураки золотыми штучками, роздали всѣмъ бабамъ на ожерелья, всѣмъ дѣвкамъ въ косы вплели, и ребята ужъ на улицѣ играть въ штучки стали. У всѣхъ много стало и не стали больше брать. А у господина чистаго еще хоромы наполовину не отстроены и хлѣба и скотины еще не запасено на годъ, и повѣщаетъ господинъ, чтобы къ нему шли работать, чтобъ ему хлѣбъ везли, скотину вели; за всякую вещь и за всякую работу золотыхъ много давать будетъ.

Нейдетъ никто работать и не несутъ ничего. Забѣжитъ мальчикъ или дѣвочка, яичко на золотой промѣняетъ, или за золотой ему воды принесетъ, а то нѣтъ никого,—и ѣсть ему стало нечего. Проголодался господинъ чистый, пошелъ по деревнѣ— себѣ на обѣдъ купить. Сунулся въ одинъ дворъ, даетъ золотой за курицу,—не беретъ хозяйка. «У меня, говоритъ, много и такъ». Сунулся къ бобылкѣ — селедки купить, даетъ золотой. «Не нужно мнѣ, говоритъ: у меня, говоритъ, дѣтей нѣтъ, играть некому, а я и то три штучки для рѣдкости взяла». Сунулся къ мужику за хлѣбомъ. Не взялъ и мужикъ денегъ: «Мнѣ не нужно, говоритъ. Нешто ради Христа, говоритъ, такъ погоди, я велю тебѣ отрѣзать». Заплевалъ даже дьяволъ, убѣжалъ отъ мужика. Не то, что взять ради Христа, а и слышать-то ему это слово хуже ножа.

Такъ и не добылъ хлѣба. Забрались всѣ. Куда ни пойдетъ старый дьяволъ, никто не даетъ ничего, а всѣ говорятъ: «Что-нибудь другое принеси, или приходи работать, или ради Христа возьми». Разсердился старый дьяволъ. «Зачѣмъ, говоритъ, работать, когда я вамъ золото даю? Вы за золото всего купите и всякаго работника найдете». Не слушаютъ его дураки.

— Нѣтъ, говорятъ, намъ не нужно: съ насъ платы и податей никакихъ нейдетъ, — куда жъ намъ деньги?

Легъ не ужинавши спать старый дьяволъ.

Дошло это дѣло до Ивана-дурака. Пошли къ нему спрашивать: «Что намъ дѣлать? Проявился у насъ господинъ чистый: ѣстъ и пьетъ сладко, одѣвается чисто, а работать не работаетъ и только золотыя штучки всѣмъ даетъ? Давали ему прежде всего, пока не забрались, а теперь не даютъ ему ничего. Что намъ съ нимъ дѣлать? Не померъ бы съ голода. Ради Христа не беретъ и работать не хочетъ».

Отслушалъ Иванъ.

— Ну что жъ, говоритъ, кормить надо. Пускай по дворамъ, какъ пастухъ ходитъ.

Сталъ старый дьяволъ по дворамъ ходить.

Дошла очередь и до Иванова двора. Пришелъ дьяволъ обѣдать, а у Ивана дѣвка нѣмая обѣдать собирала. Обманывали ее часто тѣ, кто полѣнивѣе. Не работамши придутъ раньше къ обѣду, всю кашу поѣдятъ. И исхитрилась дѣвка нѣмая лодырей по рукамъ узнавать: у кого мозоли на рукахъ, того сажаетъ, а у кого нѣтъ, тому объѣдки даетъ. Полѣзъ старый дьяволъ за столъ, а нѣмая дѣвка ухватила его за руки, посмотрѣла — нѣтъ мозолей, и руки чистыя, гладкія, и когти длинные. Замычала нѣмая и вытащила дьявола изъ-за стола.

А Иванова жена ему и говоритъ: «Не взыщи, господинъ чистый, золовка у насъ безъ мозолей на рукахъ за столъ не пускаетъ. Вотъ, дай срокъ, люди поѣдятъ, тогда доѣдай, что̀ останется».

Обидѣлся старый дьяволъ, что его у царя со свиньями кормить хотятъ. Сталъ Ивану говорить: «Дурацкій, говоритъ, у тебя законъ въ царствѣ, чтобы всѣмъ людямъ руками работать. Это вы по глупости придумали. Ты думаешь, чѣмъ умные люди работаютъ?»

А Иванъ говоритъ: «Гдѣ намъ, дуракамъ, знать, мы все норовимъ больше руками да горбомъ».

— Это оттого, что вы дураки. А я, говоритъ, научу васъ, какъ головой работать; тогда вы узнаете, что головой работать спорѣе, чѣмъ руками.

Удивился Иванъ.

— Ну, говоритъ, не даромъ насъ дураками зовутъ!

И сталъ старый дьяволъ говорить: «Только не легко, говоритъ, и головой работать. Вы вотъ мнѣ ѣсть не даете оттого, что у меня нѣтъ мозолей на рукахъ, а того не знаете, что головой во сто разъ труднѣе работать. Другой разъ и голова трещитъ».

Задумался Иванъ.—Зачѣмъ же ты, говоритъ, сердечный, такъ себя мучаешь? Развѣ легко, какъ голова затрещитъ? Ты бы ужъ лучше легкую дѣлалъ работу — руками да горбомъ.

А дьяволъ говоритъ: «Затѣмъ я себя и мучаю, что я васъ, дураковъ, жалѣю. Кабы я себя не мучилъ, вы бы вѣкъ дураками были. А я головой поработалъ, теперь и васъ научу».

Подивился Иванъ.—Научи, говоритъ, а то другой разъ руки уморятся, такъ ихъ головой перемѣнить.

И обѣщался дьяволъ научить.

И повѣстилъ Иванъ по всему царству, что проявился господинъ чистый и будетъ всѣхъ учить, какъ головой работать, и что головой можно выработать больше, чѣмъ руками,—чтобы приходили учиться.

Была въ Ивановомъ царствѣ каланча высокая построена, и на нее лѣстница прямая, а наверху вышка. И свелъ Иванъ туда господина, чтобы ему на виду быть.

Сталъ господинъ на каланчу и началъ оттуда говорить. А дураки собрались смотрѣть. Дураки думали, что господинъ станетъ на дѣлѣ показывать, какъ безъ рукъ головой работать. А старый дьяволъ только языкомъ зубы чесалъ, дураковъ училъ, какъ не работамши прожить можно.

Не поняли ничего дураки. Посмотрѣли, посмотрѣли и разошлись по своимъ дѣламъ.

Простоялъ старый дьяволъ день на каланчѣ, простоялъ другой,—все говорилъ. Захотѣлось ему ѣсть. А дураки думаютъ, что если онъ головой можетъ лучше рукъ работать, такъ ужъ хлѣба-то себѣ шутя головой добудетъ, и не догадались ему хлѣба на каланчу дать. Простоялъ и другой день старый дьяволъ на вышкѣ,—все говорилъ. А народъ подойдетъ, посмотритъ-посмотритъ и разойдется.

Спрашиваетъ и Иванъ: «Ну что, началъ ли господинъ головой работать?»

— Нѣтъ еще, говорятъ, все еще лопочетъ.

Простоялъ еще день старый дьяволъ на вышкѣ и сталъ ужъ слабѣть, сталъ пошатываться; пошатнулся разъ и стукнулся головой объ столбъ. Увидалъ одинъ дуракъ, сказалъ Ивановой женѣ, а Иванова жена прибѣжала къ мужу на пашню.

— Пойдемъ, говоритъ, смотрѣть: говорятъ, господинъ зачинаетъ головой работать.

— Ну? говоритъ.—Завернулъ Иванъ лошадь, пошелъ къ каланчѣ. Приходитъ, а старый дьяволъ уже вовсе съ голоду ослабѣлъ, и упалъ на лѣстницу торчмя головой,—всѣ ступеньки пересчиталъ.

— Ну, — говоритъ Иванъ, — правду сказалъ господинъ чистый, что голова другой разъ и затрещитъ. Это не то что мозоли, отъ такой работы желваки на головѣ будутъ.

Свалился старый дьяволъ подъ лѣстницу и уткнулся головой въ землю. Хотѣлъ Иванъ подойти посмотрѣть, много ли онъ наработалъ, — вдругъ разступилась земля, и провалился старый дьяволъ сквозь землю, только дыра осталась.

Почесался Иванъ.—Ишь ты, говоритъ, пакость какая! Это опять онъ! Должно, батька тѣмъ, — здоровый какой!

Живетъ Иванъ и до сихъ поръ, и народъ весь валитъ въ его царство, а братья пришли къ нему, и ихъ онъ кормитъ. Кто придетъ, скажетъ: «Корми насъ». — «Ну что жъ, говоритъ, живите — у насъ всего много». Только одинъ обычай у него и есть въ царствѣ: у кого мозоли на рукахъ — полѣзай за столъ, а у кого нѣтъ — тому объѣдки.

1885 г.

КАКЪ ЧЕРТЕНОКЪ КРАЮШКУ ВЫКУПАЛЪ.

Выѣхалъ бѣдный мужикъ пахать, не завтракамши, и взялъ съ собою изъ дома краюшку хлѣба. Перевернулъ мужикъ соху, отвязалъ сволока, положилъ подъ кустъ; тутъ же положилъ краюшку хлѣба и накрылъ кафтаномъ. Уморилась лошадь и проголодался мужикъ. Воткнулъ мужикъ соху, отпрягъ лошадь, пустилъ ее кормиться, а самъ пошелъ къ кафтану пообѣдать. Поднялъ мужикъ кафтанъ — нѣтъ краюшки; поискалъ, поискалъ, повертѣлъ кафтанъ, потрясъ — нѣтъ краюшки. Удивился мужикъ. «Чудное дѣло, думаетъ. Не видалъ никого, а унесъ кто-то краюшку». А это чертенокъ, пока мужикъ пахалъ, утащилъ краюшку и сѣлъ за кустомъ послушать, какъ будетъ мужикъ ругаться, его, чорта, поминать.

Потужилъ мужикъ.

«Ну, да, говоритъ, не умру съ голоду! Видно, тому нужно было, кто ее унесъ. Пускай ѣстъ на здоровье!»

И пошелъ мужикъ къ колодцу, напился воды, отдохнулъ, поймалъ лошадь, запрягъ и сталъ опять пахать.

Смутился чертенокъ, что не навелъ мужика на грѣхъ, и пошелъ сказаться нàбольшему чорту. Явился къ нàбольшему и разсказалъ, какъ онъ у мужика краюшку унесъ, а мужикъ замѣсто того, чтобы выругаться, сказалъ: «на здоровье!» Разсердился нàбольшій дьяволъ. «Коли, говоритъ, мужикъ въ этомъ дѣлѣ верхà надъ тобою взялъ, ты самъ въ этомъ виноватъ: не умѣлъ. Если, говоритъ, мужики, а за ними и бабы такую повадку возьмутъ, намъ уже нè при чемъ жить станетъ. Нельзя этого дѣла такъ оставить! Ступай, говоритъ, опять къ мужику, заслужи эту краюшку. Если ты въ три года сроку не возьмешь верха надъ мужикомъ, я тебя въ святой водѣ выкупаю!»

Испугался чертенокъ, побѣжалъ на землю, сталъ придумывать, какъ свою вину заслужить. Думалъ, думалъ и придумалъ. Обернулся чертенокъ добрымъ человѣкомъ и пошелъ къ

бѣдному мужику въ работники. И научилъ онъ мужика въ сухое лѣто посѣять хлѣбъ въ болотѣ. Послушался мужикъ работника, посѣялъ въ болотѣ. У другихъ мужиковъ все солнцемъ сожгло, а у бѣднаго мужика выросъ хлѣбъ густой, высокій, колосистый. Прокормился мужикъ до нови, и осталось еще много хлѣба. На лѣто научилъ работникъ мужика посѣять хлѣбъ на горахъ. И выпало дождливое лѣто. У людей хлѣбъ повалялся, попрѣлъ и зерна не налило, а у мужика на горахъ обломный хлѣбъ уродился. Осталось у мужика еще больше лишняго хлѣба. И не знаетъ мужикъ, что̀ съ нимъ дѣлать.

И научилъ работникъ мужика затереть хлѣбъ и вино курить. Накурилъ мужикъ вина, сталъ самъ пить и другихъ поить. Пришелъ чертенокъ къ на̀большему и сталъ хвалиться, что заслужилъ краюшку. Пошелъ на̀большій посмотрѣть.

Пришелъ къ мужику, видитъ — созвалъ мужикъ богачей, виномъ ихъ угощаетъ. Подноситъ хозяйка вино гостямъ. Только стала обходить, зацѣпилась за столъ, пролила стаканъ. Разсердился мужикъ, разбранилъ жену: «Ишь, говоритъ, чортова дура! развѣ это помои, что ты, косолапая, такое добро наземь льешь?»

Толкнулъ чертенокъ на̀большаго локтемъ: «Примѣчай, говоритъ, какъ онъ теперь не пожалѣетъ краюшки».

Разбранилъ хозяинъ жену, сталъ самъ подносить. Приходитъ съ работы бѣдный мужикъ, незваный; поздоровался, присѣлъ, видитъ — люди вино пьютъ; захотѣлось и ему съ устали винца выпить. Сидѣлъ-сидѣлъ, глоталъ-глоталъ слюну, — не поднесъ ему хозяинъ; только про себя пробормоталъ: «Развѣ на всѣхъ васъ вина напасешься!»

Понравилось и это на̀большему чорту. А чертенокъ хвалится: «Погоди, то ли еще будетъ».

Выпили богатые мужики, выпилъ и хозяинъ. Стали они всѣ другъ къ дружкѣ подольщаться, другъ дружку хвалить и масляныя облыжныя рѣчи говорить. Послушалъ, послушалъ на̀большій, — похвалилъ и за это. «Коли, говоритъ, отъ этого питья такъ лисить будутъ да другъ дружку обманывать, они у насъ всѣ въ рукахъ будутъ». — «Погоди, — говоритъ чертенокъ, — что дальше будетъ; дай они по другому стаканчику выпьютъ. Теперь они, какъ лисицы, другъ передъ дружкой хвостами виляютъ, другъ дружку обмануть хотятъ, а погляди, сейчасъ какъ волки злые сдѣлаются».

Выпили мужики по другому стаканчику, стала у нихъ рѣчь погромче и погрубѣе. Вмѣсто масляныхъ рѣчей стали они ругаться, стали другъ на дружку обозляться, сцѣпились драться,

исколупали другъ дружкѣ носы. Ввязался въ драку и хозяинъ, избили и его.

Поглядѣлъ нȁбольшій, и понравилось ему и это. «Это, говоритъ, хорошо». А чертенокъ говоритъ: «Погоди, то ли еще будетъ! Дай они выпьютъ по третьему. Теперь они какъ волки остервенились, а дай срокъ, по третьему выпьютъ, сейчасъ какъ свиньи сдѣлаются».

Выпили мужики по третьему. Разсолодѣли совсѣмъ. Бормочутъ, кричатъ, сами не знаютъ что, и другъ дружку не слушаютъ. Пошли расходиться — кто порознь, кто по-двое, кто потрое — повалялись всѣ по улицамъ. Вышелъ провожать гостей хозяинъ, упалъ носомъ въ лужу, измазался весь, лежитъ какъ боровъ, хрюкаетъ.

Еще пуще понравилось это нȁбольшему. «Ну, говоритъ, хорошее питье ты выдумалъ, заслужилъ краюшку. Скажи жъ ты мнѣ, говоритъ, какъ ты это питье сдѣлалъ? Не иначе ты сдѣлалъ, какъ напустилъ туда сперва лисьей крови: отъ нея-то мужикъ хитрый какъ лисица сдѣлался. А потомъ—волчьей крови: отъ нея-то онъ обозлился какъ волкъ. А подъ конецъ подпустилъ ты, видно, свиной крови: отъ нея-то онъ свиньей сталъ».

— Нѣтъ, — говоритъ чертенокъ, — я не такъ сдѣлалъ. Я ему всего только и сдѣлалъ, что хлѣба лишняго зародилъ. Она, эта кровь звѣриная, всегда въ немъ живетъ, да ей ходу нѣтъ, когда хлѣба съ нужду рожается. Тогда онъ и послѣдней краюшки не жалѣлъ, а какъ стали лишки отъ хлѣба оставаться, сталъ онъ придумывать, какъ бы себя потѣшить. И научилъ я его потѣхи — вино пить. А какъ сталъ онъ Божій даръ въ вино курить для своей потѣхи, поднялась въ немъ и лисья, и волчья, и свиная кровь. Теперь только бы вино пилъ, всегда звѣремъ будетъ.

Похвалилъ нȁбольшій чертенка, простилъ его за краюшку хлѣба и у себя въ старшихъ поставилъ.

1886 г.

МНОГО ЛИ ЧЕЛОВѢКУ ЗЕМЛИ НУЖНО.

1.

Пріѣхала изъ города старшая сестра къ меньшой въ деревню. Старшая за купцомъ была въ городѣ, а меньшая за мужикомъ въ деревнѣ. Пьютъ чай сестры, разговариваютъ. Стала старшая сестра чваниться — свою жизнь въ городѣ выхвалять: какъ она въ городѣ просторно и чисто живетъ и ходитъ, какъ она дѣтей наряжаетъ, какъ она сладко ѣстъ и пьетъ и какъ на катанья, гулянья и въ театры ѣздитъ.

Обидно стало меньшой сестрѣ, и стала она купеческую жизнь унижать, а свою крестьянскую возвышать.

— Не промѣняю я, говоритъ, своего житья на твое. Даромъ что сѣро живемъ да страху не знаемъ. Вы и почище живете, да либо много наторгуете, либо вовсе проторгуетесь. И пословица живетъ: барышу накладъ — большой братъ. Бываетъ и то: нынче богатъ, а завтра подъ окнами находишься. А наше мужицкое дѣло вѣрнѣе: у мужика животъ тонокъ, да дологъ; богаты не будемъ, да сыты будемъ.

Стала старшая сестра говорить: «Сытость-то какая, — со свиньями да съ телятами! Ни убранства, ни обращенья! Какъ ни трудись твой хозяинъ, какъ живете въ навозѣ, такъ и помрете, и дѣтямъ то же будетъ.

— А что жъ, — говоритъ меньшая, — наше дѣло такое. Зато твердо живемъ, никому не кланяемся, никого не боимся. А вы въ городѣ всѣ въ соблазнахъ живете; нынче хорошо, а завтра подвернется нечистый, — глядь, и соблазнитъ хозяина твоего либо на карты, либо на вино, либо на кралю какую. И пойдетъ все прахомъ. Развѣ не бываетъ?

Слушалъ Пахомъ-хозяинъ на печи, что бабы балакаютъ. «Правда это, говоритъ, истинная. Какъ нашъ братъ сызмальства ее, землю-матушку, переворачиваетъ, такъ дурь-то въ голову и не пойдетъ. Одно горе — земли мало! А будь земли вволю, такъ я никого, и самого чорта не боюсь!»

Отпили бабы чай, побалакали еще о нарядахъ, убрали посуду и полегли спать.

А чортъ за печкой сидѣлъ, все слышалъ. Обрадовался онъ, что крестьянская жена на похвальбу мужа навела: похваляется, что, была бъ у него земля, его и чортъ не возьметъ.

«Ладно, думаетъ, поспоримъ мы съ тобой; я тебѣ земли много дамъ. Землей тебя и возьму».

2.

Жила рядомъ съ мужиками барынька небольшая. Было у нея 120 десятинъ земли. И жила прежде съ мужиками смирно — не обижала. Да нанялся къ ней солдатъ отставной въ приказчики и сталъ донимать мужиковъ штрафами. Какъ ни бережется Пахомъ, а либо лошадь въ овсы забѣжитъ, либо корова въ садъ забредетъ, либо телята въ луга уйдутъ, — за все штрафъ.

Расплачивается Пахомъ и домашнихъ ругаетъ и бьетъ. И много грѣха отъ этого приказчика принялъ за лѣто Пахомъ. Ужъ и радъ былъ, что скотина на дворъ стала, — хоть и жалко корму, да страху нѣтъ.

Прошелъ зимой слухъ, что продаетъ барыня землю и что ладитъ купить ее дворникъ съ большой дороги. Услыхали мужики, ахнули. «Ну, думаютъ, достанется земля дворнику, замучаетъ штрафами хуже барыни. Намъ безъ этой земли жить нельзя, мы всѣ у нея въ кругу». Пришли мужики къ барынѣ міромъ, стали просить, чтобъ не продавала дворнику, а имъ отдала. Обѣщали дороже заплатить. Согласилась барыня. Стали мужики ладить міромъ всю землю купить; сбирались и разъ и два на сходки — не сошлось дѣло. Разбиваетъ ихъ нечистый, никакъ не могутъ согласиться. И порѣшили мужики порознь покупать, сколько кто осилитъ. Согласилась и на это барыня. Услыхалъ Пахомъ, что купилъ у бырыни 20 десятинъ сосѣдъ и она ему половину денегъ на года разсрочила. Завидно стало Пахому: «раскупятъ, думаетъ, всю землю, останусь я ни при чемъ». Сталъ съ женой совѣтоваться.

— Люди покупаютъ, надо, говоритъ, и намъ купить десятинъ десятокъ. А то жить нельзя: одолѣлъ приказчикъ штрафами.

Обдумали, какъ купить. Было у нихъ отложено сто рублей, да жеребенка продали, да пчелъ половину, да сына заложили въ работники, да еще у свояка занялъ, и набралась половина денегъ.

Собралъ Пахомъ деньги, облюбовалъ землю, 15 десятинъ съ лѣсочкомъ, и пошелъ къ барынѣ торговаться. Выторговалъ 15

десятинъ, ударилъ по рукамъ и задатокъ далъ. Поѣхали въ городъ, купчую закрѣпили, деньги половину отдалъ, остальныя въ два года обязался выплатить.

И сталъ Пахомъ съ землей. Занялъ Пахомъ сѣмянъ, посѣялъ покупную землю; родилось хорошо. Въ одинъ годъ выплатилъ долгъ и барынѣ и свояку. И сталъ Пахомъ помѣщикомъ: свою землю пахалъ и сѣялъ, на своей землѣ сѣно косилъ, со своей земли колья рубилъ и на своей землѣ скотину кормилъ. Выѣдетъ Пахомъ на свою вѣчную землю пахать или придетъ всходы и луга посмотрѣть, — не нарадуется. И трава-то, ему кажется, растетъ, и цвѣты-то цвѣтутъ на ней совсѣмъ иные. Бывало, проѣзжалъ по этой землѣ — земля какъ земля, а теперь совсѣмъ земля особенная стала.

3.

Живетъ такъ Пахомъ, радуется. Все бы хорошо, только стали мужики у Пахома хлѣбъ и луга травить. Честью просилъ, все не унимаются: то пастухи упустятъ коровъ въ луга, то лошади изъ ночного на хлѣба зайдутъ. И сгонялъ Пахомъ, и прощалъ, все не судился, потомъ наскучило, сталъ въ волостное жаловаться. И знаетъ, что отъ тѣсноты, а не съ умысломъ дѣлаютъ мужики, а думаетъ: «нельзя же и спускать, этакъ они все вытравятъ. Надо поучить».

Поучилъ такъ судомъ разъ, поучилъ другой, оштрафовали одного, другого. Стали мужики-сосѣди на Пахома сердце держать; стали другой разъ и нарочно травить. Забрался какой-то ночью въ лѣсокъ, десятокъ липокъ на лыки срѣзалъ. Проѣхалъ по лѣсу Пахомъ, — глядь, бѣлѣется. Подъѣхалъ — лутошки брошены лежатъ, и пенушки торчатъ. Хоть бы изъ куста крайнія срѣзалъ, одну оставилъ, а то подъ рядъ злодѣй всѣ счистилъ. Обозлился Пахомъ. «Ахъ, думаетъ, вызнать бы, кто это сдѣлалъ; ужъ я бы ему выместилъ. Думалъ, думалъ, кто: «больше некому, думаетъ, какъ Семкѣ». Пошелъ къ Семкѣ на дворъ искать, ничего не нашелъ, только поругались. И еще больше увѣрился Пахомъ, что Семенъ сдѣлалъ. Подалъ прошеніе. Вызвали на судъ. Судили, судили — оправдали мужика: уликъ нѣтъ. Еще пуще обидѣлся Пахомъ; со старшиной и судьями разругался. «Вы, говоритъ, воровъ руку тянете. Кабы сами по правдѣ жили, не оправляли бы воровъ». Поссорился Пахомъ и съ судьями и съ сосѣдями. Стали ему и краснымъ пѣтухомъ грозиться. Стало Пахому въ землѣ жить просторнѣй, а въ міру тѣснѣй.

И прошелъ въ то время слухъ, что идетъ народъ на новыя мѣста. И думаетъ Пахомъ: «Самому мнѣ отъ своей земли идти

не зачѣмъ, вотъ кабы изъ нашихъ кто пошли, у насъ бы просторнѣе стало. Я бы ихъ землю на себя взялъ, себѣ въ кругъ пригналъ; житье бы лучше стало. А то все тѣснота».

Сидитъ разъ Пахомъ дома, заходитъ мужикъ прохожій. Пустили ночевать мужика, покормили, разговорились, — откуда, молъ, Богъ несетъ? Говоритъ мужикъ, что идетъ снизу, изъ-за Волги, тамъ въ работѣ былъ. Слово за слово, разсказываетъ мужикъ, какъ туда народъ селиться идетъ. Разсказываетъ: поселились тамъ ихніе, приписались въ общество, и нарѣзали имъ по десять десятинъ на душу. А земля такая, говоритъ, что посѣяли ржи, такъ солома — лошади не видать, а густая, что горстей пять—и снопъ. Одинъ мужикъ, говоритъ, совсѣмъ бѣдный, съ однѣми руками приш е.lъ, а теперь шесть лошадей, двѣ коровы.

Разгорѣлось у Пахома сердце. Думаетъ: «что жъ тутъ въ тѣснотѣ бѣдствовать, коли можно хорошо жить. Продамъ здѣсь и землю и дворъ; тамъ я на эти деньги выстроюсь и заведеніе все заведу. А здѣсь въ этой тѣснотѣ — грѣхъ одинъ. Только самому все путемъ вызнать надо.

Собрался на лѣто, пошелъ. До Самары плылъ по Волгѣ внизъ на пароходѣ, потомъ пѣшій верстъ 400 прошелъ. Дошелъ до мѣста. Все такъ точно. Живутъ мужики просторно, по 10 десятинъ земли на душу нарѣзано, и принимаютъ въ общество съ охотою. А коли кто съ денежками, покупай, кромѣ надѣльной, въ вѣчную, сколько хочешь, по три рубля самой первой земли; сколько хочешь, купить можно!

Разузналъ все Пахомъ, вернулся къ осени домой, сталъ все распродавать. Продалъ землю съ барышомъ, продалъ дворъ свой, продалъ скотину всю, выписался изъ общества, дождался весны и поѣхалъ съ семьей на новыя мѣста.

4.

Пріѣхалъ Пахомъ на новыя мѣста съ семействомъ, приписался въ большое село въ общество. Попоилъ стариковъ, бумаги всѣ выправилъ. Приняли Пахома, нарѣзали ему на 5 душъ надѣльной земли 50 десятинъ въ разныхъ поляхъ, кромѣ выгона. Построился Пахомъ, скотину завелъ. Земли у него одной душевой противъ прежняго втрое стало. И земля хлѣбородная. Житье противъ того, что на старинѣ было, вдесятеро лучше. И пахотной земли, и кормовъ вволю. Скотины сколько хочешь держи.

Сначала, покуда строился да заводился, хорошо показалось Пахому, да обжился — и на этой землѣ тѣсно показалось. Посѣялъ первый годъ Пахомъ пшеницу на душевой, хороша уро-

дилась. Разохотился онъ пшеницу сѣять, а душевой земли мало. И какая есть не годится. Пшеницу тамъ на ковыльной или залежной землѣ сѣютъ. Посѣютъ годъ-два и запускаютъ, пока опять ковылемъ прорастетъ. А на такую землю охотниковъ много, на всѣхъ и не хватаетъ. Тоже изъ-за нея споры; побогаче кто — хотятъ сами сѣять, а бѣдняки отдаютъ купцамъ за подати. Захотѣлъ Пахомъ побольше посѣять. Поѣхалъ на другой годъ къ купцу, купилъ земли на годъ. Посѣялъ побольше — родилось хорошо; да далеко отъ села: верстъ за 15 возить надо. Видитъ—въ округѣ купцы-мужики хуторами живутъ, богатѣютъ. «То ли дѣло, — думаетъ Пахомъ, — коли бы тоже въ вѣчность землицы купить да построить хуторъ. Все бы въ кругу было». И сталъ подумывать Пахомъ, какъ бы землю въ вѣчность купить.

Прожилъ такъ Пахомъ три года. Снималъ землю, пшеницу сѣялъ. Года вышли хорошіе, и пшеница хороша рожалась, и деньги залежныя завелись. Жить бы да жить, да скучно показалось Пахому каждый годъ въ людяхъ землю покупать, изъ-за земли воловодиться: гдѣ хорошенькая землица есть, сейчасъ налетятъ мужики, всю разберутъ; не поспѣлъ укупить и не на чемъ сѣять. А то купилъ на 3-й годъ съ купцомъ пополамъ выгонъ у мужиковъ, и вспахали ужъ, да засудились мужики, такъ и пропала работа. «Кабы своя земля была, думаетъ, никому бы не кланялся, и грѣха бы не было».

И сталъ Пахомъ разузнавать, гдѣ купить земли въ вѣчность. И попалъ на мужика. Были куплены у мужика 500 десятинъ, да разорился онъ и продаетъ задешево. Сталъ Пахомъ ладить съ нимъ. Толковалъ, толковалъ — сладился за 1.000 руб., половину денегъ обождать. Совсѣмъ ужъ было поладили, да заѣзжаетъ разъ къ Пахому купецъ проѣзжій на дворъ покормить. Попили чайку, поговорили. Разсказываетъ купецъ, что ѣдетъ онъ изъ дальнихъ башкиръ. Тамъ, разсказываетъ, купилъ у башкирцевъ земли тысячъ пять десятинъ. И стало всего тысячу рублей. Сталъ разспрашивать Пахомъ. Разсказалъ купецъ. «Только, говоритъ, стариковъ ублаготворилъ. Халатовъ, ковровъ раздарилъ рублей на 100, да цыбикъ чаю, да попоилъ винцомъ, кто пьетъ, и по 20 коп. за десятину взялъ». Показываетъ купчую. «Земля, говоритъ, по рѣчкѣ, и степь вся ковыльная». Сталъ разспрашивать Пахомъ, какъ и что. «Земли,— говоритъ купецъ, — тамъ не обойдешь и въ годъ: все башкирская. А народъ несмышленый, какъ бараны. Можно почти даромъ взять». — «Ну, — думаетъ Пахомъ, — что жъ мнѣ за мои 1.000 руб. 500 десятинъ купить да еще долгъ на шею забрать. А тутъ я за 1.000 рублей чѣмъ завладаю!»

5.

Разспросилъ Пахомъ, какъ проѣхать, и только проводилъ купца, собрался самъ ѣхать. Оставилъ домъ на жену, самъ собрался съ работникомъ, поѣхалъ. Заѣхали въ городъ, купили чаю цыбикъ, подарковъ, вина, — все, какъ купецъ сказалъ. Ѣхали, ѣхали, верстъ 500 отъѣхали. На седьмыя сутки пріѣхали на башкирскую кочевку. Все такъ, какъ купецъ говорилъ. Живутъ всѣ въ степи, надъ рѣчкой, въ кибиткахъ войлочныхъ. Сами не пашутъ и хлѣба не ѣдятъ. А въ степи скотина ходитъ и лошади косяками. За кибитками жеребята привязаны, и къ нимъ два раза въ день матокъ пригоняютъ; кобылье молоко доятъ и изъ него кумысъ дѣлаютъ. Бабы кумысъ болтаютъ и сыръ дѣлаютъ, а мужики только и знаютъ — кумысъ и чай пьютъ, баранину ѣдятъ да на дудкахъ играютъ. Гладкіе всѣ, веселые, все лѣто празднуютъ. Народъ совсѣмъ темный и по-русски не знаетъ, а ласковый.

Только увидали Пахома, повышли изъ кибитокъ башкирцы, обступили гостя. Нашелся переводчикъ. Сказалъ ему Пахомъ, что онъ объ землѣ пріѣхалъ. Обрадовались башкирцы, подхватили Пахома, свели его въ кибитку хорошую, посадили на ковры, подложили подъ него подушекъ пуховыхъ, сѣли кругомъ, стали угощать чаемъ, кумысомъ. Барана зарѣзали и бараниной накормили. Досталъ Пахомъ изъ тарантаса подарки, сталъ башкирцамъ раздавать. Одарилъ Пахомъ башкирцевъ подарками и чай раздѣлилъ. Обрадовались башкирцы. Лопотали, лопотали промежъ себя, потомъ велѣли переводчику говорить.

— Велятъ тебѣ сказать, — говоритъ переводчикъ, — что они полюбили тебя и что у насъ обычай такой — гостю всякое удовольствіе дѣлать и за подарки отдаривать. Ты насъ одарилъ; теперь скажи, что тебѣ изъ нашего полюбится, чтобы тебя отдарить?

— Полюбилась мнѣ, — говоритъ Пахомъ, — больше всего у васъ земля. У насъ, говоритъ, въ землѣ тѣснота, да и земля выпаханная, а у васъ земли много и земля хороша. Я такой и не видывалъ.

Передалъ переводчикъ. Поговорили, поговорили башкирцы. Не понимаетъ Пахомъ, что они говорятъ, а видитъ, что веселы, кричатъ что-то, смѣются. Затихли потомъ, смотрятъ на Пахома, а переводчикъ говоритъ: «Велятъ, говоритъ, они тебѣ сказать, что за твое добро рады тебѣ сколько хочешь земли отдать. Только рукой покажи какую — твоя будетъ».

Поговорили они еще и что-то спорить стали. И спросилъ Пахомъ, о чемъ спорятъ. И сказалъ переводчикъ: «Говорятъ одни, что надо объ землѣ старшину спросить, а безъ него нельзя. А другіе говорятъ, и безъ него можно».

6.

Спорятъ башкирцы, вдругъ идетъ человѣкъ въ шапкѣ лисьей. Замолчали всѣ и встали. И говоритъ переводчикъ: «Это старшина самый». Сейчасъ досталъ Пахомъ лучшій халатъ и поднесъ старшинѣ и еще чаю 5 фунтовъ. Принялъ старшина и сѣлъ на первое мѣсто. И сейчасъ стали говорить ему что-то башкирцы. Слушалъ, слушалъ старшина, кивнулъ головой, чтобъ они замолчали, и сталъ говорить Пахому по-русски.

— Что жъ, говоритъ, можно. Бери, гдѣ полюбится. Земли много.

«Какъ же я возьму, сколько хочу,—думаетъ Пахомъ.—Надо же какъ ни есть закрѣпить. А то скажутъ твоя, а потомъ отнимутъ».

— Благодаримъ васъ, говоритъ, на добромъ словѣ. Земли вѣдь у васъ много; а мнѣ немножко надо. Только бы мнѣ знать, какая моя будетъ. Ужъ какъ-нибудь все-таки отмѣрить и закрѣпить за мной надо. А то въ смерти-животѣ Богъ воленъ. Вы, добрые люди, даете, а придется — дѣти ваши отнимутъ.

— Правда твоя, — говоритъ старшина, — закрѣпить можно.

Сталъ Пахомъ говорить: «Я вотъ слышалъ, у васъ купецъ былъ. Вы ему тоже землицы подарили и купчую сдѣлали; такъ и мнѣ бы тоже».

Все понялъ старшина.

— Это все можно, говоритъ. У насъ и писарь есть, и въ городъ поѣдемъ, и всѣ печати приложимъ.

— А цѣна какая будетъ? — говоритъ Пахомъ.

— Цѣна у насъ одна: 1.000 руб. за день.

Не понялъ Пахомъ. — Какая же это мѣра — день? Сколько въ ней десятинъ будетъ?

— Мы этого, говоритъ, не умѣемъ считать. А мы за день продаемъ; сколько обойдешь въ день, то и твое, а цѣна дню 1.000 руб.

Удивился Пахомъ. — Да вѣдь это, говоритъ, въ день обойти, земли много будетъ.

Засмѣялся старшина. — Вся твоя! говоритъ. Только одинъ уговоръ: если назадъ не придешь въ день къ тому мѣсту, съ какого возьмешься, пропали твои деньги.

— А какъ же,—говоритъ Пахомъ,—отмѣтить, гдѣ я пройду?

— А мы станемъ на мѣсто, гдѣ ты облюбуешь, мы стоять будемъ, а ты иди, дѣлай кругъ; а съ собой скребку возьми и, гдѣ надобно, замѣчай, на углахъ ямки рой, дернички клади, потомъ съ ямки на ямку плугомъ проѣдемъ. Какой хочешь кругъ забирай, только до захода солнца приходи къ тому мѣсту, съ какого взялся. Что обойдешь, все твое.

Обрадовался Пахомъ. Порѣшили нарапѣ выѣзжать. Потолковали, попили еще кумысу, баранины поѣли, еще чаю напились; стало дѣло къ ночи. Уложили Пахома спать на пуховикѣ, и разошлись башкирцы. Обѣщались завтра на зорькѣ собраться, до солнца на мѣсто выѣхать.

7.

Легъ Пахомъ на пуховики и не спится ему, все про землю думаетъ. «Отхвачу, думаетъ, палестину большую. Верстъ 50 обойду въ день-то. День-то нынче что годъ; въ 50 верстахъ будетъ земли-то что̀! Какую похуже — продамъ или мужиковъ пущу, а любенькую отберу, самъ на ней сяду. Плуга два быковъ заведу, человѣка два работниковъ принайму: десятинокъ полсотни пахать буду, а на остальной скотину нагуливать стану».

Не заснулъ всю ночь Пахомъ. Предъ зарей только забылся. Только забылся и видитъ онъ сонъ. Видитъ онъ, что лежитъ будто онъ въ этой самой кибиткѣ и слышитъ наружи гогочетъ кто-то. И будто захотѣлось ему посмотрѣть, кто такой смѣется, и всталъ онъ, вышелъ изъ кибитки и видитъ — сидитъ тотъ самый старшина башкирскій предъ кибиткой, за животъ ухватился обѣими руками, закатывается, гогочетъ на что-то. Подошелъ онъ и спросилъ: «чему смѣешься?» И видитъ онъ, будто это не старшина башкирскій, а купецъ намеднишній, что къ нимъ заѣзжалъ, объ землѣ разсказывалъ. И только спросилъ у купца: «ты давно ли тутъ?» а это уже и не купецъ, а тотъ самый мужикъ, что на старинѣ снизу заходилъ. И видитъ Пахомъ, что будто и не мужикъ это, а самъ дьяволъ, съ рогами и съ копытами, сидитъ, хохочетъ, а передъ нимъ лежитъ человѣкъ босикомъ, въ рубахѣ и порткахъ. И будто поглядѣлъ Пахомъ пристальнѣй, что за человѣкъ такой? И видитъ, что человѣкъ мертвый и что это — онъ самъ. Ужаснулся Пахомъ и проснулся. Проснулся, — «чего не приснится!» думаетъ. Оглядѣлся; видитъ въ открытую дверь, ужъ бѣло становится, свѣтать начинаетъ. «Надо, думаетъ, будить народъ, пора ѣхать». Поднялся Пахомъ, разбудилъ работника въ тарантасѣ, велѣлъ запрягать и пошелъ башкирцевъ будить. «Пора, говоритъ, на степь ѣхать, отмѣрять». Повставали башкирцы, собрались всѣ, и старшина

пришелъ. Зачали башкирцы опять кумысъ пить, хотѣли Пахома угостить чаемъ, да не сталъ онъ дожидаться. «Коли ѣхать, такъ ѣхать, говоритъ, пора».

8.

Собрались башкирцы, сѣли — кто верхами, кто въ тарантасы, поѣхали. А Пахомъ съ работникомъ на своемъ тарантасикѣ поѣхали и съ собой скребку взяли. Пріѣхали въ степь, заря занимается. Взъѣхали на бугорокъ, по-башкирски — на шиханъ. Вылѣзли изъ тарантасовъ, послѣзали съ лошадей, сошлись въ кучку. Подошелъ старшина къ Пахому, показалъ рукой.

— Вотъ, говоритъ, вся наша, что глазомъ окинешь. Выбирай любую.

Разгорѣлись глаза у Пахома: земля вся ковыльная, ровная какъ ладонь, черная какъ макъ, а гдѣ лощина — такъ разнотравье, трава по груди.

Снялъ старшина шапку лисью, поставилъ на землю.

— Вотъ, говоритъ, мѣтка будетъ. Отсюда поди, сюда приходи. Что обойдешь, все твое будетъ.

Вынулъ Пахомъ деньги, положилъ на шапку, снялъ кафтанъ, въ одной поддевкѣ остался, перепоясался потуже подъ брюхо кушакомъ, подтянулся, сумочку съ хлѣбомъ за пазуху положилъ, баклажку съ водой къ кушаку привязалъ, подтянулъ голенища, взялъ скребку у работника, собрался идти. Думалъ, думалъ, въ какую сторону взять, — вездѣ хорошо. Думаетъ — все одно: пойду на восходъ солнца. Сталъ лицомъ къ солнцу, размялся, ждетъ, чтобы показалось оно изъ-за края. Думаетъ — ничего времени пропускать не стану. Холодкомъ и идти легче. Только брызнуло изъ-за края солнце, вскинулъ Пахомъ скребку на плечо и пошелъ въ степь.

Пошелъ Пахомъ не тихо, не скоро. Отошелъ съ версту; остановился, вырылъ ямку и дернички другъ на дружку положилъ, чтобъ примѣтнѣй было. Пошелъ дальше. Сталъ разминаться, сталъ и шагу прибавлять. Отошелъ еще, вырылъ еще другую ямку.

Оглянулся Пахомъ. На солнцѣ хорошо видно шиханъ, и народъ стоитъ, и у тарантасовъ на колесахъ шины блестятъ. Угадываетъ Пахомъ, что верстъ пять прошелъ. Согрѣваться сталъ, снялъ поддевку, вскинулъ на плечо, пошелъ дальше. Тепло стало. Взглянулъ на солнышко,—ужъ время объ завтракѣ.

«Одна упряжка прошла,—думаетъ Пахомъ.—А ихъ четыре во дню, рано еще заворачивать. Дай только разуюсь». Присѣлъ, разулся, сапоги за поясъ, пошелъ дальше. Легко идти стало. Думаетъ: «Дай пройду еще верстъ пятокъ, тогда влѣво

загибать стану. Мѣсто-то хорошо очень, кидать жалко. Что дальше, то лучше». Пошелъ еще напрямикъ. Оглянулся—шиханъ ужъ чуть видно и народъ, какъ мурашн, на немъ чернѣется и чуть блеститъ что-то.

«Ну,—думаетъ Пахомъ,—въ эту сторону довольно забралъ; надо загибать. Да и разопрѣлъ—пить хочется». Остановился, вырылъ ямку побольше, положилъ дернички, отвязалъ баклажку, напился и загнулъ круто влѣво. Шелъ онъ, шелъ, трава пришла высокая, и жарко стало.

Сталъ Пахомъ уставать; поглядѣлъ онъ на солнышко, видитъ—самый обѣдъ. «Ну, думаетъ, отдохнуть надо». Остановился Пахомъ, присѣлъ. Поѣлъ хлѣбца съ водой, а ложиться не сталъ: думаетъ—ляжешь, да и заснешь. Посидѣлъ немного, пошелъ дальше. Сначала легко пошелъ. Отъ ѣды силы прибавилось. Да ужъ жарко очень стало, да и сонъ клонить сталъ; однако все идетъ, думаетъ—часъ терпѣть, а вѣкъ жить.

Прошелъ еще и по этой сторонѣ много, хотѣлъ уже загибать влѣво, да глядь—лощинка подошла сырая; жаль бросать. Думаетъ—ленъ тутъ хорошъ уродится. Опять пошелъ прямо. Захватилъ лощинку, выкопалъ ямку за лощинкой, загнулъ второй уголъ. Оглянулся Пахомъ на шиханъ: отъ тепла затуманилось, качается что-то въ воздухѣ и сквозь мару чуть виднѣются люди на шиханѣ. «Ну,—думаетъ Пахомъ,—длинны стороны взялъ, надо эту покороче взять». Пошелъ третью сторону, сталъ шагу прибавлять. Посмотрѣлъ на солнце—ужъ оно къ полднику подходитъ, а по третьей сторонѣ всего версты двѣ прошелъ. И до мѣста все тѣ же верстъ 15. «Нѣтъ, думаетъ, хоть кривая дача будетъ, а надо прямикомъ поспѣвать. Не забрать бы лишняго. А земли и такъ ужъ много». Вырылъ Пахомъ поскорѣе ямку и повернулъ прямикомъ къ шихану.

9.

Идетъ Пахомъ прямо на шиханъ, и тяжело ужъ ему стало. Разопрѣлъ и ноги босикомъ изрѣзалъ и отбилъ, да и подкашиваться стали. Отдохнуть хочется, а нельзя,—не поспѣешь дойти до заката. Солнце не ждетъ, все спускается да спускается. «Ахъ, думаетъ, не ошибся ли, не много ли забралъ? Что, какъ не поспѣешь?» Взглянетъ впередъ на шиханъ, взглянетъ на солнце: до мѣста далеко, а солнце ужъ недалеко отъ края.

Идетъ такъ Пахомъ, трудно ему, а все прибавляетъ да прибавляетъ шагу. Шелъ, шелъ—все еще далеко; побѣжалъ рысью. Бросилъ поддевку, сапоги, баклажку, шапку бросилъ, только

скребку держитъ, ею попирается. «Ахъ, думаетъ, позарился я, все дѣло погубилъ, не добѣгу до заката». И еще хуже ему отъ страха духъ захватываетъ. Бѣжитъ Пахомъ, рубаха и портки отъ пота къ тѣлу липнутъ, во рту пересохло. Въ груди какъ мѣхи кузнечные раздуваются, а въ сердцѣ молоткомъ бьетъ, и ноги какъ не свои — подламываются. Жутко стало Пахому: думаетъ, какъ бы не померетъ съ натуги.

Померетъ боится, а остановиться не можетъ. «Столько, думаетъ, пробѣжалъ, а теперь остановиться, — дуракомъ назовутъ». Бѣжалъ, бѣжалъ, подбѣгаетъ ужъ близко и слышитъ: визжатъ, гайкаютъ на него башкирцы, и отъ крика ихняго у него еще пуще сердце разгорается. Бѣжитъ Пахомъ изъ послѣднихъ силъ, а солнце ужъ къ краю подходитъ, въ туманъ зашло; большое, красное, кровяное стало. Вотъ-вотъ закатываться станетъ. Солнце близко, да и до мѣста ужъ вовсе недалеко. Видитъ ужъ Пахомъ и народъ на шиханѣ, на него руками махаетъ, его подгоняетъ. Видитъ шапку лисью на землѣ и деньги на ней, видитъ и старшину, какъ онъ на землѣ сидитъ, руками за пузо держится. И вспомнился Пахому сонъ. «Земли, думаетъ, много, да приведетъ ли Богъ на ней жить. Охъ, погубилъ я себя, думаетъ, не добѣгу».

Взглянулъ Пахомъ на солнце, оно до земли дошло, ужъ краешкомъ заходить стало и дугой къ краю вырѣзалось. Наддалъ изъ послѣднихъ силъ Пахомъ, навалился напередъ тѣломъ, насилу ноги поспѣваютъ подставляться, чтобъ не упасть. Подбѣжалъ Пахомъ къ шихану, вдругъ темно стало. Оглянулся, — ужъ зашло солнце. Ахнулъ Пахомъ. «Пропали, думаетъ, мои труды». Хотѣлъ ужъ остановиться, да слышитъ, гайкаютъ все башкирцы, и вспомнилъ онъ, что снизу-то ему кажетъ, что зашло, а съ шихана не зашло еще солнце. Надулся Пахомъ, взбѣжалъ на шиханъ. На шиханѣ еще свѣтло. Взбѣжалъ Пахомъ, видитъ—шапка. Передъ шапкой сидитъ старшина, гогочетъ руками за пузо держится. Вспомнилъ Пахомъ сонъ, ахнулъ, подкосились ноги, и упалъ онъ напередъ, руками до шапки досталъ,

— Ай, молодецъ! — закричалъ старшина. — Много земли завладѣлъ!

Подбѣжалъ работникъ Пахомовъ, хотѣлъ поднять его, а у него изо рта кровь течетъ, и онъ мертвый лежитъ.

Пощелкали языками башкирцы, пожалѣли.

Поднялъ работникъ скребку, выкопалъ Пахому могилу, ровно насколько онъ отъ ногъ до головы захватилъ — три аршина, и закопалъ его.

1886 г.

ЗЕРНО СЪ КУРИНОЕ ЯЙЦО.

Нашли разъ ребята въ оврагѣ штучку съ куриное яйцо съ дорожкой посрединѣ и похожее на зерно. Увидалъ у ребятъ штучку проѣзжій, купилъ за пятакъ, повезъ въ городъ, продалъ царю за рѣдкость.

Позвалъ царь мудрецовъ, велѣлъ имъ узнать, что за штука такая — яйцо или зерно? Думали, думали мудрецы — не могли отвѣта дать. Лежала эта штучка на окнѣ, влетѣла курица, стала клевать проклевала дыру; всѣ и увидали, что—зерно. Пришли мудрецы и сказали царю: «Это — зерно ржаное».

Удивился царь. Велѣлъ мудрецамъ узнать, гдѣ и когда это зерно родилось. Думали, думали мудрецы, искали въ книгахъ,— ничего не нашли. Пришли къ царю, говорятъ: «Не можемъ дать отвѣта. Въ книгахъ нашихъ ничего про это не написано; надо у мужиковъ спросить, не слыхалъ ли кто отъ стариковъ, когда и гдѣ такое зерно сѣяли?»

Послалъ царь, велѣлъ къ себѣ стараго старика, мужика, привести. Разыскали старика стараго, привели къ царю. Пришелъ старикъ, зеленый, беззубый, насилу вошелъ на двухъ костыляхъ.

Показалъ ему царь зерно, да не видитъ ужъ старикъ; коекакъ половину разглядѣлъ, половину руками ощупалъ.

Сталъ царь его спрашивать: «Не знаешь ли, дѣдушка, гдѣ такое зерно родилось? Самъ на своемъ полѣ не сѣвалъ ли хлѣба такого или на своемъ вѣку не покупывалъ ли гдѣ такого зерна?»

Глухъ былъ старикъ, насилу-насилу разслышалъ, насилу-насилу понялъ. Сталъ отвѣтъ держать: «Нѣтъ, говоритъ, на своемъ полѣ хлѣба такого сѣвать не сѣвалъ, и жинать не жиналъ, и покупывать не покупывалъ. Когда покупали хлѣбъ, все такое же зерно мелкое было. А надо, говоритъ, у моего батюшки спросить: можетъ, онъ слыхалъ, гдѣ такое зерно рожалось».

Послалъ царь за отцомъ старика, велѣлъ къ себѣ привести. Нашли и отца старикова, привели къ царю. Пришелъ старикъ старый на одномъ костылѣ. Сталъ ему царь зерно показывать. Старикъ еще видитъ глазами, хорошо разглядѣлъ. Сталъ царь его спрашивать: «Не знаешь ли, старичокъ, гдѣ такое зерно родилось? Самъ на своемъ полѣ не сѣвалъ ли хлѣба такого или на своемъ вѣку не покупывалъ ли гдѣ такого зерна?»

Хоть и крѣпонекъ на ухо былъ старикъ, а разслышалъ лучше сына. «Нѣтъ, говоритъ, на своемъ полѣ такого зерна сѣвать не сѣвалъ и жинать не жиналъ. А покупать не покупывалъ, потому что на моемъ вѣку денегъ еще и въ заводѣ не было. Всѣ своимъ хлѣбомъ кормились, а по нуждѣ — другъ съ дружкой дѣлились. Не знаю я, гдѣ такое зерно родилось. Хоть и крупнѣе теперешняго и умолотнѣе нашего зерно было, а такого видать не видалъ. Слыхалъ я отъ батюшки, — въ его время хлѣбъ лучше противъ нашего раживался, и умолотнѣе и крупнѣй былъ. Его спросить надо».

Послалъ царь за отцомъ стариковымъ. Нашли и дѣда, привели къ царю. Вошелъ старикъ къ царю безъ костылей; вошелъ легко; глаза свѣтлые, слышитъ хорошо и говоритъ внятно. Показалъ царь зерно дѣду. Поглядѣлъ дѣдъ, повертѣлъ.

— Давно, говоритъ, не видалъ я стариннаго хлѣбушка. — Откусилъ дѣдъ зерна, пожевалъ крупинку. — Оно самое, говоритъ.

— Скажи же мнѣ, дѣдушка, гдѣ и когда такое зерно раживалось? На своемъ полѣ не сѣвалъ ли такой хлѣбъ или на твоемъ вѣку гдѣ у людей не покупывалъ ли?

И сказалъ старикъ: «Хлѣбъ такой на моемъ вѣку вездѣ раживался. Этимъ хлѣбомъ, говоритъ, я вѣкъ свой кормился и людей кормилъ. Это зерно и сѣялъ, это и жалъ, это и молотилъ».

И спросилъ царь: «Скажи же мнѣ, дѣдушка, покупалъ ли ты гдѣ такое зерно, или самъ на своемъ полѣ сѣялъ?»

Усмѣхнулся старикъ. «Въ мое время, говоритъ, и вздумать никто не могъ такого грѣха, чтобы хлѣбъ продавать, покупать, а про деньги и не знали; хлѣба у всѣхъ своего вволю было».

И спросилъ царь: «Такъ скажи же мнѣ, дѣдушка, гдѣ ты такой хлѣбъ сѣялъ и гдѣ твое поле было?»

И сказалъ дѣдъ: «Мое поле было — земля Божія, гдѣ вспахалъ, тамъ и поле. Земля вольная была. Своей землю не звали. Своимъ только труды свои называли».

— Скажи же, — говоритъ царь, — мнѣ еще два дѣла: одно дѣло — отчего прежде такое зерно рожалось, а нынче не родится? А другое дѣло—отчего твой внукъ шелъ на двухъ костыляхъ, сынъ твой пришелъ на одномъ костылѣ, а ты вотъ пришелъ и вовсе легко; глаза у тебя свѣтлые, и зубы крѣпкіе, и рѣчь ясная и привѣтная? Отчего, скажи, дѣдушка, эти два дѣла сталися?

И сказалъ старикъ: «Оттого оба дѣла сталися, что перестали люди своими трудами жить, — на чужіе стали зариться. Въ старину не такъ жили: въ старину жили по-Божьи; своимъ владали, чужимъ не корыстовались».

1886 г,

КРЕСТНИКЪ.

Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ; а Я говорю вамъ: не противьтесь злому... (Матѳ. V, 38, 39).
Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ (Римл. XII, 19).

1.

Родился у бѣднаго мужика сынъ. Обрадовался мужикъ, пошелъ къ сосѣду звать въ кумовья. Отказался сосѣдъ: не охота къ бѣдному мужику въ кумовья идти. Пошелъ бѣдный мужикъ къ другому, и тотъ отказался.

Всю деревню исходилъ, нейдетъ никто въ кумовья. Пошелъ мужикъ въ иную деревню. И попадается ему навстрѣчу прохожій человѣкъ. Остановился прохожій человѣкъ.

— Здравствуй, говоритъ, мужичокъ; куда Богъ несетъ?

— Далъ мнѣ,—говоритъ мужикъ,—Господь дѣтище: во младости на посмотрѣніе, подъ старость на утѣшенье, а по смерти на поминъ души; а по бѣдности моей никто въ нашей деревнѣ въ кумовья нейдетъ. Иду кума искать.

И говоритъ прохожій человѣкъ: «Возьми меня въ кумовья».

Обрадовался мужикъ, поблагодарилъ прохожаго человѣка и говоритъ: «Кого же въ кумы звать?»

— А въ кумы,—говоритъ прохожій человѣкъ,—позови купеческую дочь. Поди въ городъ, на площади каменный домъ съ лавками, у входа въ домъ проси купца, чтобъ отпустилъ дочь въ крестныя матери.

Усомнился мужикъ.

— Какъ мнѣ, говоритъ, нареченный кумъ, къ купцу-богачу идти? Побрезгаетъ онъ мной, не отпуститъ дочь.

— Не твоя печаль. Ступай—проси. Къ завтраму, къ утру, изготовься,—приду крестить.

Воротился бѣдный мужикъ домой, поѣхалъ въ городъ къ купцу. Поставилъ лошадь на дворѣ. Выходитъ самъ купецъ.

— Чего надо?—говоритъ.

— Да вотъ, господинъ купецъ. Далъ мнѣ Господь дѣтище: во младости на посмотрѣнье, подъ старость на утѣшенье, а по смерти на поминъ души. Пожалуй, отпусти дочь свою въ крестныя.

— А когда у тебя крестины?

— Завтра утромъ.

— Ну, хорошо, ступай съ Богомъ, завтра къ обѣднѣ пріѣдетъ.

На другой день пріѣхала кума, пришелъ и кумъ, окрестили младенца. Только окрестили младенца, вышелъ кумъ, и не узнали, кто онъ; и не видали съ тѣхъ поръ.

2.

Сталъ младенецъ возрастать на радость родителямъ: и силенъ, и работящъ, иуменъ, и смиренъ. Сталъ мальчикъ десяти годовъ. Отдали его родители грамотѣ учиться. Чему другіе пять лѣтъ учатся, въ одинъ годъ выучился мальчикъ. И нечего ему учить стало.

Пришла Святая недѣля. Сходилъ мальчикъ къ крестной матери, похристосовался, воротился домой и спрашиваетъ:

— Батюшка и матушка, гдѣ живетъ мой крестный? Я бы къ нему пошелъ, похристосовался.

И говоритъ ему отецъ:

— Не знаемъ мы, сынокъ любезный, гдѣ твой крестный живетъ. Мы сами о томъ тужимъ. Не видали его съ тѣхъ поръ, какъ онъ тебя окрестилъ. И не слыхали про него, и не знаемъ, гдѣ живетъ, не знаемъ, и живъ ли онъ.

Поклонился сынъ отцу, матери.

— Отпусти меня, говоритъ, батюшка съ матушкой, моего крестнаго искать. Хочу его найти, съ нимъ похристосоваться.

Отпустили сына отецъ съ матерью. И пошелъ мальчикъ искать своего крестнаго.

3.

Вышелъ мальчикъ изъ дому и пошелъ путемъ-дорогой. Прошелъ половину дня, встрѣчается ему прохожій человѣкъ.

Остановился прохожій.

— Здравствуй, говоритъ, мальчикъ, куда Богъ несетъ?

И сказалъ мальчикъ: «Ходилъ я, говоритъ, къ матушкѣ крестной христосоваться, пришелъ домой, спросилъ у родителей: гдѣ живетъ мой крестный? хотѣлъ съ нимъ похристосоваться. Сказали мнѣ родители: не знаемъ мы, сынокъ, гдѣ живетъ твой крестный. Съ тѣхъ поръ какъ окрестили тебя, ушелъ онъ отъ

насъ, и ничего мы про него не знаемъ и не знаемъ, живъ ли онъ. И захотѣлось мнѣ повидать своего крестнаго; такъ вотъ иду искать его.

И сказалъ прохожій человѣкъ: «Я твой крестный».

Обрадовался мальчикъ, похристосовался съ крестнымъ.

— Куда жъ ты, говоритъ, батюшка крестный, теперь путь держишь? Если въ нашу сторону, такъ приходи въ нашъ домъ, а если къ себѣ домой, такъ я съ тобой пойду.

И сказалъ крестный:

— Недосугъ мнѣ теперь въ твой домъ идти: мнѣ по деревнямъ дѣло есть. А къ себѣ домой я на завтра буду. Тогда приходи ко мнѣ.

— Какъ же я тебя, батюшка, найду?

— А вотъ иди все на восходъ солнца, все прямо, придешь въ лѣсъ, увидишь среди лѣса—полянка. Сядь на этой полянкѣ, отдохни и гляди, что тамъ будетъ. Выйдешь изъ лѣсу, увидишь садъ, а въ саду палатка съ золотой крышей. Это мой домъ. Подойди къ воротамъ. Я тебя самъ тамъ встрѣчу.

Сказалъ такъ крестный и пропалъ изъ глазъ крестника.

4.

Шелъ мальчикъ, какъ велѣлъ ему крестный. Шелъ, шелъ, приходитъ въ лѣсъ. Вышелъ на полянку и видитъ, среди полянки сосна, а на соснѣ укрѣплена на суку веревка, а на веревкѣ привѣшенъ чурбанъ дубовый, пуда въ три. А подъ чурбаномъ корыто съ медомъ. Только подумалъ мальчикъ, зачѣмъ тутъ медъ поставленъ и чурбанъ привѣшенъ, затрещало въ лѣсу, и видитъ, идутъ медвѣди: впереди медвѣдица, за ней пѣстунъ годовалый и позади еще трое медвѣжатъ маленькихъ. Потянула медвѣдица въ себя носомъ и пошла прямо къ корыту, а медвѣжата за ней. Сунула медвѣдица морду въ медъ, позвала медвѣжатъ, подскочили медвѣжата, припали къ корыту. Откачнулся чурбанъ недалеко, вернулся назадъ, толкнулъ медвѣжатъ. Увидала это медвѣдица, оттолкнула чурбанъ лапой. Откачнулся подальше чурбанъ, опять назадъ пришелъ, ударилъ въ середину медвѣжатъ—кого по спинѣ, кого по головѣ. Заревѣли медвѣжата, отскочили прочь. Гявкнула медвѣдица, ухватила обѣими лапами чурбанъ надъ головой, махнула его отъ себя прочь. Улетѣлъ высоко чурбанъ, подскочилъ пѣстунъ къ корыту, уткнулъ морду въ медъ, чавкаетъ, стали и другіе подходить. Не успѣли подойти, прилетѣлъ чурбанъ назадъ, ударилъ пѣстуна по головѣ, убилъ его до смерти. Заревѣла пуще прежняго медвѣдица, какъ схватитъ

чурбанъ да пустить его изо всѣхъ силъ вверхъ,—взлетѣлъ чурбанъ выше сука, даже веревка ослабла. Подошла медвѣдица къ корыту, и всѣ медвѣжата за ней. Летѣлъ, летѣлъ чурбанъ кверху, остановился, пошелъ книзу. Что ниже, то шибче расходится. Разошелся шибко, налетѣлъ на медвѣдицу, какъ чебурахнетъ ее по башкѣ,—перевернулась медвѣдица, подергала ногами и издохла. Разбѣжались медвѣжата.

5.

Подивился мальчикъ и пошелъ дальше. Приходитъ къ большому саду, а въ саду высокія палаты съ золотой крышей. И у воротъ стоитъ крестный, улыбается. Поздоровался съ сыномъ крестнымъ, ввелъ его въ ворота и повелъ по саду. И во снѣ не снилось мальчику такой красоты и радости, какая въ этомъ саду была.

Ввелъ крестный мальчика въ палаты. Палаты еще лучше. Провелъ крестный мальчика по всѣмъ горницамъ: одна другой лучше, одна другой веселѣе, и привелъ его къ запечатанной двери.

— Видишь ли, говоритъ, эту дверь? Замка на ней нѣтъ, только печати. Отворить ее можно, да не велю я тебѣ. Живи ты и гуляй, гдѣ хочешь и какъ хочешь; всѣми радостями радуйся, только одинъ тебѣ заказъ: въ эту дверь не входи. А если и войдешь, такъ попомни, что̀ ты въ лѣсу видѣлъ.

Сказалъ это крестный и ушелъ. Остался крестникъ одинъ и сталъ жить. И такъ ему весело и радостно было, что думалось ему, что прожилъ онъ тутъ только три часа, а прожилъ онъ тутъ тридцать лѣтъ. И какъ прошло тридцать лѣтъ, подошелъ крестникъ къ запечатанной двери и подумалъ: «Отчего не велѣлъ мнѣ крестный входить въ эту горницу? Дай пойду посмотрю, что тамъ такое?»

Толкнулъ дверь, отскочили печати, отворилась дверь. Вошелъ крестникъ и видитъ, палаты больше всѣхъ и лучше всѣхъ, и въ серединѣ палатъ стоитъ золотой престолъ. Походилъ, походилъ крестникъ по палатамъ и подошелъ къ престолу, вошелъ по ступенямъ и сѣлъ. Сѣлъ и видитъ—у престола жезлъ стоитъ. Взялъ крестникъ въ руки жезлъ. Только что взялъ въ руки жезлъ, вдругъ отвалились всѣ четыре стѣны въ палатахъ. Поглядѣлъ кругомъ себя крестникъ и видитъ весь міръ и все, что̀ въ міру люди дѣлаютъ. Посмотрѣлъ прямо—видитъ море, корабли плаваютъ. Посмотрѣлъ вправо—видитъ чужіе, не христіанскіе народы живутъ. Посмотрѣлъ въ лѣвую сторону—христіанскіе

да не русскіе живутъ. Посмотрѣлъ въ четвертую сторону—наши русскіе живутъ. «Дай, говоритъ, посмотрю, что у насъ дома дѣлается, хорошо ли у насъ хлѣбъ родился?» Посмотрѣлъ на поле на свое, видитъ, крестцы стоятъ. Сталъ онъ считать крестцы, много ли хлѣба, и видитъ, ѣдетъ на поле телѣга и сидитъ въ ней мужикъ. Думалъ крестникъ, что родитель его ѣдетъ ночью снопы поднимать. Смотритъ: это Василій Кудряшовъ, воръ, ѣдетъ. Подъѣхалъ къ копнамъ, сталъ накладывать. Досадно стало крестнику. Закричалъ онъ: «Батюшка, снопы съ поля крадутъ!»

Проснулся отецъ въ ночномъ. «Приснилось мнѣ, говоритъ, что снопы крадутъ; дай пойду посмотрю». Сѣлъ на лошадь—поѣхалъ.

Пріѣзжаетъ на поле, увидалъ Василія, скричалъ мужиковъ. Избили Василія. Связали, повели въ острогъ.

Поглядѣлъ еще крестникъ на городъ, гдѣ его крестная жила. Видитъ, замужемъ она за купцомъ. И лежитъ она, спитъ, а мужъ ея всталъ, идетъ къ любовницѣ. Закричалъ крестникъ купчихѣ: «Вставай, твой мужъ худыми дѣлами занялся».

Вскочила крестная, одѣлась, разыскала, гдѣ ея мужъ, изсрамила, избила любовницу и мужа отъ себя прогнала.

Поглядѣлъ еще крестникъ на свою мать и видитъ, лежитъ она въ избѣ, и влѣзъ въ избу разбойникъ и сталъ сундукъ ломать.

Проснулась мать, закричала. Увидалъ разбойникъ, выхватилъ топоръ, замахнулся на мать, хочетъ ее убить.

Не сдержался крестникъ, какъ пуститъ жезломъ въ разбойника, прямо въ високъ ему попалъ, убилъ на мѣстѣ.

6.

Только убилъ крестникъ разбойника, опять затворились стѣны, стали опять палаты, какъ были.

Отворилась дверь, входитъ крестный. Подошелъ крестный къ сыну своему, взялъ его за руку, свелъ съ престола и говоритъ:

— Не послушалъ ты моего приказанія: одно худое дѣло сдѣлалъ — отворилъ запрещенную дверь; другое худое дѣло сдѣлалъ — на престолъ взошелъ и въ руки мой жезлъ взялъ; третье худое дѣло сдѣлалъ — много зла на свѣтѣ прибавилъ. Коли бы ты еще часъ посидѣлъ, ты бы половину людей перепортилъ.

И ввелъ крестный опять крестника на престолъ, взялъ въ руки жезлъ. И опять отвалились стѣны, и все видно стало.

И сказалъ крестный:

— Смотри теперь, что ты своему отцу сдѣлалъ: Василій теперь годъ въ острогѣ просидѣлъ, всѣмъ злодѣйствамъ научился и остервенѣлъ совсѣмъ. Смотри, вонъ онъ у отца твоего двухъ лошадей угналъ и, видишь, ему ужъ и дворъ запаливаетъ. Вотъ что ты своему отцу сдѣлалъ.

Только увидалъ крестникъ, что загорѣлся отцовъ дворъ, закрылъ отъ него это крестный, велѣлъ смотрѣть въ другую сторону.

— Вотъ, говоритъ, мужъ твоей крестной уже годъ теперь, какъ бросилъ жену, съ другими на сторонѣ гуляетъ, а она съ горя пить стала, а любовница его прежняя совсѣмъ пропала. Вотъ что ты съ своей крестной сдѣлалъ.

Закрылъ и это крестный, показалъ на его домъ. И увидалъ онъ свою мать: плачетъ она о своихъ грѣхахъ, кается, говоритъ: «лучше бы меня тогда разбойникъ убилъ, — не надѣлала бы я столько грѣховъ».

— Вотъ что ты своей матери сдѣлалъ.

Закрылъ и это крестный и показалъ внизъ. И увидалъ крестникъ разбойника: держатъ разбойника два стража передъ темницей.

И сказалъ ему крестный: «Этотъ человѣкъ девять душъ загубилъ. Ему бы надо самому свои грѣхи выкупать, а ты его убилъ, всѣ грѣхи его на себя снялъ. Теперь тебѣ за всѣ его грѣхи отвѣчать. Вотъ что ты самъ себѣ сдѣлалъ. Медвѣдица разъ чурбанъ толкнула — медвѣжатъ потревожила; другой разъ толкнула — пѣстуна убила, а третій разъ толкнула — сама себя погубила. То же и ты сдѣлалъ. Даю тебѣ теперь сроку на тридцать лѣтъ. Иди въ міръ, выкупай разбойниковы грѣхи. Если не выкупишь, тебѣ на его мѣсто идти».

И сказалъ крестникъ: «Какъ же мнѣ его грѣхи выкупить?»

И сказалъ крестный: «Когда въ мірѣ столько же зла изведешь, сколько завелъ, тогда и свои и разбойниковы грѣхи выкупишь».

И спросилъ крестникъ: «Какъ же въ мірѣ зло изводить?»

Сказалъ крестный: «Иди ты прямо на восходъ солнца, придетъ поле, на немъ люди. Примѣчай, что люди дѣлаютъ, и научи ихъ тому, что знаешь. Потому иди дальше, примѣчай то, что увидишь; придешь на четвертый день къ лѣсу, въ лѣсу келья, въ кельѣ старецъ живетъ, разскажи ему все, что было. Онъ тебя научитъ. Когда все сдѣлаешь, что тебѣ старецъ велитъ, тогда свои и разбойниковы грѣхи выкупишь».

Сказалъ такъ крестный и выпустилъ крестника за ворота.

7.

Пошелъ крестникъ. Идетъ и думаетъ: «Какъ мнѣ на свѣтѣ зло изводить? Изводятъ на свѣтѣ зло тѣмъ, что злыхъ людей въ ссылки ссылаютъ, въ тюрьмы сажаютъ и казнями казнятъ. Какъ же мнѣ дѣлать, чтобы зло изводить, а на себя чужихъ грѣховъ не снимать?» Думалъ, думалъ крестникъ, не могъ придумать.

Шелъ, шелъ, приходитъ къ полю. На полѣ хлѣбъ выросъ— хорошій, густой, и жать пора. Видитъ крестникъ, зашла въ этотъ хлѣбъ телушка, и увидали люди, посѣли верхами, гоняютъ по хлѣбу телушку изъ стороны въ сторону. Только хочетъ телушка изъ хлѣба выскочить, наѣдетъ другой, испугается телушка, опять въ хлѣбъ; опять за ней скачутъ по хлѣбу. А на дорогѣ стоитъ баба, плачетъ: «загоняютъ они, говоритъ, мою телушку».

И сталъ крестникъ говорить мужикамъ: «Зачѣмъ вы такъ дѣлаете? Вы выѣзжайте всѣ вонъ изъ хлѣба. Пусть хозяйка свою телушку покличетъ». Послушались люди. Подошла баба къ краю, начала кликать: «тпрюси, тпрюси, буреночка, тпрюси, тпрюси!..» Насторожила телушка уши, послушала, послушала, побѣжала къ бабѣ, прямо ей подъ подолъ мордой, — чуть съ ногъ не сбила. И мужики рады, и баба рада, и телушка рада.

Пошелъ крестникъ дальше и думаетъ: «Вижу я теперь, что зло отъ зла умножается. Что̀ больше гоняютъ люди зло, больше зла разводятъ. Нельзя, значитъ, зло зломъ изводить. А чѣмъ его изводить — не знаю. Хорошо, какъ телушка хозяйку послушала, а то какъ не послушаетъ, какъ ее вызвать?»

Думалъ, думалъ крестникъ, ничего не придумалъ, пошелъ дальше.

8.

Шелъ, шелъ, приходитъ къ деревнѣ. Попросился въ крайней избѣ ночевать. Пустила хозяйка. Въ избѣ никого нѣтъ, только одна хозяйка моетъ.

Вошелъ крестникъ, взлѣзъ на печку и сталъ глядѣть, что̀ хозяйка дѣлаетъ; видитъ—вымыла хозяйка избу, стала столъ мыть. Вымыла столъ, стала вытирать грязнымъ ручникомъ. Станетъ въ одну сторону стирать — не вытирается столъ. Отъ грязнаго ручника полосами грязь по столу. Станетъ въ другую сторону стирать — однѣ полосы сотретъ, другія сдѣлаетъ. Станетъ опять вдоль вытирать—опять то же. Пачкаетъ грязнымъ ручникомъ; одну грязь сотретъ, другую налѣпитъ. Поглядѣлъ, поглядѣлъ крестникъ, говоритъ:

— Что жъ ты это, хозяюшка, дѣлаешь?

— Развѣ не видишь, говоритъ: къ празднику мою. Да вотъ никакъ столъ не домою, все грязно, измучилась совсѣмъ.

— Да ты бы, говоритъ, ручникъ выполоскала, а тогда бъ стирала.

Сдѣлала такъ хозяйка, живо вымыла столъ.

— Спасибо, говоритъ, что научилъ.

На утро распрощался крестникъ съ хозяйкой, пошелъ дальше. Шелъ, шелъ, пришелъ въ лѣсъ. Видитъ — гнутъ мужики ободья. Подошелъ крестникъ, видитъ — кружатся мужики, а ободъ не загибается.

Поглядѣлъ крестникъ, видитъ—кружится у мужиковъ стуло, нѣтъ въ немъ державы. Посмотрѣлъ крестникъ и говоритъ:

— Что это вы, братцы, дѣлаете?

— Да вотъ ободья гнемъ. И два раза парили, измучились совсѣмъ — не загибаются.

— Да вы, братцы, стуло-то укрѣпите, а то вы съ нимъ вмѣстѣ кружитесь.

Послушались мужики, укрѣпили стуло, пошло у нихъ дѣло на ладъ.

Переночевалъ у нихъ крестникъ, пошелъ дальше. Весь день и ночь шелъ, передъ зарей подошелъ къ гуртовщикамъ, прилегъ онъ около нихъ. И видитъ — уставили гуртовщики скотину и разводятъ огонь. Взяли сухихъ вѣтокъ, зажгли, не дали разгорѣться, наложили на огонь сырого хворосту. Зашипѣлъ хворость, затухъ огонь. Взяли гуртовщики еще суши, зажгли, опять навалили хворосту сырого, — опять затушили. Долго бились, не разожгли огня.

И сказалъ крестникъ: «Вы не спѣшите хворость накладывать, а прежде разожгите хорошенько огонь. Когда жарко разгорится, тогда ужъ накладывайте».

Сдѣлали такъ гуртовщики; разожгли сильно, наложили хворость. Занялся хворость, разгорѣлся костеръ. Побылъ съ ними крестникъ и пошелъ дальше. Думалъ, думалъ крестникъ, къ чему онъ эти три дѣла видѣлъ, — не могъ понять.

9.

Шелъ, шелъ крестникъ, прошелъ день. Приходитъ въ лѣсъ, въ лѣсу келья. Подходитъ крестникъ къ кельѣ, стучится. Спрашиваетъ изъ кельи голосъ:

— Кто тамъ?

— Грѣшникъ великій, иду чужіе грѣхи выкупать.

Вышелъ старецъ и спрашиваетъ:

— Какiе такiе чужiе грѣхи на тебѣ?

Разсказалъ ему все крестникъ: и про отца крестнаго, и про медвѣдицу съ медвѣжатами, и про престолъ въ запечатанной палатѣ, и про то, что ему крестный велѣлъ, и про то, какъ онъ на полѣ мужиковъ видѣлъ, какъ они весь хлѣбъ стоптали и какъ телушка къ хозяйкѣ сама вышла.

— Понялъ я, говоритъ, что нельзя зло зломъ изводить, а не могу понять, какъ его изводить надо. Научи меня.

И сказалъ старецъ:

— А скажи мнѣ, что ты еще по дорогѣ видѣлъ?

Разсказалъ ему крестникъ про бабу, какъ она мыла, и про мужиковъ, какъ они ободья гнули, и про пастуховъ, какъ они огонь разводили.

Выслушалъ старецъ, вернулся въ келью, вынесъ топоришко щербатый.

— Пойдемъ, говоритъ.

Отошелъ старецъ на поприще отъ кельи, показалъ на дерево.

— Руби, говоритъ.

Срубилъ крестникъ, упало дерево.

— Руби теперь на-трое.

Разрубилъ крестникъ на-трое. Зашелъ опять въ келью старецъ, принесъ огня.

— Сожги, говоритъ, эти три чурака.

Развелъ крестникъ огонь, сжегъ три чурака, остались три головешки.

— Зарой въ землю наполовину. Вотъ такъ.

Зарылъ крестникъ.

— Видишь, подъ горой рѣка, носи оттуда воду во рту, поливай. Эту головешку поливай такъ, какъ ты бабу училъ. Эту поливай, какъ ты ободчиковъ научилъ. А эту поливай, какъ ты пастуховъ научилъ. Когда прорастутъ всѣ три и изъ головешекъ три яблони вырастутъ, тогда узнаешь, какъ въ людяхъ зло изводить; тогда и грѣхи выкупишь.

Сказалъ это старецъ и ушелъ въ свою келью. Думалъ, думалъ крестникъ, не могъ понять, что ему сказалъ старецъ. А сталъ дѣлать, какъ ему велѣно.

10.

Пошелъ крестникъ къ рѣкѣ, набралъ полонъ ротъ воды, вылилъ на головешку, пошелъ еще и еще; полилъ и другiя двѣ. Уморился крестникъ, захотѣлось ему ѣсть. Пошелъ въ келью у

старца пищи попросить. Отворилъ дверь, а старецъ мертвый на лавочкѣ лежитъ. Осмотрѣлся крестникъ, нашелъ сухариковъ, поѣлъ; нашелъ и заступъ и сталъ старцу могилу копать. Ночью воду носилъ, поливалъ, а днемъ могилу копалъ. Только выкопалъ могилу, хотѣлъ хоронить, пришли изъ деревни люди, старцу пищи принесли.

Узнали люди, что старецъ померъ и благословилъ крестника на свое мѣсто. Похоронили люди старца, оставили крестнику хлѣба; обѣщались принести еще и ушли.

И остался крестникъ на старцевомъ мѣстѣ жить. Живетъ крестникъ, кормится тѣмъ, что ему люди носятъ, и повелѣнное дѣло дѣлаетъ — во рту изъ рѣки воду носитъ, головешки поливаетъ.

Прожилъ такъ крестникъ годъ, и стало къ нему много людей ходить. Прошла про него слава, что живетъ въ лѣсу святой человѣкъ, спасается, ртомъ изъ-подъ горы воду носитъ, горѣлые пни поливаетъ. Стало къ нему много народу ходить. Стали и богатые купцы ѣздить, ему подарки возить. Не бралъ ничего себѣ крестникъ, кромѣ нужды, а что ему давали, то другимъ бѣднымъ раздавалъ.

И сталъ такъ жить крестникъ: половину дня воду во рту носитъ, головешки поливаетъ, а другую половину отдыхаетъ и народъ принимаетъ.

И сталъ думать крестникъ, что такъ ему велѣно жить, этимъ самымъ зло изводить и грѣхи выкупать.

Прожилъ такъ крестникъ и другой годъ, ни одного дня не пропустилъ, чтобы не полить, а все не проросла ни одна головешка.

Сидитъ онъ разъ въ кельѣ, слышитъ — ѣдетъ мимо него человѣкъ верхомъ и пѣсни поетъ. Вышелъ крестникъ посмотрѣть, что за человѣкъ. Видитъ — человѣкъ сильный, молодой. Одежда на немъ хорошая, и лошадь и сѣдло подъ нимъ дорогія.

Остановилъ его крестникъ и спросилъ, что онъ за человѣкъ и куда ѣдетъ.

Остановился человѣкъ.

— Я, говоритъ, разбойникъ, ѣзжу по дорогамъ, людей убиваю: что больше людей убью, то веселѣй пѣсни пою.

Ужаснулся крестникъ, думаетъ: «Какъ въ такомъ человѣкѣ зло извести? Хорошо мнѣ тѣмъ говорить, которые ко мнѣ ходятъ, сами каются. А этотъ зломъ хвалится». Ничего не сказалъ крестникъ, пошелъ прочь да подумалъ: «Какъ теперь быть, повадится этотъ разбойникъ здѣсь ѣздить, напугаетъ онъ народъ,

перестануть ко мнѣ люди ходить. И имъ пользы не будетъ, да и мнѣ тогда какъ жить будетъ?»

И остановился крестникъ. И сталъ разбойнику говорить:

— Сюда, говоритъ, ко мнѣ люди ходятъ не зломъ хвалиться, а каяться и грѣхи отмаливать. Покайся и ты, если Бога боишься; а не хочешь каяться, такъ уѣзжай отсюда и не пріѣзжай никогда, меня не смущай и народъ отъ меня не отпугивай. А если не послушаешь, покараетъ тебя Богъ.

Засмѣялся разбойникъ.

— Не боюсь, говоритъ, я Бога и тебя не послушаю. Ты мнѣ не хозяинъ. Ты, говоритъ, своимъ богомольствомъ кормишься, а я разбоемъ кормлюсь. Всѣмъ кормиться надо. Ты бабъ, что къ тебѣ ходятъ, учи, а меня учить нечего. А за то, что ты мнѣ про Бога помянулъ, я завтра лишнихъ двухъ людей убью. И тебя бы нынче убилъ, да не хочется рукъ марать. А впередъ не попадайся.

Погрозилъ такъ разбойникъ и уѣхалъ. И не проѣзжалъ больше разбойникъ, и жилъ крестникъ попрежнему спокойно восемь лѣтъ.

11.

Пошелъ разъ ночью крестникъ свои головешки поливать, пришелъ въ келью отдохнуть и сидитъ, глядитъ на тропочку, скоро ли народъ придетъ. И не пришелъ въ этотъ день ни одинъ человѣкъ. Просидѣлъ крестникъ одинъ до вечера, и скучно ему стало, и раздумался онъ о своей жизни. Вспомнилъ онъ, какъ разбойникъ его укорилъ за то, что онъ своимъ богомольствомъ кормится. И оглянулся крестникъ на свою жизнь. «Не такъ, думаетъ, я живу, какъ мнѣ старецъ велѣлъ. Старецъ мнѣ епитимію наложилъ, а я изъ нея хлѣбъ да славу людскую сдѣлалъ. И такъ соблазнился на нее, что скучно мнѣ, когда ко мнѣ народъ не ходитъ. А когда ходитъ народъ, то я только и радуюсь тому, какъ они мою святость прославляютъ. Не такъ жить надо. Запутался я славою людской. Прежнихъ грѣховъ не выкупилъ, а новые нажилъ. Уйду я въ лѣсъ, въ другое мѣсто, чтобъ меня народъ не нашелъ. Стану одинъ жить такъ, чтобы старые грѣхи выкупать, а новыхъ не наживать».

Подумалъ такъ крестникъ и взялъ мѣшочекъ сухарей и заступъ и пошелъ прочь отъ кельи къ оврагу, чтобы въ глухомъ мѣстѣ себѣ земляночку выкопать—отъ людей укрыться.

Идетъ крестникъ съ мѣшочкомъ и съ заступомъ, наѣзжаетъ на него разбойникъ. Испугался крестникъ, хотѣлъ бѣжать, да догналъ его разбойникъ.

— Куда идешь? говоритъ.

Разсказалъ ему крестникъ, что хочетъ онъ отъ народа уйти въ такое мѣсто, чтобы никто къ нему не ходилъ. Удивился разбойникъ.

— Чѣмъ же ты теперь кормиться будешь, когда къ тебѣ люди ходить не будутъ?

И не подумалъ объ этомъ прежде крестникъ, а какъ спросилъ его разбойникъ, вспомнилъ онъ и про пищу.

— А чѣмъ Богъ дастъ, говоритъ.

Ничего не сказалъ разбойникъ, поѣхалъ дальше.

«Что жъ,—думаетъ крестникъ,—я ему ничего про его жизнь не сказалъ! Можетъ, онъ теперь покается. Нынче онъ какъ будто помягче и не грозится убить». И прокричалъ крестникъ вслѣдъ разбойнику:

— А все жъ тебѣ покаяться надо. Отъ Бога не уйдешь.

Повернулъ лошадь разбойникъ. Выхватилъ ножъ изъ-за пояса, замахнулся на крестника. Испугался крестникъ, убѣжалъ въ лѣсъ.

Не сталъ его догонять разбойникъ, только сказалъ: «Два раза простилъ тебя, старикъ, въ третій не попадайся—убью!» Сказалъ такъ и уѣхалъ. Пошелъ вечеромъ крестникъ головешки поливать, глядь—одна ростки пустила. Яблонька изъ нея растетъ.

12.

Скрылся отъ людей крестникъ и сталъ одинъ жить. Вышли у него сухари. «Ну, думаетъ, теперь корешковъ поищу». Только пошелъ искать, видитъ—на суку мѣшочекъ съ сухарями виситъ. Взялъ его крестникъ и сталъ кормиться.

Только вышли сухари, опять другой мѣшочекъ на томъ же суку нашелъ. И жилъ такъ крестникъ. Только одно у него горе было — разбойника боялся. Какъ заслышитъ разбойника, такъ спрячется, думаетъ: «Убьетъ онъ меня, такъ и не успѣешь грѣховъ выкупить».

Прожилъ такъ еще десять лѣтъ. Яблонька одна росла, а двѣ головешки, какъ были головешками, такъ и оставались.

Всталъ разъ рано крестникъ, пошелъ свое дѣло исполнять, смочилъ землю у головешекъ, уморился и присѣлъ отдохнуть. Сидитъ, отдыхаетъ и думаетъ: «Согрѣшилъ я—сталъ смерти бояться. Захочетъ Богъ, такъ и смертью грѣхи выкуплю». Только подумалъ такъ, вдругъ слышитъ, ѣдетъ разбойникъ, ругается. Услыхалъ крестникъ и думаетъ: «Кромѣ Бога ни худого, ни

добраго ни отъ кого мнѣ не будетъ», и пошелъ къ разбойнику навстрѣчу. Видитъ, ѣдетъ разбойникъ не одинъ, а везетъ за собой на сѣдлѣ человѣка. А у человѣка и руки и ротъ завязаны. Молчитъ человѣкъ, а разбойникъ на него ругается. Подошелъ крестникъ къ разбойнику, сталъ предъ лошадью.

— Куда ты, говоритъ, этого человѣка везешь?

— А везу въ лѣсъ. Это купцовъ сынъ. Не сказываетъ онъ, гдѣ отцовскія деньги спрятаны. Буду я его до тѣхъ поръ пороть, пока онъ скажетъ.

И хотѣлъ разбойникъ проѣхать. Да не пустилъ крестникъ, схватилъ лошадь за узду.—Отпусти, говоритъ, этого человѣка.

Разсердился разбойникъ на крестника, замахнулся на него.

— Иль, говоритъ, и тебѣ того же хочется? Я тебѣ обѣщалъ, что убью. Пусти!

Не испугался крестникъ.

— Не пущу, говоритъ. Не боюсь я тебя, я только Бога боюсь. А Богъ не велитъ пускать. Отпусти человѣка.

Нахмурился разбойникъ, выхватилъ ножъ, перерѣзалъ веревки, пустилъ купцова сына.

— Убирайтесь, говоритъ, вы оба, не попадайтесь въ другой разъ.

Соскочилъ купцовъ сынъ, побѣжалъ. Хотѣлъ разбойникъ проѣхать, да остановилъ его еще крестникъ; сталъ ему еще говорить, чтобы бросилъ онъ свою дурную жизнь. Постоялъ разбойникъ, выслушалъ все, ничего не сказалъ и уѣхалъ.

На утро пошелъ крестникъ поливать головешки. Глядь, и другая проросла, — тоже яблонька растетъ.

13.

Прошло еще десять лѣтъ. Сидитъ разъ крестникъ, ничего ему не хочется, ничего не боится, и радуется въ немъ сердце. И думаетъ себѣ крестникъ: «Какая людямъ отъ Бога благодать! А мучаютъ они себя понапрасну. Жить бы да жить имъ въ радости». И вспомнилъ онъ про все зло людское, какъ они себя мучаютъ. И жалко ему стало людей. «Напрасно, думаетъ, я такъ живу; пойти надо сказать людямъ, что я знаю».

Только подумалъ онъ и слышитъ, ѣдетъ разбойникъ. Пропустилъ онъ его и думаетъ: «Съ этимъ что и говорить, не пойметъ».

Подумалъ сперва такъ, а потомъ передумалъ, вышелъ на дорогу. Ѣдетъ разбойникъ пасмурный, въ землю смотритъ. Поглядѣлъ на него крестникъ, и жалко ему стало, подбѣжалъ къ нему, ухватилъ его за колѣно.

— Братъ милый, говоритъ, пожалѣй свою душу! Вѣдь въ тебѣ духъ Божій. Мучаешься ты, и другихъ мучаешь, и еще хуже мучиться будешь. А Богъ тебя какъ любитъ, какую тебѣ благодать припасъ! Не губи ты себя, братецъ. Перемѣни свою жизнь!

Нахмурился разбойникъ, отвернулся. — Отстань, говоритъ.

Обхватилъ крестникъ еще крѣпче разбойника за колѣно и слезами заплакалъ.

Поднялъ глаза разбойникъ на крестника. Смотрѣлъ, смотрѣлъ, слѣзъ съ лошади и палъ предъ крестникомъ на колѣни.

— Побѣдилъ, говоритъ, ты меня, старикъ. Двадцать лѣтъ я съ тобой боролся. Осилилъ ты меня. Не властенъ я теперь надъ собой. Дѣлай со мной, что хочешь. Когда ты меня, говоритъ, въ первый разъ уговаривалъ, я только больше озлился. А задумался я, говоритъ, надъ твоими рѣчами только тогда, когда ты отъ людей уходилъ и узналъ, что тебѣ самому отъ людей ничего не нужно. И сталъ я съ тѣхъ поръ сухарей для тебя на сукъ вѣшать.

И вспомнилъ крестникъ, что тогда только баба столъ вымыла, когда ручникъ выполоскала: пересталъ онъ о себѣ заботиться, очистилъ сердце и сталъ другія сердца очищать.

И сказалъ разбойникъ:

— А повернулось во мнѣ сердце тогда. когда ты смерти не побоялся.

И вспомнилъ крестникъ, что тогда только ободчики ободья загибать стали, когда стуло утвердили: пересталъ онъ смерти бояться, утвердилъ свою жизнь въ Богѣ и покорилось непокорное сердце.

И сказалъ разбойникъ:

— А растаяло во мнѣ вовсе сердце, только когда ты пожалѣлъ меня и заплакалъ предо мною.

Обрадовался крестникъ, повелъ съ собой разбойника къ тому мѣсту, гдѣ головешки были. Подошли они, а изъ послѣдней головешки тоже яблоня выросла. И вспомнилъ крестникъ, что тогда загорѣлись сырыя дрова у пастуховъ, когда разжегся большой огонь: разгорѣлось въ немъ сердце и разожгло другое.

И обрадовался крестникъ тому, что онъ теперь грѣхи выкупилъ.

Сказалъ это все разбойнику и померъ. Похоронилъ его разбойникъ, сталъ жить, какъ велѣлъ ему крестникъ, и такъ людей учить.

1886 г.

ТРИ СТАРЦА.

(Изъ народныхъ сказокъ на Волгѣ).

> А молясь не говорите лишняго, какъ язычники: ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны. Не уподобляйтесь имъ; ибо знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у Него.
> (Матѳ. VI, 7, 8).

Плылъ на кораблѣ архіерей изъ Архангельска-города въ Соловки. На томъ же кораблѣ плыли богомольцы къ угодникамъ. Вѣтеръ былъ попутный, погода ясная, не качало. Богомольцы— которые лежали, которые закусывали, которые сидѣли кучками — бесѣдовали другъ съ дружкой. Вышелъ и архіерей на палубу, сталъ ходить взадъ и впередъ по мосту. Подошелъ архіерей къ носу, видитъ, собралась кучка народа. Мужичокъ показываетъ что-то рукой въ море и говоритъ, а народъ слушаетъ. Остановился архіерей, посмотрѣлъ, куда показывалъ мужичокъ: ничего не видно, только море на солнцѣ блеститъ. Подошелъ поближе архіерей, сталъ прислушиваться. Увидалъ архіерея мужичокъ, снялъ шапку и замолчалъ. Увидалъ и народъ архіерея, тоже сняли шапки, почтенье сдѣлали.

— Не стѣсняйтесь, братцы, — сказалъ архіерей. — Я тоже послушать подошелъ, что ты, добрый человѣкъ, разсказываешь.

— Да вотъ про старцевъ намъ рыбачокъ разсказывалъ, — сказалъ одинъ купецъ посмѣлѣе.

— Что про старцевъ? — спросилъ архіерей, подошелъ къ борту и присѣлъ на ящикъ.—Разскажи и мнѣ, я послушаю. Что ты показывалъ?

— Да вотъ островокъ маячитъ,—сказалъ мужичокъ и показалъ впередъ въ правую сторону.—На этомъ самомъ островкѣ и старцы живутъ, спасаются.

— Гдѣ же островокъ?—спросилъ архіерей.

— Вотъ по рукѣ-то моей извольте смотрѣть. Вонъ облачко, такъ полѣвѣе его внизъ какъ полоска виднѣется.

Смотрѣлъ, смотрѣлъ архіерей, рябитъ вода на солнцѣ, и не видать ему ничего безъ привычки.

— Не вижу, говоритъ. Такъ какіе же тутъ старцы на островѣ живутъ?

— Божьи люди,—отвѣтилъ крестьянинъ.—Давно ужъ я слыхалъ про нихъ, да не доводилось видѣть, а вотъ запрошлымъ лѣтомъ самъ видѣлъ.

И сталъ опять разсказывать рыбакъ, какъ ѣздилъ онъ за рыбой и какъ прибило его къ острову къ этому, и самъ не зналъ, гдѣ онъ. Поутру пошелъ ходить и набрелъ на земляночку, и увидалъ у земляночки одного старца, а потомъ вышли и еще два; покормили и обсушили его и помогли лодку починить.

— Какіе же они изъ себя?—спросилъ архіерей.

— Одинъ маленькій, сгорбленный, совсѣмъ древній, въ ряскѣ старенькой, должно, годовъ больше ста, сѣдина въ бородѣ ужъ зеленѣть стала, а самъ все улыбается и свѣтлый, какъ ангелъ небесный. Другой ростомъ повыше, тоже старъ, въ кафтанѣ рваномъ, борода широкая, сѣдая съ желтизной, а человѣкъ сильный: лодку мою перевернулъ какъ ушатъ, не успѣлъ я и подсобить ему, — тоже радостный. А третій высокій, борода длинная до колѣнъ и бѣлая какъ лунь, а самъ сумрачный, брови на глаза висятъ, и нагой весь, только рогожкой опоясанъ.

— Что жъ они говорили съ тобой?—спросилъ архіерей.

— Все больше молча дѣлали, и другъ съ дружкой мало говорятъ. А взглянетъ одинъ, а другой уже понимаетъ. Сталъ я высокаго спрашивать, давно ли они живутъ тутъ. Нахмурился онъ, что-то заговорилъ, разсердился точно, да древній маленькій сейчасъ его за руку взялъ, улыбнулся,—и затихъ большой. Только сказалъ древній: «помилуй насъ», и улыбнулся.

Пока говорилъ крестьянинъ, корабль еще ближе подошелъ къ островамъ.

— Вотъ теперь вовсе видно стало, — сказалъ купецъ. — Вотъ изволите посмотрѣть, ваше преосвященство,—сказалъ онъ, показывая.

Архіерей сталъ смотрѣть. И точно увидалъ черную полоску—островокъ. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ архіерей и пошелъ прочь отъ носа къ кормѣ, подошелъ къ кормчему.

— Какой это островокъ, говоритъ, тутъ виднѣется?

— А такъ, безыменный. Ихъ много тутъ.

— Что, правда, говорятъ, тутъ старцы спасаются?

— Говорятъ, ваше преосвященство, да не знаю, правда ли. Рыбаки, говорятъ, видали. Да тоже, бываетъ, и зря болтаютъ.

— Я желаю пристать къ острову—повидать старцевъ,—сказалъ архіерей. — Какъ это сдѣлать?

— Кораблемъ подойти нельзя, — сказалъ кормчій. — На лодкѣ можно, да надо старшо̀го спросить.

Вызвали старшо̀го.

— Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть этихъ старцевъ,—сказалъ архіерей. — Нельзя ли свезти меня?

Сталъ старшо̀й отговаривать.—Можно-то можно, да много времени проведемъ и, осмѣлюсь доложить вашему преосвященству, не сто̀итъ смотрѣть на нихъ. Слыхалъ я отъ людей, что совсѣмъ глупые старики живутъ, ничего не понимаютъ и ничего и говорить не могутъ, какъ рыбы какія морскія.

— Я желаю, — сказалъ архіерей.—Я заплачу за труды, свезите меня.

Нечего дѣлать, распорядились корабельщики, переладили паруса. Повернулъ кормчій корабль, поплыли къ острову. Вынесли архіерею стулъ на носъ. Сѣлъ онъ и смотритъ. И народъ весь собрался къ носу, всѣ на островокъ глядятъ. И у кого глаза повострѣе, ужъ видятъ камни на островѣ и землянку показываютъ. А одинъ ужъ и трехъ старцевъ разглядѣлъ. Вынесъ старшо̀й трубу, посмотрѣлъ въ нее, подалъ архіерею. «Точно, говоритъ, вотъ на берегу, поправѣе камня большого, три человѣка стоятъ». Посмотрѣлъ и архіерей въ трубу, навелъ, куда надо; точно, стоятъ трое: одинъ высокій, другой пониже, а третій вовсе маленькій; стоятъ на берегу, за руки держатся.

Подошелъ старшо̀й къ архіерею. — Здѣсь, ваше преосвященство, остановить корабль надо. Если ужъ угодно, такъ отсюда на лодкѣ вы изволите съѣздить, а мы тутъ на якоряхъ постоимъ.

Сейчасъ распустили тросо, кинули якорь, спустили парусъ— дернуло, зашаталось судно. Спустили лодку, соскочили гребцы, и сталъ спускаться архіерей по лѣсенкѣ. Спустился архіерей, сѣлъ на лавочку въ лодкѣ, ударили гребцы въ весла, поплыли къ острову. Подплыли какъ камень кинуть; видятъ: стоятъ три старца, высокій — нагой, рогожкой опоясанъ, пониже — въ кафтанѣ рваномъ и древненькій сгорбленный — въ ряскѣ старенькой; стоятъ всѣ трое, за руки держатся.

Причалили гребцы къ берегу, зацѣпились багромъ. Вышелъ архіерей.

Поклонились ему старцы, благословилъ онъ ихъ, поклонились они ему еще ниже. И началъ имъ говорить архіерей:

— Слышалъ я, говоритъ, что вы здѣсь, старцы Божіи, спасаетесь, за людей Христу-Богу молитесь, а я здѣсь, по милости Божіей, недостойный рабъ Христовъ, Его паству пасти призванъ; такъ хотѣлъ и васъ, рабовъ Божіихъ, повидать и вамъ, если могу, поученіе подать.

Молчатъ старцы, улыбаются, другъ на дружку поглядываютъ.

— Скажите мнѣ, какъ вы спасаетесь и какъ Богу служите?— сказалъ архіерей.

Вздохнулъ средній старецъ и посмотрѣлъ на старшаго, на древняго; нахмурился высокій старецъ и посмотрѣлъ на старшаго, на древняго. И улыбнулся старшій, древній старецъ и сказалъ: «Не умѣемъ мы, рабъ Божій, служить Богу, только себѣ служимъ, себя кормимъ».

— Какъ же вы Богу молитесь? — спросилъ архіерей.

И древній старецъ сказалъ: «Молимся мы такъ: трое Васъ, трое насъ, помилуй насъ».

И какъ только сказалъ это древній старецъ, подняли всѣ три старца глаза къ небу и всѣ трое сказали: «Трое Васъ, трое насъ, помилуй насъ!»

Усмѣхнулся архіерей и сказалъ: «Это вы про Святую Троицу слышали, да не такъ вы молитесь. Полюбилъ я васъ, старцы Божіи, вижу, что хотите вы угодить Богу, да не знаете, какъ служить Ему. Не такъ надо молиться, а слушайте меня, я научу. Не отъ себя буду учить васъ, а изъ Божьяго писанія научу тому, какъ Богъ повелѣлъ всѣмъ людямъ молиться Ему».

И началъ архіерей толковать старцамъ, какъ Богъ открылъ Себя людямъ: растолковалъ имъ про Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго и сказалъ:

— Богъ Сынъ сошелъ на землю людей спасти и такъ научилъ всѣхъ молиться. Слушайте и повторяйте за мной.

И сталъ архіерей говорить: «Отче нашъ». И повторилъ одинъ старецъ: «Отче нашъ», повторилъ и другой: «Отче нашъ», повторилъ и третій: «Отче нашъ». — «Иже еси на небесѣхъ». Повторили и старцы: «Иже еси на небесѣхъ». Да запутался въ словахъ средній старецъ, не такъ сказалъ; не выговорилъ и высокій, нагой старецъ: ему усы ротъ заросли — не могъ чисто выговорить; невнятно прошамкалъ и древній беззубый старецъ.

Повторилъ еще разъ архіерей, повторили еще разъ старцы. И присѣлъ на камушекъ архіерей, и стали около него старцы, и смотрѣли ему въ ротъ, и твердили за нимъ, пока онъ говорилъ имъ. И весь день до вечера потрудился съ ними архіерей; и десять, и двадцать, и сто разъ повторялъ одно слово, и старцы

твердили за нимъ. И путались они, и поправлялъ онъ ихъ, и заставлялъ повторять сначала.

И не оставилъ архіерей старцевъ, пока не научилъ ихъ всей молитвѣ Господней. Прочли они ее за нимъ и прочли сами. Прежде всѣхъ понялъ средній старецъ и самъ повторилъ ее всю. И велѣлъ ему архіерей еще и еще разъ сказать ее, и еще повторить, и другіе прочли всю молитву.

Ужъ смеркаться стало, и мѣсяцъ изъ моря всходить сталъ, когда поднялся архіерей ѣхать на корабль. Простился архіерей со старцами, поклонились ему всѣ въ ноги. Поднялъ онъ ихъ и облобызалъ каждаго, велѣлъ имъ молиться, какъ онъ научилъ ихъ, и сѣлъ въ лодку и поплылъ къ кораблю.

И плылъ къ кораблю архіерей, и все слышалъ, какъ старцы въ три голоса громко твердили молитву Господню. Стали подплывать къ кораблю, не слышно ужъ стало голоса старцевъ, но только видно было при мѣсяцѣ: стоятъ на берегу, на томъ же мѣстѣ, три старца — одинъ, поменьше всѣхъ, посрединѣ, а высокій съ правой, а средній съ лѣвой стороны. Подъѣхалъ архіерей къ кораблю, взошелъ на палубу, вынули якорь, подняли паруса, надуло ихъ вѣтромъ, сдвинуло корабль, и поплыли дальше. Прошелъ архіерей на корму и сѣлъ тамъ, и все смотрѣлъ на островокъ. Сначала видны были старцы, потомъ скрылись изъ виду, виднѣлся только островокъ, потомъ и островокъ скрылся, одно море играло на мѣсячномъ свѣтѣ.

Улеглись богомольцы спать, и затихло все на палубѣ. Но не хотѣлось спать архіерею, сидѣлъ онъ одинъ на кормѣ, глядѣлъ на море туда, гдѣ скрылся островокъ, и думалъ о добрыхъ старцахъ. Думалъ о томъ, какъ радовались они тому, что научились молитвѣ, и благодарилъ Бога за то, что привелъ Онъ его помочь Божіимъ старцамъ, научить ихъ слову Божію.

Сидитъ такъ архіерей, думаетъ, глядитъ въ море, въ ту сторону, гдѣ островокъ скрылся. И рябитъ у него въ глазахъ— то тутъ, то тамъ свѣтъ по волнамъ заиграетъ. Вдругъ видитъ, блеститъ и бѣлѣется что-то въ столбѣ мѣсячномъ: птица ли, чайка или парусокъ на лодкѣ бѣлѣется. Пригляделся архіерей. «Лодка, думаетъ, на парусѣ за нами бѣжитъ. Да скоро ужъ очень насъ догоняетъ. То далеко, далеко было, а вотъ ужъ и вовсе виднѣется близко. И лодка не лодка, на парусъ непохоже. А бѣжитъ что-то за нами и насъ догоняетъ». И не можетъ разобрать архіерей, что̀ такое: лодка не лодка, птица не птица, рыба не рыба. На человѣка похоже, да велико очень, да и нельзя человѣку средь моря быть. Поднялся архіерей, подошелъ къ кормчему: «погляди, говоритъ, что это?»

— Чтò это, братецъ? Чтò это? — спрашиваетъ архіерей, а ужъ самъ видитъ — бѣгутъ по морю старцы, бѣлѣютъ и блестятъ ихъ сѣдыя бороды, и, какъ къ стоячему, къ кораблю приближаются.

Оглянулся кормчій, ужаснулся, бросилъ руль и закричалъ громкимъ голосомъ:

— Господи! Старцы за нами по морю, какъ по суху, бѣгутъ! — Услыхалъ народъ, поднялся, бросились всѣ къ кормѣ. Всѣ видятъ: бѣгутъ старцы, рука съ рукой держатся — крайніе руками машутъ, остановиться велятъ. Всѣ трое по водѣ, какъ по суху, бѣгутъ и ногъ не передвигаютъ.

Не успѣли судна остановить, какъ поравнялись старцы съ кораблемъ, подошли подъ самый бортъ, подняли головы и заговорили въ одинъ голосъ:

— Забыли, рабъ Божій, забыли твое ученіе! Пока твердили — помнили, перестали на часъ твердить, одно слово выскочило — забыли, все разсыпалось. Ничего не помнимъ, научи опять.

Перекрестился архіерей, перегнулся къ старцамъ и сказалъ: «Доходна до Бога и ваша молитва, старцы Божіи. Не мнѣ васъ учить. Молитесь за насъ грѣшныхъ!»

И поклонился архіерей въ ноги старцамъ. И остановились старцы, повернулись и пошли назадъ по морю. И до утра видно было сіяніе съ той стороны, куда ушли старцы.

1886 г.

КАЮЩІЙСЯ ГРѢШНИКЪ.

И сказалъ Іисусу: помяни меня, Господи, когда придешь во царствіе Твое. — И сказалъ ему Іисусъ: истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю (Лк. XXIII, 42, 43).

Жилъ на свѣтѣ человѣкъ семьдесятъ лѣтъ, и прожилъ онъ всю жизнь въ грѣхахъ. И заболѣлъ этотъ человѣкъ и не каялся. И когда пришла смерть, въ послѣдній часъ заплакалъ онъ и сказалъ: «Господи! какъ разбойнику на крестѣ, прости мнѣ!» Только успѣлъ сказать — вышла душа. И возлюбила душа грѣшника Бога, и повѣрила въ милость Его, и пришла къ дверямъ рая.

И сталъ стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное.

И услыхалъ онъ голосъ изъ-за двери: «Какой человѣкъ стучится въ двери райскія? и какія дѣла совершилъ человѣкъ этотъ въ жизни своей?»

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и перечислилъ всѣ грѣшныя дѣла человѣка этого и не назвалъ добрыхъ дѣлъ никакихъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: «Не могутъ грѣшники войти въ царство небесное. Отойди отсюда».

И сказалъ человѣкъ: «Господи! голосъ твой слышу, а лица не вижу и имени твоего не знаю».

И отвѣчалъ голосъ: «Я — Петръ апостолъ».

И сказалъ грѣшникъ: «Пожалѣй меня, Петръ апостолъ, вспомни слабость человѣческую и милость Божію. Не ты ли былъ ученикъ Христовъ, не ты ли изъ самыхъ устъ Его слышалъ ученіе Его и видѣлъ примѣръ жизни Его? А вспомни, когда Онъ тосковалъ и скорбѣлъ душою и три раза просилъ тебя не спать, а молиться, и ты спалъ, потому глаза твои отяжелѣли, и три раза Онъ засталъ тебя спящимъ. Такъ же и я.

«А вспомни еще, какъ обѣщалъ Ему Самому до смерти не отречься отъ него и какъ ты три раза отрекся отъ Него, когда повели Его къ Каіафѣ. Такъ же и я.

«И вспомни еще, какъ запѣлъ пѣтухъ и ты вышелъ вонъ и заплакалъ горько. Такъ же и я. Нельзя тебѣ не впустить меня».

И затихъ голосъ за дверьми райскими.

И, постоявъ недолго, опять сталъ стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное.

И послышался изъ-за двери другой голосъ и сказалъ: «Кто человѣкъ этотъ? и какъ жилъ онъ на свѣтѣ?»

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и опять повторилъ всѣ худыя дѣла грѣшника и не назвалъ добрыхъ дѣлъ никакихъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: «Отойди отсюда: не могутъ такіе грѣшники жить съ нами вмѣстѣ въ раю».

И сказалъ грѣшникъ: «Господи, голосъ твой слышу, но лица твоего не вижу и имени твоего не знаю».

И сказалъ ему голосъ: «Я—царь и пророкъ Давидъ». И не отчаялся грѣшникъ, не отошелъ отъ двери рая и сталъ говорить: «Пожалѣй меня, царь Давидъ, и вспомни слабость человѣческую и милость Божію. Богъ любилъ тебя и возвеличилъ предъ людьми. Все было у тебя — и царство, и слава, и богатство, и жены, и дѣти, а увидѣлъ ты съ крыши жену бѣднаго человѣка, и грѣхъ вошелъ въ тебя, и взялъ ты жену Урія и убилъ его самого мечомъ амонитянъ. Ты, богачъ, отнялъ у бѣднаго послѣднюю овечку и погубилъ его самого. То же дѣлалъ и я.

«И вспомни потомъ, какъ ты покаялся и говорилъ: «я сознаю вину свою и сокрушаюсь о грѣхѣ своемъ». Такъ же и я. Нельзя тебѣ не впустить меня».

И затихъ голосъ за дверьми.

И, постоявъ недолго, опять сталъ стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное. И послышался изъ-за дверей третій голосъ и сказалъ: «Кто человѣкъ этотъ? и какъ прожилъ онъ на свѣтѣ?»

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и въ третій разъ перечислилъ худыя дѣла человѣка и не назвалъ добрыхъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: «Отойди отсюда: не могутъ грѣшники войти въ царство небесное».

И отвѣчалъ грѣшникъ: «Голосъ твой слышу, но лица не вижу и имени твоего не знаю».

И отвѣчалъ голосъ: «Я—Іоаннъ Богословъ, любимый ученикъ Христа».

И обрадовался грѣшникъ и сказалъ: «Теперь нельзя не впустить меня: Петръ и Давидъ впустятъ меня за то, что они знаютъ слабость человѣческую и милость Божію. А ты впустишь меня потому, что въ тебѣ любви много. Не ты ли, Іоаннъ Богословъ, написалъ въ книгѣ своей, что Богъ есть любовь и что кто не любитъ, тотъ не знаетъ Бога? Не ты ли при старости говорилъ людямъ одно слово: «братья, любите другъ друга!» Какъ же ты теперь возненавидишь и отгонишь меня? Или отрекись отъ того, что сказалъ ты самъ, или полюби меня и впусти въ царство небесное».

И отворились врата райскія, и обнялъ Іоаннъ кающагося грѣшника и впустилъ его въ царство небесное.

1886 г.

РАБОТНИКЪ ЕМЕЛЬЯНЪ и ПУСТОЙ БАРАБАНЪ.

Жилъ Емельянъ у хозяина въ работникахъ. Идетъ разъ Емельянъ по лугу на работу,—глядь, прыгаетъ передъ нимъ лягушка; чуть-чуть не наступилъ на нее. Перешагнулъ черезъ нее Емельянъ. Вдругъ слышитъ, кличетъ его кто-то сзади. Оглянулся Емельянъ, видитъ—стоитъ красавица дѣвица и говоритъ ему:

— Что ты, Емельянъ, не женишься?

— Какъ мнѣ, дѣвица милая, жениться? Я весь тутъ, нѣтъ у меня ничего, никто за меня не пойдетъ.

— И,—говоритъ дѣвица,—возьми меня замужъ.

Полюбилася Емельяну дѣвица.—Я, говоритъ, съ радостью, да гдѣ мы жить будемъ?

— Есть,—говоритъ дѣвица,—о чемъ думать. Только бы побольше работать да поменьше спать, а то вездѣ и одѣты и сыты будемъ.

— Ну что жъ, говоритъ, ладно. Женимся. Куда жъ пойдемъ?

— Пойдемъ въ городъ.

Пошелъ Емельянъ съ дѣвицей въ городъ. Свела его дѣвица въ домишко небольшой на краю; женились и стали жить.

Ѣхалъ разъ воевода за городъ. Проѣзжаетъ мимо Емельянова двора, и вышла Емельянова жена посмотрѣть воеводу. Увидалъ ее воевода и удивился: гдѣ такая красавица родилась? Остановилъ воевода коня, подозвалъ жену Емельяна, сталъ ее спрашивать:

— Кто, говоритъ, ты?

— Мужика Емельяна жена, говоритъ.

— Зачѣмъ ты, говоритъ, такая красавица, за мужика пошла? Тебѣ-бы княгиней быть.

— Благодарю, говоритъ, на ласковомъ словѣ. Мнѣ и за мужикомъ хорошо.

Поговорилъ съ ней воевода и поѣхалъ дальше. Вернулся въ свои палаты. Не идетъ у него изъ головы Емельянова жена. Всю ночь не спалъ: все думалъ онъ, какъ бы ему у Емельяна жену отнять. Не могъ придумать, какъ сдѣлать. Позвалъ своихъ слугъ, велѣлъ имъ придумать. И сказали слуги воеводѣ:

— Возьми ты, говорятъ, Емельяна къ себѣ въ работники. Мы его работой замучаемъ, жена вдовой останется, тогда ее взять можно.

Сдѣлалъ такъ воевода, послалъ за Емельяномъ, чтобы шелъ къ нему въ дворники и у него бы въ домѣ съ женой жилъ.

Пришли послы, сказали Емельяну. Жена и говоритъ мужу:

— Что жъ, говоритъ, иди. День работай, а ночью ко мнѣ приходи.

Пошелъ Емельянъ. Приходитъ въ палаты; воеводинъ приказчикъ и спрашиваетъ его:

— Что жъ ты одинъ пришелъ безъ жены?

— Что жъ мнѣ ее водить: у ней домъ есть.

Задали Емельяну на воеводиномъ дворѣ работу такую, что двоимъ впору. Взялся Емельянъ за работу и не чаялъ кончить. Глядь, раньше вечера все кончилъ. Увидалъ приказчикъ, что кончилъ, задалъ ему на завтра вчетверо. Пришелъ Емельянъ домой. А дома у него все выметено, прибрано; печка истоплена, всего напечено, наварено. Жена сидитъ за столомъ, шьетъ, мужа ждетъ. Встрѣтила жена мужа, собрала ужинать, накормила, напоила, стала его про работу спрашивать,

— Да что, говоритъ, плохо: не по силамъ уроки задаютъ, замучаютъ они меня работой.

— А ты, говоритъ, не думай о работѣ, и назадъ не оглядывайся, и впередъ не гляди, много ли сдѣлалъ и много ли осталось. Только работай. Все во-время поспѣетъ.

Легъ спать Емельянъ. На утро опять пошелъ. Взялся за работу, ни разу не оглянулся. Глядь, къ вечеру все готово, засвѣтло пришелъ домой ночевать. Стали еще и еще набавлять работу Емельяну, и все къ сроку кончаетъ Емельянъ, ходитъ домой ночевать. Прошла недѣля. Видятъ слуги воеводины, что не могутъ они черной работой донять мужика. Стали ему хитрыя работы задавать. И тѣмъ не могутъ донять. И плотницкую, и каменную, и кровельную работу—что ни зададутъ, все дѣлаетъ къ сроку Емельянъ, къ женѣ ночевать идетъ. Прошла другая недѣля. Позвалъ воевода своихъ слугъ и говоритъ:

— Или я васъ задаромъ хлѣбомъ кормлю? Двѣ недѣли прошло, а все ничего я отъ васъ не вижу. Хотѣли вы Емельяна работой замучить, а я изъ окна вижу, что онъ каждый день

идетъ домой, пѣсни поетъ. Или вы надо мной смѣяться вздумали?

Стали слуги оправдываться.

— Мы, говорятъ, всѣми силами старались его сперва черной работой замучить, да ничѣмъ не возьмешь его. Всякое дѣло какъ метлою мететъ, и устали въ немъ нѣтъ. Стали мы ему хитрыя работы задавать, думали, у него ума недостанетъ,—тоже не можемъ донять. Откуда что берется. До всего доходитъ, все дѣлаетъ. Не иначе какъ—либо въ немъ самомъ, либо въ женѣ его колдовство. Онъ намъ и самимъ надоѣлъ. Хотимъ мы теперь ему такое дѣло задать, чтобы нельзя было ему сдѣлать. Придумали мы ему велѣть въ одинъ день соборъ построить. Призови ты Емельяна и вели ему въ одинъ день противъ твоихъ палатъ соборъ построить. А не построитъ онъ, тогда можно ему за ослушаніе голову отрубить.

Послалъ воевода за Емельяномъ.

— Ну, говоритъ, вотъ тебѣ мой приказъ: построй ты мнѣ новый соборъ противъ моихъ палатъ на площади, чтобъ къ завтраму къ вечеру готово было. Построишь—я тебя награжу, а не построишь—казню.

Отслушалъ Емельянъ приказъ, повернулся, пошелъ домой. «Ну, думаетъ, пришелъ мой конецъ теперь». Пришелъ домой къ женѣ и говоритъ:

— Ну, говоритъ, собирайся, жена: бѣжать надо куда попало, а то ни за что пропадемъ.

— Что жъ, говоритъ, такъ заробѣлъ, что бѣжать хочешь?

— Какъ же, говоритъ, не заробѣть: велѣлъ мнѣ воевода завтра въ одинъ день новый соборъ построить. А какъ не построю, грозится голову отрубить. Одно остается—бѣжать, пока время.

Не приняла жена этихъ рѣчей.

— У воеводы слугъ много, повсюду поймаютъ. Отъ него не уйдешь. А пока сила есть, слушаться надо.

— Да какъ же слушаться, коли не по силамъ?

— И, батюшка! Не тужи, поужинай да ложись; на утро вставай пораньше, все успѣешь.

Легъ спать Емельянъ; на утро разбудила его жена.

— Ступай, говоритъ, скорѣй достраивай соборъ; вотъ тебѣ гвозди и молотокъ, тамъ тебѣ на день работы осталось.

Пошелъ Емельянъ въ городъ, приходитъ: точно, новый соборъ посередь площади стоитъ. Немного не конченъ. Сталъ додѣлывать Емельянъ, гдѣ надо; къ вечеру все исправилъ. Проснулся воевода, посмотрѣлъ изъ палатъ, видитъ — соборъ стоитъ. Еме-

льянъ похаживаетъ, кое-гдѣ гвозди приколачиваетъ. И не радъ воевода собору: досадно ему, что не за что Емельяна казнить, нельзя его жены отнять. Опять призываетъ воевода своихъ слугъ.

— Исполнилъ, говоритъ, Емельянъ и эту задачу, не за что его казнить. Мала ему и эта задача. Надо что похитрѣе выдумать. Придумайте, а то я васъ прежде его расказню.

И придумали ему слуги, чтобы заказалъ онъ Емельяну рѣку сдѣлать, чтобы текла рѣка вокругъ палатъ, а по ней бы корабли плавали. Призвалъ воевода Емельяна, приказалъ ему новое дѣло.

— Если ты, говоритъ, въ одну ночь могъ соборъ построить, такъ можешь ты и это дѣло сдѣлать. Чтобы завтра было все по моему приказу готово. А не будетъ готово, голову отрублю.

Опечалился еще пуще Емельянъ, пришелъ къ женѣ сумрачный.

— Что,—говоритъ жена,—опечалился, или еще новое что приказали?—Разсказалъ ей Емельянъ.

— Надо, говоритъ, бѣжать.—А жена говоритъ:

— Не убѣжишь отъ солдатъ, вездѣ поймаютъ; надо слушаться.

— Да какъ слушаться-то?

— И, батюшка, говоритъ, ни о чемъ не тужи. Поужинай да спать ложись. А вставай пораньше, все будетъ къ порѣ.

Легъ Емельянъ спать. Поутру разбудила его жена.

— Иди, говоритъ, въ городъ, все готово. Только у пристани бугорокъ остался, возьми заступъ, сровняй.

Пошелъ Емельянъ. Приходитъ въ городъ: вокругъ палатъ рѣка, корабли плаваютъ. Подошелъ Емельянъ къ пристани, видитъ неровное мѣсто, сталъ ровнять.

Проснулся воевода, видитъ—рѣка, гдѣ не было; по рѣкѣ корабли плаваютъ, а Емельянъ бугорокъ заступомъ ровняетъ. Ужаснулся воевода, и не радъ онъ и рѣкѣ и кораблямъ, а досадно ему, что нельзя Емельяна казнить. Думаетъ себѣ: «нѣтъ такой задачи, чтобъ онъ не сдѣлалъ,—какъ теперь быть?» Призвалъ слугъ своихъ, сталъ съ ними думать.

— Придумайте, говоритъ, мнѣ такую задачу, чтобъ не подъ силу было Емельяну. А то, что мы ни выдумывали, онъ все сдѣлалъ, и нельзя мнѣ у него жены отобрать.

Думали, думали слуги и придумали. Пришли къ воеводѣ и говорятъ:

— Надо Емельяна позвать и сказать: поди туда, не знай куда, и принеси того, не знай чего. Тутъ ужъ ему и нельзя будетъ отвертѣться. Куда бъ онъ ни пошелъ, ты скажешь, что онъ не туда пошелъ, куда надо, и чего бы онъ ни принесъ, ты скажи, что не то принесъ, чего надо. Тогда его и казнить можно и жену его взять.

Обрадовался воевода.

— Это, говоритъ, вы умно придумали.—Послалъ за Емельяномъ и сказалъ ему:

— Поди туда, не знай куда, принеси того, не знай чего. А не принесешь, отрублю тебѣ голову.

Пришелъ Емельянъ къ женѣ и говоритъ, что ему воевода сказалъ. Задумалась жена.

— Ну, говоритъ, на его голову научили воеводу. Теперь умно дѣлать надо. Посидѣла, подумала жена и стала говорить мужу:

— Идти тебѣ надо далеко, къ нашей бабушкѣ, къ старинной мужицкой солдатской матери,—надо ея милости просить. А получишь отъ нея штуку, иди прямо къ воеводѣ, и я тамъ буду. Теперь мнѣ ужъ ихъ рукъ не миновать. Они меня силой возьмутъ, да только не надолго. Если все сдѣлаешь, какъ бабушка велитъ, ты меня скоро выручишь.

Собрала жена мужа, дала ему сумочку и дала ему веретенце.

— Вотъ это, говоритъ, ей отдай. По этому она узнаетъ, что ты мой мужъ.

Показала жена ему дорогу. Пошелъ Емельянъ, вышелъ за городъ, видитъ—солдаты учатся. Постоялъ, посмотрѣлъ Емельянъ. Поучились солдаты сѣли отдохнуть. Подошелъ къ нимъ Емельянъ и спрашиваетъ:

— Не знаете ли вы, братцы, гдѣ мнѣ идти туда, не знай куда. и какъ принести того, не знай чего.

Услыхали это солдаты и удивились.

— Кто, говорятъ, тебя послалъ искать?

— Воевода, говоритъ.

— Не можемъ тебѣ пособить.

Посидѣлъ Емельянъ и пошелъ дальше. Шелъ, шелъ, приходитъ въ лѣсъ. Въ лѣсу избушка. Въ избушкѣ старая старуха сидитъ, старая мужицкая солдатская мать, кудельку прядетъ, сама плачетъ и пальцы не во рту слюнями, а въ глазахъ слезами мочитъ. Увидала старуха Емельяна, закричала на него:

— Чего пришелъ?

Подалъ ей Емельянъ веретенце и сказалъ, что его жена прислала. Сейчасъ помягчила старуха и стала спрашивать. И сталъ

Емельянъ сказывать ей всю свою жизнь: какъ онъ на дѣвицѣ женился, какъ перешелъ въ городъ жить, какъ его въ дворники взяли, какъ онъ воеводѣ служилъ, какъ соборъ построилъ и рѣку съ кораблями сдѣлалъ и какъ ему теперь воевода велѣлъ идти туда, не знай куда, и принести того, не знай чего.

Отслушала старуха и перестала плакать. Стала сама съ собой бормотать. «Дошло видно время».

— Ну, ладно, говоритъ, садись, сынокъ, поѣшь.

Поѣлъ Емельянъ, и стала старуха ему говорить:

— Вотъ, говоритъ, тебѣ, клубокъ; покати ты его предъ собой и иди за нимъ, куда онъ катиться будетъ. Идти тебѣ будетъ далеко, до самаго моря. Придешь къ морю, увидишь городъ большой. Войди въ городъ, просись въ крайній дворъ ночевать. Тутъ ищи того, что тебѣ нужно.

— Какъ же, бабушка, я его узнаю?

— А когда увидишь то, чего лучше отца и матери слушаютъ, оно то и есть, схвати и неси. Принесешь къ воеводѣ, онъ тебѣ скажетъ, что не то ты принесъ, что надо, а ты тогда скажи: «коли не то, такъ разбить его надо», да ударь по штукѣ по этой, а потомъ снеси ее къ рѣкѣ, разбей и брось въ воду, тогда и жену вернешь.

Простился съ бабушкой, пошелъ Емельянъ, покатилъ клубокъ. Катилъ, катилъ, привелъ его клубокъ къ морю; у моря городъ большой. Съ краю высокій домъ. Попросился Емельянъ въ домъ ночевать,—пустили. Легъ спать. Утромъ рано проснулся, слышитъ: отецъ поднялся будить сына, посылаетъ дрова нарубить. И не слушается сынъ: «рано еще, говоритъ, успѣю». Слышитъ, мать съ печки и говоритъ:

— Иди, сынокъ, у отца кости болятъ, развѣ ему самому идти?.. Пора.

Только почмокалъ губами сынъ и опять заснулъ. Только заснулъ, вдругъ загремѣло, затрещало что-то на улицѣ. Вскочилъ сынъ, одѣлся, выбѣжалъ на улицу. Вскочилъ и Емельянъ, побѣжалъ за нимъ смотрѣть, что такое, чего сынъ лучше отца-матери послушался. Выбѣжалъ Емельянъ, видитъ: ходитъ по улицѣ человѣкъ, носитъ на пузѣ штуку круглую, бьетъ по ней палками, она-то и гремитъ, ея-то сынъ и послушался. Подбѣжалъ Емельянъ, сталъ смотрѣть штуку, видитъ: круглая, какъ кадушка, съ обоихъ боковъ кожей затянута. Сталъ онъ спрашивать, какъ эта штука зовется.

— Барабанъ, говорятъ.

— А, что же онъ, пустой?

— Пустой, говорятъ.

Подивился Емельянъ и сталъ просить себѣ эту штуку. Не дали ему. Пересталъ Емельянъ просить, сталъ ходить за барабанщикомъ. Цѣлый день ходилъ, и когда легъ спать барабанщикъ, схватилъ у него Емельянъ барабанъ и убѣжалъ съ нимъ. Бѣжалъ-бѣжалъ, пришелъ домой въ свой городъ. Думалъ жену повидать, а ея ужъ нѣтъ: на другой день ее къ воеводѣ увели. Пошелъ Емельянъ къ воеводѣ, велѣлъ о себѣ доложить: «пришелъ, молъ, тотъ, кто ходилъ туда, не знай куда, принесъ того, не знай чего». Доложили.

Велѣлъ воевода Емельяну завтра придти.

Сталъ просить Емельянъ, чтобъ опять доложили.

— Я, говоритъ, нынче пришелъ, принесъ, что велѣно; пусть воевода ко мнѣ выйдетъ, а то я самъ войду.

Вышелъ воевода.

— Гдѣ, говоритъ, ты былъ?

Емельянъ сказалъ.

— Не тамъ, говоритъ. А что принесъ?

Хотѣлъ показать Емельянъ, да не сталъ смотрѣть воевода.

— Не то, говоритъ.

— А не то, говоритъ, такъ разбить ее надо, и чортъ съ ней.

Вышелъ Емельянъ съ барабаномъ и ударилъ по немъ. Какъ ударилъ, собралось все воинство воеводино къ Емельяну. Емельяну честь отдаютъ, отъ него приказу ждутъ.

Сталъ на свое войско воевода изъ окна кричать, чтобъ они не шли за Емельяномъ. Не слушаютъ, всѣ за Емельяномъ идутъ. Увидалъ это воевода, велѣлъ къ Емельяну жену вывести и сталъ просить, чтобъ онъ ему барабанъ отдалъ.

— Не могу,—говоритъ Емельянъ;—мнѣ, говоритъ, его разбить велѣно и оскребки въ рѣку бросить.

Подошелъ Емельянъ съ барабаномъ къ рѣкѣ, и солдаты за нимъ пришли. Пробилъ Емельянъ у рѣки барабанъ, разломалъ въ щепки, бросилъ въ рѣку. И разбѣжались всѣ солдаты. А Емельянъ взялъ жену и повелъ къ себѣ въ домъ. И съ тѣхъ поръ воевода пересталъ его тревожить, и сталъ онъ жить-поживать, добро наживать, а худо проживать.

1887 г.

ТРИ СЫНА.

Однажды нѣкій отецъ отдѣлилъ своего сына, подарилъ ему помѣстье и сказалъ ему: «Живи такъ же, какъ живу я, и ты будешь счастливъ».

Получивъ подарокъ, сынъ ушелъ и началъ жить въ собственное удовольствіе. «Отецъ велѣлъ мнѣ, — говорилъ онъ,—жить такъ, какъ живетъ онъ; а онъ живетъ весело, и я послѣдую его примѣру».

Такъ провелъ онъ годъ, два, десять, двадцать лѣтъ. Онъ растратилъ все, что получилъ, и остался безъ ничего. Тогда онъ возвратился къ отцу и сталъ просить у него помощи, но отецъ отказалъ въ ней сыну. Сынъ пытался разжалобить отца и принесъ ему въ подарокъ лучшее изъ того, что имѣлъ, и умолялъ его о поддержкѣ. Но отецъ былъ глухъ къ его просьбамъ. Тогда сынъ, думая, не оскорбилъ ли онъ чѣмъ отца, сталъ просить у него прощенья, но отецъ попрежнему оставался непреклоннымъ.

И тогда сынъ сталъ бранить отца:

– Разъ ты не хочешь дать мнѣ на этотъ разъ ничего, къ чему же ты сдѣлалъ мнѣ раньше подарокъ и говорилъ еще, что даннаго тобою мнѣ хватитъ на всю мою жизнь? Всѣ пережитыя мною радости, удовольствія—ничто въ сравненіи съ тѣми страданіями, какія я переживаю теперь. Я чувствую, какъ я погибаю, какъ таетъ мое здоровье. А кто виновникъ моихъ несчастій? Ты... Ты долженъ былъ знать, что мое благополучіе повредитъ мнѣ, и не предупредилъ меня объ опасности. Ты сказалъ только: «живи, какъ я, и тебѣ будетъ хорошо». И я жилъ, какъ ты; ты отдался удовольствіямъ, и я слѣдовалъ твоему примѣру... Но у тебя было достаточно средствъ для такой жизни, а у меня ихъ не хватало. Ты — не отецъ, ты обманщикъ, ты врагъ мнѣ... Да будетъ проклятой моя жизнь! Проклятіе и тебѣ, соблазнителю. Я не хочу и знать о тебѣ, я ненавижу тебя!..

Такой же подарокъ сдѣлалъ отецъ и своему второму сыну, просто сказавъ при этомъ: «Живи, какъ я, и ты будешь счастливъ». Этотъ сынъ не былъ вполнѣ удовлетворенъ даромъ; хотя послѣднiй былъ равенъ дару перваго сына, но второй уже зналъ, что случилось съ его старшимъ братомъ, и онъ сталъ думать о томъ, какъ бы не послѣдовать примѣру старшаго и не сдѣлаться нищимъ. Онъ понималъ, что братъ плохо истолковалъ фразу отца: «живи, какъ я», и что нельзя жить только для удовольствiя. Онъ сталъ думать о томъ, какими бы путями удвоить подаренное ему состоянiе, сталъ трудиться надъ прiобрѣтенiемъ новаго помѣстья, равнаго полученному отъ отца, но не сумѣлъ добиться этого.

Тогда онъ пошелъ за совѣтомъ къ отцу. Но тотъ ничего не сказалъ сыну. Сынъ подумалъ, не боится ли отецъ посвятить его въ тайну своего благополучiя, и сталъ разузнавать всѣ тѣ пути и средства, при помощи которыхъ отецъ собралъ свои богатства. Онъ сталъ копить, но сколько онъ ни копилъ, все ему казалось мало. Не желая сознаваться въ своей жадности, онъ провелъ всю свою жизнь въ лишенiяхъ и говорилъ всѣмъ и всюду, что ему отецъ не далъ ничего, что все онъ собралъ своими руками, что другiе люди могли за то же время накопить бы больше.

Такъ говорилъ второй сынъ до тѣхъ поръ, пока отцовское состоянiе не стало у него исчезать. Когда же онъ потерялъ все, что имѣлъ,—ему не оставалось ничего другого, какъ умереть, и онъ покончилъ съ собою.

И третьему сыну подарилъ отецъ равное первымъ помѣстье и даря произнесъ ту же фразу: «Живи, какъ я, и ты будешь счастливъ».

Радуясь подарку, третiй сынъ покинулъ родной домъ. Но, помня судьбу старшихъ братьевъ, онъ долго раздумывалъ надъ значенiемъ напутственныхъ отцовскихъ словъ.

«Мой старшiй братъ,—размышлялъ онъ,—думалъ, что жить по-отцовски значитъ жить для удовольствiя, и потерялъ благодаря этому все, что имѣлъ. Второй братъ, считая, что слова отца значатъ поступать по его примѣру, тоже погибъ. Въ чемъ же тогда значенiе отцовской фразы: «живи, какъ я»?

И онъ сталъ припоминать все, что только зналъ про жизнь отца. И, припоминая, онъ понялъ, что знаетъ только одно: это то, что до его рожденiя для него у отца еще ничего не было приготовлено, что самъ онъ не существовалъ, что отецъ создалъ его, питалъ, воспитывалъ, далъ ему всѣ блага и сказалъ: «Живи, какъ я, и ты будешь счастливъ». Онъ зналъ, что отецъ сдѣлалъ

то же для его братьевъ, и рѣшилъ, что въ этомъ единственно и заключается то, чему онъ можетъ научиться лучше всего у отца. Все, что онъ зналъ про отца, заключалось въ томъ, что отецъ дѣлаетъ добро ему и его братьямъ. И тогда онъ понялъ, что значила сказанная отцомъ фраза: «живи, какъ я». Онъ понялъ, что жить, какъ отецъ, — значитъ оказывать людямъ добро.

И когда онъ остановился на этой мысли, къ нему подошелъ отецъ и сказалъ: «Теперь мы снова будемъ вмѣстѣ и будемъ счастливы. Ступай ко всѣмъ моимъ дѣтямъ и разскажи, что значитъ «жить, какъ я», и что, дѣйствительно, тѣ будутъ счастливы, кто будетъ жить по моему примѣру».

Третій сынъ пошелъ и разсказалъ всѣмъ своимъ сверстникамъ о слышанномъ, и съ тѣхъ поръ каждое дитя, получая свою часть, радовался не тому, что получало много, а тому, что могло жить такъ, какъ жилъ отецъ, и быть счастливымъ.

Отецъ — это Богъ, сыновья — люди, а счастье — наша жизнь. Люди думаютъ, что могутъ жить одни, безъ Бога; и одни представляютъ себѣ жизнь непрерывною цѣпью удовольствій, веселятся и наслаждаются жизнью, а когда приходитъ часъ смерти, не въ состояніи понять, къ чему была дана имъ эта жизнь, счастье которой кончается страданіями смерти.

Эти люди умираютъ, проклиная Бога, и отрекаются отъ него. Эти люди — первый сынъ.

Другіе люди видятъ цѣль жизни въ самопознаніи и самоусовершенствованіи, и они всѣ силы посвящаютъ тому, чтобы приготовить для себя новую, лучшую жизнь, но, совершенствуя земную, они теряютъ ее, отдаляются отъ нея.

Наконецъ, третьи говорятъ: «Все, что мы знаемъ о Богѣ, это то, что Онъ творитъ людямъ добро и велитъ то же сдѣлать по отношенію къ другимъ. Итакъ, будемъ слѣдовать Его примѣру и творить добро своимъ ближнимъ».

И какъ только они приходятъ къ этой мысли, къ нимъ нисходитъ Богъ и говоритъ: «Вотъ то, чего Я хотѣлъ отъ васъ. Поступайте такъ, какъ поступаю Я, и вы будете жить такъ же, какъ живу Я».

1887 г.

ТЕКСТЫ

къ ЛУБОЧНЫМЪ КАРТИНАМЪ.

ИСКУШЕНІЕ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

Надъ картиной написано:

Тогда Іисусъ возведенъ былъ духомъ въ пустыню, для искушенія отъ діавола.—И, постившись сорокъ дней и сорокъ ночей, напослѣдокъ взалкалъ.—И приступилъ къ нему искуситель, и сказалъ: Если Ты Сынъ Божій, скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами.—Онъ сказалъ ему въ отвѣтъ: написано: не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ (Второзаконіе, глава 8, стихъ 3). — Потомъ беретъ Его діаволъ въ святый городъ, и поставляетъ Его на крылѣ храма,—и говоритъ Ему: если Ты Сынъ Божій, бросься внизъ; ибо написано: Ангеломъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею (Книга псалмовъ, псалмъ 90, стихи 11, 12). — Іисусъ сказалъ Ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего. (Второзаконіе, глава 6, стихъ 16).—Опять беретъ Его діаволъ на весьма высокую гору, и показываетъ Ему всѣ царства міра и славу ихъ.—И говоритъ ему: все это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ.—Тогда Іисусъ говоритъ ему: отойди отъ Меня, сатана; ибо написано: Господу Богу твоему покланяйся, и Ему одному служи (Второзаконіе, глава 6, стихъ 13).— Тогда оставляетъ Его діаволъ, и се, Ангелы приступили и служили Ему.

Евангеліе отъ Матѳея, гл. 4, ст. 1—11.

Подъ картиной написано:

Такъ діаволъ искушалъ Господа Іисуса Христа, и такъ Господь отогналъ діавола и побѣдилъ его. Подобно сему искушаетъ и каждаго изъ насъ діаволъ, и такъ же точно по примѣру Іисуса Христа мы можемъ отогнать его и спасти свою душу. Какъ только захочетъ человѣкъ жить по-Божьи, такъ тотчасъ враги его

(часто они же и домашніе его) скажутъ ему: «Нынче нельзя жить по-Божьи—станешь свое отдавать, а отъ другихъ не брать—умрешь съ голоду. Пить, ѣсть надо, а изъ камней хлѣба не сдѣлаешь». Такъ скажутъ человѣку враги его. И когда они скажутъ это, пусть вспомнитъ тотъ человѣкъ, какъ на подобныя слова отвѣчалъ Христосъ діаволу, и пусть скажетъ тѣмъ, кто смущаетъ его, что человѣку важнѣе исполнить волю Бога, чѣмъ заботиться о хлѣбѣ. А воля Бога не въ томъ, чтобы брать, а въ томъ, чтобы давать.—Живъ Богъ, жива душа моя. И если человѣкъ скажетъ это, то враги и на это скажутъ то же, что въ другой разъ говорилъ діаволъ. Они скажутъ: «Если не будешь заботиться о жилищѣ, ѣдѣ и одеждѣ, то умрешь съ голода и холода. И если ужъ ты вѣришь, что Богъ не оставитъ тебя, то не жалѣй свою жизнь, не заботься ни о чемъ, не береги себя, а прямо губи свое тѣло, душа твоя не умретъ, а пойдетъ къ Богу». Такъ скажутъ человѣку враги. И когда они скажутъ это, пусть вспомнитъ онъ, какъ на подобныя слова отвѣтилъ Христосъ діаволу, и пусть скажетъ тѣмъ, кто смущаетъ его, что живетъ наша душа въ тѣлѣ не по своей волѣ, а по волѣ Бога, и что потому по своей волѣ заморить или погубить тѣло, значитъ не вѣрить Богу и искушать Его. А надо беречь и душу и тѣло. И можетъ быть на это враги скажутъ ему то же, что въ третій разъ говорилъ діаволъ. Они нападутъ на того человѣка, какъ діаволъ на Христа, и такъ же будутъ соблазнять его. Они скажутъ: «Ты о хлѣбѣ не хочешь заботиться, а тѣло свое бережешь, и погубить его не хочешь; такъ вотъ и дѣлай же то, что мы всѣ дѣлаемъ—поклонись лжи и обману. Служи мамонѣ, и все на свѣтѣ будетъ у тебя».—Такъ скажутъ человѣку враги его. И когда они скажутъ это, пусть вспомнитъ онъ, какъ на такія же слова отвѣчалъ Христосъ діаволу, и пусть скажетъ тѣмъ, кто смущаетъ его, что первая его забота будетъ не хлѣбъ, а исполненіе воли Бога, что губить свое тѣло онъ тоже не будетъ, потому что душа его въ тѣлѣ по волѣ Бога, но что живя въ тѣлѣ служить онъ будетъ не лжи и обману, а единому Богу. Пусть скажетъ это и пусть живетъ такъ, и тогда спасетъ свою душу.

СТРАДАНІЯ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

1-ый варіантъ.

Тогда отпустилъ имъ Варавву, а Іисуса, бивъ, предалъ на распятіе.
(Матѳ. XXVII, 26).

Кто бьетъ и мучаетъ Христа? Не воины Пилата, а мы бьемъ, сѣчемъ, мучаемъ и распинаемъ Его. Воины не знали Его и они били, а мы знаемъ и бьемъ Его. Бьемъ Его вчера и нынче, знаемъ Его и 1800 лѣтъ ругаемся надъ Нимъ и бьемъ Его.

Братья! Все, что мы сдѣлали другому человѣку, мы сдѣлали Ему. Кого же мы бьемъ, когда мы пожираемъ то, чего нѣтъ у голоднаго, кого мы бьемъ, когда нарушаемъ законъ супружескій съ распутницами и распутницъ еще дальше забиваемъ въ грѣхъ, кого мы бьемъ, когда ругаемся, деремся, надѣваемъ цѣпи на людей и проливаемъ кровь человѣческую?

Мы бьемъ и мучаемъ Христа хуже, чѣмъ эти воины Пилата. И грѣхъ нашъ не простится намъ, потому мы знаемъ, что мы дѣлаемъ.

2-ой варіантъ.

Тогда отпустилъ имъ Варавву, а Іисуса, бивъ, предалъ на распятіе.
(Матѳ. XXVII, 26).

Воина Пилата бьютъ Христа, и больно смотрѣть на страданія Его. Еще больнѣе думать, что страданія эти не кончаются. Мы такъ же, какъ и воины, и еще хуже, истязуемъ Его. Воины не знали, кто Онъ и откуда и что принесъ людямъ. Но мы знаемъ, кто Онъ, знаемъ, откуда Онъ, знаемъ, что Онъ принесъ намъ спасеніе, и такъ же и еще злѣе истязуемъ Его. Что ни день,

что ни часъ, мы подбавляемъ страданіямъ Его, Того, Который пришелъ спасти насъ. Все, что мы сдѣлаемъ другому человѣку, мы сдѣлаемъ Ему. Когда мы отталкиваемъ отъ себя нищаго и голоднаго, когда мы пользуемся нуждой его, когда мы гордимся передъ братомъ своимъ и отдѣляемся отъ него и презираемъ его, мы больнѣе воиновъ Пилата истязуемъ того Христа, Который велѣлъ намъ быть едиными съ Нимъ. Когда мы нарушаемъ законъ супружескій и ввергаемъ въ развратъ созданіе божеское, женщину, и потомъ ее же считаемъ не за человѣка, а за тварь, мы больнѣе воиновъ Пилата истязуемъ Спасителя нашего, Того, который сказалъ, что человѣкъ да не разъединяетъ того, что Богъ соединилъ, и что да будетъ мужъ и жена плоть едина. Когда мы насилуемъ людей и вымѣщаемъ на нихъ зломъ за зло, когда мы мучаемъ людей и проливаемъ кровь человѣческую, развѣ мы не истязуемъ Господа нашего, Того, Который сказалъ намъ—не противиться злому, отдавать рубаху, тому, кто тянетъ съ тебя кафтанъ, прощать брата своего не семь разъ, а семь разъ семьдесятъ? Не воины Пилата, а мы терзаемъ Христа, и до тѣхъ поръ не перестанетъ Онъ страдать о насъ, пока мы не исполнимъ заповѣди Его—любить другъ друга, какъ Онъ возлюбилъ насъ.

ВРАЖЬЕ ЛѢПКО, А БОЖЬЕ КРѢПКО.

Жилъ въ старинныя времена добрый хозяинъ. Всего у него было много, и много рабовъ служило ему. И рабы хвалились господиномъ своимъ. Они говорили: «Нѣтъ подъ небомъ господина лучше нашего. Онъ насъ и кормитъ, и одѣваетъ хорошо, и работу даетъ по силамъ, никого словомъ не оскорбитъ и ни на кого зла не держитъ; не такъ, какъ другіе господа своихъ рабовъ хуже скотовъ мучаютъ, и за вину и безъ вины казнятъ, и добраго слова не скажутъ. Нашъ — намъ добра хочетъ, и добро дѣлаетъ, и доброе говоритъ намъ. Намъ лучшаго житья не нужно».

Такъ хвалились рабы господиномъ своимъ. И вотъ досадно стало дьяволу, что живутъ хорошо и по любви рабы съ господиномъ своимъ. И завладѣлъ дьяволъ однимъ изъ рабовъ господина этого, Алебомъ. Завладѣвъ имъ, велѣлъ ему соблазнять другихъ рабовъ. И когда отдыхали всѣ рабы и хвалили господина своего, поднялъ голосъ Алебъ и сказалъ: «Напрасно хвалитесь вы, братцы, добротою господина нашего. Начни угождать дьяволу, и дьволъ добръ станетъ. Мы нашему господину хорошо служимъ, во всемъ угождаемъ. Только задумаетъ онъ что, мы то и дѣлаемъ, мысли его угадываемъ. Какъ же ему съ нами добрымъ не быть? А перестаньте-ка угождать да сдѣлайте ему худо, и онъ такой же какъ и всѣ будетъ, и за зло отплатитъ зломъ хуже, чѣмъ самые злые господа». И стали другіе рабы спорить съ Алебомъ. И спорили и побились объ закладъ. Взялся Алебъ разсердить добраго господина. Взялся съ тѣмъ уговоромъ, что если онъ не разсердитъ, то лишается своей праздничной одежды, а если разсердитъ, то обѣщали ему каждый отдать свою праздничную одежду и, кромѣ того, обѣщались защитить его отъ господина, — если закуютъ его въ желѣзо или въ темницу посадятъ, то выпустить его. Побились объ закладъ, и на другое утро обѣщалъ Алебъ разсердить хозяина.

Служилъ Алебъ у хозяина въ овчарнѣ, ходилъ за племенными дорогими баранами. И вотъ, на утро, когда пришелъ добрый господинъ съ гостями въ овчарню и сталъ имъ показы-

вать своихъ любимыхъ дорогихъ барановъ, мигнулъ дьяволовъ работникъ товарищамъ: «смотрите, сейчасъ разсержу хозяина». Собрались всѣ рабы, смотрятъ въ двери и черезъ ограду, а дьяволъ взлѣзъ на дерево и смотритъ оттуда во дворъ, какъ будетъ ему служить его работникъ. Походилъ хозяинъ по двору, показалъ гостямъ овецъ и ягнятъ и захотѣлъ показать лучшаго своего барана. «Хороши, говоритъ, и другіе бараны, а вонъ тотъ, что съ крутыми рогами, тому цѣны нѣтъ, онъ для меня глаза дороже». Шарахаются отъ народа по двору овцы и бараны, и не могутъ разсмотрѣть гости дорогого барана. Только остановится этотъ баранъ, такъ дьяволовъ работникъ, какъ будто ненарокомъ, пугнетъ овецъ, и опять всѣ смѣшаются. Не могутъ разобрать гости, который безцѣнный баранъ. Вотъ наскучило это хозяину. Онъ и говоритъ: «Алебъ, другъ любезный, потрудись ты, поймай осторожно лучшаго барана съ крутыми рогами и подержи его». И только сказалъ это хозяинъ, бросился Алебъ какъ левъ въ середину барановъ и ухватилъ безцѣннаго барана за волну. Ухватилъ за волну и тотчасъ перехватилъ одною рукой за заднюю лѣвую ногу, поднялъ ее и прямо на глазахъ хозяина рванулъ ногу кверху, и хрустнула она, какъ лутошка. Сломалъ Алебъ дорогому барану ногу ниже колѣна. Заблеялъ баранъ и упалъ на переднія колѣни. Перехватилъ Алебъ за правую ногу, а лѣвая вывернулась и повисла какъ плеть. Ахнули и гости и рабы всѣ, и зарадовался дьяволъ, когда увидѣлъ, какъ умно сдѣлалъ свое дѣло Алебъ. Сталъ чернѣе ночи хозяинъ, нахмурился, опустилъ голову и не сказалъ ни слова. Молчали гости и рабы... Ждали, что будетъ. Помолчалъ хозяинъ, потомъ отряхнулся, какъ будто съ себя скинуть что хочетъ, поднялъ голову и уставилъ глаза на небо. Не долго смотрѣлъ онъ, и морщины разошлись на лицѣ, и онъ улыбнулся и опустилъ глаза на Алеба. Онъ поглядѣлъ на Алеба, улыбнулся и сказалъ: «О, Алебъ, Алебъ! твой хозяинъ велѣлъ тебѣ меня разсердить. Да мой хозяинъ сильнѣе твоего: и ты не разсердилъ меня, а разсержу же я твоего хозяина. Ты боялся, что я накажу тебя, и ты хотѣлъ быть вольнымъ, Алебъ, такъ знай же, что не будетъ тебѣ отъ меня наказанія; а хотѣлъ ты быть вольнымъ, такъ вотъ при гостяхъ моихъ отпускаю тебя на волю. Ступай на всѣ четыре стороны, возьми свою праздничную одежду».

И пошелъ добрый господинъ съ гостями своими домой. А дьяволъ заскрежеталъ зубами, свалился съ дерева и провалился сквозь землю.

1885 г.

ДВА БРАТА и ЗОЛОТО.

Жили въ давнишнія времена недалеко отъ Іерусалима два родные брата, старшій Аѳанасій и меньшой Іоаннъ. Они жили въ горѣ, недалеко отъ города, и питались тѣмъ, что имъ давали люди. Всѣ дни братья проводили на работѣ. Работали они не свою работу, а работу бѣдныхъ. Гдѣ были утружденные работой, гдѣ были больные, сироты и вдовы, туда ходили братья и тамъ работали и уходили, не принимая платы. Такъ проводили братья врозь всю недѣлю и сходились только въ субботу вечеромъ къ своему жилищу. Только воскресный день они оставались дома, молились и бесѣдовали. И ангелъ Господень сходилъ къ нимъ и благословлялъ ихъ. Въ понедѣльникъ они расходились каждый въ свою сторону. Такъ жили братья много лѣтъ, и всякую недѣлю ангелъ Господень сходилъ къ нимъ и благословлялъ ихъ.

Въ одинъ понедѣльникъ, когда братья вышли на работу и разошлись уже въ разныя стороны, старшему брату, Аѳанасію, стало жаль разставаться съ любимымъ братомъ и онъ остановился и оглянулся. Іоаннъ шелъ, потупивъ голову, въ свою сторону и не глядѣлъ назадъ. Но вдругъ Іоаннъ тоже остановился и, какъ будто увидавъ что-то, пристально, изъ-подъ руки, сталъ смотрѣть туда. Потомъ приблизился къ тому, на что смотрѣлъ, потомъ вдругъ прыгнулъ въ сторону и, не оглядываясь, побѣжалъ подъ гору и на гору, прочь отъ того мѣста, какъ будто лютый звѣрь гнался за нимъ. Удивился Аѳанасій и вернулся назадъ къ тому мѣсту, чтобы узнать, чего такъ испугался его братъ. Сталъ подходить онъ и видитъ, что-то блеститъ на солнцѣ. Подошелъ ближе—на травѣ, какъ высыпана изъ мѣры, лежитъ куча золота... И еще больше удивился Аѳанасій и на золото и на прыжокъ брата.

«Чего онъ испугался и отчего онъ убѣжалъ?—подумалъ Аѳанасій.—Въ золотѣ грѣха нѣтъ, грѣхъ въ человѣкѣ. Золотомъ

можно зло сдѣлать, можно и добро сдѣлать. Сколько сиротъ и вдовъ можно прокормить, сколько голыхъ одѣть, сколько убогихъ и больныхъ уврачевать на это золото! Мы теперь служимъ людямъ, но служба наша малая по нашей малой силѣ, а съ этимъ золотомъ мы можемъ больше служить людямъ». Подумалъ такъ Аѳанасій и хотѣлъ сказать все это брату; но Іоаннъ ушелъ уже изъ слуха вонъ и только, какъ козявка, виднѣлся онъ уже на другой горѣ.

И снялъ Аѳанасій съ себя одежду, нагребъ въ нее золота, сколько въ силахъ унесть, взвалилъ на плечо и понесъ въ городъ. Пришелъ въ гостиницу, сдалъ гостинику золото и пошелъ за остальнымъ. И когда принесъ все золото, то пошелъ къ купцамъ, купилъ земли въ городѣ, купилъ камней, лѣсу, нанялъ рабочихъ и сталъ строить три дома. И прожилъ Аѳанасій въ городѣ три мѣсяца, построилъ въ городѣ три дома: одинъ домъ — пріютъ для вдовъ и сиротъ, другой домъ — больница для хворыхъ и убогихъ, третій домъ — для странниковъ и нищихъ. И нашелъ Аѳанасій трехъ благочестивыхъ старцевъ, и одного поставилъ надъ пріютомъ, другого — надъ больницею, а третьяго — надъ странопріимнымъ домомъ. И осталось еще 3.000 золотыхъ монетъ у Аѳанасія. И отдалъ онъ каждому старцу по тысячѣ, чтобъ на руки раздавать бѣднымъ. И стали наполняться народомъ всѣ три дома, и стали люди хвалить Аѳанасія за все то, что онъ сдѣлалъ. И радовался на это Аѳанасій, такъ что и не хотѣлось ему уходить изъ города. Но любилъ Аѳанасій брата своего и, распрощавшись съ народомъ, не оставивъ себѣ ни одной монеты, въ той же старой одеждѣ, въ какой онъ пришелъ, въ той же и пошелъ назадъ къ своему жилищу.

Подходитъ Аѳанасій къ своей горѣ и думаетъ: «Неправильно разсудилъ братъ, когда прыгнулъ прочь отъ золота и убѣжалъ отъ него. Развѣ не лучше я сдѣлалъ?»

И только подумалъ это Аѳанасій, какъ вдругъ видитъ, стоитъ на пути его тотъ ангелъ, который благословлялъ ихъ, и грозно глядитъ на него. И обомлѣлъ Аѳанасій и только сказалъ: «За что, Господи?» И открылъ ангелъ уста и сказалъ: «Иди отсюда. Ты недостоинъ жить съ братомъ твоимъ. Одинъ прыжокъ брата твоего стоитъ дороже тѣхъ твоихъ дѣлъ, которыя ты сдѣлалъ золотомъ твоимъ».

И сталъ Аѳанасій говорить о томъ, сколько бѣдныхъ и странныхъ онъ накормилъ, сколько сиротъ призрѣлъ. И ангелъ сказалъ ему: «Тотъ дьяволъ, который положилъ это золото, чтобъ соблазнить тебя, научилъ тебя и словамъ этимъ».

И тогда обличила Аѳанасія совѣсть его, и понялъ онъ, что не для Бога дѣлалъ онъ дѣла свои, и онъ заплакалъ и сталъ каяться.

Тогда отступился ангелъ съ дороги и открылъ ему путь, на которомъ уже стоялъ Іоаннъ, ожидая брата. И съ тѣхъ поръ Аѳанасій не поддавался соблазну дьявола, разсыпавшаго золота, и позналъ, что не золотомъ, а только трудомъ можно служить Богу и людямъ.

И стали братья жить попрежнему.

1885 г.

ДѢВЧОНКИ УМНѢЕ СТАРИКОВЪ.

Святая была ранняя. Только на саняхъ бросили ѣздить. На дворахъ снѣгъ лежалъ, и по деревнѣ ручьи текли. Натекла промежду двухъ дворовъ въ проулкѣ изъ-подъ навоза лужа большая. И собрались къ этой лужѣ двѣ дѣвчонки изъ разныхъ дворовъ — одна поменьше, другая постарше. Обѣихъ дѣвчонокъ матери въ новые сарафаны одѣли. На маленькой — синій, а на большенькой — желтый съ разводами. Обѣихъ красными платками повязали. Вышли дѣвочки послѣ обѣдни къ лужѣ, показали другъ дружкѣ свои наряды и стали играть. И захотѣлось имъ побрызгаться въ водѣ. Полѣзла было маленькая въ башмачкахъ въ лужу, а старшенькая и говоритъ: «Не ходи, Малаша, — мать заругается. Дай я разуюсь, и ты разуйся». Разулись дѣвчонки, подобрались и пошли по лужѣ другъ дружкѣ навстрѣчу. Вошла Малашка по щиколку и говоритъ: «Глубоко, Акулюшка, — я боюсь».—«Ничего, говоритъ, глубже не будетъ. Иди прямо на меня». Стали сходиться. Акулька и говоритъ: «Ты, Малаша, смотри, не брызжи, а потихонечку». Только сказала, а Малашка бултыхъ ногой по водѣ,— прямо на Акулькинъ сарафанъ брызнуло. Сарафанъ забрызгало, и на носъ и въ глаза попало. Увидала Акулька на сарафанѣ пятна, раздосадовалась на Малашку, разругалась, побѣжала за ней, хотѣла побить. Испугалась Малашка, видитъ, что бѣду надѣлала, выскочила изъ лужи, побѣжала домой. Шла мимо Акулькина мать, увидала, на дочкѣ сарафанъ забрызганъ и рубаха запачкана. «Гдѣ ты, подлая, изгваздалась?» — «Меня Малашка нарочно забрызгала». Схватила Акулькина мать Малашку, ударила ее по затылку. Завыла Малашка на всю улицу. Вышла Малашкина мать. «За что бьешь мою?» стала сосѣдку бранить. Слово за слово, разругались бабы. Повыскочили мужики, собралась на улицѣ куча большая. Всѣ кричатъ, никто другъ друга не слушаетъ. Бранились, бранились, одинъ толкнулъ другого, совсѣмъ было завязалась драка, да вступилась старуха, Акулькина бабка.

Вышла въ серединѣ мужиковъ, стала уговаривать: «Что вы, родные. Такіе ли дни? Надо радоваться, а вы такой грѣхъ затѣяли». Не слушаютъ старуху, чуть самоё съ ногъ не сбили. И не уговорила бы ихъ старуха, кабы не Акулька съ Малашкой. Пока бабы перекорялись, затерла себѣ Акулька сарафанчикъ, вышла опять на проулокъ къ лужѣ. Подняла камешекъ и стала у лужи землю ковырять, чтобы на улицу воду спустить. Пока она ковыряла, подошла и Малашка, стала ей подсоблять, тоже щепкой канаву разводить. Мужики только драться начали, а у дѣвчатъ по канавкѣ вода прошла на улицу, прямо на то мѣсто, гдѣ старуха мужиковъ разнимала. Бѣгутъ дѣвчонки— одна съ одного боку, другая съ другого боку ручья. «Держи, Малаша, держи!» кричитъ Акулька. Малаша тоже что-то сказать хочетъ, да не выговоритъ отъ смѣха.

Бѣгутъ такъ дѣвчата, на щепку смѣются, какъ она по ручью ныряетъ. И вбѣжали прямо въ середку мужиковъ. Увидала ихъ старуха и говоритъ мужикамъ: «Побойтесь вы Бога! Вы, мужики, изъ-за этихъ самыхъ дѣвчатъ драться связались, а онѣ давно все забыли—опять по любви вмѣстѣ, сердечныя, играютъ. Умнѣй онѣ васъ!»

Посмотрѣли мужики на дѣвчатъ и стыдно имъ стало. А потомъ засмѣялись сами на себя мужики и разошлись по дворамъ.

«Аще не будете какъ дѣти, не войдете въ царствіе Божіе».

1885 г.

ИЛЬЯСЪ.

Жилъ въ Уфимской губерніи башкирецъ Ильясъ. Остался Ильясъ отъ отца небогатымъ. Отецъ только женилъ его годъ и самъ померъ. Было въ то время имѣніе у Ильяса семь кобылъ, двѣ коровы и два десятка овецъ. Но Ильясъ былъ хозяинъ и сталъ пріобрѣтать: съ утра до вечера трудился съ женой, раньше всѣхъ вставалъ и позже всѣхъ ложился и съ каждымъ годомъ все богатѣлъ. Прожилъ такъ въ трудахъ Ильясъ 35 лѣтъ и нажилъ большое имѣніе.

Стало у Ильяса двѣсти головъ лошадей, сто пятьдесятъ головъ рогатаго скота и тысяча двѣсти овецъ. Работники пасли табуны и стада Ильясовы, и работницы доили кобылицъ и коровъ и дѣлали кумысъ, масло и сыръ. Всего было много у Ильяса, и въ округѣ всѣ завидовали Ильясовой жизни. Люди говорили: «счастливый человѣкъ Ильясъ: всего у него много, ему и умирать не нужно». Стали Ильяса знать хорошіе люди и съ нимъ знакомство водить. И пріѣзжали къ нему гости издалека. И всѣхъ принималъ и всѣхъ кормилъ и поилъ Ильясъ. Кто бы ни пришелъ, всѣмъ былъ кумысъ, всѣмъ былъ чай и шерба, и баранина. Пріѣдутъ гости, сейчасъ бьютъ барана или двухъ, а много наѣдетъ гостей, бьютъ и кобылу.

Дѣтей у Ильяса было два сына и дочь. Женилъ Ильясъ сыновей и выдалъ дочь замужъ. Когда бѣденъ былъ Ильясъ, сыновья работали съ нимъ и сами стерегли табуны и овецъ, а какъ стали богаты, начали сыновья баловаться, а одинъ сталъ пить. Одного, старшаго, въ дракѣ убили, а у другого, меньшого, попала жена гордая, и сталъ этотъ сынъ отца не слушаться, и пришлось Ильясу отдѣлить его.

Отдѣлилъ его Ильясъ, далъ ему домъ и скотины, и убавилось богатство Ильясово. И вскорѣ послѣ этого напала болѣзнь на овецъ Ильясовыхъ, и попадало много. Потомъ вышелъ голодный годъ — сѣно не родилось: поколѣло много скота въ зиму. Потомъ косякъ лучшій киргизцы отбили, и стало Ильясо-

во имѣніе убывать. Сталъ Ильясъ падать ниже и ниже. А силъ стало меньше. И дошелъ къ 70 годамъ Ильясъ до того, что сталъ распродавать шубы, ковры, сѣдла, кибитки, потомъ и скотину сталъ продавать послѣднюю, и сошелъ Ильясъ на-нѣтъ. И самъ не видалъ, какъ ничего не осталось, и пришлось на старости лѣтъ идти съ женой жить въ люди. Только и осталось у Ильяса имѣнія, что платье на тѣлѣ, шуба, шапка и ичеги съ башмаками, да жена, Шамъ-Шемаги, тоже старуха. Сынъ отдѣленный ушелъ въ далекую землю, а дочь померла. И помочь старикамъ было некому.

Пожалѣлъ стариковъ ихъ сосѣдъ Мухамедшахъ. Самъ Мухамедшахъ былъ ни бѣденъ, ни богатъ, а жилъ ровно и человѣкъ былъ хорошій. Вспомнилъ онъ хлѣбъ-соль Ильясову, пожалѣлъ его и сказалъ Ильясу: «Приходи, говоритъ, ко мнѣ, Ильясъ, жить, и со старухой. Лѣто по силѣ своей мнѣ работай на бахчахъ, а зимой скотину корми, а Шамъ-Шемаги пусть кобылъ доитъ и кумысъ дѣлаетъ. Кормить, одѣвать буду васъ обоихъ и, чего вамъ нужно, вы скажите, я дамъ». Поблагодарилъ Ильясъ сосѣда и сталъ жить съ женой въ работникахъ у Мухамедшаха. Сначала тяжело показалось, а послѣ пріобыкли, и стали старики жить и по силѣ работать.

Хозяину выгодно было такихъ людей держать, потому что старики сами хозяева были и всѣ порядки знали и не лѣнились, по силѣ работали; только жалко бывало Мухамедшаху смотрѣть, какъ такіе высокіе люди на такую низкую ступень пали.

И случилось разъ, пріѣхали къ Мухамедшаху сваты, далекіе гости; пришелъ и мулла. Велѣлъ Мухамедшахъ Ильясу поймать барана и убить. Ильясъ освѣжевалъ барана и сварилъ и послалъ гостямъ. Поѣли гости баранины, напились чаю и взялись за кумысъ. Сидятъ гости съ хозяиномъ на пуховыхъ подушкахъ, на коврахъ, пьютъ изъ чашекъ кумысъ и бесѣдуютъ, а Ильясъ убрался съ дѣлами и прошелъ мимо двери. Увидалъ его Мухамедшахъ и говоритъ гостю: «Видишь ты, этотъ старикъ прошелъ мимо двери?»—«Видѣлъ,—говоритъ гость;—а что же въ немъ удивительнаго?»—«А то въ немъ удивительнаго, что это нашъ первый богачъ былъ—Ильясомъ звать, можетъ, ты слышалъ?»—«Какъ не слыхать,—говоритъ гость;—видать не видалъ, а слава его далеко была».

— Такъ вотъ теперь ничего у него не осталось, и живетъ онъ у меня въ работникахъ, и старуха его съ нимъ же кобылъ доитъ.

Подивился гость, пощелкалъ языкомъ, помоталъ головой и говоритъ: «Да, видно, такъ счастіе перелетаетъ, какъ колесо:

кого вверхъ поднимаетъ, кого внизъ опускаетъ. Что же,—говоритъ гость,—тоскуетъ, я чай, старикъ?»

— Кто его знаетъ, живетъ тихо, смирно, работаетъ хорошо.—Гость и говоритъ: «А можно поговорить съ нимъ? Разспросить бы его про его жизнь».—«Что жъ, можно!» говоритъ хозяинъ, и кликнулъ за кибитку: «Бабай (значитъ дѣдушка по башкирски), заходи, выпей кумысу и старуху зови». И вошелъ Ильясъ съ женой. Поздоровался Ильясъ съ гостями и хозяиномъ, прочелъ молитву и присѣлъ на колѣночки у дверей; а жена его прошла за занавѣску и сѣла съ хозяйкой.

Подали Ильясу чашку съ кумысомъ. Поздоровался Ильясъ съ гостями и хозяиномъ, поклонился, отпилъ немного и поставилъ. «А что, дѣдушка,—говоритъ ему гость,—скучно, я чай, тебѣ, глядя на насъ, свое прежнее житье вспоминать,—какъ ты въ счастіи былъ и какъ ты теперь въ горѣ живешь?»

И усмѣхнулся Ильясъ и сказалъ: «Сказать мнѣ тебѣ про счастіе и несчастіе, такъ ты не повѣришь; спроси лучше бабу мою; она баба—что на сердцѣ, то и на языкѣ: она тебѣ всю правду объ этомъ дѣлѣ скажетъ». И сказалъ гость за занавѣску: «Ну что жъ, бабушка, скажи, какъ ты судишь про прежнее счастіе и про теперешнее горе?» И сказала Шамъ-Шемаги изъ-за занавѣски. «А вотъ какъ сужу: жили мы со старикомъ 50 лѣтъ—счастія искали и не нашли, а только вотъ теперь второй годъ, какъ у насъ ничего не осталось и мы въ работникахъ живемъ, мы настоящее счастіе нашли и другого намъ никакого не надо».

Удивились гости, и удивился хозяинъ, привсталъ даже, откинулъ занавѣску, чтобъ видѣть старуху. А старуха стоитъ, сложивъ руки, усмѣхается, на старика своего смотритъ, и старикъ усмѣхается. Старуха еще разъ сказала: «Правду я говорю, не шучу: полвѣка счастія искали и, пока богаты были, все не находили; теперь ничего не осталось, въ люди жить пошли,—такое счастіе нашли, что лучше не надо».

— Да въ чемъ же ваше счастіе теперь?

— А вотъ въ чемъ: были мы богаты, не было у насъ со старикомъ часу покоя; ни поговорить, ни о душѣ подумать, ни Богу помолиться. Столько у насъ заботы было! То гости къ намъ, — забота, кого чѣмъ угостить, чѣмъ подарить, чтобы не обезсудили насъ. То гости съѣдутъ, за работниками смотримъ— они норовятъ отдохнуть да послаще съѣсть, а мы глядимъ, чтобы наше не пропадало — грѣшимъ. То забота, какъ бы волкъ не зарѣзалъ жеребенка или теленка, какъ бы воры косяка не угнали. Спать ляжешь, не спится — какъ бы ягнятъ не переда-

вили овцы. Пойдешь, ходишь ночью; только успокоишься,— опять забота, какъ корму на зиму запасти. Да мало того, и согласія у насъ со старикомъ не было. Онъ говоритъ, такъ надо сдѣлать, а я говорю этакъ, и начнемъ браниться — грѣшимъ. Такъ жили мы изъ заботы въ заботу, изъ грѣха въ грѣхъ и не видали счастливой жизни.

— Ну, а теперь?

— Теперь встанемъ мы со старикомъ, поговоримъ всегда по любви и въ согласіи, спорить намъ не о чемъ, заботиться не о чемъ, — только намъ и заботы, что хозяину служить. Работаемъ по силамъ, работаемъ съ охотой, такъ, чтобы хозяину не убытокъ, а барышъ былъ. Придемъ — обѣдъ есть, ужинъ есть, кумысъ есть. Холодно—кизякъ есть погрѣться и шуба есть. И есть когда поговорить, и о душѣ подумать, и Богу помолиться. Пятьдесятъ лѣтъ счастія искали, теперь только нашли.

Засмѣялись гости.

А Ильясъ сказалъ: «Не смѣйтесь, братцы, не шутка это дѣло, а жизнь человѣческая. И мы глупы были со старухой и плакали прежде, что богатство потеряли, а теперь Богъ открылъ намъ правду, и мы не для своей утѣхи, а для вашего добра вамъ ее открываемъ».

И мулла сказалъ: «Это умная рѣчь, и все точную правду сказалъ Ильясъ, это и въ писаніи написано».

И перестали смѣяться гости и задумались.

1885 г.

„ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ".

(Текстъ къ картинѣ Ге).

Вверху картины.

Іоан. XIII, 1—35 включительно.

Внизу картины.

Іисусъ сказалъ: «Вы слышали, люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю, любите враговъ вашихъ...»

На послѣдней же вечери Іисусъ дѣломъ явилъ это.

Омывъ ноги 12-ти ученикамъ Своимъ, Онъ сказалъ: «Я далъ вамъ примѣръ, чтобы вы дѣлали то же, что Я сдѣлалъ».

Что же сдѣлалъ Іисусъ, и въ чемъ тотъ примѣръ, который Онъ далъ ученикамъ Своимъ?

Когда послѣ вечери Іисусъ сталъ омывать ноги ученикамъ и Симонъ-Петръ хотѣлъ воспротивиться, Іисусъ сказалъ ему: «Что Я дѣлаю теперь, ты не знаешь, но уразумѣешь послѣ. Вы чисты, но не всѣ».

Ни Симонъ-Петръ, ни другіе ученики не понимали тогда, къ чему Онъ говорилъ это. Одинъ Іуда Искаріотъ понималъ то, что дѣлалъ Іисусъ, когда, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, Онъ омывалъ ноги его.

Омывъ ноги предателю Своему, Іисусъ всталъ, надѣлъ одежду и, опять возлегши, сказалъ: «Знаете ли вы, что Я сдѣлалъ вамъ? Вы называете Меня учителемъ и правильно говорите, ибо Я точно то».

Но они, не зная того, что Іуда былъ предатель, не понимали того, что Онъ дѣлалъ и чему училъ ихъ.

Тогда, возмутившись духомъ, Іисусъ сказалъ: «Истинно, истинно говорю вамъ, одинъ изъ васъ предастъ Меня».

И опять не поняли они ни того, что Онъ сдѣлалъ, ни того, что говорилъ имъ. Они только озирались другъ на друга, отыскивая того, о комъ Онъ сказалъ.

Въ то время любимый ученикъ Іисуса лежалъ у груди Его. Симонъ же Петръ, поднявшись, сдѣлалъ любимому ученику знакъ, чтобы онъ спросилъ Учителя, о комъ Онъ сказалъ.

И любимый ученикъ, припавъ къ груди Іисуса, спросилъ Его.

Но Іисусъ не отвѣтилъ прямо, зная, что, если бы Онъ назвалъ врага Своего, ученики возмутились бы и захотѣли бы покарать предателя.

Желая не погубить, а спасти Іуду, Іисусъ вмѣсто отвѣта протянулъ руку Свою, взялъ кусокъ хлѣба и тихо сказалъ: «Тотъ, кому, обмакнувъ, подамъ кусокъ этотъ». И, подавъ кусокъ Іудѣ, сказалъ: «Что дѣлаешь, дѣлай скорѣй».

Ученики, услыхавъ это, подумали, что Іисусъ посылаетъ Іуду въ городъ купить то, что нужно къ празднику.

Но Іуда понялъ, что Іисусъ спасаетъ его отъ гнѣва учениковъ, и тотчасъ же всталъ.

Это самое изображено на картинѣ.

Любимый ученикъ Іоаннъ одинъ знаетъ, кто предатель.

Онъ вскочилъ съ мѣста и уставился на Іуду. Онъ не понимаетъ, не вѣритъ тому, чтобы человѣкъ живой могъ ненавидѣть Того, Кто такъ любилъ его: ему и жалко несчастнаго и страшно за него. Симонъ-Петръ по взгляду Іоанна догадывается и озирается то на Іоанна, то на Іисуса, то на предателя, и въ пылкомъ сердцѣ его загорается гнѣвъ и желаніе защищать любимаго Учителя.

Іуда всталъ, поднялъ одежду, накидываетъ ее на себя и ступилъ первый шагъ, но глаза его не могутъ покинуть лица опечаленнаго Учителя. Еще есть время. Онъ можетъ повергнуться и пасть къ ногамъ Его, каясь въ грѣхѣ своемъ. Но дьяволъ уже овладѣлъ сердцемъ его.

«Не покоряйся!—говоритъ онъ ему.—Не поддавайся слабости, не подвергайся укоризнѣ гордыхъ учениковъ. Они глядятъ на тебя и только этого ждутъ, чтобы унизить тебя. Иди».

Іисусъ лежитъ, облокотившись на руку, не смотритъ, но видитъ все и знаетъ то, что дѣлается въ сердцѣ Іуды, и ждетъ, страдая за него: Ему жалко сына погибели. Іисусъ Своими руками накормилъ, Своими руками умылъ ноги врагу Своему, спасъ его отъ кары людской, до конца любовью вызывалъ къ покаянію и простилъ его. И все-таки онъ не вернулся къ Нему.

И Іисусъ скорбитъ о немъ и о всѣхъ тѣхъ, которые нейдутъ къ Нему.

Іуда вышелъ и скрылся въ темнотѣ ночи.

Едва затворилась дверь, какъ всѣ ученики узнали, кто предатель. Они волнуются и негодуютъ. Петръ хочетъ бѣжать за

нимъ. Но Іисусъ поднимаетъ голову и говоритъ: «Дѣти, недолго Мнѣ быть съ вами. Заповѣдь новую даю вамъ: да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы любите другъ друга. По тому и узнаютъ, что вы Мои ученики, если будете любить другъ друга». И тогда только уразумѣли Симонъ-Петръ и другіе десять, что сдѣлалъ Іисусъ. Тогда только поняли они, что, всею жизнью Своею показывая имъ примѣръ любви къ ближнимъ, Онъ теперь далъ примѣръ имъ любви къ врагу.

Онъ до послѣдней минуты любилъ, жалѣлъ Іуду, врага Своего, призывалъ его къ Себѣ и, несмотря на нераскаянность его, все-таки спасъ его отъ гнѣва учениковъ.

1886 г.

„ОПРАВДАННАЯ“.

(Текстъ къ картинѣ Маковскаго).

Присяжнымъ дали вопросы, и они вышли изъ суда въ свою комнату. Судьи тоже ушли пить чай въ свою комнату. Въ залѣ суда остались свидѣтели, публика, которой *интересно* послушать, и отецъ, мать, сестра подсудимой съ ея ребенкомъ на рукахъ, и— сама подсудимая за рѣшеткой. Надъ ней стоятъ два солдата, сама она въ арестантскомъ халатѣ. Мать, отецъ, ребенокъ смотрятъ на нее, но она сидитъ, опустивъ голову, и не взглядываетъ на нихъ.

Сейчасъ рѣшится ея судьба — поведутъ ее опять въ острогъ, гдѣ она будетъ ожидать весны, чтобъ отправиться въ Сибирь.— или выпустятъ... Но лучше не думать, не надѣяться, не глядѣть. Что, какъ опять въ острогъ?

Входятъ, выходятъ, ведутъ негромко разговоры. Всѣ ждутъ. Проходитъ пять минутъ, десять, еще десять. Она все не подымаетъ глазъ и почти не дышитъ. Ребенокъ тянется къ ней и называетъ ее. Она оглядывается, не поворачивая головы, и опять опускаетъ глаза. Сестра шикаетъ на племянника.

Но вотъ слышны шаги, входитъ судебный приставъ съ цѣпью, за нимъ судьи, и вотъ много шаговъ слышатся изъ-за двери, и входятъ одинъ за другимъ присяжные. Всѣ встаютъ, и старшина читаетъ длинный вопросъ, смыслъ котораго непонятенъ для подсудимой. Присяжный прочелъ и внятно произноситъ: «Нѣтъ, не виновата». Подсудимая краснѣетъ и тяжело вздыхаетъ всей грудью. Еще вопросъ и опять радостныя слова: «Нѣтъ, не виновата».—«Подсудимая,—говоритъ предсѣдатель, называя ее по имени,—вы можете идти, вы свободны».

Она встала, какъ ей много приказывали вставать, и стоитъ и не понимаетъ. Но сестра поняла. Она рванулась, растолкала толпу и съ ребенкомъ на рукахъ бѣжитъ къ ней: «Къ мамѣ пойдемъ!»—«Къ мамѣ!» говоритъ и мальчикъ.

Подсудимой объяснили, что она можетъ идти. Она, шатаясь, сошла со ступеней, и мальчикъ уже у нея на рукахъ и прижался къ ней.

Теперь она поняла.

И старички подошли и плачутъ и молятся и не знаютъ, что сказать.

А въ судѣ идетъ своя работа: готовятъ обвинительный актъ и защиту. На мѣсто выпущенной матери сейчасъ ведутъ слѣдующихъ подсудимыхъ.

ПЕРЕВОДЫ и ПЕРЕДѢЛКИ.

УЧЕНІЕ ГОСПОДА, ПРЕПОДАННОЕ НАРОДАМЪ 12-ЬЮ АПОСТОЛАМИ.

ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Ученіе 12 апостоловъ» есть древняя рукопись, найденная недавно въ старинномъ сборникѣ. Эта рукопись извѣстна была древнимъ отцамъ церкви: Аѳанасію, Евсевію и др., которые знали ее, и упоминали о ней въ своихъ писаніяхъ, но сама рукопись была затеряна.

Въ 1883 году митрополитъ греческій Бріеній, живущій въ Константинополѣ, открылъ это «ученіе» въ старинной рукописи и напечаталъ ее.

Ученіе это есть самое древнее изложеніе проповѣдей Іисуса Христа. Оно было написано тогда, когда еще были живы люди, слышавшіе самого Христа.

Ученіе это раздѣляется на двѣ части: одна, старинная, отъ 1 до 6 главы, а другая, послѣ приписанная, отъ 6 до послѣдней главы. Послѣднія главы касаются устройства жизни учениковъ Христа; въ первыхъ же пяти главахъ записано ученіе Христа людямъ, то самое, которое записано въ 5, 6 и 7 главахъ Евангелія Матѳея, то, которое Христосъ говорилъ съ горы всѣмъ простымъ людямъ для того, чтобы они узнали это ученіе и могли спастись имъ. Это ученіе есть та самая благая вѣсть, которую Христосъ завѣщалъ ученикамъ проповѣдывать народамъ, та самая, про которую онъ сказалъ ученикамъ (Мр. 16, 15): «Идите и проповѣдуйте благую вѣсть всей твари».

ВТОРОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1883 году митрополитъ греческій Бріеній нашелъ въ Константинополѣ въ старинномъ сборникѣ древнихъ христіанскихъ поученій сочиненіе подъ названіемъ: «Ученіе 12 апостоловъ» или «Ученіе Господа, преподанное народамъ черезъ 12 апостоловъ».

Объ этой книгѣ, почитаемой нѣкоторыми учителями церкви священною, извѣстно было до этого только ея заглавіе.

Сочиненіе это содержитъ въ себѣ самую сущность христіанскаго ученія, передавая иными словами и съ нѣкоторыми прибавленіями и разъясненіями тѣ истины и поученія, которыя изложены въ нагорной проповѣди Матѳея и въ 6 главѣ Луки. Такъ, напримѣръ, въ поученіи о томъ, чтобы давать просящему, прибавлено: «Блаженъ дающій по заповѣди: ибо онъ свободенъ отъ наказанія; но горе принимающему, ибо если кто беретъ, имѣя нужду, то тотъ правъ; неимѣющій же нужды дастъ отчетъ, почему и для чего бралъ».

Также сказано о томъ, что милостыня только тогда милостыня, когда она исходитъ изъ потной руки, т.-е. когда то, что дается, заработано трудами подающаго.

То же еще яснѣе сказано въ гл. IV. Тамъ сказано, что христіанинъ ничего не долженъ считать своею собственностью и помогать нуждающемуся можетъ только своимъ трудомъ.

Еще въ этомъ сочиненіи, не встрѣчающееся въ Евангеліяхъ, прекрасное и очень важное поученіе о томъ, какъ долженъ относиться христіанинъ къ людямъ, смотря по ихъ душевному состоянію. «Не имѣй ненависти ни къ кому», сказано тамъ; «но однихъ обличай, за другихъ молись, а иныхъ люби больше души своей».

Очевидно, совѣтъ обличать однихъ относится къ тѣмъ, которые заблуждаются по невѣдѣнію, по увлеченію, къ такимъ, обличеніе которыхъ можетъ помочь имъ вступить на добрый путь. Молиться же совѣтуется о тѣхъ, которые глухи къ обличенію и увѣщанію. Это, очевидно, относится къ тѣмъ, про которыхъ сказано въ Евангеліи, что не слѣдуетъ метать бисеръ передъ тѣми, которые не могутъ оцѣнить. Здѣсь та же мысль выражена мягче и добрѣе. Не отворачиваться отъ такихъ людей совѣтуетъ это ученіе, но молиться о нихъ, т.-е. не переставая желать имъ истиннаго блага и всегда быть готовымъ, въ случаѣ ихъ смягченія, придти на помощь имъ.

Любить же болѣе души своей, очевидно, относится къ тѣмъ, которые соединены одною вѣрою.

Важно и ново тоже въ гл. VI поученіе о томъ, какъ отвѣчать на обычное возраженіе противъ ученія людей, не желающихъ принять его. «Исполнять, такъ ужъ исполнять все», говорятъ такіе возражатели. Если же исполнять все, то надо отказаться отъ жизни, а это невозможно. Возраженіе на это такое:

Берегись того, кто будетъ сбивать тебя съ этого пути, такъ какъ онъ учитъ не по-Божьи, потому что, если ты можешь понести все иго Господне, то будешь совершенъ, а если не можешь, то дѣлай, что можешь.

Кромѣ этихъ и многихъ другихъ новыхъ и замѣчательныхъ разъясненій, въ этой книгѣ находятся опредѣленныя указанія о томъ, какъ должно производить крещеніе. Сказано, крестить такъ: сообщить все вышесказанное ученіе крещаемому (слѣдовательно, взрослому), крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Такъ же объ евхаристіи сказано, какъ о благодарственной молитвѣ, читаемой въ общемъ собраніи за трапезой, безъ всякаго намека на таинство.

I. О молитвѣ сказано то же, что въ Евангеліи,—что молитва должна состоять въ чтеніи «Отче нашъ».

II. Есть еще наставленіе о томъ, какъ избирать епископовъ и дьяконовъ—какъ должностныхъ, выборныхъ лицъ общины, безъ малѣйшаго указанія на рукоположеніе.

Есть еще многія другія постановленія объ апостолахъ и пророкахъ, совершенно не сходящіяся съ существующими теперь установленіями.

И вотъ является эта книга, признанная всѣми учеными произведеніемъ конца перваго или начала второго вѣка, т.-е. христіанскій памятникъ болѣе ранній, чѣмъ Евангеліе Луки, и одновременный съ Евангеліемъ Іоанна. Книга эта есть голосъ людей, жившихъ въ первыя времена христіанства,—голосъ, подтверждающій, уясняющій и усиливающій все то, что мы знаемъ о нравственно-жизненной сторонѣ христіанства, и несогласный во многомъ и въ самомъ существенномъ съ внѣшней стороной христіанства. И что же? Казалось бы, открытіе такого памятника должно произвести величайшее волненіе въ христіанскомъ мірѣ. Всѣ христіане, казалось бы, должны ухватиться за этотъ памятникъ, разбирать его содержаніе, вникать въ смыслъ его, сличить съ нимъ свои установленныя положенія, по немъ исправить ихъ, должны бы были въ милліонахъ экземпляровъ распространить это сочиненіе въ народѣ, въ церквахъ читать его.

Ничего подобнаго нѣтъ и не было. Десятокъ ученыхъ разсмотрѣло этотъ памятникъ съ точки зрѣнія общецерковной и исторической, нѣсколько спеціалистовъ по части лжетолкованій изъ священниковъ придумали кое-какія разсужденія, по которымъ выходитъ, что правы позднѣйшія установленія, а не тѣ, о которыхъ писано въ этомъ сочиненіи, и открытіе «ученія Господа народамъ черезъ 12 апостоловъ», т.-е. услышаніе голоса святыхъ людей первыхъ вѣковъ христіанства, произвело гораздо меньше впечатлѣнія на христіанское общество, чѣмъ открытіе куска голой Венеры въ какой-нибудь раскопкѣ.

Открываются посмертныя сочиненія какого-нибудь несчастнаго, отвратительнаго безумца и проповѣдника всѣхъ пороковъ, Ницше или Верлена, и сотни тысячъ экземпляровъ печатаются и распространяются, и всѣ номинальные христіане торопятся хоть немного помазаться въ вынесенной на свѣтъ Божій вонючей нравственной грязи. А раздаются слова того Христа, котораго мы будто бы исповѣдуемъ, и мы только стараемся какъ-нибудь поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ, чтобы они не мѣшали намъ заниматься нашими важными дѣлами.

Да вотъ ужъ именно: «Ибо огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами съ трудомъ слышатъ, и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и да не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ» (Исаіи VI, 9 — 10; Матѳія XIII, 15).

Но, слава Богу, еще въ народныхъ массахъ есть люди, для которыхъ важенъ этотъ голосъ изъ временъ перваго вѣка и которые съ радостью найдутъ въ немъ еще больше уясненіе и подтвержденіе той истины, которая освящаетъ ихъ жизнь и даетъ имъ силы.

УЧЕНІЕ ГОСПОДА, ПРЕПОДАННОЕ НАРОДАМЪ 12-ЬЮ АПОСТОЛАМИ.

Есть два пути: путь жизни и путь смерти. И разница великая между этими двумя путями. Путь жизни такой:

Во-первыхъ, люби Бога, создавшаго тебя.

Во-вторыхъ, ближняго своего, какъ самого себя, и потому не дѣлай другому всего того, чего не хочешь, чтобы тебѣ сдѣлали.

Ученіе этихъ двухъ словъ такое.

1.

Первая заповѣдь ученія: люби Бога, создавшаго тебя.

Благословляйте проклинающихъ васъ; молитесь за враговъ вашихъ, за нападающихъ на васъ и поститесь за тѣхъ, которые обижаютъ васъ, потому что — то не добро, чтобы любить только тѣхъ, которые любятъ васъ. То же дѣлаютъ и язычники. Они любятъ своихъ и ненавидятъ враговъ, и потому у нихъ есть враги. Вы же любите ненавидящихъ васъ, и тогда не будетъ у васъ враговъ.

Берегитесь тѣлесныхъ и мірскихъ побужденій.

Если кто ударитъ тебя въ правую щеку, обрати къ нему и другую, и будешь совершенъ. Если кто принудитъ тебя пройти съ нимъ одну версту, иди съ нимъ двѣ. Если кто возьметъ у тебя кафтанъ твой, отдай и рубаху. Если кто взялъ у тебя твое, не возворачивай назадъ, потому что этого нельзя сдѣлать. А всякому просящему у тебя дай и не требуй назадъ, потому что Отецъ хочетъ, чтобы у каждаго было то свое, которое Онъ далъ всѣмъ людямъ. Блаженъ тотъ, кто по заповѣди даетъ: тотъ правъ; но горе тому, кто беретъ, потому что правъ только тотъ, кто беретъ по нуждѣ; тотъ же, кто беретъ безъ нужды, долженъ дать отчетъ, почему и для чего онъ взялъ. Кто пойманъ въ сѣти Маммона, тотъ будетъ мучимъ

за то, что̀ онъ сдѣлалъ, и не высвободится изъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не отдастъ послѣднее. Объ этомъ-то сказано: пусть милосердіе твое выходитъ потомъ изъ рукъ твоихъ, покуда ты еще и не знаешь, кому ты дашь.

2.

Вторая заповѣдь ученія: люби ближняго, какъ самого себя, т.-е, не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы съ тобою сдѣлали.

Не убивай, не прелюбодѣйствуй, не оскверняй дѣтей, не распутничай, не крадь, не колдуй, не отравляй, не умерщвляй младенца въ утробѣ матери и рожденнаго не убивай, не желай имѣть того, что̀ у ближняго твоего, не клянись, не лжесвидѣтельствуй, не сквернословь, не скверномысли, не будь двумысленъ, ни двуязыченъ — двуязычіе есть сѣть смерти. Чтобы твое слово было не лживо, не пусто, но всегда полно дѣла; не будь ни алчнымъ, ни хищнымъ, ни лицемѣромъ, ни угрюмымъ, ни гордымъ. Не держи зла на ближняго своего, не ненавидь никакого человѣка, но однихъ отличай, за другихъ молись, а иныхъ люби болѣе души своей.

3.

Соблазны, ведущіе на путь смерти.

Чадо мое! Избѣгай всякаго зла и всего того, что похоже на него. Не входи въ гнѣвъ, — гнѣвъ ведетъ къ убійству; не входи въ задоръ, въ споры, въ горячность, — отъ всего этого бываютъ убійства. Чадо мое! Избѣгай похоти, — похоть ведетъ къ распутству; не сквернословь и не озирайся на то, чего тебѣ не нужно видѣть: это ведетъ къ прелюбодѣяніямъ. Чадо мое! Не ворожи, потому что это ведетъ къ идолопоклонству; не волхвуй, не чернокнижничай, не дѣлай заговоровъ и не присутствуй при подобныхъ дѣлахъ, потому что это идолопоклонство. Чадо мое! Не будь обманщикомъ, потому что обманъ приводитъ къ воровству; не будь корыстолюбивъ и тщеславенъ, — и это доводитъ до воровства. Чадо мое! Не будь недовольнымъ,—недовольство ведетъ къ ругательству; не будь самодовольнымъ и осуждающимъ, потому что и это ведетъ къ ругательству; будь кротокъ, потому что кроткіе наслѣдуютъ землю; будь терпѣливъ, милостивъ, и незлобивъ, и смиренъ, и добръ, и со страхомъ при всякомъ случаѣ вспоминай слова эти, которыя ты слышалъ. Не возвышай самъ себя и не допускай самоувѣренность въ сердце свое. Сердце твое чтобъ

не лежало къ высокимъ и сильнымъ, но пусть прилѣпляется оно къ праведнымъ и смиреннымъ. Все же, что случается съ тобою, принимай какъ благо, зная, что безъ Бога ничего не бываетъ.

4.

Руководство на пути жизни.

Чадо мое! И днемъ и ночью вспоминай того, кто учитъ тебя слову Божію, и почитай его, какъ Господа, потому что Господь тамъ, откуда ты узналъ про него. Всегда отыскивай святыхъ людей и общайся съ ними, чтобы въ словахъ ихъ находить успокоеніе душѣ своей. Не желай раздѣленія между людьми, но примиряй враждующихъ. Разсуживай ихъ по правдѣ и, невзирая на лица, уличай ихъ въ грѣхахъ. Не двоедушничай и не говори: можно такъ, можно и этакъ. Не протягивай руку, когда приходится брать, и не сжимай ее, когда приходится давать. То, что ты заработалъ руками своими, давай, какъ выкупъ за грѣхи свои. Не раздумывай давать и, когда далъ, не жалѣй, потому что ты узнаешь, въ чемъ лучшая награда за добро твое. Не отворачивайся отъ нуждающагося, но пусть все то, что есть у тебя, будетъ общимъ съ братомъ твоимъ, и не называй ничего своею собственностью, потому что если то, что̀ безсмертно, все у васъ общее, то тѣмъ паче должно быть общимъ между вами все тлѣнное. Не переставай руководить сына своего или дочь свою, но отъ юности учи ихъ страху Божію. Не повелѣвай рабу или служанкѣ. Они вѣруютъ тому же Богу, какъ ты. А то какъ бы отъ огорченія они не перестали бы бояться того Бога, который надъ вами обоими, потому что приходится повелѣвать не по лицамъ, а тому, кого назначилъ Духъ.

Ненавидь всякое лицемѣріе и все, что̀ не угодно Богу. Не оставляй заповѣдей Господа, но храни тѣ, которыя получилъ, ничего не прибавляя и не откидывая. Среди вѣрующихъ кайся въ грѣхахъ своихъ и не думай молиться, пока у тебя есть зло на сердцѣ. Таковъ путь жизни.

5.

Путь смерти.

Путь же смерти такой: прежде всего онъ бѣдствененъ и полонъ мерзостей. Убійства, прелюбодѣяніе, похоти, распутство, воровство, идолопоклонство, колдовство, отравленіе, грабежи, обманы, лицемѣріе, двоедушіе, хитрость, гордость, злоба, са-

моувѣренность, алчность, сквернословіе, зависть, дерзость, высокоуміе, тщеславіе, гонители добрыхъ, ненавистники истины, любители лжи, не признающіе награды за праведность, не прилѣпляющіеся къ добру и не знающіе правильнаго сужденія, тѣ, которые заботятся и хлопочутъ не о добромъ, а о зломъ, не знающіе кротости и терпѣнія, любители пустяковъ, искатели мірскихъ наградъ, не жалѣющіе нищаго, не трудящіеся для утружденнаго, не знающіе того, кто создалъ ихъ самихъ, убійцы и соблазнители дѣтей, погубители образа Божія, отвращающіеся отъ нуждающагося и домучивающіе трудомъ измученнаго, утѣшители богатыхъ и беззаконные судьи бѣдныхъ,— кругомъ и во всемъ грѣшники. Берегитесь, чада мои, такихъ людей!

6.

Посильное исполненіе ученія.

Смотри, чтобы кто-нибудь не сбилъ тебя съ этого пути ученія. Берегись того, кто будетъ сбивать тебя съ этого пути, такъ какъ онъ учитъ не по-Божьи, потому что если ты можешь понести все иго Господне, то будешь совершенъ, а если не можешь, то дѣлай то, что можешь, и въ пищѣ понеси то, что можешь; только воздерживайся отъ идолопоклонства, потому что это есть служеніе богамъ мертвыхъ.

7.

Объ омовеніи.

Что же касается до омовенія, то омывайте такъ: напередъ скажите тому, кого омываете, все то, что тутъ сказано, и потомъ омывайте во имя Отца и Сына и Святаго Духа въ водѣ проточной. Если же не имѣешь воды проточной, то омывай въ другой водѣ; если же не можешь въ холодной, то омывай въ теплой; если нѣтъ ни той, ни другой, облей три раза водой голову, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Передъ омовеніемъ же пусть постится тотъ, котораго будутъ омывать, и тотъ который будетъ омывать, и другіе, если могутъ. Тому же, кого омывать будешь, прикажи поститься за день или за два.

8.

О постѣ и молитвѣ.

Посты же ваши да не будутъ въ одинъ день съ лицемѣрами, а они постятся въ понедѣльникъ и четвергъ. Вы же поститесь въ среду и пятницу.

И не молитесь, какъ лицемѣры, но какъ повелѣлъ Господь въ благовѣствованіи своемъ. Молитесь такъ: Отецъ нашъ, тотъ, что на небѣ! Да будетъ свято Твое имя! Да наступитъ царство Твое! Да совершится желаніе Твое, какъ на небѣ, такъ и на землѣ. Дай намъ пищу достаточную на день, и прости намъ то, въ чемъ мы виноваты предъ Тобою, такъ, какъ и мы прощаемъ тѣмъ, кто виноватъ передъ нами; и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ зла, потому что Твоя и сила и слава во вѣки. Такъ молитесь три раза въ день.

9.

Молитва предъ пищей и питьемъ.

Что же касается до благодарности за пищу, то прежде пищи благодарите такъ: сперва о питьѣ: благодаримъ Тебя, Отецъ нашъ, за святой виноградъ Давида, отрока Твоего, который Ты открылъ намъ черезъ Іисуса, отрока Твоего, Тебѣ слава во вѣки. А объ ѣдѣ благодарите такъ: благодаримъ Тебя, Отецъ нашъ, за жизнь и разумъ, которые Ты открылъ намъ чрезъ Іисуса, отрока Твоего, Тебѣ слава во вѣки! Какъ этотъ преломленный хлѣбъ былъ разсѣянъ въ зернахъ на холмахъ и соединенъ воедино, такъ да соберутся избранные Твои съ концовъ земли въ царство Твое, потому что Твоя есть слава и сила черезъ Іисуса Христа во вѣки.

Но пусть никто не ѣстъ и не пьетъ отъ вашей трапезы, кромѣ омытыхъ во имя Господне, потому что объ этомъ-то сказалъ Господь: «не давайте святыни псамъ».

10.

Молитва послѣ пищи и питья.

Послѣ того, какъ насытились, благодарите такъ: Благодаримъ Тебя, святой Отецъ, за святое Твое имя, которое Ты вселилъ въ сердцахъ нашихъ, и за разумъ и вѣру, и безсмертіе, которые Ты открылъ намъ черезъ Іисуса, отрока Твоего. Тебѣ слава во вѣки! Ты, Владыко-Вседержитель, сотворилъ все ради имени Твоего; пищу же и питье Ты далъ людямъ въ наслажденіе, дабы они благодарили Тебя, а намъ пожалуй духовную пищу и питье, и жизнь вѣчную черезъ отрока Твоего. Прежде всего благодаримъ Тебя потому, что Ты всемогущъ. Тебѣ слава во вѣки. Помяни, Господи, избранныхъ Твоихъ, чтобы избавить ихъ отъ всякаго зла и сдѣлать ихъ совершенными въ любви Твоей. И собери ихъ отъ четырехъ вѣтровъ освященными въ царство Твое, которое Ты

уготовилъ имъ, потому что Твоя есть сила и слава во вѣки. Да царствуетъ милосердіе и любовь, и да погибнетъ устройство міра сего, Осанна сыну Давидову! Кто святъ, да приступитъ, кто же не святъ, тотъ пусть покается. Маромъ аѳа! Аминь.

Пророкамъ же прикажите благодарить, какъ хотятъ.

11.

Объ апостолахъ.

Если кто, пришедши къ вамъ, станетъ учить васъ тому, что сказано передъ этимъ, того примите. Если же самъ учитель сбился и учитъ такому ученію, чтобы разрѣшать отъ того, что здѣсь сказано, того не слушайте. Если же онъ учитъ тому, чтобы еще увеличить праведность и знаніе Господа, то примите его, какъ Господа.

Относительно же апостоловъ и пророковъ по постановленію благовѣствованія поступайте такъ: всякаго апостола, приходящаго къ вамъ, примите, какъ Господа. Но онъ пусть не остается у васъ долѣе одного дня; по нуждѣ же можетъ пробыть и другой день; но если онъ пробудетъ три дня, онъ лже-пророкъ. Апостолъ, когда идетъ въ путь, не долженъ ничего брать, кромѣ хлѣба, до ночлега; если же онъ проситъ денегъ, онъ лже-пророкъ. Всякаго пророка, говорящаго духовное, не допытывайте и не пересуживайте, потому что всякій грѣхъ прощается, но этотъ грѣхъ не простится. Хотя не всякій, говорящій о духовномъ, есть истинный пророкъ, но тотъ, кто имѣетъ обычай Господа. По обычаю узнается лже-пророкъ отъ пророка. Всякій пророкъ, учреждающій трепезу духовную и не вкушающій отъ нея,— лже-пророкъ. Каждый пророкъ, поучающій истинѣ, не дѣлающій того, чему учитъ, — лже-пророкъ. Всякій же пророкъ испытанный, истинный, поступающій по мірскому ученію избранныхъ, дѣлающій еще что-либо сверхъ этого и не учащій всѣхъ дѣлать то же, не долженъ быть судимъ вами, потому что онъ имѣетъ судъ у Бога. Такъ поступали и древніе пророки. Если кто, говоря о духовномъ, скажетъ: дай мнѣ денегъ или другого чего-либо, не слушайте его; но если онъ скажетъ: давайте нуждающимся, то его нельзя осудить.

12.

О странникахъ.

Всякій, приходящій во имя Господне, долженъ быть принятъ; но послѣ этого обсудите и познайте его, потому что вы должны различать правое и ложное. Если приходящій —стран-

никъ, то помогите ему, сколько можете; но онъ пусть не остается у васъ долѣе двухъ или трехъ дней, если это нужно. Но если онъ ремесленникъ и желаетъ поселиться у васъ, то пусть работаетъ и ѣстъ. Если же онъ не знаетъ ремесла, то позаботьтесь о немъ по вашему усмотрѣнію такъ, чтобы христіанинъ не жилъ среди васъ праздно. А если онъ не желаетъ такъ поступать, то онъ христопродавецъ. Берегитесь такихъ.

13.

О пророкахъ.

Всякій истинный пророкъ, если хочетъ поселиться у васъ, достоинъ своего пропитанія. Истинный учитель, какъ всякій работникъ, достоинъ своего пропитанія. Поэтому, взявши каждый начатокъ изъ точила и гумна, а также воловъ и овецъ, дай пророкамъ, ибо они ваши первосвященники. Но если не имѣете пророка, то дайте нищимъ. Если ты приготовилъ пищу, то, взявши начатокъ, отдай его по заповѣди; точно такъ же, если ты откроешь сосудъ вина или елея, то, взявши начатокъ, отдай пророкамъ. Или изъ денегъ, или одежды, или какого имѣнія, какъ тебѣ покажется, отдай по заповѣди [1]).

14.

О собраніяхъ.

Въ день Господень, собравшись вмѣстѣ, ѣшьте и благодарите, исповѣдавши прежде грѣхи свои, дабы чиста была ваша жертва. Тотъ, кто въ ссорѣ съ товарищемъ своимъ, тотъ пусть не сходится съ вами до тѣхъ поръ, пока не примирится съ нимъ, чтобы не осквернена была жертва ваша; ибо такъ сказалъ Господь: на всякомъ мѣстѣ и во всякое время должно приносить мнѣ жертву чистую, ибо я царь великій, говоритъ Господь, и мое имя чудно у народовъ.

15.

О соблюденіи порядка въ общинѣ.

Поставляйте себѣ надзирателей и служителей, достойныхъ Господа, мужей кроткихъ и не сребролюбивыхъ, праведныхъ и испытанныхъ, потому что они исполняютъ для васъ служе-

---

[1]) Эта глава, вѣроятно, приписана впослѣдствіи, ибо она противорѣчитъ сказанному въ 11-ой главѣ. *Примѣч. Л. Н. Т.*

ніе пророковъ и учителей Господа. Поэтому не пренебрегайте ими, ибо они должны почитаться вами вмѣстѣ съ пророками и учителями. Обличайте другъ друга не во гнѣвѣ, но въ мирѣ, какъ это сказано въ благовѣствованіи; и со всякимъ, кто дурно поступилъ съ ближнимъ своимъ, пусть никто не говоритъ. И не услышитъ онъ слова отъ васъ, пока не покается. Молитвы же ваши, милостыни и всѣ дѣла творите такъ, какъ сказано въ благовѣствованіи Господа нашего.

16.

Ожиданіе пришествія Господа.

Не засыпайте въ жизни своей, чтобы свѣтильники ваши не были потушены и чресла не были распоясаны, но будьте готовыми, ибо вы не знаете часа, въ который приходитъ Господь нашъ. Часто сходитесь вмѣстѣ, заботясь о томъ, что нужно душамъ вашимъ, потому что все время вѣры вашей не попользуетъ вамъ, если не будете совершенны въ послѣдній часъ, потому что въ послѣдніе дни умножатся лже-пророки и губители, и овцы превратятся въ волковъ, и любовь превратится въ ненависть. Потому что когда возрастаетъ беззаконіе, возненавидятъ другъ друга и будутъ гнать, предавать, и тогда явится искуситель міра, какъ Сынъ Божій, и сотворитъ знаменіе и чудеса; и земля будетъ предана въ руки его, и сотворитъ беззаконія, какихъ нигдѣ не было отъ вѣка. Тогда тварь человѣческая пойдетъ въ огонь испытанія, и соблазнятся многіе и погибнутъ; но пребывшіе въ вѣрѣ своей будутъ спасены отъ проклятія его. И тогда явятся знаменія истины: во-первыхъ, знаменіе отверзтія неба, потомъ знаменіе звука трубнаго и третье — воскресеніе мертвыхъ. Однакоже это не все, но, какъ сказано: «пріидетъ Господь и всѣ святые съ Нимъ». Тогда увидитъ міръ Господа, грядущаго на облакахъ небесныхъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Въ этомъ древнемъ ученіи сказано все то, что̀ нужно каждому человѣку для познанія истины Христовой и спасенія души своей.

Ученіе это не длинно и не мудрено, и всякій можетъ прочесть его, и всякій можетъ понять его, и всякій можетъ исполнить его. Христосъ сказалъ (Лк. X, 21): славлю Тебя, Отче, Господь неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разум-

ныхъ и открылъ то младенцамъ. Сказано еще (Мѳ. XI, 28—30); придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко. Еще сказано (Іоан. VII, 37): кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей.

И вотъ оно, то ученіе, которое открыто младенцамъ, то благое иго и легкое бремя, къ которому оно призываетъ насъ, тотъ ключъ воды живой, къ которому всякій можетъ придти. Это — то самое ученіе, которое проповѣдано Христомъ на горѣ и записано въ V, VI и VII главахъ Матѳея и называется обыкновенно нагорной проповѣдью. Все, что нужно для спасенія своей души, есть въ этомъ ученіи, и милліоны, милліоны христіанъ спаслись и спасаются и весь міръ спасается имъ.

Христосъ сказалъ: Я есмь путь и истина, и жизнь. Онъ сказалъ еще (Мѳ. VII, 13, 14): входите тѣсными вратами; широки врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель, и многіе идутъ ими; но тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ его.

И ученіе начинается съ того, что Христосъ показываетъ среди всѣхъ широкихъ путей, ведущихъ въ погибель, единый узкій путь истины, ведущій къ жизни.

Узкій путь истины, ведущій въ жизнь,—въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго.

Широкій путь — путь лжи, ведущій къ смерти, — это — всѣ тѣ пути, по которымъ идутъ люди безъ любви къ Богу и ближнему.

Путь жизни — въ двухъ заповѣдяхъ: въ любви къ Богу и ближнему.

Въ первой главѣ говорится о первой заповѣди — о любви къ Богу. Любовь къ Богу — въ любви ко всѣмъ людямъ, какъ и сказано въ другомъ мѣстѣ, что Богъ есть любовь. Она заключается въ томъ, чтобы любить не однихъ своихъ близкихъ, но и тѣхъ, которыхъ мы не знаемъ, любить и любящихъ и ненавидящихъ насъ; и потому не только не брать отъ людей ничего, кромѣ того, въ чемъ мы имѣемъ нужду, но и отдавать другимъ людямъ все, что мы имѣемъ, и весь трудъ свой, не зная даже, для кого мы трудились. Это есть ученіе первой заповѣди —любви къ Богу.

Во второй главѣ говорится о второй заповѣди — о любви къ ближнему, о которой сказано въ другомъ мѣстѣ, что она подобна первой. Любовь къ ближнему заключается въ томъ, чтобы не дѣлать ближнему того, чего себѣ не хочешь. Не убивать, не без-

честить дѣтей и женщинъ, не воровать, не ругать, не лгать, не отнимать и не удерживать отъ другихъ никакого имущества, и потому однихъ, заблудшихъ, увѣщавать, за другихъ, слабыхъ, молиться, а третьихъ, добрыхъ, любить больше, чѣмъ душу свою. Это есть ученіе второй заповѣди о любви къ ближнему.

Въ третьей главѣ говорится о соблазнахъ. Соблазны заключаются въ тѣхъ дѣлахъ, которыя ведутъ къ грѣхамъ противъ любви къ Богу и ближнему. Грѣховъ этихъ перечислено пять: убійство, развратъ, идолопоклонство, воровство, ругательства; и указываются тѣ соблазны, которые ведутъ къ грѣхамъ этимъ. Гнѣвъ, задоръ, споръ — ведутъ къ убійствамъ; исканіе наслажденій, сквернословіе, созерцаніе чужихъ грѣховъ — ведутъ къ распутству; гаданія, вызыванія духовъ, праздное мудрованіе— ведутъ къ идолопсклонству; ложь, зависть, корысть, тщеславіе — ведутъ къ воровству; самоувѣренность, недовольство и гордость — ведутъ къ ругательствамъ. Это — ученіе о соблазнахъ.

Въ четвертой главѣ говорится о томъ, чѣмъ можетъ подкрѣпить себя человѣкъ на пути жизни. И средствъ для подкрѣпленія человѣка на пути жизни перечислено пять: вниманіе къ слову Божію, общеніе со святыми, мирное житіе съ людьми, отреченіе отъ собственности и непризнаніе надъ собою и надъ другими никакой другой власти, кромѣ той, которую даетъ духъ истины. Это — ученіе о подкрѣпленіи силъ на пути жизни.

Въ пятой главѣ говорится о томъ мірѣ людей, которые живутъ внѣ заповѣдей Бога и идутъ по пути смерти. Люди эти страдаютъ, мучаютъ другихъ и всѣ идутъ къ смерти. Это — ученіе о томъ, что ждетъ человѣка на пути смерти.

Остальныя 11 главъ говорятъ о подробностяхъ устройства христіанской общины. Но уже въ этихъ пяти первыхъ главахъ изложено все ученіе, нужное для спасенія души каждаго человѣка. Ученіе этихъ пяти главъ просто и понятно.

Христосъ показываетъ намъ путь спасенія и путь погибели и, кромѣ того, указываетъ то, чего мы не должны дѣлать, и то, что̀ должны дѣлать, чтобы намъ легко было идти по пути его. Христосъ, давая намъ направленіе пути, указываетъ намъ на тѣ обманы, которые могутъ сбить насъ съ него, и, кромѣ того, научаетъ насъ тому, что̀ можетъ поддержать насъ. Онъ поступаетъ съ нами, какъ поступилъ бы добрый отецъ, посылая сына своего въ дорогу. Прежде всего отецъ сказалъ бы сыну: идти тебѣ надо прямо по дорогѣ, ведущей туда, гдѣ тебѣ будетъ хорошо; но если не будешь идти прямо по дорогѣ, то про-

падешь. И вотъ, чтобы тебѣ не сбиваться съ ней, днемъ иди на солнце, а ночью на звѣзду, которую я указываю тебѣ. Но отецъ не удовольствовался этимъ, онъ любитъ сына и боится, чтобъ онъ не сбился, и потому еще сказалъ ему: когда будешь идти, придетъ тебѣ однаповертка направо, не поворачивай по ней; потомъ придетъ перекрестокъ, иди по средней; потомъ придетъ повертка влѣво, не ходи по ней; потомъ придутъ развилки, иди по лѣвой. Такъ отецъ разсказалъ сыну впередъ всю дорогу. Но мало и этого: отецъ еще далъ сыну посохъ и суму, чтобы онъ могъ опираться и питаться дорогой, и тогда только отправилъ его.

То же и съ нами сдѣлалъ Христосъ. Онъ прежде всего показалъ намъ тотъ путь, который приведетъ насъ—какъ солнце — любовь къ Богу, и какъ звѣзда — любовь къ ближнему, и велѣлъ намъ держаться на нихъ; потомъ подробно показалъ намъ всѣ тѣ повертки, которыя могутъ сбить насъ. Онъ сказалъ: придетъ гнѣвъ, задоръ, остановись и одумайся, это одна изъ повертокъ, которая можетъ увести тебя съ пути жизни, не ходи по ней, а иди прямо. Придетъ похоть, это другая повертка, опять одумайся и не иди по ложному пути. Придетъ тщеславіе, корысть, знай, что и это ложные пути.

Но мало и этого. Христосъ, кромѣ этихъ указаній, даетъ намъ и подкрѣпленіе на пути нашемъ, даетъ намъ хлѣбъ и посохъ на дорогу. Онъ учитъ насъ тому, что̀ можетъ поддержать насъ на пути нашемъ, даетъ намъ пищу и опору въ словѣ Божьемъ, въ общеніи со святыми, въ установленіи мира между людьми, въ отреченіи отъ собственности, въ освобожденіи отъ всякаго господства, кромѣ господства истины.

Христосъ зналъ нашу слабость и сдѣлалъ все для того, чтобы мы съ нашею слабостью могли идти по пути Его. Ученіе Его таково, что, понимая его, намъ нельзя отговариваться своею слабостью. Если мы вѣримъ тому, что всѣ пути, помимо пути Христова, ведутъ къ смерти, намъ уже нельзя говорить, что мы желали бы идти по пути жизни, но не можемъ идти по немъ; не можемъ и отговариваться незнаніемъ пути; все, что нужно намъ для того, чтобы не сбиваться съ пути и идти по немъ, дано намъ. И если мы скажемъ, что мы слабы и не можемъ идти за Христомъ, то Христосъ отвѣтитъ намъ: да я для слабости-то вашей и указалъ вамъ впередъ всѣ тѣ повертки, которыя могутъ сбить васъ, и научилъ васъ, какъ поступать, и для слабости вашей далъ вамъ въ дорогу все то, что можетъ подкрѣпить васъ. Что же вы не останавливаетесь тамъ, гдѣ я сказалъ вамъ останавливаться и вспоминать мои слова? Что же вы не берете съ собою въ дорогу все то, что̀ я сказалъ вамъ, что оно подкрѣпитъ васъ?

Что скажетъ отецъ тому сыну, котораго онъ направилъ въ путь, снабдивъ его и указаніями и пищей, когда найдетъ сына своего заблудшимъ совсѣмъ въ другой сторонѣ? Онъ навѣрное пожалѣетъ его и опять выведетъ на дорогу, и опять дастъ указанія, какъ идти; и опять тѣ же самыя, потому что другихъ нѣтъ; но онъ не будетъ слушать отговорокъ сына о томъ, что онъ заблудился потому, что ему трудно было помнить всѣ указанія, данныя для пути, потому что человѣку, котораго одно дѣло — идти, не можетъ быть трудно помнить о томъ, куда онъ идетъ. Если же онъ говоритъ, что забылъ, куда онъ идетъ, и все-таки идетъ, то онъ — лицемѣръ или безумный. И мы лицемѣры или безумные, если говоримъ, что вѣримъ Христу и не идемъ по пути Его.

Христосъ показалъ намъ путь освобожденія отъ смерти и ждетъ насъ на пути этомъ. И если мы вѣримъ Ему, то мы пойдемъ по немъ. А если пойдемъ по немъ, то, какъ и сказалъ Онъ намъ, узнаемъ, что иго Его благо и бремя легко, и выйдемъ на путь жизни и придемъ къ Нему.

1895 г.

СУРАТСКАЯ КОФЕЙНАЯ.

Была въ индійскомъ городѣ Суратѣ кофейная. И сходились туда изъ разныхъ земель проѣзжіе и иностранцы и часто бесѣдовали.

Зашелъ туда разъ персидскій ученый богословъ. Онъ всю жизнь изучалъ сущность Божества и читалъ и писалъ о томъ книги. Долго думалъ, читалъ и писалъ онъ о Богѣ, зашелъ у него умъ за разумъ, спуталось у него все въ головѣ, и дошелъ онъ до того, что пересталъ вѣрить въ Бога.

Узналъ про это царь и изгналъ его изъ персидскаго царства.

Такъ-то, всю жизнь разсуждая о первой причинѣ, запутался несчастный богословъ и, вмѣсто того, чтобы понять, что у него уже не стало разума, сталъ думать, что не стало больше высшаго разума, управляющаго міромъ.

Былъ у этого богослова рабъ африканецъ, ходившій за нимъ повсюду. Когда богословъ вошелъ въ кофейную, африканецъ остался на дворѣ, за дверью, и сѣлъ на камень на припекѣ солнца; онъ сидѣлъ и отгонялъ отъ себя мухъ. А самъ богословъ легъ на диванъ въ кофейной и велѣлъ подать себѣ чашку опіума. Когда онъ выпилъ чашку и опіумъ началъ расшевеливать его мозгъ, онъ обратился къ своему рабу.

— Что, рабъ презрѣнный,—сказалъ богословъ,—скажи мнѣ, какъ ты думаешь: есть Богъ или нѣтъ?

— Разумѣется, есть! — сказалъ рабъ и тотчасъ досталъ изъ-за пояса маленькаго деревяннаго идола.—Вотъ,—сказалъ рабъ, — вотъ тотъ Богъ, который меня хранитъ съ тѣхъ поръ, какъ я живу на свѣтѣ. Богъ этотъ сдѣланъ изъ сука того самаго священнаго дерева, которому поклоняются всѣ въ нашей странѣ.

Услыхали этотъ разговоръ между богословомъ и рабомъ бывшіе въ кофейной и удивились.

Удивительнымъ показался имъ вопросъ господина и еще болѣе удивительнымъ отвѣтъ раба.

Одинъ браминъ, слышавшій слова раба, обратился къ нему и сказалъ:

— Несчастный безумецъ! Развѣ можно думать, чтобы Богъ могъ находиться за поясомъ у человѣка? Богъ есть одинъ — Брама. И этотъ Брама больше всего міра, потому что онъ сотворилъ весь міръ. Брама есть единый, великій Богъ, тотъ Богъ, которому построены храмы на берегахъ рѣки Гангеса, тотъ Богъ, которому служатъ его единственные жрецы — брамины. Одни эти жрецы знаютъ истиннаго Бога. Прошло уже двадцать тысячъ лѣтъ, и сколько ни было переворотовъ въ мірѣ, жрецы эти остаются такими же, какими были всегда, потому что Брама, единый, истинный Богъ, покровительствуетъ имъ.

Такъ сказалъ браминъ, думая убѣдить всѣхъ: но бывшій тутъ же еврейскій мѣняла возразилъ ему.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ. — Храмъ истиннаго Бога не въ Индіи!.. И Богъ покровительствуетъ не кастѣ браминовъ! Истинный Богъ есть Богъ не браминовъ, а Богъ Авраама, Исаака и Іакова. И покровительствуетъ истинный Богъ только одному Своему народу израильскому. Богъ съ начала міра, не переставая, любилъ и любитъ одинъ нашъ народъ. И если теперь и разсѣянъ нашъ народъ по землѣ, то это только испытаніе, а Богъ, какъ и обѣщалъ, соберетъ опять народъ Свой въ Іерусалимъ съ тѣмъ, чтобы, возстановивъ чудо древности, іерусалимскій храмъ, поставить израиля владыкой надъ всѣми народами.

Такъ сказалъ еврей и заплакалъ. Онъ хотѣлъ продолжать рѣчь, но бывшій тутъ итальянецъ перебилъ его.

— Неправду вы говорите, — сказалъ итальянецъ еврею. — Вы приписываете Богу несправедливость. Богъ не можетъ любить одинъ народъ больше другихъ. Напротивъ, если Онъ даже и покровительствовалъ прежде израилю, то вотъ уже 1800 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Богъ разгнѣвался и въ знакъ Своего гнѣва прекратилъ существованіе его и разсѣялъ этотъ народъ по землѣ, такъ что вѣра эта не только не распространяется, но только кое-гдѣ остается. Богъ не оказываетъ предпочтенія никакому народу, а призываетъ всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ спастись, въ лоно единой римско-католической церкви, внѣ которой нѣтъ спасенія.

Такъ сказалъ итальянецъ. Но бывшій тутъ протестантскій пасторъ, поблѣднѣвъ, отвѣчалъ католическому миссіонеру:

— Какъ можете вы говорить, что спасеніе возможно только въ вашемъ исповѣданіи? Знайте же, что спасены будутъ только тѣ, которые, по Евангелію, будутъ служить Богу въ духѣ и истинѣ по закону Іисуса.

Тогда турокъ, служащій въ суратской таможнѣ, который тутъ же сидѣлъ, куря трубку съ важнымъ видомъ, обратился къ обоимъ христіанамъ.

— Напрасно вы такъ увѣрены въ истинѣ своей римской вѣры, - сказалъ онъ. — Ваша вѣра уже около шестисотъ лѣтъ тому назадъ замѣнена истинною вѣрой Магомета. И, какъ вы сами видите, истинная вѣра Магомета все больше и больше распространяется и въ Европѣ, и въ Азіи, и даже въ просвѣщенномъ Китаѣ. Вы сами признаете, что евреи отвержены Богомъ, и доказательствомъ тому приводите то, что евреи въ униженіи и вѣра ихъ не распространяется. Признайте же истинность вѣры Магомета, потому что она находится въ величіи и постоянно распространяется. Спасутся только вѣрующіе въ послѣдняго пророка Божія, Магомета. И то только послѣдователи Омара, а не Али, такъ какъ послѣдователи Али—невѣрные.

При этихъ словахъ персидскій богословъ, принадлежащій къ сектѣ Али, хотѣлъ возразить. Но въ кофейной въ это время поднялся великій споръ между всѣми бывшими тутъ иностранцами разныхъ вѣръ и исповѣданій. Были тутъ христіане абиссинскіе, индійскіе ламы, измаилиты и огнепоклонники.

Всѣ спорили о сущности Бога и о томъ, какъ нужно почитать Его. Каждый утверждалъ, что только въ его странѣ знаютъ истиннаго Бога и знаютъ, какъ надо почитать Его.

Всѣ спорили, кричали. Одинъ только бывшій тутъ китаецъ, ученикъ Конфуція, сидѣлъ смирно въ углу кофейной и не вступалъ въ споръ. Онъ пилъ чай, слушалъ, что̀ говорили, но самъ молчалъ.

Турокъ, замѣтивъ его среди спора, обратился къ нему и сказалъ:

— Поддержи хоть ты меня, добрый китаецъ. Ты молчишь, но ты могъ бы сказать кое-что въ мою пользу. Я знаю, что у васъ, въ Китаѣ, вводятся теперь разныя вѣры. Ваши торговцы не разъ говорили мнѣ, что ваши китайцы изъ всѣхъ другихъ вѣръ считаютъ магометанскую самой лучшей и охотно принимаютъ ее. Поддержи же мои слова и скажи, что̀ ты думаешь объ истинномъ Богѣ и Его пророкѣ.

— Да, да, скажи, что̀ ты думаешь,—обратились къ нему и другіе.

Китаецъ, ученикъ Конфуція, закрылъ глаза, подумалъ и потомъ, открывъ ихъ, выпросталъ руки изъ широкихъ рукавовъ своей одежды, сложилъ ихъ на груди и заговорилъ тихимъ и спокойнымъ голосомъ.

— Господа, — сказалъ онъ, — мнѣ кажется, что самолюбіе людей болѣе всего другого мѣшаетъ ихъ согласію въ дѣлѣ вѣры. Если вы потрудитесь меня выслушать, я объясню вамъ это примѣромъ.

Я выѣхалъ изъ Китая въ Суратъ на англійскомъ пароходѣ, обошедшемъ вокругъ свѣта. По пути мы пристали къ восточному берегу острова Суматры, чтобы набрать воды. Въ полдень мы сошли на землю и сѣли на берегу моря въ тѣни кокосовыхъ пальмъ, недалеко отъ деревни жителей острова. Насъ сидѣло нѣсколько человѣкъ изъ различныхъ земель.

Пока мы сидѣли, къ намъ подошелъ слѣпой.

Человѣкъ этотъ ослѣпъ, какъ мы узнали послѣ, оттого, что слишкомъ долго и упорно смотрѣлъ на солнце, потому что захотѣлъ понять, что̀ такое солнце. Онъ хотѣлъ это узнать, чтобы завладѣть свѣтомъ солнца.

Бился онъ долго, пускалъ въ дѣло всѣ науки: хотѣлось ему захватить нѣсколько лучей солнца, поймать ихъ и закупорить въ бутылку.

Долго онъ бился и все смотрѣлъ на солнце и ничего не могъ сдѣлать, а сдѣлалось съ нимъ только то, что отъ солнца у него заболѣли глаза, и онъ ослѣпъ.

Тогда онъ сказалъ себѣ:

— Свѣтъ солнечный не жидкость, потому что если бъ онъ былъ жидкостью, то можно было бы переливать его и онъ колебался бы отъ вѣтра, какъ вода. Свѣтъ солнечный тоже не огонь, потому что, если бъ это былъ огонь, онъ бы тухъ въ водѣ. Свѣтъ тоже не духъ, потому что онъ виденъ, и не тѣло, потому что нельзя имъ двигать. А такъ какъ свѣтъ солнечный ни жидкость, ни огонь, ни духъ, ни тѣло, то свѣтъ солнечный — ничто.

Такъ онъ разсудилъ, и въ одно время, оттого что все смотрѣлъ на солнце и все думалъ о немъ, потерялъ и зрѣніе и разумъ.

Когда же онъ сталъ совсѣмъ слѣпъ, тогда уже совершенно увѣрился въ томъ, что солнца нѣтъ.

Съ этимъ слѣпцомъ подошелъ и его рабъ. Онъ посадилъ своего господина въ тѣнь кокосоваго дерева, поднялъ съ земли кокосовый орѣхъ и сталъ изъ него дѣлать ночникъ. Онъ сдѣлалъ свѣтильню изъ волокна кокосоваго, выжалъ изъ орѣха масло въ скорлупу и обмакнулъ въ него свѣтильню.

Пока рабъ дѣлалъ свой ночникъ, слѣпой, вздохнувъ, сказалъ ему:

— Ну, что, рабъ, правду я тебѣ сказалъ, что нѣтъ солнца? Видишь, какъ темно. А говорятъ — солнце... Да и что̀ такое солнце?

— А не знаю я, что такое солнце, — сказалъ рабъ. — Мнѣ нѣтъ до него дѣла. А вотъ свѣтъ знаю. Вотъ я сдѣлалъ ночникъ: и мнѣ будетъ свѣтло, и тебѣ могу имъ службу оказать и все найти въ своемъ шалашѣ.

И рабъ взялъ въ руку свою скорлупу. «Вотъ, говоритъ, мое солнце».

Тутъ же сидѣлъ хромой съ костылемъ. Онъ услыхалъ это и засмѣялся.

— Ты, видно, отъ рожденія слѣпъ, — сказалъ онъ слѣпому, — что не знаешь, что такое солнце. Я тебѣ скажу, что̀ оно такое: солнце — огненный шаръ, и шаръ этотъ каждый день выходитъ изъ моря и каждый вечеръ садится въ горахъ нашего острова; это мы всѣ видимъ, и ты бы видѣлъ, если бы былъ зрячій.

Рыбакъ, сидѣвшій тутъ же, услыхалъ эти слова и сказалъ хромому:

— И видно же, что ты нигдѣ не былъ дальше твоего острова. Если бы ты былъ не хромъ да поѣздилъ бы по морю, ты бы зналъ, что солнце садится не въ горахъ нашего острова, а какъ выходитъ изъ моря, такъ вечеромъ опять и садится въ море. Я говорю вѣрно, потому что каждый день вижу это своими глазами.

Услыхалъ это индѣецъ.

— Удивляюсь, — сказалъ онъ, — какъ можетъ умный человѣкъ говорить такія глупости. Развѣ возможно, чтобы огненный шаръ спускался въ воду и не потухалъ? Солнце вовсе не огненный шаръ, а солнце — Божество, это Божество называется Дэва. Божество это ѣздитъ на колесницѣ по небу вокругъ золотой горы Сперувя.

«Бываетъ, что злые змѣи Рагу и Кету нападаютъ на Дэва и проглатываютъ его, и тогда дѣлается темно. Но жрецы наши молятся о томъ, чтобы Божество освободилось, и тогда оно освобождается. Только такіе невѣжественные люди, какъ вы, никогда не ѣздившіе дальше своего острова, могутъ воображать, что солнце свѣтитъ только на ихъ островъ.

Тогда заговорилъ бывшій тутъ же хозяинъ египетскаго судна.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — и это неправда: солнце не Божество и не ходитъ только вокругъ Индіи и ея золотой горы. Я много плавалъ и по Черному морю и по берегамъ Аравіи, былъ и на Мадагаскарѣ и на Филиппинскихъ островахъ, — солнце освѣщаетъ всѣ земли, а не одну Индію; оно не ходитъ кругомъ одной горы, но оно встаетъ у береговъ Японіи, и потому и острова тѣ называются Япенъ, то-есть, на ихъ языкѣ, рожденіе солнца, и садится оно далеко-далеко на западѣ, за

островами Англіи. Я это хорошо знаю, потому что и самъ видѣлъ много и слышалъ много отъ дѣда. А дѣдъ мой плавалъ до самыхъ краевъ моря.

Онъ хотѣлъ еще говорить, но англійскій матросъ нашего корабля перебилъ его.

— Нѣтъ земли, кромѣ Англіи, — сказалъ онъ, — гдѣ бы лучше знали о томъ, какъ ходитъ солнце. Солнце, мы всѣ это знаемъ въ Англіи, нигдѣ не встаетъ и нигдѣ не ложится. А оно ходитъ безпрестанно вокругъ земли. Мы это хорошо знаемъ, потому что сами вотъ только что обошли вокругъ земли и нигдѣ не натолкнулись на солнце. Вездѣ оно такъ же, какъ здѣсь, утромъ показывается и вечеромъ скрывается.

И англичанинъ взялъ палку, начертилъ на пескѣ кругъ и сталъ толковать, какъ ходитъ солнце по небу вокругъ земли. Но онъ не сумѣлъ растолковать хорошо и, показавъ на кормчаго своего корабля, сказалъ:

— Онъ, впрочемъ, болѣе меня ученъ и лучше вамъ все это растолкуетъ.

Кормчій былъ человѣкъ разумный и слушалъ разговоръ молча, пока его не спросили. Но теперь, когда всѣ обратились къ нему, онъ началъ говорить и сказалъ:

— Всѣ вы обманываете другъ друга и сами обманываетесь. Солнце не вертится вокругъ земли, а земля вертится вокругъ солнца, и сама еще вертится, поворачивая къ солнцу въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ и Японію, и Филиппинскіе острова, и Суматру, на которой мы сидимъ, и Африку, и Европу, и Азію, и множество еще другихъ земель. Солнце свѣтитъ не для одной горы, не для одного острова, не для одного моря и даже не для одной земли, а для многихъ такихъ же планетъ, какъ и земля. Все это каждый изъ васъ могъ бы понять, если бы смотрѣлъ вверхъ на небо, а не себѣ подъ ноги и не думалъ бы, что солнце свѣтитъ только для одного него или для одной его родины.

Такъ сказалъ мудрый кормчій, много ѣздившій по свѣту и много смотрѣвшій вверхъ на небо.

— Да, заблужденія и несогласія людей въ вѣрѣ — отъ самолюбія, — продолжалъ китаецъ, ученикъ Конфуція. — Что̀ съ солнцемъ, то же и съ Богомъ. Каждому человѣку хочется, чтобы у него былъ свой особенный Богъ или, по крайней мѣрѣ, Богъ его родной земли. Каждый народъ хочетъ заключить въ своемъ храмѣ Того, Кого не можетъ объять весь міръ.

— И можетъ ли какой храмъ сравниться съ тѣмъ, который Самъ Богъ построилъ для того, чтобы соединить въ немъ всѣхъ людей въ одно исповѣданіе и одну вѣру?

— Всѣ человѣческіе храмы сдѣланы по образцу этого храма — міра Божія. Во всѣхъ храмахъ есть купели, есть своды, свѣтильники, образа, надписи, книги законовъ, жертвы, алтари и жрецы. Въ какомъ же храмѣ есть такая купель, какъ океанъ, такой сводъ, каковъ сводъ небесный, такіе свѣтильники, каковы солнце, луна и звѣзды, такіе образа, каковы живые, любящіе, помогающіе другъ другу люди? Гдѣ надписи о благости Бога, столь же понятныя, какъ тѣ благодѣянія, которыя повсюду разсѣяны Богомъ для счастія людей? Гдѣ такая книга закона, столь ясная каждому, какъ та, которая написана въ его сердцѣ? Гдѣ жертвы, подобныя тѣмъ жертвамъ самоотреченія, которыя любящіе люди приносятъ своимъ ближнимъ? И гдѣ алтарь, подобный сердцу добраго человѣка, на которомъ Самъ Богъ принимаетъ жертву?

— Чѣмъ выше будетъ понимать человѣкъ Бога, тѣмъ лучше онъ будетъ знать Его. А чѣмъ лучше будетъ знать онъ Бога, тѣмъ больше будетъ приближаться къ Нему, подражать Его благости, милосердію и любви къ людямъ.

— И потому пусть тотъ, который видитъ весь свѣтъ солнца, наполняющій міръ, пусть тотъ не осуждаетъ и не презираетъ того суевѣрнаго человѣка, который въ своемъ идолѣ видитъ только одинъ лучъ того же свѣта, пусть не презираетъ и того невѣрующаго, который ослѣпъ и вовсе не видитъ свѣта.

Такъ сказалъ китаецъ, ученикъ Конфуція, и всѣ бывшіе въ кофейной замолчали и не спорили больше о томъ, чья вѣра лучше.

Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ (переводъ Л. Н. Толстого).

1891 г.

ФРАНСУАЗА.

I.

3 мая 1882 года изъ Гавра [1]) отплылъ въ китайскія моря трехмачтовый корабль «Богородица Вѣтровъ». Онъ сдалъ свой грузъ въ Китаѣ, взялъ тамъ новый грузъ, отвезъ его въ Буэносъ-Айресъ и оттуда повезъ товары въ Бразилію.

Переѣзды, поврежденія, починки, затишья по нѣскольку мѣсяцевъ, вѣтры, сгонявшіе корабль далеко съ дороги, морскія приключенія и несчастія задерживали его такъ, что онъ четыре года проплавалъ по чужимъ морямъ и только 8 мая 1886 года присталъ къ Марселю съ грузомъ жестяныхъ ящиковъ съ американскими консервами.

Когда вышелъ корабль изъ Гавра, на немъ были капитанъ, его помощникъ и 14 матросовъ. Во время путешествія одинъ матросъ умеръ, четыре пропали при разныхъ приключеніяхъ и только девять воротились во Францію. Вмѣсто выбывшихъ матросовъ на кораблѣ наняли двухъ американцевъ, одного негра и одного шведа, котораго нашли въ одномъ кабачкѣ въ Сингапурѣ.

На кораблѣ подобрали паруса и завязали на мачтѣ крестъ-накрестъ снасти. Подошелъ буксирный пароходъ и пыхтя потащилъ его на линію кораблей. Море было тихо, у берега еле-еле плескался остатокъ зыби. Корабль вошелъ въ линію, гдѣ стояли вдоль набережной бокъ о бокъ корабли изъ всѣхъ странъ свѣта, и большіе и малые, всякихъ размѣровъ, формъ и оснастокъ. «Богородица Вѣтровъ» стояла между итальянскимъ бригомъ и англійскою галеттой, которые потѣснились, чтобы дать мѣсто новому товарищу.

Какъ только капитанъ раздѣлался съ таможенными и портовыми чиновниками, онъ отпустилъ половину матросовъ на всю ночь на берегъ.

---

[1]) Городъ на сѣверѣ Франціи.

Ночь была теплая, лѣтняя. Марсель былъ весь освѣщенъ, на улицахъ пахло ѣдой изъ кухонь, со всѣхъ сторонъ слышались говоръ, грохотъ колесъ и веселые крики.

Матросы съ корабля «Богородица Вѣтровъ» мѣсяца четыре не были на сушѣ и теперь, сойдя на берегъ, робко, по-двое шли по городу, какъ чужіе, отвыкшіе отъ городовъ, люди. Они осматривались, обнюхивая улицы, ближайшія къ пристани, какъ будто чего-то искали. Четыре мѣсяца они не видали женщинъ... и ихъ мучила похоть. Впереди ихъ шелъ Селестинъ Дюкло, здоровенный парень и ловкій. Онъ всегда водилъ другихъ, когда они сходили на берегъ. Онъ умѣлъ находить хорошія мѣста, умѣлъ и отдѣлаться, когда надо было, и не ввязывался въ драки, что частенько бываетъ съ матросами, когда они сходятъ на берегъ; но если драка завязывалась, то онъ не отставалъ отъ товарищей и умѣлъ постоять за себя.

Долго матросы толкались по темнымъ улицамъ, которыя, какъ стоки, всѣ спускались къ морю и изъ которыхъ несло тяжелымъ запахомъ подваловъ и чулановъ. Наконецъ Селестинъ выбралъ одинъ узкій переулокъ, въ которомъ горѣли надъ дверями выпуклые фонари, и вошелъ въ него. Матросы, зубоскаля и напѣвая, шли за нимъ. На матовыхъ раскрашенныхъ стеклахъ фонарей были огромныя цифры. Подъ низкими потолками дверей сидѣли на соломенныхъ стульяхъ женщины въ фартукахъ; онѣ выскакивали при видѣ матросовъ и, выбѣгая на средину улицы, загораживали имъ дорогу и заманивали каждая въ свой притонъ.

Иной разъ въ глубинѣ сѣней нечаянно распахивалась дверь. Изъ нея показывалась полураздѣтая женщина въ грубыхъ бумажныхъ обтянутыхъ штанахъ, коротенькой юбкѣ и въ бархатномъ черномъ нагрудникѣ съ позолоченными позументами. «Эй, красавчики, заходите!» звала она еще издали и иногда выбѣгала сама, цѣпляясь за кого-нибудь изъ матросовъ, и тащила его изо всѣхъ силъ къ дверямъ. Она впивалась въ него, какъ паукъ, когда онъ волочитъ муху сильнѣе себя. Парень, размякшій отъ похоти, упирался слабо, а остальные останавливались и смотрѣли, что̀ будетъ; но Селестинъ Дюкло кричалъ: «Не здѣсь, не заходи. Дальше!» И парень слушался его голоса и силой вырывался у дѣвки. И матросы шли дальше, провожаемые бранью разсерженной дѣвки. На шумъ вдоль всего переулка выскакивали другія, накидывались на нихъ и хриплыми голосами нахваливали свой товаръ. Такъ они шли все дальше и дальше. Изрѣдка попадались имъ навстрѣчу то солдаты, стучавшіе шпорами, то поодиночкѣ мѣщанинъ или приказчикъ,

пробиравшіеся въ знакомое мѣсто. Въ другихъ переулкахъ свѣтились такіе же фонари, но матросы шли дальше и дальше, шагая черезъ вонючую жижу, сочившуюся изъ-подъ домовъ, полныхъ бабьяго мяса. Но вотъ Дюкло остановился около одного дома, получше другихъ, и повелъ туда своихъ ребятъ.

II.

Матросы сидѣли въ большой залѣ трактира. Каждый изъ нихъ выбралъ себѣ подругу и ужъ не разставался съ ней весь вечеръ: такой былъ обычай въ трактирѣ. Три стола были сдвинуты вмѣстѣ, и матросы прежде всего выпили вмѣстѣ съ женщинами, потомъ они поднялись и пошли съ ними наверхъ. Долго и громко стучали толстые башмаки двадцати ногъ по деревяннымъ ступенькамъ, пока они всѣ ввалились черезъ узкія двери и разбрелись по отдѣльнымъ комнатамъ. Изъ спальныхъ комнатъ они сходили опять внизъ пить, потомъ опять шли наверхъ.

Гульба шла въ развалъ. Все полугодовое жалованье пошло за четыре часа разгула. Къ 11 часамъ они всѣ были уже пьяны и съ налитыми кровью глазами несвязно кричали, сами не зная что̀. Кто пѣлъ, кто кричалъ, кто стучалъ кулакомъ по столу, кто лилъ себѣ въ глотку вино. Селестинъ Дюкло сидѣлъ среди товарищей. Съ нимъ сидѣла крупная, толстая, краснощекая дѣвка. Онъ выпилъ не меньше другихъ, но не былъ еще совсѣмъ пьянъ; у него въ головѣ бродили кое-какія мысли. Онъ разнѣжился и искалъ, о чемъ бы заговорить со своею подругой. Но мысли приходили ему и тотчасъ же уходили, и онъ никакъ не могъ поймать ихъ, вспомнить и высказать.

Онъ смѣялся и говорилъ:

— Такъ, такъ-то... такъ-то... И давно ужъ ты здѣсь?

— Шесть мѣсяцевъ, — отвѣчала дѣвка.

Онъ кивнулъ головой, какъ будто одобрялъ ее за это.

— Ну, что же, и хорошо тебѣ?

Она подумала.

— Привыкла, — сказала она. — Надо же какъ-нибудь. Все же лучше, чѣмъ въ прислугахъ или прачкахъ.

Онъ одобрительно кивнулъ головой, какъ будто и за это онъ одобрялъ ее.

— И ты не здѣшняя?

Она покачала головой въ знакъ того, что не здѣшняя.

— Дальняя?

Она кивнула.

— А откуда?

Она подумала, какъ будто припоминала.

— Изъ Перпиньяна я,—проговорила она.

— Такъ, такъ,—проговорилъ онъ и замолчалъ.

— А ты, что же, морякъ?—спросила теперь она.

— Да, моряки мы.

— Что жъ, далеко были?

— Да, не близко. Всего насмотрѣлись.

— Пожалуй, и вокругъ свѣта ѣздили?

— Не то что разъ, чуть не два раза объѣхали.

Она какъ будто раздумывала, припоминая что-то.

— Я чай, много встрѣчали кораблей?—сказала она.

— А то какъ же.

— Не попадалась вамъ «Богородица Вѣтровъ?» Такой корабль есть.

Онъ удивился, что она назвала его корабль, и вздумалъ пошутить.

— Какъ же, на прошлой недѣлѣ встрѣтили.

— Правду, въ самомъ дѣлѣ?—спросила она и поблѣднѣла.

— Правду.

— Не врешь?

— Ей-Богу,—побожился онъ.

— Ну, а не видалъ тамъ Селестина Дюкло?—спросила она.

— Селестина Дюкло?—повторилъ онъ и удивился и испугался даже. Откуда могла она знать его имя?

— А его развѣ знаешь?—спросилъ онъ.

Видно было, что и она чего-то испугалась.

— Нѣтъ, не я, а женщина тутъ одна его знаетъ.

— Какая женщина? Изъ этого дома?

— Нѣтъ, тутъ поблизости.

— Гдѣ же поблизости?

— Да недалеко.

— Кто же она такая?

— Да просто женщина, такая же, какъ я.

— А зачѣмъ же онъ ей нуженъ?

— Почемъ же я знаю. Можетъ, землячка его.

Они пытливо смотрѣли въ глаза другъ другу.

— Хотѣлось бы мнѣ повидаться съ этой женщиной,—сказалъ онъ.

— А зачѣмъ? Сказать что хочешь?

— Сказать...

— Что сказать?

— Сказать, что видѣлъ Селестина Дюкло.

— А ты видѣлъ Селестина Дюкло? И живъ онъ и здоровъ?

— Здоровъ. А что?

Она замолчала, опять собираясь съ мыслями, и потомъ тихо сказала:

— А куда же идетъ «Богородица Вѣтровъ»?

— Куда? Въ Марсель.

— Правду?!—вскрикнула она.

— Правду.

— И ты знаешь Дюкло?

— Да вѣдь сказалъ, что знаю.

Она подумала.

— Такъ, такъ. Это хорошо,—тихонько сказала она.

— Да зачѣмъ онъ тебѣ?

— А коли увидишь его, ты ему скажи... Нѣтъ, не надо.

— Да что?

— Нѣтъ, ничего.

Онъ смотрѣлъ на нее и тревожился все больше и больше.

— Да ты-то знаешь его?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Такъ зачѣмъ же онъ тебѣ?

Она не отвѣчала, вдругъ вскочила, побѣжала къ конторкѣ, за которой сидѣла хозяйка, взяла лимонъ, разрѣзала его, надавила соку въ стаканъ, потомъ налила туда воды и подала Селестину.

— На, выпей-ка,—сказала она и сѣла, какъ и прежде сидѣла, ему на колѣни.

— Это зачѣмъ?—спросилъ онъ, взявъ отъ нея стаканъ.

— Чтобы хмель прошелъ. Потомъ скажу. Пей.

Онъ выпилъ и утеръ рукавомъ губы.

— Ну, говори, я слушаю.

— Да ты не скажешь ему, что меня видѣлъ, не скажешь, отъ кого слышалъ то, что̀ скажу?

— Ну, хорошо, не скажу.

— Побожись!

Онъ побожился.

— Ей-Богу?

— Ей-Богу.

— Такъ ты ему скажи, что его отецъ умеръ и мать померла, братъ тоже померъ. Горячка была. Въ одинъ мѣсяцъ всѣ трое померли.

Дюкло почувствовалъ, что вся кровь его стѣснилась у сердца. Нѣсколько минутъ просидѣлъ онъ молча, не зная, что сказать, потомъ выговорилъ:

— И ты вѣрно знаешь?

— Вѣрно.

— Кто же тебѣ сказалъ?

Она положила руки ему на плечи и посмотрѣла прямо ему въ глаза.

— Побожись, что не разболтаешь.

— Ну, побожился. Ей-Богу!

— Я сестра ему.

— Франсуаза!—вскрикнулъ онъ.

Она пристально посмотрѣла на него и тихо-тихо пошевелила губами, почти не выпуская словъ:

— Такъ это ты—Селестинъ!

Они не шевелились, замерли, какъ были, смотрѣли въ глаза другъ другу.

А вокругъ нихъ остальные орали пьяными голосами. Звонъ стакановъ, стукъ ладонями и каблуками и пронзительный визгъ женщинъ перемѣшивались съ гамомъ пѣсенъ.

— Какъ же это такъ?—тихо, такъ тихо, что даже она едва-едва разобрала его слова, проговорилъ онъ

Глаза ея вдругъ налились слезами.

— Да такъ, померли. Всѣ трое въ одинъ мѣсяцъ,—продолжала она.—Что жъ мнѣ было дѣлать? Осталась я одна. Въ аптеку, да къ доктору, за похороны троихъ... продала, что было вещей, расплатилась и осталась, въ чемъ была. Поступила въ прислуги къ барину Кашо,—помнишь, хромой такой? Мнѣ только что 15 лѣтъ минуло; мнѣ вѣдь и 14 еще не было, когда ты-то уѣхалъ. Съ нимъ согрѣшила... Дура вѣдь наша сестра. Потомъ въ няньки поступила къ нотаріусу,—онъ тоже. Сначала взялъ на содержаніе, жила на квартирѣ. Да недолго. Бросилъ онъ меня, я три дня не ѣвши жила, никто не беретъ, и поступила вотъ сюда, какъ и прочія,—она говорила, и слезы ручьемъ текли у нея изъ глазъ, изъ носа, мочили щеки и вливались въ ротъ.

— Что жъ это мы надѣлали!—проговорилъ онъ.

— Я думала, и ты тоже умеръ,—сказала она сквозь слезы.—Развѣ это отъ меня,—прошептала она.

— Какъ же ты меня не узнала?—также шопотомъ сказалъ онъ.

— Я не знаю, я не виновата,—продолжала она и еще пуще заплакала.

— Развѣ я могъ узнать тебя? Развѣ ты такая была, когда я уѣхалъ? Ты-то какъ не узнала?

Она съ отчаяніемъ махнула рукой.

— Ахъ! я ихъ столько, этихъ мужчинъ, вижу, что они мнѣ всѣ на одно лицо.

Сердце его сжималось такъ больно и такъ сильно, что ему хотѣлось кричать и ревѣть, какъ маленькому мальчику, когда его бьютъ.

Онъ поднялся, отстранилъ ее отъ себя и, схвативъ своими большими матросскими лапами ея голову, пристально сталъ вглядываться въ ея лицо.

Мало-по-малу онъ узналъ въ ней наконецъ ту маленькую, тоненькую и веселенькую дѣвочку, которую онъ оставилъ дома съ тѣми, кому она закрыла глаза.

— Да, ты Франсуаза! сестра!—проговорилъ онъ. И вдругъ рыданія, тяжелыя рыданія мужчины, похожія на икоту пьяницы, поднялись въ его горлѣ. Онъ отпустилъ ея голову, ударилъ по столу такъ, что стаканы опрокинулись и разлетѣлись вдребезги, и закричалъ дикимъ голосомъ.

Товарищи удивились и обратились къ нему. «Вишь, какъ надулся», сказалъ одинъ. «Будетъ орать-то», сказалъ другой. «Эй! Дюкло! Что орешь? Идемъ опять наверхъ», сказалъ третій, одной рукой дергая Селестина за рукавъ, а другой обнимая свою хохотавшую, раскраснѣвшуюся, съ блестящими черными глазами подругу въ шелковомъ розовомъ открытомъ лифѣ.

Дюкло вдругъ замолкъ и, затаивъ дыханіе, уставился на товарищей. Потомъ съ тѣмъ страннымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ, съ которымъ, бывало, вступалъ въ драку, онъ шатаясь подошелъ къ матросу, обнимавшему дѣвку, и ударилъ рукой между имъ и дѣвкой, раздѣляя ихъ.

— Прочь! Развѣ не видишь, она сестра тебѣ! Всѣ онѣ кому-нибудь да сестры. Вотъ и эта, сестра Франсуаза. Ха-ха-ха-ха!..—зарыдалъ онъ рыданіями, похожими на хохотъ, и онъ зашатался, поднялъ руки и грянулся лицомъ на полъ. И сталъ кататься по полу, колотясь о него и руками и ногами, хрипя какъ умирающій.

— Надо его уложить спать,—сказалъ одинъ изъ товарищей,—а то какъ бы на улицѣ не засадили его.

И они подняли Селестина, и втащили наверхъ въ комнату Франсуазы, и уложили его на ея постель.

1892 г.

ПИСЬМО О „КАРМѢ“ [1]).

Вы меня спрашиваете про буддійское понятіе «карма». Во снѣ мы живемъ почти точно такъ же, какъ и наяву. Паскаль говоритъ, кажется, такъ: «если бы мы видѣли себя во снѣ постоянно въ одномъ и томъ же положеніи, а наяву въ различныхъ, то мы считали бы сонъ за дѣйствительность, а дѣйствительность за сонъ». Это не совсѣмъ справедливо. Дѣйствительность отличается отъ сна тѣмъ, что она дѣйствительнѣе, реальнѣе. Такъ что я бы сказалъ: если бы мы не знали жизни болѣе дѣйствительной, чѣмъ сонъ, то мы сонъ считали бы вполнѣ жизнью и никогда не усомнились бы въ томъ, что это не настоящая жизнь.

Теперь вся наша жизнь отъ рожденія до смерти со своими снами не есть ли, въ свою очередь, сонъ, который мы принимаемъ за дѣйствительную жизнь и въ дѣйствительности которой мы не сомнѣваемся только потому, что мы не знаемъ другой, болѣе дѣйствительной жизни? Я не только думаю, но убѣжденъ, что это такъ.

---

1) «Карма» — это, какъ извѣстно, буддійское ученіе о возмездіи, находящееся въ тѣсной связи съ ученіемъ о переселеніи душъ. Всякое живое существо составляетъ результатъ цѣлаго ряда превращеній. Чѣмъ добродѣтельнѣе была наша жизнь въ прошломъ, тѣмъ ближе мы подходимъ къ нравственному совершенству въ настоящемъ и будущемъ. Самъ Будда до своего рожденія пережилъ 550 такихъ превращеній. Ученіе о «кармѣ» находится въ тѣсной связи съ ученіемъ современныхъ естествоиспытателей о наслѣдственности, въ силу котораго всякій человѣкъ есть результатъ добродѣтелей и пороковъ своихъ предковъ и въ свою очередь вліяетъ самымъ непосредственнымъ образомъ на свое потомство. Это — тоже своего рода «карма», т.-е. законъ о возмездіи. У буддистовъ это ученіе облекалось только въ болѣе поэтическую форму. Человѣкъ могъ постепенно возвыситься путемъ добродѣтели до богоподобнаго состоянія, до блаженства или, наоборотъ, путемъ порочности снизойти до состоянія животнаго и быть ввергнутымъ въ адъ. Душа человѣческая безсмертна: умирая, она постоянно возрождается, и внѣшняя форма, въ которую она облекается, представляетъ собою только переходную ступень по направленію къ блаженству или, наоборотъ, къ вѣчнымъ мукамъ.

Какъ сны въ этой жизни суть состоянія, во время которыхъ мы живемъ впечатлѣніями, мыслями, чувствами предшествовавшей жизни, такъ точно теперешняя наша жизнь есть состояніе, во время котораго мы живемъ *кармой*, предшествующей болѣе дѣйствительной жизни, и во время котораго мы набираемся силъ, вырабатываемъ карму для послѣдующей, той, болѣе дѣйствительной жизни, изъ которой мы вышли. Какъ сновъ мы переживаемъ тысячи въ этой нашей жизни, такъ и эта наша жизнь есть одна изъ тысячъ такихъ жизней, въ которыя мы вступаемъ изъ той, болѣе дѣйствительной, реальной, настоящей жизни, изъ которой мы выходимъ, вступая въ эту жизнь, и возвращаемся, умирая. Наша жизнь есть одинъ изъ сновъ той, болѣе настоящей жизни, и такъ далѣе, до безконечности, до одной послѣдней, настоящей жизни — жизни Бога. Рожденіе и появленіе первыхъ представленій о мірѣ — это засыпаніе и самый сладкій сонъ; смерть — это пробужденіе.

Ранняя смерть—это человѣка разбудили, но онъ не выспался. Старческая смерть — это выспался, но уже спалъ слабо и самъ пробудился. Самоубійство — это кошмаръ, который разрушаешь тѣмъ, что вспоминаешь, что ты спишь, дѣлаешь усиліе и просыпаешься. Человѣкъ, живущій одною этою жизнью, не предчувствующій другой—это крѣпкій сонъ безъ сновидѣній, это — полуживотное состояніе. Чувствовать во снѣ то, что происходитъ вокругъ тебя, спать чутко, быть готовымъ каждую минуту проснуться—это сознавать хоть смутно ту, другую жизнь, изъ которой вышелъ и въ которую идешь.

Во снѣ человѣкъ — всегда эгоистъ и живетъ одинъ, безъ участія другихъ, безъ связи съ ними. Въ той жизни, которую мы называемъ дѣйствительностью, уже больше связи съ другими, уже есть что-то похожее на любовь къ ближнему. Въ той же, изъ которой мы вышли и куда идемъ, эта связь еще тѣснѣе, любовь уже не только нѣчто желанное, но и дѣйствительное. Въ той, для которой и эта жизнь — сонъ, связь и любовь еще больше, и мы въ этомъ снѣ уже чувствуемъ, что тамъ, можетъ быть, и будетъ. Основа всего уже есть въ насъ и проникаетъ всѣ сны.

Желалъ бы, чтобы вы поняли меня; я не то что забавляюсь, придумываю — я вѣрю въ это ,вижу несомнѣнно, знаю, что я, умирая, буду радостнымъ, что я пристану къ тому, болѣе реальному міру.

Бѣгичевка, 7 февраля 1892 года.

„КАРМА“[1]).

(Съ англійскаго изложилъ Л. Толстой).

Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ одномъ журналѣ, предшествуемый слѣдующимъ письмомъ Льва Николаевича Толстого къ издателю:

«Посылаю вамъ переведенную мною изъ американскаго журнала Open Court буддійскую сказочку подъ заглавіемъ «Карма». Сказочка эта очень понравилась мнѣ и своею наивностью и своею глубиной. Особенно хорошо въ ней разъясненіе той, часто съ разныхъ сторонъ въ послѣднее время затемняемой, истины, что избавленіе отъ зла и пріобрѣтеніе блага добываются только своимъ усиліемъ, что нѣтъ и не можетъ быть такого приспособленія, посредствомъ котораго, помимо своего личнаго усилія, достигалось бы свое или общее благо. Разъясненіе это въ особенности хорошо тѣмъ, что тутъ же показывается и то, что благо отдѣльнаго человѣка только тогда истинное благо, когда оно благо общее. Какъ только разбойникъ, вылѣзшій изъ ада, пожелалъ блага себѣ одному, такъ его благо перестало быть благомъ, и онъ оборвался. Сказочка эта какъ бы съ новой стороны освѣщаетъ двѣ основныя, открытыя христіанствомъ, истины: о томъ, что жизнь только въ отреченіи отъ личности — кто погубитъ душу, тотъ обрѣтетъ ее — и что благо людей только въ ихъ единеніи съ Богомъ и черезъ Бога между собой: Какъ Ты во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино... Іоан. XVII, 21.

---

[1]) «Карма» есть буддійское вѣрованіе, состоящее въ томъ, что не только складъ характера каждаго человѣка, но и вся судьба въ этой жизни есть послѣдствіе его поступковъ въ предшествующей жизни и что добро или зло нашей будущей жизни точно такъ же будутъ зависѣть отъ тѣхъ нашихъ усилій избѣжанія зла и совершенія добра, которыя мы сдѣлали въ этой.

Л. Т.

«Я читалъ эту сказочку дѣтямъ, и она нравилась имъ. Среди большихъ же послѣ чтенія ея всегда возникали разговоры о самыхъ важныхъ вопросахъ жизни. И мнѣ кажется, что это очень хорошая рекомендація.

Л. Толстой.

Панду, богатый ювелиръ браминской касты, ѣхалъ со своимъ слугой въ Бенаресъ. Догнавъ по пути монаха почтеннаго вида, который шелъ по тому же направленію, онъ подумалъ самъ съ собой: «Этотъ монахъ имѣетъ благородный и святой видъ. Общеніе съ добрыми людьми приноситъ счастіе; если онъ также идетъ въ Бенаресъ, я приглашу его ѣхать со мной въ моей колесницѣ». И, поклонившись монаху, онъ спросилъ его, куда онъ идетъ, и узнавъ, что монахъ, имя котораго было Нарада, идетъ также въ Бенаресъ, онъ пригласилъ его въ свою колесницу.

— Благодарю васъ за вашу доброту, — сказалъ монахъ брамину,—я, дѣйствительно, измученъ продолжительнымъ путешествіемъ. Не имѣя собственности, я не могу вознаградить васъ деньгами, но можетъ случиться, что я буду въ состояніи воздать вамъ какимъ-либо духовнымъ сокровищемъ изъ богатства знанія, которое я пріобрѣлъ, слѣдуя ученію Сакія Муни, блаженнаго великаго Будды, учителя человѣчества.

Они поѣхали вмѣстѣ въ колесницѣ, и Панду дорогой слушалъ съ удовольствіемъ поучительныя рѣчи Нарада. Проѣхавъ одинъ часъ, они подъѣхали къ мѣсту, гдѣ дорога была размыта съ обѣихъ сторонъ и телѣга земледѣльца со сломаннымъ колесомъ загораживала путь.

Девала, владѣтель телѣги, ѣхалъ въ Бенаресъ, чтобы продать свой рисъ, и торопился поспѣть до зари слѣдующаго утра. Если бъ онъ опоздалъ днемъ, покупатели риса могли уже уѣхать изъ города, скупивъ нужное имъ количество риса.

Когда ювелиръ увидалъ, что онъ не можетъ продолжать путь, если телѣга земледѣльца не будетъ сдвинута, онъ разсердился и приказалъ Магадутѣ, рабу своему, сдвинуть телѣгу на сторону, такъ, чтобы колесница могла проѣхать. Земледѣлецъ противился, потому что возъ его лежалъ такъ близко къ обрыву, что могъ разсыпаться, если его тронуть, но браминъ не хотѣлъ слушать земледѣльца и приказалъ своему слугѣ сбросить возъ съ рисомъ. Магадута, необыкновенно сильный человѣкъ, находившій удовольствіе въ оскорбленіи людей, повиновался, прежде чѣмъ монахъ могъ вступиться, и сбросилъ возъ. Когда

Панду проѣхалъ и хотѣлъ продолжать свой путь, монахъ выскочилъ изъ его колесницы и сказалъ:

— Извините меня, господинъ, за то, что я покидаю васъ. Благодарю васъ за то, что вы по своей добротѣ позволили мнѣ проѣхать одинъ часъ въ вашей колесницѣ. Я былъ измученъ, когда вы посадили меня, но теперь, благодаря вашей любезности, я отдохнулъ. Признавъ же въ этомъ земледѣльцѣ воплощеніе одного изъ вашихъ предковъ, я не могу ничѣмъ лучше вознаградить васъ за вашу доброту, какъ тѣмъ, чтобы помочь ему въ его несчастіи.

Браминъ взглянулъ съ удивленіемъ на монаха.

— Вы говорите, что этотъ земледѣлецъ есть воплощеніе одного изъ моихъ предковъ: этого не можетъ быть.

— Я знаю, — отвѣчалъ монахъ, — что вамъ неизвѣстны тѣ сложныя и значительныя связи, которыя соединяютъ васъ съ судьбой этого земледѣльца. Но отъ слѣпого нельзя ожидать того, чтобы онъ видѣлъ, и потому я сожалѣю о томъ, что вы вредите сами себѣ, и постараюсь защитить васъ отъ тѣхъ ранъ, которыя вы собираетесь нанести себѣ.

Богатый купецъ не привыкъ къ тому, чтобы его укоряли; чувствуя же, что слова монаха, хотя и сказанныя съ большой добротой, содержали въ себѣ язвительный упрекъ, онъ приказалъ слугѣ своему тотчасъ же ѣхать далѣе.

Монахъ поздоровался съ Девалой земледѣльцемъ и сталъ помогать ему въ починкѣ его телѣги и въ томъ, чтобы подобрать разсыпавшійся рисъ. Дѣло шло быстро, и Девала подумалъ:

«Этотъ монахъ, должно быть, святой человѣкъ: ему какъ будто помогаютъ невидимые духи. Спрошу его, чѣмъ я заслужилъ жестокое со мной обращеніе гордаго брамина».

И онъ сказалъ:

— Почтенный господинъ, не можете ли вы сказать мнѣ, за что я потерпѣлъ несправедливость отъ человѣка, которому я никогда не сдѣлалъ ничего худого?

Монахъ сказалъ:

— Любезный другъ, вы не потерпѣли несправедливости, но только потерпѣли въ теперешнемъ существованіи то, что вы совершили надъ этимъ браминомъ въ прежней жизни. И я не ошибусь, сказавши, что даже и теперь вы бы сдѣлали надъ браминомъ то же самое, что онъ сдѣлалъ съ вами, если бы были на его мѣстѣ и имѣли такого же сильнаго слугу.

Земледѣлецъ признался, что если бъ онъ имѣлъ власть, то не раскаялся бы, поступивъ съ другимъ человѣкомъ, загородившимъ ему дорогу, такъ же, какъ браминъ поступилъ съ нимъ.

Рисъ былъ убранъ въ возъ, и монахъ съ земледѣльцемъ приближались уже къ Бенаресу, когда лошадь вдругъ шарахнулась въ сторону.

— Змѣя! змѣя! — воскликнулъ земледѣлецъ.

Но монахъ пристально взглянулъ на предметъ, испугавшій лошадь, соскочилъ съ телѣги и увидалъ, что это былъ кошелекъ, полный золота.

«Никто, кромѣ богатаго ювелира, не могъ потерять этотъ кошелекъ», подумалъ онъ и, взявъ кошелекъ, подалъ его земледѣльцу, сказавъ:

— Возьмите этотъ кошелекъ и, когда вы будете въ Бенаресѣ, подъѣзжайте къ гостиницѣ, которую я укажу вамъ, спросите брамина Панду и отдайте кошелекъ. Онъ будетъ извиняться передъ вами за грубость своего поступка, но вы скажите ему, что вы простили его и желаете ему успѣха во всѣхъ его предпріятіяхъ, потому что, вѣрьте мнѣ, чѣмъ больше будутъ его успѣхи, тѣмъ лучше это будетъ для васъ. Ваша судьба во многомъ зависитъ отъ его судьбы. Если бы Панду спросилъ у васъ объясненій, то пошлите его въ монастырь, гдѣ онъ всегда найдетъ меня въ готовности помочь ему совѣтомъ, если совѣтъ нуженъ ему.

Панду между тѣмъ пріѣхалъ въ Бенаресъ и встрѣтилъ Малмеку, своего торговаго пріятеля, богатаго банкира.

— Я погибъ, — сказалъ Малмека, — и не могу дѣлать никакихъ дѣлъ, если нынче же не куплю возъ лучшаго риса для царской кухни. Есть въ Бенаресѣ мой врагъ банкиръ, который, узнавъ то, что я сдѣлалъ условіе съ царскимъ дворецкимъ о томъ, что доставлю ему сегодня утромъ возъ риса, желая погубить меня, скупилъ весь рисъ въ Бенаресѣ. Царскій дворецкій не освободитъ меня отъ условія, и завтра я пропалъ, если Кришна не пошлетъ мнѣ ангела съ неба.

Въ то время какъ Малмека жаловался на свое несчастіе, Панду хватился своего кошелька. Обыскавъ свою колесницу и не найдя его, онъ заподозрилъ своего раба Магадуту и призвалъ полицейскихъ, обвинилъ его и, велѣвъ привязать его, жестоко мучилъ, чтобы вынудить отъ него признаніе. Рабъ кричалъ страдая:

— Я не виновенъ, отпустите меня! Я не могу переносить этихъ мукъ! Я совершенно невиненъ въ этомъ преступленіи и страдаю теперь за грѣхи другихъ! О, если бъ я могъ выпросить прощеніе у того земледѣльца, которому я сдѣлалъ зло ради моего хозяина! Мученія эти, вѣрно, служатъ наказаніемъ за мою жестокость.

Въ то время какъ полицейскіе еще продолжали бить раба, земледѣлецъ подъѣхалъ къ гостиницѣ и къ великому удивленію всѣхъ подалъ кошелекъ. Раба тотчасъ освободили изъ рукъ его мучителей, но, будучи недоволенъ своимъ хозяиномъ, онъ убѣжалъ отъ него и присоединился къ шайкѣ разбойниковъ, жившихъ въ горахъ. Когда же Малмека услыхалъ, что земледѣлецъ можетъ продать самаго лучшаго рису, годнаго для царскаго стола, онъ тотчасъ же купилъ весь возъ за тройную цѣну, а Панду, радуясь въ сердцѣ своемъ возвращенію денегъ, тотчасъ же поспѣшилъ въ монастырь, чтобы получить отъ монаха тѣ объясненія, которыя онъ обѣщалъ ему.

Нарада сказалъ:

— Я бы могъ дать вамъ объясненіе, но, зная, что вы неспособны понять духовную истину, я предпочитаю молчаніе. Однако я дамъ вамъ общій совѣтъ: обращайтесь съ каждымъ человѣкомъ, котораго вы встрѣтите, такъ же, какъ съ самимъ собой, служите ему такъ же, какъ вы желали бы, чтобы вамъ служили. Такимъ образомъ вы посѣете сѣмя добрыхъ дѣлъ, и богатая жатва ихъ не минуетъ васъ.

— О, монахъ, дайте мнѣ объясненіе, — сказалъ Панду, — и мнѣ легче будетъ тогда слѣдовать вашему совѣту!

И монахъ сказалъ:

— Слушайте же, я дамъ вамъ ключъ къ тайнѣ; если вы и не поймете ея, вѣрьте тому, что̀ я скажу вамъ. Считать себя отдѣльнымъ существомъ есть обманъ, и тотъ, кто направляетъ свой умъ на то, чтобы исполнить волю этого отдѣльнаго существа, слѣдуетъ за ложнымъ свѣтомъ, который приведетъ его въ бездну грѣха. То, что мы считаемъ себя отдѣльными существами, происходитъ оттого, что покрывало Майи ослѣпляетъ наши глаза и мѣшаетъ намъ видѣть неразрывную связь съ нашими ближними, мѣшаетъ намъ прослѣдить наше единство съ душами другихъ существъ. Не многіе знаютъ эту истину. Пусть слѣдующія слова будутъ вашимъ талисманомъ:

«Тотъ, кто вредитъ другимъ, дѣлаетъ зло себѣ.

«Тотъ, кто помогаетъ другимъ, дѣлаетъ добро себѣ.

«Перестаньте считать себя отдѣльнымъ существомъ — и вы вступите на путь истины»

Для того, чье зрѣніе омрачено покрываломъ Майи, весь міръ кажется разрѣзаннымъ на безчисленныя личности. И такой человѣкъ не можетъ понимать значенія всеобъемлющей любви ко всему живому.

Панду отвѣчалъ:

— Ваши слова, почтенный господинъ, имѣютъ глубокое значеніе, и я запомню ихъ. Я сдѣлалъ небольшое добро, которое мнѣ ничего не стоило, для бѣднаго монаха во время моей поѣздки въ Бенаресъ, и вотъ какъ благодѣтельны оказались его послѣдствія. Я много обязанъ вамъ, потому что безъ васъ я не только потерялъ бы свой кошелекъ, но не могъ бы дѣлать въ Бенаресѣ тѣхъ торговыхъ дѣлъ, которыя значительно увеличили мое состояніе. Кромѣ того, ваша заботливость и прибытіе воза риса содѣйствовали благосостоянію моего друга Малмеки. Если бы всѣ люди познали истину вашихъ правилъ, насколько лучше бы былъ нашъ міръ, какъ уменьшилось бы зло въ немъ и возвысилось общее благосостояніе! Я желалъ бы, чтобъ истина Будды была понята всѣми, и потому я хочу основать монастырь въ моей родинѣ Колшамби и приглашаю васъ посѣтить меня, съ тѣмъ, чтобы я могъ посвятить это мѣсто для братства учениковъ Будды.

Прошли годы, и основанный Панду монастырь Колшамби сдѣлался мѣстомъ собранія мудрыхъ монаховъ и сталъ извѣстнымъ, какъ центръ просвѣщенія для народа.

Въ это время сосѣдній царь, услыхавъ о красотѣ драгоцѣнныхъ украшеній, приготовляемыхъ Панду, послалъ къ нему своего казначея, чтобы заказать корону чистаго золота, украшенную самыми драгоцѣнными камнями Индіи.

Когда Панду окончилъ эту работу, онъ поѣхалъ въ столицу царя и, надѣясь дѣлать тамъ торговыя дѣла, взялъ съ собой большой запасъ золота. Караванъ, везшій его драгоцѣнности, былъ охраняемъ вооруженными людьми, но когда онъ достигъ горъ, то разбойники, съ Магадутой, ставшимъ атаманомъ ихъ, во главѣ, напали на него, побили охрану и захватили всѣ драгоцѣнные камни и золото. Самъ Панду едва спасся. Это несчастіе было большимъ ударомъ для благосостоянія Панду: богатство его значительно уменьшилось.

Панду былъ очень огорченъ, но переносилъ свои несчастія безъ ропота; онъ думалъ: «я заслужилъ эти потери грѣхами, совершонными мною въ моей прежней жизни. Я въ молодости былъ жестокъ съ народомъ; и если я теперь пожинаю плоды своихъ дурныхъ дѣлъ, то мнѣ нельзя жаловаться».

Такъ какъ онъ сталъ много добрѣе ко всѣмъ существамъ, то несчастія его послужили только къ очищенію его сердца.

Опять прошли годы, и случилось, что Пантака, молодой монахъ и ученикъ Нарады, путешествуя въ горахъ Колшамби, по-

палъ въ руки разбойниковъ. Такъ какъ у него не было никакой собственности, атаманъ разбойниковъ крѣпко избилъ его и отпустилъ.

На слѣдующее утро Пантака, идя черезъ лѣсъ, услыхалъ шумъ битвы и, придя на этотъ шумъ, увидалъ много разбойниковъ, которые съ бѣшенствомъ нападали на своего атамана Магадуту.

Магадута, какъ левъ, окруженный собаками, отбивался отъ нихъ и убилъ многихъ изъ нападавшихъ. Но враговъ его было слишкомъ много, и подъ конецъ онъ былъ побѣжденъ и упалъ на землю замертво, покрытый ранами.

Какъ только разбойники ушли, молодой монахъ подошелъ къ лежавшимъ, желая подать помощь раненымъ. Но всѣ разбойники были уже мертвы, только въ начальникѣ ихъ оставалось немного жизни. Монахъ тотчасъ же направился къ ручейку, бѣжавшему невдалекѣ, принесъ свѣжей воды въ своемъ кувшинѣ и подалъ умирающему.

Магадута открылъ глаза и, скрипя зубами, сказалъ:

— Гдѣ эти неблагодарныя собаки, которыхъ я столько разъ водилъ къ побѣдѣ и успѣху? Безъ меня они скоро погибнутъ, какъ затравленные охотниками шакалы.

— Не думайте о вашихъ товарищахъ и участникахъ вашей грѣшной жизни, — сказалъ Пантака, — но подумайте о вашей душѣ и воспользуйтесь въ послѣднiй часъ тою возможностью спасенiя, которая представляется вамъ. Вотъ вамъ вода для питья, дайте, я перевяжу ваши раны. Можетъ быть, мнѣ и удастся спасти вашу жизнь.

— Это безполезно, — отвѣчалъ Магадута: — я приговоренъ; негодяи смертельно ранили меня. Неблагодарные подлецы! Они били меня тѣми ударами, которымъ я научилъ ихъ.

— Вы пожинаете то, что посѣяли, — продолжалъ монахъ.— Если бы вы учили своихъ товарищей дѣламъ добра, вы бы и получили отъ нихъ добрые поступки. Но вы учили ихъ убiйству, и потому вы черезъ свои дѣла убиты ихъ рукою.

— Ваша правда, — отвѣчалъ атаманъ разбойниковъ: — я заслужилъ свою участь, но какъ тяжелъ мой жребiй тѣмъ, что я долженъ пожать плодъ всѣхъ моихъ дурныхъ дѣлъ въ будущихъ существованiяхъ. Научите меня, святой отецъ, что̀ я могу сдѣлать, чтобъ облегчить мою жизнь отъ грѣховъ, которые давятъ меня, какъ скала, наваленная мнѣ на грудь.

И Пантака сказалъ:

— Искорените ваши грѣшныя желанiя, уничтожьте злыя страсти и наполните свою душу добротою ко всѣмъ существамъ.

Атаманъ сказалъ:

— Я дѣлалъ много зла и не дѣлалъ добра. Какъ могу я выпутаться изъ той сѣти горя, которую я связалъ изъ злыхъ желаній моего сердца? Моя карма вовлечетъ меня въ адъ, я никогда не буду въ состояніи вступить на путь спасенія.

И монахъ сказалъ:

— Да, ваша карма пожнетъ въ будущихъ воплощеніяхъ плоды тѣхъ сѣмянъ, которыя вы посѣяли. Для дѣлателя дурныхъ дѣлъ нѣтъ избавленія отъ послѣдствій своихъ дурныхъ поступковъ. Но не отчаивайтесь: всякій человѣкъ можетъ спастись, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ искоренилъ изъ себя заблужденіе личности. Какъ примѣръ этого, я разскажу вамъ исторію великаго разбойника Кандаты, который умеръ нераскаяннымъ и вновь родился дьяволомъ въ аду, гдѣ онъ мучился за свои дурныя дѣла самыми ужасными страданіями. Онъ былъ въ аду уже много лѣтъ и не могъ избавиться отъ своего бѣдственнаго положенія, когда Будда явился на землѣ и достигъ блаженнаго состоянія просвѣтлѣнія. Въ это достопамятное время лучъ свѣта попалъ и въ адъ, возбудивъ во всѣхъ демонахъ жизнь и надежду, и разбойникъ Кандата громко закричалъ: «О, Будда блаженный, сжалься надо мной: я страшно страдаю! И хотя я дѣлалъ зло, а желаю теперь идти по пути праведности. Но я не могу выпутаться изъ сѣти горя; помоги мнѣ, Господи, сжалься надо мной!» Законъ кармы таковъ, что злыя дѣла ведутъ къ погибели.

Когда Будда услышалъ просьбу страдающаго въ аду демона, онъ послалъ къ нему паука на паутинѣ, и паукъ сказалъ: «схватись за мою паутину и вылѣзай по ней изъ ада». Когда паукъ исчезъ изъ вида, Кандата схватился за паутину и сталъ вылѣзать по ней. Паутина была такъ крѣпка, что не обрывалась, и онъ поднимался по ней все выше и выше. Вдругъ онъ почувствовалъ, что нить стала дрожать и колебаться, потому что за нимъ начинали лѣзть по паутинѣ и другіе страдальцы. Кандата испугался: онъ видѣлъ тонкость паутины и видѣлъ, что она растягивается отъ увеличившейся тяжести. Но паутина все еще держала его. Кандата передъ этимъ смотрѣлъ только вверхъ, теперь же онъ посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ, что за нимъ лѣзла по паутинѣ безчисленная толпа жителей ада. «Какъ можетъ эта тонкая нить вынести тяжесть всѣхъ этихъ людей», подумалъ онъ и, испугавшись, громко закричалъ: «пустите паутину, она *моя!*» И вдругъ паутина оборвалась, и Кандата упалъ назадъ въ адъ. Заблужденіе личности еще жило въ Кандатѣ. Онъ не зналъ чудесной силы искренняго стремленія вверхъ,

для того, чтобы вступить на путь праведности. Стремленіе это тонко, какъ паутина, но оно поднимаетъ милліоны людей, и чѣмъ больше будетъ людей лѣзть по паутинѣ, тѣмъ легче будетъ каждому изъ нихъ. Но какъ только въ сердцѣ человѣка возникнетъ мысль, что паутина эта *моя*, что благо праведности принадлежитъ *мнѣ* одному и что пусть никто не раздѣляетъ его со *мной*, то нить обрывается, и ты падаешь назадъ въ прежнее состояніе отдѣльной личности; отдѣльность же личности есть проклятіе, а единеніе есть благословеніе. Что такое адъ? Адъ есть не что иное, какъ себялюбіе, а Нирвана есть жизнь общая...

— Дайте же мнѣ ухватиться за паутину! — сказалъ умирающій атаманъ разбойниковъ Магадута, когда монахъ кончилъ свой разсказъ, — и я выберусь изъ пучины ада.

Магадута пробылъ нѣсколько минутъ въ молчаніи, собираясь съ мыслями, потомъ продолжалъ:

— Выслушайте меня, я признаюсь вамъ. Я былъ слугою у Панду, ювелира изъ Колшамби. Но послѣ того, какъ онъ несправедливо истязалъ меня, я убѣжалъ отъ него и сталъ атаманомъ разбойниковъ. Нѣсколько времени назадъ я узналъ отъ моихъ развѣдчиковъ, что онъ проѣзжаетъ черезъ горы, и я ограбилъ его, отнялъ у него большую часть его состоянія. Подите теперь къ нему и скажите ему, что я простилъ его отъ всего сердца за оскорбленіе, которое онъ несправедливо нанесъ мнѣ, и прошу его простить меня за то, что я ограбилъ его. Когда я жилъ съ нимъ, сердце его было жестоко какъ камень, и я научился отъ него его себялюбію. Я слышалъ, что онъ теперь сталъ добродушенъ и что на него указываютъ, какъ на образецъ доброты и справедливости. Я не хочу оставаться въ долгу у него; поэтому скажите ему, что я сохранилъ золотую корону, которую онъ сдѣлалъ для царя, и всѣ его сокровища и спряталъ ихъ въ подземельѣ. Только два разбойника знали это мѣсто, и теперь оба они мертвые; пусть Панду возьметъ съ собой вооруженныхъ людей и придетъ къ этому мѣсту и возьметъ назадъ ту собственность, которой я лишилъ его.

Послѣ этого Магадута разсказалъ, гдѣ было подземелье, и умеръ на рукахъ Пантаки.

Какъ скоро молодой монахъ Пантака вернулся въ Колшамби, онъ пошелъ къ ювелиру и разсказалъ ему обо всемъ, что̀ случилось въ лѣсу.

И Панду пошелъ съ вооруженными людьми къ подземелью и взялъ изъ него всѣ сокровища, которыя атаманъ спряталъ

въ немъ. И они съ почестью похоронили атамана и его убитыхъ товарищей, и Пантака надъ могилой, разсуждая о словахъ Будды, сказалъ слѣдующее:

«Личность дѣлаетъ зло, личность же и страдаетъ отъ него.

«Личность воздерживается отъ зла, и личность очищается.

«Чистота и нечистота принадлежатъ личности: никто не можетъ очистить другого.

«Человѣкъ самъ долженъ сдѣлать усиліе; Будды — только проповѣдники».

«Наша карма,—сказалъ еще монахъ Пантака,—не есть произведеніе Шивары или Брамы, или Индры, или какого-нибудь изъ боговъ, — наша карма есть послѣдствіе нашихъ поступковъ.

«Моя дѣятельность есть утроба, которая носитъ меня, есть наслѣдство, которое достается мнѣ, есть проклятіе моихъ злыхъ дѣлъ и благословеніе моей праведности. Моя дѣятельность есть единственное средство моего спасенія».

Панду привезъ назадъ въ Колшамби всѣ свои сокровища, и, съ умѣренностью пользуясь своимъ столь неожиданно возвращеннымъ богатствомъ, онъ спокойно и счастливо прожилъ свою остальную жизнь, и когда онъ умиралъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и всѣ его сыновья, дочери и внуки собрались около него, онъ сказалъ имъ:

— Милыя дѣти, не осуждайте другихъ въ своихъ неудачахъ. Ищите причину вашихъ бѣдъ въ самихъ себѣ. И если вы не ослѣплены тщеславіемъ, вы найдете ее, и, найдя ее, вы сумѣете избавиться отъ зла. Лѣкарство отъ вашихъ бѣдъ въ васъ самихъ. Пусть вашъ умственный взоръ никогда не покрывается покровомъ Майи... Помните тѣ слова, которыя были талисманомъ моей жизни:

«Тотъ, кто дѣлаетъ больно другому, дѣлаетъ зло себѣ.

«Тотъ, кто помогаетъ другому, помогаетъ себѣ.

«Пусть исчезнетъ обманъ личности — и вы вступите на путь праведности».

1894 года.

ДОРОГО СТОИТЪ.

(По Мопассану).

Есть между Франціей и Италіей, на берегу Средиземнаго моря, маленькое крошечное царство. Называется это царство Монако. Въ царствѣ этомъ жителей меньше, чѣмъ въ большомъ селѣ, всего 7 тысячъ, а земли столько, что не хватитъ по десятинѣ на душу. Но царекъ въ царствѣ есть настоящій. Есть у этого царька и дворецъ, и придворные, и министры и архіереи, и генералы, и войско.

Немного войска, всего 60 человѣкъ, но все-таки войско. Доходовъ у царька мало. Налогъ есть, какъ и вездѣ, и на табакъ, и на вино, и на водку, и подушныя; и хоть пьютъ и курятъ, но народу мало, и нечѣмъ бы царьку кормить своихъ придворныхъ и чиновниковъ и самому кормиться, кабы не было у него особаго дохода. А особый доходъ у него въ царствѣ съ игорнаго заведенія — рулетки. Люди играютъ, проигрываютъ, выигрываютъ, а содержателю всегда барышъ. А съ дохода содержатель царьку платитъ большія деньги. А большія деньги потому платитъ, что осталось такое игорное заведеніе теперь только одно во всей Европѣ. Прежде также были игорныя заведенія у маленькихъ нѣмецкихъ князьковъ, но ихъ лѣтъ десять тому назадъ запретили. А запретили за то, что отъ игорныхъ заведеній много бѣдъ бывало. Пріѣдетъ какой-нибудь, начнетъ играть, зарвется, спуститъ все, что есть, и даже чужія деньги, а потомъ съ горя либо топится, либо стрѣляется. Нѣмцы своимъ князькамъ запретили, а монакскому царьку запретить некому. У него одного осталось.

И съ тѣхъ поръ всѣ охотники поиграть къ нему ѣдутъ, у него проигрываются, а ему барышъ. Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ. Знаетъ и монакскій царекъ, что дѣло это скверное, да какъ же быть-то?.. Жить надо. Вѣдь и съ водки и съ табаку кормиться не лучше. Такъ и

живетъ этотъ царекъ. Царствуетъ, денежки огребаетъ и ведетъ у себя во дворцѣ всѣ порядки, какъ у настоящихъ большихъ королей. Такъ же коронуется и выходы дѣлаетъ, и награды раздаетъ, и казнитъ, и милуетъ, и такъ же у него парады и совѣты, и законы, и суды. Все какъ и у настоящихъ королей. Одно — что все маленькое.

И вотъ случилось разъ, лѣтъ пять тому назадъ, у королька этого въ царствѣ смертоубійство. Народъ въ царствѣ смиренный, и прежде такихъ дѣлъ не бывало. Собрались судьи, все честь честью, стали судить, все какъ должно. И судьи, и прокуроры, и присяжные, и адвокаты. Судили и присудили по закону отрубить преступнику голову. Хорошо. Представили королю. Прочелъ король приговоръ, утвердилъ. Казнить такъ казнить. Одна бѣда: нѣту у нихъ въ царствѣ ни гильотины, чтобы голову рубить, ни палача. Подумали, подумали министры и рѣшили написать французскому правительству запросъ: могутъ ли французы выслать имъ на время машину и мастера, — чтобы увѣдомили, сколько понадобится на это дѣло расходовъ. Послали бумагу. Черезъ недѣлю получаютъ отвѣтъ: прислать машину и палача можно, расходу за все 16.000 франковъ. Доложили царьку. Подумалъ, подумалъ царекъ — 16.000 франковъ! Не стоитъ, говоритъ, негодяй этихъ денегъ. Нельзя ли какъ подешевле? А то 16.000 фр.! Вѣдь это значитъ по два франка слишкомъ налога наложить на каждаго жителя. Тяжело покажется. Какъ бы не взбунтовались. Собрали совѣтъ — какъ дѣлу помочь? Рѣшили послать съ тѣмъ же къ итальянскому королю. Французское правительство — республика,—царей не уважаетъ, а король итальянскій все-таки свой братъ, авось дешевле возьметъ. Написали: получаютъ скоро отвѣтъ. Пишетъ итальянское правительство, что и машину и мастера они пришлютъ съ удовольствіемъ. А что стоитъ все, совсѣмъ съ проѣздомъ, будетъ 12.000 франковъ. Дешевле, а все дорого. Опять не стоитъ мерзавецъ денегъ такихъ. Выходитъ опять безъ малаго по два франка на человѣка надо накладывать. Опять собрался совѣтъ. Думали, думали—нельзя ли какъ подешевле? Не возьмется ли изъ солдатъ кто по-домашнему отрубить голову? Все равно вѣдь на войнѣ убиваютъ. Солдатъ на то вѣдь и готовятъ. Поговорилъ генералъ съ солдатами — не возьмется ли кто? Не взялись солдаты. Нѣтъ, говорятъ, мы этого не умѣемъ и не учились. Какъ быть? Опять думали, думали, собрали комитетъ, комиссію, подкомиссію. Передумали. Надо, говорятъ, смертную казнь замѣнить тюрьмой вѣчной. И милосердіе покажетъ царь, и расходовъ меньше. Согласился

царекъ, и такъ и рѣшили. Одно горе — такой тюрьмы особенной нѣтъ, чтобы запереть на вѣчное время. Есть кутузки, такъ маленькія, куда на время сажаютъ, а прочной тюрьмы, чтобы навѣчно запереть, нѣтъ такой. Ну, все-таки пріискали помѣщеніе. Посадили молодца. Приставили сторожа.

Сторожъ и караулитъ, и за ѣдой для преступника на кухню во дворецъ ходитъ. Сидитъ такъ молодецъ шесть мѣсяцевъ, сидитъ годъ. Сталъ царекъ свѣрять въ концѣ года расходы и доходы, видитъ: на содержаніе преступника новый расходъ, да и не малый. Сторожъ особый да пища. Въ годъ 600 франковъ обошлось. А малый молодой, здоровый, пожалуй, лѣтъ пятьдесятъ проживетъ. Сочти-ка, во что станетъ. Расходъ большой. Нельзя такъ. Позвалъ царекъ министровъ: «Придумайте, говоритъ, какъ бы намъ съ этимъ негодяемъ подешевле раздѣлаться. А то онъ намъ такъ дорого станетъ». Собрались министры, думали. Одинъ и говоритъ: «Вотъ что, господа, — по-моему отставить сторожа». А другой говоритъ: «Да вѣдь онъ уйдетъ». — «А уйдетъ, и песъ съ нимъ». Доложили царьку. Согласился и царь. Отставили сторожа. Смотрятъ, что будетъ. Только видятъ: пришло время обѣдать, вышелъ преступникъ, поискалъ сторожа, не нашелъ и пошелъ на кухню королевскую себѣ за обѣдомъ. Забралъ, что дали, вернулся въ тюрьму, заперъ за собой дверь и сидитъ. На завтра то же. За пищей себѣ ходитъ, а уходить не уходитъ. Какъ быть? Подумали. Надо, говорятъ, ему прямо сказать, что не нуженъ онъ намъ. Пускай уходитъ. Хорошо. Призываетъ его къ себѣ министръ юстиціи и говоритъ: «Отчего вы, говоритъ, не уходите? Сторожа при васъ нѣтъ. Можете свободно уйти, и царь не обидется». — «Царь-то, говоритъ, не обидется, да мнѣ-то идти некуда. Куда я пойду? Вы меня приговоромъ осрамили, меня никто не возьметъ теперь, я отъ всѣхъ дѣлъ отсталъ. Вы, говоритъ, со мной неправильно поступили. Такъ дѣлать не годится. Ну, приговорили вы меня къ смертной казни, хорошо. Надо было вамъ меня казнить, вы не казнили. Это разъ. Я не сталъ спорить. Потомъ приговорили вы меня къ вѣчной тюрьмѣ и сторожа приставили, чтобы онъ мнѣ пищу носилъ, потомъ отняли у меня сторожа. Это два. Опять я не сталъ спорить. Самъ ходилъ за ѣдой. Теперь вы говорите: уходи. Нѣтъ, вы какъ хотите, а я никуда не пойду».

Какъ быть? Собрали опять совѣтъ. Что дѣлать? Не уходитъ. Подумали, подумали. Надо ему пенсію назначить. Безъ этого не отдѣлаешься отъ него. Доложили царьку. Нечего дѣлать, говоритъ, хоть какъ-нибудь съ нимъ раздѣлаться. Назна-

14*

чили ему 600 франковъ. Объявили ему: «Ну, пожалуй, — говоритъ, — если будете вѣрно платить, пожалуй, уйду».

Такъ и порѣшили. Получилъ онъ впередъ, простился со всѣми и выѣхалъ изъ владѣнія царька. Всего четверть часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. Выѣхалъ, поселился поблизости, купилъ землицы, развелъ огородъ, садикъ и живетъ припѣваючи. Ѣздитъ въ сроки получать пенсію. Получитъ, зайдетъ въ игорный домикъ, поставитъ франка 2 — 3, иногда выиграетъ, иногда проиграетъ, и ѣдетъ къ себѣ домой. Живетъ смирно, хорошо.

Хорошо, что грѣхъ случился съ нимъ не тамъ, гдѣ не жалѣютъ расходовъ ни на то, чтобы отрубить голову человѣку, ни на вѣчныя тюрьмы.

1891 г.

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА.

Была давно-давно на землѣ большая засуха: пересохли всѣ рѣки, ручьи, колодцы, и засохли деревья, кусты и травы, и умирали отъ жажды люди и животныя.

Разъ ночью вышла дѣвочка изъ дома съ ковшикомъ поискать воды для больной матери. Нигдѣ не нашла дѣвочка воды и съ усталости легла въ полѣ на траву и заснула. Когда она проснулась и взялась за ковшикъ, она чуть не пролила изъ него воду. Онъ былъ полонъ чистой, свѣжей водой. Дѣвочка обрадовалась и хотѣла было напиться, но потомъ подумала, что недостанетъ матери, и побѣжала съ ковшикомъ домой. Она такъ спѣшила, что не замѣтила подъ ногами собачки, споткнулась на нее и уронила ковшикъ. Собачка жалостно визжала. Дѣвочка хватилась ковшика.

Она думала, что разлила его; но нѣтъ, онъ стоялъ прямо на своемъ днѣ, и вся вода была цѣла въ немъ. Дѣвочка отлила въ ладонь воды, и собачка все вылокала и повеселѣла. Когда дѣвочка взялась опять за ковшикъ, онъ изъ деревяннаго сталъ серебрянымъ. Дѣвочка принесла ковшикъ домой и подала матери. Мать сказала: «Мнѣ все равно умирать, пей лучше сама», и отдала ковшикъ дѣвочкѣ. И въ ту же минуту ковшикъ изъ серебрянаго сталъ золотой. Тогда дѣвочка не могла уже больше удерживаться и только хотѣла приложиться къ ковшику, какъ вдругъ въ дверь вошелъ странникъ и попросилъ напиться. Дѣвочка проглотила слюни и поднесла страннику ковшикъ. И вдругъ на ковшикѣ выскочило семь огромныхъ брильянтовъ, и изъ него полилась большая струя чистой, свѣжей воды.

А семь брильянтовъ стали подниматься выше и выше и поднялись на небо и стали Большой Медвѣдицей.

1909 г.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ
80-хъ и 90-хъ годовъ.

СОРОКЪ ЛѢТЪ.

(Малороссійская легенда).

Легенда «40 лѣтъ» была изложена Н. И. Костомаровымъ. Послѣ его смерти гр. Л. Н. Толстой, прочитавъ ее, написалъ къ ней послѣднюю — XIV — главу, которую и печатаемъ полностью, послѣ краткаго изложенія легенды.

Въ малороссійской слободѣ жилъ богатый мужикъ Шпакъ. Въ той же слободѣ жилъ бѣдный свинопасъ Трохимъ, котораго взялъ къ себѣ въ работники Шпакъ. Дочь его, красавица Васса, полюбила отцовскаго работника, бѣдняка Трохима, въ чемъ однажды и призналась отцу. Разгнѣванный Шпакъ прогоняетъ изъ дома Трохима и въ насмѣшку говоритъ ему, что отдастъ за него дочь только тогда, когда онъ пріѣдетъ сватать ее «въ жупанѣ изъ синяго тонкаго сукна, на своемъ собственномъ возѣ и на своей собственной лошади». Молодой человѣкъ даже и подумать не можетъ о возможности нажить такое богатство и съ горя рѣшаетъ утопиться. Случайно удерживаетъ его садовникъ мѣстнаго помѣщика, темный человѣкъ Придыбалка, котораго народная молва считала за «нечистаго въ человѣческомъ образѣ». Придыбалка подбиваетъ Трохима на убійство и ограбленіе проѣзжавшаго черезъ ихъ слободу купца. Темной ночью, въ лѣсу, на большой дорогѣ Трохимъ выполняетъ задуманное съ помощью Придыбалки, и концы преступленія удалось спрятать: такъ какъ Трохимъ взялъ себѣ лишь часть денегъ и товара купца, то слѣдствіе рѣшило, что ограбленія не было и что купецъ и его батракъ (убитые Трохимомъ ударами дубины и сброшенные въ оврагъ вмѣстѣ съ лошадьми) погибли вслѣдствіе собственной неосторожности; по слободѣ же Придыбалка пустилъ слухъ, что онъ далъ взаймы Трохиму средства на женитьбу, чтобъ досадить богачу Шпаку. Открылся Трохимъ только невѣстѣ. По ея совѣту онъ ночью идетъ на могилу убитыхъ,

чтобы тамъ узнать свою судьбу: по народному повѣрію это возможно. Таинственный голосъ открываетъ Трохиму, что Богъ покараетъ его черезъ 40 лѣтъ. Женихъ и невѣста рѣшаютъ, что въ такой долгій срокъ они успѣютъ замолить грѣхъ, и играютъ свадьбу. Послѣдніе остатки угрызеній совѣсти исчезаютъ у Трохима послѣ разговора съ Придыбалкой, который увѣряетъ его, что нѣтъ Бога и нѣтъ грѣха.

Баринъ даетъ молодымъ вольную, и Трохимъ начинаетъ заниматься торговлей и мало-по-малу богатѣть.

Зовутъ его уже Трофимъ Семеновичъ Яшниковъ. Онъ переѣзжаетъ сначала въ уѣздный, а потомъ въ губернскій городъ. Здѣсь умираетъ его жена. Томимый одиночествомъ, онъ снова начинаетъ терзаться угрызеніями совѣсти и мѣстному архіерею открываетъ свой грѣхъ. Архіерей отпускаетъ грѣхъ Трофиму Семеновичу подъ условіемъ, чтобы онъ построилъ церковь. Церковь построена, но спокойствія душѣ богача прибавилось мало. Женатый вторично, онъ живетъ уже въ Петербургѣ въ большой роскоши и почетѣ. Въ одномъ монастырѣ святой старецъ указываетъ Трофиму единственный путь загладить прежнее преступленіе: раздать все неправедно пріобрѣтенное имѣніе и жить трудомъ въ бѣдности. Но у Трофима нѣтъ силъ сдѣлать это. Ложными разсужденіями онъ старается оправдать себя.

Наконецъ настаетъ роковой 40-й годъ, когда должно исполниться пророчество о наказаніи, слышанное Трофимомъ Семеновичемъ на могилѣ убитыхъ имъ купца и батрака. Страхъ за свою судьбу мучаетъ старика. Онъ бесѣдуетъ съ своимъ ученымъ сыномъ Александромъ, намекая на свой грѣхъ, и тотъ, хоть не совсѣмъ ясно понявъ, въ чемъ состоитъ грѣхъ отца, спѣшитъ утѣшить его, сообщая, что никакого Бога нѣтъ и по тому бояться Его и суда Его глупо, что будущей жизни нѣтъ и, слѣдовательно, нечего заботиться о «душѣ», а надо освободиться отъ старыхъ суевѣрій. Старикъ старался этому вѣрить.

Наступаетъ послѣдній день назначенныхъ ему 40 лѣтъ. Трофимъ Семеновичъ самъ не свой. Внезапно разразившаяся страшная гроза окончательно нарушаетъ его душевное равновѣсіе. Онъ ждалъ удара, но гроза миновала. Трофимъ Семеновичъ дѣлается все недовѣрчивѣе, боязливѣе и мрачнѣе. Только ученый Александръ могъ успокаивать его нѣсколько, снова повторяя свои воззрѣнія на Бога и душу и совѣтуя отцу «освободиться отъ этой брехни». — «Я и освободился», сказалъ старикъ.

И въ томъ, что онъ потерялъ вѣру въ Бога и будущую жизнь души, и должно было, повидимому, состоять наказаніе.

СОРОКЪ ЛѢТЪ.

XIV.

Въ эту же первую ночь, съ 12-го на 13-е августа, когда онъ послѣ разговора съ сыномъ легъ одинъ спать въ своей комнатѣ, началось его наказаніе. «Нѣтъ Бога, нѣтъ души, нѣтъ наказанія! Какъ хорошо! Какъ покойно! И какъ много и долго я понапрасну мучилъ себя. Всѣ боремся другъ съ другомъ, всѣ губимъ другъ друга, чтобы жить, какъ это сказалъ Александръ. Борьба за существованіе — вотъ законъ. И другого нѣтъ. И мнѣ Богъ далъ быть побѣдителемъ! Богъ далъ? — все остается эта глупая привычка. Не Богъ какой-то далъ, а я сумѣлъ быть побѣдителемъ, вотъ и хорошо. И всякій борись, а кто побороль, пользуйся своей побѣдой. Я поборолъ и пользуюсь. Хорошо мнѣ было жить, только воспоминаніе отравляло. Я понимаю, что имъ завидно». (Онъ вспомнилъ слова схимника.) «Имъ завидно, каждому хочется, а хочется, такъ борись. Самъ борись, а не жди, чтобъ тебѣ дали».

«Вотъ и Александръ». Онъ вспомнилъ, какъ Александръ надняхъ говорилъ ему, что положенныхъ ему 20 тыс. въ годъ мало. «Онъ просилъ прибавить еще 10 тыс., и, когда я отказалъ, онъ былъ недоволенъ. Положимъ, онъ разсчитываетъ имѣть все, когда я умру». И вдругъ Трофиму Семеновичу ясно пришло въ голову, что сынъ долженъ желать его смерти. «Борись, чтобъ быть побѣдителемъ. Я боролся, убилъ купца, ихъ смерть мнѣ была нужна, и я взялъ ихъ жизнь. А ему, сыну моему Александру, чья смерть нужна?» Онъ остановился и привсталъ на постели. «Чья смерть? Моя! Да, я ему стою на дорогѣ. Сколько бы я ни давалъ ему, ему лучше, чтобъ я умеръ и онъ бы былъ хозяинъ». И Трофимъ Семеновичъ сталъ вспоминать взгляды и слова сына, и во всемъ онъ видѣлъ то, что сынъ желаетъ его смерти. «И не можетъ не желать. А если желаетъ, и онъ образованный человѣкъ, безъ суевѣрій, такъ онъ долженъ убить меня. Положимъ, онъ не захочетъ погубить себя. Но есть ядъ». И вдругъ ему вспомнился разговоръ сына о старинныхъ ядахъ, такихъ, которые убиваютъ такъ, что слѣдовъ нельзя найти. «А если у него будетъ этотъ ядъ, то какъ же онъ не дастъ его мнѣ? Онъ долженъ дать. Онъ говорилъ уже, что я запускаю дѣла; онъ говорилъ, что можно сдѣлать больше. Да, стаканъ чаю, и готово. Подкупить людей, повара... Они всѣ продажны». Онъ сталъ вспоминать своего камердинера-щеголя. «Этому дай

1000 рублей, и готово, а повару тоже». Трофимъ взволновался, думая это, и чтобъ успокоиться, хотѣлъ выпить стаканъ сахарной воды, стоявшей на столикѣ у его кровати. Онъ взялъ въ руку стаканъ, на днѣ было бѣлое. «Кто знаетъ, что это? Нѣтъ, не обманетъ», сказалъ онъ и вылилъ воду и пошелъ къ рукомойнику и выпилъ воды оттуда. «Да, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Бороться, такъ не зѣвать. Буду осторожнѣе. Буду пить и ѣсть то, что будетъ ѣсть жена. Да и она тоже. Она знаетъ, что ей пойдетъ седьмая часть. А ея бѣдные родные давно требуютъ отъ нея. Да, война, такъ война. Надо такъ поставить себя, чтобы имъ не было выгоды въ моей смерти. Надо написать завѣщаніе такое, которое бы лишило ихъ всего, чтобъ смерть моя была невыгодна имъ. Да, завтра сдѣлаю это и объявлю имъ».

Онъ хотѣлъ заснуть, но мысли не давали ему спать. Онъ сталъ сочинять завѣщаніе. Надѣлъ халатъ и туфли, подошелъ къ столу и сталъ писать начерно завѣщаніе, въ которомъ онъ отдавалъ все состояніе на богоугодныя заведенія. Окончивъ это, онъ хотѣлъ лечь; но тутъ пришла ему мысль о лакеѣ, о дворникѣ. Онъ самъ переносился въ душу лакея и говорилъ себѣ: что если бы я былъ бѣдный лакей съ 15 руб. жалованья въ мѣсяцъ и за 5 комнатъ отъ меня спалъ бы богачъ съ деньгами, и я бы твердо зналъ, какъ я знаю теперь, что нѣтъ Бога, нѣтъ и суда, — что бы я сдѣлалъ? Я сдѣлалъ бы то, что я сдѣлалъ съ купцомъ. И на Трофима Семеновича нашелъ страхъ. Онъ опять всталъ и сталъ запирать свою дверь, но задвижка не держала, и онъ задвинулъ дверь кресломъ, привязалъ его полотенцемъ къ ручкѣ и на кресло поставилъ кресло, чтобы оно загремѣло. Только тогда онъ затушилъ свѣчу и легъ спать. Заснулъ онъ утромъ и проспалъ такъ поздно, что жена обезпокоилась и пошла отворить дверь. Кресла упали, загремѣли. Трофимъ Семеновичъ вскочилъ испуганный, блѣдный. «Кто, что? Караулъ!» даже закричалъ. Онъ долго не могъ опамятоваться. Ему при пробужденіи показалось, что его пришли убивать. Когда онъ опомнился, то сказалъ, что онъ изъ осторожности загородилъ, и постарался скрыть свой страхъ; но сколько онъ ни старался скрывать, съ этого дня и домашніе и прислуга стали замѣчать въ немъ большую перемѣну.

Прежде онъ бывалъ веселъ, бывалъ и сердитъ, бывалъ и добръ, бывалъ и унылъ, когда думалъ о своемъ грѣхѣ. Прежде онъ однихъ людей не любилъ, другихъ любилъ, особенно дѣтей-внуковъ. Теперь же онъ всегда былъ одинаковъ, всегда былъ молчаливъ, остороженъ, на всѣхъ смотрѣлъ подозрительно и со всѣми, даже съ дѣтьми, былъ одинаково холоденъ.

Завѣщаніе сдѣлалось для него съ этого времени главнымъ занятіемъ. Долго онъ не могъ сдѣлать такого, какое ему хотѣлось сдѣлать. Всѣ приказные, которые пріѣзжали къ нему за этимъ дѣломъ, не могли угодить ему. Онъ писалъ, переписывалъ и перемѣнялъ.

Въ пищѣ онъ также сталъ особенно требователенъ. Иногда самыя вкусныя и любимыя его кушанья онъ оставлялъ, не отвѣдавъ ихъ, часто отказывался отъ обѣда и приходилъ къ серединѣ стола и бралъ у сына, дочери или жены начатую тарелку и тогда только ѣлъ. Вино онъ покупалъ самъ особо и держалъ въ своей комнатѣ въ шкафу. Дѣлами онъ сталъ заниматься меньше, но когда и занимался, всегда скрывалъ отъ домашнихъ свои барыши и то, сколько онъ получаетъ. Состояніе, деньги, которыя доставляли ему прежде столько радости, теперь только мучили его. Онъ старался уберечь ихъ отъ другихъ и чувствовалъ, что уберечь ихъ нельзя противъ такихъ людей безъ Бога, какимъ онъ самъ былъ.

Онъ чувствовалъ, что если всѣ узнаютъ то, что онъ зналъ и что знаетъ его сынъ, — что Бога и суда нѣтъ, то тогда никакія силы не сохранятъ его. Его убьютъ, отравятъ, отнимутъ состояніе обманомъ или силою. Одно было спасеніе — не показывать людямъ того, что онъ знаетъ, что нѣтъ Бога и суда, а, напротивъ, внушать имъ это всѣми силами.

И потому еще послѣдняя перемѣна, которая сдѣлалась съ Трофимомъ Семеновичемъ послѣ 12-го августа, была та, что онъ сталъ особенно набоженъ, такимъ, какимъ еще не былъ во всю свою жизнь. Онъ не пропускалъ ни одного поста, ни среды, ни пятницы, не пропускалъ ни одной службы, не пропускалъ никогда случая внушать своимъ семейнымъ и своимъ знакомымъ и своей прислугѣ того, что есть Богъ и Его законъ и что тѣ, которые не будутъ соблюдать его, тѣ погибнутъ и будутъ жестоко наказаны въ будущей жизни. Онъ внушалъ даже сыну своему объ этомъ, дѣлая видъ, что онъ забылъ все, что говорилъ съ нимъ или что раскаивался въ этомъ.

Съ самаго того срока, 12-го августа, когда онъ увѣрился въ томъ, что ему бояться нечего и некого, что Бога нѣтъ и что теперь ничто ему не помѣшаетъ жить вполнѣ въ свое удовольствіе, отпали всѣ его удовольствія: изъ всѣхъ удовольствій сдѣлались мученія.

Страхъ убійства, отравленія, обмана, самыхъ страшныхъ преступленій въ своей семьѣ и между своими домочадцами не оставлялъ его. Онъ подозрѣвалъ всякаго человѣка во всѣхъ самыхъ ужасныхъ замыслахъ и боялся и ненавидѣлъ всякаго человѣка, —

и жену, и сына, и дочь, и всѣхъ существующихъ. Даже маленькіе внуки его, которыхъ онъ прежде любилъ, теперь казались ему злыми звѣрками. Ему казалось, что они такъ же ненавидятъ его, какъ онъ ненавидѣлъ людей.

Чтобы спасаться отъ своего страха, онъ дѣлалъ не переставая два дѣла: первое — скрывалъ все отъ всѣхъ, всѣхъ обманывалъ, хоронилъ концы, принималъ мѣры осторожности отъ всѣхъ людей, тогда какъ никто не думалъ ничего замышлять противъ него. Другое дѣло его было то, чтобы обманывать людей и внушать имъ то, что есть Богъ, есть добродѣтель, есть судъ Божій. Онъ считалъ, что его спасеніе въ томъ, чтобы увѣрять людей въ томъ, во что онъ самъ не вѣрилъ. Состояніе его, которое все увеличивалось, уже не радовало, но пугало его. Семейные были его врагами. Простыхъ радостей — ѣды, питья, сна — и тѣхъ у него не было. Онъ во всемъ подозрѣвалъ злые противъ себя замыслы.

Такъ прожилъ несчастный Трофимъ Семеновичъ еще болѣе 10-ти лѣтъ. Другимъ, со стороны, были видны его странности, но никто не видалъ его страданій. А страданія его были велики, особенно были велики его страданія тѣмъ, что онъ не могъ ждать отъ нихъ облегченія и въ смерти. Онъ мучился, страдалъ самъ, не зналъ зачѣмъ, и все-таки боялся смерти, потому что зналъ, что послѣ смерти ничего не будетъ, окончится его жизнь навсегда, и поправить эту жизнь онъ не могъ ни въ жизни, ни въ смерти.

Такъ промаялся Трофимъ Семеновичъ 13 лѣтъ, и одинъ разъ, придя отъ обѣдни и позавтракавъ у себя въ комнатѣ и выпивъ вина, запертаго у него въ шкафу, онъ легъ спать и больше не проснулся.

Смерть внезапная и, конечно, легкая. Богатый гробъ Трофима Семеновича повезли на кладбище Александро-Невской лавры. За гробомъ шла толпа дармоѣдовъ, ѣздившихъ на богатые обѣды и ужины богача-золотопромышленника. Одинъ проповѣдникъ, славившійся тогда въ Петербургѣ даромъ краснорѣчія, произнесъ надгробное слово и много говорилъ о добродѣтели, благочестіи и счастливой жизни усопшаго. Никто, кромѣ Бога, не зналъ ни о преступленіи Трофима, ни о томъ, какое наказаніе постигло его съ той минуты, какъ онъ потерялъ въ себѣ Бога.

1890 г.

СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА.

I.

Въ большомъ зданіи судебныхъ учрежденій во время перерыва засѣданія по дѣлу Мельвинскихъ члены и прокуроръ сошлись въ кабинетѣ Ивана Егоровича Шебекъ, и зашелъ разговоръ о знаменитомъ красовскомъ дѣлѣ. Ѳедоръ Васильевичъ разгорячился, доказывая неподсудность, Иванъ Егоровичъ стоялъ на своемъ, Петръ же Ивановичъ, не вступивъ сначала въ споръ, не принималъ въ немъ участія и просматривалъ только что поданныя Вѣдомости.

— Господа, — сказалъ онъ, — Иванъ Ильичъ-то умеръ.

— Неужели?

— Вотъ, читайте, — сказалъ онъ Ѳедору Васильевичу, подавая ему свѣжій, пахучій еще номеръ.

Въ черномъ ободкѣ было напечатано: «Прасковья Ѳедоровна Головина съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ родныхъ и знакомыхъ о кончинѣ возлюбленнаго супруга своего, члена судебной палаты, Ивана Ильича Головина, послѣдовавшей 4 февраля сего 1882 года. Выносъ тѣла въ пятницу, въ 1 часъ пополудни».

Иванъ Ильичъ былъ сотоварищъ собравшихся господъ, и всѣ любили его. Онъ болѣлъ уже нѣсколько недѣль; говорили, что болѣзнь его неизлѣчима. Мѣсто оставалось за нимъ, но было соображеніе о томъ, что въ случаѣ его смерти Алексѣевъ можетъ быть назначенъ на его мѣсто, на мѣсто же Алексѣева — или Винниковъ, или Штабель. Такъ что, услыхавъ о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждаго изъ господъ, собравшихся въ кабинетѣ, была о томъ, какое значеніе можетъ имѣть эта смерть на перемѣщенія или повышенія самихъ членовъ или ихъ знакомыхъ.

«Теперь навѣрное получу мѣсто Штабеля или Винникова,— подумалъ Ѳедоръ Васильевичъ.—Мнѣ это и давно обѣщано, а

это повышеніе составляетъ для меня 800 руб. прибавки, кромѣ канцеляріи».

«Надо будетъ попросить теперь о переводѣ шурина изъ Калуги, — подумалъ Петръ Ивановичъ. — Жена будетъ очень рада. Теперь ужъ нельзя будетъ говорить, что я никогда ничего не сдѣлалъ для ея родныхъ».

— Я такъ и думалъ, что ему не подняться, — вслухъ сказалъ Петръ Ивановичъ. — Жалко!

— Да что у него собственно было?

— Доктора не могли опредѣлить. То-есть опредѣляли, но различно. Когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ, мнѣ казалось, что онъ поправится.

— А я такъ и не былъ у него съ самыхъ праздниковъ. Все собирался.

— Что, у него было состояніе?

— Кажется, что-то очень небольшое у жены. Но что-то ничтожное.

— Да, надо будетъ поѣхать. Ужасно далеко жили они.

— То-есть отъ васъ далеко. Отъ васъ все далеко.

— Вотъ не можетъ мнѣ простить, что я живу за рѣкой,— улыбаясь на Шебека, сказалъ Петръ Ивановичъ. И заговорили о дальности городскихъ разстояній, и пошли въ засѣданіе.

Кромѣ вызванныхъ этою смертью въ каждомъ соображеній о перемѣщеніяхъ и возможныхъ измѣненіяхъ по службѣ, могущихъ послѣдовать отъ этой смерти, самый фактъ смерти близкаго знакомаго вызвалъ во всѣхъ, узнавши про нее, какъ всегда, чувство радости о томъ, что умеръ онъ, а не я.

«Каково! умеръ, а я вотъ нѣтъ», подумалъ или почувствовалъ каждый. Близкіе же знакомые, такъ называемые друзья Ивана Ильича, при этомъ подумали невольно и о томъ, что теперь имъ надобно исполнить очень скучныя обязанности приличія и поѣхать на панихиду и ко вдовѣ съ визитомъ соболѣзнованія.

Ближе всѣхъ были Өедоръ Васильевичъ и Петръ Ивановичъ.

Петръ Ивановичъ былъ товарищемъ по училищу правовѣдѣнія и считалъ себя обязаннымъ Иваномъ Ильичомъ.

Передавъ за обѣдомъ женѣ извѣстіе о смерти Ивана Ильича и соображенія о возможности перевода шурина въ ихъ округъ, Петръ Ивановичъ, не ложась отдыхать, надѣлъ фракъ и поѣхалъ къ Ивану Ильичу.

У подъѣзда квартиры Ивана Ильича стояла карета и два извозчика. Внизу, въ передней, у вѣшалки прислонена была

къ стѣнѣ глазетовая крышка гроба съ кисточками и начищеннымъ порошкомъ галуномъ. Двѣ дамы въ черномъ снимали шубки. Одна сестра Ивана Ильича, знакомая, другая незнакомая дама. Товарищъ Петра Ивановича, Шварцъ, сходилъ сверху и, съ верхней ступени увидавъ входившаго, остановился и подмигнулъ ему, какъ бы говоря: «глупо распорядился Иванъ Ильичъ; то ли дѣло мы съ вами».

Лицо Шварца съ англійскими бакенбардами и вся худая фигура во фракѣ имѣла, какъ всегда, изящную торжественность, и эта торжественность, всегда противорѣчащая характеру игривости Шварца, здѣсь имѣла особенную соль. Такъ подумалъ Петръ Ивановичъ.

Петръ Ивановичъ пропустилъ впередъ себя дамъ и медленно пошелъ за ними на лѣстницу. Шварцъ не сталъ сходить, а остановился наверху. Петръ Ивановичъ понялъ зачѣмъ; онъ очевидно хотѣлъ сговориться, гдѣ повинтить нынче. Дамы прошли на лѣстницу къ вдовѣ, а Шварцъ, съ серьезно сложенными, крѣпкими губами и игривымъ взглядомъ, движеніемъ бровей показалъ Петру Ивановичу направо, въ комнату мертвеца.

Петръ Ивановичъ вошелъ, какъ всегда это бываетъ, съ недоумѣніемъ о томъ, что̀ ему тамъ надо будетъ дѣлать. Одно онъ зналъ: что креститься въ этихъ случаяхъ никогда не мѣшаетъ. Насчетъ того, что нужно ли при этомъ и кланяться, онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ и потому выбралъ среднее: войдя въ комнату, онъ сталъ креститься и немножко какъ будто кланяться. Насколько ему позволяли движенія рукъ и головы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оглядывалъ комнату. Два молодыхъ человѣка, одинъ гимназистъ, кажется, племянники, крестясь, выходили изъ комнаты. Старушка стояла неподвижно. И дама съ странно поднятыми бровями что-то ей говорила шопотомъ. Дьячокъ въ сюртукѣ, бодрый, рѣшительный, читалъ что-то громко съ выраженіемъ, исключающимъ всякое противорѣчіе; буфетный мужикъ Герасимъ, пройдя передъ Петромъ Ивановичемъ легкими шагами, что-то посыпалъ по полу. Увидавъ это, Петръ Ивановичъ тотчасъ же почунствовалъ легкій запахъ разлагающагося трупа. Въ послѣднее свое посѣщеніе Ивана Ильича Петръ Ивановичъ видѣлъ этого мужика въ кабинетѣ; онъ исполнялъ должность сидѣлки, и Иванъ Ильичъ особенно любилъ его. Петръ Ивановичъ все крестился и слегка кланялся по срединному направленію между гробомъ, дьячкомъ и образами на столѣ въ углу. Потомъ, когда это движеніе крещенія рукой показалось ему уже слишкомъ продолжительно, онъ пріостановился и сталъ разглядывать мертвеца.

Мертвецъ лежалъ, какъ всегда лежатъ мертвецы, особенно тяжело, по-мертвецки, утонувши окоченѣвшими членами въ подстилкѣ гроба, съ навсегда согнувшеюся головой на подушкѣ. и выставлялъ. какъ всегда выставляютъ мертвецы, свой желтый восковой лобъ со взлизами на ввалившихся вискахъ и торчащій носъ, какъ бы надавившій на верхнюю губу. Онъ очень перемѣнился, еще похудѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Ивановичъ не видалъ его, но, какъ у всѣхъ мертвецовъ, лицо его было красивѣе, главное—значительнѣе, чѣмъ оно было у живого. На лицѣ было выраженіе того, что то, что нужно было сдѣлать, сдѣлано и сдѣлано правильно. Кромѣ того, въ этомъ выраженіи былъ еще упрекъ или напоминаніе живымъ. Напоминаніе это показалось Петру Ивановичу неумѣстнымъ или по крайней мѣрѣ до него не касающимся. Что-то ему стало непріятно, и потому Петръ Ивановичъ еще разъ поспѣшно перекрестился и, какъ ему показалось, слишкомъ поспѣшно, несообразно съ приличіями, повернулся и пошелъ къ двери. Шварцъ ждалъ его въ проходной комнатѣ, разставивъ широко ноги и играя обѣими руками за спиной своимъ цилиндромъ. Одинъ взглядъ на игривую, чистоплотную и элегантную фигуру Шварца освѣжилъ Петра Ивановича. Петръ Ивановичъ понялъ, что онъ, Шварцъ, стоитъ выше этого и не поддается удручающимъ впечатлѣніямъ. Одинъ видъ его говорилъ: инцидентъ панихиды Ивана Ильича никакъ не можетъ служить достаточнымъ поводомъ для признанія порядка засѣданія нарушеннымъ, т.-е. что ничто не можетъ помѣшать нынче же вечеромъ щелкануть, распечатывая ее, колодой картъ, въ то время какъ лакей будетъ разставлять четыре необожженныя свѣчи; вообще нѣтъ основанія предполагать, чтобы инцидентъ этотъ могъ помѣшать намъ провести пріятно и сегодняшній вечеръ. Онъ и сказалъ это шопотомъ проходившему Петру Ивановичу, предлагая соединиться на партію у Өедора Васильевича. Но видно Петру Ивановичу была не судьба винтить нынче вечеромъ. Прасковья Өедоровна, невысокая, жирная женщина, несмотря на всѣ старанія устроить противное, все-таки расширившаяся отъ плечъ книзу, вся въ черномъ, съ покрытою крепомъ головой и съ такими же странно поднятыми бровями, какъ и та дама, стоявшая противъ гроба, вышла изъ своихъ покоевъ съ другими дамами и, проводивъ ихъ въ дверь мертвеца, сказала: «Сейчасъ будетъ панихида; пройдите».

Шварцъ, неопредѣленно поклонившись, остановился, очевидно не принимая и не отклоняя этого предложенія. Прасковья Өедоровна, узнавъ Петра Ивановича, вздохнула, подошла къ нему

вплоть, взяла его за руку и сказала: «Я знаю, что вы были истиннымъ другомъ Ивана Ильича...», и посмотрѣла на него, ожидая отъ него соотвѣтствующихъ этимъ словамъ дѣйствій. Петръ Ивановичъ зналъ, что какъ тамъ надо было креститься, такъ здѣсь надо было пожать руку, вздохнуть и сказать: «повѣрьте!» И онъ такъ и сдѣлалъ. И, сдѣлавъ это, почувствовалъ, что результатъ получился желаемый: что онъ тронутъ и она тронута.

— Пойдемте, пока тамъ не началось; мнѣ надо поговорить съ вами, — сказала вдова. — Дайте мнѣ руку.

Петръ Ивановичъ подалъ руку, и они направились во внутреннія комнаты, мимо Шварца, который печально подмигнулъ Петру Ивановичу.

«Вотъ-те и винтъ! Ужъ не взыщите, другого партнера возьмемъ. Нешто впятеромъ, когда отдѣлаетесь», сказалъ его игривый взглядъ.

Петръ Ивановичъ вздохнулъ еще глубже и печальнѣе, и Прасковья Өедоровна благодарно пожала ему руку. Войдя въ ея обитую розовымъ кретономъ гостиную съ пасмурною лампой, они сѣли у стола: она на диванъ, а Петръ Ивановичъ на разстроившійся пружинами и неправильно подававшійся подъ его сидѣньемъ низенькій пуфъ. Прасковья Өедоровна хотѣла предупредить его, чтобъ онъ сѣлъ на другой стулъ, но нашла это предупрежденіе несоотвѣтствующимъ своему положенію и раздумала. Садясь на этотъ пуфъ, Петръ Ивановичъ вспомнилъ, какъ Иванъ Ильичъ устраивалъ эту гостиную и совѣтовался съ нимъ объ этомъ самомъ розовомъ съ зелеными листьями кретонѣ. Садясь на диванъ и проходя мимо стола (вообще вся гостиная была полна вещицъ и мебели), вдова зацѣпилась чернымъ крепомъ черной мантильи за рѣзьбу стола. Петръ Ивановичъ приподнялся, чтобы отцѣпить, и освобожденный подъ нимъ пуфъ сталъ волноваться и подталкивать его. Вдова сама стала отцѣплять свой крепъ, и Петръ Ивановичъ опять сѣлъ, придавивъ бунтовавшійся подъ нимъ пуфъ. Но вдова не все отцѣпила, и Петръ Ивановичъ опять поднялся, и опять пуфъ забунтовалъ и даже щелкнулъ. Когда все это кончилось, она вынула чистый батистовый платокъ и стала плакать. Петра же Ивановича охладилъ эпизодъ съ крепомъ и борьба съ пуфомъ, и онъ сидѣлъ насупившись. Неловкое это положеніе прервалъ Соколовъ, буфетчикъ Ивана Ильича, съ докладомъ о томъ, что мѣсто на кладбищѣ, то, которое назначила Прасковья Өедоровна, будетъ стоить 200 руб. Она перестала плакать и, съ видомъ жертвы взглянувъ на Петра Ивановича, сказала по-француз-

ски, что ей очень тяжело. Петръ Ивановичъ сдѣлалъ молчаливый знакъ, выражавшій несомнѣнную увѣренность въ томъ, что это не можетъ быть иначе.

— Курите, пожалуйста,—сказала она великодушнымъ и вмѣстѣ убитымъ голосомъ и занялась съ Соколовымъ вопросомъ о цѣнѣ мѣста.

Петръ Ивановичъ, закуривая, слышалъ, что она очень обстоятельно разспросила о разныхъ цѣнахъ земли и опредѣлила ту, которую слѣдуетъ взять. Кромѣ того, окончивъ о мѣстѣ, она распорядилась и о пѣвчихъ. Соколовъ ушелъ.

— Я все сама дѣлаю,—сказала она Петру Ивановичу, отодвигая къ одной сторонѣ альбомы, лежавшіе на столѣ; и, замѣтивъ, что пепелъ угрожалъ столу, не мѣшкая подвинула Петру Ивановичу пепельницу и проговорила:—Я нахожу притворствомъ увѣрять, что я не могу отъ горя заниматься практическими дѣлами. Меня, напротивъ, если можетъ что̀ не утѣшить... а развлечь, то это заботы о немъ же, — она опять достала платокъ, какъ бы собираясь плакать, и вдругъ, какъ бы пересиливая себя, встряхнулась и стала говорить спокойно.

— Однако у меня дѣло есть къ вамъ.

Петръ Ивановичъ поклонился, не давая расходиться пружинамъ пуфа, тотчасъ же зашевелившимся подъ нимъ.

— Въ послѣдніе дни онъ ужасно страдалъ.

— Очень страдалъ? — спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Ахъ, ужасно! Послѣдніе не минуты, а часы онъ не переставая кричалъ. Трое сутокъ сряду онъ не переводя голоса кричалъ. Это было невыносимо. Я не могу понять, какъ я вынесла это; за тремя дверьми слышно было. Ахъ, что я вынесла!

— И неужели онъ былъ въ памяти?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Да,—прошептала она, — до послѣдней минуты. Онъ простился съ нами за $^1/_4$ часа до смерти и еще просилъ увести Володю.

Мысль о страданіи человѣка, котораго онъ зналъ такъ близко, сначала веселымъ мальчикомъ, школьникомъ, потомъ взрослымъ партнеромъ, несмотря на непріятное сознаніе притворства своего и этой женщины, вдругъ ужаснула Петра Ивановича. Онъ увидалъ опять этотъ лобъ, нажимавшій на губу носъ, и ему стало страшно за себя.

«Трое сутокъ ужасныхъ страданій и смерть. Вѣдь это сейчасъ, всякую минуту можетъ наступить и для меня», подумалъ онъ, и ему стало на мгновенье страшно. Но тотчасъ же, онъ

самъ не зналъ какъ, ему на помощь пришла обычная мысль, что это случилось съ Иваномъ Ильичомъ, а не съ нимъ, и что съ нимъ этого случиться не должно и не можетъ: что, думая такъ, онъ поддается мрачному настроенію, чего не слѣдуетъ дѣлать, какъ это очевидно было по лицу Шварца. И, сдѣлавъ это разсужденіе, Петръ Ивановичъ успокоился и съ интересомъ сталъ разспрашивать подробности о кончинѣ Ивана Ильича, какъ будто смерть была такое приключеніе, которое свойственно только Ивану Ильичу, но совсѣмъ не свойственно ему.

Послѣ разныхъ разговоровъ о подробностяхъ дѣйствительно ужасныхъ физическихъ страданій, перенесенныхъ Иваномъ Ильичомъ (подробности эти узнавалъ Петръ Ивановичъ только по тому, какъ мученія Ивана Ильича, дѣйствовали на нервы Прасковьи Ѳедоровны), вдова, очевидно, нашла нужнымъ перейти къ дѣлу.

— Ахъ, Петръ Ивановичъ, какъ тяжело, какъ ужасно тяжело, какъ ужасно тяжело! — и она опять заплакала.

Петръ Ивановичъ вздыхалъ и ждалъ, когда она высморкается. Когда она высморкалась, онъ сказалъ: «Повѣрьте...», и опять она разговорилась и высказала то, что было, очевидно, ея главнымъ дѣломъ къ нему; дѣло это состояло въ вопросахъ о томъ, какъ бы по случаю смерти мужа достать денегъ отъ казны. Она сдѣлала видъ, что спрашиваетъ у Петра Ивановича совѣта о пенсіонѣ; но онъ видѣлъ, что она уже знаетъ до мельчайшихъ подробностей и то, чего онъ не зналъ: все то, что можно вытянуть отъ казны по случаю этой смерти; но что ей хотѣлось узнать, нельзя ли какъ-нибудь вытянуть еще побольше денегъ. Петръ Ивановичъ постарался выдумать такое средство, но, подумавъ, нѣсколько и изъ приличія побранивъ наше правительство за его скаредность, сказалъ, что, кажется, больше нельзя. Тогда она вздохнула и, очевидно, стала придумывать средство избавиться отъ своего посѣтителя. Онъ понялъ это, затушилъ папироску, всталъ, пожалъ руку и пошелъ въ переднюю.

Въ столовой съ часами, которымъ Иванъ Ильичъ такъ радъ былъ, что купилъ въ брикабракѣ, Петръ Ивановичъ встрѣтилъ священника и еще нѣсколько знакомыхъ, пріѣхавшихъ на панихиду, и увидалъ знакомую ему красивую барышню, дочь Ивана Ильича. Она была вся въ черномъ. Талія ея, очень тонкая, казалась еще тоньше. Она имѣла мрачный, рѣшительный, почти гнѣвный видъ. Она поклонилась Петру Ивановичу, какъ будто онъ былъ въ чемъ-то виноватъ. За дочерью стоялъ съ такимъ же обиженнымъ видомъ знакомый Петру Ивановичу

богатый молодой человѣкъ, судебный слѣдователь, ея женихъ, какъ онъ слышалъ. Онъ уныло поклонился имъ и хотѣлъ пройти въ комнату мертвеца, когда изъ-подъ лѣстницы показалась фигурка гимназистика сына, ужасно похожаго на Ивана Ильича. Это былъ маленькій Иванъ Ильичъ, какимъ Петръ Ивановичъ помнилъ его въ правовѣдѣніи. Глаза у него были заплаканные и такіе, какіе бываютъ у нечистыхъ мальчиковъ въ 13 — 14 лѣтъ. Мальчикъ, увидавъ Петра Ивановича, сталъ сурово и стыдливо морщиться. Петръ Ивановичъ кивнулъ ему головой и вошелъ въ комнату мертвеца. Началась панихида, — свѣчи, стоны, ладанъ, слезы, всхлипыванья. Петръ Ивановичъ стоялъ нахмурившись, глядя на ноги передъ собой. Онъ не взглянулъ ни разу на мертвеца и до конца не поддался разслабляющимъ вліяніямъ и одинъ изъ первыхъ вышелъ. Въ передней никого не было. Герасимъ, буфетный мужикъ, выскочилъ изъ комнаты покойника, перешвырялъ своими сильными руками всѣ шубы, чтобы найти шубу Петра Ивановича, и подалъ ее.

— Что, братъ, Герасимъ? — сказалъ Петръ Ивановичъ, чтобы сказать что-нибудь. — Жалко?

— Божья воля. Всѣ тамъ же будемъ, — сказалъ Герасимъ, оскаливая свои бѣлые, сплошные мужицкіе зубы, и, какъ человѣкъ въ разгарѣ усиленной работы, живо отворилъ дверь, кликнулъ кучера, подсадилъ Петра Ивановича и прыгнулъ назадъ къ крыльцу, какъ будто придумывая, что̀ бы ему еще сдѣлать.

Петру Ивановичу особенно пріятно было дохнуть чистымъ воздухомъ послѣ запаха ладана, трупа и карболовой кислоты.

— Куда прикажете? — спросилъ кучеръ.

— Не поздно. Заѣду еще къ Ѳедору Васильевичу.

И Петръ Ивановичъ поѣхалъ. И дѣйствительно засталъ ихъ при концѣ 1-го робера, такъ что ему удобно было вступить пятымъ.

II.

Прошедшая исторія жизни Ивана Ильича была самая простая и обыкновенная и самая ужасная.

Иванъ Ильичъ умеръ 45-ти лѣтъ, членомъ судебной палаты. Онъ былъ сынъ чиновника, сдѣлавшаго въ Петербургѣ по разнымъ министерствамъ и департаментамъ ту карьеру, которая доводитъ людей до того положенія, въ которомъ хотя и ясно оказывается, что исполнять какую-нибудь существенную должность они не годятся, они все-таки по своей долгой прошедшей

службѣ и своимъ чинамъ не могутъ быть выгнаны и потому получаютъ выдуманныя фиктивныя мѣста и не фиктивныя тысячи — отъ 6-ти до 10-ти, съ которыми они и доживаютъ до глубокой старости.

Таковъ былъ тайный совѣтникъ, ненужный членъ разныхъ ненужныхъ учрежденій, Илья Ефимовичъ Головинъ.

У него было три сына. Иванъ Ильичъ былъ второй сынъ. Старшій дѣлалъ такую же карьеру, какъ и отецъ, только по другому министерству, и ужъ близко подходилъ къ тому служебному возрасту, при которомъ получается эта инерція жалованья. Третій сынъ былъ неудачникъ. Онъ въ разныхъ мѣстахъ вездѣ напортилъ себѣ и теперь служилъ по желѣзнымъ дорогамъ; и его отецъ, и братья, и особенно ихъ жены не только не любили встрѣчаться съ нимъ, но безъ крайней необходимости и не вспоминали о его существованіи. Сестра была за барономъ Грефомъ, такимъ же петербургскимъ чиновникомъ, какъ и его тесть. Иванъ Ильичъ былъ le phenix de la famille, какъ говорили. Онъ былъ не такой холодный и аккуратный, какъ старшій, и не такой отчаянный, какъ меньшой. Онъ былъ середина между ними — умный, живой, пріятный и приличный человѣкъ. Воспитывался онъ вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ въ правовѣдѣніи. Меньшой не кончилъ и былъ выгнанъ изъ 5-го класса, Иванъ же Ильичъ хорошо кончилъ курсъ. Въ правовѣдѣніи уже онъ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ впослѣдствіи всю свою жизнь: человѣкомъ способнымъ, весело-добродушнымъ и общительнымъ, но строго исполняющимъ то, что онъ считалъ своимъ долгомъ; долгомъ же онъ своимъ считалъ все то, что считалось таковымъ наивыше поставленными людьми. Онъ не былъ заискивающимъ ни мальчикомъ, ни потомъ взрослымъ человѣкомъ, но у него съ самыхъ молодыхъ лѣтъ было то, что онъ, какъ муха къ свѣту, тянулся къ наивыше поставленнымъ въ свѣтѣ людямъ, усвоивалъ себѣ ихъ пріемы, ихъ взгляды на жизнь и съ ними устанавливалъ дружескія отношенія. Всѣ увлеченія дѣтства и молодости прошли для него, не оставивъ большихъ слѣдовъ; онъ отдавался и чувственности и тщеславію, и подъ конецъ въ высшихъ классахъ — либеральности, но все же въ извѣстныхъ предѣлахъ, которые вѣрно указывало ему его чувство.

Были въ правовѣдѣніи совершены имъ поступки, которые прежде представлялись ему большими гадостями и внушали ему отвращеніе къ самому себѣ въ то время, какъ онъ совершалъ ихъ; но впослѣдствіи, увидавъ, что поступки эти были совершаемы и высокостоящими людьми и не считались ими дурными,

онъ не то что призналъ ихъ хорошими, но совершенно забылъ ихъ и нисколько не огорчался воспоминаніями о нихъ.

Выйдя изъ правовѣдѣнія десятымъ классомъ и получивъ отъ отца деньги на обмундировку, Иванъ Ильичъ заказалъ себѣ платье у Шармера, повѣсилъ на брелоки медальку съ надписью: respice finem, простился съ принцемъ и воспитателемъ, пообѣдалъ съ товарищами у Донона и съ новыми модными чемоданомъ, бѣльемъ, платьемъ, бритвенными и туалетными принадлежностями и пледомъ, заказанными и купленными въ самыхъ лучшихъ магазинахъ, уѣхалъ въ провинцію на мѣсто чиновника особыхъ порученій губернатора, которое доставилъ ему отецъ.

Въ провинціи Иванъ Ильичъ сразу устроилъ себѣ такое же легкое и пріятное положеніе, каково было его положеніе въ правовѣдѣніи. Онъ служилъ, дѣлалъ карьеру и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно и прилично веселился; изрѣдка онъ ѣздилъ по порученію начальства въ уѣзды, держалъ себя съ достоинствомъ и съ высшими и съ низшими и съ точностью и неподкупною честностью, которой не могъ не гордиться, исполнялъ возложенныя на него порученія, преимущественно по дѣламъ раскольниковъ.

Въ служебныхъ дѣлахъ онъ былъ, несмотря на свою молодость и склонность къ легкому веселью, чрезвычайно сдержанъ, офиціаленъ и даже строгъ; но въ общественныхъ онъ былъ часто игривъ и остроуменъ и всегда добродушенъ, приличенъ и bon enfant, какъ говорили про него его начальникъ и начальница, у которыхъ онъ былъ домашнимъ человѣкомъ.

Была въ провинціи и связь съ одной изъ дамъ, навязавшейся щеголеватому правовѣду; была и модистка; были и попойки съ пріѣзжими флигель-адъютантами, и поѣздки въ дальнюю улицу послѣ ужина; было и подслуживаніе начальнику и даже женѣ начальника, но все это носило на себѣ такой высокій тонъ порядочности, что все это не могло быть называемо дурными словами: все это подходило только подъ рубрику французскаго изреченія: il faut que jeunesse se passe. Все происходило съ чистыми руками, въ чистыхъ рубашкахъ, съ французскими словами и, главное, въ самомъ высшемъ обществѣ, слѣдовательно, съ одобреніемъ высоко стоящихъ людей.

Такъ прослужилъ Иванъ Ильичъ пять лѣтъ, и наступила перемѣна по службѣ. Явились новыя судебныя учрежденія; нужны были новые люди.

И Иванъ Ильичъ сталъ этимъ новымъ человѣкомъ.

Ивану Ильичу предложено было мѣсто судебнаго слѣдователя, и Иванъ Ильичъ принялъ его, несмотря на то, что мѣсто

это было въ другой губерніи и ему надо было бросить установившіяся отношенія и устанавливать новыя. Ивана Ильича проводили друзья, сдѣлали группу, поднесли ему серебряную папиросочницу, и онъ уѣхалъ на новое мѣсто.

Судебнымъ слѣдователемъ Иванъ Ильичъ былъ такимъ же comme il faut'нымъ, приличнымъ, умѣющимъ отдѣлять служебныя обязанности отъ частной жизни и внушающимъ общее уваженіе, какимъ онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій. Самая же служба слѣдователя представляла для Ивана Ильича гораздо болѣе интереса и привлекательности, чѣмъ прежняя. Въ прежней службѣ пріятно было свободной походкой въ шармеровскомъ вицмундирѣ пройти мимо трепещущихъ и ожидающихъ пріема просителей и должностныхъ лицъ, завидующихъ ему, прямо въ кабинетъ начальника и сѣсть съ нимъ за чай съ папиросой; но людей, прямо зависящихъ отъ его произвола, было мало. Такіе люди были только исправники и раскольники, когда его посылали съ порученіями; и онъ любилъ учтиво, почти потоварищески обходиться съ такими, зависящими отъ него, людьми, любилъ давать чувствовать, что вотъ онъ, могущій раздавить, дружески, просто обходится съ ними. Такихъ людей тогда было мало. Теперь же, судебнымъ слѣдователемъ, Иванъ Ильичъ чувствовалъ, что всѣ, всѣ безъ исключенія, самые важные, самодовольные люди, всѣ у него въ рукахъ и что ему стóитъ только написать извѣстныя слова на бумагѣ съ заголовкомъ, и этого важнаго, самодовольнаго человѣка приведутъ къ нему въ качествѣ обвиняемаго или свидѣтеля, и онъ будетъ, если онъ не захочетъ посадить его, стоять передъ нимъ и отвѣчать на его вопросы. Иванъ Ильичъ никогда не злоупотреблялъ этою своею властью, напротивъ, старался смягчать выраженія ея; но сознаніе этой власти и возможность смягчать ее составляли для него главный интересъ и привлекательность его новой службы. Въ самой же службѣ, именно въ слѣдствіяхъ, Иванъ Ильичъ очень быстро усвоилъ пріемъ отстраненія отъ себя всѣхъ обстоятельствъ, не касающихся службы, и облеченія всякаго самаго сложнаго дѣла въ такую форму, при которой бы дѣло только внѣшнимъ образомъ отражалось на бумагѣ и при которой исключалось совершенно его личное воззрѣніе и, главное, соблюдалась бы вся требуемая формальность. Дѣло это было новое. И онъ былъ одинъ изъ первыхъ людей, выработавшихъ на практикѣ приложеніе уставовъ 1864 года.

Перейдя въ новый городъ на мѣсто судебнаго слѣдователя, Иванъ Ильичъ сдѣлалъ новыя знакомства, связи, по-новому поставилъ себя и принялъ нѣсколько иной тонъ. Онъ поста-

вилъ себя въ нѣкоторомъ достойномъ отдаленіи отъ губернскихъ властей, а избралъ лучшій кругъ изъ судейскихъ и богатыхъ дворянъ, жившихъ въ городѣ, и принялъ тонъ легкаго недовольства правительствомъ, умѣренной либеральности и цивилизованной гражданственности. При этомъ, нисколько не измѣнивъ элегантности своего туалета, Иванъ Ильичъ въ новой должности перересталъ пробривать подбородокъ и далъ свободу бородѣ расти, гдѣ она хочетъ.

Жизнь Ивана Ильича и въ новомъ городѣ сложилась очень пріятно: фрондирующее противъ губернатора общество было дружное и хорошее; жалованья было больше, и немалую пріятность въ жизни прибавилъ тогда вистъ, въ который сталъ играть Иванъ Ильичъ, имѣвшій способность играть въ карты весело, быстро соображая и очень тонко, такъ что въ общемъ онъ всегда былъ въ выигрышѣ.

Послѣ двухъ лѣтъ службы въ новомъ городѣ Иванъ Ильичъ встрѣтился со своею будущею женой. Прасковья Θедоровна Михель была самая привлекательная, умная, блестящая дѣвушка того кружка, въ которомъ вращался Иванъ Ильичъ. Въ числѣ другихъ забавъ и отдохновеній отъ трудовъ слѣдователя Иванъ Ильичъ установилъ игривыя, легкія отношенія съ Прасковьей Θедоровной.

Иванъ Ильичъ, будучи чиновникомъ особыхъ порученій, вообще танцовалъ; судебнымъ же слѣдователемъ онъ уже танцовалъ какъ исключеніе. Онъ танцовалъ уже въ томъ смыслѣ, что хоть и по новымъ учрежденіямъ, и въ пятомъ классѣ, но если дѣло коснется танцевъ, то могу доказать, что въ этомъ родѣ я могу лучше другихъ. Такъ, онъ изрѣдка въ концѣ вечера танцовалъ съ Прасковьей Θедоровной и преимущественно во время этихъ танцевъ и побѣдилъ Прасковью Θедоровну. Она влюбилась въ него. Иванъ Ильичъ не имѣлъ яснаго, опредѣленнаго намѣренія жениться, но когда дѣвушка влюбилась въ него, онъ задалъ себѣ этотъ вопросъ. «Въ самомъ дѣлѣ, отчего же и не жениться», сказалъ онъ себѣ.

Дѣвица Прасковья Θедоровна была хорошаго дворянскаго рода. недурна; было маленькое состояньице. Иванъ Ильичъ могъ разсчитывать на болѣе блестящую партію, но и эта была партія хорошая. У Ивана Ильича было его жалованье, у нея, онъ надѣялся, будетъ столько же. Хорошее родство; она — милая, хорошенькая и вполнѣ порядочная женщина. Сказать, что Иванъ Ильичъ женился потому, что онъ полюбилъ свою невѣсту и нашелъ въ ней сочувствіе своимъ взглядамъ на жизнь, было бы такъ же несправедливо, какъ и сказать то. что онъ

женился потому, что люди его общества одобряли эту партію. Иванъ Ильичъ женился по обоимъ соображеніямъ: онъ дѣлалъ пріятное для себя, пріобрѣтая такую жену, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ то, что̀ наивыше поставленные люди считали правильнымъ.

И Иванъ Ильичъ женился.

Самый процессъ женитьбы и первое время брачной жизни, съ супружескими ласками, новою мебелью, новою посудой, новымъ бѣльемъ, до беременности жены прошло очень хорошо, такъ что Иванъ Ильичъ начиналъ уже думать, что женитьба не только не нарушитъ того характера жизни легкой, пріятной, веселой и всегда приличной и одобряемой обществомъ, который Иванъ Ильичъ считалъ свойственнымъ жизни вообще, но еще усугубитъ его. Но тутъ, съ первыхъ мѣсяцевъ беременности жены, явилось что-то такое новое, неожиданное, непріятное, тяжелое и неприличное, чего нельзя было ожидать и отъ чего никакъ нельзя было отдѣлаться

Жена безъ всякихъ поводовъ, какъ казалось Ивану Ильичу, de gaité de coeur, какъ онъ говорилъ себѣ, начала нарушать пріятность и приличіе жизни: она безъ всякой причины ревновала его, требовала отъ него ухаживанія за собой, придиралась ко всему и дѣлала ему непріятныя и грубыя сцены.

Сначала Иванъ Ильичъ надѣялся освободиться отъ непріятности этого положенія тѣмъ самымъ легкимъ и приличнымъ отношеніемъ къ жизни, которое выручало его прежде—онъ пробовалъ игнорировать расположеніе духа жены, продолжалъ жить попрежнему легко и пріятно: приглашалъ къ себѣ друзей составлять партію, пробовалъ самъ уѣзжать въ клубъ или къ пріятелямъ. Но жена одинъ разъ съ такою энергіей начала грубыми словами ругать его и такъ упорно продолжала ругать его всякій разъ, когда онъ не исполнялъ ея требованій, очевидно твердо рѣшившись не переставать до тѣхъ поръ, пока онъ не покорится, т.-е. не будетъ сидѣть дома и не будетъ такъ же, какъ и она, тосковать, что Иванъ Ильичъ ужаснулся. Онъ понялъ, что супружеская жизнь — по крайней мѣрѣ съ его женой — не содѣйствуетъ всегда пріятностямъ и приличію жизни, а, напротивъ, часто нарушаетъ ихъ, и что поэтому необходимо оградить себя отъ этихъ нарушеній. И Иванъ Ильичъ сталъ отыскивать средства для этого. Служба было одно, что импонировало Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, и Иванъ Ильичъ посредствомъ службы и вытекающихъ изъ нея обязанностей сталъ бороться съ женой, выгораживая свой независимый міръ.

Съ рожденіемъ ребенка, попытками кормленія и различными неудачами при этомъ, съ болѣзнями дѣйствительными и вообра-

жаемыми ребенка и матери, въ которыхъ отъ Ивана Ильича требовалось участіе, но въ которыхъ онъ ничего не могъ понять, потребность для Ивана Ильича выгородить себѣ міръ внѣ семьи стала еще болѣе настоятельна.

По мѣрѣ того, какъ жена становилась раздражительнѣе и требовательнѣе, и Иванъ Ильичъ все болѣе и болѣе переносилъ центръ тяжести своей жизни въ службу. Онъ сталъ болѣе любить службу и сталъ болѣе честолюбивъ, чѣмъ онъ былъ прежде.

Очень скоро, не далѣе какъ черезъ годъ послѣ женитьбы, Иванъ Ильичъ понялъ, что супружеская жизнь, представляя нѣкоторыя удобства въ жизни, въ сущности есть очень сложное и тяжелое дѣло, по отношенію котораго, для того, чтобы исполнять свой долгъ, т.-е. вести приличную, одобряемую обществомъ жизнь, нужно выработать опредѣленное отношеніе, какъ и къ службѣ.

И такое отношеніе къ супружеской жизни выработалъ себѣ Иванъ Ильичъ. Онъ требовалъ отъ семейной жизни только тѣхъ удобствъ домашняго обѣда, хозяйки, постели, которыя она могла дать ему, и, главное, того приличія внѣшнихъ формъ, которыя опредѣлялись общественнымъ мнѣніемъ. Въ остальномъ же онъ искалъ веселой пріятности и приличія и, если находилъ ихъ, былъ очень благодаренъ; если же встрѣчалъ отпоръ и ворчливость, то тотчасъ же уходилъ въ свой отдѣльный, выгороженный имъ міръ службы и въ немъ находилъ пріятность.

Ивана Ильича цѣнили, какъ хорошаго служаку, и черезъ три года сдѣлали товарищемъ прокурора. Новыя обязанности, важность ихъ, возможность привлечь къ суду и посадить всякаго въ острогъ, публичность рѣчей, успѣхъ который въ этомъ дѣлѣ имѣлъ Иванъ Ильичъ, — все это еще болѣе привлекало его къ службѣ.

Пошли дѣти. Жена становилась все ворчливѣе и сердитѣе, но выработанныя Ивіаномъ Ильичомъ отношенія къ домашней жизни дѣлали его почти непроницаемымъ для ея ворчливости.

Послѣ семи лѣтъ службы въ одномъ городѣ Ивана Ильича перевели на мѣсто прокурора въ другую губернію. Они переѣхали, денегъ было мало, и женѣ не понравилось то мѣсто, куда они переѣхали. Жалованье было хоть и больше прежняго, но жизнь была дороже; кромѣ того, умерло двое дѣтей, и потому семейная жизнь стала еще непріятнѣе для Ивана Ильича.

Прасковья Ѳедоровна во всѣхъ случавшихся невзгодахъ въ этомъ новомъ мѣстѣ жительства упрекала мужа. Большинство предметовъ разговора между мужемъ и женой, особенно воспитаніе дѣтей, наводило на вопросы, по которымъ были воспоми-

нанія ссоръ, и ссоры всякую минуту готовы были разгораться. Оставались только тѣ рѣдкіе періоды влюбленности, которые находили на супруговъ, но продолжались недолго. Это были островки, на которые они приставали на время, но потомъ опять пускались въ море затаенной вражды, выражавшейся въ отчужденіи другъ отъ друга. Отчужденіе это могло бы огорчать Ивана Ильича, если бы онъ считалъ, что это не должно такъ быть, но онъ теперь уже признавалъ это положеніе не только нормальнымъ, но и цѣлью своей дѣятельности въ семьѣ. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы все больше и больше освобождать себя отъ этихъ непріятностей и придать имъ характеръ безвредности и приличія; и онъ достигалъ это тѣмъ, что онъ все меньше и меньше проводилъ время съ семьей, а когда былъ вынужденъ это дѣлать, то старался обезпечивать свое положеніе присутствіемъ постороннихъ лицъ. Главное же то, что у Ивана Ильича была служба. Въ служебномъ мірѣ сосредоточился для него весь интересъ жизни. И интересъ этотъ поглощалъ его. Сознаніе своей власти, возможности погубить всякаго человѣка, котораго онъ захочетъ погубить, важность, даже внѣшняя, при его входѣ въ судъ и встрѣчахъ съ подчиненными, успѣхъ свой предъ высшими и подчиненными и, главное, мастерство свое веденія дѣлъ, которое онъ чувствовалъ, — все это радовало его и вмѣстѣ съ бесѣдами съ товарищами, обѣдами и вистомъ наполняло его жизнь. Такъ что вообще жизнь Ивана Ильича продолжала идти такъ, какъ онъ считалъ, что она должна была идти: пріятно и прилично.

Такъ прожилъ онъ еще семь лѣтъ. Старшей дочери было уже 16 лѣтъ, еще одинъ ребенокъ умеръ и оставался мальчикъ-гимназистъ, предметъ раздора. Иванъ Ильичъ хотѣлъ отдать его въ правовѣдѣніе, а Прасковья Ѳедоровна назло ему отдала въ гимназію. Дочь училась дома и росла хорошо, мальчикъ тоже учился недурно.

III.

Такъ шла жизнь Ивана Ильича въ продолженіе 17 лѣтъ со времени женитьбы. Онъ былъ уже старымъ прокуроромъ, отказавшимся отъ нѣкоторыхъ перемѣщеній, ожидая болѣе желательнаго мѣста, когда неожиданно случилось одно непріятное обстоятельство, совсѣмъ было нарушившее его спокойствіе жизни. Иванъ Ильичъ ждалъ мѣста предсѣдателя въ университетскомъ городѣ, но Гоппе забѣжалъ какъ-то впередъ и получилъ это мѣсто. Иванъ Ильичъ раздражился, сталъ дѣлать упреки и поссорился съ нимъ и съ ближайшимъ начальствомъ; къ

нему стали холодны и въ слѣдующемъ назначеніи его опять обошли.

Это было въ 1880 году. Этотъ годъ былъ самый тяжелый въ жизни Ивана Ильича. Въ этомъ году оказалось, съ одной стороны, что жалованья не хватаетъ на жизнь; съ другой — что всѣ его забыли и что то, что̀ казалось для него по отношенію къ нему величайшею, жесточайшею несправедливостью, другимъ представлялось совсѣмъ обыкновеннымъ дѣломъ. Даже отецъ не считалъ своею обязанностью помогать ему. Онъ почувствовалъ, что всѣ покинули его, считая его положеніе съ 3.500 жалованья самымъ нормальнымъ и даже счастливымъ. Онъ одинъ зналъ, что съ сознаніемъ тѣхъ несправедливостей, которыя были сдѣланы ему, и съ вѣчнымъ пиленіемъ жены, и съ долгами, которые онъ сталъ дѣлать, живя сверхъ средствъ, — онъ одинъ зналъ, что его положеніе далеко ненормально.

Лѣтомъ этого года для облегченія средствъ онъ взялъ отпускъ и поѣхалъ прожить съ женой лѣто въ деревнѣ у брата Прасковья Ѳедоровны.

Въ деревнѣ, безъ службы, Иванъ Ильичъ въ первый разъ почувствовалъ не только скуку, но и тоску невыносимую, и рѣшилъ, что такъ жить нельзя и необходимо принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры.

Проведя безсонную ночь, которую всю Иванъ Ильичъ проходилъ по террасѣ, онъ рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ хлопотать и, чтобы наказать *ихъ*, тѣхъ, которые не умѣли оцѣнить его, перейти въ другое министерство.

На другой день, несмотря на всѣ отговоры жены и шурина, онъ поѣхалъ въ Петербургъ.

Онъ ѣхалъ за однимъ: выпросить мѣсто въ пять тысячъ жалованья. Онъ уже не держался никакого министерства, направленія или рода дѣятельности. Ему нужно было только мѣсто, мѣсто съ пятью тысячами, по администраціи, по банкамъ, по желѣзнымъ дорогамъ, по учрежденіямъ Императрицы Маріи, даже таможнѣ, но непремѣнно пять тысячъ и непремѣнно выйти изъ министерства, гдѣ не умѣли оцѣнить его.

И вотъ эта поѣздка Ивана Ильича увѣнчалась удивительнымъ, неожиданнымъ успѣхомъ. Въ Курскѣ подсѣлъ въ 1-й классъ Ѳ. С. Ильинъ, знакомый, и сообщилъ свѣжую телеграмму, полученную курскимъ губернаторомъ, что въ министерствѣ произойдетъ на-дняхъ переворотъ: на мѣсто Петра Ивановича назначаютъ Ивана Семеновича.

Предполагаемый переворотъ, кромѣ своего значенія для Россіи, имѣлъ особенное значеніе для Ивана Ильича тѣмъ, что онъ,

выдвигая новое лицо, Петра Ивановича, и, очевидно, его друга Захара Ивановича, былъ въ высшей степени благопріятенъ для Ивана Ильича. Захаръ Ивановичъ былъ товарищъ и другъ Ивану Ильичу.

Въ Москвѣ извѣстіе подтвердилось. А пріѣхавъ въ Петербургъ, Иванъ Ильичъ нашелъ Захара Ивановича и получилъ обѣщаніе вѣрнаго мѣста въ своемъ прежнемъ министерствѣ юстиціи.

Черезъ недѣлю онъ телеграфировалъ женѣ:

Захаръ мѣсто Миллера при первомъ докладѣ получаю назначеніе.

Иванъ Ильичъ, благодаря этой перемѣнѣ лицъ, неожиданно получилъ въ своемъ прежнемъ министерствѣ такое назначеніе, въ которомъ онъ сталъ на двѣ степени выше своихъ товарищей: пять тысячъ жалованья и подъемныхъ три тысячи пятьсотъ. Вся досада на прежнихъ враговъ своихъ и на все министерство была забыта, и Иванъ Ильичъ былъ совсѣмъ счастливъ.

Иванъ Ильичъ вернулся въ деревню веселый, довольный, какимъ онъ давно не былъ. Прасковья Ѳедоровна тоже повеселѣла, и между ними заключилось перемиріе. Иванъ Ильичъ разсказывалъ о томъ, какъ его всѣ чествовали въ Петербургѣ, какъ всѣ тѣ, которые были его врагами, были посрамлены и подличали теперь передъ нимъ, какъ ему завидуютъ за его положеніе, въ особенности о томъ, какъ всѣ его сильно любили въ Петербургѣ.

Прасковья Ѳедоровна выслушивала это и дѣлала видъ, что она вѣритъ этому, и не противорѣчила ни въ чемъ, а дѣлала только планы новаго устройства жизни въ томъ городѣ, куда они переѣзжали. И Иванъ Ильичъ съ радостью видѣлъ, что эти планы были его планы, что они сходятся и что опять его запнувшаяся жизнь пріобрѣтаетъ настоящій, свойственный ей характеръ веселой пріятности и приличія.

Иванъ Ильичъ пріѣхалъ на короткое время. 10-го сентября ему надо было принимать должность и, кромѣ того, нужно было время устроиться на новомъ мѣстѣ, перевезти все изъ провинціи, прикупить, приказать еще многое; однимъ словомъ, устроиться такъ, какъ это рѣшено было въ его умѣ, и почти что точно такъ же, какъ это рѣшено было и въ душѣ Прасковьи Ѳедоровны.

И теперь, когда все устроилось такъ удачно и когда они сходились съ женой въ цѣли и, кромѣ того, мало жили вмѣстѣ, они такъ дружно сошлись, какъ не сходились съ первыхъ лѣтъ женатой своей жизни. Иванъ Ильичъ было думалъ увезти семью

тотчасъ же, но настоянія сестры и зятя, вдругъ сдѣлавшихся особенно любезными и родственными къ Ивану Ильичу и его семьѣ, сдѣлали то, что Иванъ Ильичъ уѣхалъ одинъ.

Иванъ Ильичъ уѣхалъ, и веселое расположеніе духа, произведенное удачей и согласіемъ съ женой, одно усиливающее другое, все время не оставляло его. Нашлась квартира прелестная, то самое, о чемъ мечтали мужъ съ женой. Широкія, высокія, въ старомъ стилѣ пріемныя комнаты, удобный грандіозный кабинетъ, комнаты для жены и дочери, классная для сына, — все какъ нарочно придумано для нихъ. Иванъ Ильичъ самъ взялся за устройство, выбиралъ обои, подкупалъ мебель, особенно изъ старья, которому онъ придавалъ особенный комильфотный стиль, обивку, и все росло. росло и приходило къ тому идеалу, который онъ составилъ себѣ. Когда онъ до половины устроился, его устройство превзошло его ожиданіе. Онъ понялъ тотъ комильфотный, изящный и непошлый характеръ, который приметъ все, когда будетъ готово. Засыпая, онъ представлялъ себѣ залу, какой она будетъ. Глядя на гостиную, еще не оконченную, онъ уже видѣлъ каминъ, экранъ, этажерку и эти стульчики, разбросанные, эти блюда и тарелки по стѣнамъ и бронзы, когда они всѣ станутъ по мѣстамъ. Его радовала мысль, какъ онъ поразитъ Пашу и Лизаньку, которыя тоже имѣютъ къ этому вкусъ. Онѣ никакъ не ожидаютъ этого. Въ особенности ему удалось найти и купить дешево старыя вещи, которыя придавали всему особенно благородный характеръ. Онъ въ письмахъ своихъ нарочно представлялъ все хуже, чѣмъ есть, чтобы поразить ихъ. Все это такъ занимало его, что даже новая служба его, любящаго это дѣло, занимала меньше, чѣмъ онъ ожидалъ. Въ засѣданіяхъ у него бывали минуты разсѣянности: онъ задумывался о томъ, какіе карнизы на гардины, прямые или подобранные. Онъ такъ былъ занятъ этимъ, что самъ часто возился, переставлялъ даже мебель и самъ перевѣшивалъ гардины. Разъ онъ влѣзъ на лѣсенку, чтобы показать непонимающему обойщику, какъ онъ хочетъ драпировать, оступился и упалъ, но, какъ сильный и ловкій человѣкъ, удержался, только бокомъ стукнулся о ручку рамы. Ушибъ поболѣлъ, но скоро прошелъ. Иванъ Ильичъ чувствовалъ себя все это время особенно веселымъ и здоровымъ. Онъ писалъ: чувствую, что съ меня соскочило лѣтъ 15. Онъ думалъ кончить въ сентябрѣ, но затянулось до половины октября. Зато было прелестно, — не только онъ говорилъ, но ему говорили всѣ, кто видѣли.

Въ сущности же было то самое, что бываетъ у всѣхъ не совсѣмъ богатыхъ людей, но такихъ, которые хотятъ быть похо-

жими на богатыхъ и потому только похожи другъ на друга: штофы, черное дерево, цвѣты, ковры и бронзы, темное и блестящее, все то, что всѣ извѣстнаго рода люди дѣлаютъ, чтобы быть похожими на всѣхъ людей извѣстнаго рода. И у него было такъ похоже, что нельзя даже было обратить вниманія; но ему все это казалось чѣмъ-то особеннымъ. Когда онъ встрѣтилъ своихъ на станціи желѣзной дороги, привезъ ихъ въ свою освѣщенную готовую квартиру, и лакей въ бѣломъ галстукѣ отперъ дверь въ убранную цвѣтами переднюю, а потомъ они вошли въ гостиную, кабинетъ и ахали отъ удовольствія, онъ былъ очень счастливъ, водилъ ихъ вездѣ, впивалъ въ себя ихъ похвалы и сіялъ отъ удовольствія. Въ этотъ же вечеръ, когда за чаемъ Прасковья Ѳедоровна спросила его, между прочимъ, какъ онъ упалъ, онъ засмѣялся и въ лицахъ представилъ, какъ онъ полетѣлъ испугалъ обойщика.

— Я не даромъ гимнастъ. Другой бы убился, а я чуть ударился вотъ тутъ; когда тронешь — больно, но уже проходитъ; просто синякъ.

И они начали жить въ новомъ помѣщеніи, въ которомъ, какъ всегда, когда хорошенько обжились, недоставало только одной комнаты, и съ новыми средствами, къ которымъ, какъ всегда, только немножко — какихъ-нибудь 500 р. — недоставало, и было очень хорошо. Особенно было хорошо первое время, когда еще не все было устроено и надо было еще устраивать: то купить, то заказать, то переставить, то наладить. Хоть и были нѣкоторыя несогласія между мужемъ и женой, но оба такъ были довольны и такъ много было дѣла, что все кончалось безъ большихъ ссоръ. Когда уже нечего было устраивать, стало немножко скучно и чего-то недоставать, но тутъ уже сдѣлались знакомства, привычки, и жизнь наполнилась.

Иванъ Ильичъ, проведши утро въ судѣ, возвращался къ обѣду, и первое время расположеніе его духа было хорошо, хотя и страдало немного именно отъ помѣщенія. (Всякое пятно на скатерти, на штофѣ, оборванный шнурокъ гардины раздражали его: онъ столько труда положилъ на устройство, что ему больно было всякое разрушеніе.) Но вообще жизнь Ивана Ильича пошла такъ, какъ, по его вѣрѣ, должна была протекать жизнь: легко, пріятно и прилично. Вставалъ онъ въ 9, пилъ кофе, читалъ газету, потомъ надѣвалъ вицмундиръ и ѣхалъ въ судъ. Тамъ уже былъ обмятъ тотъ хомутъ, въ которомъ онъ работалъ; онъ сразу попадалъ въ него. Просители, справки въ канцеляріи, сама канцелярія, засѣданія — публичныя и распоряди-

тельныя. Во всемъ этомъ надо было умѣть исключать все то сѣрое, жизненное, что̀ всегда нарушаетъ правильность теченія служебныхъ дѣлъ: надо не допускать съ людьми никакихъ отношеній помимо служебныхъ, и поводъ къ отношеніямъ долженъ быть только служебный и самыя отношенія только служебныя. Напримѣръ, приходитъ человѣкъ и желаетъ узнать что-нибудь. Иванъ Ильичъ, какъ человѣкъ не должностной, и не можетъ имѣть никакихъ отношеній къ такому человѣку; но если есть отношеніе этого человѣка, какъ къ члену, такое, которое можетъ быть выражено на бумагѣ съ заголовкомъ, — въ предѣлахъ этихъ отношеній Иванъ Ильичъ дѣлаетъ все, все рѣшительно, что можно, и при этомъ соблюдаетъ подобіе человѣческихъ дружелюбныхъ отношеній, т.-е. учтивость. Какъ только кончается отношеніе служебное, такъ кончается всякое другое. Этимъ умѣніемъ отдѣлять служебную сторону, не смѣшивая ея со своею настоящею жизнью, Иванъ Ильичъ владѣлъ въ высшей степени и долгой практикой, и талантомъ выработалъ его до такой степени, что онъ даже, какъ виртуозъ, иногда позволялъ себѣ, какъ бы шутя, смѣшивать человѣческое и служебное отношеніе. Онъ позволялъ это себѣ потому, что чувствовалъ въ себѣ силу всегда, когда ему понадобится, опять выдѣлить одно служебное и откинуть человѣческое. Дѣло это шло у Ивана Ильича не только легко, пріятно и прилично, но даже виртуозно. Въ промежутки онъ курилъ, пилъ чай, бесѣдовалъ немножко о политикѣ, немножко объ общихъ дѣлахъ, немножко о картахъ и больше всего о назначеніяхъ. И усталый, но съ чувствомъ виртуоза, отчетливо отдѣлавшаго свою партію, одну изъ первыхъ скрипокъ въ оркестрѣ, возвращался домой. Дома дочь съ матерью куда-нибудь ѣздили или у нихъ былъ кто-нибудь; сынъ былъ въ гимназіи, готовилъ уроки съ репетиторами и учился исправно тому, чему учатъ въ гимназіи. Все было хорошо. Послѣ обѣда, если не было гостей, Иванъ Ильичъ читалъ иногда книгу, про которую много говорятъ, и вечеромъ садился за дѣло, т.-е. читалъ бумаги, справлялся съ законами, — сличалъ показанія и подводилъ подъ законы. Ему это было ни скучно, ни весело. Скучно было, — тогда можно было играть въ винтъ, но если не было винта, то это было все-таки лучше, чѣмъ сидѣть одному или съ женой. Удовольствія же Ивана Ильича были обѣды маленькіе, на которые онъ звалъ важныхъ по свѣтскому положенію дамъ и мужчинъ, и такое времяпровожденіе съ ними, которое было бы похоже на обыкновенное препровожденіе времени такихъ людей, такъ же какъ гостиная его была похожа на всѣ гостиныя.

Одинъ разъ у нихъ былъ даже вечеръ, танцовали. И Ивану Ильичу было весело, и все было хорошо, только вышла большая ссора съ женою изъ-за тортовъ и конфетъ; у Прасковьи Ѳедоровны былъ свой планъ, а Иванъ Ильичъ настоялъ на томъ, чтобы взять все у дорогого кондитера, и взялъ много тортовъ, и ссора была за то, что торты остались, а счетъ кондитера былъ въ 45 руб. Ссора была большая и непріятная, такъ что Прасковья Ѳедоровна сказала ему: «дуракъ, кисляй». А онъ схватилъ себя за голову и въ сердцахъ что-то упомянулъ о разводѣ. Но самый вечеръ былъ веселый. Было лучшее общество, и Иванъ Ильичъ танцовалъ съ княгинею Труфоновой, сестрой той, которая извѣстна учрежденіемъ общества «Унеси ты мое горе». Радости служебныя были радости самолюбія; радости общественныя были радости тщеславія; но настоящія радости Ивана Ильича были радости игры въ винтъ. Онъ признавался, что послѣ всего, послѣ какихъ бы то ни было событій, нерадостныхъ въ его жизни, радость, которая, какъ свѣча горѣла передъ всѣми другими, это сѣсть съ хорошими игроками и некрикунами-партнерами въ винтъ, и непремѣнно вчетверомъ (впятеромъ ужъ очень больно выходить, хотя и притворяешься, что я очень люблю), и вести умную, серьезную игру (когда карты идутъ), потомъ поужинать и выпить стаканъ вина. А спать послѣ винта, особенно когда въ маленькомъ выигрышѣ (большой—непріятно), Иванъ Ильичъ ложился въ особенно хорошемъ расположеніи духа.

Такъ они жили. Кругъ общества составлялся у нихъ самый лучшій, ѣздили и важные люди, и молодые люди.

Во взглядѣ на кругъ своихъ знакомыхъ мужъ, жена и дочь были совершенно согласны и, не сговариваясь, одинаково оттирали отъ себя и освобождались отъ всякихъ разныхъ пріятелей и родственниковъ - замарашекъ, которые разлетались къ нимъ съ нѣжностями въ гостиную съ японскими блюдами по стѣнамъ. Скоро эти друзья-замарашки перестали разлетаться, и у Головиныхъ осталось общество одно самое лучшее. Молодые люди ухаживали за Лизанькой, и Петрищевъ, сынъ Дмитрія Ивановича Петрищева и единственный наслѣдникъ его состоянія, судебный слѣдователь, сталъ ухаживать за Лизой, такъ что Иванъ Ильичъ уже поговаривалъ объ этомъ съ Прасковьей Ѳедоровной: не свезти ли ихъ кататься на тройкахъ, или устроить спектакль? Такъ они жили. И все шло такъ, не измѣняясь, и все было очень хорошо.

IV.

Всѣ были здоровы. Нельзя было назвать нездоровьемъ то, что Иванъ Ильичъ говорилъ иногда, что у него странный вкусъ во рту и что-то неловко въ лѣвой сторонѣ живота.

Но случилось, что неловкость эта стала увеличиваться и переходить не въ боль еще, но въ сознаніе тяжести постоянной въ боку и въ дурное расположеніе духа. Дурное расположеніе духа это, все усиливаясь и усиливаясь, стало портить установившуюся было въ семействѣ Головиныхъ пріятность легкой и приличной жизни. Мужъ съ женою стали чаще и чаще ссориться, и скоро отпала легкость и пріятность, и съ трудомъ удерживалось одно приличіе. Сцены опять стали чаще. Опять остались одни островки, и тѣхъ мало, на которыхъ мужъ съ женой могли сходиться безъ взрыва. И Прасковья Ѳедоровна теперь не безъ основанія говорила, что у ея мужа тяжелый характеръ. Со свойственною ей привычкой преувеличивать она говорила, что всегда и былъ такой ужасный характеръ, что надобно ея доброту, чтобы переносить это двадцать лѣтъ. Правда было то, что ссоры теперь начинались отъ него. Начинались его придирки всегда передъ самымъ обѣдомъ и часто, именно когда онъ начиналъ ѣсть, за супомъ. То онъ замѣчалъ, что что-нибудь изъ посуды испорчено, то кушанье не такое, то сынъ положилъ локоть на столъ, то прическа дочери. И во всемъ онъ обвинялъ Прасковью Ѳедоровну. Прасковья Ѳедоровна сначала возражала и говорила ему непріятности, но онъ раза два во время начала обѣда приходилъ въ такое бѣшенство, что она поняла, что это болѣзненное состояніе, которое вызывается въ немъ принятіемъ пищи, и смирила себя; уже не возражала, а только торопила обѣдать. Смиреніе свое Прасковья Ѳедоровна поставила себѣ въ великую заслугу. Рѣшивъ, что мужъ ея имѣетъ ужасный характеръ и сдѣлалъ несчастіе ея жизни, она стала жалѣть себя. И чѣмъ больше она жалѣла себя, тѣмъ больше ненавидѣла мужа. Она стала желать, чтобъ онъ умеръ, но не могла этого желать, потому что тогда не было бы жалованья. И это еще болѣе раздражало ее противъ него. Она считала себя страшно несчастной именно тѣмъ, что даже смерть его не могла спасти ея, и она раздражалась, скрывала это, и это скрытое раздраженіе ея усиливало его раздраженіе.

Послѣ одной сцены, въ которой Иванъ Ильичъ былъ особенно несправедливъ и послѣ которой онъ и при объясненіи сказалъ, что онъ точно раздражителенъ, но что это отъ болѣзни, она сказала ему, что если онъ боленъ, то надо лѣчиться,

и потребовала отъ него, чтобъ онъ поѣхалъ къ знаменитому врачу.

Онъ поѣхалъ. Все было, какъ онъ ожидалъ; все было такъ, какъ всегда дѣлается. И ожиданіе, и важность напускная, докторская, ему знакомая, та самая, которую онъ зналъ въ себѣ въ судѣ, и постукиваніе, и выслушиваніе, и вопросы, требующіе опредѣленныхъ впередъ и очевидно ненужныхъ отвѣтовъ, и значительный видъ, который внушалъ, что вы, молъ, только подвергнитесь намъ, а мы все устроимъ,—у насъ извѣстно и несомнѣнно, какъ все устроить, все однимъ манеромъ для всякаго человѣка, какого хотите, — все было точно такъ же, какъ въ судѣ. Какъ онъ въ судѣ дѣлалъ видъ надъ подсудимыми, такъ точно надъ нимъ знаменитый докторъ дѣлалъ тотъ же видъ.

Докторъ говорилъ: то - то и то - то указываетъ, что у васъ внутри то-то и то-то, но если это не подтвердится по изслѣдованіямъ того-то и того-то, то у васъ надо предположить то-то и то-то. Если же предположить то-то, тогда... и т. д. Для Ивана Ильича былъ важенъ только одинъ вопросъ: опасно ли его положеніе или нѣтъ? Но докторъ игнорировалъ этотъ неумѣстный вопросъ. Съ точки зрѣнія доктора вопросъ этотъ былъ праздный и не подлежалъ обсужденію; существовало только взвѣшиваніе вѣроятностей — блуждающей почки; хроническаго катара и болѣзни слѣпой кишки. Не было вопроса о жизни Ивана Ильича, а былъ споръ между блуждающей почкой и слѣпою кишкой. И споръ этотъ на глазахъ Ивана Ильича докторъ блестящимъ образомъ разрѣшилъ въ пользу слѣпой кишки, сдѣлавъ оговорку о томъ, что изслѣдованіе мочи можетъ дать новыя улики и что тогда дѣло будетъ пересмотрѣно. Все это было точь въ точь то же, что̀ дѣлалъ въ тысячу разъ самъ Иванъ Ильичъ надъ подсудимыми такимъ блестящимъ манеромъ. Такъ же блестяще сдѣлалъ свое резюме докторъ, и торжествующе, весело даже, взглянувъ сверхъ очковъ на подсудимаго. Изъ резюме доктора Иванъ Ильичъ вывелъ то заключеніе, что плохо, а что ему, доктору, да, пожалуй, и всѣмъ, все равно, а ему плохо. И это заключеніе болѣзненно поразило Ивана Ильича, вызвавъ въ немъ чувство большой жалости къ себѣ и большой злобы на этого равнодушнаго къ такому важному вопросу доктора.

Но онъ ничего не сказалъ, а всталъ, положилъ деньги на столъ и, вздохнувъ, сказалъ: — Мы, больные, вѣроятно, часто дѣлаемъ вамъ неумѣстные вопросы, — сказалъ онъ. — Вообще это опасная болѣзнь или нѣтъ?..

Докторъ строго взглянулъ на него однимъ глазомъ черезъ очки, какъ будто говоря: подсудимый, если вы не будете оста-

ваться въ предѣлахъ ставимыхъ вамъ вопросовъ, я буду принужденъ сдѣлать распоряженіе объ удаленіи васъ изъ залы засѣданія.

— Я уже сказалъ вамъ то, что считалъ нужнымъ и удобнымъ, — сказалъ докторъ. — Дальнѣйшее покажетъ изслѣдованіе. — И докторъ поклонился.

Иванъ Ильичъ вышелъ медленно, уныло сѣлъ въ сани и поѣхалъ домой. Всю дорогу онъ не переставая перебиралъ все, чтò говорилъ докторъ, стараясь всѣ эти запутанныя, неясныя научныя слова перевести на простой языкъ и прочесть въ нихъ отвѣтъ на вопросъ: плохо—очень ли плохо мнѣ, или еще ничего? И ему казалось, что смыслъ всего сказаннаго докторомъ былъ тотъ, что очень плохо. Все грустно показалось Ивану Ильичу на улицахъ. Извозчики были грустны, дома грустны, прохожіе, лавки грустны. Боль же эта, глухая, ноющая боль, ни на секунду не перестающая, казалось, въ связи съ неясными рѣчами доктора получала другое, болѣе серьезное значеніе. Иванъ Ильичъ съ новымъ, тяжелымъ чувствомъ теперь прислушивался къ ней.

Онъ пріѣхалъ домой и сталъ разсказывать женѣ. Жена выслушала, но въ серединѣ разсказа его вошла дочь въ шляпкѣ: она собиралась съ матерью ѣхать. Она съ усиліемъ присѣла послушать эту скуку, но долго не выдержала, и мать не дослушала.

— Ну, я очень рада,—сказала жена;—такъ теперь ты, смотри жъ, принимай аккуратно лѣкарства. Дай рецептъ, я пошлю Герасима въ аптеку. — И она пошла одѣваться.

Онъ не переводилъ дыханія, пока она была въ комнатѣ, и тяжело вздохнулъ, когда она вышла.

— Ну что жъ, — сказалъ онъ. — Можетъ быть, и точно ничего еще.

Онъ сталъ принимать лѣкарство, исполнять предписанія доктора, которыя измѣнились по случаю изслѣдованія мочи. Но тутъ какъ разъ такъ случилось, что въ этомъ изслѣдованіи и въ томъ, что должно было послѣдовать за нимъ, вышла какая-то путаница. До самого доктора нельзя было добраться, а выходило, что дѣлалось не то, чтò говорилъ ему докторъ, — или онъ забылъ, или совралъ, или скрывалъ отъ него что-нибудь.

Но Иванъ Ильичъ все-таки точно сталъ исполнять предписанія и въ исполненіи этомъ нашелъ утѣшеніе на первое время.

Главнымъ занятіемъ Ивана Ильича со времени посѣщенія доктора стало точное исполненіе предписаній доктора относительно гигіены и принимапія лѣкарствъ и прислушиваніе къ

своей боли, ко всѣмъ своимъ отправленіямъ организма. Главными интересами Ивана Ильича стали людскія болѣзни и людское здоровье. Когда при немъ говорили о больныхъ, объ умершихъ, о выздоровѣвшихъ, особенно о такой болѣзни, которая походила на его, онъ, стараясь скрыть свое волненіе, прислушивался, разспрашивалъ и дѣлалъ примѣненіе къ своей болѣзни.

Боль не уменьшалась; но Иванъ Ильичъ дѣлалъ надъ собой усилія, чтобы заставлять себя думать, что ему лучше. И онъ могъ обманывать себя, пока ничего не волновало его. Но какъ только случалась непріятность съ женой, неудача въ службѣ, дурныя карты въ винтѣ, такъ сейчасъ онъ чувствовалъ всю силу своей болѣзни: бывало, онъ переносилъ эти неудачи, ожидая, что вотъ-вотъ исправлю плохое, поборю, дождусь успѣха, большого шлема; теперь же всякая неудача подкашивала его и ввергала въ отчаяніе. Онъ говорилъ себѣ: вотъ только что я сталъ поправляться, и лѣкарство начинало уже дѣйствовать, и вотъ это проклятое несчастіе или непріятность... И онъ злился на несчастіе или на людей, дѣлавшихъ ему непріятности и убивающихъ его, и чувствовалъ, какъ эта злоба убиваетъ его; но не могъ воздержаться отъ нея. Казалось бы, ему должно бы было быть ясно, что это озлобленіе его на обстоятельства и людей усиливаетъ его болѣзнь и что поэтому ему надо не обращать вниманія на непріятныя случайности; но онъ дѣлалъ совершенно обратное разсужденіе: онъ говорилъ, что ему нужно спокойствіе, слѣдилъ за всѣмъ, что нарушало это спокойствіе, и при всякомъ малѣйшемъ нарушеніи приходилъ въ раздраженіе. Ухудшало его положеніе то, что онъ читалъ медицинскія книги и совѣтовался съ докторами. Ухудшеніе шло такъ равномѣрно, что онъ могъ себя обманывать, сравнивая одинъ день съ другимъ, — разницы было мало. Но когда онъ совѣтовался съ докторами, тогда ему казалось, что идетъ къ худшему и очень быстро даже. И несмотря на это онъ постоянно совѣтовался съ докторами.

Въ этотъ мѣсяцъ онъ побывалъ у другой знаменитости; другая знаменитость сказала почти то же, что и первая, но иначе поставила вопросы. И совѣтъ съ этою знаменитостью только усугубилъ сомнѣніе и страхъ Ивана Ильича. Пріятель его пріятеля, докторъ очень хорошій, тотъ еще совсѣмъ иначе опредѣлилъ болѣзнь и, несмотря на то, что обѣщалъ выздоровленіе, своими вопросами и предположеніями еще больше спуталъ Ивана Ильича и усилилъ его сомнѣніе. Гомеопатъ еще иначе опредѣлилъ болѣзнь, и далъ лѣкарство, и Иванъ Ильичъ тайно отъ всѣхъ принималъ его съ недѣлю. Но послѣ недѣли, не почув-

ствовавъ облегченія и потерявъ довѣріе и къ прежнимъ лѣченіямъ и къ этому, пришелъ въ еще большее уныніе. Разъ знакомая дама разсказывала про исцѣленіе иконами. Иванъ Ильичъ засталъ себя на томъ, что онъ внимательно прислушивался и повѣрялъ дѣйствительность факта. Этотъ случай испугалъ его. «Неужели я такъ умственно ослабѣлъ? — сказалъ онъ себя. — Пустяки! Все вздоръ; не надо поддаваться мнительности, а, избравъ одного врача, строго держаться его лѣченія. Такъ и буду дѣлать. Теперь кончено. Не буду думать и до лѣта строго буду исполнять лѣченіе. А тамъ видно будетъ. Теперь конецъ этимъ колебаніямъ!..» Легко было сказать это, но невозможно исполнить. Боль въ боку все томила, все какъ будто усиливалась, становилась постояннѣе, вкусъ во рту становился все страннѣе, — ему казалось, что пахло чѣмъ-то отвратительнымъ у него изо рта, и аппетитъ и силы его слабѣли. Нельзя было себя обманывать: что-то страшное, новое и такое значительное, чего значительнѣе никогда въ жизни не было съ Иваномъ Ильичомъ, совершалось въ немъ. И онъ одинъ зналъ про это, всѣ же окружающіе не понимали или не хотѣли понимать и думали, что все на свѣтѣ идетъ попрежнему. Это-то болѣе всего мучило Ивана Ильича. Домашніе, главное — жена и дочь, которыя были въ самомъ разгарѣ выѣздовъ, онъ видѣлъ, ничего не понимали, досадовали на то, что онъ такой невеселый и требовательный, какъ будто онъ былъ виноватъ въ этомъ. Хотя онѣ и старались скрывать это, онъ видѣлъ, что онъ имъ помѣха, но что жена выработала себѣ извѣстное отношеніе къ его болѣзни и держалась его независимо отъ того, что̀ онъ говорилъ и дѣлалъ. Отношеніе это было такое: «Вы знаете, — говорила она знакомымъ, — Иванъ Ильичъ не можетъ, какъ всѣ добрые люди, строго исполнять предписанное лѣченіе. Нынче онъ приметъ капли и кушаетъ, что̀ велѣно, и во̀-время ляжетъ; завтра вдругъ, если я просмотрю, забудетъ принять, скушаетъ осетрины (а ему не велѣно), да и засидится за винтомъ до часа».

— Ну, когда же! — скажетъ Иванъ Ильичъ съ досадой. — Одинъ разъ у Петра Ивановича.

— А вчера съ Шебекомъ.

— Все равно, я не могъ спать отъ боли...

— Да тамъ ужъ отъ чего бы то ни было, только такъ ты никогда не выздоровѣешь и мучаешь насъ.

Внѣшнее, высказываемое другимъ и ему самому, отношеніе Прасковьи Ѳедоровны было такое къ болѣзни мужа, что въ болѣзни этой виноватъ Иванъ Ильичъ, и вся болѣзнь эта есть новая непріятность, которую онъ дѣлаетъ женѣ. Иванъ Ильичъ

чувствовалъ, что это выходило у нея невольно, но отъ этого ему не легче было.

Въ судѣ Иванъ Ильичъ замѣчалъ, или думалъ, что замѣчаетъ, то же странное къ себѣ отношеніе: то ему казалось, что къ нему приглядываются, какъ къ человѣку, имѣющему скоро опростать мѣсто; то вдругъ его пріятели начинали дружески подшучивать надъ его мнительностью, какъ будто то, что-то ужасное и страшное, неслыханное, чтò завелось въ немъ и не переставая сосетъ его и неудержимо влечетъ куда-то, есть самый пріятный предметъ для шутки. Особенно Шварцъ своею игривостью, жизненностью и комильфотностью, напоминавшими Ивану Ильичу его самого за десять лѣтъ назадъ, раздражалъ его.

Приходили друзья составить партію, садились. Сдавали, разминались новыя карты, складывались бубны къ бубнамъ, ихъ 7. Партнеръ сказалъ: безъ козырей, и поддержалъ 2 бубны. Чего жъ еще? Весело, бодро должно бы быть — шлемъ. И вдругъ Иванъ Ильичъ чувствуетъ эту сосущую боль, этотъ вкусъ во рту, и ему что-то дикое представляется въ томъ, что онъ при этомъ можетъ радоваться шлему.

Онъ глядитъ на Михаила Михайловича, партнера, какъ онъ бьетъ по столу сангвинической рукой и учтиво и снисходительно удерживается отъ захватыванія взятокъ, а подвигаетъ ихъ къ Ивану Ильичу, чтобы доставить ему удовольствіе собирать ихъ, не утруждая себя, не протягивая далеко руку. «Что жъ онъ думаетъ, что я такъ слабъ, что не могу протянуть далеко руку», думаетъ Иванъ Ильичъ, забываетъ козырей и козыряетъ лишній разъ по своимъ и проигрываетъ шлемъ безъ трехъ, и что ужаснѣе всего — это то, что онъ видитъ, какъ страдаетъ Михаилъ Михайловичъ, а ему все равно. И ужасно думать, отчего ему все равно.

Всѣ видятъ, что ему тяжело, и говорятъ ему: «мы можемъ прекратить, если вы устали. Вы отдохните». Отдохнуть? Нѣтъ, онъ нисколько не усталъ; они доигрываютъ роберъ. Всѣ мрачны и молчаливы. Иванъ Ильичъ чувствуетъ, что онъ напустилъ на нихъ эту мрачность и не можетъ ея разсѣять. Они ужинаютъ и разъѣзжаются, и Иванъ Ильичъ остается одинъ съ сознаніемъ того, что жизнь его отравлена для него и отравляетъ жизнь другихъ и что отрава эта не ослабѣваетъ, а все больше и больше проникаетъ все существо его.

И съ сознаніемъ этимъ, да еще съ болью физической, да еще съ ужасомъ надо было ложиться въ постель и часто не спать отъ боли большую часть ночи. А на утро надо было опять вставать, одѣваться, ѣхать въ судъ, говорить, писать, а если

и не ѣхать, дома быть съ тѣми же двадцатью четырьмя часами въ суткахъ, изъ которыхъ каждый былъ мученіемъ. И жить такъ на краю погибели надо было одному, безъ одного человѣка, который бы понялъ и пожалѣлъ его.

V.

Такъ шло мѣсяцъ и два. Передъ новымъ годомъ пріѣхалъ въ ихъ городъ его шуринъ и остановился у нихъ. Иванъ Ильичъ былъ въ судѣ. Прасковья Ѳедоровна ѣздила за покупками. Войдя къ себѣ въ кабинетъ, онъ засталъ тамъ шурина, здороваго сангвиника, самого раскладывающаго чемоданъ. Онъ поднялъ голову на шаги Ивана Ильича и поглядѣлъ на него секунду молча. Этотъ взглядъ все открылъ Ивану Ильичу. Шуринъ раскрылъ ротъ, чтобъ ахнуть, и удержался. Это движеніе подтвердило все.

— Что, перемѣнился?

— Да... есть перемѣна.

И сколько Иванъ Ильичъ ни наводилъ послѣ шурина на разговоръ о его внѣшнемъ видѣ, шуринъ отмалчивался. Пріѣхала Прасковья Ѳедоровна, шуринъ пошелъ къ ней. Иванъ Ильичъ заперъ дверь на ключъ и сталъ смотрѣться въ зеркало—прямо, потомъ съ боку. Взялъ свой портретъ съ женой и сличилъ портретъ съ тѣмъ, что̀ онъ видѣлъ въ зеркалѣ. Перемѣна была огромная. Потомъ онъ оголилъ руки до локтя, посмотрѣлъ, опустилъ рукава, сѣлъ на отоманку и сталъ чернѣе ночи.

«Не надо, не надо», сказалъ онъ себѣ, вскочилъ, подошелъ къ столу, открылъ дѣло, сталъ читать его, но не могъ. Онъ отперъ дверь, пошелъ въ залу. Дверь въ гостиную была затворена. Онъ подошелъ къ ней на цыпочкахъ и сталъ слушать.

— Нѣтъ, ты преувеличиваешь, — говорила Прасковья Ѳедоровна.

— Какъ преувеличиваю! Тебѣ не видно — онъ мертвый человѣкъ, посмотри его глаза. Нѣтъ свѣта. Да что у него?

— Никто не знаетъ. Николаевъ (это былъ другой докторъ) сказалъ что-то, но я не знаю. Лещетицкій (это былъ знаменитый докторъ) сказалъ напротивъ...

Иванъ Ильичъ отошелъ, пошелъ къ себѣ, легъ и сталъ думать: «почка, блуждающая почка». Онъ вспомнилъ все то, что ему говорили доктора, какъ она оторвалась и какъ блуждаетъ. И онъ усиліемъ воображенія старался поймать эту почку и остановить, укрѣпить ее: такъ мало нужно, казалось ему. «Нѣтъ, поѣду еще къ Петру Ивановичу». (Это былъ тотъ прі-

ятель, у котораго былъ пріятель докторъ.) Онъ позвонилъ, велѣлъ заложить лошадь и собрался ѣхать.

— Куда ты, Jean? — спросила жена съ особенно грустнымъ и непривычно добрымъ выраженіемъ.

Это непривычное доброе выраженіе озлобило его. Онъ мрачно посмотрѣлъ на нее.

— Мнѣ надо къ Петру Ивановичу.

Онъ поѣхалъ къ пріятелю, у котораго былъ пріятель докторъ. И съ нимъ къ доктору. Онъ засталъ его и долго бесѣдовалъ съ нимъ.

Разсматривая анатомически и физіологически подробности о томъ, что, по мнѣнію доктора, происходило въ немъ, онъ все понялъ.

Была одна штучка, маленькая штучка въ слѣпой кишкѣ. Все это могло поправиться. Усилить энергію одного органа, ослабить дѣятельность другого, произойдетъ всасываніе, и все поправится. Онъ немного опоздалъ къ обѣду. Пообѣдалъ, весело поговорилъ, но долго не могъ уйти къ себѣ заниматься. Наконецъ онъ пошелъ въ кабинетъ и тотчасъ же сѣлъ за работу. Онъ читалъ дѣла, работалъ, но сознаніе того, что у него есть отложенное, важное, задушевное дѣло, которымъ онъ займется по окончаніи, не оставляло его. Когда онъ кончилъ дѣла, онъ вспомнилъ, что это задушевное дѣло были мысли о слѣпой кишкѣ. Но онъ не предался имъ, онъ пошелъ въ гостиную къ чаю. Были гости, говорили и играли на фортепіано, пѣли; былъ судебный слѣдователь, желанный женихъ дочери. Иванъ Ильичъ провелъ вечеръ, по замѣчанію Прасковьи Ѳедоровны, веселѣе другихъ, но онъ не забывалъ ни на минуту, что у него есть отложенныя важныя мысли о слѣпой кишкѣ. Въ 11 часовъ онъ простился и пошелъ къ себѣ. Онъ спалъ одинъ со времени своей болѣзни, въ маленькой комнаткѣ у кабинета. Онъ пошелъ, раздѣлся и взялъ романъ Зола, но не читалъ его, а думалъ. И въ его воображеніи происходило то желанное исправленіе слѣпой кишки. Всасывалось, выбрасывалось, возстановлялась правильная дѣятельность. «Да, это все такъ, — сказалъ онъ себѣ. — Только надо помогать природѣ». Онъ вспомнилъ о лѣкарствѣ, приподнялся, принялъ его, легъ на спину, прислушиваясь къ тому, какъ благотворно дѣйствуетъ лѣкарство и какъ оно уничтожаетъ боль. «Только равномѣрно принимать и избѣгать вредныхъ вліяній; я ужъ теперь чувствую нѣсколько лучше, гораздо лучше». Онъ сталъ щупать бокъ, — наощупь не больно. «Да, я не чувствую; право, уже гораздо лучше». Онъ потушилъ свѣчу и легъ на бокъ... Слѣпая кишка исправляется,

всасывается. Вдругъ онъ почувствовалъ знакомую, старую, глухую, ноющую боль, упорную, тихую, серьезную. Во рту та же знакомая гадость. Засосало сердце, помутилось въ головѣ. «Боже мой, Боже мой, — проговорилъ онъ, — опять, опять, и никогда не перестанетъ». И вдругъ ему дѣло представилось совсѣмъ съ другой стороны. «Слѣпая кишка! почка! — сказалъ онъ себѣ. — Не въ слѣпой кишкѣ, не въ почкѣ дѣло, а въ жизни и... смерти. Да, жизнь была и вотъ уходитъ, уходитъ, и я не могу удержать ее. Да. Зачѣмъ обманывать себя? Развѣ не очевидно всѣмъ, кромѣ меня, что я умираю, и вопросъ только въ числѣ недѣль, дней... сейчасъ, можетъ быть. То свѣтъ былъ, а теперь мракъ. То я здѣсь былъ, а теперь туда! Куда?» Его обдало холодомъ, дыханіе остановилось. Онъ слышалъ только удары сердца.

«Меня не будетъ, такъ что же будетъ? Ничего не будетъ. Такъ гдѣ же я буду, когда меня не будетъ? Неужели смерть? Нѣтъ, не хочу». Онъ вскочилъ, хотѣлъ зажечь свѣчу, пошарилъ дрожащими руками, уронилъ свѣчу съ подсвѣчникомъ на полъ и опять повалился назадъ, на подушку. «Зачѣмъ? все равно, — говорилъ онъ себѣ, открытыми глазами глядя въ темноту. — Смерть. Да, смерть. И они никто и не знаютъ, и не хотятъ знать, и не жалѣютъ. Они играютъ. (Онъ слышалъ дальніе изъ-за двери раскаты голоса и ритурнели.) Имъ все равно, а они также умрутъ. Дурачье! Мнѣ раньше, а имъ послѣ, и имъ то же будетъ. А они радуются. Скоты!» Злоба душила его. И ему стало мучительно, невыносимо тяжело. «Не можетъ же быть, чтобы всѣ всегда были обречены на этотъ ужасный страхъ?» Онъ поднялся.

«Что-нибудь не такъ; надо успокоиться, надо обдумать все сначала». И вотъ онъ началъ обдумывать. «Да, начало болѣзни. Стукнулся бокомъ, и все такой же я былъ, и нынче, и завтра; немного ныло, потомъ больше, потомъ доктора, потомъ унылость, тоска, опять доктора; а я все шелъ ближе, ближе къ пропасти. Силъ меньше. Ближе, ближе. И вотъ я исчахъ, у меня свѣта въ глазахъ нѣтъ. И смерть, а я думаю о кишкѣ. Думаю о томъ, чтобы починить кишку, а это смерть. Неужели смерть?» Опять на него нашелъ ужасъ, онъ запыхался, нагнулся, сталъ искать спичекъ, надавилъ локтемъ на тумбочку. Она мѣшала ему и дѣлала больно, онъ разозлился на нее, надавилъ съ досадой сильнѣе и повалилъ тумбочку. И въ отчаяніи, задыхаясь, онъ повалился на спину, ожидая сейчасъ же смерти.

Гости уѣзжали въ это время. Прасковья Ѳедоровна провожала ихъ. Она услыхала паденіе и вошла.

— Что ты?

— Ничего. Уронилъ нечаянно.

Она вышла, принесла свѣчу. Онъ лежалъ, тяжело и быстро дыша, какъ человѣкъ, который пробѣжалъ версту, остановившимися глазами глядя на нее.

— Что ты, Jean?

— Ниче...го. У...ро...нилъ. «Что же говорить? Она не пойметъ», думалъ онъ.

Она точно не поняла. Она подняла, зажгла ему свѣчу и поспѣшно ушла: ей надо было проводить гостью. Когда она вернулась, онъ такъ же лежалъ навзничь, глядя вверхъ.

— Что тебѣ, или хуже?

— Да.

Она покачала головой, посидѣла.

— Знаешь, Jean? я думаю, не пригласить ли Лещетицкаго на домъ?

Это значитъ знаменитаго доктора пригласить и не пожалѣть денегъ. Онъ ядовито улыбнулся и сказалъ: «нѣтъ». Она посидѣла, подошла и поцѣловала его въ лобъ.

Онъ ненавидѣлъ ее всѣми силами души въ то время, какъ она цѣловала его, и дѣлалъ усилія, чтобы не оттолкнуть ее.

— Прощай. Богъ дастъ, заснешь.

— Да.

VI.

Иванъ Ильичъ видѣлъ, что онъ умираетъ, и былъ въ постоянномъ отчаяніи.

Въ глубинѣ души Иванъ Ильичъ зналъ, что онъ умираетъ, но онъ не только не привыкъ къ этому, но просто не понималъ, никакъ не могъ понять этого.

Тотъ примѣръ силлогизма, которому онъ учился въ логикѣ Кизеветера: Кай — человѣкъ, люди смертны, потому Кай смертенъ, казался ему во всю его жизнь правильнымъ только по отношенію къ Каю, но никакъ не къ нему. То былъ Кай человѣкъ, вообще человѣкъ, и это было совершенно справедливо; но онъ былъ не Кай и не вообще человѣкъ, а онъ всегда былъ совсѣмъ, совсѣмъ особенное отъ всѣхъ другихъ существо; но онъ былъ Ваня, съ мама, съ папа, съ Митей и Володей, съ игрушками, кучеромъ, съ няней, потомъ съ Катенькой, со всѣми радостями, горестями, восторгами дѣтства, юности, молодости. Развѣ для Кая былъ тотъ запахъ кожанаго полосками мячика, который такъ любилъ Ваня? развѣ Кай цѣловалъ такъ руку матери и развѣ для Кая такъ шуршалъ шелкъ складокъ платья ма-

тери? развѣ онъ бунтовалъ за пирожки въ правовѣдѣніи? развѣ Кай такъ былъ влюбленъ? развѣ Кай такъ могъ вести засѣданіе?

И Кай точно смертенъ, и ему правильно умирать, но мнѣ, Ванѣ, Ивану Ильичу, со всѣми моими чувствами, мыслями, — мнѣ это другое дѣло. И не можетъ быть, чтобы мнѣ слѣдовало умирать. Это было бы слишкомъ ужасно.

Такъ чувствовалось ему.

«Если бъ и мнѣ умирать, какъ Каю, то я такъ бы и зналъ это, такъ бы и говорилъ мнѣ внутренній голосъ; но ничего подобнаго не было во мнѣ; и я и всѣ мои друзья — мы понимали, что это совсѣмъ не такъ, какъ съ Каемъ. А теперь вотъ что! — говорилъ онъ себѣ. — Не можетъ быть! Не можетъ быть, а есть. Какъ же это? какъ понять это?»

И онъ не могъ понять и старался отогнать эту мысль, какъ ложную, неправильную, болѣзненную, и вытѣснить ее другими, правильными, здоровыми мыслями. Но мысль эта, не только мысль, но какъ будто дѣйствительность, приходила опять и становилась передъ нимъ.

И онъ призывалъ по очереди на мѣсто этой мысли другія мысли, въ надеждѣ найти въ нихъ опору. Онъ пытался возвратиться къ прежнимъ ходамъ мысли, которые заслоняли для него прежде мысль о смерти. Но—странное дѣло!—все то, что прежде заслоняло, скрывало, уничтожало сознаніе смерти, теперь уже не могло производить этого дѣйствія. Послѣднее время Иванъ Ильичъ большею частью проводилъ въ этихъ попыткахъ возстановить прежніе ходы чувства, заслонявшаго смерть. То онъ говорилъ себѣ: «займусь службой, вѣдь я жилъ же ею». И онъ шелъ въ судъ, отгоняя отъ себя всякія сомнѣнія; вступалъ въ разговоры съ товарищами и садился, по старой привычкѣ, разсѣянно, задумчивымъ взглядомъ окидывая толпу и обѣими исхудавшими руками опираясь на ручки дубоваго кресла, такъ же, какъ обыкновенно, перегибаясь къ товарищу, подвигая дѣло, перешептываясь, и потомъ вдругъ, вскидывая глаза и прямо усаживаясь, произносилъ извѣстныя слова и начиналъ дѣло. Но вдругъ въ серединѣ боль въ боку, не обращая никакого вниманія на періодъ развитія дѣла, начинала *свое* сосущее дѣло. Иванъ Ильичъ прислушивался, отгонялъ мысль о ней, но она продолжала свое, и *она* приходила и становилась прямо передъ нимъ и смотрѣла на него, и онъ столбенѣлъ, огонь тухъ въ глазахъ, и онъ начиналъ опять спрашивать себя: неужели только *она* правда? И товарищи, и подчиненные съ удивленіемъ и огорченіемъ видѣли, что онъ, такой блестящій, тонкій судья, путался, дѣлалъ ошибки. Онъ встряхивался, старался опомниться и

кое-какъ доводилъ до конца засѣданіе и возвращался домой съ грустнымъ сознаніемъ, что не можетъ по-старому судейское его дѣло скрыть отъ него то, что онъ хотѣлъ скрыть; что судейскимъ дѣломъ онъ не можетъ избавиться отъ *нея*. И что было хуже всего — это то, что *она* отвлекала его къ себѣ не за тѣмъ, чтобы онъ дѣлалъ что-нибудь, а только для того, чтобы онъ смотрѣлъ на нее, прямо ей въ глаза, смотрѣлъ на нее и, ничего не дѣлая, невыразимо мучился.

И, спасаясь отъ этого состоянія, Иванъ Ильичъ искалъ утѣшенія, другихъ ширмъ, и другія ширмы являлись и на короткое время какъ будто спасали его, но тотчасъ же опять не столько разрушались, сколько просвѣчивали, какъ будто *она* проникала черезъ все и ничто не могло заслонить ее.

Бывало, въ это послѣднее время онъ войдетъ въ гостиную, убранную имъ,—въ ту гостиную, гдѣ онъ упалъ, для которой онъ — какъ ему ядовито-смѣшно было думать — для устройства которой онъ пожертвовалъ жизнью, потому что онъ зналъ, что болѣзнь его началась съ этого ушиба, — онъ входилъ и видѣлъ, что на лакированномъ столѣ былъ рубецъ, прорѣзанный чѣмъ-то. Онъ искалъ причину и находилъ ее въ бронзовомъ украшеніи альбома, отогнутомъ на краю. Онъ бралъ альбомъ, дорогой, имъ составленный съ любовью, и досадовалъ на неряшливость дочери и ея друзей, — то разорвано, то карточки перевернуты. Онъ приводилъ это старательно въ порядокъ, загибалъ опять украшеніе.

Потомъ ему приходила мысль весь этотъ établissement съ альбомами перемѣстить въ другой уголъ, къ цвѣтамъ. Онъ звалъ лакея; или дочь или жена приходили на помощь; онѣ не соглашались, противорѣчили, онъ спорилъ, сердился; но все было хорошо, потому что онъ не помнилъ о *ней*, *ея* не видно было.

Но вотъ жена сказала, когда онъ самъ передвигалъ: «позволь, люди сдѣлаютъ, ты опять себѣ сдѣлаешь вредъ», и вдругъ *она* мелькнула черезъ ширмы, онъ увидалъ *ее*. *Она* мелькнула, онъ еще надѣется, что она скроется, но невольно онъ прислушался къ боку, — тамъ сидитъ все то же, все такъ же ноетъ, и онъ ужъ не можетъ забыть, и *она* явственно глядитъ на него изъ-за цвѣтовъ. Къ чему все?

«И правда, что здѣсь, на этой гардинѣ, я, какъ на штурмѣ, потерялъ жизнь. Неужели? Какъ ужасно и какъ глупо! Это не можетъ быть! Не можетъ быть, но есть.

Онъ шелъ въ кабинетъ, ложился и оставался опять одинъ съ *нею*. Съ глазу на глазъ съ *нею*, а дѣлать съ *нею* нечего. Только смотрѣть на *нее* и холодѣть.

VII.

Какъ это сдѣлалось на 3-мъ мѣсяцѣ болѣзни Ивана Ильича, нельзя было сказать, потому что это дѣлалось шагъ за шагомъ, незамѣтно, но сдѣлалось то, что и жена, и дочь, и сынъ его, и прислуга, и знакомые, и доктора, и, главное, онъ самъ — знали, что весь интересъ въ немъ для другихъ состоитъ только въ томъ, скоро ли, наконецъ, онъ опростаетъ мѣсто, освободитъ живыхъ отъ стѣсненія, производимаго его присутствіемъ, и самъ освободится отъ своихъ страданій.

Онъ спалъ меньше и меньше; ему давали опіумъ и начали прыскать морфиномъ. Но это не облегчало его. Тупая тоска, которую онъ испытывалъ въ полуусыпленномъ состояніи, сначала только облегчала его, какъ что-то новое, но потомъ она стала такъ же или еще болѣе мучительна, чѣмъ откровенная боль.

Ему готовили особенныя кушанья по предписанію врачей; но кушанья эти все были для него безвкуснѣе и безвкуснѣе, отвратительнѣе и отвратительнѣе.

Для испражненій его тоже были сдѣланы особыя приспособленія, и всякій разъ это было мученіе. Мученіе отъ нечистоты, неприличія и запаха, отъ сознанія того, что въ этомъ долженъ участвовать другой человѣкъ.

Но въ этомъ самомъ непріятномъ дѣлѣ и явилось утѣшеніе Ивану Ильичу. Приходилъ всегда выносить за нимъ буфетный мужикъ Герасимъ.

Герасимъ былъ чистый, свѣжій, раздобрѣвшій на городскихъ харчахъ молодой мужикъ. Всегда веселый, ясный. Сначала видъ этого, всегда чисто по-русски одѣтаго человѣка, дѣлавшаго это противное дѣло, смущалъ Ивана Ильича.

Одинъ разъ онъ, вставъ съ судна и не въ силахъ поднять панталоны, повалился на мягкое кресло и съ ужасомъ смотрѣлъ на свои обнаженныя, съ рѣзко обозначенными мускулами, безсильныя ляжки.

Вошелъ въ толстыхъ сапогахъ, распространяя вокругъ себя пріятный запахъ дегтя отъ сапогъ и свѣжести зимняго воздуха, легкою, сильною поступью Герасимъ, въ посконномъ чистомъ фартукѣ и чистой ситцевой рубахѣ, съ засученными на голыхъ, сильныхъ, молодыхъ рукахъ рукавами, и, не глядя на Ивана Ильича, — очевидно сдерживая, чтобъ не оскорбить больного, радость жизни, сіяющую на его лицѣ, — подошелъ къ судну.

— Герасимъ, — слабо сказалъ Иванъ Ильичъ.

Герасимъ вздрогнулъ, очевидно испугавшись, не промахнулся ли онъ въ чемъ и быстрымъ движеніемъ повернулъ къ боль-

ному свое свѣжее, доброе, простое, молодое лицо, только что начинавшее обрастать бородой.

— Чего изволите?

— Тебѣ, я думаю, непріятно это. Ты извини меня. Я не могу.

— Помилуйте-съ.—И Герасимъ блеснулъ глазами и оскалилъ свои молодые, бѣлые зубы.—Отчего жъ не потрудиться? Ваше дѣло больное.

И онъ ловкими, сильными руками сдѣлалъ свое привычное дѣло и вышелъ, легко ступая. И черезъ пять минутъ, такъ же легко ступая, вернулся.

Иванъ Ильичъ все такъ же сидѣлъ на креслѣ.

— Герасимъ, — сказалъ онъ, когда тотъ поставилъ чистое, обмытое судно, — пожалуйста, помоги мнѣ, поди сюда. — Герасимъ подошелъ. — Подними меня. Мнѣ тяжело одному, а Дмитрія я услалъ.

Герасимъ подошелъ; сильными руками, такъ же, какъ онъ легко ступалъ, обнялъ, ловко, мягко поднялъ и подержалъ, другой рукой подтянулъ панталоны и хотѣлъ посадить. Но Иванъ Ильичъ попросилъ его свести его на диванъ. Герасимъ, безъ усилія и какъ будто не нажимая, свелъ его, почти неся, къ дивану и посадилъ.

— Спасибо. Какъ ты ловко, хорошо... все дѣлаешь.

Герасимъ опять улыбнулся и хотѣлъ уйти. Но Ивану Ильичу такъ хорошо было съ нимъ, что не хотѣлось отпускать.

— Вотъ что: подвинь мнѣ, пожалуйста, стулъ этотъ. Нѣтъ, вотъ этотъ, подъ ноги. Мнѣ легче, когда у меня ноги выше.

Герасимъ принесъ стулъ, подставилъ не стукнувъ, въ разъ опустилъ его ровно до полу и поднялъ ноги Ивана Ильича на стулъ. Ивану Ильичу показалось, что ему легче стало въ то время, какъ Герасимъ высоко поднималъ его ноги.

— Мнѣ лучше, когда ноги у меня выше, — сказалъ Иванъ Ильичъ. — Подложи мнѣ вонъ ту подушку.

Герасимъ сдѣлалъ это. Опять поднялъ ноги и положилъ. Опять Ивану Ильичу стало лучше, пока Герасимъ держалъ его ноги. Когда онъ опустилъ ихъ, ему показалось хуже.

— Герасимъ! — сказалъ онъ ему, — ты теперь занятъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, — сказалъ Герасимъ, выучившійся у городскихъ людей говорить съ господами.

— Тебѣ что дѣлать надо еще?

— Да мнѣ что же дѣлать? Все передѣлалъ, только дровъ наколоть на завтра.

— Такъ подержи мнѣ такъ ноги повыше... можешь?

— Отчего же, можно. — Герасимъ поднялъ ноги выше, и Ивану Ильичу показалось, что въ этомъ положеніи онъ совсѣмъ не чувствуетъ боли.

— А дрова-то какъ же?

— Не извольте безпокоиться. Мы успѣемъ.

Иванъ Ильичъ велѣлъ Герасиму сѣсть и держать ноги и поговорилъ съ нимъ. И—странное дѣло—ему казалось, что ему лучше, пока Герасимъ держалъ его ноги.

Съ тѣхъ поръ Иванъ Ильичъ сталъ иногда звать Герасима и заставлялъ его держать себѣ на плечахъ ноги и любилъ говорить съ нимъ. Герасимъ дѣлалъ это легко, охотно, просто и съ добротой, которая умиляла Ивана Ильича. Здоровье, сила, бодрость, жизнь во всѣхъ другихъ людяхъ оскорбляли Ивана Ильича; только сила и бодрость жизни Герасима не огорчали, а успокоивали Ивана Ильича.

Главное мученіе Ивана Ильича была ложь, — та, всѣми почему-то признанная ложь, что онъ только боленъ, а не умираетъ, и что ему надо только быть спокойнымъ и лѣчиться, и тогда что-то выйдетъ очень хорошее. Онъ же зналъ, что, что бы ни дѣлали, ничего не выйдетъ, кромѣ еще болѣе мучительныхъ страданій и смерти. И его мучила эта ложь, мучило то, что не хотѣли признаться въ томъ, что всѣ знали и онъ зналъ, а хотѣли лгать надъ нимъ по случаю ужаснаго его положенія и хотѣли и заставляли его самого принимать участіе въ этой лжи. Ложь, ложь, эта совершаемая надъ нимъ наканунѣ его смерти ложь, долженствующая низвести этотъ страшный, торжественный актъ его смерти до уровня всѣхъ ихъ визитовъ, гардинъ, осетрины къ обѣду... была ужасно мучительна для Ивана Ильича. И—странно—онъ много разъ, когда они надъ нимъ продѣлывали свои штуки, былъ на волоскѣ отъ того, чтобы закричать имъ: перестаньте врать! и вы знаете и я знаю, что я умираю, такъ перестаньте, по крайней мѣрѣ, врать! Но никогда онъ не имѣлъ духа сдѣлать этого. Страшный, ужасный актъ его умиранія, онъ видѣлъ, всѣми окружающими его былъ низведенъ на степень случайной непріятности, отчасти неприличія (въ родѣ того, какъ обходятся съ человѣкомъ, который, войдя въ гостиную, распространяетъ отъ себя дурной запахъ), тѣмъ самымъ «приличіемъ», которому онъ служилъ всю свою жизнь; онъ видѣлъ, что никто не пожалѣетъ его, потому что никто не хочетъ даже понимать его положенія. Одинъ только Герасимъ понималъ это положеніе и жалѣлъ его. И потому Ивану Ильичу хорошо было только съ Герасимомъ. Ему хорошо было, когда Герасимъ, иногда цѣлыя ночи

напролетъ, держалъ его ноги и не хотѣлъ уходить спать, говоря: вы не извольте безпокоиться, Иванъ Ильичъ, высплюсь еще, или когда онъ вдругъ, переходя на ты, прибавлялъ: кабы ты не больной, а то отчего же не послужить? Одинъ Герасимъ не лгалъ, по всему видно было, что онъ одинъ понималъ, въ чемъ дѣло, и не считалъ нужнымъ скрывать этого, а просто жалѣлъ исчахшаго слабаго барина. Онъ даже разъ прямо сказалъ, когда Иванъ Ильичъ отсылалъ его:

— Всѣ умирать будемъ. Отчего же не потрудиться, — сказалъ онъ, выражая этимъ то, что онъ не тяготится своимъ трудомъ именно потому, что несетъ его для умирающаго человѣка и надѣется, что и для него кто-нибудь въ его время понесетъ тотъ же трудъ.

Кромѣ этой лжи или вслѣдствіе ея мучительнѣе всего было для Ивана Ильича то, что никто не жалѣлъ его такъ, какъ ему хотѣлось, чтобъ его жалѣли: Ивану Ильичу въ иныя минуты, послѣ долгихъ страданій, больше всего хотѣлось, какъ ему ни совѣстно бы было признаться въ этомъ,—хотѣлось того, чтобы его, какъ дитя больное, пожалѣлъ кто-нибудь. Ему хотѣлось, чтобъ его приласкали, поцѣловали, поплакали бы надъ нимъ, какъ ласкаютъ и утѣшаютъ дѣтей. Онъ зналъ, что онъ важный членъ, что у него сѣдѣющая борода и что потому это невозможно; но ему все-таки хотѣлось этого. И въ отношеніяхъ съ Герасимомъ было что-то близкое къ этому. И потому отношенія съ Герасимомъ утѣшали его. Ивану Ильичу хочется плакать, хочется, чтобъ его ласкали и плакали надъ нимъ, и вотъ приходитъ товарищъ, членъ Шебекъ, и, вмѣсто того, чтобы плакать и ласкаться, Иванъ Ильичъ дѣлаетъ серьезное, строгое, глубокомысленное лицо и по инерціи говоритъ свое мнѣніе о значеніи кассаціоннаго рѣшенія и упорно настаиваетъ на немъ. Эта ложь вокругъ него и въ немъ самомъ болѣе всего отравляла послѣдніе дни жизни Ивана Ильича.

VIII.

Было утро. Потому только было утро, что Герасимъ ушелъ и пришелъ Петръ лакей, потушилъ свѣчи, открылъ одну гардину и сталъ потихоньку убирать. Утро ли, вечеръ ли былъ, пятница, воскресенье ли было — все было все равно, все было одно и то же: ноющая, ни на мгновеніе неутихающая, мучительная боль; сознаніе безнадежно все уходящей, но все неушедшей еще жизни; надвигающаяся все та же страшная, не-

навистная смерть, которая одна была действительность, и все та же ложь. Какіе же тутъ дни, недѣли и часы дня?

— Не прикажете ли чаю?

«Ему нуженъ порядокъ, чтобъ по утрамъ господа пили чай», подумалъ онъ и сказалъ только:

— Нѣтъ.

— Не угодно ли перейти на диванъ?

«Ему нужно привести въ порядокъ горницу, и я мѣшаю, я— нечистота, безпорядокъ», подумалъ онъ и сказалъ только:

— Нѣтъ, оставь меня.

Лакей повозился еще. Иванъ Ильичъ протянулъ руку. Петръ подошелъ услужливо.

— Что прикажете?

— Часы.

Петръ досталъ часы, лежавшіе подъ рукой, и подалъ.

— Половина девятаго. Тамъ не встали?

— Никакъ нѣтъ-съ. Василій Ивановичъ (это былъ сынъ) ушли въ гимназію, а Прасковья Ѳедоровна приказали разбудить ихъ, если вы спросите. Прикажете?

— Нѣтъ, не надо. — «Не попробовать ли чаю?» подумалъ онъ. — Да, чаю... принеси.

Петръ пошелъ къ выходу. Ивану Ильичу страшно стало оставаться одному. «Чѣмъ бы задержать его? Да, лѣкарство».— Петръ, подай мнѣ лѣкарство. — «Отчего же, можетъ быть, еще поможетъ и лѣкарство?» Онъ взялъ ложку, выпилъ. «Нѣтъ, не поможетъ. Все это вздоръ, обманъ», рѣшилъ онъ, какъ только почувствовалъ знакомый, приторный и безнадежный вкусъ. «Нѣтъ, ужъ не могу вѣрить. Но боль-то, боль-то зачѣмъ; хоть на минуту затихла бы». И онъ застоналъ. Петръ вернулся.— Нѣтъ, иди. Принеси чаю.

Петръ ушелъ. Иванъ Ильичъ, оставшись одинъ, застоналъ не столько отъ боли, какъ она ни была ужасна, сколько отъ тоски. «Все то же и то же, всѣ эти безконечные дни и ночи. Хоть бы скорѣе. Что скорѣе? Смерть, мракъ.... Нѣтъ, нѣтъ. Все лучше смерти!»

Когда Петръ вошелъ съ чаемъ на подносѣ, Иванъ Ильичъ долго растерянно смотрѣлъ на него, не понимая, кто онъ и что онъ. Петръ смутился отъ этого взгляда. И когда Петръ смутился, Иванъ Ильичъ очнулся.

— Да,—сказалъ онъ,—чай... хорошо, поставь. Только помоги мнѣ умыться и рубашку чистую.

И Иванъ Ильичъ сталъ умываться. Онъ съ отдыхомъ умылъ руки, лицо, вычистилъ зубы, сталъ причесываться и посмотрѣлъ

въ зеркало. Ему страшно стало, особенно страшно было то, какъ волосы плоско прижимались къ блѣдному лбу.

Когда перемѣняли ему рубашку, онъ зналъ, что ему будетъ еще страшнѣе, если онъ взглянетъ на свое тѣло, и не смотрѣлъ на себя. Но вотъ кончилось все. Онъ надѣлъ халатъ, укрылся пледомъ и сѣлъ въ кресло къ чаю. Одну минуту онъ почувствовалъ себя освѣженнымъ, но только что онъ сталъ пить чай, опять тотъ же вкусъ, та же боль. Онъ насильно допилъ и легъ, вытянувъ ноги. Онъ легъ и отпустилъ Петра.

Все то же. То капля надежды блеснетъ, то взбушуется море отчаянія, и все боль, все боль, все тоска, и все одно и то же. Одному ужасно тоскливо, хочется позвать кого-нибудь, но онъ впередъ знаетъ, что при другихъ еще хуже. «Хоть бы опять морфинъ—забыться бы. Я скажу ему, доктору, чтобъ онъ придумалъ что-нибудь еще. Это невозможно, невозможно такъ».

Часъ, два проходитъ такъ. Но вотъ звонокъ въ передней. Авось, докторъ? Точно, это докторъ, свѣжій, бодрый, жирный, веселый, съ тѣмъ выраженіемъ—что вотъ вы тамъ чего-то напугались, а мы сейчасъ вамъ все устроимъ. Докторъ знаетъ, что это выраженіе здѣсь не годится, но онъ уже разъ навсегда надѣлъ его и не можетъ снять, какъ человѣкъ, съ утра надѣвшій фракъ и ѣдущій съ визитами.

Докторъ бодро, утѣшающе потираетъ руки.

— Я холоденъ. Морозъ здоровый. Дайте обогрѣюсь,—говоритъ онъ съ такимъ выраженіемъ, что какъ будто только надо немножко подождать, пока онъ обогрѣется, а когда обогрѣется, то ужъ все исправитъ.

— Ну что, какъ?

Иванъ Ильичъ чувствуетъ, что доктору хочется сказать: «какъ дѣлишки?» но что и онъ чувствуетъ, что такъ нельзя говорить, и говоритъ: «какъ вы провели ночь?»

Иванъ Ильичъ смотритъ на доктора съ выраженіемъ вопроса: «Неужели никогда не станетъ тебѣ стыдно врать?» Но докторъ не хочетъ понимать вопроса.

И Иванъ Ильичъ говоритъ:

— Все такъ же ужасно. Боль не проходитъ, не сдается. Хоть бы что-нибудь!

— Да, вотъ вы, больные, всегда такъ. Ну-съ, теперь, кажется, я согрѣлся, даже аккуратнѣйшая Прасковья Ѳедоровна ничего бы не имѣла возразить противъ моей температуры. Ну-съ, здравствуйте.—И докторъ пожимаетъ руку.

И, откинувъ всю прежнюю игривость, докторъ начинаетъ съ серьезнымъ видомъ изслѣдовать больного, пульсъ, температуру, и начинаются постукиванья, прослушиванья.

Иванъ Ильичъ знаетъ твердо и несомнѣнно, что все это вздоръ и пустой обманъ, но, когда докторъ, ставъ на колѣнки, вытягивается надъ нимъ, прислоняя ухо то выше, то ниже, и дѣлаетъ надъ нимъ съ значительнѣйшимъ лицомъ разныя гимнастическія эволюціи, Иванъ Ильичъ поддается этому, какъ онъ поддавался, бывало, рѣчамъ адвокатовъ, тогда какъ онъ ужъ очень хорошо зналъ, что они все врутъ и зачѣмъ врутъ.

Докторъ, стоя на колѣнкахъ на диванѣ, еще что-то выстукивалъ, когда зашумѣло въ дверяхъ шелковое платье Прасковьи Ѳедоровны и послышался ея упрекъ Петру, что ей не доложили о пріѣздѣ доктора.

Она входитъ, цѣлуетъ мужа и тотчасъ же начинаетъ доказывать, что она давно уже встала и только по недоразумѣнію ея не было тутъ, когда пріѣхалъ докторъ.

Иванъ Ильичъ смотритъ на нее, разглядываетъ ее всю и въ упрекъ ставитъ ей и бѣлизну, и пухлость, и чистоту ея рукъ, шеи, глянецъ ея волосъ и блескъ ея полныхъ жизни глазъ. Онъ всѣми силами души ненавидитъ ее. И прикосновеніе ея заставляетъ его страдать отъ прилива ненависти къ ней.

Ея отношеніе къ нему и его болѣзни все то же. Какъ докторъ выработалъ себѣ отношеніе къ больнымъ, которое онъ не могъ уже снять, такъ она выработала одно отношеніе къ нему— то, что онъ не дѣлаетъ чего-то того, что̀ нужно, и самъ виноватъ, и она любовно укоряетъ его въ этомъ,—и не могла уже снять этого отношенія къ нему.

— Да вѣдь вотъ онъ не слушается, не принимаетъ во-время. А главное—ложится въ такое положеніе, которое навѣрное вредно ему,—ноги кверху.

Она разсказала, какъ онъ заставляетъ Герасима держать себѣ ноги.

Докторъ улыбнулся презрительно-ласково: «Что же, молъ, дѣлать, эти больные выдумываютъ иногда такія глупости; но можно простить».

Когда осмотръ кончился, докторъ посмотрѣлъ на часы, и тогда Прасковья Ѳедоровна объявила Ивану Ильичу, что ужъ какъ онъ хочетъ, а она нынче пригласила знаменитаго доктора, и они вмѣстѣ съ Михаиломъ Даниловичемъ (такъ звали обыкновеннаго доктора) осмотрятъ и обсудятъ.

— Ты ужъ не противься пожалуйста. Это я для себя дѣлаю, — сказала она иронически, давая чувствовать, что она все

дѣлаетъ для него и только этимъ не даетъ ему права отказать ей. Онъ молчалъ и морщился. Онъ чувствовалъ, что ложь эта, окружающая его, такъ путалась, что ужъ трудно было разобрать что-нибудь.

Она все надъ нимъ дѣлала только для себя и говорила ему, что она дѣлаетъ для себя то, что она точно дѣлала для себя, какъ такую невѣроятную вещь, что онъ долженъ былъ понимать это обратно.

Дѣйствительно, въ половинѣ двѣнадцатаго пріѣхалъ знаменитый докторъ. Опять пошли выслушиванья и значительные разговоры при немъ и въ другой комнатѣ о почкѣ, о слѣпой кишкѣ и вопросы и отвѣты съ такимъ значительнымъ видомъ, что опять вмѣсто реальнаго вопроса о жизни и смерти, который уже теперь одинъ стоялъ предъ нимъ, выступилъ вопросъ о почкѣ и слѣпой кишкѣ, которыя что-то дѣлали не такъ, какъ слѣдовало, и на которыя за это вотъ-вотъ нападутъ Михаилъ Даниловичъ и знаменитость и заставятъ ихъ исправиться.

Знаменитый докторъ простился съ серьезнымъ, но не съ безнадежнымъ видомъ. И на робкій вопросъ, который съ поднятыми къ нему блестящими страхомъ и надеждой глазами обратилъ Иванъ Ильичъ, есть ли возможность выздоровленія, отвѣчалъ, что ручаться нельзя, но возможность есть. Взглядъ надежды, съ которымъ Иванъ Ильичъ проводилъ доктора, былъ такъ жалокъ, что, увидавъ его, Прасковья Ѳедоровна даже заплакала, выходя изъ дверей кабинета, чтобы передать гонораръ знаменитому доктору.

Подъемъ духа, произведенный обнадеживаніемъ доктора, продолжался недолго. Опять та же комната, тѣ же картины, гардины, обои, стклянки и то же свое болящее, страдающее тѣло. И Иванъ Ильичъ началъ стонать; ему сдѣлали впрыскиванье, и онъ забылся.

Когда онъ очнулся, стало смеркаться; ему принесли обѣдать. Онъ поѣлъ съ усиліемъ бульона; и опять то же, и опять наступающая ночь.

Послѣ обѣда, въ семь часовъ въ комнату его вошла Прасковья Ѳедоровна, одѣтая какъ на вечеръ, съ толстыми подтянутыми грудями и слѣдами пудры на лицѣ. Она еще утромъ напоминала ему о поѣздкѣ ихъ въ театръ. Была пріѣзжая Сара Бернаръ, и у нихъ была ложа, которую онъ настоялъ, чтобы они взяли. Теперь онъ забылъ про это, и ея нарядъ оскорбилъ его. Но онъ скрылъ свое оскорбленіе, когда вспомнилъ, что онъ самъ настаивалъ, чтобы они достали ложу и ѣхали,

потому что это для дѣтей воспитательное и эстетическое наслажденіе.

Прасковья Θедоровна вошла довольная собой, но какъ будто виноватая. Она присѣла, спросила о здоровьѣ, какъ онъ видѣлъ, для того только, чтобы спросить, но не для того, чтобы узнать, зная, что и узнавать нечего, и начала говорить то, что ей нужно было: что она ни за что не поѣхала бы, но ложа взята, и ѣдутъ Эленъ, и дочь, и Петрищевъ (судебный слѣдователь, женихъ дочери), и что невозможно ихъ пустить однихъ. А что ей такъ бы пріятнѣе было посидѣть съ нимъ. Только бы онъ дѣлалъ безъ нея по предписанію доктора.

— Да, и Θедоръ Петровичъ (женихъ) хотѣлъ войти. Можно? И Лиза.

— Пускай войдутъ.

Вошла дочь, разодѣтая, съ обнаженнымъ молодымъ тѣломъ, тѣмъ тѣломъ, которое такъ заставляло страдать его. А она его выставляла. Сильная, здоровая, очевидно влюбленная и негодующая на болѣзнь, страданія и смерть, мѣшающія ея счастію.

Вошелъ и Θедоръ Петровичъ во фракѣ, завитой à la Capoul, съ длинной жилистой шеей, обложенной плотно бѣлымъ воротничкомъ, съ огромною бѣлою грудью и обтянутыми сильными ляжками въ узкихъ черныхъ штанахъ съ одною натянутою бѣлою перчаткой на рукѣ и съ клакомъ.

За нимъ вползъ незамѣтно и гимназистикъ въ новенькомъ мундирчикѣ, бѣдняжка, въ перчаткахъ и съ ужасною синевой подъ глазами, значеніе которой зналъ Иванъ Ильичъ.

Сынъ всегда жалокъ былъ ему. И страшенъ былъ его испуганный и соболѣзнующій взглядъ. Кромѣ Герасима, Ивану Ильичу казалось, что одинъ Вася понималъ и жалѣлъ.

Всѣ сѣли, опять спросили о здоровьѣ. Произошло молчаніе. Лиза спросила у матери о биноклѣ. Произошли пререканія между матерью и дочерью, кто куда его дѣлъ. Вышло непріятно.

Θедоръ Петровичъ спросилъ у Ивана Ильича, видѣлъ ли онъ Сару Бернаръ. Иванъ Ильичъ не понялъ сначала того, что̀ у него спрашивали, а потомъ сказалъ: «Нѣтъ; а вы ужъ видѣли?»

— Да, въ Adrienne Lecouvreur.

Прасковья Θедоровна сказала, что она особенно хороша въ томъ-то. Дочь возразила. Начался разговоръ объ изяществѣ и реальности ея игры, — тотъ самый разговоръ, который всегда бываетъ одинъ и тотъ же.

Въ срединѣ разговора Ѳедоръ Петровичъ взглянулъ на Ивана Ильича и замолкъ. Другіе взглянули и замолкли. Иванъ Ильичъ смотрѣлъ блестящими глазами предъ собой, очевидно негодуя на нихъ. Надо было поправить это, но поправить никакъ нельзя было. Надо было какъ-нибудь прервать это молчаніе. Никто не рѣшался, и всѣмъ становилось страшно, что вдругъ нарушится какъ-нибудь приличная ложь и ясно будетъ всѣмъ то, что̀ есть. Лиза первая рѣшилась. Она прервала молчаніе. Она хотѣла скрыть то, что всѣ испытывали, но проговорилась.

— Однако *если ѣхать*, то пора, — сказала она, взглянувъ на свои часы, подарокъ отца, и чуть замѣтно, значительно о чемъ-то, имъ однимъ извѣстномъ, улыбнулась молодому человѣку и встала, зашумѣвъ платьемъ.

Всѣ встали, простились и уѣхали.

Когда они вышли, Ивану Ильичу показалось, что ему легче: лжи не было, — она ушла съ ними, но боль осталась. Все та же боль, все тотъ же страхъ дѣлали то, что ничто не тяжеле, ничто не легче. Все хуже.

Опять пошли минута за минутой, часъ за часомъ, все то же, и все нѣтъ конца, и все страшнѣе неизбѣжный конецъ.

— Да, пошлите Герасима, — отвѣтилъ онъ на вопросъ Петра.

IX.

Поздно ночью вернулась жена. Она вошла на цыпочкахъ, но онъ услыхалъ ее: открылъ глаза и поспѣшно закрылъ опять. Она хотѣла услать Герасима и сама сидѣть съ нимъ. Онъ открылъ глаза и сказалъ: — Нѣтъ. Иди.

— Ты очень страдаешь?

— Все равно.

— Прими опіума.

Онъ согласился и выпилъ. Она ушла.

Часовъ до трехъ онъ былъ въ мучительномъ забытьи. Ему казалось, что его съ болью суютъ куда-то въ узкій, черный и глубокій мѣшокъ и все дальше просовываютъ и не могутъ просунуть. И это ужасное для него дѣло совершается съ страданіемъ. И онъ и боится, и хочетъ провалиться туда, и борется, и помогаетъ. И вотъ вдругъ онъ оборвался и упалъ, и очнулся. Все тотъ же Герасимъ сидитъ въ ногахъ на постели, дремлетъ спокойно, терпѣливо. А онъ лежитъ, поднявъ ему на плечи исхудалыя ноги въ чулкахъ; свѣча та же съ абажуромъ и та же непрекращающаяся боль.

— Уйди, Герасимъ, — прошепталъ онъ.

— Ничего, посижу-съ.

— Нѣтъ, уйди.

Онъ снялъ ноги, легъ бокомъ на руку, и ему стало жалко себя. Онъ подождалъ только того, чтобъ Герасимъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, и не сталъ больше удерживаться, и заплакалъ какъ дитя. Онъ плакалъ о безпомощности своей, о своемъ ужасномъ одиночествѣ, о жестокости людей, о жестокости Бога, объ отсутствіи Бога.

«Зачѣмъ Ты все это сдѣлалъ? зачѣмъ привелъ меня сюда? За что, за что такъ ужасно мучаешь меня?»

Онъ и не ждалъ отвѣта, и плакалъ о томъ, что нѣтъ и не можетъ быть отвѣта. Боль поднялась опять, но онъ не шевелился, не звалъ. Онъ говорилъ себѣ: «ну еще, ну бей! Но за что̀? что̀ я сдѣлалъ Тебѣ, за что̀?»

Потомъ онъ затихъ, пересталъ не только плакать, пересталъ дышать и весь сталъ вниманіе: какъ будто онъ прислушивался не къ голосу, говорящему звуками, но къ голосу души, къ ходу мыслей, поднимавшемуся въ немъ.

— Чего тебѣ нужно? — было первое ясное, могущее быть выражено словами, понятіе, которое онъ услышалъ. — Что тебѣ нужно? чего тебѣ нужно? — повторилъ онъ себѣ. — Чего? — Не страдать. Жить, — отвѣтилъ онъ.

И опять онъ весь предался вниманію, такому напряженному, что даже боль не развлекала его.

— Жить? какъ жить? — спросилъ голосъ души.

— Да, жить, какъ я жилъ прежде: хорошо, пріятно.

— Какъ ты жилъ прежде, хорошо и пріятно? — спросилъ голосъ. И онъ сталъ перебирать въ воображеніи лучшія минуты своей пріятной жизни. Но — странное дѣло — всѣ эти лучшія минуты пріятной жизни казались теперь совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онѣ казались тогда. Всѣ — кромѣ первыхъ воспоминаній дѣтства. Тамъ, въ дѣтствѣ, было что-то такое дѣйствительно пріятное, съ чѣмъ можно бы было жить, если бы оно вернулось. Но того человѣка, который испытывалъ это пріятное, уже не было: это было какъ бы воспоминаніе о какомъ-то другомъ.

Какъ только начиналось то, чего результатомъ былъ теперешній онъ, Иванъ Ильичъ, такъ всѣ казавшіяся тогда радости теперь на глазахъ его таяли и превращались во что-то ничтожное и часто гадкое.

И чѣмъ дальше отъ дѣтства, чѣмъ ближе къ настоящему, тѣмъ ничтожнѣе и сомнительнѣе были радости. Начиналось это съ правовѣдѣнія. Тамъ было еще кое-что истинно хорошее:

тамъ было веселье, тамъ была дружба, тамъ были надежды. Но въ высшихъ классахъ уже были рѣже эти хорошія минуты. Потомъ, во время первой службы у губернатора, опять появились хорошія минуты: это были воспоминанія о любви къ женщинѣ. Потомъ все это смѣшалось, и еще меньше стало хорошаго. Далѣе еще меньше хорошаго, и что дальше, то меньше.

Женитьба... такъ нечаянно и разочарованіе, и запахъ изо рта жены, и чувственность, притворство! И эта мертвая служба, и эти заботы о деньгахъ, и такъ годъ, и два, и десять, и двадцать—и все то же. И что дальше, то мертвѣе. Точно равномѣрно я шелъ подъ гору, воображая, что иду на гору. Такъ и было. Въ общественномъ мнѣніи я шелъ на гору, и ровно настолько изъ-подъ меня уходила жизнь... И вотъ готово — умирай!

Такъ что жъ это? зачѣмъ? Не можетъ быть! Не можетъ быть, чтобъ такъ безсмысленна, гадка была жизнь? А если точно она такъ гадка и безсмысленна была, такъ зачѣмъ же умирать, и умирать страдая? Что-нибудь не такъ.

Можетъ быть, я жилъ не такъ какъ должно? приходило ему вдругъ въ голову. Но какъ же не такъ, когда я дѣлалъ все, какъ слѣдуетъ? говорилъ онъ себѣ и тотчасъ же отгонялъ отъ себя это единственное разрѣшеніе всей загадки жизни и смерти, какъ что-то совершенно невозможное.

Чего жъ ты хочешь теперь? Жить? какъ жить? Жить, какъ ты живешь въ судѣ, когда судебный приставъ провозглашаетъ: «судъ идетъ»? Судъ идетъ, идетъ судъ, повторилъ онъ себѣ. Вотъ онъ судъ. Да я же не виноватъ! вскрикнулъ онъ со злобой. За что? И онъ пересталъ плакать и, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, сталъ думать все объ одномъ и томъ же: зачѣмъ, за что весь этотъ ужасъ?

Но сколько онъ ни думалъ, онъ не нашелъ отвѣта. И когда ему приходила, какъ она приходила ему часто, мысль о томъ, что все это происходитъ отъ того, что онъ жилъ не такъ, онъ тотчасъ вспоминалъ всю правильность своей жизни и отгонялъ эту странную мысль.

X.

Прошло еще двѣ недѣли. Иванъ Ильичъ уже не вставалъ съ дивана. Онъ не хотѣлъ лежать въ постели и лежалъ на диванѣ. И, лежа почти все время лицомъ къ стѣнѣ, онъ одиноко страдалъ все тѣ же неразрѣшающіяся страданія и одиноко думалъ все ту же неразрѣшающуюся думу. «Что это? Неужели

правда, что смерть?» И внутренній голосъ отвѣчалъ: «да, правда». «Зачѣмъ эти муки?» И голосъ отвѣчалъ: «а такъ, ни зачѣмъ». Дальше и кромѣ этого ничего не было.

Съ самаго начала болѣзни, съ того времени, какъ Иванъ Ильичъ въ первый разъ поѣхалъ къ доктору, его жизнь раздѣлилась на два противоположныя настроенія, смѣнявшія одно другое: то было отчаяніе и ожиданіе непонятной и ужасной смерти, то была надежда и исполненное интереса наблюденіе за дѣятельностью своего тѣла, то передъ глазами была одна почка или кишка, которая на время отклонилась отъ исполненія своихъ обязанностей, то была одна непонятная ужасная смерть, отъ которой ничѣмъ нельзя избавиться.

Эти два настроенія съ самаго начала болѣзни смѣняли другъ друга; но чѣмъ дальше шла болѣзнь, тѣмъ сомнительнѣе и фантастичнѣе становились соображенія о почкѣ и тѣмъ реальнѣе сознаніе наступающей смерти.

Стоило ему вспомнить о томъ, чѣмъ онъ былъ три мѣсяца тому назадъ, и то, что̀ онъ теперь, вспомнить, какъ равномѣрно онъ шелъ подъ гору, — чтобы разрушилась всякая возможность надежды.

Въ послѣднее время того одиночества, въ которомъ онъ находился, лежа лицомъ къ спинкѣ дивана, того одиночества среди многолюднаго города и своихъ многочисленныхъ знакомыхъ и семьи, — одиночества, полнѣе котораго не могло быть нигдѣ: ни на днѣ моря, ни въ землѣ, — въ послѣднее время этого страшнаго одиночества Иванъ Ильичъ жилъ только воображеніемъ въ прошедшемъ. Одна за другой ему представлялись картины его прошедшаго. Начиналось всегда съ ближайшаго по времени и сводилось къ самому отдаленному, къ дѣтству, и на немъ останавливалось. Вспоминалъ ли Иванъ Ильичъ о вареномъ черносливѣ, который ему предлагали ѣсть нынче, онъ вспоминалъ о сыромъ, сморщенномъ французскомъ черносливѣ въ дѣтствѣ, объ особенномъ вкусѣ его и обиліи слюны, когда дѣло доходило до косточки, и рядомъ съ этимъ воспоминаніемъ вкуса возникалъ цѣлый рядъ воспоминаній того времени: няня, братъ, игрушки. «Не надо объ этомъ... слишкомъ больно», говорилъ себѣ Иванъ Ильичъ и опять переносился въ настоящее. Пуговица на спинкѣ дивана и морщины сафьяна. «Сафьянъ дорогъ, непроченъ; ссора была изъ-за него. Но сафьянъ другой былъ, и другая ссора, когда мы разорвали портфель у отца и насъ наказали, а мама принесла пирожки». И опять останавливалось на дѣтствѣ, и опять Ивану Ильичу было больно, и онъ старался отогнать и думать о другомъ.

И опять тутъ же, вмѣстѣ съ этимъ ходомъ воспоминанія у него въ душѣ шелъ другой ходъ воспоминаній — о томъ, какъ усиливалась и росла его болѣзнь. То же, что дальше назадъ, то больше было жизни. Больше было и добра въ жизни, и больше было и самой жизни. И то и другое сливалось вмѣстѣ. «Какъ мученія все идутъ хуже и хуже, такъ и вся жизнь шла все хуже и хуже», думалъ онъ. Одна точка свѣтлая тамъ, назади, въ началѣ жизни, а потомъ все чернѣе и чернѣе и все быстрѣе и быстрѣе. «Обратно пропорціонально квадратамъ разстояній отъ смерти», подумалъ Иванъ Ильичъ. И этотъ образъ камня, летящаго внизъ съ увеличивающеюся быстротой, запалъ ему въ душу. Жизнь, рядъ увеличивающихся страданій, летитъ все быстрѣе и быстрѣе къ концу, страшнѣйшему страданію. «Я лечу...» Онъ вздрагивалъ, шевелился, хотѣлъ противиться; но уже онъ зналъ, что противиться нельзя, и опять усталыми отъ смотрѣнія, но не могущими не смотрѣть на то, что было предъ нимъ, глазами глядѣлъ на спинку дивана и ждалъ, — ждалъ этого страшнаго паденія, толчка и разрушенія. «Противиться нельзя, — говорилъ онъ себѣ. — Но хоть бы понять, зачѣмъ это? И того нельзя. Объяснить бы можно было, если бы сказать, что я жилъ не такъ, какъ надо. Но этого-то уже невозможно признать», говорилъ онъ самъ себѣ, вспоминая всю законность, правильность и приличіе своей жизни. «Этого-то допустить уже невозможно», говорилъ онъ себѣ, усмѣхаясь губами, какъ будто кто-нибудь могъ видѣть эту его улыбку и быть обманутымъ ею. «Нѣтъ объясненія! Мученіе, смерть... Зачѣмъ?»

XI.

Такъ прошло двѣ недѣли. Въ эти недѣли случилось желанное для Ивана Ильича и его жены событіе: Петрищевъ сдѣлалъ формальное предложеніе. Это случилось вечеромъ. На другой день Прасковья Ѳедоровна вошла къ мужу, обдумывая, какъ объявить ему о предложеніи Ѳедора Петровича, но въ эту самую ночь съ Иваномъ Ильичомъ свершилась новая перемѣна къ худшему. Прасковья Ѳедоровна застала его на томъ же диванѣ, но въ новомъ положеніи. Онъ лежалъ навзничь, стоналъ и смотрѣлъ предъ собой остановившимся взглядомъ.

Она стала говорить о лѣкарствахъ. Онъ перевелъ свой взглядъ на нее. Она не договорила того, что начала: такая злоба, именно къ ней, выражалась въ этомъ взглядѣ.

— Ради Христа, дай мнѣ умереть спокойно, — сказалъ онъ.

Она хотѣла уходить, но въ это время вошла дочь и подошла поздороваться. Онъ также посмотрѣлъ на дочь, какъ и

на жену, и на ея вопросы о здоровьѣ сухо сказалъ ей, что онъ скоро освободитъ ихъ всѣхъ отъ себя. Обѣ замолчали, посидѣли и вышли.

— Въ чемъ же мы виноваты? — сказала Лиза матери. — Точно мы это сдѣлали! Мнѣ жалко папа, но за что же насъ мучить?

Въ обычное время пріѣхалъ докторъ. Иванъ Ильичъ отвѣчалъ ему: «да, нѣтъ», не спуская съ него озлобленнаго взгляда, и подъ конецъ сказалъ:

— Вѣдь вы знаете, что ничего не поможете, такъ оставьте.

— Облегчить страданія можемъ, — сказалъ докторъ.

— И того не можете; оставьте.

Докторъ вышелъ въ гостиную и сообщилъ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, что очень плохо и что одно средство — опіумъ, чтобы облегчить страданія, которыя должны быть ужасны.

Докторъ говорилъ, что страданія его физическія ужасны, и это была правда; но ужаснѣе его физическихъ страданій были его нравственныя страданія, и въ этомъ было главное его мученіе.

Нравственныя его страданія состояли въ томъ, что въ эту ночь, глядя на сонное, добродушное, скуластое лицо Герасима, ему вдругъ пришло въ голову: «а что какъ и въ самомъ дѣлѣ вся моя жизнь, сознательная жизнь, была не то?»

Ему пришло въ голову, что то, что ему представлялось прежде совершенною невозможностью, то, что онъ прожилъ свою жизнь, не такъ, какъ должно было, что это могло быть правда. Ему пришло въ голову, что тѣ его чуть замѣтныя, поползновенія борьбы противъ того, что наивыше поставленными людьми считалось хорошимъ, поползновенія чуть замѣтныя, которыя онъ тотчасъ же отгонялъ отъ себя,—что они-то и могли быть настоящія, а остальное все могло быть не то. И его служба, и его устройство жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы,—все это могло быть не то. Онъ попытался защитить предъ собой все это. И вдругъ почувствовалъ всю слабость того, что онъ защищаетъ. И защищать нечего было.

«А если это такъ,—сказалъ онъ себѣ,—и я ухожу изъ жизни съ сознаніемъ того, что погубилъ все, что мнѣ дано было, и поправить нельзя, тогда что жъ? Онъ легъ навзничь и сталъ совсѣмъ по-новому перебирать всю свою жизнь. Когда онъ увидалъ утромъ лакея, потомъ жену, потомъ дочь, потомъ доктора, — каждое ихъ движеніе, каждое ихъ слово подтверждало для него ужасную истину, открывшуюся ему ночью. Онъ въ нихъ видѣлъ себя, все то, чѣмъ онъ жилъ, и ясно видѣлъ, что все

это было не то, все это былъ ужасный, огромный обманъ, закрывающій и жизнь и смерть. Это сознаніе увеличило, удесятерило его физическія страданія. Онъ стоналъ и метался и обдергивалъ на себѣ одежду. Ему казалось, что она душила и давила его. И за это онъ ненавидѣлъ ихъ.

Ему дали большую дозу опіума, онъ забылся; но въ обѣдъ началось опять то же. Онъ гналъ всѣхъ отъ себя и метался съ мѣста на мѣсто.

Жена пришла къ нему и сказала:

— Jean, голубчикъ, сдѣлай это для меня (для меня?). Это не можетъ повредить, но часто помогаетъ. Что же, это ничего. И здоровые часто...

Онъ открылъ широко глаза.

— Что? причаститься? Зачѣмъ? Не надо! А впрочемъ...

Она заплакала.

— Да, мой другъ? Я позову нашего, онъ такой милый.

— Прекрасно, очень хорошо, — проговорилъ онъ.

Когда пришелъ священникъ и исповѣдывалъ его, онъ смягчился, почувствовалъ какъ будто облегченіе отъ своихъ сомнѣній и вслѣдствіе этого отъ страданій, и на него нашла минута надежды. Онъ опять сталъ думать о слѣпой кишкѣ и возможности исправленія ея. Онъ причастился со слезами на глазахъ.

Когда его уложили послѣ причастія, ему стало на минуту легко, и опять явилась надежда на жизнь. Онъ сталъ думать объ операціи, которую предлагали ему. «Жить, жить хочу», говорилъ онъ себѣ. Жена пришла поздравить; она сказала обычныя слова и прибавила:

— Не правда ли, тебѣ лучше?

Онъ, не глядя на нее, проговорилъ: «да».

Ея одежда, ея сложеніе, выраженіе ея лица, звукъ ея голоса — все сказало ему одно: «не то, — все то, чѣмъ ты жилъ и живешь, есть ложь, обманъ, скрывающій отъ тебя жизнь и смерть». И какъ только онъ подумалъ это, поднялась его ненависть и вмѣстѣ съ ненавистью физическія мучительныя страданія и съ страданіями сознаніе неизбѣжной, близкой погибели. Что-то сдѣлалось новое: стало винтить и стрѣлять и сдавливать дыханіе.

Выраженіе лица его, когда онъ проговорилъ «да», было ужасно. Проговоривъ это «да», глядя ей прямо въ лицо, онъ необычайно для своей слабости быстро повернулся ничкомъ и закричалъ:

— Уйдите, уйдите, оставьте меня!

XII.

Съ этой минуты начался тотъ, три дня не перестававшій крикъ, который такъ былъ ужасенъ, что нельзя было за двумя дверями безъ ужаса слышать его. Въ ту минуту, какъ онъ отвѣтилъ женѣ, онъ понялъ, что онъ пропалъ, что возврата нѣтъ, что пришелъ конецъ, совсѣмъ конецъ, а сомнѣніе такъ и не разрѣшено, такъ и остается сомнѣніемъ.

— У! уу! у! — кричалъ онъ на разныя интонаціи. Онъ началъ кричать: «не хочу!» и такъ продолжалъ кричать на букву «у».

Всѣ три дня, въ продолженіе которыхъ для него не было времени, онъ барахтался въ томъ черномъ мѣшкѣ, въ который просовывала его невидимая, непреодолимая сила. Онъ бился, какъ бьется въ рукахъ палача приговоренный къ смерти, зная, что онъ не можетъ спастись; и съ каждою минутой онъ чувствовалъ, что, несмотря на всѣ усилія борьбы, онъ ближе и ближе становился къ тому, что̀ ужасало его. Онъ чувствовалъ, что мученіе его и въ томъ, что онъ всовывается въ эту черную дыру, и еще больше въ томъ, что онъ не можетъ пролѣзть въ нее. Пролѣзть же ему мѣшаетъ признаніе того, что жизнь его была хорошая. Это-то оправданіе своей жизни цѣпляло и не пускало его впередъ и больше всего мучило его.

Вдругъ какая-то сила толкнула его въ грудь, въ бокъ, еще сильнѣе сдавило ему дыханіе, онъ провалился въ дыру, и тамъ, въ концѣ дыры, засвѣтилось что-то. Съ нимъ сдѣлалось то, что̀ бывало съ нимъ въ вагонѣ желѣзной дороги, когда думаешь, что ѣдешь впередъ, а ѣдешь назадъ, и вдругъ узнаешь настоящее направленіе.

«Да, все было не то, — сказалъ онъ себѣ, — но это ничего. Можно, можно сдѣлать «то». Что жъ «то»? спросилъ онъ себя и вдругъ затихъ.

Это было въ концѣ третьяго дня, за два часа до его смерти. Въ это самое время гимназистикъ тихонько прокрался къ отцу и подошелъ къ его постели. Умирающій все кричалъ отчаянно и кидалъ руками. Рука его попала на голову гимназистика. Гимназистикъ схватилъ ее, прижалъ къ губамъ и заплакалъ.

Въ это самое время Иванъ Ильичъ провалился, увидалъ свѣтъ, и ему открылось, что жизнь его была не то, что̀ надо, но что это можно еще поправить. Онъ спросилъ себя: что же «то»? и затихъ, прислушиваясь. Тутъ онъ почувствовалъ, что руку его цѣлуетъ кто-то. Онъ открылъ глаза и взглянулъ на сына. Ему стало жалко его. Жена подошла къ нему. Онъ взглянулъ на нее. Она съ открытымъ ртомъ и съ неотертыми сле-

зами на носу и щекѣ съ отчаяннымъ выраженіемъ смотрѣла на него. Ему жалко стало ее.

«Да, я мучаю ихъ, — подумалъ онъ. — Имъ жалко, но имъ лучше будетъ, когда я умру». Онъ хотѣлъ сказать это, но не въ силахъ былъ выговорить. «Впрочемъ, зачѣмъ же говорить, надо сдѣлать», подумалъ онъ. Онъ указалъ женѣ взглядомъ на сына и сказалъ:

— Уведи... жалко... и тебя... — Онъ хотѣлъ сказать еще «прости», но сказалъ «пропусти» и, не въ силахъ уже будучи поправиться, махнулъ рукой, зная что пойметъ тотъ, кому надо.

И вдругъ ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, что вдругъ все выходитъ сразу, и съ двухъ сторонъ, съ десяти сторонъ, со всѣхъ сторонъ. Жалко ихъ, надо сдѣлать, чтобъ имъ не больно было. Избавить ихъ и самому избавиться отъ этихъ страданій. «Какъ хорошо и какъ просто», подумалъ онъ. «А боль? — спросилъ онъ себя. — Ее куда? Ну-ка, гдѣ ты, боль?»

Онъ сталъ прислушиваться.

«Да, вотъ она. Ну что жъ, пускай боль».

«А смерть? Гдѣ она?»

Онъ искалъ своего прежняго привычнаго страха смерти и не находилъ его. Гдѣ она? какая смерть? Страха никакого не было, потому что и смерти не было.

Вмѣсто смерти былъ свѣтъ.

— Такъ вотъ что! — вдругъ вслухъ проговорилъ онъ. — Какая радость!

Для него все это произошло въ одно мгновеніе, и значеніе этого мгновенія уже не измѣнялось. Для присутствующихъ же агонія его продолжалась еще два часа. Въ груди его клокотало что-то; изможденное тѣло его вздрагивало. Потомъ рѣже и рѣже стали клокотанье и хрипѣнье.

— Кончено! — сказалъ кто-то надъ нимъ.

Онъ услыхалъ эти слова и повторилъ ихъ въ своей душѣ. «Кончена смерть, — сказалъ онъ себѣ. — Ея нѣтъ больше».

Онъ втянулъ въ себя воздухъ, остановился на половинѣ вздоха, потянулся и умеръ.

22 марта 1886 г.

БЕСѢДА ДОСУЖИХЪ ЛЮДЕЙ.

(Прологъ къ повѣсти: „Ходите въ свѣтѣ“).

Собрались разъ въ богатомъ домѣ гости. И случилось такъ, что завязался серьезный разговоръ о жизни.

Говорили про отсутствующихъ и про присутствующихъ и не могли найти ни одного человѣка, довольнаго своею жизнью.

Мало того, что никто не могъ жаловаться счастіемъ, но не было ни одного человѣка, который бы считалъ, что онъ живетъ такъ, какъ должно жить христіанину. Признавались всѣ, что живутъ мірскою жизнью въ заботахъ только о себѣ и своихъ семейныхъ, а не думаетъ никто о ближнемъ и ужъ тѣмъ меньше о Богѣ.

Такъ говорили гости между собой, и всѣ были согласны, обвиняя самихъ себя въ безбожной, нехристіанской жизни.

— Такъ зачѣмъ же мы живемъ такъ? — вскричалъ юноша,— зачѣмъ дѣлаемъ то, чего сами не одобряемъ? Развѣ мы не властны измѣнить свою жизнь? Мы сами сознаемъ, что губятъ насъ наша роскошь, изнѣженность, наше богатство, а главное — наша гордость, наше отдѣленіе себя отъ братьевъ. Чтобы быть знатнымъ и богатымъ, мы должны лишить себя всего, что даетъ радость жизни человѣку, мы скучиваемся въ городахъ, изнѣживаемъ себя, губимъ свое здоровье и, несмотря на всѣ наши увеселенія, умираемъ отъ скуки и отъ сожалѣнія, что жизнь наша не такая, какая она должна быть.

Зачѣмъ же жить такъ, зачѣмъ губить такъ свою жизнь, все то благо, которое дано намъ отъ Бога? Не хочу жить попрежнему. Брошу начатое ученіе, — оно вѣдь приведетъ меня ни къ чему другому, какъ къ той же мучительной жизни, на которую мы всѣ теперь жалуемся. Откажусь отъ своего имѣнія и пойду жить въ деревнѣ съ бѣдными; буду работать съ ними, научусь работать руками и, если нужно бѣднымъ мое образованіе, буду сообщать его имъ, но не черезъ учрежденія и книги, а прямо живя съ ними по-братски.

— Да, я рѣшилъ, — сказалъ онъ, вопросительно взглядывая на своего отца, который былъ тутъ же.

— Желаніе твое доброе, — сказалъ отецъ, — но легкомысленное и необдуманное. Тебѣ представляется все столь легкимъ потому, что ты не знаешь жизни. Мало ли что намъ кажется хорошимъ! Но дѣло въ томъ, что исполненіе этого хорошаго очень бываетъ трудно и сложно. Трудно идти хорошо по битой колеѣ, но еще труднѣе прокладывать новые пути. Ихъ прокладываютъ только люди, которые вполнѣ созрѣли и овладѣли всѣмъ тѣмъ, что̀ доступно людямъ. Тебѣ кажутся легкими новые пути жизни потому, что ты не понимаешь еще жизни. Все это — легкомысліе и гордость молодости. Мы, старые люди, для того и нужны, чтобы умѣрять ваши порывы и руководить васъ нашимъ опытомъ, а вы, молодые, должны повиноваться намъ, чтобы воспользоваться нашимъ опытомъ. Твоя жизнь дѣятельная еще впереди, теперь ты растешь и развиваешься. Воспитайся, образуйся вполнѣ, стань на свои ноги, имѣй свои твердыя убѣжденія и тогда начинай новую жизнь, если чувствуешь къ тому силы. Теперь же тебѣ надо повиноваться тѣмъ, которые руководятъ тобой для твоего блага, а не открывать новые пути жизни.

Юноша замолчалъ, и старшіе согласились съ тѣмъ, что̀ сказалъ отецъ.

— Вы правы, — обратился къ отцу юноши человѣкъ женатый, среднихъ лѣтъ. — Правда, — сказалъ онъ, — что юноша, не имѣя опыта жизни, можетъ ошибиться, отыскивая новые пути жизни, и его рѣшеніе не можетъ быть твердо, но вѣдь всѣ мы согласились въ томъ, что жизнь наша противна нашей совѣсти и не даетъ намъ блага. Поэтому нельзя не признавать справедливымъ желанія выйти изъ этой жизни.

Юноша можетъ принять свою мечту за выводъ разума, но я не юноша, и скажу вамъ про себя: слушая разговоры нынѣшняго вечера, мнѣ пришла въ голову та же самая мысль. Та жизнь, которую я веду, очевидно для меня, не можетъ дать мнѣ спокойствія совѣсти и блага. Это мнѣ показываютъ и опытъ и разумъ. Такъ чего же я жду? Бьешься съ утра до вечера для семьи, а на дѣлѣ выходитъ, что и самъ и семья живемъ не по-Божьи, а все хуже и хуже увязаемъ въ грѣхахъ. Дѣлаешь для семьи, а семьѣ вѣдь не лучше, потому что то, что дѣлаешь для нихъ, не есть благо. И потому я часто думаю, что не лучше ли бы, если бъ я измѣнилъ всю свою жизнь и сдѣлалъ бы именно то, что̀ сказалъ молодой человѣкъ: пересталъ бы о женѣ и дѣтяхъ заботиться, а только бы о душѣ думалъ. Не даромъ и

у Павла сказано: «женившійся печется о женѣ, а неженившійся о Богѣ».

Не успѣлъ договорить этого женатый, какъ напустились на него всѣ бывшія тутъ женщины и его жена.

— Объ этомъ нужно было раньше думать, — сказала одна изъ пожилыхъ женщинъ.

— Надѣлъ хомутъ, такъ тяни. Этакъ и всякій скажетъ, что хочу спасаться, когда ему трудно покажется вести и кормить семью. Это обманъ и подлость. Нѣтъ, человѣкъ долженъ сумѣть въ семьѣ по-Божьи жить. А то такъ-то легко спасаться одному. Да и, главное, поступить такъ — значитъ поступить противъ ученія Христа. Богъ велѣлъ другихъ любить, а этимъ вы для Бога другихъ оскорблять хотите. Нѣтъ, у женатаго свои опредѣленныя обязанности и онъ не долженъ пренебрегать ими. Другое дѣло, когда семья уже поставлена на ноги. Тогда дѣлайте для себя, какъ хотите. А семью насиловать никто не имѣетъ права.

Но женатый не согласился съ этимъ. Онъ сказалъ: «Я не хочу семью бросать. Я только говорю, что семью-то и дѣтей надо вести не по-мірски, не къ тому, чтобъ они пріучались жить для своей похоти, какъ вотъ мы говорили, а надо вести такъ, чтобы дѣти смолоду пріучались къ нуждѣ, къ работѣ, къ помощи людямъ и, главное, къ братской жизни со всѣми. А для этого нужно отказаться отъ знатности и богатства».

— Нечего другихъ ломать, пока самъ не по-Божьи живешь, — съ горячностью сказала на это его жена. — Ты самъ жилъ смолоду въ свое удовольствіе, за что же ты своихъ дѣтей и свою семью мучить хочешь? Пускай выростутъ въ покоѣ, а потомъ чтѝ захотятъ, то и будутъ дѣлать сами, а не ты ихъ заставляй.

Женатый замолчалъ, но бывшій тутъ старый человѣкъ заступился за него.

— Положимъ, — сказалъ онъ, — нельзя женатому человѣку, пріучивъ семью къ извѣстному достатку, вдругъ лишить ее всего этого. Правда, что если ужъ начато воспитаніе дѣтей, то лучше окончить его, чѣмъ все сломать. Тѣмъ болѣе, что возросшія дѣти сами изберутъ тотъ путь, который найдутъ для себя лучшимъ. Я согласенъ, что семейному человѣку трудно и даже невозможно безъ грѣха перемѣнить свою жизнь. Вотъ намъ, старикамъ, это и Богъ велѣлъ. Я про себя скажу: живу я теперь безъ всякихъ обязанностей, живу, по правдѣ сказать, только для своего брюха: ѣмъ, пью, отдыхаю, и мнѣ самому гадко и противно. Вотъ мнѣ такъ пора бросить эту жизнь, раздать свое имѣніе и хоть предъ смертью пожить такъ, какъ Богъ велѣлъ жить христіанину.

Не согласились и со старикомъ. Тутъ были его племянница и крестница, у которой онъ крестилъ всѣхъ дѣтей и дарилъ по праздникамъ, и его сынъ. Всѣ возражали ему.

— Нѣтъ, — сказалъ сынъ, — вы поработали на своемъ вѣку, вамъ надо отдохнуть и не мучить себя. Вы прожили 60 лѣтъ со своими привычками, вамъ нельзя отстать отъ нихъ. Вы только будете напрасно мучить себя.

— Да, да, — подтвердила племянница, — будете въ нуждѣ и будете не въ духѣ, будете ворчать и нагрѣшите больше. А Богъ милосердъ и всѣхъ грѣшниковъ прощаетъ, а не только васъ, такого добраго, дядюшка.

— Да и къ чему намъ? — прибавилъ другой старикъ, ровесникъ дядюшки. — Намъ ужъ съ тобой всего, можетъ быть, два дня жить осталось. Къ чему затѣвать?

— Что за чудо! — сказалъ одинъ изъ гостей (онъ все молчалъ). — Что за чудо! Всѣ говоримъ, что хорошо по-Божьи жить и что живемъ худо, и духомъ и тѣломъ мучимся, а какъ только дошло дѣло до дѣла, такъ выходитъ, что дѣтей ломать нельзя, а надо воспитывать не по-Божьему, а по-старому. Молодымъ нельзя изъ воли родительской выходить, а надо имъ жить не по-Божьему, а по-старому. Женатымъ нельзя жену и дѣтей переламывать, а надо жить не по-Божьему, а по-старому. А старикамъ не къ чему начинать: и не привыкли они да имъ два дня жить осталось. Выходитъ, что жить хорошо никому нельзя, только поговорить можно.

1888 г.

ХОДИТЕ ВЪ СВѢТѢ, ПОКА ЕСТЬ СВѢТЪ.

(Повѣсть изъ временъ древнихъ христіанъ).

---

33. Выслушайте другую притчу. Былъ нѣкоторый хозяинъ дома, который насадилъ виноградникъ, обнесъ его оградою, выкопалъ въ немъ точило, построилъ башню, и, отдавъ его виноградарямъ, отлучился.
34. Когда же приближилось время плодовъ, онъ послалъ своихъ слугъ къ виноградарямъ, взять свои плоды.
35. Виноградари, схвативши слугъ его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями.
36. Опять послалъ онъ другихъ слугъ, больше прежняго: и съ ними поступили такъ же.
37. Наконецъ послалъ онъ къ нимъ своего сына, говоря: постыдятся сына моего.
38. Но виноградари, увидѣвши сына, сказали другъ другу: это наслѣдникъ; пойдемъ, убьемъ его и завладѣемъ наслѣдствомъ его.
39. И схвативши его, вывели вонъ изъ виноградника и убили.
40. Итакъ, когда придетъ хозяинъ виноградника, что̀ сдѣлаетъ онъ съ этими виноградарями?
41. Говорятъ Ему: злодѣевъ сихъ предастъ злой смерти, а виноградникъ отдастъ другимъ виноградарямъ, которые будутъ отдавать ему плоды во времена свои.

(Матѳ. XXI, 33—41.)

I.

Было это въ царствованіе римскаго императора Траяна, 100 лѣтъ послѣ Рождества Христова. Было это въ то время, когда живы еще были ученики учениковъ Христовыхъ, и христіане твердо держали законъ Учителя, какъ сказано въ Дѣяніяхъ: «У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа: и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ; но все у нихъ было общее. Апостолы же съ великою силою свидѣтельствовали о воскресеніи Господа Іисуса Христа; и великая благодать была на всѣхъ ихъ. Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавали ихъ, приносили цѣну проданнаго, и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось въ чемъ кто имѣлъ нужду». (Дѣянія, гл. 4, ст. 32—35).

Жилъ въ эти первыя времена въ странѣ Киликійской, въ городѣ Тарсѣ, богатый купецъ, сиріянинъ, торговецъ драгоцѣнными каменьями, Ювеналій. Вышелъ онъ изъ простыхъ и бѣдныхъ людей, но трудомъ и искусствомъ въ своемъ дѣлѣ нажилъ богатство и уваженіе своихъ согражданъ. Ѣздилъ онъ много по разнымъ землямъ и, хотя не былъ ученъ, многое узналъ и понялъ, и городскіе люди уважали его за его умъ и справедливость. Вѣры онъ держался той римской, языческой, которой держались всѣ уважаемые люди римской имперіи—той вѣры, исполненіе обрядовъ которой стали строго требовать со временъ Августа императора и которую твердо соблюдалъ и теперешній императоръ Траянъ.

Киликійская страна далека отъ Рима, но управлялась римскимъ начальникомъ, и все, что дѣлалось въ Римѣ, отзывалось и въ Киликіи, и управители подражали своимъ императорамъ.

Ювеналій помнилъ въ дѣтствѣ еще разсказы про то, что дѣлалъ Неронъ въ Римѣ, видѣлъ потомъ, какъ гибли императоры одинъ за другимъ, и, какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, что во власти императорской и въ религіи римской ничего не было священнаго, но что все это было дѣло рукъ человѣческихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ умный человѣкъ, онъ понималъ и то, что противиться этой власти было не выгодно, и что, для своего спокойствія, надо было подчиняться установленному порядку. Но, несмотря на то, безуміе всей окружающей жизни, особенно того, что происходило въ Римѣ, гдѣ онъ бывалъ по своимъ дѣламъ, часто смущало его. Были у него сомнѣнія, онъ не могъ обнять всего и относилъ это къ своей необразованности. Онъ былъ женатъ, и дѣтей у него было четверо, но трое умерли въ молодыхъ лѣтахъ, остался одинъ, по имени Юлій.

На этого-то Юлія Ювеналій положилъ всю свою любовь и всѣ свои заботы. Въ особенности хотѣлось Ювеналію такъ воспитать Юлія, чтобы онъ не мучился тѣми сомнѣніями о жизни, которыя смущали его самого.

Когда Юлію минуло 15 лѣтъ, отецъ отдалъ его въ ученіе къ поселившемуся въ ихъ городѣ философу [1]), принимавшему къ себѣ юношей въ обученіе. Отецъ отдалъ его философу вмѣстѣ съ товарищемъ его, Памфиліемъ, сыномъ умершаго вольноотпущеннаго Ювеналія. Юноши были ровесники, оба красавцы и друзья.

---

1) Философъ — ученый, мудрецъ. Философія — наука о высшей мудрости.

Юноши учились оба прилежно. Оба были нрава хорошаго. Юлій отличался болѣе въ изученіи поэтовъ и математики, Памфилій же въ изученіи философовъ.

За годъ до окончанія ихъ ученія Памфилій, придя въ школу, объявилъ учителю, что мать его, вдова, уходитъ съ друзьями въ небольшой городокъ Дарну, и что онъ долженъ идти съ матерью, чтобы помогать ей, и потому долженъ оставить ученіе.

Жалѣлъ учитель о потерѣ ученика, дѣлавшаго ему честь; жалѣлъ Ювеналій, но больше всѣхъ жалѣлъ Юлій. На всѣ увѣщанія оставаться и продолжать ученіе Памфилій остался непреклоненъ и, поблагодаривъ своихъ друзей за любовь къ нему и заботы о немъ, разстался съ ними.

Прошло два года. Юлій окончилъ ученіе и за все это время ни разу не видалъ своего друга. Однажды онъ встрѣтилъ его на улицѣ, зазвалъ къ себѣ въ домъ и сталъ разспрашивать о томъ, какъ и гдѣ онъ живетъ. Памфилій разсказалъ ему, что онъ съ матерью живетъ все тамъ же.

— Живемъ мы,—говорилъ онъ,—не одни, но съ нами много друзей, съ которыми у насъ все общее.

— Какъ общее? — спросилъ Юлій.

— Такъ, что никто изъ насъ ничего не считаетъ своимъ.

— Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

— Мы христіане, — сказалъ Памфилій.

— Неужели! — воскликнулъ Юлій.

Христіаниномъ быть въ то время было то же, что въ наше время заговорщикомъ. Какъ только кого обличали въ христіанствѣ, такъ тотчасъ его сажали въ тюрьму, судили, и если онъ не отрекался, то казнили. Это-то ужаснуло Юлія. Онъ слышалъ всякіе ужасы про христіанъ.

— А какъ же мнѣ говорили, что христіане убиваютъ дѣтей и ѣдятъ ихъ? Неужели и ты участвуешь въ этомъ?

— Приди и посмотри,—отвѣчалъ Памфилій.—Мы ничего не дѣлаемъ особеннаго, мы просто живемъ, стараясь не дѣлать дурного.

— Но какъ же можно жить, ничего не считая своимъ?

— Мы кормимся. Если мы отдаемъ братьямъ наши труды, то они отдаютъ намъ свои.

— Ну, а если братья берутъ труды ваши, а не отдаютъ ихъ, тогда какъ же? — спросилъ Юлій.

— Такихъ нѣтъ, — сказалъ Памфилій. — Такіе люди любятъ жить роскошно, не придутъ къ намъ, а жизнь у насъ простая и не роскошная.

— Да мало ли лѣнивцевъ, которые рады будутъ тому, чтобы ихъ даромъ кормили.

— Есть и такіе и мы охотно принимаемъ ихъ. Недавно пришелъ одинъ такой, бѣжавшій рабъ. Сначала онъ, правда, лѣнился и жилъ дурно, но скоро измѣнилъ свою жизнь и теперь сталъ хорошимъ братомъ.

— Но если бы онъ не исправился?

— Есть и такіе. Старецъ Кириллъ говоритъ, что съ такими-то и надо поступать, какъ съ самыми дорогими братьями и еще больше любить ихъ.

— Развѣ можно любить негодяевъ?

— Нельзя не любить человѣка.

— Но какъ же вы можете давать всѣмъ то, чего они просятъ?— спросилъ Юлій.—Если бы мой отецъ давалъ всѣмъ, кто проситъ, у него очень скоро ничего бы не осталось.

— Не знаю, — отвѣчалъ Памфилій, — у насъ остается на нужду. И если и случится, что нечего ѣсть или нечѣмъ прикрыться, такъ мы у другихъ просимъ, и намъ даютъ. Да рѣдко случается. Мнѣ только разъ и случилось лечь спать безъ ужина. Да и то оттого, что усталъ я очень и не хотѣлось идти къ брату просить.

— Не знаю, какъ вы дѣлаете, — сказалъ Юлій, — только, какъ отецъ говоритъ, если свое не беречь, да если еще давать всѣмъ, кто проситъ, такъ самъ съ голоду умрешь.

— Мы не умираемъ. Приди, посмотри. Мы живемъ и не только не нуждаемся, но даже много лишняго у насъ.

— Да какъ же это такъ?

— А вотъ отчего. Исповѣдуемъ мы всѣ одинъ законъ, но силы исполненія закона у всѣхъ разныя: у одного больше, у другого меньше. Одинъ усовершенствовался уже въ доброй жизни, другой только начинаетъ ее. Впереди всѣхъ насъ стоитъ Христосъ съ своей жизнью, и мы всѣ стараемся подражать Ему и въ одномъ видимъ наше благо. Одни изъ насъ, какъ старецъ Кириллъ и жена Пелагея, стоятъ впереди насъ, другіе сзади, третьи еще сзади, но всѣ идутъ по одному пути.

Передовые уже близки къ закону Христа — отреченія отъ себя и погубили свою душу, чтобы пріобрѣсть ее. Этимъ ничего не нужно. Эти себя не жалѣютъ и все послѣднее по Христову закону отдаютъ просящему. Другіе есть послабѣе, такіе, которые не могутъ все отдать: ослабѣваютъ и еще жалѣютъ сами себя. Ослабѣваютъ безъ привычной одежды и пищи, и не все отдаютъ.

Есть еще слабѣе, тѣ, которые только недавно вступили на путь. Эти живутъ еще по-старому, удерживаютъ много для себя, и отдаютъ только лишнее. И эти-то задніе приходятъ на помощь переднимъ.

Кромѣ того, всѣ мы перепутаны родствомъ съ язычниками. У одного отецъ язычникъ, держитъ имѣніе и даетъ сыну. Сынъ даетъ просящимъ, но отецъ опять даетъ. У другого мать язычница, жалѣетъ сына и помогаетъ ему. У третьяго дѣти язычники, а мать христіанка и дѣти покоятъ мать, даютъ ей и просятъ не раздавать, а она изъ любви къ нимъ принимаетъ и все-таки отдаетъ другимъ. У четвертаго жена язычница, а мужъ христіанинъ. У пятаго мужъ язычникъ, жена христіанка.

Такъ перепутаны всѣ, и передніе рады бы отдать послѣднее, да не могутъ.

Этимъ-то и поддерживаются слабые въ вѣрѣ, и отъ этого-то набирается у насъ много лишняго.

На это сказалъ Юлій:

— Да если такъ, то вы, значитъ, отступаете отъ ученія Христа, и только видъ дѣлаете. А если вы не все отдаете, то и нѣтъ между нами и вами разницы. По мнѣ, если ужъ быть христіаниномъ, такъ исполнять все. Отдать все, и остаться нищимъ.

— А это лучше всего, — сказалъ Памфилій. — И сдѣлай такъ.

— Да, я сдѣлаю, когда увижу, что вы дѣлаете.

— Мы ничего показывать не хотимъ. И тебѣ не совѣтую идти къ намъ и выходить изъ своей жизни для показа. Дѣлаемъ мы то, что дѣлаемъ, не для показа, а по вѣрѣ нашей.

— Что значитъ по вѣрѣ?

— А по вѣрѣ значитъ то, что мы вѣримъ, что спасенье отъ золъ міра, отъ смерти только въ жизни по ученію Христа. И для насъ все равно, что̀ скажутъ про насъ люди. Мы дѣлаемъ не для людей, а потому что только въ этомъ мы видимъ жизнь и благо.

— Нельзя не жить для себя, — сказалъ Юлій. - Боги сами вложили въ насъ то, что мы любимъ себя больше другихъ и ищемъ себѣ радостей. И вы то же самое дѣлаете. Ты самъ говоришь, что и изъ вашихъ есть, которые себя жалѣютъ. Они будутъ больше и больше себѣ готовить радостей, и все больше будутъ бросать вашу вѣру, и будутъ то же дѣлать, что и мы.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Памфилій, — наши идутъ по другому пути и никогда не слабѣютъ, а все сильнѣютъ, какъ огонь никогда не потухнетъ, когда на него подкладываютъ дрова. Въ этомъ-то и вѣра.

— Не пойму я, въ чемъ эта вѣра?

— Вѣра наша въ томъ, что мы понимаемъ жизнь такъ, какъ объяснилъ намъ ее Христосъ.

— Какъ же?

— Христосъ сказалъ такую притчу:

Жили виноградари въ чужомъ саду и должны были платить оброкъ хозяину. Это мы, люди, живемъ въ мірѣ и должны платить оброкъ Богу, исполнять Его волю. А люди по мірской вѣрѣ подумали, что садъ ихній, что имъ за него платить нечего, а только и дѣла, что пользоваться плодами его. Прислалъ къ людямъ хозяинъ посланнаго, чтобы получить оброкъ, а они выгнали его, прислалъ своего сына за оброкомъ, а они убили его, думая, что послѣ этого никто уже имъ не помѣшаетъ. Вотъ эта мірская вѣра, по которой живутъ всѣ люди міра, не признающіе того, что жизнь дана для того, чтобы служить Богу. Христосъ же научилъ насъ тому, что мірская вѣра о томъ, что человѣку будетъ лучше, если онъ прогонитъ изъ сада посланнаго и сына хозяина и не дастъ оброка; что эта вѣра ложная, потому что не миновать либо дать оброкъ, либо быть выгнаннымъ изъ сада. Онъ научилъ насъ тому, что тѣ радости, которыя мы называемъ радостями: ѣда, питье, веселье — не могутъ быть радостями, если въ нихъ полагается жизнь; что они радости только тогда, когда мы ищемъ другого: исполненія воли Бога, что только тогда эти радости, какъ награда настоящая, слѣдуютъ за исполненіемъ воли Бога. Хотѣть брать радости безъ труда исполненія воли Бога, отрывать однѣ радости отъ труда, это все равно, что разрывать стебли цвѣтовъ и разсаживать ихъ безъ кореньевъ. Мы вѣримъ въ это, и потому не можемъ искать обмана, вмѣсто правды. Вѣра наша въ томъ, что благо жизни не въ ея радостяхъ, а въ исполненіи воли Бога безъ мысли о радостяхъ и надежды на нихъ. И мы живемъ такъ и что дальше живемъ, то больше видимъ, что радости и благо, какъ колесо за оглоблями, идетъ по пятамъ за исполненіемъ воли Бога. Учитель нашъ сказалъ: Пріидите всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко».

Такъ говорилъ Памфилій; Юлій слушалъ его и сердце его трогалось, но ему было не ясно то, что говорилъ Памфилій; ему то казалось, что Памфилій обманываетъ его, то, когда онъ глядѣлъ въ добрые глаза своего друга и вспоминалъ его доброту, ему казалось, что Памфилій самъ обманываетъ себя.

Памфилій приглашалъ Юлія пріѣхать къ нимъ, чтобы посмотрѣть на ихъ жизнь и если она ему понравится, остаться жить съ ними. И Юлій обѣщалъ.

Юлій обѣщалъ, но не поѣхалъ къ Памфилію. И, увлекшись своею жизнью, забылъ о немъ.

[Онъ какъ будто боялся того, чтобъ жизнь ихъ не привлекла его къ себѣ. Онъ представлялъ себѣ жизнь христіанъ такою, при которой необходимо отречься отъ всѣхъ радостей жизни, а онъ не могъ отречься отъ нихъ, потому что въ нихъ полагалъ жизнь. Онъ осуждалъ христіанъ и дорожилъ этимъ осужденіемъ, боялся перестать осуждать ихъ и потому искалъ случая находить въ нихъ дурное.

Когда бы, гдѣ бы онъ ни встрѣчалъ христіанъ въ городѣ, онъ тотчасъ находилъ въ нихъ предлогъ для осужденія. Когда онъ видѣлъ ихъ на торгу, продающихъ плоды и овощи, онъ говорилъ себѣ, а иногда и имъ: вотъ вы говорите, что не имѣете ничего своего, а вотъ продаете за деньги, а не отдаете даромъ всякому, кто хочетъ взять. Вы обманываете себя и насъ, говорилъ онъ, и не хотѣлъ входить въ разсужденія съ ними, почему они считали нужнымъ и справедливымъ продавать на торгу, а не отдавать даромъ.

Когда онъ встрѣчалъ христіанина въ хорошей одеждѣ, онъ упрекалъ его за то, что онъ еще не отдалъ ее. Ему нужно было, чтобъ христіане были виноваты, а такъ какъ они никогда не отрицали своей вины, то они и были виноваты въ его глазахъ. Въ его глазахъ они были притворщики, обманщики, которые говорили, но не дѣлали. Онъ говорилъ: я по крайней мѣрѣ, что говорю, то и дѣлаю, а вы говорите одно, а дѣлаете другое. И когда онъ увѣрялъ себя въ этомъ, онъ былъ покоенъ и оставался жить попрежнему].

II.

[Нрава Юлій былъ добраго, но по обычаю богатыхъ, молодыхъ людей, онъ имѣлъ рабовъ и нерѣдко жестоко наказывалъ ихъ, когда они не исполняли его приказанія, или когда онъ бывалъ не въ духѣ. Онъ имѣлъ много дорогихъ, ненужныхъ вещей и одеждъ, и пріобрѣталъ еще больше такихъ; любилъ театры и зрѣлища; и ужъ съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ любовницъ, и предавался въ обществѣ своихъ друзей объяденью и пьянству.

Жизнь его, казалось ему, шла весело, потому что онъ не видалъ своей жизни — вся она проходила въ забавахъ, такъ что некогда было и подумать о ней.

Такъ ушло два года. И Юлій думалъ, что онъ проживетъ такъ всю жизнь. Но это было невозможно. Въ такой жизни, какую велъ Юлій, все надо усиливать забавы для того, чтобы было все одинаково весело. Если ему сперва весело выпить чашу своего вина съ пріятелемъ, то послѣ повторенія такого же удовольствія нѣсколько разъ, нужно было выпить уже двѣ чаши вина и бо-

лѣе хорошаго качества, чтобы было такъ же весело. Если сперва весело побесѣдовать съ пріятелемъ, то часто это уже надоѣдаетъ, и чтобы было такъ же весело, нужно бесѣдовать уже съ пріятельницей; а потомъ и этого мало, нужно еще другое. Потомъ и этого мало, однѣ и тѣ же пріятельницы надоѣдаютъ, нужно перемѣнить ихъ. И такъ во всѣхъ удовольствіяхъ тѣла. Чтобы удовольствіе не прекращалось, нужно постоянно усиливать его. А чтобы усиливать удовольствіе, увеличивать его, нужно требовать больше отъ другихъ людей; а чтобы заставлять дѣлать другихъ людей то, что̀ мнѣ хочется, есть и было у простыхъ людей — не у властителей — одно средство — деньги. Такъ было и съ Юліемъ. Онъ предавался удовольствіямъ тѣла, но не былъ властителемъ; и потому ему нужно было постоянно увеличивать ихъ, — нужны были деньги].

Отецъ Юлія былъ богатъ, любилъ единственнаго своего сына, гордился имъ и не жалѣлъ для него денегъ. Жизнь Юлія проходила такъ, какъ проходитъ жизнь богатыхъ молодыхъ людей: въ праздности, роскоши и развратныхъ увеселеніяхъ, которыя всегда были и остаются одни и тѣ же: вино, игра и разгульныя женщины.

Но удовольствія, которымъ предавался Юлій, все больше и больше требовали денегъ, и ихъ стало недоставать у Юлія. Онъ разъ попросилъ у отца больше, чѣмъ то, что обыкновенно давалъ ему. Отецъ далъ, но сдѣлалъ сыну выговоръ. Сынъ чувствовалъ себя виноватымъ и, не желая сознаться въ своей винѣ, разозлился, нагрубилъ отцу, какъ всегда злятся тѣ, которые знаютъ свою вину и не хотятъ сознаться въ ней. Взятыя у отца деньги очень скоро вышли. И, кромѣ того, въ это же самое время Юлію случилось съ пьянымъ товарищемъ ввязаться въ драку и убить человѣка. Начальникъ города узналъ это и хотѣлъ взять подъ стражу Юлія. Но отецъ его выхлопоталъ ему прощеніе. Въ это-то время Юлію по его разгульнымъ дѣламъ понадобилось еще болѣе денегъ. Онъ занялъ у товарища и обѣщалъ отдать ему. Кромѣ того, любовница его требовала отъ него подарковъ: полюбилось ей жемчужное ожерелье, и онъ видѣлъ, что если онъ не исполнитъ ея просьбы, она броситъ его и сойдется съ богачомъ, который ужъ давно отбивалъ ее отъ Юлія. Юлій пришелъ къ матери и сказалъ ей, что ему необходимы деньги, что если она не достанетъ ему столько, сколько ему нужно, онъ убьетъ себя.

Въ томъ, что онъ находился въ такомъ положеніи, онъ винилъ не себя, но отца. Онъ говорилъ: отецъ пріучилъ меня къ роскошной жизни, а потомъ сталъ жалѣть мнѣ денегъ. Если бы онъ

далъ мнѣ сначала безъ укоровъ то, что онъ далъ мнѣ послѣ, я бы устроилъ свою жизнь и не нуждался; но такъ какъ онъ всегда давалъ мнѣ недостаточно, я долженъ былъ обращаться къ ростовщикамъ, и они высасываютъ изъ меня все, и для жизни, свойственной мнѣ, какъ богатому юношѣ, мнѣ ничего не остается, мнѣ стыдно передъ товарищами. А отецъ ничего этого не хочетъ понимать. Онъ забылъ, что самъ былъ молодъ. Онъ довелъ меня до этого положенія. И теперь, если онъ не дастъ мнѣ того, что я прошу, я убью себя.

Мать, баловавшая сына, пошла къ отцу. Отецъ позвалъ сына и сталъ бранить и его и мать. Сынъ грубо отвѣтилъ. Отецъ ударилъ его. Сынъ схватилъ за руки отца. Отецъ крикнулъ рабовъ и велѣлъ связать сына и запереть его.

Оставшись одинъ, Юлій проклиналъ отца и свою жизнь. Смерть своя или отца представлялась ему единственнымъ выходомъ изъ того положенія, въ которомъ онъ находился.

Мать Юлія страдала больше его. Она не разбирала того, кто былъ виноватъ во всемъ этомъ. Она только жалѣла о любимомъ дѣтищѣ. Она пошла къ мужу умолять его о прощеніи. Мужъ не сталъ слушать ее, сталъ упрекать ее въ томъ, что она развратила сына; она упрекала его и кончилось тѣмъ, что мужъ избилъ и жену. Но мать ни во что не считала свои побои, пришла къ сыну, уговорила его, чтобы онъ просилъ прощенья у отца и покорился ему. За это она обѣщала ему тайно отъ отца дать тѣ деньги, которыя ему были нужны. Сынъ согласился, и тогда мать пошла къ своему мужу и упросила его простить сына. Отецъ долго бранилъ жену и сына, но, наконецъ, рѣшилъ, что онъ проститъ сына только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ бросилъ свою распутную жизнь и женился бы на дочери богатаго купца, которую отецъ обѣщалъ высватать за сына.

«Онъ получитъ отъ меня деньги и приданое жены, сказалъ отецъ, и тогда пусть начнетъ правильную жизнь. Если онъ обѣщаетъ исполнить мою волю, я прощу его. Теперь же я ничего не дамъ ему и при первой его винѣ отдамъ его въ руки начальника».

Юлій на все согласился и былъ выпущенъ. Онъ обѣщалъ жениться и бросить свою дурную жизнь. Но онъ не намѣревался этого сдѣлать. И жизнь дома для него теперь сдѣлалась адомъ. Отецъ не говорилъ съ нимъ, бранился съ матерью за него. Мать плакала.

На другой день мать позвала его въ свои покои и тайно передала сыну драгоцѣнный камень, который она унесла у мужа.

— Поди, продай его, не здѣсь, а въ другомъ городѣ, и исполни то, что надо, а я сумѣю скрыть эту пропажу до времени. А если откроется, то вину возложу на одного изъ рабовъ.

Слова матери тронули сердце Юлія. Онъ ужаснулся тому, что она сдѣлала, и, не взявъ драгоцѣннаго камня, ушелъ вонъ изъ дома. Онъ самъ не зналъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Онъ шелъ впередъ, все впередъ, вонъ изъ города, чувствуя необходимость остаться одному и обдумать все то, что было съ нимъ и что ожидало его. Идя все впередъ и впередъ, онъ вышелъ изъ города и вошелъ въ священную рощу богини Діаны [1]). Войдя въ уединенное мѣсто, онъ сталъ думать. Первая мысль, которая пришла ему, была въ томъ, чтобы просить помощи у богини. Но онъ не вѣрилъ уже въ боговъ своихъ, и потому зналъ, что отъ нихъ нельзя ожидать помощи. А коли не у нихъ, то у кого? Самому обдумать свое положеніе ему казалось слишкомъ страшнымъ. Въ душѣ у него была путаница и мракъ. Но дѣлать было больше нечего. Надо было обратиться къ своей совѣсти, и онъ сталъ передъ ней обсуживать свою жизнь и свои поступки. И то и другое показалось ему дурнымъ и прежде всего глупымъ. Изъ-за чего онъ такъ мучилъ себя? Изъ-за чего такъ губилъ свои молодые годы? Радостнаго было мало, а горя и несчастья много. Главное же было то, что онъ чувствовалъ себя одинокимъ. Прежде была любящая мать, былъ отецъ, были даже друзья, теперь никого не было. Никто не любилъ его. Всѣмъ онъ былъ въ тягость. Всѣмъ онъ умѣлъ стать поперекъ ихъ жизни: для матери онъ былъ причиной раздора съ отцомъ, для отца онъ былъ расточителемъ богатствъ, собранныхъ трудомъ цѣлой жизни; для друзей онъ былъ опасный, непріятный соперникъ. Для всѣхъ нихъ должно было быть желательно, чтобы онъ умеръ.

Перебирая свою жизнь, онъ вспомнилъ о Памфиліи и о послѣднемъ свиданіи съ нимъ, и о томъ, какъ Памфилій звалъ его къ нимъ, къ христіанамъ. И ему пришло въ голову не возвращаться домой, а прямо отсюда уйти къ христіанамъ и остаться съ ними. Но неужели мое положеніе такое отчаянное? подумалъ онъ и опять сталъ вспоминать все, что съ нимъ было, и опять его ужаснуло то, что, ему казалось, никто не любилъ его, и онъ не любилъ никого. Мать, отецъ, друзья — не любили его, должны были желать его смерти, но и самъ онъ любилъ ли кого? Друзей, онъ чувствовалъ, что никого не любилъ. Всѣ они были соперники и всѣ были безжалостны къ нему теперь, когда онъ былъ въ несчастьѣ. Отца? спросилъ онъ себя. И ужасъ охва-

[1]) Діана — одна изъ многихъ языческихъ богинь.

тилъ его, когда онъ при этомъ вопросѣ заглянулъ въ свое сердце. Не только онъ не любилъ, но онъ ненавидѣлъ его за стѣсненія, за оскорбленіе. Ненавидѣлъ — и кромѣ того ясно видѣлъ, что для его, Юлія, счастія, нужна смерть отца.

«Да,—спросилъ себя Юлій,—и если бы я зналъ, что никто никогда не увидитъ и не узнаетъ, что бы я сдѣлалъ, если бы я могъ ударомъ сразу лишить его жизни и освободить себя?» И Юлій отвѣтилъ себѣ: «Да, я убилъ бы его». Онъ отвѣтилъ это себѣ и ужаснулся самъ на себя. «Мать? да, я жалѣю ее, но и ея я не люблю. Мнѣ все равно, что будетъ съ ней, мнѣ только нужна ея помощь... Да, я звѣрь! И звѣрь забитый, затравленный, и только тѣмъ и отличаюсь отъ звѣря, что могу по своей волѣ уйти отъ этой обманчивой, злой жизни, могу сдѣлать то, что не можетъ звѣрь — убить себя. Отца ненавижу, никого не люблю: ни мать, ни друзей... Да нечто Памфилія одного»...

И онъ опять вспомнилъ о немъ. Сталъ вспоминать послѣднее свиданіе и ихъ бесѣду и слова Памфилія о томъ, что ихъ учитель Христосъ говорилъ: «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ». Неужели это правда? Онъ сталъ думать, вспоминать кроткое, безстрашное и радостное лицо Памфилія, и ему захотѣлось видѣть и слышать его, захотѣлось вѣрить тому, что̀ говорилъ Памфилій. Что же, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ себѣ, кто я?—Человѣкъ, ищущій блага. Я искалъ его въ похотяхъ и не нашелъ. И всѣ живущіе такъ же, какъ я, тоже не находятъ. Всѣ злы и страдаютъ. Есть же человѣкъ, который всегда радостенъ, оттого что онъ ничего не ищетъ. Онъ говоритъ, что ихъ много такихъ и что всѣ будутъ такіе, и я могу быть такимъ, если послѣдую тому, что говоритъ ихъ учитель. Что если это истина?

Истина или не истина,— меня влечетъ къ ней и я пойду.

Такъ сказалъ себѣ Юлій, вышелъ изъ рощи и, рѣшившись не возвращаться болѣе домой, пошелъ къ той деревнѣ, въ которой жили христіане.

III.

Юлій шелъ бодро и радостно, и что дальше онъ шелъ, и тѣмъ живѣе представлялъ себѣ жизнь христіанъ, вспоминая все, что говорилъ Памфилій, тѣмъ радостнѣе ему становилось на душѣ.

Уже солнце спускалось къ вечеру, и онъ хотѣлъ отдохнуть, какъ на пути ему попался человѣкъ отдыхающій и полуднующій.

Человѣкъ былъ среднихъ лѣтъ съ умнымъ лицомъ. Онъ сидѣлъ и ѣлъ оливки и лепешку. Увидавъ Юлія, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Здравствуй, юноша. Путь далекъ еще, садись и отдохни.

Юлій поблагодарилъ и сѣлъ.

— Куда идешь? — спросилъ незнакомецъ.

— Къ христіанамъ, — сказалъ Юлій и слово за слово разсказалъ незнакомцу всю свою жизнь и свое рѣшеніе.

Незнакомецъ слушалъ внимательно, разспрашивалъ о подробностяхъ и самъ не высказывалъ своего мнѣнія; но когда Юлій кончилъ, незнакомецъ сложилъ въ сумку оставшуюся пищу, оправилъ свою одежду и сказалъ:

— Юноша, не исполняй своего намѣренія, ты заблуждаешься. Я знаю жизнь, а ты не знаешь ея. Я знаю христіанъ, а ты не знаешь ихъ. Слушай, я разберу всю твою жизнь и твои мысли, и когда ты услышишь ихъ отъ меня, ты примешь то рѣшеніе, которое представится тебѣ болѣе правильнымъ. Ты молодъ, богатъ, красивъ, силенъ, — страсти кипятъ въ тебѣ. Ты хочешь найти тихое пристанище, такое, въ которомъ бы страсти не волновали тебя, и ты бы не страдалъ отъ ихъ послѣдствій, и тебѣ кажется, что ты найдешь такое убѣжище среди христіанъ. Такого мѣста нѣтъ, милый юноша, потому что то, что тревожитъ тебя, находится ни въ Киликіи, ни въ Римѣ, но въ тебѣ самомъ. Въ тиши сельскаго уединенія тѣ же страсти будутъ мучать тебя, но только въ сто разъ сильнѣе. Обманъ христіанъ или ошибка ихъ (я не хочу осуждать ихъ) состоитъ именно въ томъ, что они не хотятъ признавать природы человѣка. Совершеннымъ исполнителемъ ихъ ученія можетъ быть только старикъ, выжившій изъ всѣхъ страстей своихъ. Человѣкъ же въ силѣ, особенно юноша, какъ ты, не извѣдавшій жизни и самого себя, не можетъ подчиниться ихъ закону, потому что законъ этотъ имѣетъ въ основѣ не природу человѣческую, а праздное мудрствованіе ихъ основателя—Христа. Если ты пойдешь къ нимъ, ты будешь страдать тѣмъ же, чѣмъ ты страдаешь теперь, но только въ гораздо большей степени. Теперь твои страсти завлекаютъ тебя на ложные пути, но ты, ошибившись разъ въ направленіи, можешь поправиться, теперь ты все-таки имѣешь удовлетвореніе освобожденной страсти, т.-е. жизни. Но среди нихъ ты, сдерживая насильно свои страсти, будешь заблуждаться точно такъ же, еще хуже, и кромѣ этого страданія будешь еще имѣть неперестающее страданіе неудовлетворенныхъ потребностей человѣка. Пусти воду изъ плотины, и она будетъ поить землю, и луга, и животныхъ, но удержи ее, — она будетъ рыть землю и вытекать грязью. То же и съ страстями. Ученіе христіанъ состоитъ, кромѣ тѣхъ вѣрованій, которыми они утѣшаются и о которыхъ я не стану говорить, — ученіе ихъ состоитъ для жизни въ слѣдующемъ: они не признаютъ

насилія, не признаютъ войны, судовъ; не признаютъ собственности; не признаютъ наукъ, искусствъ, всего того, что дѣлаетъ жизнь легкою и радостною.

Все это было бы хорошо, если бы люди были всѣ такими, какимъ они описываютъ своего учителя. Но вѣдь этого нѣтъ и не можетъ быть. Люди злы и подвержены страстямъ. Эта игра страстей и тѣ столкновенія, которыя происходятъ отъ нихъ, и удерживаютъ людей въ тѣхъ условіяхъ жизни, въ которыхъ они живутъ. Варвары (дикари) не знаютъ никакихъ стѣсненій, и одинъ дикарь для удовлетворенія своихъ похотей уничтожилъ бы весь міръ, если бы всѣ люди покорялись такъ, какъ покоряются христіане. Если боги вложили въ людей чувство гнѣва, мести, даже злобы противъ злыхъ, то они сдѣлали это потому, что чувства эти необходимы для жизни людей. Христіане учатъ, что эти чувства дурныя, и что безъ нихъ люди были бы счастливы, не было бы убійствъ, казней, войнъ. Это справедливо, но это подобно тому предположенію, что для благосостоянія людей имъ не надо питаться. Дѣйствительно, не было бы жадности, голода и всѣхъ происходящихъ отъ того бѣдствій. Но вѣдь это предположеніе не измѣнило бы природу человѣка. Если бы два, три десятка людей, повѣривъ этому, и дѣйствительно, не принимая пищи, умерли бы отъ голода—это не измѣнило бы природу человѣка. Точно то же съ другими страстями человѣка: негодованіе, злоба, месть, даже любовь къ женщинѣ, къ роскоши, къ блеску и величію, свойственны и богамъ, и потому и суть неизмѣнныя свойства человѣка. Уничтожь питаніе человѣка—и уничтожится человѣкъ; точно такъ же, уничтожь свойственныя человѣку страсти — и уничтожится человѣчество. То же самое и о собственности, которую будто бы отвергаютъ христіане. Посмотри вокругъ себя: каждый виноградникъ, каждая ограда, каждый домъ, каждая ослица—все это произведено людьми только при условіи собственности. Откинь право собственности—и ни одинъ виноградникъ не будетъ перекопанъ, ни одно животное не будетъ воспитано и ухожено. Христіане утверждаютъ, что у нихъ нѣтъ собственности, но они пользуются плодами ея. Они говорятъ, что все у нихъ общее и все сносятъ вмѣстѣ. Но то, что они сносятъ, они получили отъ людей, владѣющихъ собственностью. Они только обманываютъ людей и въ лучшемъ случаѣ обманываютъ самихъ себя. Ты говоришь: они сами работаютъ, чтобы кормиться, но то, что они сработаютъ, не прокормило бы ихъ, если бы они не пользовались тѣмъ, что произвели люди, признающіе собственность. Если бы даже они и могли прокормиться, то они только могли бы поддержать свою жизнь, и уже въ ихъ средѣ

не было бы мѣста ни наукамъ, ни искусствамъ. Они и не признаютъ пользу нашихъ наукъ и искусствъ. Да имъ и нельзя поступать иначе. Все ихъ ученіе идетъ только къ тому, чтобы вернуть людей къ ихъ первобытному состоянію, къ дикости, къ животному. Они не могутъ служить человѣчеству науками и искусствами, и, не зная ихъ, отрицаютъ ихъ. Не могутъ служить тѣми способностями, которыя составляютъ исключительное свойство человѣка и приближаютъ его къ богамъ. У нихъ не будетъ ни храмовъ, ни статуй, ни театровъ, ни музеевъ. Они говорятъ, что этого имъ не нужно. Самый легкій способъ не стыдиться своей низости—это презирать высоту. Это они и дѣлаютъ. Учитель ихъ—невѣжда и обманщикъ. И они подражаютъ ему. Кромѣ того. они—безбожники. Они не признаютъ боговъ и вмѣшательства ихъ въ дѣла людей. Для нихъ есть только отецъ ихъ учителя, котораго они называютъ и своимъ отцомъ, и самъ учитель, по ихъ понятіямъ, открывшій имъ всѣ тайны жизни. Ученіе ихъ—жалкій обманъ. Пойми одно: ученіе наше говоритъ: міръ стоитъ богами, боги покровительствуютъ людямъ. Людямъ же для того, чтобы жить хорошо, нужно почитать боговъ и самимъ искать и думать. И потому руководитъ въ жизни нашей, съ одной стороны, воля боговъ, съ другой—совокупная мудрость всего человѣчества. Мы живемъ, думаемъ и ищемъ, и потому подвигаемся къ истинѣ. У нихъ же нѣтъ ни боговъ, ни ихъ воли, ни мудрости человѣческой, а есть одно—слѣпая вѣра въ своего распятаго учителя, и во все то, что онъ сказалъ имъ. Взвѣсь же, какой руководитель надежнѣе: воля боговъ и совокупная свободная дѣятельность всей мудрости человѣческой, или принудительная, слѣпая вѣра въ слова одного человѣка?

Юлій былъ пораженъ тѣмъ, что сказалъ ему незнакомецъ, и въ особенности послѣдними его словами. Намѣреніе его идти къ христіанамъ было не только поколеблено, но ему теперь казалось даже страннымъ, какъ онъ могъ подъ вліяніемъ своихъ бѣдъ рѣшиться на такое безуміе; но для него оставался еще вопросъ о томъ, что ему дѣлать теперь и какъ выйти изъ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находится, и онъ, разсказавъ свое положеніе, спросилъ объ этомъ незнакомца.

«Объ этомъ самомъ я и хотѣлъ сказать теперь», продолжалъ незнакомецъ. «Что тебѣ дѣлать? путь твой, насколько мнѣ доступна человѣческая мудрость, для меня ясенъ. Всѣ твои бѣдствія вытекаютъ изъ свойственныхъ людямъ страстей. Страсть увлекла тебя, завела такъ далеко, что ты пострадалъ. Таковы обычные уроки жизни. Уроки эти должны быть тобой употреблены

на пользу. Ты извѣдалъ многое и знаешь, гдѣ горькое и гдѣ сладкое. Ты не можешь уже повторять тѣхъ же ошибокъ Пользуйся своимъ опытомъ. То, что больше всего тебя огорчаетъ,—это твоя вражда къ отцу. Вражда эта произошла отъ твоего положенія: избери другое, и она уничтожится, или, по крайней мѣрѣ, не будетъ уже такъ болѣзненно проявляться.

Всѣ твои бѣды произошли отъ неправильности твоего положенія. Ты предавался увеселеніямъ молодости. Это естественно и потому хорошо. И оно было хорошо, пока было свойственно возрасту. Но пора миновалась, ты съ силами мужа отдался рѣзвостямъ юности и стало дурно. Ты въ той порѣ, когда надо дѣлаться мужемъ, гражданиномъ и служить республикѣ, трудиться на ея пользу. Отецъ предлагаетъ тебѣ жениться. Совѣтъ его мудрый. Ты пережилъ одну пору жизни—юность, и вступилъ въ другую. Всѣ твои тревоги суть только признаки переходнаго состоянія. Признай, что пора юности миновалась, и, смѣло отбросивъ все, что было свойственно ей, но не свойственно мужу, вступи на новый путь. Женись, брось потѣхи юности, занимайся торговлей, общественными дѣлами, науками и искусствами, и ты, кромѣ того, что примиришься съ отцомъ и съ друзьями, ты найдешь успокоеніе и радость. Главное, что тебя тревожило—это неестественность твоего положенія. Ты возмужалъ и тебѣ нужно вступить въ бракъ и быть мужемъ. И потому главный совѣтъ мой: исполни желаніе отца—женись. Если же тебя влечетъ къ тому уединенію, которое ты думаешь найти у христіанъ, если ты склоненъ къ философіи, а не къ дѣятельности жизни, то ты можешь съ пользой предаться этой дѣятельности только послѣ того, какъ ты узнаешь жизнь въ ея настоящемъ значеніи. А ты узнаешь это только, какъ самостоятельный гражданинъ и глава семейства. Если и потомъ тебя будетъ тянуть къ уединенію, предайся ему, тогда это будетъ истинное влеченіе, а не вспышка недовольства, каково оно теперь. Тогда иди».

Послѣднія слова болѣе всего другого убѣдили Юлія. Онъ поблагодарилъ незнакомца и вернулся домой. Мать приняла его радостно. Отецъ тоже, узнавъ о его намѣреніи покориться его волѣ и жениться на той дѣвицѣ, которую онъ предлагалъ ему, примирился съ сыномъ.

IV.

Черезъ три мѣсяца была отпразднована свадьба съ красавицей Евлаліей, и Юлій, измѣнивъ свой образъ жизни, сталъ жить отдѣльнымъ домомъ съ женою и самъ вести часть торговаго дѣла, которое передалъ ему его отецъ.

Однажды онъ поѣхалъ для своего торговаго дѣла въ недалеко отстоящій городъ и тамъ, сидя въ лавкѣ у купца, увидалъ проходящаго мимо лавки Памфилія съ незнакомой ему дѣвицей. Оба шли съ тяжелыми ношами винограда, который они продавали. Юлій, узнавъ друга, вышелъ къ нему и просилъ его войти въ лавку, чтобы побесѣдовать съ нимъ.

Дѣвица, увидя желаніе Памфилія пойти съ другомъ и сомнѣніе его въ томъ, чтобы оставить ее одну, поспѣшила сказать, что она не нуждается въ немъ и одна посидитъ съ виноградомъ, ожидая покупателя.

Памфилій поблагодарилъ ее и пошелъ съ Юліемъ въ лавку. Войдя въ лавку, Юлій попросилъ у своего знакомаго купца позволенія войти съ своимъ другомъ въ его горницу и, получивъ это позволеніе, удалился съ Памфиліемъ въ задніе покои.

Друзья разспросили другъ друга объ обстоятельствахъ своей жизни.

Жизнь Памфилія не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись послѣдній разъ; онъ продолжалъ жить въ христіанской общинѣ, не былъ женатъ и увѣрялъ своего друга, что жизнь его съ каждымъ годомъ, днемъ и часомъ становится все радостнѣе и радостнѣе.

Юлій разсказалъ другу все, что и съ нимъ было, и какъ онъ былъ ужъ на дорогѣ къ христіанамъ, когда встрѣча незнакомца остановила его, и то, какъ незнакомецъ разъяснилъ ему заблужденія христіанъ, его главную обязанность жениться, и какъ онъ послѣдовалъ совѣту и женился.

— Ну, что же, ты счастливъ теперь?—спросилъ Памфилій.— Нашелъ ты въ женитьбѣ то, что обѣщалъ тебѣ незнакомецъ?

— Счастливъ?—сказалъ Юлій.—Что такое счастливъ? Если разумѣть подъ этимъ словомъ полное удовлетвореніе своихъ желаній, то, разумѣется, я не счастливъ. Я веду свое дѣло торговое пока съ успѣхомъ, люди начинаютъ почитать меня, и въ томъ и въ другомъ я нахожу нѣкоторое удовлетвореніе. Хотя я и вижу много людей, которые богаче и почетнѣе меня, я предвижу возможность сравняться съ ними и даже превзойти ихъ. Эта сторона моей жизни полна; но супружество, я прямо скажу, не удовлетворило меня. Скажу больше: я чувствую, что это самое супружество, которое должно было дать мнѣ радость, не дало мнѣ ея, и что та радость, которую я испыталъ сначала, шла постоянно уменьшаясь и, наконецъ, уничтожилась, и на томъ мѣстѣ, гдѣ была радость отъ супружества выростаетъ горе. Жена моя красива, умна, учена и добра. Въ первое время я былъ совершенно счастливъ. Но теперь—ты не знаешь этого, не имѣя жены—

у насъ являются причины раздора оттого, что то она ищетъ моихъ ласкъ, когда я равнодушенъ къ ней, то наоборотъ. Кромѣ того, для любви необходима новизна. Женщина менѣе привлекательная, чѣмъ моя жена, болѣе привлекаетъ меня въ первое время, но потомъ становится еще менѣе привлекательна, чѣмъ жена; я уже испыталъ это. Нѣтъ, я не нашелъ удовлетворенія въ супружествѣ. Да, другъ,—заключилъ Юлій,—правы философы: жизнь не даетъ того, чего желаетъ душа. Это я испыталъ теперь на супружествѣ. Но то, что жизнь не даетъ того блага, котораго жаждетъ душа, не доказываетъ того, чтобы и вашъ обманъ могъ дать его,—прибавилъ онъ улыбаясь.

— Въ чемъ же ты видишь нашъ обманъ?—спросилъ Памфилій.

— Обманъ вашъ состоитъ въ томъ, что вы для того, чтобы избавить человѣка отъ бѣдъ, соединенныхъ съ дѣлами жизни, отрицаете всѣ дѣла жизни—самую жизнь. Чтобы избавиться отъ разочарованій, вы отрицаете очарованіе, вы отрицаете самый бракъ.

— Мы не отрицаемъ брака,—сказалъ Памфилій.

— Если не бракъ, то вы отрицаете любовь.

— Напротивъ, мы все отрицаемъ, кромѣ любви. Она для насъ служитъ первой основой всего.

— Я не понимаю тебя,—сказалъ Юлій.—Сколько я слышалъ отъ другихъ и отъ тебя, и по тому, что ты не женатъ еще теперь, несмотря на то, что мы ровесники, я по всему заключаю, что у васъ нѣтъ брака. Ваши продолжаютъ брачную жизнь, установленную прежде; но вновь не вступаютъ въ бракъ. Вы не заботитесь о продолженіи рода человѣческаго. И если бы вы были одни, родъ человѣческій давно бы прекратился, — говорилъ Юлій, — повторяя то, что онъ много разъ слышалъ.

— Это несправедливо,—сказалъ Памфилій.—Правда, что мы не ставимъ себѣ цѣлью продолженіе рода человѣческаго и не такъ заботимся объ этомъ, какъ я много разъ слышалъ отъ вашихъ мудрецовъ. Мы полагаемъ, что Отецъ нашъ уже позаботился объ этомъ, цѣль наша только въ томъ, чтобы жить сообразно Его волѣ. Если въ Его волѣ находится продолженіе рода человѣческаго, то онъ продолжится, если нѣтъ, онъ кончится. Это не наша забота. Наша забота—жить по Его волѣ. Воля же его выражена и въ нашей природѣ, и въ нашемъ откровеніи, гдѣ сказано, что мужъ да соединится съ женою, и будетъ не два, но одно тѣло. Бракъ у насъ не только не запрещенъ, но поощряется нашими стариками-учителями. Разница нашего брака съ вашимъ состоитъ только въ томъ, что нашъ законъ открылъ намъ, что

всякое похотливое взираніе на женщину есть грѣхъ, и потому мы и наши женщины, вмѣсто того, чтобы употреблять всѣ средства, чтобы украшать себя и вызывать похоть, мы стараемся удалять ее отъ себя настолько, чтобы чувство любви между нами, какъ между сестрами и братьями, было сильнѣе чувства похоти къ одной женщинѣ, которое вы называете любовью.

— Но вы не можете все-таки подавить чувство къ красотѣ?— сказалъ Юлій.—Я увѣренъ, напримѣръ, что та красавица дѣвица, съ которой ты принесъ виноградъ, несмотря на ея нарядъ, скрывающій ея прелести, вызываетъ же въ тебѣ чувство любви къ женщинѣ.

— Я не знаю еще,—сказалъ Памфилій, покраснѣвъ.—Я не думалъ о ея красотѣ. Ты первый сказалъ мнѣ о ней. Она для меня только сестра. Но я продолжаю то, что хотѣлъ сказать тебѣ о различіи нашего и вашего брака.

«Разница происходитъ уже оттого, что у васъ похоть, подъ названіемъ красоты и любви и служенія богинѣ Венерѣ, поддерживается, вызывается въ людяхъ, у насъ же, наоборотъ, похоть считается не зломъ (Богъ не сдѣлалъ зла), но добромъ, которое бываетъ зломъ, когда оно не въ своемъ мѣстѣ,—соблазномъ, какъ мы называемъ это. И мы всѣми средствами стараемся избѣгать его. И вотъ отъ этого я не женатъ до сихъ поръ, хотя очень можетъ быть женюсь завтра.

— Но что же рѣшитъ это?

— Воля Бога.

— Почемъ ты узнаешь ее?

— Если никогда не искать указаній ея, никогда не увидишь; если же постоянно искать ея указаній, они становятся ясны, какъ ясны для васъ гаданія на жертвахъ и на птицахъ. И какъ у васъ есть ваши мудрецы, которые толкуютъ для васъ волю боговъ по своей мудрости и по внутренностямъ жертвы и по полету птицъ, такъ точно у насъ есть мудрецы-старцы, которые разъясняютъ намъ волю Отца, по откровенію Христа, по изученію своего сердца и мыслей другихъ людей, и, главное, по любви къ нимъ.

— Но все это слишкомъ неопредѣленно,—возразилъ Юлій.— Что̀ укажетъ тебѣ напримѣръ, когда и на комъ тебѣ надо жениться? Когда мнѣ предстояло жениться, у меня былъ выборъ трехъ дѣвицъ. Эти три дѣвицы были выбраны изъ всѣхъ другихъ, потому что онѣ были красивы, богаты и отецъ мой былъ согласенъ на мой бракъ съ каждою изъ нихъ. Изъ трехъ же я выбралъ свою Евлалію потому, что она была красивѣе, для меня привлекательнѣе другихъ. Это понятно. Но что̀ будетъ руководить тобою въ выборѣ?

— Для того, чтобы отвѣтить тебѣ,—сказалъ Памфилій,—я долженъ сказать тебѣ прежде всего то, что такъ какъ по нашему ученію всѣ люди равны передъ своимъ Отцомъ, то они также равны передъ нами и по положенію своему, и по душевнымъ и тѣлеснымъ свойствамъ; и потому выборъ нашъ (если употреблять это слово для насъ непонятное) не можетъ быть ограниченъ ничѣмъ.

«Женою христіанина и мужемъ христіанки можетъ быть всякій человѣкъ изъ всѣхъ живущихъ мужчинъ и женщинъ міра.

— При этомъ еще невозможнѣе рѣшиться,—сказалъ Юлій.

— Я тебѣ скажу то, что мнѣ говорилъ нашъ старецъ о разницѣ, которая существуетъ между бракомъ христіанина и язычника.

«Язычникъ, какъ ты, выбираетъ ту, которая, по его мнѣнію, доставитъ ему, лично ему, больше всего наслажденій. При этомъ условіи глаза разбѣгаются, и трудно рѣшить, тѣмъ болѣе, что наслажденія впереди. Но для христіанина нѣтъ этого выбора для себя, или скорѣе выборъ для себя, для своего личнаго наслажденія занимаетъ не первое, а второстепенное мѣсто. Для христіанина вопросъ въ томъ, чтобы своей женитьбой не нарушить волю Бога.

— Но въ чемъ же можетъ быть нарушеніе воли Бога при бракѣ?

— Я бы могъ забыть Иліаду, которую мы вмѣстѣ съ тобою учили и читали, но тебѣ, живущему въ средѣ мудрецовъ и поэтовъ, нельзя забыть. Что же вся Иліада?—Это повѣсть о нарушеніи воли Бога по отношенію къ браку. И Менелай, и Парисъ и Елена, и Ахиллесъ, и Агамемнонъ, и Хризеида—все это описаніе всѣхъ страшныхъ бѣдствій, вытекающихъ для людей и теперь происходящихъ отъ этого нарушенія.

— Да въ чемъ же нарушеніе?

— Нарушеніе въ томъ, что человѣкъ любитъ въ женщинѣ свое наслажденіе отъ сближенія съ нею, а не человѣка, подобнаго себѣ, и потому вступаетъ въ бракъ ради своего наслажденія. Христіанскій бракъ возможенъ только тогда, когда у человѣка есть любовь къ людямъ и когда предметъ любви плотской уже прежде есть предметъ братской любви человѣка къ человѣку. Какъ разумно и прочно строить домъ можно только тогда, когда есть основаніе, и картину писать, когда подготовлено то, на чемъ пишешь, такъ плотская любовь только тогда законна, разумна и прочна, когда въ основаніи ея лежитъ уваженіе, любовь человѣка къ человѣку. На этомъ основаніи только можетъ возникнуть разумная христіанская семейная жизнь.

— Но все-таки я не вижу, почему такой христіанскій, какъ ты говоришь, бракъ, — сказалъ Юлій, — исключаетъ ту любовь къ женщинѣ, которую испытывалъ Парисъ.

— Я не говорю, чтобы христіанскій бракъ не допускалъ исключительной любви къ женщинѣ, напротивъ, только тогда онъ и разуменъ и святъ; но исключительная любовь къ женщинѣ только тогда можетъ возникнуть, когда не нарушена прежде существовавшая любовь ко всѣмъ людямъ. Исключительная же любовь къ женищнѣ, которую воспѣваютъ поэты, признанная сама по себѣ хорошей безъ того, чтобы она основывалась на любви къ людямъ, не имѣетъ права называться любовью. Она есть похоть животная и очень часто переходитъ въ ненависть. Лучшій примѣръ того, какъ эта, такъ называемая, любовь—эросъ, если она не основана на братской любви ко всѣмъ людямъ, дѣлается звѣрствомъ—это случай насилія надъ той самой женщиной, которую будто любитъ тотъ, кто, насилуя, заставляетъ ее страдать и губитъ ее. Въ насиліи явно, что нѣтъ любви къ человѣку, если онъ мучитъ того, кого любитъ. Но при нехристіанскомъ бракѣ часто есть скрытое насиліе—когда тотъ, кто женится на дѣвушкѣ, не любящей его или любящей другого, заставляетъ ее страдать и не жалѣетъ ее, только бы удовлетворить своей любви.

— Положимъ, что это такъ, — сказалъ Юлій,—но если дѣвушка любитъ его, то и нѣтъ несправедливости, и я не вижу разницы между христіанскимъ и языческимъ бракомъ.

— Я не знаю подробности твоего брака,—отвѣчалъ Памфилій,—но я знаю, что всякій бракъ, имѣющій въ основѣ одно личное благо, не можетъ не быть причиной раздора точно такъ же, какъ простое принятіе пищи не можетъ обойтись между животными и людьми, мало различающимися отъ животныхъ, безъ ссоры и драки. Всякому хочется сладкій кусокъ, а такъ какъ сладкихъ кусковъ на всѣхъ недостанетъ, то является раздоръ. Если и нѣтъ видимаго раздора, то есть затаенный. Слабому хочется сладкаго куска, но онъ знаетъ, что сильный не дастъ его ему; и хотя онъ уже знаетъ невозможность отнять его прямо у сильнаго, онъ съ затаенной, завистливой злобой смотритъ на сильнаго и пользуется первымъ случаемъ, чтобы отнять у него. То же и съ бракомъ языческимъ; но только—вдвое хуже, потому что предметъ зависти есть человѣкъ, такъ что злоба зарождается и между супругами.

— Но какъ же сдѣлать, чтобы брачущіеся никого не любили, кромѣ двоихъ себя. Всегда найдется человѣкъ или дѣвица, который любитъ того или другого. И тогда, по-вашему, бракъ невозможенъ.

И потому-то я вижу, что справедливо то, что и говорятъ про васъ, что вы вовсе не женитесь. Поэтому-то и ты не женатъ и, вѣроятно, не женишься. Какъ же можетъ быть то, чтобы человѣкъ женился на одной женщинѣ, никогда раньше не возбудивъ къ себѣ чувства любви со стороны другой женщины, или дѣвушка дожила до зрѣлости, не возбудивъ къ себѣ чувствъ мужчины? Какъ же должна была поступить Елена?

— Старецъ Кириллъ говоритъ объ этомъ такъ: въ языческомъ мірѣ люди, не думая о любви къ братьямъ, не воспитывая этого чувства, думаютъ объ одномъ: о возбужденіи въ себѣ любви страстной къ женщинѣ, и воспитываютъ въ себѣ эту страсть. И потому въ ихъ мірѣ всякая Елена или подобная ей возбуждаетъ любовь многихъ. Соперники бьются другъ съ другомъ, стараются превзойти одинъ другого, какъ животныя, чтобы пріобрѣсть самку. И въ большей или меньшей степени бракъ ихъ есть борьба и насиліе. Въ нашей общинѣ мы не только не думаемъ о личномъ наслажденіи красотой, но избѣгаемъ всѣхъ соблазновъ, ведущихъ къ этому и возведенныхъ въ языческомъ мірѣ въ достоинство и предметъ обожанія; мы, напротивъ, только думаемъ о тѣхъ обязанностяхъ уваженія и любви къ ближнему, которыя мы имѣемъ безразлично ко всѣмъ людямъ, къ величайшей красотѣ и къ величайшему уродству; мы воспитываемъ всѣми силами это чувство, и потому въ насъ чувство любви къ людямъ беретъ верхъ надъ соблазномъ красоты и побѣждаетъ его и уничтожаетъ раздоръ, происходящій изъ половыхъ сношеній.

«Христіанинъ женится только тогда, когда его соединеніе съ женщиной, съ которой они чувствуютъ взаимное влеченіе, не причинитъ никому огорченіе. Кириллъ говоритъ даже такъ: христіанинъ почувствуетъ влеченіе къ женщинѣ только тогда, когда онъ знаетъ, что его соединеніе съ ней не причинитъ никому горя.

— Но развѣ это возможно,—возразилъ Юлій,—развѣ можно управлять своими влеченіями.

— Нельзя, когда имъ дана воля, но не дать имъ просыпаться и подниматься мы можемъ. Возьми примѣръ отношеній отцовъ съ дочерьми, матерей съ сыновьями, братьевъ съ сестрами. Мать для сына, дочь для отца, сестра для брата, какъ бы она ни была прекрасна,—не предметъ личнаго удовольствія, а любви. и чувства не просыпаются. Они проснулись бы только тогда, когда отецъ узналъ бы, что та, которую онъ считалъ дочерью— не его дочь, или для сына мать, или для брата сестра, но и тогда чувство это было бы очень слабо и покорно, и во власти человѣка было бы удержать его. Чувство похоти было бы слабо,

потому что въ основу его положено чувство любви къ матери, къ дочери, къ сестрѣ. Почему ты не хочешь повѣрить, что въ человѣкѣ можетъ быть воспитано и утверждено такое чувство ко всѣмъ женщинамъ, какъ матерямъ, дочерямъ, сестрамъ, и что на основѣ этого чувства можетъ вырасти чувство супружеской любви? Какъ братъ, только тогда, когда онъ узналъ, что та, которую онъ считалъ сестрой, не сестра, позволяетъ въ себѣ подниматься къ ней чувству любви, какъ къ женщинѣ, такъ точно христіанинъ, только чувствуя, что любовь его не огорчаетъ никого, позволяетъ чувству этому подниматься въ душѣ.

— Ну, а если два человѣка полюбили одну дѣвушку?

— Тогда одинъ жертвуетъ своимъ счастьемъ для счастья другого.

— Но когда она любитъ одного изъ нихъ?

— Тогда пожертвуетъ своимъ чувствомъ тотъ, котораго она менѣе любитъ, для счастья ея.

— Ну, а если она любитъ обоихъ, и оба жертвуютъ собой,— она ни за кого не выйдетъ.

— Нѣтъ, тогда старшіе разсудятъ дѣло и посовѣтуютъ такъ, чтобы было наибольшее благо для всѣхъ, при наибольшей любви.

— Но вѣдь такъ не дѣлается. А не дѣлается потому, что это противно природѣ человѣка.

— Природѣ человѣка? Какой природѣ человѣка. Человѣкъ кромѣ того, что животное, еще и человѣкъ, и правда, что такое отношеніе къ женщинѣ несогласно съ животной природой человѣка, но оно согласно съ его разумной природой. И когда онъ употребляетъ разумъ на служеніе своей животной природѣ, онъ дѣлается хуже животнаго—онъ доходитъ до насилія, до кровосмѣшенія,—то, до чего не доходитъ ни одно животное. Но когда онъ употребляетъ свою разумную природу на обузданіе животной, когда животная природа служитъ разуму, тогда только онъ достигаетъ того блага, которое удовлетворяетъ его.

V.

— Но скажи мнѣ о себѣ лично, — сказалъ Юлій.—Я вижу тебя съ этой красавицей, ты какъ видно живешь съ ней, и неужели ты не желаешь стать ея мужемъ?

— Я не думалъ о томъ,—сказалъ Памфилій.—Она дочь христіанской вдовы. Я служу имъ такъ же, какъ имъ служатъ другіе. Я служу матери такъ же, какъ и дочери, и люблю ихъ одинаково. Ты спросилъ меня: люблю ли я такъ, чтобы соединиться съ ней?

Вопросъ этотъ тяжелъ мнѣ. Но я отвѣчу прямо. Мысль эта приходила мнѣ, но есть юноша, который любитъ ее, и потому я не смѣю еще думать объ этомъ. Юноша этотъ христіанинъ и любитъ насъ обоихъ; и я не могу сдѣлать поступка, который бы огорчилъ его. Я живу не думая объ этомъ. Я ищу одного—исполнить законъ любви къ людямъ. Это единое на потребу. Я женюсь тогда, когда увижу, что такъ надо.

— Но для матери не можетъ быть безразлично пріобрѣсти добраго, трудолюбиваго зятя. Она будетъ желать тебя, а не другихъ.

— Нѣтъ, ей безразлично, потому что она знаетъ, что, кромѣ меня, всѣ наши готовы служить ей, какъ и всякому другому; и я не меньше, ни больше буду служить ей, если я буду или не буду ея зятемъ. Если же изъ этого вытечетъ мой бракъ съ дочерью, я приму это съ радостью, какъ я приму и бракъ ея съ другимъ.

— Не можетъ этого быть!—вскрикнулъ Юлій.—Вотъ это-то и ужасно въ васъ, что вы сами обманываете себя! И этимъ вы обманываете другихъ. Вѣрно сказалъ мнѣ про васъ тотъ незнакомецъ. Слушая тебя, я невольно подчиняюсь красотѣ той жизни, которую ты описываешь мнѣ, но, размышляя, я вижу, что все это обманъ, и обманъ, ведущій къ дикости, грубости жизни, приближающейся къ животной.

— Въ чемъ же ты видишь эту дикость?

— А въ томъ, что, поддерживая сами свою жизнь трудами, вы не имѣете досуга и возможности заниматься науками и искусствомъ. Ты вотъ въ оборванномъ одѣяніи, съ огрубѣвшими руками и ногами, твоя спутница, которая бы могла быть богиней красоты, похожа на рабу. Нѣтъ у васъ ни пѣсенъ Аполлона, ни храмовъ, ни поэзій, ни игръ—ничего, что дали боги для украшенія жизни человѣка. Работать, работать, какъ рабы или какъ волы, чтобъ только грубо кормиться—развѣ это не добровольное и безбожное отреченіе отъ воли и природы человѣка?

— Опять природа человѣка!—сказалъ Памфилій.—Но въ чемъ эта природа? Въ томъ ли, чтобы мучить непосильнымъ трудомъ рабовъ, убивать своихъ братьевъ и брать ихъ въ рабы, изъ женщины дѣлать предметъ забавы?.. Все это необходимо для той красоты жизни, которую ты считаешь свойственной природѣ человѣка. Въ этомъ ли природа человѣка, или въ томъ, чтобы жить въ любви и согласіи со всѣми, чувствовать себя членомъ одного всемірнаго братства?

Ты тоже очень ошибаешься, если думаешь, что мы не признаемъ науки и искусства. Мы высоко цѣнимъ всѣ способности, которыми одарена человѣческая природа. Но на всѣ способ-

ности, присущія человѣку, мы смотримъ, какъ на средства для достиженія одной и той же цѣли, которой мы посвящаемъ всю нашу жизнь, а именно—исполненіе воли Божьей. Въ наукѣ и искусствѣ мы видимъ не потѣху, годную только для увеселенія праздныхъ людей; мы требуемъ отъ науки и отъ искусства того же, что отъ всѣхъ занятій человѣческихъ,—чтобы въ нихъ осуществлялась та же дѣятельная любовь къ Богу и ближнему, которою проникнуты всѣ дѣла христіанина. Мы признаемъ за дѣйствительную науку только такія знанія, которыя помогаютъ намъ жить лучше, и искусство мы уважаемъ только тогда, когда оно очищаетъ наши помыслы, возвышаетъ душу, укрѣпляя наши силы, необходимыя для трудовой любовной жизни. Такія знанія мы, по мѣрѣ возможности, не упускаемъ случая развивать въ себѣ и въ нашихъ дѣтяхъ; и такому искусству мы охотно предаемся въ свободное время. Мы читаемъ и изучаемъ писанія, завѣщанныя намъ мудростью людей, жившихъ до насъ; мы поемъ стихи, пишемъ картины, и стихи и картины наши ободряютъ нашъ духъ и утѣшаютъ насъ въ минуты печали. Потому-то мы и не можемъ одобрять тѣ примѣненія, которыя вы себѣ дѣлаете изъ науки и искусства. Ваши ученые употребляютъ свою способность соображенія на измышленіе новыхъ средствъ для причиненія зла людямъ: они усовершенствуютъ пріемы войны, т.-е. убійства; изобрѣтаютъ новые способы наживы, т.-е. обогащенія однихъ на счетъ другихъ. Искусство ваше служитъ на сооруженіе и украшеніе храмовъ въ честь боговъ, которымъ наиболѣе развитые изъ васъ давно уже не вѣрятъ, но вѣру въ которыхъ вы поддерживаете въ другихъ, разсчитывая, что такимъ обманомъ вы лучше удержите ихъ подъ своею властью. Статуи воздвигаются въ честь наиболѣе сильныхъ и жестокихъ изъ вашихъ тирановъ, которыхъ никто не уважаетъ, но всѣ боятся. На театрахъ вашихъ даются представленія, восхваляющія преступную любовь. Музыка служитъ для потѣхи вашихъ богачей, объѣдающихся и напивающихся на своихъ роскошныхъ пирахъ. Живопись примѣняется къ изображенію въ домахъ разврата такихъ картинъ, на которыя не можетъ, не краснѣя, взглянуть человѣкъ трезвый или не одурманенный животною страстью.

Нѣтъ, не на это даны человѣку тѣ высшія способности, которыя отличаютъ его отъ звѣрей. Нельзя дѣлать изъ нихъ потѣху для нашего тѣла. Посвящая всю свою жизнь на исполненіе воли Божьей, мы тѣмъ болѣе употребляемъ на это же служеніе и высшія наши способности.

— Да,—сказалъ Юлій,—все это было бы прекрасно, если бы жизнь при такихъ условіяхъ была возможна; но жить такъ

нельзя. Вы сами обманываете себя. Вы не признаете нашихъ защитъ. А если бы не было римскихъ легіоновъ, развѣ вы бы могли жить покойно? Вы пользуетесь защитой, не признавая ея. Даже нѣкоторые изъ васъ, ты самъ говорилъ, защищали себя. Вы не признаете собственности, а пользуетесь ею, ваши же имѣютъ ее и даютъ вамъ; ты самъ не отдашь даромъ виноградъ, а продашь его и будешь покупать. Все это обманъ. Если бы вы вполнѣ дѣлали то, что говорите, тогда бы такъ; а то вы другихъ и себя обманываете!

Юлій разгорячился и высказалъ все, что имѣлъ на душѣ. Памфилій молчалъ, ожидая. Когда Юлій кончилъ, Памфилій сказалъ:

— Напрасно ты думаешь, что не признавая вашихъ защитъ, мы ими пользуемся. Намъ римскіе легіоны не нужны, такъ какъ мы не придаемъ никакой цѣны тому, что требуетъ защиты насиліемъ, благо наше въ томъ, что не требуетъ защиты, и этого никто не можетъ отнять у насъ. Если же и проходятъ черезъ наши руки вещественные предметы, представляющіе въ вашихъ глазахъ собственность, то мы не считаемъ ихъ своими и передаемъ ихъ тѣмъ, кому они нужны для пропитанія. Мы продаемъ виноградъ желающимъ покупать его не ради собственной наживы, а единственно для того, чтобы пріобрѣтать нуждающимся необходимое для жизни. Если кто-нибудь пожелалъ бы отнять у насъ этотъ виноградъ, мы бы отдали его безъ противленія. По этой самой причинѣ мы не боимся и нашествія дикарей. Если бъ они стали отнимать у насъ произведенія нашего труда, мы имъ уступали бы ихъ; если бы они потребовали, чтобы мы работали на нихъ, мы и это исполняли бы съ радостью; и имъ не только не за что, но и не выгодно было бы насъ убивать или мучить. Дикари скоро поняли бы и полюбили бы насъ, и отъ нихъ намъ пришлось бы меньше терпѣть, чѣмъ отъ окружающихъ насъ теперь и преслѣдующихъ насъ просвѣщенныхъ людей.

«Говорятъ, что только благодаря праву собственности получаются всѣ тѣ произведенія, которыми люди питаются и живутъ; но, посуди самъ, кѣмъ въ дѣйствительности производится всѣ нужные для жизни предметы; благодаря чьему труду накопляются эти богатства, которыми вы такъ гордитесь? производится ли все это тѣми, кто, сидя сложа руки, повелѣваютъ своими рабами и наемниками и которые одни пользуются собственностью, или тѣми бѣдными рабами, которые, ради куска хлѣба, исполняютъ приказаніе своихъ хозяевъ и сами не пользуются никакимъ имуществомъ, получая на свою долю едва достаточно для дневного пропитанія? И почему же вы думаете, что рабы эти, не ща-

дящіе своихъ силъ для исполненія распоряженій часто имъ даже вовсе непонятныхъ,—почему вы думаете, что люди эти перестанутъ работать, когда имъ предстанетъ возможность работать разумную и понятную для нихъ работу на себя и на тѣхъ, кого они любятъ и жалѣютъ?

«Обвиненія твои противъ насъ состоятъ въ томъ, что мы не достигаемъ вполнѣ того, къ чему стремимся, даже, что мы обманываемъ другихъ, утверждая, что мы не признаемъ насилія и собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ пользуясь ими. Если мы обманщики, то съ нами и говорить нечего, и мы не заслуживаемъ гнѣва, ни обличенія, а одного презрѣнія. И презрѣніе мы охотно принимаемъ, ибо одно изъ нашихъ правилъ—это признаніе своего ничтожества. Но если бы мы искренно стремились къ тому, что мы исповѣдуемъ, то тогда обвиненія твои насъ въ обманѣ были бы несправедливы. Если мы стремимся, какъ стремлюсь я и мои братья, къ тому, чтобы, исполняя законъ нашего учителя, жить безъ насилія и вытекающей изъ него собственности, то вѣдь мы стремимся къ этому не для внѣшнихъ цѣлей: богатства, власти, почестей—всего этого мы вѣдь не пріобрѣтаемъ,—но для чего-то другого. Мы такъ же, какъ и вы, ищемъ блага: разница только въ томъ, что мы и вы въ различномъ видимъ благо. Вы вѣрите, что благо въ богатствѣ и почестяхъ, а мы вѣримъ въ другое. Вѣра наша указываетъ намъ, что благо наше не въ насиліи, а въ покорности, не въ богатствѣ, а въ отдачѣ всего. И мы, какъ растенія къ свѣту, не можемъ не стремиться туда, гдѣ видимъ наше благо. Мы не исполняемъ всего, чего мы хотимъ для нашего блага, т.-е. не очистились совсѣмъ отъ насилія и собственности. Это правда. Но развѣ это можетъ быть иначе. Ты стремишься къ тому, чтобы имѣть самую красивую жену, чтобы имѣть самое большое имущество,—развѣ ты или кто-либо достигъ этого? Если стрѣлокъ не попадаетъ въ цѣль, то развѣ оттого, что онъ много разъ не попадалъ въ цѣль, онъ перестанетъ мѣтить въ нее? То же и съ нами. Благо наше—по ученію Христа—въ любви, любовь же исключаетъ насиліе и вытекающую изъ него собственность. Мы ищемъ нашего блага, но далеко не вполнѣ и различно, каждый по-своему, достигаемъ его.

— Да, но почему же вы не вѣрите всей мудрости человѣческой и отвернулись отъ нея, а вѣрите одному вашему распятому учителю. Рабство ваше, покорность передъ нимъ, вотъ что отталкиваетъ меня.

— Опять ты ошибаешься, и ошибается тотъ, кто думаетъ, что мы, исповѣдуя наше ученіе, имѣемъ нашу вѣру, потому что такъ намъ велѣлъ это человѣкъ, которому мы вѣримъ. На-

оборотъ—тѣ, которые ищутъ всей душой познаніе истины, общенія съ Отцомъ, тѣ, которые ищутъ истиннаго блага, тѣ невольно приходятъ на тотъ путь, по которому шелъ Христосъ, и потому, невольно становясь позади его, видятъ его передъ собой. Всѣ, любящіе Бога, сойдутся на этомъ пути, и ты также. Онъ—Сынъ Божій и посредникъ между Богомъ и людьми, не потому что намъ кто-нибудь сказалъ это и мы въ это слѣпо вѣримъ, но потому что всѣ тѣ, которые ищутъ Бога, находятъ Его Сына передъ собой, и невольно только черезъ него понимаютъ, видятъ и знаютъ Бога.

Юлій не отвѣчалъ и долго сидѣлъ молча.

— Ты счастливъ?—спросилъ онъ.

— Ничего не желаю лучшаго. Но мало того, я большей частью испытываю чувство недоумѣнія, сознаніе несправедливости какой-то. За что̀ именно я такъ огромно счастливъ?—сказалъ Памфилій улыбаясь.

— Да,—сказалъ Юлій,—можетъ быть, я былъ бы счастливѣе, если бы я тогда не встрѣтилъ незнакомца и дошелъ до васъ.

— А если ты думаешь такъ, такъ что же мѣшаетъ тебѣ?

— А жена?

— Ты говорилъ, что она склонна къ христіанству, и она пойдетъ съ тобой.

— Да, но начата уже другая жизнь; какъ разбивать ее? Начата—надо доживать ее,—сказалъ Юлій, живо представивъ себѣ и недовольство отца, матери, друзей, а главное все то усиліе, которое надо бы употребить, чтобы сдѣлать этотъ переворотъ.

Въ это время къ двери лавки подошла дѣвица, подруга Памфилія, съ юношей. Памфилій вышелъ къ нимъ, и юноша при Юліи разсказалъ, что онъ присланъ отъ Кирилла закупить кожи. Виноградъ былъ уже проданъ, и пшеница закуплена. Памфилій предложилъ юношѣ идти съ Магдалиной домой съ пшеницей, а самому купить и принести кожи.

— Тебѣ будетъ лучше,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, Магдалинѣ лучше идти съ тобой,—сказалъ юноша и удалился. Юлій проводилъ Памфилія въ лавку къ знакомому купцу, насыпалъ пшеницы въ мѣшки и, положивъ малую часть Магдалинѣ, вскинувъ свою тяжелую ношу, простился съ Юліемъ и рядомъ съ дѣвицей пошелъ изъ города.

На поворотѣ изъ улицы Памфилій оглянулся и улыбаясь кивнулъ головой Юлію и такъ, еще радостнѣе улыбаясь, сказалъ что-то Магдалинѣ, и они скрылись изъ глазъ.

«Да, лучше бы я сдѣлалъ, если бы тогда дошелъ до нихъ», подумалъ Юлій. И въ его воображеніи, смѣняясь, возставали

два образа: то сильный Памфилій съ высокой, сильной дѣвой, несущіе на головѣ корзины, и ихъ добрыя и свѣтлыя лица, то тотъ свой домашній очагъ, изъ котораго онъ вышелъ утромъ и въ который вернется: изнѣженная, красивая, но прискучившая и постылая жена въ уборахъ, запястьяхъ, лежащая на коврахъ и подушкахъ.

Но Юлію некогда было думать, подошли купцы, товарищи и начали обычное занятіе, кончившееся обѣдомъ, съ питьемъ и ночью съ женою...

VI.

Прошло десять лѣтъ. Юлій не встрѣчался болѣе съ Памфиліемъ. И свиданія съ нимъ понемногу вышли изъ его памяти, и изгладилось впечатлѣніе о немъ и о христіанской жизни. Жизнь Юлія шла обычнымъ чередомъ. За это время умеръ его отецъ, и онъ долженъ былъ принять все торговое дѣло. Дѣло было сложное, были привычные покупатели, были продавцы въ Африкѣ, были приказчики, были долги, которые надо было собрать и которые надо было заплатить. Юлій невольно втянулся въ дѣла и отдавалъ имъ все свое время. Кромѣ того, явились новыя заботы. Онъ былъ избранъ на общественную должность. И это новое занятіе, щекотавшее его самолюбіе, было для него заманчиво. Кромѣ торговыхъ дѣлъ, онъ занялся и общественными, и, имѣя умъ и даръ слова, сталъ выдвигаться между другими, такъ что онъ могъ достигнуть высокаго общественнаго положенія.

Въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ въ семейномъ быту его произошла тоже значительная и непріятная для него перемѣна. У него родилось трое дѣтей, и это рожденіе дѣтей удалило его отъ жены. Во-первыхъ, жена его потеряла большую часть своей красоты и свѣжести; во-вторыхъ, она меньше заботилась теперь о мужѣ. Всѣ ея нѣжности и ласки были сосредоточены на дѣтяхъ. Хотя дѣти и были отдаваемы, по обычаю язычниковъ, кормилицамъ и нянямъ, часто Юлій заставалъ ихъ у матери, или ее не находилъ въ ея покояхъ, а у ея дѣтей. А дѣти большею частью тяготили Юлія, доставляя ему больше непріятностей, чѣмъ радостей. Занятый и торговыми и общественными дѣлами, Юлій оставилъ свою прежнюю разгульную жизнь, но ему нужно было, какъ онъ полагалъ, изящное отдохновеніе послѣ трудовъ, и онъ не находилъ его у жены, тѣмъ болѣе, что жена за все это время все больше и больше сходилась съ своей рабыней-христіанкой, все больше и больше увлекалась новымъ ученіемъ и откидывала въ своей жизни все внѣшнее языческое, которое со-

ставляло прелесть для Юлія. Не находя въ женѣ того, чего искалъ, Юлій сошелся съ женщиною легкаго поведенія и съ нею проводилъ тѣ досуги, которые оставались у него отъ занятій. Если бы спросили у Юлія, счастливъ ли онъ былъ или несчастливъ за эти годы своей жизни, онъ бы не могъ отвѣтить: онъ былъ такъ занятъ! Отъ одного дѣла и удовольствія онъ переходилъ къ другому дѣлу или другому удовольствію, но ни одно дѣло не было такое, при которомъ онъ бы былъ вполнѣ доволенъ, которое бы онъ желалъ продолжать. Всякое дѣло было такое, что чѣмъ скорѣе онъ могъ освободиться отъ него, тѣмъ было для него лучше, и ни одно удовольствіе не было таково, которое бы не было чѣмъ-нибудь отравлено, къ которому бы не примѣшивалась скука пресыщенія.

Такъ жилъ Юлій, когда съ нимъ случилось событіе, чуть не измѣнившее весь ходъ его жизни. На Олимпійскихъ играхъ онъ участвовалъ въ ристалищахъ и, проведя благополучно свою колесницу до конца, вдругъ наскочилъ на другую, обгоняя ее. Колесо сломалось, онъ упалъ и сломалъ себѣ два ребра и руку. Поврежденія его были тяжелыя, но не опасныя для жизни. Юлія отнесли домой, и онъ долженъ былъ пролежать три мѣсяца.

Въ эти три мѣсяца среди тяжелыхъ тѣлесныхъ страданій стала работать его мысль, и онъ имѣлъ досугъ обдумывать свою жизнь, глядя на нее, какъ на жизнь посторонняго человѣка.

И жизнь его представилась ему въ мрачномъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что въ это же время случились три непріятныя событія, сильно огорчившія его: первое было то, что рабъ, надежный слуга еще отца его, получивъ въ Африкѣ дорогіе камни, бѣжалъ съ ними и сдѣлалъ большой убытокъ и разстройство въ дѣлахъ Юлія. Второе было то, что наложница Юлія оставила его и избрала себѣ новаго покровителя. Третье, и самое непріятное для Юлія было то, что во время его болѣзни были выборы на то мѣсто правителя, которое онъ надѣялся занять, и мѣсто это занялъ его соперникъ. Все это, казалось Юлію, произошло отъ его болѣзни, болѣзнь же произошла оттого, что колесница его на одну толщину пальца взяла влѣво. Лежа одинъ въ постели, онъ невольно сталъ думать о томъ, отъ какихъ ничтожныхъ случайностей зависѣло его счастье, и мысли эти навели его на другія и на воспоминанія о прежнихъ своихъ несчастіяхъ, о попыткѣ его уйти къ христіанамъ и о Памфиліи, котораго онъ не видалъ уже десять лѣтъ. Воспоминанія еще усиливались бесѣдами съ женою, которая теперь часто была съ нимъ во время его болѣзни и разсказывала ему про все то, что она знала о христіанствѣ отъ своей рабыни. Рабыня эта жила одно время въ той же общинѣ,

гдѣ жилъ Памфилій, и знала его. Юлій пожелалъ видѣть ея рабыню и, когда она пришла къ его ложу, подробно разспрашивалъ обо всемъ и въ особенности о Памфиліи.

Памфилій, разсказывала рабыня, былъ однимъ изъ ихъ лучшихъ братьевъ и былъ любимъ и уважаемъ всѣми; онъ былъ женатъ на той самой Магдалинѣ, которую десять лѣтъ тому назадъ видѣлъ Юлій. И у нихъ ужъ было нѣсколько дѣтей.

— Да, тому человѣку, который не вѣритъ въ то, что Богъ сотворилъ людей для ихъ блага, — заключила рабыня, — надо пойти посмотрѣть ихъ жизнь.

Юлій отпустилъ рабыню и остался одинъ, думая о томъ, что̀ онъ слышалъ. Ему завидно было сличать жизнь Памфилія съ своей, и онъ хотѣлъ не думать объ этомъ. Чтобы развлечься, онъ взялъ ту греческую рукопись, которую положила ему жена, и сталъ читать ее. Въ рукописи онъ прочиталъ слѣдующее:

«Есть два пути, одинъ—жизни и одинъ—смерти».

«Путь жизни состоитъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, ты долженъ любить Бога, создавшаго тебя; во-вторыхъ, ближняго своего, какъ самого себя; и всего того, чего не желаешь, чтобы случилось съ собою, не дѣлай и ты другому. Ученіе же, заключающееся въ сихъ словахъ, слѣдующее: благословляйте проклинающихъ васъ, молитесь за враговъ вашихъ, и поститесь за вашихъ гонителей; ибо какое благодѣяніе, если вы любите любящихъ васъ? Не дѣлаютъ ли то же язычники? Вы же любите ненавидящихъ васъ, и вы не будете имѣть враговъ. Удаляйся отъ плотскихъ и мірскихъ прихотей. Если кто ударитъ тебя въ правую щеку, обрати къ нему и другую, и будешь совершенъ. Если кто-либо принуждаетъ тебя идти съ нимъ одну версту, иди съ нимъ двѣ; если кто беретъ твою верхнюю одежду, отдай ему и рубашку; если кто взялъ у тебя твое, не требуй назадъ; ибо ты этого не можешь. Всякому просящему у тебя дай и не требуй назадъ; ибо Отецъ желаетъ, чтобы всѣмъ было даруемо отъ его благодатныхъ даровъ. Блаженъ дающій по заповѣди...

«Вторая проповѣдь ученія. Не убивай, не прелюбодѣйствуй, не распутничай, не крадь, не волхвуй, не отравляй, не желай принадлежащаго ближнему твоему. Не клянись, не лжесвидѣтельствуй, не злословь, не помни зла. Не будь двойственнымъ въ мысли, ни двуязычнымъ... Да не будетъ слово твое лживо, ни пусто, но согласно съ дѣломъ. Не будь корыстолюбивымъ, ни хищникомъ, ни лицемѣромъ, ни злонравнымъ, ни надменнымъ. Не предпринимай худого намѣренія противъ ближняго своего. Не имѣй ненависти ко всякому человѣку, но однихъ обличай, за другихъ молись, а иныхъ люби болѣе души своей»...

«Чадо мое! избѣгай всякаго зла и всего подобнаго ему. Не будь гнѣвливъ, ибо гнѣвъ ведетъ къ убійству; ни ревнивъ, ни сварливъ, ни вспыльчивъ: ибо изъ всего этого происходятъ убійства. Чадо мое! не будь похотливъ, ибо похоть доводитъ до блуда; не будь срамославенъ, ибо изъ этого происходятъ прелюбодѣянія. Чадо мое! не ворожи, ибо это ведетъ къ идолопоклонничеству; не волхвуй, не чернокнижничай, не дѣлай заговоровъ и не желай смотрѣть на подобныя дѣла, потому что это — идолопоклонство. Чадо мое! не будь лживъ, поелику ложь доводитъ до воровства, ни сребролюбивъ, ни тщеславенъ: ибо изъ всего этого происходятъ воровства. Чадо мое! не будь ропотникомъ, ибо сіе ведетъ къ богохульству; ни дерзкимъ, ни зломыслящимъ: ибо изъ всего этого происходятъ богохульства. Но будь кротокъ, потому что кроткіе наслѣдуютъ землю. Будь долготерпѣливъ, и милостивъ, и не злобивъ, и смиренъ, и добръ, и всегда трепещи словъ, которыя ты услышалъ. Не превозносись и не давай душѣ своей дерзости. Да не прилѣпляется душа твоя къ гордымъ, но обращайся съ праведными и смиренными. Все, что случается съ тобой, принимай какъ благо, зная, что безъ Бога ничего не бываетъ... Чадо мое! не причиняй раздѣленія, спорящихъ же примиряй. Не простирай рукъ къ принятію и не сжимай при отдаваніи. Не колеблись давать и отдавая не ропщи; ибо ты узнаешь, кто добрый Мздовоздаятель. Не отвращайся отъ нуждающагося, но во всемъ имѣй общеніе съ братомъ своимъ и ничего не называй своею собственностью; ибо если вы соучастники въ нетлѣнномъ, то тѣмъ болѣе въ вещахъ тлѣнныхъ! Отъ юности учи дѣтей своихъ страху Божію. Во гнѣвѣ своемъ не повелѣвай рабомъ своимъ или рабою, дабы они не перестали бояться Бога, сущаго надъ обоими вами; ибо онъ не приходитъ призывать, судя по лицамъ, но онъ призываетъ тѣхъ, коихъ уготовалъ Духъ».

«А путь смерти слѣдующій: прежде всего онъ злой и исполненъ проклятія; здѣсь убійство, прелюбодѣяніе, похоть, блудъ, воровство, идолослуженіе, волшебство, отравленіе, хищеніе, лжесвидѣтельство, лицемѣріе, двоедушіе, коварство, гордость, злоба, высокомѣріе, алчность, сквернословіе, зависть, дерзость, заносчивость, тщеславіе; здѣсь гонители добрыхъ, ненавистники истины, любители лжи, не признающіе воздаянія за праведность, не прилѣпляющіеся къ добру, ни къ праведному сужденію, бдительные не въ добрѣ, но въ злѣ, отъ которыхъ далеки кротость и терпѣніе; здѣсь же любящіе суету, гоняющіеся за мздовоздаяніемъ, не имѣющіе сострадания къ бѣдному, не трудящіеся за утружденныхъ, не знающіе Творца своего, убійцы дѣтей, погубители образа Божія, отвращающіеся отъ нуждаю-

щагося, притѣснители угнетеннаго, защитники богатыхъ, беззаконные судьи бѣдныхъ, грѣшники во всемъ! Берегитесь, дѣти, отъ всѣхъ такихъ людей!»...

Еще далеко не дочтя рукописи до конца, съ нимъ случилось то, что бываетъ съ людьми, съ искреннимъ желаніемъ истины читающими книги, т.-е. чужія мысли, случилось то, что онъ вступилъ душой въ общеніе съ тѣми, кто внушилъ ихъ. Онъ читалъ, впередъ угадывая то, что будетъ, и не только соглашаясь съ мыслями книги, но какъ будто самъ высказывая эти мысли.

Съ нимъ случилось то обыкновенное, не замѣчаемое нами, но таинственнѣйшее и значительнѣйшее явленіе въ жизни, состоящее въ томъ, что такъ называемый живой человѣкъ становится истинно живымъ, когда вступаетъ въ общеніе, соединяется въ одно съ такъ называемыми умершими и живетъ съ ними одной жизнью. Душа Юлія соединилась съ тѣмъ, кто писалъ и внушилъ эти мысли, и послѣ этого общенія онъ оглянулся на себя, на свою жизнь. И самъ онъ и вся его жизнь показалась ему одной ужасающей ошибкой. Онъ не жилъ, а только губилъ въ себѣ всѣми заботами о жизни и соблазнами возможность истинной жизни.

— Не хочу губить жизнь, хочу жить, идти по пути жизни,— сказалъ онъ себѣ.

Онъ вспомнилъ все, что ему говорилъ Памфилій въ ихъ прежнихъ бесѣдахъ, и все это теперь показалось такъ ясно и несомнѣнно, что онъ удивлялся тому, какъ могъ онъ тогда повѣрить незнакомцу и не исполнить своего намѣренія уйти къ христіанамъ. Онъ вспомнилъ тоже то, что сказалъ ему незнакомецъ: *«пойди тогда, когда испытаешь жизнь»*.

— Ну вотъ, я испыталъ жизнь и ничего не нашелъ въ ней.— Онъ вспомнилъ тоже слова Памфилія о томъ, что когда бы онъ ни пришелъ къ нему, они будутъ рады принять его.—Нѣтъ, довольно заблуждаться и страдать,—сказалъ онъ себѣ.—Брошу все и пойду къ нимъ жить такъ, какъ сказано здѣсь. Онъ сказалъ женѣ, и жена его была восхищена его намѣреніемъ.

Жена была готова на все. Дѣло стояло только за тѣмъ, какъ привести его въ исполненіе. Какъ поступить съ дѣтьми? Взять ли ихъ съ собой или оставить у бабушки? Какъ взять ихъ? Какъ послѣ нѣжности ихъ воспитанія подвергнуть ихъ всѣмъ трудностямъ суровой жизни? Рабыня предложила идти съ ними. Но мать боялась за дѣтей и говорила, что лучше оставить ихъ у бабушки, а идти однимъ. И на этомъ оба согласились. Все было рѣшено, только болѣзнь Юлія задерживала исполненіе.

VII.

Въ такомъ расположеніи духа Юлій заснулъ. На утро ему сказали, что проѣзжій искусный врачъ желаетъ его видѣть, обѣщаясь скоро помочь. Юлій съ радостію принялъ врача. Врачъ былъ не кто иной, какъ тотъ самый незнакомецъ, котораго встрѣтилъ Юлій, когда шелъ къ христіанамъ.

Осмотрѣвъ его раны, врачъ предписалъ пріемы травъ для подкрѣпленія силъ.

— Буду ли я въ состояніи работать рукою? — спросилъ Юлій.

— О, да. Править колесницей, писать—да.

— Но тяжелую работу—копать?

— Я не думалъ объ этомъ,—сказалъ врачъ,—потому что это не можетъ быть тебѣ нужно по твоему положенію.

— Напротивъ, это-то мнѣ и нужно,—сказалъ Юлій и разсказалъ врачу, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ его, онъ послѣдовалъ его совѣту, испыталъ жизнь; но жизнь не дала ему того, что она обѣщала, а, напротивъ, разочарованіе ею, и что онъ теперь хочетъ привести въ исполненіе намѣреніе, о которомъ говорилъ тогда.

— Да, видно, пустили они въ дѣло всѣ свои обманы и прельстили тебя, такъ что ты въ твоемъ положеніи, съ тѣми обязанностями, которыя лежатъ на тебѣ, особенно по отношенію къ дѣтямъ, не видишь все-таки ихъ заблужденій.

— Прочти это,—сказалъ Юлій, подавая врачу рукопись, которую онъ читалъ.

Врачъ взялъ рукопись, взглянулъ на нее.

— Знаю я это,—сказалъ онъ,—знаю этотъ обманъ и удивляюсь тому, что такой умный человѣкъ, какъ ты, можетъ попасться въ такую ловушку.

— Я не понимаю тебя. Въ чемъ ловушка?

— Все дѣло въ жизни, и вотъ они, эти софисты [1]) и бунтовщики противъ людей и боговъ предлагаютъ счастливый путь жизни. Подъ такимъ путемъ жизни они разумѣютъ такой путь жизни, при которомъ всѣ люди были бы счастливы—не было бы ни войнъ, ни казней, ни бѣдности, ни распутства, ни ссоръ, ни злобы. И они утверждаютъ, что такое состояніе людей будетъ тогда, когда люди будутъ исполнять заповѣди Христа, не ссориться, не блудить, не клясться, не насиловать, не враждовать народу противъ на-

---

[1]) Софисты — лжемудрецы, ловкими доказательствами выдающіе ложь за истину.

рода. Но они ошибаются или обманываютъ тѣмъ, что они цѣль принимаютъ за средство. Цѣль въ томъ, чтобы не ссориться, не клясться, не блудить и т. д., и эта цѣль достигается только средствами общественной жизни. А то они говорятъ почти то же, что сказалъ бы учитель стрѣльбы, сказавъ: въ цѣль ты попадешь тогда, когда стрѣла твоя будетъ летѣть по прямой линіи къ цѣли. Да какъ сдѣлать, чтобы она летѣла по прямой—въ этомъ задача. И задача эта достигается въ стрѣльбѣ тѣмъ, что тетива натянута, лукъ упругъ, стрѣла пряма. То же и съ жизнью людей. Наилучшая жизнь людей, такая, при которой не надо ссориться, блудить, убивать—достигается тѣмъ, чтобы была тетива—правители, упругость лука—сила власти, и прямая стрѣла—справедливость законовъ. Они же подъ предлогомъ лучшей жизни разрушаютъ все то, что улучшило и улучшаетъ жизнь. Они не признаютъ ни правителей, ни власти, ни законовъ.

— Но они утверждаютъ, что безъ правителей, власти и законовъ жизнь будетъ лучше, если люди будутъ исполнять законъ Христа.

— Да, но что ручается, что люди будутъ исполнять его? Ничто? Они говорятъ: вы испытали жизнь при власти и законахъ, и жизнь не стала совершенной, испытайте же отсутствіе власти и законовъ, и жизнь станетъ совершенной. Вы не имѣете права отрицать этого, потому что вы не испытывали. Но тутъ-то явенъ софизмъ этихъ безбожниковъ. Говоря такъ, развѣ они не то же говорятъ, что̀ сказалъ бы человѣкъ земледѣлецъ: ты сѣешь въ землю и закрываешь сѣмена, и все-таки урожай не таковъ, какого бы ты хотѣлъ; а я совѣтую тебѣ, сѣй въ море, тогда будетъ лучше. И ты не имѣешь права отрицать мое положеніе, потому что ты его не испытывалъ.

— Да, это справедливо, — сказалъ начавшій колебаться Юлій.

— Но мало этого, — продолжалъ врачъ.—Допустимъ нелѣпое, невозможное, что основы христіанскаго ученія могутъ быть сообщены всѣмъ людямъ пріемомъ какихъ-нибудь капель, и что вдругъ всѣ люди будутъ исполнять ученіе Христа, любить Бога и ближняго, и исполнять заповѣди; допустимъ это, и все-таки путь жизни по ихъ ученію не выдерживаетъ разбора. Жизни не будетъ и жизнь прекратится. Учитель ихъ былъ холостой бродяга, такими будутъ и послѣдователи его, по нашему предположенію и весь міръ. Теперь живущіе проживутъ, но дѣти ихъ не выживутъ или выживетъ одинъ изъ десяти. По ученію ихъ, всѣ дѣти должны быть равны—для каждой матери и отца—свои и чужіе. Какъ же уберегутся эти дѣти, когда мы видимъ,

что вся страсть, любовь къ этимъ дѣтямъ, вложенная въ матерей, едва охраняетъ дѣтей отъ погибели, что же будетъ, когда это будетъ одно сожалѣніе, равное ко всѣмъ дѣтямъ? Какого взять и сохранять ребенка? Кто будетъ просиживать ночи съ больнымъ, вонючимъ дѣтищемъ, кромѣ матери? Природа сдѣлала броню ребенку—любовь матери ;они снимаютъ ее, ничѣмъ не замѣняя. Кто выучитъ сына, кто вникнетъ въ его душу, какъ не отецъ его? Кто предотвратитъ отъ опасностей? Это все устраняется. Устраняется вся жизнь, т.-е. продолженіе рода человѣка.

— И это справедливо,—сказалъ Юлій, увлеченный краснорѣчіемъ врача.

— Нѣтъ, другъ мой, оставь бредни и живи разумно, особенно теперь, когда на тебѣ лежатъ такія великія, важныя и настоятельныя обязанности. Исполненіе ихъ есть дѣло чести. Ты дожилъ до второго періода сомнѣній, но иди дальше, и сомнѣній не будетъ. Первая и несомнѣннѣйшая твоя обязанность — это воспитаніе дѣтей, которыми ты пренебрегъ. Обязанность твоя въ отношеніи ихъ есть то, чтобы сдѣлать ихъ достойными слугами республики. Республика дала тебѣ все, что ты имѣешь, ты долженъ и самъ служить ей, и дать ей достойныхъ слугъ въ своихъ дѣтяхъ. Этимъ же самымъ ты даешь благо и дѣтямъ. Другая твоя обязанность — это служеніе обществу. Тебя огорчила и разочаровала твоя неудача — это случайность временная. Безъ усилій и борьбы ничего не достается. И радость торжества только тогда, когда побѣда была трудна. Предоставь твоей женѣ забавляться болтовней христіанскихъ писаній. Ты же будь мужемъ и воспитай дѣтей быть мужами. Начни эту дѣятельность сознаніемъ своего долга, и отпадутъ всѣ твои сомнѣнія. Они и пришли къ тебѣ отъ болѣзненнаго состоянія. Исполни свои обязанности по отношенію къ республикѣ своимъ служеніемъ ей и приготовленіемъ своихъ дѣтей къ этой службѣ; поставь ихъ на ноги, чтобы они могли замѣнить тебя, и тогда спокойно отдавайся той жизни, которая влечетъ тебя, а до тѣхъ поръ ты не имѣешь права, да если бы отдался, то ничего не нашелъ бы, кромѣ страданія».

VIII.

Лѣкарственныя ли травы или совѣты мудраго врача подѣйствовали на Юлія, но очень скоро онъ ободрился и его мысли о христіанской жизни показались ему бреднями.

Врачъ, пробывъ нѣсколько времени, уѣхалъ. Юлій же скоро послѣ него всталъ и, пользуясь его совѣтами, началъ новую жизнь. Онъ взялъ учителя для дѣтей и самъ слѣдилъ за ихъ уче-

ніемъ. Свое же время все проводилъ въ общественныхъ дѣлахъ, и очень скоро пріобрѣлъ въ городѣ большое вліяніе.

Такъ прожилъ Юлій годъ, и въ этотъ годъ ни разу не вспомнилъ даже о христіанахъ. Но по истеченіи года назначенъ былъ въ ихъ городѣ судъ надъ христіанами.

Въ Киликію пріѣхалъ посланный отъ римскаго императора для подавленія христіанской проповѣди. Юлій слышалъ о мѣрахъ, предпринимаемыхъ противъ христіанъ, и полагая, что это не коснется христіанской общины, въ которой жилъ Памфилій, не думалъ о немъ. Но однажды, когда шелъ по площади въ мѣсто своего управленія, къ нему подошелъ пожилой, бѣдно одѣтый человѣкъ, котораго онъ не узналъ сначала. Это былъ Памфилій. Памфилій шелъ къ нему.

— Здравствуй, другъ,—сказалъ онъ ему.—У меня къ тебѣ есть великая просьба, но не знаю, захочешь ли ты во время теперешняго гоненія на христіанъ признавать своимъ другомъ, и не боишься ли ты потерять свое мѣсто сношеніями со мной.

— Я никого не боюсь, — отвѣчалъ Юлій, — и въ доказательство прошу тебя идти со мною ко мнѣ. Я пропущу даже свое дѣло на площади съ тѣмъ, чтобы говорить съ тобой и быть тебѣ полезнымъ. Пойдемъ со мной. Чей это ребенокъ?

— Это сынъ мой.

— Впрочемъ, я бы могъ не спрашивать. Я узнаю твое лицо въ немъ. Узнаю и эти голубые глаза и могу не спрашивать о томъ, кто твоя жена. Это та красавица, которую я шесть лѣтъ тому назадъ видѣлъ съ тобой. Это ея глаза.

— Ты угадалъ, — отвѣчалъ Памфилій. — Скоро послѣ того, какъ мы видѣлись съ тобой, она стала моей женой.

Друзья вошли въ домъ Юлія. Юлій вызвалъ жену и отдалъ ей мальчика, а самъ провелъ Памфилія въ свою роскошную, уединенную комнату.

— Здѣсь ты можешь все говорить, никто не услышитъ насъ,— сказалъ Юлій.

— Я не боюсь того, чтобъ меня услышали, — отвѣчалъ Памфилій.—Даже просьба моя состоитъ не въ томъ, чтобы тѣхъ христіанъ, которые взяты, не судили и не казнили, а только въ томъ, чтобы имъ позволили всенародно высказать свою вѣру.

И Памфилій разсказалъ о томъ, что христіане, взятые властями, изъ темницы дали знать о своемъ положеніи въ свою общину.

Старецъ Кириллъ, зная объ отношеніяхъ Памфилія къ Юлію, поручилъ Памфилію идти просить за христіанъ.

Христіане не просили о помилованіи. Они считали призваніемъ своей жизни: свидѣтельство истины ученія Христа. Они

могли свидѣтельствовать это длинной, 80-лѣтней жизнью, или свидѣтельствовать то же самое мученичествомъ. То и другое имъ было безразлично, и смерть плотская, неизбѣжная для нихъ, была одинаково не страшна и радостна сейчасъ или черезъ 50 лѣтъ; но имъ желалось, чтобы жизнь ихъ служила бы на пользу людямъ и потому они послали Памфилія хлопотать о томъ, чтобы судъ и казнь были при народѣ.

Юлій подивился просьбѣ Памфилія, но обѣщался сдѣлать все, чтò отъ него зависитъ.

— Я обѣщалъ тебѣ свое заступничество,—сказалъ Юлій,— но я обѣщалъ тебѣ его по моей дружбѣ къ тебѣ и тому особенному доброму чувству размягченія, которое ты всегда вызываешь во мнѣ; но долженъ признаться тебѣ, что ученіе ваше я считаю самымъ безумнымъ и зловреднымъ. Я могу судить про это, потому что самъ очень недавно въ минуты разочарованія и болѣзни, въ упадкѣ духа, раздѣлялъ опять ваши взгляды и опять чуть было не бросилъ все и не ушелъ къ вамъ. Я знаю, на чемъ зиждется ваше заблужденіе, потому что прошелъ черезъ него — на любви къ себѣ, на слабости духа и на болѣзненномъ разслабленіи. Это вѣра бабъ, а не мужей.

— Но почему же?

— А потому что, признавая то, что въ природѣ человѣка лежитъ раздоръ и вытекающія изъ него насилія, вы хотите не принимать въ нихъ участія, предавать ихъ другимъ и, не внося своего участія, пользоваться устройствомъ міра, основаннымъ на насиліи. Развѣ это справедливо? Міръ всегда стоялъ тѣмъ, что были властители. Властители эти брали на себя весь трудъ и всю отвѣтственность, ограждали насъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. И взамѣнъ этого мы, подданные, покорялись этимъ властителямъ, воздавали имъ почести или помогали имъ въ ихъ служеніи.

Вы же изъ гордости, вмѣсто того, чтобы своимъ трудомъ участвовать въ дѣлахъ республики и по мѣрѣ заслугъ подниматься трудомъ выше и выше въ уваженіи людей, вы сразу, по своей гордости, признаете всѣхъ людей равными, для того, чтобы никого не считать выше себя, а считать себя равными Кесарю. Вы сами такъ думаете и учите такъ другихъ. И для слабыхъ и лѣнивыхъ соблазнъ этотъ великъ. Вмѣсто труда, всякій рабъ сразу считаетъ себя равнымъ Кесарю. Но мало этого: вы отрицаете и подати, и рабство, и судъ, и казни, и войну, — все то, что держитъ вмѣстѣ людей. Если бы люди послушали васъ, общество бы распалось и мы бы вернулись къ временамъ дикости. Вы въ государствѣ проповѣдуете разрушеніе государства.

Но самое существованіе ваше обусловлено государствомъ. Не будь этого, и васъ бы не было. Вы бы всѣ были рабами скиѳовъ или дикарей, первыхъ, которые бы узнали о вашемъ существованіи.

Вы — какъ нарывъ, разрушающій тѣло, но могущій появиться и питаться только тѣломъ. И живое тѣло борется съ нимъ и подавляетъ его. То же дѣлаемъ и мы съ вами и не можемъ не дѣлать. И, несмотря на обѣщаніе мое помочь тебѣ въ исполненіи вашего желанія, я смотрю на ваше ученіе, какъ на самое вредное и низкое. Низкое, потому что я считаю, что грызть ту грудь, которая тебя питаетъ, не честно и не справедливо пользоваться благами республики и, не принимая участія въ томъ устройствѣ, которымъ она держится, разрушать ее.

— Въ твоихъ словахъ, — сказалъ Памфилій, — было бы много справедливаго, если бъ дѣйствительно мы такъ жили, какъ ты думаешь. Но ты не знаешь нашей жизни, и составилъ себѣ ложныя представленія о ней.

Тѣ средства къ жизни, которыми мы пользуемся для себя, достижимы безъ помощи насилія. Человѣкъ такъ устроенъ, что въ здоровомъ состояніи онъ можетъ своими руками заработать гораздо больше того, что необходимо для его жизни. Живя же вмѣстѣ, мы въ состояніи трудомъ сообща прокормить нашихъ дѣтей и стариковъ, больныхъ и слабыхъ.

Ты говоришь о властителяхъ, что они ограждаютъ людей отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Но мы любимъ враговъ, и потому у насъ нѣтъ ихъ. Ты говоришь, что мы, христіане, возбуждаемъ въ рабѣ желаніе быть Кесаремъ. Напротивъ того, и словомъ и дѣломъ мы проповѣдуемъ одно: терпѣливое смиреніе и трудъ, — самый простой, считающійся низкимъ, трудъ рабочаго человѣка.

Мы не знаемъ и не понимаемъ ничего въ государственныхъ дѣлахъ. Мы знаемъ одно, и знаемъ это несомнѣнно, что благо наше только тамъ, гдѣ благо другихъ людей, и мы ищемъ этого блага. Благо же всѣхъ людей въ ихъ единеніи. [Единеніе же достигается не насиліемъ, но любовью. Насиліе разбойника надъ прохожимъ для насъ такъ же возмутительно, какъ насиліе войска надъ плѣннымъ, судьи надъ казненнымъ, и мы не можемъ сознательно участвовать ни въ томъ, ни въ другомъ. Пользоваться же безъ труда насиліемъ мы не можемъ. Насиліе отражается на насъ. Но наше участіе въ насиліи состоитъ не въ приложеніи его, а въ покорномъ перенесеніи его надъ собою.

— Да, — прервалъ его Юлій, — но вы только дѣлаете видъ, что вы мученики и рады гибнуть за истину; но истина не на ва-

шей сторонѣ; вы гордые безумцы, разрушающіе всѣ основы общественной жизни. Вы на словахъ проповѣдуете любовь, но если разобрать то, что вытекаетъ изъ вашей любви, то выходитъ совсѣмъ другое — изъ нея вытекаетъ варварство, возвращеніе къ дикому состоянію убійства, насилія, грабежа, которые, по вашему ученію, не должны быть ничѣмъ сдержаны.

— Нѣтъ, это не такъ, — сказалъ Памфилій. — И если только ты дѣйствительно захочешь внимательно и безпристрастно разобрать то, что вытекаетъ изъ нашего ученія и нашей жизни, то самъ увидишь, что не только изъ нихъ не вытекаютъ убійства, насилія и грабежи, но, наоборотъ, успѣшно бороться съ подобными преступленіями возможно только тѣми средствами, которыя мы примѣняемъ. Убійства, грабежи и всяческое зло было всегда въ мірѣ и до христіанства; и съ ними люди всегда боролись, только безуспѣшно, тѣми средствами, которыя мы отрицаемъ. Средства эти, отвѣчающія насиліемъ на насиліе, не сдерживаютъ преступленій, а только возбуждаютъ ихъ, распространяя среди людей ожесточеніе и злобу.

Взгляни на могущественное римское государство. Ни въ какой другой странѣ не хлопочатъ столько о законахъ, сколько въ Римѣ. Изученіе и совершенствованіе законовъ тамъ возведены даже въ особую науку. Законы преподаютъ въ школахъ, обсуждаются въ сенатѣ, самые способные граждане занимаются ихъ улучшеніемъ и примѣненіемъ. Законное правосудіе считается высшею доблестью, и должность судьи пользуется особымъ почетомъ. А между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время нѣтъ на свѣтѣ города, болѣе погрязшаго въ развратѣ и преступленіяхъ, чѣмъ Римъ. Вспомни исторію Рима, и тебѣ бросится въ глаза, что народъ римскій въ прежнія, болѣе первобытныя времена отличался добродѣтелями, несмотря на то, что тогда законы не были еще выработаны. Въ наше же время, рядомъ съ изученіемъ, улучшеніемъ и примѣненіемъ законовъ, нравы римлянъ все больше и больше развращаются, число преступленій все увеличивается, и самые виды преступленій становятся болѣе разнообразными и искусными.

Да иначе и быть не можетъ. Успѣшно бороться съ преступленіями, какъ и со всякимъ зломъ, возможно только христіанскимъ орудіемъ — любви, а не языческимъ орудіемъ мести, наказанія, насилія. Я думаю, что ты и самъ желалъ бы, чтобы люди не изъ страха наказанія воздерживались отъ зла, но чтобы они не хотѣли дѣлать зло. Неужели ты желалъ бы, чтобы люди походили на тѣхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ, которые только потому не дѣлаютъ зла, что ихъ сторожатъ часовые? Законами

предупрежденія, пресѣченія и наказанія не сдѣлается того, чтобы люди хотѣли не дѣлать зла, а хотѣли бы дѣлать добро. Достигать этого можно только тогда, когда борешься со зломъ въ самомъ его корнѣ, лежащемъ внутри человѣка. Мы такъ и дѣлаемъ, а вы боретесь только съ наружными послѣдствіями зла. До самаго же его источника вы не можете добраться, потому что не ищете его и не знаете, гдѣ онъ.

Самыя обыкновенныя и часто повторяющіяся преступленія, какъ убійства, грабежи, кражи, обманы, вытекаютъ изъ стремленія людей увеличивать свой достатокъ, а иногда даже — только пріобрѣсть необходимое пропитаніе, которое почему-либо не дается другимъ путемъ. Изъ этихъ преступленій нѣкоторыя караются закономъ, хотя самыя сложныя и обширныя по своему значенію совершаются подъ крыломъ этого же закона, какъ то: крупные торговые обманы и вообще всѣ разнообразные виды обиранія бѣдныхъ богатыми. Тѣ изъ этихъ преступленій, которыя караются закономъ, этимъ дѣйствительно нѣсколько сдерживаются или, вѣрнѣе, затрудняются нѣкоторые простые виды преступленій, и преступники изъ опасенія наказанія дѣйствуютъ осторожнѣе и искуснѣе, изобрѣтая новые виды преступленій, неуловимые закономъ. При христіанской же жизни человѣкъ самымъ своимъ образомъ жизни предохраняетъ себя отъ такихъ преступленій, вызываемыхъ, съ одной стороны, погонею за наживою, а съ другой — неравномѣрнымъ скопленіемъ наживы въ однѣхъ рукахъ. Мы сдерживаемъ преступленія другихъ, грабежи и убійства только тѣмъ, что, пользуясь для самихъ себя только самымъ необходимымъ для жизни и отдавая другимъ весь свой свободный трудъ, мы, христіане, не соблазняемъ другихъ накопленными богатствами, рѣдко имѣя подъ руками больше того, что нужно для нашего дневного пропитанія. Голодный человѣкъ, впадающій въ отчаяніе и готовый совершить преступленіе ради куска хлѣба, если придетъ къ намъ, то безъ всякаго преступленія найдетъ у насъ то, что ему нужно, такъ какъ мы для того и живемъ, чтобы дѣлиться послѣднимъ съ голодными и холодными. И выходитъ, что одни преступники сами удаляются отъ насъ, а другіе, сближаясь съ нами, находятъ свое спасеніе и перестаютъ быть преступниками, понемногу становясь работниками, трудящимися на общую пользу людей.

Другой разрядъ преступленій вызывается необузданностью страстей, напр., ревностью, местью, животной любовью, гнѣвомъ, ненавистью. Подобныя преступленія никогда не сдерживаются законами. Человѣкъ, совершающій ихъ, находится въ животномъ состояніи полной разнузданности какой-либо страсти и не мо-

жетъ соображать о послѣдствіяхъ своего поступка. Препятствіе только разжигаетъ его страсть. А потому помощью законовъ невозможно бороться съ такими преступленіями. Мы же дѣйствительно боремся съ ними. Мы вѣруемъ, что только въ духѣ человѣкъ найдетъ удовлетвореніе и смыслъ своей жизни, и что, служа своимъ страстямъ, онъ не можетъ получить удовлетворенія. Мы сами укрощаемъ свои страсти трудовою, любовною жизнью и развиваемъ въ себѣ силу духа; и чѣмъ больше разрастается наше число, чѣмъ шире и глубже распространится наша вѣра, тѣмъ неизбѣжнѣе уменьшится число такихъ преступленій.

Наконецъ третій разрядъ преступленій совершается изъ желанія помочь людямъ. Изъ желанія облегчить участь народа, нѣкоторые люди, заговорщики, убиваютъ тирана, думая, что они этимъ помогутъ большинству. Источникъ такихъ преступленій лежитъ въ томъ, что люди думаютъ, что можно при помощи зла творить добро. Эти преступленія изъ-за идеи не только не сдерживаются примѣненіемъ къ нимъ законной кары, но, наоборотъ, только поощряются и распространяются карательными мѣрами. Сами люди, совершающіе подобныя преступленія, хотя и заблуждаются, но дѣйствуютъ подъ вліяніемъ добраго побужденія, изъ желанія служить людямъ. Они люди искренніе, готовые жертвовать собою и не отступающіе ни передъ какими опасностями. И потому страхъ наказанія не сдерживаетъ ихъ. Наоборотъ, опасности ихъ воодушевляютъ, и страданія и казнь возводятъ ихъ въ положеніе героевъ, привлекаютъ къ нимъ сочувствіе другихъ людей и увлекаютъ другихъ на тотъ же путь. Это мы видимъ въ исторіи всякаго народа. Мы, христіане, вѣруемъ, что зло пройдетъ только тогда, когда всѣ поймутъ несчастіе, неизбѣжно вытекающее изъ него для себя и для другихъ. Мы знаемъ, что братство достигается только тогда, когда каждый изъ насъ будетъ братомъ, — что нельзя устроить братство безъ братьевъ. И мы, хотя видимъ заблужденіе заговорщиковъ, но цѣнимъ ихъ искренность и самоотреченіе и сближаемся съ ними въ томъ хорошемъ, что̀ въ нихъ есть. Они же видятъ въ насъ не враговъ, а людей такихъ же искреннихъ и желающихъ добра людямъ, какъ и они, и многіе изъ нихъ переходятъ на нашу сторону, убѣждаясь въ томъ, что тихая трудовая жизнь, проводимая въ неотступной заботѣ о другихъ, несравненно и полезнѣе для людей и труднѣе ихъ минутныхъ подвиговъ, сопряженныхъ съ человѣческими жертвами. И такіе люди, примкнувшіе къ намъ, оказываются одними изъ самыхъ дѣятельныхъ и сильныхъ духомъ изо всѣхъ братьевъ въ нашихъ общинахъ.

Кто же успѣшнѣе борется съ преступленіями всякаго рода и больше содѣйствуетъ ихъ искорененію, мы ли, христіане, показывающіе радостность духовной жизни, изъ которой не вытекаетъ зла, мы, дѣйствующіе примѣромъ и любовью, — или же ваши правители и судьи, постановляющіе приговоры по буквѣ мертваго закона и въ конецъ губящіе своихъ жертвъ или доводящіе ихъ до самаго крайняго ожесточенія?

— Когда послушаешь тебя, — сказалъ Юлій, — то выходитъ, какъ будто вы и правы.] Но скажи же мнѣ, Памфилій,— почему люди относятся къ вамъ враждебно, преслѣдуютъ васъ, гонятъ и убиваютъ? Почему изъ вашего ученія любви вытекаетъ раздоръ?

— Причина этому не въ насъ самихъ, а внѣ насъ. [Сейчасъ я говорилъ о такихъ преступленіяхъ, которыя признаются преступленіями одинаково и государствомъ и нами. Эти преступленія представляютъ такой видъ насилія, который нарушаетъ временно установленные законы какой-либо страны. Но помимо этихъ законовъ, люди сознаютъ въ себѣ еще другіе законы вѣчные, общечеловѣческіе, написанные въ сердцахъ всѣхъ людей. Мы христіане подчиняемся этимъ божескимъ общечеловѣческимъ законамъ, признавая въ словахъ и жизни нашего учителя наилучшее, самое ясное и полное ихъ выраженіе. А потому въ нашихъ глазахъ преступленіе есть всякое насиліе, нарушающее заповѣди Христа, такъ какъ онѣ выражаютъ законъ Божій. Мы признаемъ, что, ради возможнаго избѣжанія вражды противъ насъ, намъ слѣдуетъ исполнять и государственные законы той страны, въ которой мы живемъ; но] мы ставимъ выше всего законъ божескій, управляющій нашей совѣстью и разумомъ, мы можемъ исполнять только тѣ государственные законы, которые не противны Божескому. Кесарево—Кесарю, а Божье—Богу. [Мы имѣемъ въ виду не только преступленія законовъ одного какого-либо государства, въ предѣлахъ котораго мы случайно родились и должны жить; но прежде всего избѣгаемъ преступленій противъ воли Божьей, общей всей природѣ человѣческой. И потому наша борьба съ преступленіями и шире и глубже вашей — государственной. И вотъ это самое признаніе нами закона Божескаго за высшій законъ тревожитъ и возмущаетъ людей, ставящихъ выше всего какой-нибудь частный законъ, напримѣръ, законъ своего государства или даже, какъ часто бываетъ, возводящихъ въ законъ обычаи своей среды. Не желая или не будучи въ состояніи стать людьми въ настоящемъ смыслѣ, въ томъ смыслѣ, въ которомъ Христосъ говорилъ, что истина сдѣлаетъ насъ свободными, эти люди ограничиваются положеніемъ подданнаго

того или другого государства или члена общества, и потому естественно питаютъ вражду къ тѣмъ, которые видятъ и признаютъ болѣе высокое назначеніе человѣка. Не желая или не будучи въ состояніи сами сознать это высшее назначеніе, они не допускаютъ его для другихъ. О нихъ и говорилъ Христосъ: «Горе вамъ, законники, что вы взяли ключи разумѣнія; сами не вошли, и входящимъ воспрепятствовали». Отъ нихъ-то и исходятъ тѣ гоненія противъ насъ, которыя тебя смущаютъ.

«Мы сами ни къ кому не питаемъ вражды, даже и къ тѣмъ, которые насъ гонятъ, и нашъ образъ жизни никому не наноситъ ни вреда, ни ущерба. Если люди раздражаются противъ насъ и даже питаютъ къ намъ вражду, то это можетъ быть только оттого, что наша жизнь колетъ имъ глаза, обличая ихъ жизнь, основанную на насиліи]. Прекратить такую вражду противъ насъ, исходящую не отъ насъ, мы не имѣемъ возможности, потому что не можемъ перестать понимать ту истину, которую мы поняли,—не можемъ зажить противно нашей совѣсти и нашему разуму. Про эту самую вражду, которую наша вѣра вызываетъ въ другихъ противъ насъ, нашъ учитель сказалъ: «Не думайте, что я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ я принести, но мечъ». Христосъ испытывалъ на себѣ эту вражду и насъ, своихъ учениковъ, не разъ предупреждалъ о ней. «Меня, говорилъ онъ, міръ ненавидитъ, потому что я свидѣтельствую о немъ, что дѣла его злы». «Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое, а какъ вы не отъ міра, но я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ». «Наступаетъ время, когда всякій, убивающій васъ, будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу». Но, какъ и Христосъ, мы не боимся убивающихъ тѣло, и потомъ не могущихъ ничего болѣе сдѣлать. [Освѣщенные свѣтомъ истины, мы живемъ въ этомъ свѣтѣ, и жизнь эта не знаетъ смерти. Плотскія же страданія и смерть не минуютъ никакого человѣка. Придется въ свое время и нашимъ палачамъ страдать тѣломъ и умирать; и ужасъ беретъ, когда подумаешь, какъ мучиться они будутъ, несчастные, безпомощные передъ плотской смертью, теряя въ ней все то, чего они съ такими хлопотами, съ такими напряженными усиліями достигли въ теченіе всей своей жизни. Отъ этихъ ужаснѣйшихъ изъ всѣхъ страданій мы, слава Богу, предохранены, такъ какъ счастіе для насъ лежитъ не въ томъ, чтобы не страдать тѣломъ и не умирать, а въ томъ, чтобы, возвысивъ въ себѣ жизнь духа, сохранять свое равновѣсіе при всѣхъ обстоятельствахъ — радостно сознавать разумность и неизбѣжность для насъ всего того, что помимо нашей воли происходитъ съ нами и, главное, знать, что мы вѣрны нашей совѣсти и разуму,

этимъ высшимъ дарамъ, вложеннымъ въ человѣка самимъ источникомъ истины. И мы не страдаемъ отъ нашихъ гонителей, враждующихъ противъ насъ. Страдаемъ не мы, а они страдаютъ отъ ихъ чувства вражды и ненависти, которое они, какъ змѣю на груди, взлелѣяли въ своемъ сердцѣ]. «Судъ надъ ними состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ; но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ; потому что дѣла ихъ были злы». Смущаться тутъ нечего, потому что истина беретъ свое. «Овцы слышатъ голосъ пастыря и идутъ за нимъ, потому что знаютъ голосъ его».

И не гибнетъ стадо Христово, а растетъ, привлекая къ себѣ новыхъ овецъ со всѣхъ сторонъ земли, ибо духъ дышитъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, хотя и не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ.

— Да, — прервалъ его Юлій, — но много ли искреннихъ между вами? Часто васъ обвиняютъ въ томъ, что вы только дѣлаете видъ, что вы мученики и рады гибнуть за истину, но истина не на вашей сторонѣ, вы гордые безумцы, разрушающіе всѣ основы общественной жизни.

Памфилій ничего не отвѣчалъ и съ грустью глядѣлъ на Юлія.

IX.

Въ то время, какъ Юлій говорилъ это, въ комнату вбѣжалъ маленькій сынъ Памфилія и прижался къ отцу. Несмотря на всѣ ласки жены Юлія, онъ убѣжалъ отъ нея и прибѣжалъ къ отцу.

Памфилій вздохнулъ и приласкалъ сына и поднялся, но Юлій удержалъ его, прося остаться и еще побесѣдовать и пообѣдать.

— Меня удивляетъ, — сказалъ Юлій, — что ты женился и имѣешь дѣтей. Я не могу понять, какимъ образомъ вы, христіане, можете при отсутствіи собственности воспитывать дѣтей. Какимъ образомъ ваши матери могутъ жить спокойно, зная необезпеченность и безпомощность своихъ дѣтей.

— Почему же наши дѣти менѣе обезпечены, чѣмъ ваши?

— Да потому, что у васъ нѣтъ рабовъ, нѣтъ имущества. Жена моя очень склонна къ христіанству; она даже одно время хотѣла бросить эту жизнь. Это было шесть лѣтъ тому назадъ. Я хотѣлъ съ нею вмѣстѣ уйти. Но прежде всего ее испугала та необезпеченность, та нужда, которая представлялась ея дѣтямъ, и я не могъ не согласиться съ нею. Это было во время моей болѣзни. Вся моя жизнь опротивѣла мнѣ, и я хотѣлъ все бросить. Но тутъ страхъ жены, и съ другой стороны разъясненія врача,

который лѣчилъ меня, убѣдили меня, что христіанская жизнь, какъ вы ее ведете, возможна и хороша для несемейныхъ, но что въ ней семейнымъ людямъ, матерямъ съ дѣтьми, нѣтъ мѣста. Что при жизни, какъ вы ее понимаете, жизнь, т.-е. родъ человѣческій, долженъ прекратиться. И это совершенно справедливо. Поэтому появленіе тебя съ ребенкомъ особенно удивило меня.

— Не только одинъ ребенокъ. Дома остался еще грудной и 3-хлѣтняя дѣвочка.

— Объясни же мнѣ, какъ это дѣлается. Я не понимаю. Пять лѣтъ тому назадъ я былъ готовъ бросить все и идти къ вамъ. Но у меня были дѣти, и я понялъ, что, какъ бы ни хорошо было мнѣ, я не имѣлъ права жертвовать дѣтьми, и я остался для нихъ жить попрежнему, чтобы вырастить ихъ въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ я самъ выросъ и жилъ.

— Странно, — сказалъ Памфилій. — Мы разсуждаемъ совершенно обратно. Мы говоримъ: если бы взрослые люди жили по-мірски — это еще можно простить, потому что они уже испорчены; но дѣти?

Это ужасно! Жить съ ними въ міру и соблазнять ихъ! «Горе міру отъ соблазновъ: ибо надобно прійти соблазнамъ; но горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ».

Такъ говоритъ нашъ учитель, и потому, не для возраженія я говорю это, а потому что это дѣйствительно такъ — самая главная необходимость жить такъ, какъ мы всѣ живемъ, вытекаетъ для насъ изъ того, что среди насъ есть дѣти, тѣ существа, про которыхъ сказано: «Если не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное».

— Но какъ можетъ христіанское семейство не имѣть опредѣленныхъ средствъ къ жизни?

— Средство къ жизни по нашей вѣрѣ есть только одно: любовная работа на людей. Ваше же средство есть насиліе. Оно можетъ уничтожиться, какъ уничтожается богатство, и тогда остается одна работа и любовь людей. Мы считаемъ, что то, что̀ есть основа всего, того и надо держаться, увеличивая его. И когда это есть, то семья живетъ и даже благоденствуетъ.

Нѣтъ — продолжалъ Памфилій — если бы я сомнѣвался въ истинности ученія Христа и если колебался бы въ исполненіи его, то и сомнѣніе и колебанія мои кончились бы тотчасъ, если бы я подумалъ объ участи дѣтей, воспитанныхъ въ язычествѣ, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ ты выросъ, и растутъ твои дѣти. Какія бы мы, нѣкоторые люди, ни дѣлали устройства жизни— съ дворцами, рабами и произведеніями чуждыхъ странъ, привозимыми къ намъ. жизнь большинства людей все-таки остается

такою, какая она есть, какой она должна быть. Обезпеченіе этой жизни остается всегда одно: любовь людей и трудъ. Мы хотимъ сами освободить себя и своихъ друзей отъ этихъ условій и посредствомъ насилія — не любовно заставляемъ людей служить намъ, и удивительное дѣло—чѣмъ больше мы, какъ будто, обезпечиваемъ себя, этимъ мы тѣмъ больше лишаемъ себя истиннаго естественнаго и вѣчнаго обезпеченія — любви. Чѣмъ больше власть владыки, тѣмъ меньше къ нему любви.

То же и съ другимъ обезпеченіемъ — трудомъ. Чѣмъ больше человѣкъ избавляетъ себя отъ труда и пріучается къ роскоши, тѣмъ менѣе онъ становится способнымъ къ труду; тѣмъ болѣе лишается истиннаго и вѣчнаго обезпеченія. И эти-то условія, въ которыя люди ставятъ дѣтей своихъ, они называютъ обезпеченіемъ. Возьми твоего сына и моего и пошли ихъ теперь найти дорогу, передать распоряженіе, сдѣлать нужное дѣло, и посмотри, который изъ двухъ лучше сдѣлаетъ; а попробуй отдать ихъ на воспитаніе, котораго изъ двухъ охотнѣе возьмутъ? Нѣтъ, не говори этихъ ужасныхъ словъ, что христіанская жизнь возможна только для бездѣтныхъ. Напротивъ, можно сказать, языческой жизнью жить простительно только бездѣтнымъ. Но горе тому, кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ.

Юлій молчалъ.

— Да, — сказалъ онъ, — можетъ, ты и правъ, но воспитаніе дѣтей начато, лучшіе учителя учатъ ихъ. Пускай они узнаютъ все, что мы знаемъ. Вреда отъ этого не можетъ быть. А для меня и для нихъ время есть еще. Они могутъ придти къ вамъ, когда будутъ въ силѣ, если найдутъ это нужнымъ. Я же могу сдѣлать это, когда поставлю на ноги дѣтей и останусь свободнымъ.

— Познаете истину и свободны будете, — сказалъ Памфилій. — Христосъ даетъ сразу полную свободу; мірское ученіе никогда не даетъ ее. Прощай.

И Памфилій ушелъ съ сыномъ.

Судъ состоялся гласный, и Юлій видѣлъ на немъ Памфилія, какъ онъ съ другими христіанами убиралъ тѣла мучениковъ. Онъ видѣлъ его, но, опасаясь высшей власти, не подошелъ къ нему и не подозвалъ къ себѣ.

X.

Прошло еще двѣнадцать лѣтъ. Жена Юлія умерла. Жизнь его текла въ заботахъ общественной дѣятельности и въ поискахъ за властью, которая то давалась ему, то ускользала отъ него. Состояніе его было велико и еще увеличивалось.

Но сыновья его выросли, и особенно второй, сталъ вести роскошную жизнь. Онъ дѣлалъ дыры въ днѣ ведра, въ которое собиралось состояніе, и по мѣрѣ увеличенія состоянія увеличивалась быстрота теченья изъ дыръ. Началась у Юлія борьба съ сыновьями такая же, какая была у него самого съ отцомъ. Злоба, ненависть, ревность. Къ этому же времени новый намѣстникъ лишилъ своихъ милостей Юлія. Юлій былъ заброшенъ прежними льстецами и ему предстояло изгнаніе. Онъ поѣхалъ объясняться въ Римъ. Его не допустили и велѣли уѣхать.

Пріѣхавъ домой, онъ засталъ сына съ распутными юношами въ домѣ. Въ Киликіи прошелъ слухъ, что Юлій умеръ, и сынъ праздновалъ смерть отца. Юлій вышелъ изъ себя, ударилъ сына такъ, что онъ упалъ замертво, и ушелъ въ покои жены. Въ покояхъ жены онъ нашелъ Евангеліе и прочелъ: «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ».

«Да,—подумалъ Юлій,—давно ужъ Онъ зоветъ меня. Я не вѣрилъ Ему и былъ непокоренъ и золъ, и иго мое было тяжело и бремя мое было зло».

Долго просидѣлъ Юлій съ развернутымъ спискомъ Евангелія на колѣняхъ, размышляя о всей своей протекшей жизни и вспоминая то, что въ разное время говорилъ ему Памфилій.

Потомъ Юлій всталъ и пошелъ къ сыну. Онъ засталъ своего сына на ногахъ и несказанно обрадовался тому, что не нанесъ ему поврежденій своимъ ударомъ.

Не говоря сыну ни слова, Юлій вышелъ на улицу и пошелъ по направленію къ христіанской общинѣ.

Онъ шелъ весь день и вечеромъ остановился ночевать у поселянина. Въ комнатѣ, въ которую онъ вошелъ, лежалъ человѣкъ. При шумѣ шаговъ человѣкъ поднялся.

Это былъ врачъ.

— Нѣтъ, теперь ужъ ты не отговоришь меня,—закричалъ Юлій.—Я третій разъ иду туда же и знаю, что тамъ только найду успокоеніе.

— Гдѣ?—спросилъ врачъ.

— У христіанъ.

— Да, можетъ быть, найдешь успокоеніе, но ты не исполнишь своей обязанности. Въ тебѣ нѣтъ мужества, несчастія побѣждаютъ тебя. Не такъ поступаютъ истинные философы. Несчастія—это только огонь, которымъ испытуютъ золото. Ты прошелъ черезъ горнило. И теперь-то ты и нуженъ, и теперь-то ты и бѣжишь. Теперь-то испытай людей и себя. Ты пріобрѣлъ истинную мудрость и ее-то долженъ употребить на благо республики. Что бы было съ гражданами, если бы тѣ, которые познали людей, ихъ страсти

и условія жизни, вмѣсто того, чтобы нести свои знанія, свою опытность на пользу общества, зарывали бы ихъ въ поискахъ за успокоеніемъ. Жизненная мудрость твоя пріобрѣтена въ обществѣ, и ее ты долженъ отдать тому же обществу.

— Но у меня никакой мудрости нѣтъ. Я весь въ заблужденіяхъ. Они стары, но отъ этого не стали мудростью. Какъ вода, какъ бы она ни была стара и гнила, она не станетъ виномъ.

Такъ сказалъ Юлій и, схвативъ свой плащъ, вышелъ изъ дома и, не отдыхая, пошелъ дальше.

Въ концѣ другого вечера онъ пришелъ къ христіанамъ. Его приняли радостно, хотя и не знали, что онъ другъ всѣми любимаго и уважаемаго Памфилія.

За трапезой Памфилій увидалъ своего друга и съ радостной улыбкой подбѣжалъ къ нему и обнялъ его.

— Вотъ я и пришелъ,—сказалъ Юлій,—скажи, что мнѣ дѣлать, я буду слушаться тебя.

— Не заботься объ этомъ,—сказалъ Памфилій.—Пойдемъ со мной.

И Памфилій провелъ Юлія въ домъ, гдѣ жили приходящіе, и, указавъ ему постель, сказалъ:

— Чѣмъ ты можешь служить людямъ, ты самъ увидишь, когда успѣешь приглядѣться къ нашей жизни; но чтобы знать, куда сейчасъ опредѣлить свой досугъ, я укажу тебѣ на завтра дѣло. Въ садахъ нашихъ идетъ сборъ винограда, иди и подсобляй тамъ. Ты самъ увидишь, гдѣ тебѣ мѣсто.

На утро Юлій пошелъ въ виноградникъ. Первый былъ виноградникъ молодой, обвѣшанный гроздями. Молодые люди обирали и снимали его. Всѣ мѣста были заняты, и, походивъ долго вездѣ, Юлій не нашелъ себѣ мѣста.

Онъ пошелъ дальше; это былъ виноградникъ болѣе старый, плодовъ было меньше; но и тутъ нечего было дѣлать Юлію— всѣ работали попарно, и ему не было мѣста. Онъ прошелъ еще дальше и вошелъ въ уже перестарѣвшій виноградникъ. Онъ былъ весь пустой. Лозы были корявыя, кривыя и, какъ казалось Юлію, всѣ пусты.

«Такъ вотъ что, моя жизнь,—сказалъ онъ себѣ.—Если бы я пришелъ въ первый разъ, она была бы, какъ плоды перваго сада. Если бы я пришелъ, когда пошелъ во второй разъ—она была бы, какъ плоды второго сада, а теперь вотъ моя жизнь— она, какъ эти ненужныя, состарѣвшіяся лозы, годныя только на топливо.

Испугался Юлій того, что онъ сдѣлалъ, испугался того наказанія, которое ждетъ его за то, что ни за что погубилъ всю свою жизнь.

И опечалился Юлій и говорилъ:

«Никуда я не годенъ и ничего не могу сдѣлать теперь». И не поднимался съ мѣста и плакалъ о томъ, что погубилъ онъ то, чего возвратить уже нельзя было.

Но вдругъ услыхалъ онъ старческій голосъ, звавшій его:

— Трудись, братъ милый,—говорилъ голосъ.

Юлій оглянулся и увидѣлъ согнутаго годами бѣлаго, какъ лунь, старичка, насилу передвигавшаго ноги. Онъ стоялъ у лозы и собиралъ съ нея кое-гдѣ оставшіеся сладкіе грозди. Юлій подошелъ къ нему.

— Трудись, милый братъ. Трудъ радостный.

И онъ указалъ ему, какъ отыскивать оставшіеся кое-гдѣ грозди. Юлій пошелъ искать, нашелъ нѣсколько и принесъ и сложилъ въ корзину къ старцу.

И сказалъ ему старецъ:

— Посмотри: чѣмъ хуже эти грозди тѣхъ, которые собирали въ тѣхъ садахъ?

«Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ въ васъ», сказалъ нашъ учитель. «Воля пославшаго меня есть та, чтобы всякій, видящій Сына и вѣрующій въ Него, имѣлъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день». Ибо не послалъ Богъ Сына своего въ міръ, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ черезъ Него. Вѣрующій въ Него не судится, а не вѣрующій уже осужденъ, потому что не увѣровалъ въ единороднаго Сына Божія. Судъ же состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ; но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы. Ибо всякій, дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ, и не идетъ къ свѣту, чтобы не отличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ сдѣланы.

Ты опечаленъ тѣмъ, что не сдѣлалъ больше того, что сдѣлалъ. Не печалься, сынъ мой. Мы всѣ сыны Бога и слуги Его. Мы всѣ одно войско Его. Что же, развѣ, кромѣ тебя, думаешь, нѣтъ слугъ Ему? И что жъ, если бы ты во всей силѣ своей отдался служенію Его, развѣ бы ты все сдѣлалъ, что̀ нужно Ему, все то, что̀ должно дѣлать людямъ, чтобы установить царство Его?

Ты говоришь, что ты сдѣлалъ бы вдвое, вдесятеро, въ сто разъ больше. Да если бы ты въ тьмы-темъ больше всѣхъ людей сдѣлалъ,—что̀ бы это было въ дѣлѣ Божьемъ? Ничто. Дѣлу Божьему, какъ и Богу, нѣтъ предѣловъ, и нѣтъ конца. Дѣло Божье въ тебѣ. Ты приди къ нему и стань не работникомъ, но сыномъ, и ты станешь участникомъ безпредѣльнаго Бога и дѣла Его. У Бога нѣтъ малаго и большаго, и въ жизни нѣтъ малаго и боль-

шаго, а есть только прямое и кривое. Войди въ прямой путь жизни, и ты будешь съ Богомъ, и дѣло твое станетъ не малымъ и не большимъ, а станетъ дѣломъ Божьимъ. Вспомни, что на небѣ больше радости за одного грѣшника, чѣмъ за сто праведниковъ. Мірское дѣло, все то, что ты пропустилъ, показало тебѣ только грѣхъ твой. А когда ты увидѣлъ грѣхъ твой, ты и покаялся. А какъ ты покаялся, какъ ты нашелъ прямой путь. А нашелъ прямой путь, иди по немъ съ Богомъ, и не думай о прошломъ, о большомъ и маломъ. Для Бога всѣ живые равны. Одинъ Богъ и одна жизнь.

И успокоился Юлій, и сталъ жить и работать по силѣ и мочи для братьевъ своихъ. И прожилъ такъ въ радости еще двадцать лѣтъ и не видалъ, какъ умеръ плотской смертью.

1887 г,

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА.

А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ (Матѳея V, 28).

Говорятъ Ему ученики Его: если такова обязанность человѣка къ женѣ, то лучше не жениться, Онъ же сказалъ имъ: не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано (Матѳея XIX, 10).

I.

Это было раннею весной. Мы ѣхали вторыя сутки. Въ вагонъ входили и выходили ѣдущіе на короткое разстояніе, но трое ѣхало также, какъ и я, съ самаго мѣста отхода поѣзда: некрасивая и немолодая дама, курящая, съ измученнымъ лицомъ, въ полумужскомъ пальто и шапочкѣ, ея знакомый, разговорчивый человѣкъ лѣтъ сорока, съ аккуратными новыми вещами, и еще, державшійся особнякомъ, небольшого роста господинъ, съ порывистыми движеніями, еще не старый, но съ очевидно преждевременно посѣдѣвшими курчавыми волосами и съ необыкновенно блестящими глазами, быстро перебѣгавшими съ предмета на предметъ. Онъ былъ одѣтъ въ старое, отъ дорогого портного, пальто съ барашкомъ и высокую барашковую шапку. Подъ пальто, когда онъ разстегивался, видна была поддевка и русская вышитая рубаха. Особенность этого господина состояла еще въ томъ, что онъ изрѣдка издавалъ странные звуки. похожіе на откашливанье или на начатый и оборванный смѣхъ.

Господинъ этотъ во все время путешествія старательно избѣгалъ общенія и знакомства съ пассажирами. На заговариванья сосѣдей онъ отвѣчалъ коротко и рѣзко и или читалъ, или, глядя въ окно, курилъ, или, доставъ провизію изъ своего стараго мѣшка, пилъ чай или закусывалъ.

Мнѣ казалось, что онъ тяготится своимъ одиночествомъ, и я нѣсколько разъ хотѣлъ заговорить съ нимъ, но всякій разъ,

когда глаза наши встрѣчались, что случалось часто, такъ какъ мы сидѣли наискоски другъ противъ друга, онъ отворачивался и брался за книгу или смотрѣлъ въ окно.

Во время остановки передъ вечеромъ второго дня на большой станціи нервный господинъ этотъ сходилъ за горячею водой и заварилъ себѣ чай. Господинъ же съ аккуратными новыми вещами, адвокатъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, со своею сосѣдкой, курящей дамой въ полумужскомъ пальто, пошли пить чай на станцію.

Во время отсутствія господина съ дамой въ вагонъ вошло нѣсколько новыхъ лицъ и въ томъ числѣ высокій, бритый, морщинистый старикъ, очевидно купецъ, въ ильковой шубѣ и суконномъ картузѣ съ огромнымъ козырькомъ. Купецъ сѣлъ противъ мѣста дамы съ адвокатомъ и тотчасъ же вступилъ въ разговоръ съ молодымъ человѣкомъ, по виду купеческимъ приказчикомъ, вошедшимъ въ вагонъ тоже на этой станціи.

Я сидѣлъ наискоски и, такъ какъ поѣздъ стоялъ, могъ въ тѣ минуты, когда никто не проходилъ, слышать урывками ихъ разговоръ. Купецъ объявилъ сначала о томъ, что онъ ѣдетъ въ свое имѣніе, которое отстоитъ только на одну станцію; потомъ, какъ всегда, заговорили сначала о цѣнахъ, о торговлѣ, говорили, какъ всегда, о томъ, какъ Москва нынче торгуетъ, потомъ заговорили о Нижегородской ярмаркѣ. Приказчикъ сталъ разсказывать про кутежи какого-то извѣстнаго богача-купца на ярмаркѣ, но старикъ не далъ ему договорить и сталъ самъ разсказывать про былые кутежи въ Кунавинѣ, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ. Онъ, видимо, гордился своимъ участіемъ въ нихъ и съ видимою радостью разсказывалъ, какъ они вмѣстѣ съ этимъ самымъ знакомымъ сдѣлали разъ пьяные въ Кунавинѣ такую штуку, что ее надо было разсказывать шопотомъ, при чемъ приказчикъ захохоталъ на весь вагонъ, а старикъ тоже засмѣялся, оскаливъ два желтые зуба.

Не ожидая услыхать ничего интереснаго, я всталъ, чтобы походить по платформѣ до отхода поѣзда. Въ дверяхъ мнѣ встрѣтились адвокатъ съ дамой, на ходу про что-то оживленно разговаривавшіе.

— Не успѣете, — сказалъ мнѣ общительный адвокатъ: — сейчасъ второй звонокъ.

И точно, я не успѣлъ дойти до конца вагоновъ, какъ раздался звонокъ. Когда я вернулся, между дамой и адвокатомъ продолжался оживленный разговоръ. Старый купецъ молча сидѣлъ напротивъ нихъ, строго глядя передъ собой и изрѣдка неодобрительно жуя зубами.

— Затѣмъ она прямо объявила своему супругу, — улыбаясь говорилъ адвокатъ въ то время, какъ я проходилъ мимо него, — что она не можетъ, да и не желаетъ жить съ нимъ, такъ какъ...

И онъ сталъ разсказывать далѣе что-то, чего я не могъ разслышать. Вслѣдъ за мной прошли еще пассажиры, прошелъ кондукторъ, вбѣжалъ артельщикъ, и довольно долго былъ шумъ, изъ-за котораго не слышно было разговора. Когда все затихло и я опять услышалъ голосъ адвоката, разговоръ очевидно съ частнаго случая перешелъ уже на общія соображенія.

Адвокатъ говорилъ о томъ, какъ вопросъ о разводѣ занималъ теперь общественное мнѣніе въ Европѣ и какъ у насъ все чаще и чаще являлись такіе же случаи. Замѣтивъ, что его голосъ одинъ слышенъ, адвокатъ прекратилъ свою рѣчь и обратился къ старику.

— Въ старину этого не было, не правда ли? — сказалъ онъ, пріятно улыбаясь.

Старикъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ это время поѣздъ тронулся, и старикъ, снявъ картузъ, началъ креститься и читать шопотомъ молитву. Адвокатъ, отведя въ сторону глаза, учтиво дожидался. Окончивъ свою молитву и троекратное крещеніе, старикъ надѣлъ прямо и глубоко свой картузъ, поправился на мѣстѣ и началъ говорить.

— Бывало, сударь, и прежде, только меньше, — сказалъ онъ. — По нынѣшнему времени нельзя этому не быть. Ужъ очень образованы стали.

Поѣздъ, двигаясь все быстрѣе и быстрѣе, погромыхивалъ на стыкахъ, и мнѣ трудно было разслышать, а интересно было, и я пересѣлъ ближе. Сосѣдъ мой, нервный господинъ съ блестящими глазами, очевидно тоже заинтересовался и, не вставая съ мѣста, прислушивался.

— Да чѣмъ же худо образованіе? — чуть замѣтно улыбаясь, сказала дама. — Неужели же лучше такъ жениться, какъ въ старину, когда женихъ и невѣста и не видали даже другъ друга? — продолжала она, по привычкѣ многихъ дамъ отвѣчая не на слова своего собесѣдника, а на тѣ слова, которыя она думала, что онъ скажетъ. — Не знали, любятъ ли, могутъ ли любить, а выходили за кого попало, да всю жизнь и мучились; такъ по-вашему это лучше? — говорила она, очевидно обращая рѣчь ко мнѣ и къ адвокату, но менѣе всего къ старику, съ которымъ говорила.

— Ужъ очень образованы стали, — повторилъ купецъ, презрительно глядя на даму и оставляя ея вопросъ безъ отвѣта.

— Желательно бы знать, какъ вы объясняете связь между образованіемъ и несогласіемъ въ супружествѣ, — чуть замѣтно улыбаясь, сказалъ адвокатъ.

Купецъ что-то хотѣлъ сказать, но дама перебила его.

— Нѣтъ, ужъ это время прошло, — сказала она. Но адвокатъ остановилъ ее:

— Нѣтъ, позвольте имъ выразить свою мысль.

— Глупости отъ образованія,—рѣшительно сказалъ старикъ.

— Женятъ такихъ, которые не любятъ другъ друга, а потомъ удивляются, что несогласно живутъ,—торопилась говорить дама, оглядываясь на адвоката и на меня, и даже на приказчика, который, поднявшись со своего мѣста и облокотившись на спинку, улыбаясь прислушивался къ разговору.

— Вѣдь это только животныхъ можно спаривать, какъ хозяинъ хочетъ, а люди имѣютъ свои склонности, привязанности,—очевидно желая уязвить купца, говорила дама.

— Напрасно такъ говорите, сударыня,—сказалъ старикъ,— животное—скотъ, а человѣку данъ законъ.

— Ну да какъ же жить съ человѣкомъ, когда любви нѣтъ?— все торопилась дама высказывать свои сужденія, которыя, вѣроятно, ей казались очень новыми.

— Прежде этого не разбирали, — внушительнымъ тономъ сказалъ старикъ,—нынче только завелось это. Какъ что, жена сейчасъ говоритъ: «я отъ тебя уйду». У мужиковъ на что—и то эта самая мода завелась. «На», говоритъ, «вотъ тебѣ твои рубахи и портки, а я пойду съ Ванькой, онъ кудрявѣе тебя». Ну вотъ и толкуй. А въ женщинѣ первое дѣло страхъ долженъ быть.

Приказчикъ посмотрѣлъ и на адвоката, и на даму, и на меня, очевидно удерживая улыбку и готовый и осмѣять и одобрить рѣчь купца, смотря по тому, какъ она будетъ принята.

— Какой же страхъ? — сказала дама.

— А такой: да боится своего му-у-ужа! Вотъ какой страхъ.

— Ну, ужъ это, батюшка, время прошло,—даже съ нѣкоторою злобой сказала дама.

— Нѣтъ, сударыня, этому времени пройти нельзя. Какъ была она, Ева, женщина, изъ ребра мужнина сотворена, такъ и останется до скончанія вѣка,—сказалъ старикъ, такъ строго и побѣдительно тряхнувъ головой, что приказчикъ тотчасъ же рѣшилъ, что побѣда на сторонѣ купца, и громко засмѣялся.

— Да это вы, мужчины, такъ разсуждаете,—говорила дама, не сдаваясь и оглядываясь на насъ;—сами себѣ дали свободу, а женщину хотите въ терему держать. Сами, небось, себѣ все позволяете.

— Позволенья никто не даетъ, а только что отъ мужчины въ домѣ ничего не прибудетъ, а женщина-жено—утлый сосудъ,—продолжалъ внушать купецъ. Внушительность интонаціи купца очевидно побѣждала слушателей, и дама даже чувствовала себя подавленной, но все еще не сдавалась.

— Да; но, я думаю, вы согласитесь, что женщина — человѣкъ и имѣетъ чувства, какъ и мужчина. Ну что же ей дѣлать, если она не любитъ мужа?

— Не любитъ! — грозно повторилъ купецъ, двинувъ бровями и губами.—Небось, полюбитъ!—Этотъ неожиданный аргументъ особенно понравился приказчику, и онъ издалъ одобрительный звукъ.

— Да нѣтъ, не полюбитъ,—заговорила дама,—а если любви нѣтъ, то вѣдь къ этому нельзя же принудить.

— Ну, а какъ жена измѣнитъ мужу, тогда какъ?—сказалъ адвокатъ.

— Этого не полагается,—сказалъ старикъ,—за этимъ смотрѣть надо.

— А какъ случится, тогда какъ? Вѣдь бываетъ же.

— У кого бываетъ, а у насъ не бываетъ,—сказалъ старикъ.

Всѣ помолчали. Приказчикъ пошевелился, еще подвинулся и, видимо не желая отстать отъ другихъ, улыбаясь началъ:

— Да-съ, вотъ тоже у нашего молодца скандалъ одинъ вышелъ. Тоже разсудить слишкомъ трудно. Тоже попалась такая женщина, что распутевая. И пошла чертить. А малый степенный и съ развитіемъ. Сначала съ конторщикомъ. Уговаривалъ мужъ тоже добромъ. Не унялась. Всякія пакости дѣлала. Его деньги стала красть. И билъ онъ ее. Что же?—все хужѣла. Съ некрещенымъ евреемъ, съ позволенья сказать, свела шашни. Что жъ ему дѣлать? Бросилъ ее совсѣмъ. Такъ и живетъ холостой, а она слоняется.

— Потому онъ дуракъ,—сказалъ старикъ.—Кабы онъ спервоначала не далъ ей ходу, а укороту бы далъ настоящую, жила бы небось. Волю не давать надо сначала. Не вѣрь лошади въ полѣ, а женѣ въ домѣ.

Въ это время пришелъ кондукторъ спрашивать билеты до ближайшей станціи. Старикъ отдалъ свой билетъ.

— Да-съ, загодя укорачивать надо женскій полъ, а то все пропало.

— Ну, а какъ же вы сами сейчасъ разсказывали, какъ женатые люди на ярмаркѣ въ Кунавинѣ веселятся?—сказалъ я, не выдержавъ.

— Это статья особая,—сказалъ купецъ и погрузился въ молчаніе.

Когда раздался свистокъ, купецъ поднялся, досталъ изъ-подъ лавки мѣшокъ, запахнулся и, приподнявъ картузъ, вышелъ на тормозъ.

II.

Только что старикъ ушелъ, поднялся разговоръ въ нѣсколько голосовъ.

— Стараго завѣта папаша,—сказалъ приказчикъ.

— Вотъ Домострой живой,—сказала дама.—Какое дикое понятіе о женщинѣ и о бракѣ!

— Да-съ, далеки мы отъ европейскаго взгляда на бракъ,—сказалъ адвокатъ.

— Вѣдь главное-то, чего не понимаютъ такіе люди, — сказала дама,—это то, что бракъ безъ любви не есть бракъ, что только любовь освящаетъ бракъ и что бракъ истинный только тотъ, который освящаетъ любовь.

Приказчикъ слушалъ и улыбался, желая запомнить для употребленія сколько можно больше изъ умныхъ разговоровъ.

Въ срединѣ рѣчи дамы позади меня послышался звукъ какъ бы прерваннаго смѣха или рыданія, и, оглянувшись, мы увидали моего сосѣда, сѣдого одинокаго господина съ блестящими глазами, который во время разговора, очевидно интересовавшаго его, незамѣтно подошелъ къ намъ. Онъ стоялъ, положивъ руки на спинку сидѣнья, и очевидно очень волновался: лицо его было красно и на щекѣ вздрагивалъ мускулъ.

— Какая же это любовь... любовь... освящаетъ бракъ?—сказалъ онъ, запинаясь.

Видя взволнованное состояніе собесѣдника, дама постаралась отвѣтить ему какъ можно мягче и обстоятельнѣе.

— Истинная любовь... Есть эта любовь между мужчиной и женщиной, возможенъ и бракъ,—сказала дама.

— Да-съ; но что разумѣть подъ любовью истинной?—неловко улыбаясь и робѣя, сказалъ господинъ съ блестящими глазами.

— Всякій знаетъ, что такое любовь,—сказала дама, очевидно желая прекратить съ нимъ разговоръ.

— А я не знаю,—сказалъ господинъ.—Надо опредѣлить, чтò вы разумѣете...

— Какъ? очень просто,—сказала дама, но задумалась.—Любовь? Любовь есть исключительное предпочтеніе одного или одной передъ всѣми остальными,—сказала она.

— Предпочтеніе на сколько времени: на мѣсяцъ, на два дня или на полчаса?—проговорилъ сѣдой господинъ и засмѣялся.

— Нѣтъ, позвольте, вы, очевидно, не про то говорите.

— Нѣтъ-съ, я про то самое.

— Онѣ говорятъ,—вступился адвокатъ, указывая на даму,—что бракъ долженъ вытекать, во-первыхъ, изъ привязанности, любви, если хотите, и что если налицо есть таковая, то только въ этомъ случаѣ бракъ представляетъ изъ себя нѣчто, такъ сказать, священное. Затѣмъ, что всякій бракъ, въ основѣ котораго не заложены естественныя привязанности, любовь, если хотите, не имѣетъ въ себѣ ничего нравственно обязательнаго. Такъ ли я понимаю?—обратился онъ къ дамѣ.

Дама движеніемъ головы выразила одобреніе разъясненію своей мысли.

— Засимъ...—продолжалъ рѣчь адвокатъ, но нервный господинъ съ горѣвшими огнемъ теперь глазами очевидно съ трудомъ удерживался и, не давъ адвокату договорить, началъ:

— Нѣтъ, я про то самое, про предпочтеніе одного или одной передъ всѣми другими, но я только спрашиваю: предпочтеніе на сколько времени?

— На сколько времени? Надолго, на всю жизнь иногда,—сказала дама, пожимая плечи.

— Да вѣдь это только въ романахъ, а въ жизни никогда. Въ жизни бываетъ это предпочтеніе одного передъ другими на года, что очень рѣдко, чаще на мѣсяцы, а то на недѣли, на дни, на часы,—говорилъ онъ, очевидно зная, что онъ удивляетъ всѣхъ своимъ мнѣніемъ, и довольный этимъ.

— Охъ, что вы! Да нѣтъ... Нѣтъ, позвольте...—въ одинъ голосъ заговорили мы всѣ трое. Даже приказчикъ издалъ какой-то неодобрительный звукъ.

— Да-съ, я знаю,—перекрикивалъ насъ сѣдой господинъ,—вы говорите про то, что считается существующимъ, а я говорю про то, что есть. Всякій мужчина испытываетъ то, что вы называете любовью, къ каждой красивой женщинѣ.

— Ахъ, это ужасно, что вы говорите; но есть же между людьми то чувство, которое называется любовью и которое дается не на мѣсяцы и годы, а на всю жизнь?

— Нѣтъ, нѣту. Если допустить даже, что мужчина и предпочелъ бы извѣстную женщину на всю жизнь, то женщина-то, по всѣмъ вѣроятіямъ, предпочтетъ другого, и такъ всегда было и есть на свѣтѣ, — сказалъ онъ и, доставъ папиросочницу, сталъ закуривать.

— Но можетъ быть и взаимное, — сказалъ адвокатъ.

— Нѣтъ-съ, не можетъ быть, — возразилъ онъ, — такъ же, какъ не можетъ быть, чтобъ въ возу гороха двѣ замѣченныя горошины легли рядомъ. Да, кромѣ того, тутъ не вѣроятность одна, тутъ навѣрное пресыщеніе. Любить всю жизнь одну или одного — это все равно, что сказать, что одна свѣчка будетъ горѣть всю жизнь, — говорилъ онъ, жадно затягиваясь.

— Но вы все говорите про плотскую любовь. Развѣ вы не допускаете любви, основанной на единствѣ идеаловъ, на духовномъ сродствѣ? — сказала дама.

— Духовное сродство! Единство идеаловъ! — повторилъ онъ, издавая свой звукъ. — Но въ такомъ случаѣ не зачѣмъ спать вмѣстѣ (простите за грубость). А то вслѣдствіе единства идеаловъ люди ложатся спать вмѣстѣ, — сказалъ онъ и нервно засмѣялся.

— Но позвольте, — сказалъ адвокатъ, — фактъ противорѣчитъ тому, что вы говорите. Мы видимъ, что супружества существуютъ, что все человѣчество или большинство его живетъ брачною жизнью и многіе честно проживаютъ продолжительную брачную жизнь.

Сѣдой господинъ опять засмѣялся.

— То вы говорите, что браки основываются на любви, когда же я выражаю сомнѣніе въ существованіи любви, кромѣ чувственной, вы мнѣ доказываете существованіе любви тѣмъ, что существуютъ браки. Да бракъ-то въ наше время — одинъ обманъ!

— Нѣтъ-съ, позвольте, — сказалъ адвокатъ, — я говорю только, что существовали и существуютъ браки.

— Существуютъ! Да только отчего они существуютъ? Они существовали и существуютъ у тѣхъ людей, которые въ бракѣ видятъ нѣчто таинственное, — таинство, которое обязываетъ передъ Богомъ. У тѣхъ они существуютъ, а у насъ ихъ нѣтъ. У насъ люди женятся, не видя въ бракѣ ничего, кромѣ совокупленія, и выходитъ или обманъ или насиліе. Когда обманъ, то это легче переносится. Мужъ и жена только обманываютъ людей, что они въ единобрачіи, а живутъ въ многоженствѣ и въ многомужствѣ. Это скверно, но еще идетъ; но когда, какъ это чаще всего бываетъ, мужъ и жена приняли на себя внѣшнее обязательство жить вмѣстѣ всю жизнь и со второго мѣсяца уже ненавидятъ другъ друга и желаютъ разойтись и все-таки живутъ, тогда это выходитъ тотъ страшный адъ, отъ котораго спиваются, стрѣляются, убиваютъ и отравляютъ себя и другъ друга, — говорилъ онъ все быстрѣе, не давая никому вставить слова и все

больше и больше разгорячаясь. Всѣ молчали, всѣмъ было неловко.

— Да, безъ сомнѣнія, бываютъ критическіе эпизоды въ супружеской жизни, — сказалъ адвокатъ, желая прекратить неприлично горячій разговоръ.

— Вы, какъ я вижу, узнали, кто я? — тихо и какъ будто спокойно сказалъ сѣдой господинъ.

— Нѣтъ, я не имѣю удовольствія.

— Удовольствіе небольшое. Я—Позднышевъ, тотъ, съ которымъ случился тотъ критическій эпизодъ, на который вы намекаете, тотъ эпизодъ, что онъ жену убилъ, — сказалъ онъ, оглядывая быстро каждаго изъ насъ.

Никто не нашелся, что сказать, и всѣ молчали.

— Ну, все равно, — сказалъ онъ, издавъ свой звукъ.—Впрочемъ, извините! А!.. не буду стѣснять васъ.

— Да нѣтъ, помилуйте...—самъ не зная, что «помилуйте», сказалъ адвокатъ.

Но Позднышевъ, не слушая его, быстро повернулся и ушелъ на свое мѣсто. Господинъ съ дамой шептались. Я сидѣлъ противъ Позднышева, не умѣя придумать, что сказать. Читать было темно, и потому я закрылъ глаза и притворился, что хочу заснуть. Такъ мы проѣхали молча до слѣдующей станціи.

На станціи этой господинъ съ дамой пересѣли въ другой вагонъ, о чемъ они переговаривались еще раньше съ кондукторомъ. Приказчикъ устроился на лавочкѣ и заснулъ. Позднышевъ же все курилъ и пилъ заваренный еще на той станціи чай.

Когда я открылъ глаза и взглянулъ на него, онъ вдругъ съ рѣшительностью и раздраженіемъ обратился ко мнѣ:

— Вамъ, можетъ быть, непріятно сидѣть со мной, зная, кто я? Тогда я уйду.

— О, нѣтъ, помилуйте.

— Ну, такъ не угодно ли? Только крѣпокъ.

Онъ налилъ мнѣ чаю.

— Они говорятъ... И все лгутъ...—сказалъ онъ.

— Вы про что?—спросилъ я.

— Да все про то же: про эту любовь ихнюю и про то, что это такое. Вы не хотите спать?

— Совсѣмъ не хочу.

— Такъ хотите, я вамъ разскажу, какъ я этою любовью самой былъ приведенъ къ тому, что со мной было.

— Да, если вамъ не тяжело.

— Нѣтъ, мнѣ тяжело молчать. Пейте же чай... или слишкомъ крѣпокъ?

Чай дѣйствительно былъ какъ пиво, но я выпилъ стаканъ. Въ это время прошелъ кондукторъ. Онъ проводилъ его молча злыми глазами и началъ только тогда, когда тотъ ушелъ.

III.

— Ну, такъ я разскажу вамъ... Да вы точно хотите?

Я повторилъ, что очень хочу. Онъ помолчалъ, потеръ руками лицо и началъ:

— Коли разсказывать, то надо разсказывать все сначала: надо разсказать, какъ и отчего я женился и какимъ я былъ до женитьбы.

Жилъ я до женитьбы, какъ живутъ всѣ, т.-е. въ нашемъ кругу. Я помѣщикъ и кандидатъ университета и былъ предводителемъ. Жилъ до женитьбы, какъ всѣ живутъ, т.-е. развратно, и какъ всѣ люди нашего круга, живя развратно, былъ увѣренъ, что я живу, какъ надо. Про себя я думалъ, что я милашка, что я вполнѣ нравственный человѣкъ. Я не былъ соблазнителемъ, не имѣлъ неестественныхъ вкусовъ, не дѣлалъ изъ этого главной цѣли жизни, какъ это дѣлали многіе изъ моихъ сверстниковъ, а отдавался разврату степенно, прилично, для здоровья. Я избѣгалъ тѣхъ женщинъ, которыя рожденіемъ ребенка или привязанностью ко мнѣ могли бы связать меня. Впрочемъ, можетъ быть, и были дѣти и были привязанности, но я дѣлалъ, какъ будто ихъ не было. И это-то я считалъ не только нравственнымъ, но я гордился этимъ...

Онъ остановился, издалъ свой звукъ, какъ онъ дѣлалъ всегда, когда ему приходила, очевидно, новая мысль.

— А вѣдь въ томъ-то и главная мерзость!—вскрикнулъ онъ. — Развратъ вѣдь не въ чемъ-нибудь физическомъ, — вѣдь никакое безобразіе физическое не развратъ; а развратъ, истинный развратъ именно въ освобожденіи себя отъ нравственнаго отношенія къ женщинѣ, съ которой входишь въ физическое общеніе. А это-то освобожденіе я и ставилъ себѣ въ заслугу. Помню, какъ я мучился разъ, не успѣвъ заплатить женщинѣ, которая, вѣроятно, полюбивъ меня, отдалась мнѣ. Я успокоился только тогда, когда послалъ ей деньги, показавъ этимъ, что я нравственно ничѣмъ не считаю себя связаннымъ съ нею... Вы не качайте головой, какъ будто вы согласны со мной,—вдругъ крикнулъ онъ на меня.—Вѣдь я знаю эту штуку. Вы всѣ, и вы, въ лучшемъ случаѣ, если вы не рѣдкое исключеніе, вы тѣхъ

самыхъ взглядовъ, какихъ я былъ. Ну, все равно, вы простите меня,—продолжалъ онъ,—но дѣло въ томъ, что это ужасно, ужасно, ужасно!

— Что ужасно?—спросилъ я.

— Та пучина заблужденія, въ которой мы живемъ, относительно женщинъ и отношеній къ нимъ. Да-съ, не могу спокойно говорить про это, и не потому, что со мной случился этотъ *эпизодъ*, какъ онъ говорилъ, а потому, что съ тѣхъ поръ, какъ случился со мной этотъ эпизодъ, у меня открылись глаза, и я увидалъ все совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Все навыворотъ, все навыворотъ!

Онъ закурилъ папироску и, облокотившись на свои колѣни, началъ говорить.

Въ темнотѣ мнѣ не видно было его лица, только слышенъ былъ изъ-за дребезжанія вагона его внушительный и пріятный голосъ.

IV.

— Да-съ, только перемучившись, какъ я перемучился, только благодаря этому я понялъ, гдѣ корень всего, понялъ, что должно быть, и потому увидалъ весь ужасъ того, что есть.

Такъ извольте видѣть, вотъ какъ и когда началось то, что привело меня къ моему эпизоду. Началось это тогда, когда мнѣ было невступно 16 лѣтъ. Случилось это, когда я былъ еще въ гимназіи, а братъ мой старшій былъ студентъ 1-го курса. Я не зналъ еще женщинъ, но я, какъ и всѣ несчастныя дѣти нашего круга, уже не былъ невиннымъ мальчикомъ: уже второй годъ я былъ развращенъ мальчишками; уже женщина, не какая-нибудь, а женщина, какъ сладкое нѣчто, женщина, всякая женщина, нагота женщины уже мучила меня. Уединенія мои были нечистыя. Я мучился, какъ мучаются 0 99 нашихъ мальчиковъ. Я ужасался, я страдалъ, я молился и падалъ. Я уже былъ развращенъ въ воображеніи и въ дѣйствительности, но послѣдній шагъ еще не былъ сдѣланъ мною. Я погибалъ одинъ, но еще не налагая руки на другое человѣческое существо. Но вотъ товарищъ брата, студентъ, весельчакъ, такъ называемый добрый малый, т.-е. самый большой негодяй, выучившій насъ и пить и въ карты играть, уговорилъ послѣ попойки ѣхать туда. Мы поѣхали. Братъ тоже былъ еще невиненъ и палъ въ ту же ночь. И я, 15-лѣтній мальчишка, осквернилъ себя самого и содѣйствовалъ оскверненію женщины, вовсе не понимая того, что̀ я дѣлалъ. Я вѣдь ни отъ кого отъ старшихъ не слыхалъ, чтобъ то, что я дѣлалъ, было дурно. Да и теперь никто не услышитъ. Правда, есть это

въ заповѣди, по заповѣди вѣдь нужны только на то, чтобъ отвѣчать на экзаменѣ батюшкѣ, да и то не очень нужны, далеко не такъ, какъ заповѣдь объ употребленіи ut въ условныхъ предложеніяхъ.

Такъ отъ тѣхъ старшихъ людей, мнѣнія которыхъ я уважалъ, я ни отъ кого не слыхалъ, чтобы это было дурно. Напротивъ, я слыхалъ отъ людей, которыхъ я уважалъ, что это было хорошо. Я слышалъ, что мои борьбы и страданія утишатся послѣ этого, я слышалъ это и читалъ, слышалъ отъ старшихъ, что для здоровья это будетъ хорошо; отъ товарищей же слышалъ, что въ этомъ есть нѣкоторая заслуга, молодечество. Такъ что вообще, кромѣ хорошаго, тутъ ничего не предвидѣлось. Опасность болѣзни? Но и то вѣдь предвидѣно. Попечительное правительство заботится объ этомъ. Оно слѣдитъ за правильною дѣятельностью домовъ терпимости и обезпечиваетъ развратъ для гимназистовъ. И доктора, за жалованье, слѣдятъ за этимъ. Такъ и слѣдуетъ. Они утверждаютъ, что развратъ бываетъ полезенъ для здоровья, они же и учреждаютъ правильный, аккуратный развратъ. Я знаю матерей, которыя заботятся въ этомъ смыслѣ о здоровьѣ сыновей. И наука посылаетъ ихъ въ дома терпимости.

— Отчего же наука?—сказалъ я.

— Да кто же доктора? Жрецы науки. Кто развращаетъ юношей, утверждая, что это нужно для здоровья? Они. А потомъ съ ужасной важностью лѣчатъ сифилисъ.

— Да отчего же не лѣчить?

— А оттого, что если бы 0,01 этихъ усилій, которыя положены на лѣченіе сифилиса, была положена на искорененіе разврата, сифилиса давно бы не было и помину. А то усилія употреблены не на искорененіе разврата, а на поощреніе его, на обезпеченіе безопасности разврата. Ну, да не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что со мной, да и съ 0,9, если не больше, не только нашего сословія, но всѣхъ, даже крестьянъ, случилось то ужасное дѣло, что я палъ не потому, что я подпалъ естественному соблазну прелестей извѣстной женщины,—нѣтъ, никакая женщина не соблазнила меня, а я палъ потому, что окружающая меня среда видѣла въ томъ, что было паденіе, одни—самое законное и полезное для здоровья отправленіе, другіе—самую естественную и не только простительную, но даже невинную забаву для молодого человѣка. Я и не понималъ, что тутъ есть паденіе, я просто началъ предаваться тѣмъ отчасти удовольствіямъ, отчасти потребностямъ, которыя свойственны, какъ мнѣ было внушено, извѣстному возрасту, началъ предаваться этому раз-

врату, какъ я началъ пить, курить. А все-таки въ этомъ первомъ паденіи было что-то особенное и трогательное. .

Помню, мнѣ тотчасъ же, тамъ же, не выходя изъ комнаты, сдѣлалось грустно, грустно, такъ что хотѣлось плакать. Плакать о погибели своей невинности, о навѣки погубленномъ отношеніи къ женщинѣ. Да-съ, естественное, простое отношеніе къ женщинѣ было погублено навѣки. Чистаго отношенія къ женщинѣ уже у меня съ тѣхъ поръ не было, и не могло быть. Я сталъ тѣмъ, что называютъ *блудникомъ*. А быть блудникомъ есть физическое состояніе, подобное состоянію морфиниста, пьяницы, курильщика. Какъ морфинистъ, пьяница, курильщикъ уже ненормальный человѣкъ, такъ и человѣкъ, познавшій нѣсколькихъ женщинъ для своего удовольствія, уже не нормальный, а испорченный навсегда человѣкъ—блудникъ. Какъ пьяницу и морфиниста можно узнать тотчасъ же по лицу, по пріемамъ, точно такъ же и *блудника*. *Блудникъ* можетъ воздерживаться, бороться; но простого, яснаго, чистаго отношенія къ женщинѣ, братскаго, у него уже никогда не будетъ. По тому, какъ онъ взглянетъ, оглядитъ молодую женщину, сейчасъ можно узнать блудника. И я сталъ блудникомъ и остался такимъ, и это-то и погубило меня.

V.

— Да, такъ-съ. Потомъ пошло дальше, дальше, были всякаго рода отклоненія. Боже мой! какъ вспомню я всѣ мои мерзости въ этомъ отношеніи,—ужасъ беретъ! О себѣ, надъ которымъ товарищи смѣялись за мою такъ называемую невинность, я такъ вспоминаю. А какъ послушаешь о золотой молодежи, объ офицерахъ, о парижанахъ! И всѣ эти господа, и я, когда мы, бывало, 30-лѣтніе развратники, имѣющіе на душѣ сотни самыхъ разнообразныхъ ужасныхъ преступленій относительно женщинъ, когда мы, 30-лѣтніе развратники, входимъ чисто-начисто вымытые, выбритые, надушенные, въ чистомъ бѣльѣ, во фракѣ или въ мундирѣ въ гостиную или на балъ, — эмблема чистоты, прелесть!

Вѣдь вы подумайте, чтò бы должно быть и чтò есть. Должно бы быть то, что, когда въ обществѣ къ моей сестрѣ, дочери подступитъ такой господинъ, я, зная его жизнь, долженъ подойти къ нему, отозвать его въ сторону и тихо сказать: «голубчикъ, вѣдь я знаю, какъ ты живешь, какъ проводишь ночи и съ кѣмъ. Тебѣ здѣсь не мѣсто. Здѣсь чистыя, невинныя дѣвушки. Уйди!» Такъ должно бы быть; а есть то, что, когда такой господинъ является и танцуетъ, обнимая ее, съ моей сестрой, дочерью, мы ли-

куемъ, если онъ богатъ и съ связями. Авось, онъ удостоитъ послѣ Ригольбошъ и мою дочь. Если даже и остались слѣды нездоровья,—ничего, нынче хорошо лѣчатъ. Какъ же, я знаю, нѣсколько высшаго свѣта дѣвушекъ выданы родителями за больныхъ извѣстною болѣзнью. О! о... мерзость! Да придетъ же время, когда обличится эта мерзость и ложь!

И онъ нѣсколько разъ издалъ свои странные звуки и взялся за чай. Чай былъ страшно крѣпкій, не было воды, чтобы его разбавить. Я чувствовалъ, что меня волновали особенно выпитые мной два стакана. Должно быть, и на него дѣйствовалъ чай, потому что онъ становился все возбужденнѣе и возбужденнѣе. Голосъ его становился все болѣе и болѣе пѣвучимъ и выразительнымъ. Онъ безпрестанно мѣнялъ позы, то снималъ шапку, то надѣвалъ ее, и лицо его странно измѣнялось въ той полутьмѣ, въ которой мы сидѣли.

— Ну вотъ, такъ я и жилъ до 30 лѣтъ, ни на минуту не оставляя намѣренія жениться и устроить себѣ самую возвышенную, чистую семейную жизнь, и съ этою цѣлью приглядывался къ подходящей для этой цѣли дѣвушкѣ,—продолжалъ онъ.— Я гвааздался въ гноѣ разврата и вмѣстѣ съ тѣмъ разглядывалъ дѣвушекъ, по своей чистотѣ достойныхъ меня.

Многихъ я забраковалъ именно потому, что онѣ были недостаточно чисты для меня; наконецъ я нашелъ такую, которую счелъ достойной себя. Это была одна изъ двухъ дочерей когда-то очень богатаго, но разорившагося пензенскаго помѣщика.

Въ одинъ вечеръ, послѣ того какъ мы ѣздили въ лодкѣ и ночью при лунномъ свѣтѣ возвращались домой, и я сидѣлъ рядомъ съ ней и любовался ея стройною фигурой, обтянутой джерси, и ея локонами,—я вдругъ рѣшилъ, что это она. Мнѣ показалось въ этотъ вечеръ, что она понимаетъ все, все, что я чувствую и думаю, а что чувствую я и думаю самыя возвышенныя вещи. Въ сущности же было только то, что джерси былъ ей особенно къ лицу, также и локоны, и что послѣ проведеннаго въ близости съ нею дня захотѣлось еще большей близости.

Удивительное дѣло, какая полная бываетъ иллюзія того, что красота есть добро. Красивая женщина говоритъ глупости, ты слушаешь и не слышишь глупости, а слышишь умное. Она говоритъ, дѣлаетъ гадости, и ты видишь что-то милое. Когда же она не говоритъ ни глупостей, ни гадостей, а красива, то сейчасъ увѣряешься, что она чудо какъ умна и нравственна.

Я вернулся домой въ восторгѣ и рѣшилъ, что она верхъ нравственнаго совершенства и что потому-то она достойна быть моей женой, и на другой день сдѣлалъ предложеніе.

Вѣдь что это за путаница! Изъ тысячи женящихся мужчинъ не только въ нашемъ быту, но, къ несчастью, и въ народѣ, едва ли есть одинъ, который бы не былъ женатъ уже разъ десять, а то и сто, и тысячу, какъ Донъ-Жуанъ, прежде брака.

Есть теперь, правда, — я слышу и наблюдаю,—молодые люди чистые, чувствующіе и знающіе, что это не шутка, а великое дѣло.

Помоги имъ Богъ! Но въ мое время не было ни одного такого на десять тысячъ. И всѣ знаютъ это и притворяются, что не знаютъ. Во всѣхъ романахъ до подробностей описаны чувства героевъ, пруды, кусты, около которыхъ они ходятъ; но, описывая ихъ великую любовь къ какой-нибудь дѣвицѣ, ничего не пишется о томъ, что̀ было съ нимъ — съ интереснымъ героемъ— прежде: ни слова о его посѣщеніи домовъ, о горничныхъ, кухаркахъ, чужихъ женахъ. Если же есть такіе неприличные романы, то ихъ не даютъ въ руки, главное тѣмъ, кому нужнѣе всего это знать, — дѣвушкамъ.

Сначала притворяются передъ дѣвушками въ томъ, что того распутства, которое наполняетъ половину жизни нашихъ городовъ и деревень даже, что этого распутства совсѣмъ нѣтъ. Потомъ такъ пріучаются къ этому притворству, что, наконецъ, сами начинаютъ искренно вѣрить, что мы всѣ нравственные люди и живемъ въ нравственномъ мірѣ. Дѣвушки — тѣ, бѣдныя, вѣрятъ въ это совсѣмъ серьезно. Такъ вѣрила и моя несчастная жена. Помню, какъ я, будучи женихомъ, показалъ ей свой дневникъ, изъ котораго она могла узнать, хотя немного, мое прошедшее, главное — про послѣднюю связь, которая была у меня, о которой она могла узнать отъ другихъ и про которую я потому-то и чувствовалъ необходимость сказать ей. Помню ея ужасъ, отчаяніе и растерянность, когда она узнала и поняла. Я видѣлъ, что она хотѣла бросить меня тогда. И отчего она не бросила!..

Онъ издалъ свой звукъ, отпилъ еще глотокъ чая и помолчалъ.

VI.

— Нѣтъ, впрочемъ, такъ лучше, такъ лучше! — вскрикнулъ онъ. — Подѣломъ мнѣ! Но не въ томъ дѣло. Я хотѣлъ сказать, что обмануты тутъ вѣдь только однѣ несчастныя дѣвушки.

Матери же знаютъ это, особенно матери, воспитанныя своими мужьями, знаютъ это прекрасно. И, притворяясь, что вѣрятъ въ чистоту мужчинъ, онѣ на дѣлѣ дѣйствуютъ совсѣмъ иначе.

Онѣ знаютъ, на какую удочку ловить мужчинъ для себя и для своихъ дочерей.

Вѣдь мы, мужчины, только не знаемъ, и не знаемъ потому, что не хотимъ знать, женщины же знаютъ очень хорошо, что самая возвышенная, поэтическая, какъ мы ее называемъ, любовь зависитъ не отъ нравственныхъ достоинствъ, а отъ физической близости и притомъ прически, цвѣта, покроя платья. Скажите опытной кокеткѣ, задавшей себѣ задачу плѣнить человѣка, чѣмъ она скорѣе хочетъ рисковать: тѣмъ, чтобы быть въ присутствіи того, кого она прельщаетъ, изобличенной во лжи, жестокости, даже распутствѣ, или тѣмъ, чтобы показаться при немъ въ дурно сшитомъ и некрасивомъ платьѣ,—всякая всегда предпочтетъ первое. Опа знаетъ, что нашъ братъ все вретъ о высокихъ чувствахъ — ему нужно только тѣло,—и потому онъ проститъ всѣ гадости, а уродливаго, безвкуснаго, дурного тона костюма не проститъ.

Кокетка знаетъ это сознательно, всякая невинная дѣвушка знаетъ это безсознательно, какъ знаютъ это животныя.

Отъ этого эти джерси мерзкіе, эти нашлепки назади, эти голыя плечи, руки, почти груди. Женщины, особенно прошедшія мужскую школу, очень хорошо знаютъ, что разговоры о высокихъ предметахъ — разговорами, а что нужно мужчинѣ тѣло и все то, что выставляетъ его въ самомъ обманчивомъ, но привлекательномъ свѣтѣ; и это самое и дѣлается. Вѣдь если откинуть только ту привычку къ этому безобразію, которая стала для насъ второй природой, и взглянуть на жизнь нашихъ высшихъ классовъ, какъ она есть, со всѣмъ ея безстыдствомъ, вѣдь это одинъ сплошной домъ терпимости... Вы не согласны? Позвольте, я докажу, — заговорилъ онъ, перебивая меня. — Вы говорите, что женщины въ нашемъ обществѣ живутъ иными интересами, чѣмъ женщины въ домахъ терпимости, а я говорю, что нѣтъ, и докажу. Если люди различны по цѣлямъ жизни, по внутреннему содержанію жизни, то это различіе непремѣнно отразится и во внѣшности, и внѣшность будетъ различная. Но посмотрите на тѣхъ, на несчастныхъ, презираемыхъ, и на самыхъ высшихъ свѣтскихъ барынь: тѣ же наряды, тѣ же фасоны, тѣ же духи, то же оголеніе рукъ, плечъ, груди и обтягиваніе выставленнаго зада, та же страсть къ камешкамъ, къ дорогимъ, блестящимъ вещамъ, тѣ же увеселенія, танцы и музыка, пѣніе. Какъ тѣ заманиваютъ всѣми средствами, такъ и эти. Никакой разницы. Строго опредѣляя, надо только сказать, что проститутки на короткіе сроки — обыкновенно презираемы, проститутки на долгіе — обыкновенно уважаемы.

VII.

— Да, такъ вотъ меня эти джерси и локоны и нашлепки поймали.

Поймать же меня легко было, потому что я воспитанъ былъ въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ, какъ огурцы на парахъ, выгоняются влюбляющіеся молодые люди. Вѣдь наша возбуждающая излишняя пища при совершенной физической праздности есть не что иное, какъ систематическое разжиганіе похоти. Удивляйтесь, не удивляйтесь, а такъ. Вѣдь я самъ этого до послѣдняго времени ничего не видалъ. А теперь увидалъ. Отъ этого-то меня и мучаетъ то, что никто этого не знаетъ, а говорятъ такія глупости, какъ вонъ та барыня.

Да-съ, около меня весной работали мужики на насыпи желѣзной дороги. Обыкновенная пища малаго изъ крестьянъ: хлѣбъ, квасъ, лукъ; онъ живъ, бодръ, здоровъ; работаетъ легкую полевую работу. Онъ поступаетъ на желѣзную дорогу, и харчи у него — каша и 1 ф. мяса. Но зато онъ и выпускаетъ это мясо на 16-часовой работѣ съ тачкой въ 30 пудовъ. И ему какъ разъ такъ. Ну, а мы, поѣдающіе по 2 ф. мяса, дичи и рыбы, и всякіе горячительные яства и напитки, — куда это идетъ? На чувственные эксцессы. И если идетъ туда, спасительный клапанъ открытъ, — все благополучно; но прикройте клапанъ, какъ я прикрывалъ его временно, и тотчасъ же получается возбужденіе, которое, проходя черезъ призму нашей искусственной жизни, выразится влюбленіемъ самой чистой воды, иногда даже платоническимъ. И я влюбился, какъ всѣ влюбляются.

И все было налицо: и восторги, и умиленіе, и поэзія. Въ сущности же эта моя любовь была произведеніемъ, съ одной стороны, дѣятельности мамаши и портнихъ, съ другой — избытка поглощавшейся мною пищи при праздной жизни. Не будь, съ одной стороны, катаній на лодкахъ, не будь портнихъ съ таліями и т. п., а будь моя жена одѣта въ нескладный капотъ и сиди она дома, а будь я, съ другой стороны, въ нормальныхъ условіяхъ, человѣкъ поглощающій пищи столько, сколько нужно для работы, и будь у меня спасительный клапанъ открытъ, а то онъ случайно прикрылся какъ-то на это время, — я бы не влюбился, и ничего бы отъ того не было.

VIII.

— Ну, а тутъ такъ подошло: и мое состояніе, и платье хорошо, и катанье на лодкахъ удалось. Двадцать разъ не удавалось, а тутъ удалось. Въ родѣ какъ капканъ. Я не смѣюсь.

Вѣдь теперь браки такъ и устраиваются, какъ капканы. Вѣдь естественно что? Дѣвка созрѣла, надо ее выдать. Кажется, какъ просто, когда дѣвка не уродъ и есть мужчины, желающіе жениться. Такъ и дѣлалось въ старину. Вошла въ возрастъ дѣва, родители устраивали бракъ. Такъ дѣлалось, дѣлается во всемъ человѣчествѣ: у китайцевъ, индѣйцевъ, магометанъ, у насъ въ народѣ; такъ дѣлается въ родѣ человѣческомъ, по крайней мѣрѣ въ 0,99 эго части. Только въ $^1/_{100}$ или меньше насъ, распутниковъ, нашли, что это нехорошо, и выдумали новое. Да что же новое-то? А новое то, что дѣвы сидятъ, а мужчины, какъ на базаръ, ходятъ и выбираютъ. А дѣвы ждутъ и думаютъ, но не смѣютъ сказать: «батюшка, меня! нѣтъ, меня! Не ее, а меня: у меня, смотри, какія плечи и другое». А мы, мужчины, похаживаемъ, поглядываемъ и очень довольны. «Знаю, молъ, я не попадусь». Похаживаютъ, посматриваютъ, очень довольны, что это такъ все для нихъ устроено. Глядь, не поберегся,—хлопъ, тутъ и есть!

— Такъ какъ же быть? — сказалъ я. — Что же женщинѣ дѣлать предложеніе?

— Да ужъ я не знаю какъ; только если равенство, такъ равенство. Если нашли, что сватовство унизительно, то ужъ это въ 1000 разъ больше. Тамъ права и шансы равны, а здѣсь женщина или раба на базарѣ, или привада въ капканъ. Скажите какой-нибудь матушкѣ или самой дѣвушкѣ правду, что она только тѣмъ и занята, чтобы ловить жениха. Боже мой, какая обида! А вѣдь онѣ всѣ только это и дѣлаютъ, и больше имъ дѣлать нечего. И что вѣдь ужасно: это видѣть занятыхъ этимъ иногда совершенно молоденькихъ, бѣдныхъ невинныхъ дѣвушекъ. И опять, если бъ это открыто дѣлалось, а то все обманъ. «Ахъ, происхожденіе видовъ, какъ интересно! Ахъ, Лили очень интересуется живописью! А вы будете на выставкѣ? Какъ поучительно! А на тройкахъ, а спектакли, а симфонія? Ахъ, какъ замѣчательно! Моя Лили безъ ума отъ музыки. А вы почему не раздѣляете эти убѣжденія? А на лодкахъ!..» А мысль одна: «возьми, возьми меня! мою Лили! Нѣтъ, меня! Ну, хоть попробуй!..» О, мерзость! ложь! — заключилъ онъ и, допивъ послѣдній чай, принялся убирать чашки и посуду.

IX.

— Да вы знаете,—началъ онъ, укладывая въ мѣшокъ чай и сахаръ, — то властвованіе женщинъ, отъ котораго страдаетъ міръ, все это происходитъ отъ этого.

— Какъ властвованіе женщинъ?—сказалъ я.—Права, преимущество правъ на сторонѣ мужчинъ.

— Да, да это, это самое,—перебилъ онъ меня.—Это самое, то, что я хочу сказать вамъ, это-то и объясняетъ то необыкновенное явленіе, что, съ одной стороны, совершенно справедливо то, что женщина доведена до самой низкой степени униженія, съ другой стороны, что она властвуетъ. Точно такъ же какъ евреи: какъ они своей денежной властью отплачиваютъ за свое угнетеніе, такъ и женщины. «А, вы хотите, чтобы мы были только торговцы, — хорошо: мы, торговцы, завладѣемъ вами», говорятъ евреи. «А, вы хотите, чтобы мы были только предметъ чувственности, — хорошо: мы, какъ предметъ чувственности, и поработимъ васъ», говорятъ женщины. Не въ томъ отсутствіе правъ женщины, что она не можетъ вотировать или быть судьей,—заниматься этими дѣлами не составляетъ никакихъ правъ,— а въ томъ, чтобы въ половомъ общеніи быть равной мужчинѣ, имѣть право пользоваться мужчиной и воздерживаться отъ него по своему желанію, по своему желанію избирать мужчину, а не быть избираемой. Вы говорите, что это безобразно. Хорошо! Тогда чтобы и мужчина не имѣлъ этихъ правъ. Теперь же женщина лишена этого права, которое имѣетъ мужчина. И вотъ, чтобы возмѣстить это право, она дѣйствуетъ на чувственность мужчины, черезъ чувственность покоряетъ его такъ, что онъ только формально выбираетъ, а въ дѣйствительности выбираетъ она. А разъ овладѣвъ этимъ средствомъ, она уже злоупотребляетъ имъ и пріобрѣтаетъ страшную власть надъ людьми.

— Да гдѣ же эта особенная власть?—спросилъ я.

— Гдѣ власть? Да вездѣ, во всемъ. Пройдите въ каждомъ большомъ городѣ по магазинамъ. Милліоны тутъ, не оцѣнишь положенныхъ туда трудовъ людей, а посмотрите въ 0,9 этихъ магазиновъ есть ли хоть что-нибудь для мужского употребленія? Вся роскошь жизни требуется и поддерживается женщинами.

Сочтите всѣ фабрики. Огромная доля ихъ работаетъ безполезныя украшенія, экипажи, мебель, игрушки для женщинъ. Милліоны людей, поколѣнія рабовъ гибнутъ въ этомъ каторжномъ трудѣ на фабрикахъ только для прихоти женщинъ. Женщины, какъ царицы, держатъ въ плѣну рабства и тяжелаго труда 0,9 рода человѣческаго. А все оттого, что ихъ унизили, лишивъ ихъ равныхъ правъ съ мужчинами. И вотъ онѣ мстятъ дѣйствіемъ на нашу чувственность, уловленіемъ насъ въ свои сѣти. Да, все отъ этого.

Женщины устроили изъ себя такое орудіе воздѣйствія на чувственность, что мужчина не можетъ спокойно обращаться

съ женщиной. Какъ только мужчина подошелъ къ женщинѣ, такъ и подпалъ подъ ея дурманъ и ошалѣлъ. И прежде мнѣ всегда бывало неловко, жутко, когда я видалъ разряженную даму въ бальномъ платьѣ, но теперь мнѣ прямо страшно, я прямо вижу нѣчто опасное для людей и противозаконное и хочется крикнуть полицейскаго, звать защиту противъ опасности, потребовать того, чтобъ убрали, устранили опасный предметъ.

— Да вы смѣетесь! — закричалъ онъ на меня, — а это вовсе не шутка. Я увѣренъ, что придетъ время, и, можетъ быть, очень скоро, что люди поймутъ это и будутъ удивляться, какъ могло существовать общество, въ которомъ допускались такіе нарушающіе общественное спокойствіе поступки, какъ тѣ прямо вызывающія чувственность украшенія своего тѣла, которыя допускаются для женщинъ въ нашемъ обществѣ. Вѣдь это все равно, что разставить по гуляньямъ, по дорожкамъ всякіе капканы, — хуже! Отчего азартная игра запрещена, а женщины въ вызывающихъ чувственность нарядахъ не запрещены? Онѣ опаснѣе въ тысячу разъ!

X.

Ну вотъ, такъ-то и меня поймали. Я былъ то, что называется влюбленъ. Я не только представлялъ ее себѣ верхомъ совершенства, я и себя за это время моего жениховства представлялъ тоже верхомъ совершенства. Вѣдь нѣтъ того негодяя, который, поискавъ, не нашелъ бы негодяевъ въ какомъ-нибудь отношеніи хуже себя и который поэтому не могъ бы найти повода гордиться и быть довольнымъ собой. Такъ и я: я женился не на деньгахъ — корысть была ни при чемъ, — не такъ, какъ большинство моихъ знакомыхъ, которые женились изъ-за денегъ или связей; я былъ богатъ, она бѣдна. Это одно. Другое, чѣмъ я гордился, было то, что другіе женились съ намѣреніемъ впередъ продолжать жить въ такомъ же многоженствѣ, въ какомъ они жили до брака: я же имѣлъ твердое намѣреніе держаться послѣ свадьбы единобрачія, и не было предѣловъ моей гордости передъ собой за это. Да, свинья я былъ ужасная, а воображалъ себѣ, что я ангелъ.

Время, пока я былъ женихомъ, продолжалось недолго. Безъ стыда теперь не могу вспомнить это время жениховства! Какая гадость! Вѣдь подразумѣвается любовь духовная, а не чувственная. Ну, если любовь духовная, духовное общеніе, то словами, разговорами, бесѣдами должно бы выразиться это духовное общеніе. Ничего же этого не было. Говорить бывало,

когда мы останемся одни, ужасно трудно. Какая-то это была Сизифова работа. Только выдумаешь, что сказать, скажешь, опять надо молчать, придумывать. Говорить не о чемъ было. Все, что можно было сказать о жизни, ожидавшей насъ, устройствѣ, планахъ, было сказано, а дальше что? Вѣдь если бы мы были животныя, то такъ бы и знали, что говорить намъ не полагается; а тутъ, напротивъ, говорить надо и нечего, потому что занимаетъ не то, что разрѣшается разговорами. А при этомъ еще этотъ безобразный обычай конфетъ, грубаго обжорства сладкимъ и всѣ эти мерзкія приготовленія къ свадьбѣ: толки о квартирѣ, спальнѣ, постеляхъ, капотахъ, халатахъ, бѣльѣ, туалетахъ. Вѣдь вы поймите, что если женятся по Домострою, какъ говорилъ этотъ старикъ, то пуховики, приданое, постель — все это только подробности, сопутствующія таинству. Но у насъ, когда изъ десяти брачущихся едва ли есть одинъ, который вѣритъ если ужъ не въ таинство, то хотя бы въ то, что бракъ есть нѣкоторое обязательство, когда изъ ста мужчинъ едва ли одинъ есть ужъ неженатый прежде и изъ 50-ти одинъ, который впередъ не готовился бы измѣнить своей женѣ при всякомъ удобномъ случаѣ, когда большинство смотритъ на поѣздку въ церковь только какъ на особенное условіе обладанія извѣстною женщиной, — подумайте, какое ужасное значеніе получаютъ при этомъ всѣ эти подробности. Выходитъ, что дѣло-то все только въ этомъ. Выходитъ что-то въ родѣ продажи. Развратнику продаютъ невинную дѣвушку и обставляютъ эту продажу извѣстными формальностями.

XI.

— Такъ всѣ женятся, такъ и я женился, и начался хваленый медовый мѣсяцъ. Вѣдь названіе-то, однако, какое подлое!— со злобой прошипѣлъ онъ. — Я ходилъ разъ въ Парижѣ по всѣмъ зрѣлищамъ и зашелъ смотрѣть по вывѣскѣ женщину съ бородой и водяную собаку. Оказалось, что это было больше ничего, какъ мужчина декольте въ женскомъ платьѣ, и собака, засунутая въ моржовую кожу и плавающая въ ваннѣ съ водой. Все было очень мало интересно; но когда я выходилъ, то меня учтиво провожалъ показыватель и, обращаясь къ публикѣ у входа, указывая на меня, говорилъ: «вотъ спросите господина, стоитъ ли смотрѣть? Заходите, заходите, по франку съ человѣка!» Мнѣ совѣстно было сказать, что смотрѣть не стоитъ, и показывающій, вѣроятно, разсчитывалъ на это. Такъ, вѣроятно, бываетъ и съ тѣми, которые испытали всю мерзость медоваго мѣсяца и не разочаровываютъ другихъ. Я тоже не

разочаровывалъ никого, но теперь не вижу, почему не говорить правду. Даже считаю, что необходимо говорить объ этомъ правду. Неловко, стыдно, гадко, жалко, и главное — скучно, до невозможности скучно! Это нѣчто въ родѣ того, что я испытывалъ, когда пріучался курить, когда меня тянуло рвать и текли слюни, а я глоталъ ихъ и дѣлалъ видъ, что мнѣ очень пріятно. Наслажденіе отъ куренья, такъ же какъ и отъ этого, если будетъ, то будетъ потомъ: надо, чтобы супруги воспитали въ себѣ этотъ порокъ, для того чтобъ получить отъ него наслажденіе.

— Какъ порокъ? — сказалъ я. — Вѣдь вы говорите о самомъ естественномъ человѣческомъ свойствѣ.

— Естественномъ? — сказалъ онъ. — Естественномъ? Нѣтъ, я скажу вамъ напротивъ, что я пришелъ къ убѣжденію, что это *не*... естественно. Да, совершенно *не*... естественно. Спросите у дѣтей, спросите у неразвращенной дѣвушки. Моя сестра очень молодая вышла замужъ за человѣка вдвое старше ея и развратника.

Я помню, какъ мы были удивлены въ ночь свадьбы, когда она, блѣдная, въ слезахъ, убѣжала отъ него, и, трясясь всѣмъ тѣломъ, говорила, что она ни за что, что она не можетъ даже сказать того, чего онъ хотѣлъ отъ нея.

Вы говорите: естественно!

Естественно ѣсть. И ѣсть радостно, легко, пріятно и не стыдно съ самаго начала; здѣсь же и мерзко, и стыдно, и больно. Нѣтъ, это неестественно! И дѣвушка неиспорченная, я убѣдился, всегда ненавидитъ это.

— Какъ же, — сказалъ я, — какъ же бы продолжался родъ человѣческій?

— Да, вотъ какъ бы не погибъ родъ человѣческій, — сказалъ онъ злобно, иронически, какъ бы ожидая этого знакомаго ему и недобросовѣстнаго возраженія. — Проповѣдуй воздержаніе отъ дѣторожденія во имя того, чтобы англійскимъ лордамъ всегда можно было обжираться, это можно. Проповѣдуй воздержаніе отъ дѣторожденія во имя того, чтобы больше было пріятности, это можно; а заикнись только о томъ, чтобы воздерживаться отъ дѣторожденія во имя нравственности, — батюшки, какой крикъ!.. Родъ человѣческій какъ бы не прекратился отъ того, что десятокъ-другой хочетъ перестать быть свиньями. Впрочемъ, извините. Мнѣ непріятенъ этотъ свѣтъ; можно закрыть? — сказалъ онъ, указывая на фонарь. Я сказалъ, что мнѣ все равно, и тогда онъ поспѣшно, какъ все, что онъ дѣлалъ, всталъ на сидѣнье и задернулъ шерстяной занавѣской фонарь.

— Все-таки, — сказалъ я, — если бы всѣ признали это для себя закономъ. родъ человѣческій прекратился бы.

Онъ не сейчасъ отвѣтилъ.

— Вы говорите, родъ человѣческій какъ будетъ продолжаться? — сказалъ онъ, усѣвшись опять противъ меня, широко раскрывъ ноги и низко опершись на нихъ локтями. — Зачѣмъ ему продолжаться, роду-то человѣческому? — сказалъ онъ.

— Какъ зачѣмъ? Иначе насъ бы не было.

— Да зачѣмъ намъ быть?

— Какъ зачѣмъ? Да чтобы жить.

— А жить зачѣмъ? Если нѣтъ цѣли никакой, если жизнь для жизни намъ дана, не зачѣмъ жить. И если такъ, то Шопенгауеры и Гартманы, да и всѣ буддисты совершенно правы. Ну, а если есть цѣль жизни, то ясно, что жизнь должна прекратиться, когда достигнется цѣль. Такъ оно и выходитъ, — говорилъ онъ съ видимымъ волненіемъ, очевидно очень дорожа своею мыслью. — Такъ оно и выходитъ. Вы замѣтьте; если цѣль человѣчества — благо, добро, любовь, какъ хотите, если цѣль человѣчества есть то, что сказано въ пророчествахъ, что всѣ люди соединятся воедино любовью, что раскуютъ копья на серпы и т. д., то вѣдь достиженію этой цѣли мѣшаетъ что? Мѣшаютъ страсти. Изъ страстей самая сильная, и злая, и упорная — половая, плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти, и послѣдняя, самая сильная изъ нихъ, плотская любовь, то пророчество исполнится, люди соединятся воедино, цѣль человѣчества будетъ достигнута и ему не зачѣмъ будетъ жить. Пока же человѣчество живетъ, передъ нимъ стоитъ идеалъ, и, разумѣется, идеалъ не кроликовъ или свиней, чтобы расплодиться какъ можно больше, и не обезьянъ или парижанъ, чтобы какъ можно утонченнѣе пользоваться удовольствіями половой страсти, а идеалъ добра, достигаемый воздержаніемъ и чистотою. Къ нему всегда стремились и стремятся люди. И посмотрите, что выходитъ.

Выходитъ, что плотская любовь — это спасительный клапанъ. Не достигло теперь живущее поколѣніе человѣчества цѣли, то не достигло оно только потому, что въ немъ есть страсти, и сильнѣйшая изъ нихъ половая. А есть половая страсть, есть новое поколѣніе, стало быть, и есть возможность достиженія цѣли въ слѣдующемъ поколѣніи. Не достигло и то, — опять слѣдующее, и такъ до тѣхъ поръ, пока не достигнется цѣль, не исполнится пророчество, не соединятся люди воедино. А то вѣдь что̀ бы вышло? Если допустить, что Богъ сотворилъ людей для достиженія извѣстной цѣли, то сотворилъ бы ихъ или

смертными, безъ половой страсти, или вѣчными. Если бы они были смертны, но безъ половой страсти, то вышло бы что? то, что они пожили бы и, не достигнувъ цѣли, умерли бы; а чтобы достигнуть цѣли, Богу надо бы сотворить новыхъ людей. Если же бы они были вѣчны, то положимъ (хотя это и труднѣе тѣмъ же людямъ, а не новымъ поколѣніямъ исправлять ошибки и приближаться къ совершенству), положимъ, достигли бы цѣли послѣ многихъ тысячъ лѣтъ, но тогда зачѣмъ же они? куда же ихъ дѣть? Именно такъ, какъ есть, лучше всего... Но, можетъ быть, вамъ не нравится эта форма выраженія и вы эволюціонистъ. То и тогда выходитъ то же самое. Высшая порода животныхъ — людская — для того, чтобы удержаться въ борьбѣ съ другими животными, должна сомкнуться воедино, какъ рой пчелъ, а не безконечно плодиться; должна такъ же, какъ пчелы, воспитывать безполыхъ, т.-е. опять должна стремиться къ воздержанію, а никакъ не къ разжиганію похоти, къ чему направленъ весь строй нашей жизни. Онъ помолчалъ. — Родъ человѣческій прекратится? Да неужели кто-нибудь, какъ бы онъ ни смотрѣлъ на міръ, можетъ сомнѣваться въ этомъ? Вѣдь это такъ же несомнѣнно, какъ смерть. Вѣдь по всѣмъ ученіямъ церковнымъ придетъ конецъ міра и по всѣмъ ученіямъ научнымъ неизбѣжно то же самое. Такъ что же страннаго, что по ученію нравственному выходитъ то же самое.

Онъ долго молчалъ послѣ этого, докурилъ папироску и досталъ изъ мѣшка новыя, положивъ ихъ въ свою старую запачканную папиросочницу.

— Я понимаю вашу мысль, — сказалъ я, — нѣчто подобное утверждаютъ шекеры.

— Да, да, и они правы, — сказалъ онъ. — Половая страсть, какъ бы она ни была обставлена, есть зло, страшное зло, съ которымъ надо бороться, а не поощрять, какъ у насъ. Слова Евангелія о томъ, что смотрящій на женщину съ вожделѣніемъ уже прелюбодѣйствовалъ съ нею, относятся не къ однѣмъ чужимъ женамъ, а именно — и главное — къ своей женѣ.

XII.

— Въ нашемъ же мірѣ какъ разъ обратное: если человѣкъ еще думалъ о воздержаніи, будучи холостымъ, то, женившись, всякій считаетъ, что теперь воздержаніе уже не нужно. Вѣдь эти отъѣзды послѣ свадьбы, уединенія, въ которыя съ разрѣшенія родителей отправляются молодые, вѣдь это не что иное, какъ разрѣшеніе на развратъ. Но нравственный законъ самъ за

себя отплачиваетъ, когда нарушатъ его. Сколько я ни старался устроить себѣ медовый мѣсяцъ, ничего не выходило. Все время было гадко, стыдно и скучно. Но очень скоро стало еще мучительно тяжело. Началось это очень скоро. Кажется, на 3-й или на 4-й день я засталъ жену скучною, сталъ спрашивать о чемъ, сталъ обнимать ее, что по-моему было все, чего она могла желать, а она отвела мою руку и заплакала. О чемъ? Она не умѣла сказать. Но ей было грустно, тяжело. Вѣроятно, ея измученные нервы подсказали ей истину о гадости нашихъ сношеній; но она не умѣла сказать. Я сталъ допрашивать, она что-то сказала, что ей грустно безъ матери. Мнѣ показалось, что это неправда. Я сталъ уговаривать ее, промолчавъ о матери. Я не понялъ, что ей просто было тяжело, а мать была только отговорка. Но она тотчасъ же обидѣлась за то, что я умолчалъ о матери, какъ будто не повѣривъ ей. Она сказала мнѣ, что видитъ, что я не люблю ея. Я упрекнулъ ее въ капризѣ, и вдругъ лицо ея совсѣмъ измѣнилось, вмѣсто грусти выразилось раздраженіе, и она самыми ядовитыми словами начала упрекать меня въ эгоизмѣ и жестокости. Я взглянулъ на нее. Все лицо ея выражало полнѣйшую холодность и враждебность, ненависть почти ко мнѣ. Помню, какъ я ужаснулся, увидавъ это. Какъ? что? думалъ я. Любовь — союзъ душъ, и вмѣсто этого вотъ что! Да не можетъ быть, да это не она! Я попробовалъ было смягчить ее, но наткнулся на такую непреодолимую стѣну холодной, ядовитой враждебности, что не успѣлъ я оглянуться, какъ раздраженіе захватило и меня, и мы наговорили другъ другу кучу непріятностей. Впечатлѣніе этой первой ссоры было ужасно. Я назвалъ это ссорой, но эта была не ссора, а это было только обнаруженіе той пропасти, которая въ дѣйствительности была между нами. Влюбленность истощилась удовлетвореніемъ чувственности, и остались мы другъ противъ друга въ нашемъ дѣйствительномъ отношеніи другъ къ другу, т.-е. два совершенно чуждые другъ другу эгоисты, желающіе получить себѣ какъ можно больше удовольствія одинъ черезъ другого. Я назвалъ ссорой то, что произошло между нами, но это была не ссора, а это было только вслѣдствіе прекращенія чувственности обнаружившееся наше дѣйствительное отношеніе другъ къ другу. Я не понималъ, что это холодное и враждебное отношеніе было нашимъ нормальнымъ отношеніемъ, не понималъ этого потому, что это враждебное отношеніе въ первое время очень скоро опять закрылось отъ насъ вновь поднявшеюся перегонной чувственностью, т.-е. влюбленіемъ.

И я думалъ, что мы поссорились и помирились и что больше этого уже не будетъ. Но въ этотъ же первый медовый мѣсяцъ очень скоро наступилъ опять періодъ пресыщенія, опять мы перестали быть нужными другъ другу, и произошла опять ссора. Вторая ссора эта поразила меня еще больнѣе, чѣмъ первая. «Стало быть, первая не была случайностью, а это такъ и должно быть и такъ и будетъ», думалъ я. Вторая ссора тѣмъ болѣе поразила меня, что она возникла по самому невозможному поводу. Что-то такое изъ-за денегъ, которыхъ я никогда не жалѣлъ и ужъ никакъ не могъ жалѣть для жены. Помню только, что она такъ какъ-то повернула дѣло, что какое-то мое замѣчаніе оказалось выраженіемъ моего желанія властвовать надъ ней черезъ деньги, на которыхъ я утверждалъ будто бы свое исключительное право; что-то невозможное, глупое, подлое, неестественное ни мнѣ, ни ей. Я раздражился, сталъ упрекать ее въ неделикатности, она меня, — и пошло опять. И въ словахъ, и въ выраженіи ея лица и глазъ я увидалъ опять ту же, прежде такъ поразившую меня, жестокую, холодную враждебность. Съ братомъ, съ пріятелями, съ отцомъ, я помню, я ссорился, но никогда между нами не было той особенной, ядовитой злобы, которая была тутъ. Но прошло нѣсколько времени, и опять эта взаимная ненависть скрылась подъ влюбленностью, т.-е. чувственностью, и я еще утѣшался мыслью, что эти двѣ ссоры были ошибки, которыя можно исправить. Но вотъ наступила третья, четвертая ссора, и я понялъ, что это не случайность, а что это такъ должно быть, такъ и будетъ и я ужаснулся тому, что предстоитъ мнѣ. При этомъ мучила меня еще та ужасная мысль, что это одинъ я только такъ дурно, непохоже на то, что я ожидалъ, живу съ женой, тогда какъ въ другихъ супружествахъ этого не бываетъ. Я не зналъ еще тогда, что это общая участь, но что всѣ такъ же, какъ я, думаютъ, что это ихъ исключительное несчастіе, скрываютъ это исключительное постыдное свое несчастіе не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя, сами себѣ не признаются въ этомъ.

Началось съ первыхъ дней и продолжалось все время, и все усиливаясь и ожесточаясь. Въ глубинѣ души я съ первыхъ же недѣль почувствовалъ, что я пропалъ, что вышло не то, чего я ожидалъ, что женитьба не только не счастіе, но нѣчто очень тяжелое; но я, какъ и всѣ, не хотѣлъ признаться себѣ (я бы не признался себѣ и теперь, если бы не конецъ) и скрывалъ не только отъ другихъ, но отъ себя. Теперь я удивляюсь, какъ я не видалъ своего настоящаго положенія. Его можно бы уже видѣть потому, что ссоры начинались изъ-за такихъ поводовъ,

что невозможно бывало послѣ, когда онѣ кончались, вспомнить изъ-за чего. Разсудокъ не поспѣвалъ *подддѣлать* подъ постоянно существующую враждебность другъ къ другу достаточныхъ поводовъ. Но еще поразительнѣе была недостаточность предлоговъ примиренія. Иногда бывали слова, объясненія, даже слезы, но иногда... охъ! гадко и теперь вспомнить—послѣ самыхъ жестокихъ словъ другъ другу вдругъ молча взгляды, улыбки, поцѣлуи, объятія... Фу, мерзость! Какъ я могъ не видѣть всей гадости этого тогда...

XIII.

Вошли два пассажира и стали усаживаться на дальней лавочкѣ. Онъ молчалъ, пока они усаживались, но какъ только они затихли, онъ продолжалъ, очевидно ни на минуту не теряя нити своей мысли.

— Вѣдь что главное погано, — началъ онъ: — предполагается въ теоріи, что любовь есть нѣчто идеальное, возвышенное, а на практикѣ любовь вѣдь есть нѣчто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно. Вѣдь не даромъ же природа сдѣлала то, что это мерзко и стыдно. А если мерзко и стыдно, то такъ и надо понимать. А тутъ, напротивъ, люди дѣлаютъ видъ, что мерзкое и стыдное прекрасно и возвышенно.

Какіе были первые признаки моей любви? А тѣ, что я предавался животнымъ излишествамъ, не только не стыдясь ихъ, но почему-то гордясь возможности этихъ физическихъ излишествъ, не думая притомъ нисколько не только о ея духовной жизни, но даже и объ ея физической жизни. Я удивлялся, откуда бралось наше озлобленіе другъ къ другу, а дѣло было совершенно ясно: озлобленіе это было не что иное, какъ протестъ человѣческой природы противъ животнаго, которое подавляло ее.

Я удивлялся нашей ненависти другъ къ другу. А вѣдь это и не могло быть иначе. Эта ненависть была не что иное, какъ ненависть взаимная сообщниковъ преступленія — и за подстрекательство, и за участіе въ преступленіи. Какъ же не преступленіе, когда она, бѣдная, забеременѣла въ первый же мѣсяцъ, а наша *свиная* связь продолжалась. Вы думаете, что я отступаю отъ разсказа? нисколько! Это я все разсказываю вамъ, *какъ* я убилъ жену. На судѣ у меня спрашиваютъ, чѣмъ, какъ я убилъ жену? Дурачье! думаютъ, что я убилъ ее тогда ножомъ, 5-го октября. Я не тогда убилъ ее, а гораздо раньше. Такъ точно, какъ они всѣ теперь убиваютъ, всѣ, всѣ...

— Да чѣмъ же? — спросилъ я.

— Вотъ это-то и удивительно, что никто не хочетъ знать того, что такъ ясно и очевидно, того, что должны знать и проповѣдывать доктора, но про что они молчатъ. Вѣдь дѣло ужасно просто. Мужчина и женщина сотворены такъ, какъ животное, такъ, что послѣ плотской любви начинается беременность, потомъ кормленіе,—такія состоянія, при которыхъ для женщины, такъ же какъ и для ея ребенка, плотская любовь вредна. Женщинъ и мужчинъ равное число. Что же изъ этого слѣдуетъ? Кажется, ясно. И не нужно большой мудрости, чтобы сдѣлать изъ этого тотъ выводъ, который дѣлаютъ животныя, т.-е. воздержаніе. Но нѣтъ. Наука дошла до того, что нашла какихъ-то левкоцитовъ, которые бѣгаютъ въ крови, и всякія ненужныя глупости, а этого не могла понять. По крайней мѣрѣ не слыхать, чтобы она говорила это.

И вотъ для женщины только два выхода: одинъ — сдѣлать изъ себя урода, уничтожить или уничтожать въ себѣ по мѣрѣ надобности способность быть женщиной, т.-е. матерью, для того, чтобы мужчина могъ спокойно и постоянно наслаждаться, или другой выходъ, даже не выходъ, а простое, грубое, прямое нарушеніе законовъ природы, который совершается во всѣхъ такъ называемыхъ честныхъ семьяхъ, а именно тотъ, что женщина, наперекоръ своей природѣ, должна быть одновременно и беременной, и кормилицей, и любовницей, должна быть тѣмъ, до чего не спускается ни одно животное. И силъ не можетъ хватить. И оттого въ нашемъ быту истерики, нервы, а въ народѣ — кликуши. Вы замѣтьте, у дѣвушекъ, у чистыхъ, нѣтъ кликушества, только у бабъ, и у бабъ, живущихъ съ мужьями. Такъ у насъ. Точно такъ же и въ Европѣ. Всѣ больницы истеричныхъ полны женщинъ, нарушающихъ законъ природы. Но вѣдь кликуши и паціентки Шарко — это совсѣмъ увѣчныя, а полукалѣкъ женщинъ полонъ міръ. Вѣдь только подумать, какое великое дѣло совершается въ женщинѣ, когда она понесла плодъ или когда кормитъ родившагося ребенка. Растетъ то, что продолжаетъ, замѣняетъ насъ. И это-то святое дѣло нарушается— чѣмъ же? — страшно подумать! И толкуютъ о свободѣ, о правахъ женщины. Это все равно, что людоѣды откармливали бы людей плѣнныхъ на ѣду и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли бы, что они заботятся о ихъ правахъ и свободѣ.

Все это было ново и поразило меня.

— Такъ какъ же? Если такъ, то, — сказалъ я, — выходитъ, что любить жену можно разъ въ два года, а мужчинѣ...

— Мужчинѣ необходимо,—подхватилъ онъ.—Опять милые жрецы науки увѣрили всѣхъ. Я бы имъ, этимъ волхвамъ, ве-

23*

лѣлъ исполнять должность тѣхъ женщинъ, которыя, по ихъ мнѣнію, необходимы мужчинамъ, чтò бы они тогда заговорили? Внушите человѣку, что ему необходима водка, табакъ, опіумъ, и все это будетъ необходимо. Выходитъ, что Богъ не понималъ того, что нужно, и потому, не спросившись у волхвовъ, дурно устроилъ. Извольте видѣть, дѣло не сходится. Мужчинѣ нужно, необходимо, такъ рѣшили они, удовлетворять свою похоть, а тутъ замѣшалось дѣторожденіе и кормленіе дѣтей, мѣшающія удовлетворенію этой потребности. Какъ же быть-то? Обратиться къ волхвамъ, они устроятъ. Они и придумали. Охъ, когда это развѣнчаются эти мерзавцы со своими обманами? Пора! Дошло уже вотъ докуда: съ ума сходятъ и стрѣляются, и все отъ этого. Да какъ же иначе? Животныя какъ будто знаютъ, что потомство продолжаетъ ихъ родъ, и держатся извѣстнаго закона въ этомъ отношеніи. Только человѣкъ этого знать не знаетъ и не хочетъ. И озабоченъ только тѣмъ, чтобы имѣть какъ можно больше удовольствія. И это кто же? Царь природы, человѣкъ! Вѣдь, вы замѣтьте, животныя сходятся только тогда, когда могутъ производить потомство, а поганый царь природы—всегда, только бы пріятное. И мало того, возводитъ это обезьянье занятіе въ перлъ созданія, въ любовь. И во имя этой любви, т.-е. пакости, губитъ что же? — половину рода человѣческаго. Изъ всѣхъ женщинъ, которыя должны бы быть помощницами въ движеніи человѣчества къ истинѣ и благу, онъ во имя своего удовольствія дѣлаетъ не помощницъ, но враговъ. Посмотрите, кто тормозитъ повсюду движеніе человѣчества впередъ? Женщины. А отчего онѣ такія? А только отъ этого. Да-съ, да-съ, — повторилъ онъ нѣсколько разъ и сталъ шевелиться, доставать папиросы и курить, очевидно желая нѣсколько успокоиться.

XIV.

— Вотъ такой-то свиньей я и жилъ,—продолжалъ онъ опять прежнимъ тономъ.—Хуже же всего было то, что, живя этой скверной жизнью, я воображалъ, что потому, что я не соблазняюсь другими женщинами, что поэтому я живу честною семейною жизнью, что я нравственный человѣкъ и что я ни въ чемъ не виноватъ, а что если у насъ происходятъ ссоры, то виновата она, ея характеръ.

Виновата же была, разумѣется, не она. Она была такая же, какъ и всѣ, какъ большинство. Воспитана она была, какъ того требуетъ положеніе женщины въ нашемъ обществѣ и поэтому какъ и воспитываются всѣ безъ исключенія женщины

обезпеченныхъ классовъ и какъ онѣ не могутъ не воспитываться. Толкуютъ о какомъ-то новомъ женскомъ образованіи. Все пустыя слова: образованіе женщины точно такое, какое должно быть при существующемъ непритворномъ, истинномъ, всеобщемъ взглядѣ на женщину.

И образованіе женщины будетъ всегда соотвѣтствовать взгляду на нее мужчины. Вѣдь всѣ мы знаемъ, какъ мужчины смотрятъ на женщину: «Wein, Weib und Gesang», и такъ въ стихахъ поэты говорятъ. Возьмите всю поэзію, всю живопись, скульптуру, начиная съ любовныхъ стиховъ и голыхъ Венеръ и Фринъ, — вы видите, что женщина есть орудіе наслажденія; она такова на Трубѣ и на Грачевкѣ и на придворномъ балѣ. И замѣтьте хитрость дьявола: ну, наслажденіе, удовольствіе, такъ такъ бы и знать, что удовольствіе, что женщина — сладкій кусокъ. Нѣтъ, сначала рыцари увѣряютъ, что они боготворятъ женщину (боготворятъ, а все-таки смотрятъ на нее какъ на орудіе наслажденія), теперь же увѣряютъ, что уважаютъ женщину. Одни уступаютъ ей мѣсто, поднимаютъ ей платки; другіе признаютъ ея права на заниманіе всѣхъ должностей, на участіе въ правленіи и т. д. Это все дѣлаютъ, а взглядъ на нее все тотъ же. Она — орудіе наслажденія. Тѣло ея есть средство наслажденія. И она знаетъ это. Все равно, какъ рабство. Рабство вѣдь есть не что иное, какъ пользованіе однихъ подневольнымъ трудомъ многихъ. И потому, чтобы рабства не было, надо, чтобы люди не желали пользоваться подневольнымъ трудомъ другихъ, считали бы это грѣхомъ или стыдомъ. А между тѣмъ возьмутъ, отмѣнятъ внѣшнюю форму рабства, устроятъ такъ, что нельзя больше совершать купчихъ на рабовъ, и воображаютъ и себя увѣряютъ, что рабства уже нѣтъ, и не видятъ, и не хотятъ видѣть того, что рабство продолжаетъ быть, потому что люди точно такъ же любятъ и считаютъ хорошимъ и справедливымъ пользоваться трудами другихъ. А какъ скоро они считаютъ это хорошимъ, то всегда найдутся люди, которые сильнѣе или хитрѣе другихъ и сумѣютъ это сдѣлать. То же и съ эмансипаціей женщины. Рабство женщины вѣдь только въ томъ, что люди желаютъ и считаютъ очень хорошимъ пользоваться ею какъ орудіемъ наслажденія. Ну, и вотъ освобождаютъ женщину, даютъ ей всякія права, равныя мужчинѣ, но продолжаютъ смотрѣть на нее, какъ на орудіе наслажденія; такъ воспитываютъ ее и въ дѣтствѣ и общественнымъ мнѣніемъ. И вотъ она все такая же приниженная, развращенная раба, и мужчина все такой же развращенный рабовладѣлецъ.

Освобождаютъ женщину на курсахъ и въ палатахъ, а смотрятъ на нее, какъ на предметъ наслажденія. Научите ее, какъ она научена у насъ, смотрѣть такъ на себя, самое себя, и она всегда останется низшимъ существомъ. Или она будетъ съ помощью мерзавцевъ-докторовъ предупреждать зарожденіе плода, т.-е. будетъ вполнѣ проститутка, спустившаяся не на ступень животнаго, но на ступень вещи, или она будетъ то, что она есть въ большей части случаевъ — больной душевно, истеричной, несчастной, какія онѣ и есть, безъ возможности духовнаго развитія.

Гимназіи и курсы не могутъ измѣнить этого. Измѣнить это можетъ только перемѣна взгляда мужчинъ на женщинъ и женщинъ самихъ на себя. Перемѣнится это только тогда, когда женщина будетъ считать высшимъ положеніемъ положеніе дѣвственницы, а не такъ, какъ теперь, высшее состояніе человѣка — стыдомъ, позоромъ. Пока же этого нѣтъ, идеалъ всякой дѣвушки, какое бы ни было ея образованіе, будетъ все-таки тотъ, чтобы привлечь къ себѣ какъ можно больше мужчинъ, какъ можно больше самцовъ, съ тѣмъ, чтобъ имѣть возможность выбора.

А то, что одна побольше знаетъ математики, а другая умѣетъ играть на арфѣ, это ничего не измѣнитъ. Женщина счастлива и достигаетъ всего, чего она можетъ желать, когда она обворожитъ мужчину. И потому главная задача женщины — умѣть обвораживать его. Такъ это было и будетъ. Такъ это въ дѣвичьей жизни въ нашемъ мірѣ, такъ продолжается и въ замужней. Въ дѣвичьей жизни это нужно для выбора, въ замужней—для властвованія надъ мужемъ.

Одно, что прекращаетъ или хоть подавляетъ на время это, это — дѣти, и то тогда, когда женщина не уродъ, т.-е. сама кормитъ. Но тутъ опять доктора.

Съ моей женой, которая сама хотѣла кормить и кормила слѣдующихъ пятерыхъ дѣтей, случилось съ первымъ ребенкомъ нездоровье. Доктора эти, которые цинически раздѣвали и ощупывали ее вездѣ, за что я долженъ былъ ихъ благодарить и платить имъ деньги, — доктора эти милые нашли, что она не должна кормить, и она на первое время лишена была того единственнаго средства, которое могло избавить ее отъ кокетства. Кормила кормилица, т.-е. мы воспользовались бѣдностью, нуждой и невѣжествомъ женщины, сманили ее отъ ея ребенка къ своему и за это одѣли ее въ кокошникъ съ галунами. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что въ это время ея свободы отъ беременности и кормленія въ ней съ особенною силою проявилось прежде заснувшее это женское кокетство. И во мнѣ, соот-

вѣтственно этому, съ особенной же силой проявились мученія ревности, которыя не переставая терзали меня во все время моей женатой жизни, какъ они и не могутъ не терзать всѣхъ тѣхъ супруговъ, которые живутъ съ женами, какъ я жилъ, т.-е. безнравственно.

XV.

— Я во все время моей женатой жизни никогда не переставалъ испытывать терзанія ревности. Но были періоды, когда я особенно рѣзко страдалъ этимъ. И одинъ изъ такихъ періодовъ былъ тотъ, когда послѣ перваго ребенка доктора запретили ей кормить. Я особенно ревновалъ въ это время, во-первыхъ, потому, что жена испытывала то свойственное матери безпокойство, которое должно вызвать безпричинное нарушеніе правильнаго хода жизни; во-вторыхъ, потому что, увидавъ, какъ она легко отбросила нравственную обязанность матери, я справедливо, хотя и безсознательно заключилъ, что ей такъ же легко будетъ отбросить и супружескую, тѣмъ болѣе, что она была совершенно здорова и, несмотря на запрещеніе милыхъ докторовъ, кормила слѣдующихъ дѣтей сама и выкормила прекрасно.

— Однако вы не любите докторовъ, — сказалъ я, замѣтивъ особенно злое выраженіе голоса всякій разъ, какъ онъ упоминалъ только о нихъ.

— Тутъ не дѣло любви или нелюбви. Они погубили мою жизнь, какъ они губили и губятъ жизнь тысячъ, сотенъ тысячъ людей, а я не могу не связывать слѣдствія съ причиной. Я понимаю, что имъ хочется, такъ же какъ и адвокатамъ и другимъ, наживать деньги, и я бы охотно отдалъ имъ половину своего дохода, и каждый, если бы понималъ то, что они дѣлаютъ, охотно бы отдалъ имъ половину своего достатка, только чтобъ они не вмѣшивались въ вашу семейную жизнь, никогда бы близко не подходили къ вамъ. Я вѣдь не собиралъ свѣдѣній, но я знаю десятки случаевъ — ихъ пропасть! — въ которыхъ они убили то ребенка въ утробѣ матери, увѣряя, что мать не можетъ разродиться, а мать потомъ рожаетъ прекрасно, то матерей подъ видомъ какихъ-то операцій. Вѣдь никто не считаетъ этихъ убійствъ, какъ не считали убійствъ инквизиціи, потому что предполагалось, что это на благо человѣчества. Перечесть нельзя преступленій, совершаемыхъ ими. Но всѣ эти преступленія ничто въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ растлѣніемъ матеріализма, которое они вносятъ въ міръ, особенно черезъ женщинъ.

Ужъ не говорю про то, что если только слѣдовать ихъ указаніямъ, то, благодаря заразамъ вездѣ, во всемъ, людямъ надо не идти къ единенію, а къ разъединенію; всѣмъ надо по ихъ ученію сидѣть врозь и не выпускать изо рта спринцовки съ карболовою кислотой (впрочемъ открыли, что и она не годится). Но и это ничего. Ядъ главный въ развращеніи людей, женщинъ въ особенности.

Нынче ужъ нельзя сказать: «ты живешь дурно, живи лучше», нельзя этого сказать ни себѣ, ни другому. А если дурно живешь, то причина въ ненормальности нервныхъ отправленій или т. п. И надо пойти къ нимъ, и они пропишутъ на 35 к. въ аптекѣ лѣкарства, и вы принимайте!

Вы сдѣлаетесь еще хуже, тогда еще лѣкарства и еще доктора. Отличная штучка!

Но и не въ этомъ дѣло. Я только говорю про то, что она прекрасно сама кормила дѣтей и что это ношеніе и кормленіе дѣтей одно спасало меня отъ мукъ ревности. Если бы не это, все случилось бы раньше. Дѣти спасали меня и ее. Въ восемь лѣтъ у ней родилось пять человѣкъ дѣтей. И всѣхъ, кромѣ перваго, она кормила сама.

— Гдѣ же они теперь, ваши дѣти?—спросилъ я.

— Дѣти?—испуганно переспросилъ онъ.

— Извините меня, можетъ быть, вамъ тяжело вспоминать?

— Нѣтъ, ничего. Дѣтей моихъ взяли моя свояченица и ея братъ. Они не дали ихъ мнѣ. Я имъ отдалъ состояніе, а ихъ они мнѣ не дали. Вѣдь я въ родѣ сумасшедшаго. Я теперь ѣду отъ нихъ. Я видѣлъ ихъ, но мнѣ ихъ не дадутъ. А то я воспитаю ихъ такъ, что они не будутъ такими, какъ ихъ родители. А надо, чтобъ были такіе же. Ну, да что дѣлать! Понятно, что мнѣ ихъ не дадутъ и не повѣрятъ. Да я и не знаю, былъ ли бы я въ силахъ воспитать ихъ. Я думаю, нѣтъ. Я—развалина, калѣка. Одно во мнѣ есть. Я знаю. Да, это вѣрно, что я знаю то, что всѣ нескоро еще узнаютъ.

Да, дѣти живы и растутъ такими же дикарями, какъ и всѣ вокругъ нихъ. Я видѣлъ ихъ, три раза видѣлъ. Ничего я не могу для нихъ сдѣлать, ничего. Ѣду къ себѣ теперь на югъ. У меня тамъ домикъ и садикъ.

Да, нескоро еще люди узнаютъ то, что я знаю. Много ли желѣза и какіе металлы въ солнцѣ и звѣздахъ—это скоро узнать можно; а вотъ то, что обличаетъ наше свинство,- это трудно, ужасно трудно!

Вы хоть слушаете я и то благодаренъ.

XVI.

— Вотъ вы напомнили про дѣтей. Опять какое страшное лганье идетъ про дѣтей. Дѣти—благословеніе Божіе, дѣти—радость. Вѣдь это все ложь. Все это было когда-то, но теперь ничего подобнаго нѣтъ. Дѣти—мученіе и больше ничего. Большинство матерей такъ прямо и чувствуетъ и иногда нечаянно прямо такъ и говорятъ это. Спросите у большинства матерей нашего круга достаточныхъ людей, онѣ вамъ скажутъ, что отъ страха того, что дѣти ихъ могутъ болѣть и умирать, онѣ не хотятъ имѣть дѣтей, не хотятъ кормить, если уже родили, для того, чтобы не привязаться и не страдать. Наслажденіе, которое доставляетъ имъ ребенокъ прелестью его, этихъ ручекъ, ножекъ, тѣльца всего,—удовольствіе, доставляемое ребенкомъ, меньше страданія, которое онѣ испытываютъ, не говоря уже отъ болѣзни или потери ребенка, но отъ одного страха за возможность болѣзней и смерти. Взвѣсивъ выгоды и невыгоды, оказывается, что невыгодно и потому нежелательно имѣть дѣтей. Онѣ это прямо, смѣло говорятъ, воображая, что эти чувства происходятъ въ нихъ отъ любви къ дѣтямъ, чувства хорошаго и похвальнаго, которымъ онѣ гордятся. Онѣ не замѣчаютъ того, что этимъ разсужденіемъ онѣ прямо отрицаютъ любовь, а утверждаютъ только свой эгоизмъ. Для нихъ меньше удовольствія отъ прелести ребенка, чѣмъ страданій отъ страха за него, и потому не надо того ребенка, котораго онѣ будутъ любить. Онѣ жертвуютъ не собою для любимаго существа, а имѣющимъ быть любимымъ существомъ для себя.

Ясно, что это не любовь, а эгоизмъ. Но и осудить ихъ, матерей достаточныхъ семей, за этотъ эгоизмъ не поднимается рука, когда вспомнишь все то, что онѣ перемучаются отъ здоровья дѣтей, благодаря опять тѣмъ же докторамъ, въ нашей господской жизни. Какъ вспомню только, даже теперь, жизнь и состояніе жены въ первое время, когда было трое, четверо дѣтей и она вся была поглощена ими, ужасъ беретъ! Жизни нашей не было совсѣмъ. Это была какая-то вѣчная опасность, спасеніе отъ нея, вновь наступившая опасность, вновь отчаянныя усилія и вновь спасеніе,—постоянно такое положеніе, какъ на гибнущемъ кораблѣ. Иногда мнѣ казалось, что это нарочно дѣлалось, что она прикидывалась безпокоящейся о дѣтяхъ, для того чтобы побѣдить меня. Такъ это заманчиво, просто разрѣшало въ ея пользу всѣ вопросы. Мнѣ казалось иногда, что все, что она въ этихъ случаяхъ дѣлала и говорила,—она дѣлала и говорила нарочно. Но нѣтъ, она сама страшно мучи-

лась и казнилась постоянно съ дѣтьми, съ ихъ здоровьемъ и болѣзнями. Это была пытка для нея и для меня тоже. И нельзя ей было не мучиться. Вѣдь влеченіе къ дѣтямъ, животная потребность кормить, лелѣять, защищать ихъ была, какъ она и есть у большинства женщинъ, но не было того, что есть у животныхъ,—отсутствіе воображенія и разсудка. Курица не боится того, что̀ можетъ случиться съ ея цыпленкомъ, не знаетъ всѣхъ тѣхъ болѣзней, которыя могутъ постигнуть его, не знаетъ всѣхъ тѣхъ средствъ, которыми, люди воображаютъ, что они могутъ спасать отъ болѣзней и смерти. И дѣти для нея, для курицы, не мученіе. Она дѣлаетъ для своихъ цыплятъ то, что ей свойственно и радостно дѣлать; дѣти для нея—радость. Когда цыпленокъ начинаетъ болѣть, ея заботы очень опредѣленныя: она грѣетъ, кормитъ его. И, дѣлая это, знаетъ, что она дѣлаетъ все, что нужно. Издохнетъ цыпленокъ, она не спрашиваетъ себя, зачѣмъ онъ умеръ, куда онъ ушелъ, поквохчетъ, потомъ перестанетъ и продолжаетъ жить попрежнему. Но для нашихъ несчастныхъ женщинъ и для моей жены было не то. Ужъ не говоря о болѣзняхъ, какъ лѣчить, о томъ, какъ воспитывать, растить, она со всѣхъ сторонъ слышала и читала безконечно разнообразныя и постоянно смѣняющіяся правила. Кормить такъ, тѣмъ; нѣтъ, не такъ, не тѣмъ, а вотъ этакъ; одѣвать, поить, купать, класть спать, гулять, воздухъ,— на все это мы, она преимущественно, узнавали всякую недѣлю новыя правила. Точно со вчерашняго дня начали рожать дѣтей. А не такъ накормили, не такъ искупали, не во-время, и заболѣлъ ребенокъ, и оказывается, что виноваты мы, сдѣлали не то, что̀ надо дѣлать.

Это пока здоровье. И то мученіе. Но ужъ если заболѣлъ, тогда, конечно, совершенный адъ. Предполагается, что болѣзнь можно лѣчить и что есть такая наука и такіе люди—доктора, и они знаютъ. Не всѣ, но самые лучшіе знаютъ. И вотъ ребенокъ боленъ и надо попасть на этого, самаго лучшаго, того, который спасаетъ, и тогда ребенокъ спасенъ; а не захватишь этого доктора или живешь не въ томъ мѣстѣ, гдѣ живетъ этотъ докторъ, и ребенокъ погибъ. И это не ея исключительная вѣра, а это вѣра всѣхъ женщинъ ея круга, и со всѣхъ сторонъ она слышитъ только это: у Екатерины Семеновны умерло двое, потому что не позвали во-время Ивана Захарыча, а у Марьи Ивановны Иванъ Захарычъ спасъ старшую дѣвочку, а вотъ у Петровыхъ во-время, по совѣту доктора, разъѣхались по гостиницамъ и остались живы, а не разъѣхались—и померли дѣти. А у той былъ слабый ребенокъ, переѣхали, по совѣту доктора, на югъ и спасли ребенка. Какъ же тутъ не мучиться и не волноваться

всю жизнь, когда жизнь дѣтей, къ которымъ она животно привязана, зависитъ отъ того, что она во-время узнаетъ то, что скажетъ объ этомъ Иванъ Захарычъ! А что̀ скажетъ Иванъ Захарычъ, никто не знаетъ, менѣе всего онъ самъ, потому что онъ очень хорошо знаетъ, что онъ ничего не знаетъ и ничему помочь не можетъ, а самъ только виляетъ какъ попало, чтобы только не перестали вѣрить, что онъ что-то знаетъ. Вѣдь если бы она была совсѣмъ животное, она такъ бы не мучилась; если же бы она была совсѣмъ человѣкъ, то у нея была бы вѣра въ Бога, и она бы говорила и думала, какъ говорятъ вѣрующіе и бабы: «Богъ далъ, Богъ и взялъ, отъ Бога не уйдешь». Она бы думала, что жизнь и смерть какъ всѣхъ людей, такъ и ея дѣтей внѣ власти людей, а во власти только Бога, и тогда бы она не мучилась тѣмъ, что въ ея власти было предотвратить болѣзни и смерти дѣтей, а она этого не сдѣлала. А то для нея положеніе было такое: даны самыя хрупкія, подверженныя самымъ безчисленнымъ бѣдствіямъ, слабыя существа. Къ существамъ этимъ она чувствуетъ страстную, животную привязанность. Кромѣ того, существа эти поручены ей, а вмѣстѣ съ тѣмъ средства сохраненія этихъ существъ скрыты отъ нея и открыты совсѣмъ чужимъ людямъ, услуги и совѣты которыхъ можно пріобрѣтать только за большія деньги, и то не всегда.

Какъ же не мучиться? Она и мучилась постоянно. Бывало, только что успокоимся отъ какой-нибудь сцены ревности или просто ссоры и думаемъ пожить, почитать и подумать; только возьмешься за какое-нибудь дѣло, вдругъ получается извѣстіе, что Васю рветъ, или Маша сходила съ кровью, или у Андрюши сыпь, ну и кончено, жизни ужъ нѣтъ. Куда скакать, за какими докторами, куда отдѣлить? И начинаются клистиры, температуры, микстуры и доктора. Не успѣетъ это кончиться, какъ начинается что-нибудь другое. Правильной, твердой семейной жизни не было. А было, какъ я вамъ говорилъ, постоянное опасеніе отъ воображаемыхъ и дѣйствительныхъ опасностей. Такъ вѣдь это теперь въ большинствѣ семей. Въ моей же семьѣ было особенно рѣзко. Жена была чадолюбива и легковѣрна.

Такъ что присутствіе дѣтей не только не улучшало нашей жизни, но отравляло ее. Кромѣ того, дѣти—это было для насъ новый поводъ къ раздору. Съ тѣхъ поръ какъ были дѣти и чѣмъ больше они росли, тѣмъ чаще именно сами дѣти были и средствомъ и предметомъ раздора. Не только предметомъ раздора, но дѣти были орудіемъ борьбы, мы какъ будто дрались другъ съ другомъ—дѣтьми. У каждаго изъ насъ былъ свой любимый ребенокъ—орудіе драки. Я дрался больше Васей, старшимъ, а

она Лизой. Кромѣ того, когда дѣти стали подрастать и опредѣлились ихъ характеры, сдѣлалось то, что они стали союзниками, которыхъ мы привлекли каждый на свою сторону. Они страшно страдали отъ этого, бѣдняжки, но намъ въ нашей постоянной войнѣ не до того было, чтобы думать о нихъ. Дѣвочка была моя сторонница, мальчикъ же старшій, похожій на нее, ея любимецъ, часто былъ ненавистенъ мнѣ.

XVII.

— Ну-съ, такъ и жили. Отношенія становились все враждебнѣе и враждебнѣе, и наконецъ дошли до того, что ужъ не разногласіе производило враждебность, но враждебность производила разногласіе: что бы она ни сказала, я уже впередъ былъ несогласенъ, и точно такъ же и она.

На 4-й годъ съ обѣихъ сторонъ рѣшено было какъ-то само собой, что понять другъ друга, согласиться другъ съ другомъ мы не можемъ. Мы перестали уже пытаться договориться до конца. О самыхъ простыхъ вещахъ, въ особенности о дѣтяхъ, мы оставались неизмѣнно каждый при своемъ мнѣніи. Какъ я теперь вспоминаю, мнѣнія, которыя я отстаивалъ, были вовсе мнѣ не такъ дороги, чтобъ я не могъ поступиться ими; но она была противнаго мнѣнія, и уступить—значило уступить ей. А этого я не могъ. Она тоже. Она считала себя всегда, вѣроятно, совершенно правой передо мной, а ужъ я для себя былъ всегда святъ передъ нею въ своихъ глазахъ. Вдвоемъ мы были почти обречены на молчаніе или на такіе разговоры, которые, я увѣренъ, животныя могутъ вести между собой: «который часъ? пора спать. Какой нынче обѣдъ? куда ѣхать? что написано въ газетѣ? Послать за докторомъ. Горло болитъ у Маши». Стоило на волосокъ выступить изъ этого, до невозможности сузившагося кружка разговоровъ, чтобы вспыхнуло раздраженіе. Выходили стычки и выраженія ненависти за кофе, скатерть, пролетку, за ходъ въ винтѣ,—все дѣла, которыя ни для того, ни для другого не могли имѣть никакой важности. Во мнѣ, по крайней мѣрѣ, ненависть къ ней часто кипѣла страшная! Я смотрѣлъ иногда, какъ она наливала чай, махала ногой, подносила ложку ко рту, шлюпала, втягивала въ себя жидкость, и ненавидѣлъ ее именно за это, какъ за самый дурной поступокъ. Я не замѣчалъ тогда, что періоды злобы возникали во мнѣ совершенно правильно и равномѣрно, соотвѣтственно періодамъ того, что мы называли любовью: періодъ любви—періодъ злобы, энергическій періодъ любви—длинный періодъ злобы, болѣе слабое проявленіе любви — ко-

роткій періодъ злобы. Тогда мы не понимали, что эта любовь и злоба были то же самое животное чувство, только съ разныхъ концовъ. Жить такъ было бы ужасно, если бы мы понимали свое положеніе; но мы не понимали и не видали его. Въ этомъ и спасеніе и казнь человѣка, что, когда онъ живетъ неправильно, онъ можетъ себя затуманивать, чтобы не видать бѣдственности своего положенія. Такъ дѣлали и мы. Она старалась забыться напряженными, всегда поспѣшными занятіями: хозяйствомъ, обстановкой, нарядами своими и дѣтей, ученіемъ, здоровьемъ дѣтей. У меня же было свое—пьянство: пьянство службы, охоты, картъ. Мы оба постоянно были заняты. Мы оба чувствовали, что чѣмъ больше мы заняты, тѣмъ злѣе мы можемъ быть другъ къ другу. «Тебѣ хорошо гримасничать,—думалъ я на нее,—а ты вотъ меня промучила сценами всю ночь, а у меня завтра засѣданіе».—«Тебѣ хорошо,—не только думала, но и говорила она,—а я всю ночь не спала съ ребенкомъ». Эти новыя теоріи гипнотизма, душевныхъ болѣзней, истеричности—все это не простая, но вредная, гадкая глупость. Про жену мою Шарко непремѣнно сказалъ бы, что она была истерична, а про меня сказалъ бы, что я ненормаленъ, и, пожалуй, сталъ бы лѣчить. А лѣчить тутъ нечего было.

Такъ мы и жили въ постоянномъ туманѣ, не видя того положенія, въ которомъ мы находились. И если бы не случилось того, что случилось, и я такъ же бы прожилъ еще до старости, я такъ бы и думалъ, умирая, что я прожилъ хорошую жизнь, не особенно хорошую, но и не дурную, такую, какъ всѣ; я бы не понималъ той бездны несчастія и той гнусной лжи, въ которой я барахтался.

А мы были два ненавидящихъ другъ друга колодника, связанныхъ одною цѣпью, отравляющіе жизнь другъ друга и старающіеся не видать этого. Я еще не зналъ тогда, что 0,99 супружествъ живутъ въ такомъ же аду, какъ и я жилъ, и что это не можетъ быть иначе. Тогда я еще не зналъ этого ни про другихъ, ни про себя.

Удивительно, какія совпаденія и въ правильной и даже неправильной жизни! Какъ разъ когда родителямъ жизнь становится невыносимой другъ отъ друга, необходимы дѣлаются и городскія условія для воспитыванія дѣтей. И вотъ является потребность переѣзда въ городъ.

Онъ замолчалъ и раза два издалъ свои странные звуки, которые теперь уже совсѣмъ похожи были на сдержанныя рыданія. Мы подходили къ станціи.

— Который часъ? — спросилъ онъ.

Я взглянулъ; было два часа.

— Вы не устали? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, но *вы* устали?

— Меня душитъ. Позвольте, я пройдусь, выпью воды.

И онъ шатаясь пошелъ черезъ вагонъ. Я сидѣлъ одинъ, перебирая все, что онъ сказалъ мнѣ, и такъ задумался, что и не замѣтилъ, какъ онъ вернулся изъ другой двери.

XVIII.

— Да, я все увлекаюсь,—началъ онъ.—Много я передумалъ. На многое я смотрю по-иному и все это хочется сказать. Ну, и стали жить въ городѣ. Въ городѣ несчастнымъ людямъ жить лучше. Въ городѣ человѣкъ можетъ прожить сто лѣтъ и не хватится того, что онъ давно умеръ и сгнилъ. Разбираться съ самимъ собою некогда, все занято. Дѣла, общественныя отношенія, здоровье, искусства, здоровье дѣтей, ихъ воспитаніе. То надо принимать тѣхъ и этихъ, ѣхать къ тѣмъ и этимъ; то надо посмотрѣть эту, послушать этого или эту. Вѣдь въ городѣ во всякій данный моментъ есть одна, а то сразу и двѣ, три знаменитости, которыя нельзя никакъ пропустить. То надо лѣчить себя, того или этого, то учителя, репетиторы, гувернантки, а жизнь пустымъ-пустешенька. Ну, такъ мы и жили и меньше чувствовали боль отъ сожитія. Кромѣ того, первое время было чудесное занятіе—устройство въ новомъ городѣ, на новой квартирѣ, и еще занятіе—переѣзды изъ города въ деревню и изъ деревни въ городъ.

Прожили одну зиму, и въ другую зиму случилось еще слѣдующее, никому незамѣтное, кажущееся ничтожнымъ обстоятельство, но такое, которое и произвело все то, что произошло.

Она была нездорова, и доктора не велѣли ей рожать и научили средству. Мнѣ это было отвратительно. Я боролся противъ этого, но она съ легкомысленнымъ упорствомъ настояла на своемъ, и я покорился; послѣднее оправданіе свиной жизни—дѣти—было отнято, и жизнь стала еще гаже.

Мужику, работнику, дѣти нужны; хотя и трудно ему выкормить, но они ему нужны, и потому его супружескія отношенія имѣютъ оправданіе. Намъ же, людямъ, имѣющимъ дѣтей, еще дѣти не нужны, они—лишняя забота, расходъ, сонаслѣдники, они—тягость. И оправданій свиной жизни для насъ нѣтъ никакихъ. Или мы искусственно избавляемся отъ дѣтей, или смотримъ на дѣтей какъ на несчастіе, послѣдствіе неосторожности, что еще гаже.

Оправданій нѣтъ. Но мы такъ нравственно пали, что даже не видимъ надобности въ оправданіи.

Большинство теперешняго образованнаго міра предается этому разврату безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти.

Нечему угрызать, потому что совѣсти въ нашемъ быту нѣтъ никакой, кромѣ, если можно такъ назвать, совѣсти общественнаго мнѣнія и уголовнаго закона. А тутъ и та и другая не нарушаются: совѣститься передъ обществомъ нечего, всѣ это дѣлаютъ—и Марья Павловна и Иванъ Захарычъ. А то что жъ разводить нищихъ или лишать себя возможности общественной жизни. Совѣститься передъ уголовнымъ закономъ или бояться его тоже нечего. Это безобразныя дѣвки и солдатки бросаютъ дѣтей въ пруды и колодцы,—тѣхъ, понятно, надо сажать въ тюрьму, а у насъ все дѣлается своевременно и чисто.

Такъ прожили мы еще два года. Средство мерзавцевъ-докторовъ очевидно начинало дѣйствовать; она физически раздобрѣла и похорошѣла, какъ послѣдняя красота лѣта. Она чувствовала это и занималась собой. Въ ней сдѣлалась какая-то вызывающая красота, безпокоящая людей. Она была во всей силѣ 30-лѣтней нерожающей, раскормленной и раздраженной женщины. Видъ ея наводилъ безпокойство. Когда она проходила между мужчинами, она притягивала къ себѣ ихъ взгляды. Она была какъ застоявшаяся, раскормленная, запряженная лошадь, съ которой сняли узду. Узды не было никакой, какъ нѣтъ никакой у 0,99 нашихъ женщинъ. И я чувствовалъ, что и мнѣ было страшно.

XIX.

Онъ вдругъ приподнялся и пересѣлъ къ самому окну.

— Извините меня, — проговорилъ онъ и, устремивъ глаза въ окно, молча просидѣлъ такъ минуты три. Потомъ онъ тяжело вздохнулъ и опять сѣлъ противъ меня. Лицо его стало совсѣмъ другое, глаза жалкіе, и какая-то странная почти улыбка морщила его губы. — Я усталъ немножко, но я разскажу. Еще времени много, не разсвѣтало еще. Да-съ, — началъ онъ опять, закуривъ папироску. — Она пополнѣла съ тѣхъ поръ, какъ перестала рожать, и болѣзнь эта — страданіе вѣчное о дѣтяхъ — стала проходить... не то что проходить, но она какъ будто очнулась отъ пьянства, опомнилась и увидала, что есть цѣлый міръ Божій съ его радостями, про которыя она забыла, но въ которомъ она жить не умѣла, — міръ Божій, котораго она совсѣмъ не понимала. «Какъ бы не пропустить! Уйдетъ время,

не воротишь!» Такъ мнѣ представляется, что она думала или скорѣе чувствовала, да и нельзя ей было думать и чувствовать иначе: ее воспитали въ томъ, что есть въ мірѣ только одно достойное вниманія—любовь. Она вышла замужъ, получила коечто изъ этой любви, но не только далеко не то, что обѣщалось, что ожидалось, но и много разочарованій, страданій, и тутъ же неожиданную муку — столько дѣтей! Мука эта истомила ее. И вотъ, благодаря услужливымъ докторамъ, она узнала, что можно обойтись и безъ дѣтей. Она обрадовалась, испытала это и ожила опять для одного того, что она знала, — для любви. Но любовь съ огаженнымъ и ревностью и всякою злостью мужемъ была уже не то. Ей стала представляться какая-то другая, чистенькая, новенькая любовь; по крайней мѣрѣ я такъ думалъ про нее. И вотъ она стала оглядываться, какъ будто ожидая чего-то. Я видѣлъ это и не могъ не тревожиться. Сплошь да рядомъ стало случаться то, что она, какъ и всегда, разговаривая со мной черезъ посредство другихъ, т.-е. говоря съ посторонними, но обращая рѣчь ко мнѣ, выражала смѣло, совсѣмъ не думая о томъ, что она часъ тому назадъ говорила противоположное, выражала полусерьезно, что материнская забота — это обманъ, что не стоитъ того отдавать свою жизнь дѣтямъ, когда есть молодость и можно наслаждаться жизнью. Она занималась дѣтьми меньше, не съ такимъ отчаяніемъ, какъ прежде, но больше и больше занималась собой, своею наружностью, хотя она и скрывала это, и своими удовольствіями и даже усовершенствованіемъ себя. Она опять съ увлеченіемъ взялась за фортепіано, которое прежде было совершенно брошено. Съ этого все и началось.

Онъ опять повернулся къ окну устало смотрѣвшими глазами, но тотчасъ же опять, видимо сдѣлавъ надъ собой усиліе, продолжалъ:

— Да-съ, явился этотъ человѣкъ... — Онъ замялся и раза два произвелъ носомъ свои особенные звуки.

Я видѣлъ, что ему мучительно было называть этого человѣка, вспоминать, говорить о немъ. Но онъ сдѣлалъ усиліе и, какъ будто порвавъ то препятствіе, которое мѣшало ему, рѣшительно продолжалъ:

— Дрянной онъ былъ человѣчекъ, на мои глаза, на мою оцѣнку. И не потому, какое онъ значеніе получилъ въ моей жизни, а потому, что онъ дѣйствительно былъ такой. Впрочемъ, то, что онъ былъ плохъ, служило только доказательствомъ того, какъ невмѣняема была она. Не онъ, такъ другой, это должно было быть! — Онъ опять замолчалъ. — Да-съ,

это былъ музыкантъ, скрипачъ; не профессіональный музыкантъ, а полупрофессіональный, полуобщественный человѣкъ.

Отецъ его помѣщикъ, сосѣдъ моего отца. Онъ, отецъ, разорился, и дѣти — три было мальчика — всѣ устроились; одинъ только, меньшой, этотъ, отданъ былъ къ своей крестной матери въ Парижъ. Тамъ его отдали въ консерваторію, потому что былъ талантъ къ музыкѣ, и онъ вышелъ оттуда скрипачомъ и игралъ въ концертахъ. Человѣкъ онъ былъ... — очевидно желая сказать что-то дурное про него, онъ воздержался и быстро сказалъ: — Ну, ужъ тамъ я не знаю, какъ онъ жилъ, знаю только, что въ этотъ годъ онъ явился въ Россію и явился ко мнѣ.

Миндалевидные влажные глаза, красныя улыбающіяся губы, нафиксатуаренные усики, прическа послѣдняя, модная, лицо пошло-хорошенькое — то, что женщины называютъ недуренъ, сложенія слабаго, хотя и не уродливаго, съ особенно развитымъ задомъ, какъ у женщины, какъ у готтентотовъ, говорятъ. Они, говорятъ, тоже музыкальны. Лѣзущій въ фамильярность, насколько возможно, но чуткій и всегда готовый остановиться при малѣйшемъ отпорѣ, съ соблюденіемъ внѣшняго достоинства и съ тѣмъ особеннымъ парижскимъ оттѣнкомъ ботинокъ съ пуговками и яркихъ цвѣтовъ галстуковъ и другого, что усваиваютъ себѣ иностранцы въ Парижѣ и что по своей особенности новизны всегда дѣйствуетъ на женщинъ. Въ манерахъ дѣланная внѣшняя веселость. Манера, знаете, про все говорить намеками и отрывками, какъ будто вы все это знаете, помните и можете сами дополнить.

Вотъ онъ-то съ своей музыкой былъ причиной всего. Вѣдь на судѣ было представлено дѣло такъ, что все случилось изъ ревности. Ничуть не бывало, т.-е. не то, что ничуть не бывало, а то, да не то. На судѣ такъ и рѣшено было, что я обманутый мужъ и что я убилъ, защищая свою поруганную честь (такъ вѣдь это называютъ по-ихнему). И отъ этого меня оправдали. Я на судѣ старался выяснить смыслъ, но они понимали такъ, что я хочу реабилитировать честь жены.

Отношенія ея съ этимъ музыкантомъ, какія бы они ни были, для меня это не имѣетъ смысла, да и для нея тоже. Имѣетъ же смыслъ то, что̀ я вамъ разсказалъ, т.-е. мое свинство. Все произошло оттого, что между нами была та страшная пучина, о которой я вамъ говорилъ, то страшное напряженіе взаимной ненависти другъ къ другу, при которой перваго повода было достаточно для произведенія кризиса. Ссоры между нами становились послѣднее время чѣмъ-то страшнымъ и были осо-

бенно поразительны, смѣняясь тоже напряженной животной страстностью.

Если бы явился не онъ, то другой бы явился. Если бы не предлогъ ревности, то другой. Я настаиваю на томъ, что всѣ мужья, живущіе такъ, какъ я жилъ, должны или распутничать, или разойтись, или убить самихъ себя или своихъ женъ, какъ я сдѣлалъ. Если съ кѣмъ этого не случилось, то это особенно рѣдкое исключеніе. Я вѣдь прежде чѣмъ кончить, какъ я кончилъ, былъ нѣсколько разъ на краю самоубійства, и она тоже отравлялась.

XX.

— Да, это такъ было и незадолго передъ тѣмъ.

Живемъ мы какъ будто въ перемиріи и нѣтъ никакихъ причинъ нарушать его; вдругъ начинается разговоръ о томъ, что такая-то собака на выставкѣ получила медаль, говорю я. Она говоритъ: не медаль, а похвальный отзывъ. Начинается споръ. Начинается перепрыгиванье съ одного предмета на другой, попреки: «ну, да это давно извѣстно, всегда такъ», «ты сказалъ...», «нѣтъ, я не говорилъ», «стало быть, я лгу!..». Чувствуется, что вотъ-вотъ начнется та страшная ссора, при которой хочется себя или ее убить. Знаешь, что сейчасъ начнется, и боишься этого, какъ огня, и потому хотѣлъ бы удержаться, но злоба охватываетъ все твое существо. Она — въ томъ же, еще худшемъ положеніи, нарочно перетолковываетъ всякое твое слово, придавая ему ложное значеніе; каждое же ея слово пропитано ядомъ; гдѣ только она знаетъ, что мнѣ больнѣе всего, туда-то она и колетъ. Дальше — больше. Я кричу: молчи! или что-то въ этомъ родѣ.

Она выскакиваетъ изъ комнаты, бѣжитъ въ дѣтскую. Я стараюсь удержать ее, чтобы договорить и досказать, и схватываю ее за руку. Она прикидывается, что я сдѣлалъ ей больно, и кричитъ: «дѣти, вашъ отецъ бьетъ меня!» Я кричу: «не лги!» — «Вѣдь это ужъ не въ первый разъ!» кричитъ она, или что-нибудь подобное. Дѣти бросаются къ ней. Она успокаиваетъ ихъ. Я говорю: «не притворяйся!» Она говоритъ: «для тебя все притворство; ты убьешь человѣка и будешь говорить, что онъ притворяется. Теперь я поняла тебя. Ты этого-то и хочешь!» — «О, хоть бы ты издохла!» кричу я. Помню, какъ ужаснули меня эти страшныя слова. Я никакъ не ожидалъ, чтобъ я могъ сказать такія страшныя, грубыя слова, и удивляюсь тому, что они могли выскочить у меня. Я кричу эти страшныя слова и убѣгаю въ кабинетъ, сажусь и курю. Слышу, что она выходитъ въ пе-

реднюю и собирается уѣзжать. Я спрашиваю: куда? Она не отвѣчаетъ. «Ну и чортъ съ ней», говорю я себѣ, возвращаясь въ кабинетъ, опять ложусь и курю. Тысяча разныхъ плановъ о томъ, какъ отмстить ей и избавиться отъ нея, и какъ поправить все это и сдѣлать такъ, какъ будто бы ничего не было, приходитъ мнѣ въ голову. Я все это думаю и курю, курю, курю. Думаю убѣжать отъ нея, скрыться, уѣхать въ Америку. Дохожу до того, что мечтаю о томъ, какъ я избавлюсь отъ нея и какъ это будетъ прекрасно, какъ сойдусь съ другою, прекрасною женщиной, совсѣмъ новой. Избавлюсь тѣмъ, что она умретъ, или тѣмъ, что разведусь, и придумываю, какъ это сдѣлать. Вижу, что я путаюсь, что я не то думаю, что нужно, но для того, чтобы не видѣть, что я не то думаю, что нужно, для этого-то курю.

А жизнь дома идетъ. Приходитъ гувернантка, спрашиваетъ: «гдѣ madame? когда вернется?» Лакей спрашиваетъ: «подавать ли чай?» Прихожу въ столовую; дѣти, въ особенности старшія, Лиза, которая уже понимаетъ, вопросительно и недоброжелательно смотрятъ на меня. Пьемъ молча чай. Ея все нѣтъ. Проходитъ весь вечеръ — ея нѣтъ, и два чувства смѣняются въ душѣ: злоба къ ней за то, что она мучаетъ меня и дѣтей своимъ отсутствіемъ, которое кончится же тѣмъ, что она пріѣдетъ, и страхъ того, что она не пріѣдетъ и что-нибудь сдѣлаетъ надъ собой. Я бы поѣхалъ за ней. Но гдѣ искать ее? У сестры? Но это глупо пріѣхать спрашивать. Да и Богъ съ ней, если она хочетъ мучить, пускай сама мучается. А то вѣдь она этого и ждетъ. И въ слѣдующій разъ будетъ еще хуже. А что какъ она не у сестры, а что-нибудь дѣлаетъ или уже сдѣлала надъ собой!.. Одиннадцатый, двѣнадцатый часъ. Я не иду въ спальню—глупо одному тамъ лежать и ждать,—а тутъ же ложусь. Хочу чѣмъ-нибудь заняться, написать письмо, читать, но ничего не могу. Сижу одинъ въ кабинетѣ, мучаюсь, злюсь и прислушиваюсь. Три, четыре часа — ея все нѣтъ. Къ утру засыпаю. Просыпаюсь — ея нѣтъ.

Все въ домѣ идетъ по-старому, но всѣ въ недоумѣніи и всѣ вопросительно и укоризненно смотрятъ на меня, предполагая, что все это отъ меня. А во мнѣ все та же борьба злобы за то, что она меня мучаетъ, и безпокойства за нее.

Около 11-ти утра пріѣзжаетъ ея сестра отъ нея посломъ. И начинается обычное: «она въ ужасномъ положеніи. Ну что же это! Да вѣдь ничего не случилось». Я говорю про невозможность ея характера и говорю, что я ничего не сдѣлалъ.

— Да вѣдь не можетъ же это такъ оставаться? — говоритъ сестра.

— Все ея дѣло, а не мое, — говорю я. — Я перваго шага пе сдѣлаю. Разойтись, такъ разойтись.

Свояченица уѣзжаетъ ни съ чѣмъ. Я смѣло сказалъ, что не сдѣлаю перваго шага; но какъ она уѣхала и я вышелъ и увидѣлъ дѣтей жалкихъ, испуганныхъ, я уже готовъ сдѣлать первый шагъ. И радъ бы его сдѣлать, но не знаю какъ. Опять хожу, курю, выпиваю за завтракомъ водки и вина,—и достигаю того, чего безсознательно желаю: не вижу глупости, пошлости своего положенія.

Около 3-хъ пріѣзжаетъ она. Встрѣчая меня, она ничего не говоритъ. Я воображаю, что она смирилась, начинаю говорить о томъ, что я былъ вызванъ ея укоризнами. Она съ тѣмъ же строгимъ и страшно измученнымъ лицомъ говоритъ, что она пріѣхала не объясняться, а взять дѣтей, что жить вмѣстѣ мы не можемъ. Я начинаю говорить, что виноватъ не я, что она вывела меня изъ себя. Она строго, торжественно глядитъ на меня и потомъ говоритъ: «не говори больше, ты раскаешься». Я говорю, что терпѣть не могу комедіи. Тогда она выкрикиваетъ что-то, чего я не разбираю, и убѣгаетъ въ свою комнату. И за ней звенитъ ключъ: она заперлась. Я толкаюсь—нѣтъ отвѣта, и я съ злостью отхожу. Черезъ полчаса Лиза прибѣгаетъ въ слезахъ «Что? что-нибудь случилось?» — «Мамы не слышно». — Идемъ. Я дергаю изъ всѣхъ силъ дверь. Задвижка плохо задвинута, и обѣ половинки отворяются. Я подхожу къ кровати. Она въ юбкахъ и высокихъ ботинкахъ лежитъ неловко на кровати. На столѣ пустая стклянка съ опіумомъ. Приводимъ въ чувство. Слезы и наконецъ примиреніе. Не примиреніе: въ душѣ у каждаго та же старая злоба другъ противъ друга съ прибавкой еще раздраженія за ту боль, которая сдѣлана этою ссорой и которую каждый ставитъ на счетъ другого. Но надо же какъ-нибудь кончить все это, и жизнь идетъ по-старому. Такъ такія же ссоры и хуже бывали безпрестанно, то разъ въ недѣлю, то разъ въ мѣсяцъ, то каждый день. И все одно и то же. Одинъ разъ я уже взялъ заграничный паспортъ — ссора продолжалась два дня. Но потомъ опять полуобъясненіе, полупримиреніе — и я остался.

XXI.

— Такъ вотъ въ такихъ-то мы были отношеніяхъ, когда явился этотъ человѣкъ. Пріѣхалъ въ Москву этотъ человѣкъ — фамилія его Трухачевскій — и явился ко мнѣ. Это было утромъ. Я принялъ его. Были мы когда-то на «ты». Онъ попытался серединными фразами между «ты» и «вы» удержаться на «ты», но я прямо

далъ тонъ на «вы», и онъ тотчасъ же подчинился. Онъ мнѣ очень не понравился съ перваго взгляда. Но—странное дѣло!—какая-то странная, роковая сила влекла меня къ тому, чтобы не оттолкнуть его, не удалить, а, напротивъ, приблизить. Вѣдь что могло быть проще того, чтобы поговорить съ нимъ холодно, проститься, не знакомя съ женой. Но нѣтъ, я какъ нарочно заговорилъ объ его игрѣ, сказалъ, что мнѣ говорили, что онъ бросилъ скрипку. Онъ сказалъ, что, напротивъ, онъ играетъ теперь больше прежняго. Онъ сталъ вспоминать о томъ, что я игралъ прежде. Я сказалъ, что не играю больше, но что жена моя хорошо играетъ. Удивительное дѣло! Мои отношенія къ нему въ первый день, въ первый часъ моего свиданія съ нимъ были такія, какія они могли быть только послѣ всего, что случилось. Что-то было напряженное въ моихъ отношеніяхъ съ нимъ: я замѣчалъ всякое слово, выраженіе, сказанное имъ или мной, и приписывалъ имъ важность.

Я представилъ его женѣ. Тотчасъ же зашелъ разговоръ о музыкѣ, и онъ предложилъ свои услуги играть съ ней. Жена, какъ и всегда это послѣднее время, была очень элегантна и заманчива, безпокояще красива. Онъ, видимо, понравился ей съ перваго взгляда. Кромѣ того, она обрадовалась тому, что будетъ имѣть удовольствіе играть со скрипкой, что̀ она очень любила, такъ что нанимала для этого скрипача изъ театра; и на лицѣ ея выразилась эта радость. Но, увидавъ меня, она тотчасъ же поняла мое чувство и измѣнила свое выраженіе, и началась эта игра взаимнаго обманыванья. Я пріятно улыбался, дѣлая видъ, что мнѣ очень пріятно. Онъ, глядя на жену такъ, какъ смотрятъ всѣ безнравственные люди на красивыхъ женщинъ, дѣлалъ видъ, что его интересуетъ только предметъ разговора, именно то, что ужъ совсѣмъ не интересовало его; она старалась казаться равнодушной, но знакомое ей мое фальшиво-улыбающееся выраженіе ревнивца и его похотливый взглядъ очевидно возбуждали ее. Я видѣлъ, что съ перваго же свиданія у ней особенно заблестѣли глаза, и, вѣроятно, вслѣдствіе моей ревности между нимъ и ею тотчасъ же установился какъ бы электрическій токъ, вызывающій какъ бы одинаковость выраженія взглядовъ и улыбокъ. Она краснѣла — онъ краснѣлъ. Она улыбалась — онъ улыбался. Поговорили о музыкѣ, о Парижѣ, о всякихъ пустякахъ. Онъ всталъ, чтобъ уѣзжать, и улыбаясь, со шляпой на подрагивающей ляжкѣ стоялъ, глядя то на нее, то на меня, какъ бы ожидая, что̀ мы сдѣлаемъ. Помню я эту минуту именно потому, что въ эту минуту я могъ не позвать его, и тогда ничего бы не было. Но я взглянулъ на него, на нее.

«И не думай, чтобъ я ревновалъ тебя», мысленно сказалъ я ей, «или чтобъ боялся тебя», мысленно сказалъ я ему и пригласилъ его привозить какъ-нибудь вечеромъ скрипку, чтобы играть съ женой. Она съ удивленіемъ взглянула на меня, вспыхнула и, какъ будто испугавшись, стала отказываться, говорила, что она недостаточно хорошо играетъ. Этотъ отказъ ея еще болѣе раздражилъ меня, и я еще больше настаивалъ. Помню то странное чувство, съ которымъ я смотрѣлъ на его затылокъ, бѣлую шею, отдѣлявшуюся отъ черныхъ, расчесанныхъ на обѣ стороны волосъ, когда онъ своей подпрыгивающей, какой-то птичьей походкой выходилъ отъ насъ. Я не могъ не признаться себѣ, что присутствіе этого человѣка мучило меня. Отъ меня зависитъ, думалъ я, сдѣлать такъ, чтобы никогда не видать его. Но сдѣлать такъ — значитъ признаться, что я боюсь его. Нѣтъ, я не боюсь его. Это было бы слишкомъ унизительно, говорилъ я себѣ. И тутъ же, въ передней, зная, что жена слышитъ меня, я настоялъ на томъ, чтобъ онъ нынче же вечеромъ пріѣхалъ со скрипкой. Онъ обѣщалъ мнѣ и уѣхалъ.

Вечеромъ онъ пріѣхалъ со скрипкой, и они играли. Но игра долго не ладилась, — не было тѣхъ нотъ, которыя имъ были нужны, а которыя были, жена не могла играть безъ приготовленія. Я очень любилъ музыку и сочувствовалъ ихъ игрѣ, устраивая ему пюпитръ, переворачивая страницы. И кое-что они сыграли: какія-то пѣсни безъ словъ и сонатку Моцарта. Онъ игралъ превосходно: у него было въ высшей степени то, что называется тономъ. Кромѣ того, тонкій, благородный вкусъ, совсѣмъ не свойственный его характеру.

Онъ былъ, разумѣется, гораздо сильнѣе жены и помогалъ ей, а вмѣстѣ съ тѣмъ учтиво хвалилъ ея игру. Онъ держалъ себя очень хорошо. Жена казалась заинтересованной только одной музыкой и была очень проста и естественна. Я же хотя и притворялся заинтересованнымъ музыкой, весь вечеръ, не переставая, мучился ревностью.

Съ первой минуты, какъ онъ встрѣтился глазами съ женой, я видѣлъ, что звѣрь, сидящій въ нихъ обоихъ, помимо всѣхъ условій положенія и свѣта, спросилъ: «можно?» и отвѣтилъ: «о, да, очень». Я видѣлъ, что онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить въ моей женѣ, въ московской дамѣ, такую привлекательную женщину, и былъ очень радъ этому. Потому что сомнѣнія въ томъ, что она *согласна*, у него не было никакого. Весь вопросъ былъ въ томъ, чтобы только не помѣшалъ несносный мужъ. Если бы я самъ былъ чистъ, я бы не понималъ этого, но я, такъ же какъ и большинство, думалъ такъ про женщинъ, пока я не

былъ женатъ, и потому читалъ въ его душѣ какъ по писанному. Мучился я особенно тѣмъ, что я видѣлъ несомнѣнно, что ко мнѣ у ней не было другого чувства, кромѣ постояннаго раздраженія, только изрѣдка прерываемаго привычною чувственностью, а что этотъ человѣкъ и по своей внѣшней элегантности, и по новизнѣ, и главное — по несомнѣнному большому таланту къ музыкѣ, по сближенію, возникающему изъ совмѣстной игры, по вліянію, производимому на впечатлительныя натуры музыкой, особенно скрипкой, — то этотъ человѣкъ долженъ былъ не то, что нравиться, а несомнѣнно, безъ малѣйшаго колебанія, долженъ былъ побѣдить, смять, перекрутить ее, свить изъ нея веревку, сдѣлать изъ нея все, что захочетъ. Я этого не могъ не видѣть, и я страдалъ ужасно. Но, несмотря на то или, можетъ быть, вслѣдствіе этого, какая-то сила противъ моей воли заставляла меня быть особенно не только учтивымъ, но ласковымъ съ нимъ. Для жены или для него я это дѣлалъ, чтобы показать, что я не боюсь его, для себя ли, чтобы обмануть себя, — не знаю, только я не могъ съ первыхъ же сношеній съ нимъ быть простъ. Я долженъ былъ, для того чтобы не отдаться желанію сейчасъ же убить его, ласкать его. Я поилъ его за ужиномъ дорогими винами, восхищался его игрой, съ особенною ласковой улыбкой говорилъ съ нимъ и позвалъ его въ слѣдующее воскресенье обѣдать и еще играть съ женой. Я сказалъ, что позову кое-кого изъ моихъ знакомыхъ, любителей музыки, послушать его. Да, такъ и кончилось.

И Позднышевъ въ сильномъ волненіи перемѣнилъ положеніе и издалъ свой особенный звукъ.

— Странное дѣло, какъ дѣйствовало на меня присутствіе этого человѣка, — началъ онъ опять, очевидно дѣлая усиліе для того, чтобы былъ спокойнымъ. — Возвращаюсь я съ выставки домой на второй или на третій день послѣ этого, вхожу въ переднюю и вдругъ чувствую что-то тяжелое, какъ камень, наваливается мнѣ на сердце, и не могу дать себѣ отчета, что̀ это. Это что-то было то, что, проходя черезъ переднюю, я замѣтилъ что-то, напоминавшее его. Только въ кабинетѣ я далъ себѣ отчетъ въ томъ, что̀ это было, и вернулся въ переднюю, чтобы провѣрить себя. Да, я не ошибся, это была его шинель. Знаете, модная шинель. (Все, что его касалось, хотя я и не отдавалъ себѣ въ томъ отчета, я замѣчалъ съ необыкновенною внимательностью.) Спрашиваю: такъ и есть, онъ тутъ. Прохожу не черезъ гостиную, а черезъ классную, въ залу. Лиза, дочь, сидитъ за книжкой, и няня съ маленькой у стола вертитъ какой-то крышкой. Дверь въ залу затворена, а слышу оттуда

равномѣрное arpeggio и голосъ и его и ея. Прислушиваюсь, но не могу разобрать.

Очевидно, звуки на фортепіано нарочно для того, чтобы заглушить ихъ слова, поцѣлуи... можетъ быть. Боже мой, что тутъ поднялось во мнѣ! Что я представилъ себѣ! Какъ вспомню только про того звѣря, который жилъ во мнѣ тогда, — ужасъ беретъ! Сердце вдругъ сжалось, остановилось и потомъ заколотило, какъ молоткомъ. Главное чувство, какъ и всегда во всякой злости, было жалость къ себѣ. При дѣтяхъ! при нянѣ! думалъ я. Должно быть, я былъ страшенъ, потому что и Лиза смотрѣла на меня странными глазами. Что жъ мнѣ дѣлать? спросилъ я себя. Войти? Я не могу: я, Богъ знаетъ, что сдѣлаю. Но не могу и уйти. Няня глядитъ на меня такъ, какъ будто понимаетъ мое положеніе. Да нельзя не войти, сказалъ я себѣ и быстро отворилъ дверь. Онъ сидѣлъ за фортепіано и дѣлалъ эти arpeggio своими изогнутыми кверху, большими бѣлыми пальцами. Она стояла въ углу рояля надъ раскрытыми нотами. Она первая увидала или услыхала и взглянула на меня. Испугалась ли она и притворилась, что не испугалась, или точно не испугалась, но она не вздрогнула, не пошевелилась, а только покраснѣла, да и то послѣ.

— Какъ я рада, что ты пришелъ; мы не рѣшили, что̀ играть въ воскресенье, — сказала она такимъ тономъ, которымъ не говорила бы со мной, если бъ мы были одни. Это и то, что она сказала «мы» про себя и про него, возмутило меня. Я молча поздоровался съ нимъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку и тотчасъ же съ улыбкой, которая мнѣ прямо казалась насмѣшливой, началъ объяснять мнѣ, что онъ принесъ ноты для приготовленія къ воскресенью и что вотъ между ними несогласіе, что̀ играть: болѣе трудное и классическое, именно Бетховенскую сонату со скрипкой, или маленькія вещицы? Все было такъ естественно и просто, что нельзя было ни къ чему придраться, а вмѣстѣ съ тѣмъ я видѣлъ и былъ увѣренъ, что все это было неправда, что они сговаривались о томъ, какъ обмануть меня.

Одно изъ самыхъ мучительнѣйшихъ отношеній для ревнивцевъ (а ревнивцы — всѣ въ нашей общественной жизни) — это извѣстныя свѣтскія условія, при которыхъ допускается самая большая и опасная близость между мужчиной и женщиной. Надо сдѣлаться посмѣшищемъ людей, если препятствовать близости на балахъ, близости докторовъ со своей паціенткой, близости при занятіяхъ искусствомъ, живописью, а главное — музыкой. Люди занимаются вдвоемъ самымъ благороднымъ искус-

ствомъ — музыкой; для этого нужна извѣстная близость, и близость эта не имѣетъ ничего предосудительнаго, и только глупый, ревнивый мужъ можетъ видѣть тутъ что-либо нежелательное. А между тѣмъ всѣ знаютъ, что именно посредствомъ этихъ самыхъ занятій, въ особенности музыкой, и происходитъ большая доля прелюбодѣяній въ нашемъ обществѣ. Я очевидно смутилъ ихъ тѣмъ смущеніемъ, которое выразилось во мнѣ: я долго ничего не могъ сказать. Я былъ какъ перевернутая бутылка, изъ которой вода не идетъ оттого, что она слишкомъ полна. Я хотѣлъ изругать, выгнать его, но я чувствовалъ, что я долженъ былъ опять быть любезнымъ и ласковымъ съ нимъ. Я такъ и сдѣлалъ. Я сдѣлалъ видъ, что одобряю все, и опять по тому странному чувству, которое заставляло меня обращаться съ нимъ съ тѣмъ большей лаской, чѣмъ мучительнѣе мнѣ было его присутствіе. Я сказалъ ему, что полагаюсь на его вкусъ и ей совѣтую то же. Онъ побылъ настолько еще, насколько нужно было, чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе, когда я вдругъ съ испуганнымъ лицомъ вошелъ въ комнату и замолчалъ, и уѣхалъ, притворяясь, что теперь рѣшили, что̀ играть завтра. Я же былъ вполнѣ увѣренъ, что въ сравненіи съ тѣмъ, что занимало ихъ, вопросъ о томъ, что играть, былъ для нихъ совершенно безразличенъ.

Я съ особенною учтивостью проводилъ его до передней. (Какъ не провожать человѣка, который пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы нарушить спокойствіе и погубить счастіе цѣлой семьи!) Я жалъ съ особенною лаской его бѣлую, мягкую руку.

XXII.

Цѣлый день этотъ я не говорилъ съ ней,—не могъ. Близость ея вызывала во мнѣ такую ненависть къ ней, что я боялся себя. За обѣдомъ она при дѣтяхъ спросила меня о томъ, когда я ѣду. Мнѣ надо было на слѣдующей недѣлѣ ѣхать на съѣздъ въ уѣздъ. Я сказалъ, когда. Она спросила, не нужно ли мнѣ чего на дорогу. Я не сказалъ ничего и молча просидѣлъ за столомъ и молча же ушелъ въ кабинетъ. Послѣднее время она никогда не приходила ко мнѣ въ комнату, особенно въ это время. Лежу въ кабинетѣ и злюсь. Вдругъ знакомая походка. И въ голову мнѣ приходитъ страшная, безобразная мысль о томъ, что она, какъ жена Урія, хочетъ скрыть уже совершонный грѣхъ свой и что она затѣмъ въ такой неурочный часъ идетъ ко мнѣ. «Неужели она идетъ ко мнѣ?» думалъ я, слушая ея приближающіеся шаги. Если ко

мнѣ, то я правъ, значитъ. И въ душѣ поднимается невыразимая ненависть къ ней. Ближе, ближе шаги. Неужели не пройдетъ мимо, въ залу? Нѣтъ, дверь скрипнула, и въ дверяхъ ея высокая, красивая фигура, и въ лицѣ, въ глазахъ — робость и заискиваніе, которое она хочетъ скрыть, но которое я вижу и значеніе котораго я знаю. Я чуть не задохнулся: такъ долго я удерживалъ дыханіе, и, продолжая глядѣть на нее, схватился за папиросочницу и сталъ закуривать.

— Ну что это, къ тебѣ придешь посидѣть, а ты закуриваешь,—и она сѣла близко ко мнѣ на диванъ, прислоняясь ко мнѣ. Я отстранился, чтобы не касаться ея.

— Я вижу, что ты недоволенъ тѣмъ, что я хочу играть въ воскресенье? — сказала она.

— Я нисколько не недоволенъ, — сказалъ я.

— Развѣ я не вижу?

— Ну, поздравляю тебя, что ты видишь. Я же ничего не вижу, кромѣ того, что ты ведешь себя какъ кокотка... Только тебѣ всякая подлость пріятна, а мнѣ ужасна!

— Да, если ты хочешь браниться какъ извозчикъ, то я уйду.

— Уходи, только знай, что если тебѣ не дорога честь семьи, то мнѣ не ты дорога (чортъ съ тобой!), но честь семьи.

— Да что, что?

— Убирайся, ради Бога убирайся!

Притворялась ли она, что не понимаетъ, о чемъ, я говорилъ, или дѣйствительно не понимала, но только она обидѣлась и разсердилась. Она встала, но не ушла, а остановилась посрединѣ комнаты.

— Ты рѣшительно сталъ невозможенъ,—начала она.—Это такой характеръ, съ которымъ ангелъ не ужизется,—и, какъ всегда, стараясь уязвить меня какъ можно больнѣе, она напомнила мнѣ мой поступокъ съ сестрой (это былъ случай съ сестрой, когда я вышелъ изъ себя и наговорилъ сестрѣ своей грубостей). Она знала, что это мучитъ меня, и въ это мѣсто кольнула меня. — Послѣ этого меня уже ничто не удивитъ отъ тебя,—сказала она.

«Да, оскорбить, унизить, опозорить и поставить меня же въ виноватыхъ», сказалъ я себѣ, и вдругъ меня охватила такая страшная злоба къ ней, какой я никогда еще не испытывалъ.

Мнѣ въ первый разъ захотѣлось физически выразить эту злобу. Я вскочилъ и двинулся къ ней; но въ ту же минуту, какъ я вскочилъ, я помню, что я сознalъ свою злобу и спросилъ себя: «хорошо ли отдаться этому чувству?» и тотчасъ же отвѣтилъ себѣ, что это хорошо, что это напугаетъ ее, и

тотчасъ же, вмѣсто того чтобы противиться этой злобѣ, я еще сталъ разжигать ее въ себѣ и радоваться тому, что она больше и больше разгорается во мнѣ.

— Убирайся, или я тебя убью!—закричалъ я, подойдя къ ней и схвативъ ее за руку. Я сознательно усиливалъ интонацію злости своего голоса, говоря это. И, должно быть, я былъ страшенъ, потому что она такъ заробѣла, что даже не имѣла силы уйти, а только говорила: «Вася, что ты, что съ тобой?»

— Уходи!—заревѣлъ я еще громче.—Только ты можешь довести меня до бѣшенства. Я не отвѣчаю за себя!

Давъ ходъ своему бѣшенству, я упивался имъ, и мнѣ хотѣлось еще что-нибудь сдѣлать необыкновенное, показывающее высшую степень этого моего бѣшенства. Мнѣ страшно хотѣлось бить, убить ее, но я зналъ, что этого нельзя, и потому, чтобы все-таки дать ходъ своему бѣшенству, схватилъ со стола прессъ-папье и, еще разъ прокричавъ: «уходи!», швырнулъ его оземь мимо нея. Я очень хорошо цѣлилъ мимо. Тогда она пошла изъ комнаты, но остановилась въ дверяхъ. И тутъ же, пока еще она видѣла (я сдѣлалъ это для того, чтобы она видѣла), я сталъ брать со стола вещи, подсвѣчники, чернильницу и бросать ихъ оземь, продолжая кричать: «Уйди! убирайся! Я не отвѣчаю за себя!» Она ушла—и я тотчасъ же пересталъ.

Черезъ часъ пришла ко мнѣ няня и сказала, что у жены истерика. Я пришелъ; она рыдала, смѣялась, ничего не могла говорить и вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Она не притворялась, но была истинно больна.

Къ утру она успокоилась, и мы помирились подъ вліяніемъ того чувства, которое мы называли любовью.

Утромъ, когда послѣ примиренія я признался ей, что ревновалъ ее къ Трухачевскому, она нисколько не смутилась и самымъ естественнымъ образомъ засмѣялась: такъ странна даже ей казалась, какъ она говорила, возможность влеченія къ такому человѣку.

— Развѣ къ такому человѣку возможно въ порядочной женщинѣ что-нибудь, кромѣ удовольствія, доставляемаго музыкой? Да если хочешь, я готова никогда не видать его... даже въ воскресенье, хотя и позваны всѣ; напиши ему, что я нездорова, и кончено. Одно противно, что кто-нибудь можетъ подумать, а главное—онъ самъ, что онъ опасенъ. А я слишкомъ горда, чтобы позволить думать это.

И она вѣдь не лгала, она вѣрила въ то, что говорила; она надѣялась словами этими вызвать въ себѣ презрѣніе къ нему и защитить имъ себя отъ него, но ей не удалось это. Все было

направлено противъ нея, въ особенности эта проклятая музыка. Такъ все и кончилось, и въ воскресенье собрались гости, и они опять играли.

XXIII.

— Я думаю, что излишне говорить, что я былъ очень тщеславенъ: если не быть тщеславнымъ въ обычной нашей жизни, то вѣдь нечѣмъ жить. Ну, и въ воскресенье я со вкусомъ занялся устройствомъ обѣда и вечера съ музыкой. Я самъ накупилъ вещей для обѣда и позвалъ гостей.

Къ 6-ти часамъ собрались гости, и явился онъ во фракѣ съ брилліантовыми запонками дурного тона. Онъ держалъ себя развязно, на все отвѣчалъ поспѣшно, съ улыбочкой согласія и пониманія; знаете, съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, что все, что вы сдѣлаете или скажете, есть то самое, чего онъ ожидалъ. Все, что было въ немъ непорядочнаго, все это я замѣчалъ теперь съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что это все должно было успокаивать меня и показывать, что онъ стоялъ для моей жены на такой низкой ступени, до которой, какъ она говорила, она не могла унизиться. Я теперь не позволялъ себѣ ревновать. Во-первыхъ, я перемучился уже этой мукой, и мнѣ надо было отдохнуть; во-вторыхъ, я хотѣлъ вѣрить увѣреніямъ жены, и вѣрилъ имъ. Но, несмотря на то, что я не ревновалъ, я все-таки былъ ненатураленъ съ нимъ и съ нею, и во время обѣда и первую половину вечера, пока не началась музыка, я все еще слѣдилъ за движеніями и взглядами ихъ обоихъ.

Обѣдъ былъ какъ обѣдъ, скучный, притворный. Довольно рано началась музыка. Охъ, какъ я помню всѣ подробности этого вечера; помню какъ онъ принесъ скрипку, отперъ ящикъ, снялъ вышитую ему дамой покрышку, досталъ и сталъ строить. Помню, какъ жена сѣла съ притворно-равнодушнымъ видомъ, подъ которымъ я видѣлъ, что она скрывала большую робость — робость преимущественно передъ своимъ умѣніемъ,— съ притворнымъ видомъ сѣла за рояль, и начались обычныя la на фортепіано, пиччикато скрипки, установка нотъ. Помню потомъ, какъ они взглянули другъ на друга, оглянулись на усаживавшихся, и потомъ сказали что-то другъ другу, и началось. Онъ взялъ первые аккорды У него сдѣлалось серьезное, строгое, симпатичное лицо, и, прислушиваясь къ своимъ звукамъ, онъ осторожными пальцами дернулъ по струнамъ. Рояль отвѣтила ему. И началось...

Позднышевъ остановился и нѣсколько разъ сряду произвелъ свои звуки. Хотѣлъ начать говорить, но засопѣлъ носомъ и опять остановился.

— Они играли Крейцерову сонату Бетховена,—продолжалъ онъ. — Знаете ли вы первое престо? Знаете?! — вскрикнулъ онъ. — У! ууу!.. Страшная вещь эта соната. И именно эта часть. И вообще страшная вещь музыка! Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? что она дѣлаетъ? и зачѣмъ она дѣлаетъ то, что она дѣлаетъ? Говорятъ, музыка дѣйствуетъ возвышающимъ душу образомъ. Вздоръ, неправда! Она дѣйствуетъ, страшно дѣйствуетъ, — я говорю про себя, — но вовсе не возвышающимъ душу образомъ. Она дѣйствуетъ не возвышающимъ, не принижающимъ душу образомъ, а раздражающимъ душу образомъ. Какъ вамъ сказать? Музыка заставляетъ меня забывать себя, мое истинное положеніе; она переноситъ меня въ какое-то другое, не свое положеніе; мнѣ подъ вліяніемъ музыки кажется, что я чувствую то, чего я собственно не чувствую, что я понимаю то, чего я не понимаю, что я могу то, чего не могу. Я объясняю это тѣмъ, что музыка дѣйствуетъ какъ зѣвота, какъ смѣхъ: мнѣ спать не хочется, но я зѣваю, глядя на зѣвающихъ; смѣяться не о чемъ, но я смѣюсь, слыша смѣющихся.

Она, музыка, сразу, непосредственно переноситъ меня въ то душевное состояніе, въ которомъ находился тотъ, кто писалъ музыку. Я сливаюсь съ нимъ душой и вмѣстѣ съ нимъ переношусь изъ одного состоянія въ другое; но зачѣмъ я это дѣлаю, я не знаю. Вѣдь тотъ, кто писалъ хоть бы Крейцерову сонату—Бетховенъ,—вѣдь онъ зналъ, почему онъ находился въ такомъ состояніи; это состояніе привело его къ извѣстнымъ поступкамъ, и потому для него это состояніе имѣло смыслъ, для меня же никакого. И потому музыка только раздражаетъ, не кончаетъ. Ну, маршъ воинственный сыграютъ, солдаты пройдутъ подъ маршъ, и музыка дошла; сыграли плясовую, я проплясалъ, и музыка дошла; ну, пропѣли мессу, я причастился, тоже музыка дошла; а то только раздраженіе, а того, что̀ надо дѣлать въ этомъ раздраженіи, нѣтъ. И оттого музыка такъ страшно, такъ ужасно иногда дѣйствуетъ. Въ Китаѣ музыка— государственное дѣло. И это такъ и должно быть. Развѣ можно допустить, чтобы всякій, кто хочетъ, гипнотизировалъ одинъ другого или многихъ и потомъ бы дѣлалъ съ ними, что хочетъ? И, главное, чтобы этимъ гипнотизаторомъ былъ первый попавшійся безнравственный человѣкъ!

А то страшное средство въ руки кого попало! Напримѣръ, хоть бы эту Крейцерову сонату, первое престо,—развѣ можно

играть въ гостиной среди декольтированныхъ дамъ? Это престо сыграть и потомъ похлопать, а потомъ ѣсть мороженое и говорить о послѣдней сплетнѣ? Эти вещи можно играть только при извѣстныхъ, важныхъ, значительныхъ обстоятельствахъ и тогда, когда требуется совершить извѣстные, соотвѣтствующіе этой музыки, поступки. Сыграть и сдѣлать то, на что настроила эта музыка. А то несоотвѣтственное ни мѣсту, ни времени вызываніе энергіи, чувства, ничѣмъ не проявляющагося, не можетъ не дѣйствовать губительно. На меня, по крайней мѣрѣ, вещь эта подѣйствовала ужасно: мнѣ какъ будто открылись совсѣмъ новыя, казалось мнѣ, чувства, новыя возможности, о которыхъ я не зналъ до сихъ поръ. «Да вотъ какъ: совсѣмъ не такъ, какъ я прежде думалъ и жилъ, а вотъ какъ», какъ будто говорилось мнѣ въ душѣ. Что̀ такое было то новое, что̀ я узналъ, я не могъ себѣ дать отчета, но сознаніе этого новаго состоянія было очень радостно. Всѣ тѣ же лица, въ томъ числѣ и жена и онъ, представлялись въ другомъ свѣтѣ.

Послѣ этого престо они доиграли прекрасное, но обыкновенное, не новое andante съ пошлыми варіаціями и совсѣмъ слабый финалъ. Потомъ еще играли по просьбѣ гостей то элегію Эрнста, то еще разныя вещицы. Все это было хорошо, но все это не произвело на меня и 0,01 того впечатлѣнія, которое произвело первое. Все это происходило уже на фонѣ того впечатлѣнія, которое произвело первое.

Мнѣ было легко, весело весь вечеръ. Жену же я никогда не видалъ такою, какою она была въ этотъ вечеръ. Эти блестящіе глаза, эта строгость, значительность выраженія, пока она играла, и эта совершенная растаянность какая-то, слабая, жалкая и блаженная улыбка послѣ того, какъ они кончили. Я все это видѣлъ, но не приписывалъ этому никакого другого значенія, кромѣ того, что она испытывала то же, что и я, что и ей, какъ и мнѣ, открывались, какъ будто вспоминались, новыя неиспытанныя чувства. Вечеръ кончился благополучно, и всѣ разъѣхались.

Зная, что я долженъ былъ черезъ два дня ѣхать на съѣздъ, Трухачевскій, прощаясь, сказалъ, что онъ надѣется въ свой другой пріѣздъ повторить еще удовольствіе нынѣшняго вечера. Изъ этого я могъ заключить, что онъ не считалъ возможнымъ бывать у меня безъ меня, и это было мнѣ пріятно.

Оказывалось, что такъ какъ я не вернусь до его отъѣзда, то мы съ нимъ больше не увидимся.

Я въ первый разъ съ истиннымъ удовольствіемъ пожалъ ему руку и благодарилъ его за удовольствіе. Онъ также совсѣмъ

простился съ женой. И ихъ прощаніе показалось мнѣ самымъ натуральнымъ и приличнымъ. Все было прекрасно. Мы оба съ женою были очень довольны вечеромъ.

XXIV.

— Черезъ два дня я уѣхалъ въ уѣздъ въ самомъ хорошемъ, спокойномъ настроеніи, простившись съ женой.

Въ уѣздѣ всегда бывала пропасть дѣла и совсѣмъ особенная жизнь, особенный мірокъ. Два дня я по 10-ти часовъ проводилъ въ присутствіи. На другой день мнѣ въ присутствіи принесли письмо отъ жены. Я тутъ же прочелъ его.

Она писала о дѣтяхъ, о дядѣ, о нянюшкѣ, о покупкахъ и между прочимъ, какъ о вещи самой обыкновенной, о томъ, что Трухачевскій заходилъ, принесъ обѣщанныя ноты и обѣщалъ играть еще, но что она отказалась.

Я же не помнилъ, чтобы онъ обѣщалъ принести ноты; мнѣ казалось, что онъ тогда простился совсѣмъ, и потому это непріятно поразило меня. Но дѣла было столько, что некогда было подумать, и я только вечеромъ, вернувшись на квартиру, перечелъ письмо.

Кромѣ того, что Трухачевскій былъ безъ меня еще разъ, весь тонъ письма показался мнѣ натянутымъ. Бѣшеный звѣрь ревности зарычалъ въ своей конурѣ и хотѣлъ выскочить, но я боялся этого звѣря и заперъ его скорѣй. «Какое мерзкое чувство эта ревность!—сказалъ я себѣ.—Что можетъ быть естественнѣе того, что̀ она пишетъ?»

И я легъ въ постель и сталъ думать о дѣлахъ, предстоящихъ на завтра. Мнѣ всегда долго не спалось во время этихъ съѣздовъ, на новомъ мѣстѣ, но тутъ я заснулъ очень скоро. И какъ это бываетъ, знаете, вдругъ толчокъ электрическій—и просыпаешься. Такъ я проснулся и проснулся съ мыслью о ней, о моей плотской любви къ ней и о Трухачевскомъ, и о томъ, что между нею и имъ все кончено. Ужасъ и злоба стиснули мнѣ сердце. Но я сталъ образумливать себя. «Что за вздоръ,—говорилъ я себѣ,—нѣтъ никакихъ основаній, ничего нѣтъ и не было. И какъ я могу такъ унижать ее и себя, предполагая такіе ужасы. Что-то въ родѣ наемнаго скрипача, извѣстнаго за дурного человѣка, и вдругъ женщина почтенная, уважаемая мать семейства, *моя* жена. Что за нелѣпость!» представлялось мнѣ съ одной стороны. «Какъ же этому не быть?» представлялось мнѣ съ другой. Какъ же могло не быть то самое простое и понятное, во имя чего я женился на ней, то самое,

во имя чего я съ нею жилъ, чего одного въ ней нужно было и мнѣ и чего поэтому нужно было и другимъ, этому музыканту? Онъ человѣкъ неженатый, здоровый (помню, какъ онъ хрустѣлъ хрящомъ въ котлеткѣ и обхватывалъ жадно красными губами стаканъ съ виномъ), сытый, гладкій, и не только безъ правилъ, но очевидно съ правилами о томъ, чтобы пользоваться тѣми удовольствіями, которыя представляются. И между ними связь музыки, самой утонченной похоти чувствъ. Что можетъ удержать его? Ничего. Все, напротивъ, привлекаетъ его. Она? Да кто она? Она тайна какъ была, такъ и есть. Я не знаю ея. Знаю ее только какъ животное. А животное ничто не можетъ, не должно удержать.

Только теперь я вспомнилъ ихъ лица въ тотъ вечеръ, когда они послѣ Крейцеровой сонаты сыграли какую-то страстную вещицу, не помню чью, какую-то до похабности чувственную пьесу. «Какъ я могъ уѣхать? — говорилъ я себѣ, вспоминая ихъ лица. — Развѣ не ясно было, что между ними все совершилось въ этотъ вечеръ? и развѣ не видно было, что уже въ этотъ вечеръ между ними не только не было никакой преграды, но что они оба, главное она, испытывали нѣкоторый стыдъ послѣ того, что случилось съ ними? Помню, какъ она слабо, жалобно и блаженно улыбалась, утирая потъ съ раскраснѣвшагося лица, когда я подошелъ къ фортепіано. Они уже тогда избѣгали смотрѣть другъ на друга, и только за ужиномъ, когда онъ наливалъ ей воды, они взглянули другъ на друга и чуть улыбнулись». Я съ ужасомъ вспомнилъ теперь этотъ перехваченный мною ихъ взглядъ съ чуть замѣтной улыбкой. «Да, все кончено», говорилъ мнѣ одинъ голосъ, и тотчасъ же другой голосъ говорилъ совсѣмъ другое: «это что-то нашло на тебя, этого не можетъ быть», говорилъ этотъ другой голосъ. Мнѣ жутко стало лежать въ темнотѣ, я зажегъ спичку, и мнѣ какъ-то страшно стало въ этой маленькой комнаткѣ съ желтыми обоями. Я закурилъ папиросу и, какъ всегда бываетъ, когда вертишься въ одномъ и томъ же кругу не разрѣшающихся противорѣчій,—курилъ; и я курилъ одну папиросу за другой, для того чтобы затуманить себя и не видать противорѣчій.

Я не заснулъ всю ночь, и въ пять часовъ, рѣшивъ, что не могу оставаться болѣе въ этомъ напряженіи и сейчасъ же поѣду, я всталъ, разбудилъ сторожа, который мнѣ прислуживалъ, и послалъ его за лошадьми. Въ засѣданіе я послалъ записку о томъ, что я по экстренному дѣлу вызванъ въ Москву; потому прошу, чтобы меня замѣнилъ членъ. Въ восемь часовъ я сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ.

XXV.

Вошелъ кондукторъ и, замѣтивъ, что свѣча наша догорѣла, потушилъ ее, не вставляя новую. На дворѣ начинало свѣтать. Позднышевъ молчалъ, тяжело вздыхая все время, пока въ вагонѣ былъ кондукторъ. Онъ продолжалъ свой разсказъ только, когда вышелъ кондукторъ и въ полутемномъ вагонѣ послышался только трескъ стеколъ двигающагося вагона и равномѣрный храпъ приказчика. Въ полусвѣтѣ зари мнѣ совсѣмъ уже не видно было Позднышева. Слышенъ былъ только его все болѣе и болѣе взволнованный, страдающій голосъ.

— Ѣхать надо было 35 верстъ на лошадяхъ и восемь часовъ по чугункѣ. На лошадяхъ ѣхать было прекрасно. Была морозная осенняя пора съ яркимъ солнцемъ. Знаете, эта пора, когда шины выпечатываются на засаленной дорогѣ. Дороги гладкія, свѣтъ яркій и воздухъ бодрящій. Въ тарантасѣ ѣхать было хорошо. Когда разсвѣло и я поѣхалъ, мнѣ стало легче. Глядя на лошадей, на поля, на встрѣчныхъ, я забывалъ, куда ѣду. Иногда мнѣ казалось, что я просто ѣду и что ничего того, что вызвало меня, ничего этого не было. И мнѣ особенно радостно бывало такъ забываться. Когда же я вспоминалъ, куда я ѣду, я говорилъ себѣ: «тогда видно будетъ, не думай». На срединѣ дороги, сверхъ того, случилось событіе, задержавшее меня въ дорогѣ и еще больше развлекшее меня: тарантасъ сломался и надо было чинить его. Поломка эта имѣла большое значеніе тѣмъ, что она сдѣлала то, что я пріѣхалъ въ Москву не въ пять часовъ, какъ я разсчитывалъ, а въ 12-мъ часу, а домой — въ первомъ часу, такъ какъ я не попалъ на курьерскій, а долженъ былъ уже ѣхать на пассажирскомъ. Поѣздка за телѣгой, починка, расплата, чай на постояломъ дворѣ, разговоры съ дворникомъ, — все это еще больше развлекло меня. Сумерками все было готово, и я опять поѣхалъ, и ночью еще лучше было ѣхать, чѣмъ днемъ. Былъ молодой мѣсяцъ, маленькій морозъ, и еще прекрасная дорога, лошади, веселый ямщикъ, и я ѣхалъ и наслаждался, почти совсѣмъ не думая о томъ, чтò меня ожидаетъ, или именно потому особенно наслаждался, что зналъ, чтò меня ожидаетъ, и прощался съ радостями жизни. Но это спокойное состояніе мое, возможность подавлять свое чувство, кончилось съ поѣздкой на лошадяхъ. Какъ только я вошелъ въ вагонъ, началось совсѣмъ другое. Этотъ 8-мичасовой переѣздъ въ вагонѣ былъ для меня что-то ужасное, чего я не забуду во всю жизнь. Оттого ли, что, сѣвъ въ вагонъ, я живо

представилъ себя уже пріѣхавшимъ, или оттого, что желѣзная дорога такъ возбуждающе дѣйствуетъ на людей, но только съ тѣхъ поръ, какъ я сѣлъ въ вагонъ, я уже не могъ владѣть своимъ воображеніемъ, и оно, не переставая, съ необычайною яркостью начало рисовать мнѣ разжигающія мою ревность картины, одну за другой и одну циничнѣе другой и все о томъ же—о томъ, что̀ происходило тамъ безъ меня, какъ она измѣняла мнѣ. Я сгоралъ отъ негодованія, злости и какого-то особеннаго чувства упоенія своимъ униженіемъ, созерцая эти картины, и не могъ оторваться отъ нихъ; не могъ не смотрѣть на нихъ, не могъ стереть ихъ, не могъ не вызывать ихъ. Мало того, чѣмъ болѣе я созерцалъ эти воображаемыя картины, тѣмъ болѣе я вѣрилъ въ ихъ дѣйствительность. Яркость, съ которой представлялись мнѣ эти картины, какъ будто служила доказательствомъ тому, что то, что я воображалъ, было дѣйствительностью. Какой-то дьяволъ, точно противъ моей воли, придумывалъ и подсказывалъ мнѣ самыя ужасныя соображенія. Давнишній разговоръ съ братомъ Трухачевскаго вспомнился мнѣ, и я съ какимъ-то восторгомъ раздиралъ себѣ сердце этимъ разговоромъ, относя его къ Трухачевскому и моей женѣ.

Это было очень давно, но я вспомнилъ это. Братъ Трухачевскаго, я помню, разъ, на вопросъ о томъ, посѣщаетъ ли онъ публичные дома, сказалъ, что порядочный человѣкъ не станетъ ходить туда, гдѣ можно заболѣть, да и грязно и гадко, когда всегда можно найти порядочную женщину. И вотъ онъ, его братъ, нашелъ мою жену. Правда, она уже не первой молодости, зуба одного нѣтъ сбоку, и есть пухлость нѣкоторая, думалъ я за него, но что же дѣлать, надо пользоваться тѣмъ, что есть. Да, онъ дѣлаетъ снисхожденіе ей, что беретъ ее своей любовницей, говорилъ я себѣ. Притомъ она безопасна для его драгоцѣннаго здоровья... Нѣтъ, это невозможно! ужасаясь говорилъ я себѣ. Ничего нѣтъ подобнаго, ничего. И нѣтъ даже никакихъ основаній предполагать что-нибудь подобное. Развѣ она не говорила мнѣ, что ей унизительна даже мысль о томъ, что я могу ревновать къ нему? Да, но она лжетъ, все лжетъ! вскрикивалъ я, и начиналось опять... Пассажировъ въ нашемъ вагонѣ было только двое: старушка съ мужемъ, оба очень неразговорчивые, и тѣ вышли на одной станціи, и я остался одинъ. Я былъ какъ звѣрь въ клѣткѣ; то я вскакивалъ, подходилъ къ окнамъ, то шатаясь начиналъ ходить, стараясь подогнать вагонъ; но вагонъ со всѣми лавками и стеклами все точно такъ же подрагивалъ, вотъ какъ нашъ...

И Позднышевъ вскочилъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять сѣлъ.

— Охъ, боюсь я, боюсь я вагоновъ желѣзной дороги, ужасъ находитъ на меня. Да, ужасно! — продолжалъ онъ. — Я говорилъ себѣ: буду думать о другомъ. Ну, положимъ, о хозяинѣ постоялаго двора, у котораго я пилъ чай. Ну вотъ, въ глазахъ воображенія возникаетъ дворникъ съ длинной бородой и его внукъ — мальчикъ однихъ лѣтъ съ моимъ Васей. Мой Вася? Онъ увидитъ, какъ музыкантъ цѣлуетъ его мать. Что сдѣлается въ его бѣдной душѣ? Да ей что! Она любитъ... И опять поднималось то же. Нѣтъ, нѣтъ... Ну, буду думать объ осмотрѣ больницы. Да, какъ вчера больной жаловался на доктора. А докторъ съ усами, какъ у Трухачевскаго. И какъ онъ нагло... они оба обманывали меня, когда говорилъ, что онъ уѣзжаетъ. И опять начиналось. Все, о чемъ я думалъ, имѣло связь съ нимъ. Я страдалъ ужасно. Страданіе главное было въ невѣдѣніи, въ сомнѣніяхъ, въ раздвоеніи, въ незнаніи того, что — любить или ненавидѣть надо ее. Страданія были такъ сильны, что, я помню, мнѣ пришла мысль, очень понравившаяся мнѣ, выйти на путь, лечь на рельсы подъ вагонъ и кончить. Тогда, по крайней мѣрѣ, не будешь больше сомнѣваться. Одно, что мѣшало это сдѣлать, была жалость къ себѣ, тотчасъ же непосредственно за собой вызывавшая ненависть къ ней. Къ нему же было какое-то странное чувство ненависти, сознаніе своего униженія, его побѣды, но къ ней страшная ненависть. «Нельзя покончить съ собой и оставить ее; надо, чтобъ она пострадала хоть сколько-нибудь, хоть поняла бы, что я страдалъ», говорилъ я себѣ. Я выходилъ на всѣхъ станціяхъ, чтобы развлекаться. На одной станціи я въ буфетѣ увидалъ, что пьютъ, и тотчасъ же самъ выпилъ водки. Рядомъ со мной стоялъ еврей и тоже пилъ. Онъ разговорился, и я, чтобы только не оставаться одному въ своемъ вагонѣ, пошелъ съ нимъ въ его грязный, накуренный и забрызганный шелухой отъ сѣмечекъ вагонъ 3-го класса. Тамъ я сѣлъ съ нимъ рядомъ, и онъ много что-то болталъ и разсказывалъ анекдоты. Я слушалъ его, но не могъ понимать того, что онъ говоритъ, потому что продолжалъ думать о своемъ. Онъ замѣтилъ это и сталъ требовать къ себѣ вниманія; тогда я всталъ и ушелъ опять въ свой вагонъ. «Надо обдумать, — говорилъ я себѣ,—правда ли то, что я думаю, и есть ли основаніе мнѣ мучиться». Я сѣлъ, желая спокойно обдумать, но тотчасъ же вмѣсто спокойнаго обдумыванья началось опять то же: вмѣсто разсужденій — картины и представленія. «Сколько разъ я такъ мучился», говорилъ я себѣ (я вспоминалъ прежніе подобные при-

падки ревности), «и потомъ все кончалось ничѣмъ. Такъ и теперь, можетъ быть, даже навѣрное, я найду ее спокойно спящею; она проснется, обрадуется мнѣ, и по словамъ, по взгляду я почувствую, что ничего не было и что все это вздоръ. О, какъ хорошо бы это было!» — «Но нѣтъ, это слишкомъ часто было, и теперь этого уже не будетъ», говорилъ мнѣ какой-то голосъ, и опять начиналось. Да, вотъ гдѣ была казнь! Не въ сифилитическую больницу я сводилъ бы молодого человѣка, чтобы отбить у него охоту отъ женщинъ, но въ душу къ себѣ — посмотрѣть на тѣхъ дьяволовъ, которые раздирали ее! Вѣдь ужасно было то, что я признавалъ за собою несомнѣнное, полное право надъ ея тѣломъ, какъ будто это было мое тѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что владѣть я этимъ тѣломъ не могу, что оно не мое и что она можетъ распоряжаться имъ, какъ хочетъ, а хочетъ распорядиться имъ не такъ, какъ я хочу. И я ничего не могу сдѣлать ни ей, ни ему. Онъ, какъ Ванька-ключникъ передъ висѣлицей, споетъ пѣсенку о томъ, какъ въ сахарныя уста было поцѣловано и проч. И верхъ его. А съ ней еще меньше я могу что-нибудь сдѣлать. Если она не сдѣлала, но хочетъ, а я знаю, что хочетъ, то еще хуже: ужъ лучше бы сдѣлала, чтобы я зналъ, чтобы не было неизвѣстности. Я не могъ бы сказать, чего я желалъ. Я желалъ, чтобъ она не хотѣла того, что она должна была хотѣть. Это было полное сумасшествіе!

XXVI.

— На предпослѣдней станціи, когда кондукторъ пришелъ обирать билеты, я, собравъ свои вещи, вышелъ на тормозъ, и сознаніе того, что близко, вотъ оно, рѣшеніе, еще усилило мое волненіе. Мнѣ стало холодно, и я сталъ дрожать челюстями такъ, что стучалъ зубами. Я машинально съ толпой вышелъ изъ вокзала, взялъ извозчика, сѣлъ и поѣхалъ. Я ѣхалъ, оглядывая рѣдкихъ прохожихъ и дворниковъ и тѣни, бросаемыя фонарями и моей пролеткой то спереди, то сзади, ни о чемъ не думая. Отъѣхавъ съ полверсты, мнѣ стало холодно ногамъ, и я подумалъ о томъ, что снялъ въ вагонѣ шерстяные чулки и положилъ ихъ въ сумку. Гдѣ сумка? тутъ ли? Тутъ. А гдѣ корзина? Я вспомнилъ, что я забылъ совсѣмъ о багажѣ, но, вспомнивъ и доставъ расписку, рѣшилъ, что не стоитъ возвращаться за этимъ, и поѣхалъ дальше.

Сколько я ни стараюсь вспомнить теперь, я никакъ не могу вспомнить моего тогдашняго состоянія: что̀ я думалъ, чего хотѣлъ,—ничего не знаю. Помню только, что у меня было созна-

ніе того, что готовится что-то страшное и очень важное въ моей жизни. Оттого ли произошло то важное, что я такъ думалъ, или оттого, что предчувствовалъ, — не знаю. Можетъ быть и то, что послѣ того, что̀ случилось, всѣ предшествующія минуты въ моемъ воспоминаніи получили мрачный оттѣнокъ. Я подъѣхалъ къ крыльцу. Былъ 1-й часъ. Нѣсколько извозчиковъ стояло у крыльца, ожидая сѣдоковъ по освѣщеннымъ окнамъ (освѣщенныя окна были въ нашей квартирѣ, въ залѣ и гостиной). Не отдавая себѣ отчета о томъ, почему есть еще свѣтъ такъ поздно въ нашихъ окнахъ, я въ томъ же состояніи ожиданія чего-то страшнаго взошелъ на лѣстницу и позвонилъ. Лакей; добрый, старательный и очень глупый — Егоръ — отворилъ. Первое, что бросилось въ глаза,—въ передней была на вѣшалкѣ рядомъ съ другимъ платьемъ шинель. Я бы долженъ былъ удивиться, но не удивился, потому что ждалъ этого. «Такъ и есть», сказалъ я себѣ, когда я спросилъ Егора, кто здѣсь, и онъ назвалъ мнѣ Трухачевскаго. Я спросилъ: есть ли еще кто-нибудь? Онъ сказалъ: никого-съ. Помню, какъ онъ отвѣтилъ мнѣ это съ такой интонаціей, какъ будто порадовать меня и разсѣять сомнѣнія, что есть еще кто-нибудь. «Такъ, такъ», какъ будто говорилъ я себѣ. «А дѣти?» — Слава Богу здоровы. Давно спятъ-съ.

Я не могъ продохнуть и не могъ остановить трясущихся челюстей. «Да, стало быть, не такъ, какъ я думалъ: то прежде я думалъ — несчастіе, а оказалось все хорошо, по-старому. Теперь же вотъ не по-старому, а вотъ оно все то, что я представлялъ себѣ и думалъ, что только представлялъ, а вотъ оно все въ дѣйствительности. Вотъ оно все...»

Я чуть было не зарыдалъ, но тотчасъ же дьяволъ подсказалъ: «ты плачь, сентиментальничай, а они спокойно разойдутся, уликъ не будетъ, а ты вѣкъ будешь сомнѣваться и мучиться». И тотчасъ чувствительность надъ собой исчезла, и явилось странное чувство — вы не повѣрите — чувство радости, что кончится теперь мое мученіе, что теперь я могу наказать ее, могу избавиться отъ нея, что я могу дать волю моей злобѣ. И я далъ волю моей злобѣ — я сдѣлался звѣремъ, злымъ и хитрымъ звѣремъ. «Не надо, не надо, — сказалъ я Егору, хотѣвшему идти въ гостиную, — а ты вотъ что: ты поди скорѣе возьми извозчика и поѣзжай... вотъ квитанція, получи вещи. Ступай!» Онъ пошелъ по коридору за своимъ пальто. Боясь, что онъ спугнетъ ихъ, я проводилъ его до его каморки и подождалъ, пока онъ одѣлся. Въ гостиной, за другой комнатой, слышенъ былъ говоръ и звукъ ножей и тарелокъ. Они ѣли и не

слыхали звонка. «Только бы не вышли теперь», думалъ я. Егоръ надѣлъ свое пальто съ астраханскимъ барашкомъ и вышелъ. Я выпустилъ его и заперъ за нимъ дверь, и мнѣ стало жутко, когда почувствовалъ, что остался одинъ и что мнѣ надо сейчасъ дѣйствовать. Какъ — я еще не зналъ. Я зналъ только, что теперь все кончено, что сомнѣній въ ея невинности не можетъ быть и что я сейчасъ накажу ее и кончу мои отношенія съ нею.

Прежде еще были у меня колебанія, и я говорилъ себѣ: «а можетъ быть, это неправда, можетъ быть, я ошибаюсь»; теперь этого уже не было. Все было рѣшено безповоротно. Тайно отъ меня, одна съ нимъ ночью! Это уже совершенное забвеніе всего! Или еще хуже: нарочно такая смѣлость, дерзость въ преступленіи, чтобы дерзость эта служила признакомъ невинности. Все ясно. Сомнѣній нѣтъ. Я боялся только одного, какъ бы они не разбѣжались, не придумали еще новаго обмана и не лишили меня тѣмъ очевидности улики и возможности доказать. И съ тѣмъ, чтобы скорѣе застать ихъ, я на цыпочкахъ пошелъ въ залу, гдѣ они сидѣли, не черезъ гостиную, а черезъ коридоръ и дѣтскую.

Въ первой дѣтской мальчики спали. Во второй дѣтской няня зашевелилась, хотѣла проснуться, и я представилъ себѣ то, что̀ она подумаетъ, узнавъ все, и такая жалость къ себѣ охватила меня при этой мысли, что я не могъ удержаться отъ слезъ и, чтобы не разбудить дѣтей, выбѣжалъ на цыпочкахъ въ коридоръ и къ себѣ въ кабинетъ, повалился на диванъ и зарыдалъ.

Я — честный человѣкъ, я — сынъ своихъ родителей, я — всю жизнь мечтавшій о счастіи семейной жизни, я — мужчина, никогда не измѣнявшій ей... И вотъ! пять человѣкъ дѣтей, и она обнимаетъ музыканта, оттого что у него красныя губы!

— Нѣтъ, это не человѣкъ! Это сука, это мерзкая сука! Рядомъ съ комнатой дѣтей, въ любви къ которымъ она притворялась всю свою жизнь. И писать мнѣ то, что̀ она писала! И такъ нагло броситься на шею! Да что я знаю? Можетъ быть, все время это такъ было. Можетъ быть, она давно съ лакеями прижила всѣхъ дѣтей, которыя считаются моими.

И завтра я бы пріѣхалъ, и она въ своей прическѣ, со своей таліей и лѣнивыми граціозными движеніями (я увидалъ все ея привлекательное ненавистное лицо) встрѣтила бы меня — и звѣрь этотъ ревности навѣки сидѣлъ бы у меня въ сердцѣ и раздиралъ бы его. Няня что подумаетъ... Егоръ... И бѣдная Лизочка! Она уже понимала что-то. И эта наглость, и эта ложь, и эта животная чувственность, которую я такъ знаю! говорилъ я себѣ.

Я хотѣлъ встать, но не могъ. Сердце такъ билось, что я не могъ устоять на ногахъ. Да, я умру отъ удара. Она убьетъ меня. Ей это и надо. Что жъ ей убить? Да нѣтъ, это бы ей было слишкомъ выгодно, и этого удовольствія я не доставлю ей. Да, я сижу, а они тамъ ѣдятъ и смѣются, и... Да, несмотря на то, что она была ужъ не первой свѣжести, онъ не побрезгалъ ею, все-таки она была недурна, главное же было по крайней мѣрѣ безопасно для его драгоцѣннаго здоровья. И зачѣмъ я не задушилъ ея тогда, сказалъ я себѣ, вспомнивъ ту минуту, когда я недѣлю тому назадъ вытолкалъ ее изъ кабинета и потомъ колотилъ вещи. Мнѣ живо вспомнилось то состояніе, въ которомъ я былъ тогда; не только вспомнилось, но я ощутилъ ту же потребность бить, разрушать, которую я ощущалъ тогда. Помню, какъ мнѣ захотѣлось дѣйствовать, и всякія соображенія, кромѣ тѣхъ, которыя нужны были для дѣйствія, выскочили у меня изъ головы. Я вступилъ въ то состояніе звѣря или человѣка подъ вліяніемъ физическаго возбужденія во время опасности, когда человѣкъ дѣйствуетъ точно, неторопливо, но и не теряя ни минуты, и все только съ одною опредѣленною цѣлью.

— Первое, что̀ я сдѣлалъ, я снялъ сапоги и, оставшись въ носкахъ, подошелъ къ стѣнѣ надъ диваномъ, гдѣ у меня висѣли ружья и кинжалы, и взялъ кривой дамасскій кинжалъ, ни разу не употреблявшійся и очень острый. Я вынулъ его изъ ноженъ. Ножны, я помню, завалились за диванъ, и помню, что я сказалъ себѣ: надо послѣ найти ихъ, а то пропадутъ. Потомъ я снялъ пальто, которое все время было на мнѣ, и, мягко ступая, въ однихъ носкахъ, пошелъ туда.

XXVII.

И, подкравшись тихо, я вдругъ отворилъ дверь.

Помню выраженіе ихъ лицъ. Я помню это выраженіе потому, что выраженіе это доставило мнѣ мучительную радость. Это было выраженіе ужаса. Этого-то мнѣ и надо было. Я никогда не забуду выраженія отчаяннаго ужаса, которое выступило въ первую секунду на лицахъ ихъ обоихъ, когда они увидали меня. Онъ сидѣлъ, кажется, за столомъ, но, увидавъ или услыхавъ меня, вскочилъ на ноги и остановился спиной къ шкафу. На его лицѣ было одно очень несомнѣнное выраженіе ужаса. На ея лицѣ было тоже выраженіе ужаса, но съ нимъ вмѣстѣ было и другое. Если бы оно было одно, можетъ быть, и не случилось бы того, что̀ случилось; но въ выраженіи ея лица было, — по крайней мѣрѣ такъ показалось мнѣ въ первое мгновеніе, — было еще

огорченіе, недовольство тѣмъ, что нарушили ея увлеченіе любовью и ея счастіе съ нимъ. Ей какъ будто ничего не нужно было, кромѣ того, чтобъ ей не мѣшали быть счастливой теперь. То и другое выраженіе только мгновеніе держалось на ихъ лицахъ. Выраженіе ужаса на его лицѣ тотчасъ же смѣнилось выраженіемъ вопроса: можно лгать или нѣтъ? Если можно, то надо начинать; если нѣтъ, то начнется еще что-то другое. Но что? Онъ вопросительно взглянулъ на нее. На ея лицѣ выраженіе досады и огорченія смѣнилось, какъ мнѣ показалось, когда она взглянула на него, — заботой о немъ.

На мгновеніе я остановился въ дверяхъ, держа кинжалъ за спиной.

Въ это-то мгновенье онъ улыбнулся и до смѣшнаго равнодушнымъ тономъ началъ: — А мы вотъ музицировали...

— Вотъ не ожидала! — въ то же время начала она, покоряясь его тону. Но ни тотъ, ни другой не договорили: то же самое бѣшенство, которое я испыталъ недѣлю тому назадъ, овладѣло мной. Опять я испыталъ эту потребность разрушенія, насилія и восторга бѣшенства и отдался ему.

Оба не договорили. Началось то другое, чего онъ боялся, что̀ разрывало сразу все, что̀ они говорили. Я бросился къ ней, все еще скрывая кинжалъ, чтобъ онъ не помѣшалъ мнѣ ударить ее въ бокъ подъ грудью. Я выбралъ это мѣсто съ самаго начала. Въ ту минуту, какъ я бросился къ ней, онъ увидалъ и, чего я никакъ не ждалъ отъ него, онъ схватилъ меня за руку и крикнулъ: «Опомнитесь, что вы!.. Люди!..»

Я вырвалъ руку и молча бросился къ нему. Его глаза встрѣтились съ моими, онъ вдругъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, до губъ, глаза сверкнули какъ-то особенно, и, чего я тоже никакъ не ожидалъ, онъ шмыгнулъ подъ фортепіано, въ дверь. Я бросился было за нимъ, но на лѣвой рукѣ моей повисла тяжесть. Это была она. Я рванулся. Она еще сильнѣе повисла и не выпускала меня. Неожиданная эта помѣха, тяжесть и ея отвратительное мнѣ прикосновеніе еще больше разожгли меня. Я чувствовалъ, что я вполнѣ бѣшеный и долженъ быть страшенъ, и радовался этому. Я размахнулся изо всѣхъ силъ лѣвой рукой и локтемъ попалъ ей въ самое лицо. Она вскрикнула и выпустила мою руку. Я хотѣлъ бѣжать за нимъ, но вспомнилъ, что было бы смѣшно бѣжать въноскахъ за любовникомъ своей жены, а я не хотѣлъ быть смѣшонъ, а хотѣлъ быть страшенъ. Несмотря на страшное бѣшенство, въ которомъ я находился, я помнилъ все время, какое впечатлѣніе я произвожу на другихъ, и даже это

впечатлѣніе отчасти руководило мною. Я повернулся къ ней. Она упала на кушетку и, схватившись рукой за расшибленные мною глаза, смотрѣла на меня. Въ лицѣ ея былъ страхъ и ненависть ко мнѣ, къ врагу, какъ у крысы, когда поднимаютъ мышеловку, въ которую она попалась. Я по крайней мѣрѣ ничего не видалъ въ ней, кромѣ этого страха и ненависти ко мнѣ. Это былъ тотъ самый страхъ и ненависть ко мнѣ, которые должна была вызвать любовь къ другому. Но еще, можетъ быть, я удержался бы и не сдѣлалъ бы того, что̀ я сдѣлалъ, если бы она молчала. Но она вдругъ начала говорить и хватать меня рукой за руку съ кинжаломъ.

— Опомнись! Что ты? что съ тобой? Ничего нѣтъ, ничего, ничего... Клянусь!

Я бы и еще помедлилъ, но эти послѣднія слова ея, по которымъ я заключилъ обратное, т.-е. что все было, вызывали отвѣтъ. И отвѣтъ долженъ былъ быть соотвѣтственъ тому настроенію, въ которое я привелъ себя, которое все шло crescendo и должно было продолжать такъ же возвышаться. У бѣшенства есть тоже свои законы.

— Не лги, мерзавка! — завопилъ я и лѣвой рукой схватилъ ее за руку, но она вырвалась. Тогда я, все-таки не выпуская кинжала, схватилъ ее лѣвой рукой за горло, опрокинулъ навзничь и сталъ душить. Какая жесткая шея была... Она схватилась обѣими руками за мои руки, отдирая ихъ отъ горла, и я, какъ будто этого-то и ждалъ, изо всѣхъ силъ ударилъ ее кинжаломъ въ лѣвый бокъ, ниже реберъ.

Когда люди говорятъ, что они въ припадкѣ бѣшенства не помнятъ того, что̀ они дѣлаютъ, — это вздоръ, неправда. Я все помнилъ и ни на секунду не переставалъ помнить. Чѣмъ сильнѣе я разводилъ самъ въ себѣ пары своего бѣшенства, тѣмъ ярче разгорался во мнѣ свѣтъ сознанія, при которомъ я не могъ не видѣть всего того, что̀ я дѣлалъ. Всякую секунду я зналъ, что̀ я дѣлаю. Не могу сказать, чтобы я зналъ впередъ, что̀ я буду дѣлать; но въ ту секунду, какъ я дѣлалъ, даже, кажется, нѣсколько впередъ, я зналъ, что̀ я дѣлаю, какъ будто для того, чтобы возможно было раскаяться, чтобъ я могъ себѣ сказать, что я могъ остановиться. Я зналъ, что я ударяю ниже реберъ и что кинжалъ войдетъ. Въ ту минуту, какъ я дѣлалъ это, я зналъ, что дѣлаю нѣчто ужасное, такое, какого я никогда не дѣлалъ и которое будетъ имѣть ужасныя послѣдствія. Но сознаніе это мелькнуло какъ молнія, и за сознаніемъ тотчасъ же слѣдовалъ поступокъ. Поступокъ сознавался съ необычайною яркостью. Я слышалъ и помню мгновенное противодѣйствіе корсета и еще

чего-то и потомъ погруженіе ножа въ мягкое. Она схватилась руками за кинжалъ, обрѣзала ихъ, но не удержала.

Я долго потомъ, въ тюрьмѣ, послѣ того какъ нравственный переворотъ совершился во мнѣ, думалъ объ этой минутѣ, вспоминалъ, чтò могъ, и соображалъ. Помню на мгновеніе, только на мгновеніе, предварявшее поступокъ, страшное сознаніе того, что я убиваю и убилъ женщину, беззащитную женщину, мою жену! Ужасъ этого сознанія я помню и потому заключаю и даже вспоминаю смутно, что, воткнувъ кинжалъ, я тотчасъ же вытащилъ его, желая поправить сдѣланное и остановить. Я секунду стоялъ неподвижно, ожидая, чтò будетъ, можно ли поправить.

Она вскочила на ноги, вскрикнула: «няня! онъ убилъ меня!»

Услышавшая шумъ няня стояла въ дверяхъ. Я все стоялъ, ожидая и не вѣря. Но тутъ изъ-подъ ея корсета хлынула кровь. Тутъ только я понялъ, что поправить нельзя, и тотчасъ же рѣшилъ, что и не нужно, что я этого самаго и хочу и это самое и долженъ былъ сдѣлать. Я подождалъ, пока она упала и няня съ крикомъ: «батюшки!» подбѣжала къ ней, и тогда только бросилъ кинжалъ прочь и пошелъ изъ комнаты.

«Не надо волноваться, надо знать, чтò я дѣлаю», сказалъ я себѣ, не глядя на нее и няню. Няня кричала, звала дѣвушку. Я прошелъ коридоромъ и, пославъ дѣвушку, пошелъ въ свою комнату. Что теперь надо дѣлать? спросилъ я себя и тотчасъ же понялъ чтò. Войдя въ кабинетъ, я прямо подошелъ къ стѣнѣ, снялъ съ нея револьверъ, осмотрѣлъ его — онъ былъ заряженъ — и положилъ на столъ. Потомъ досталъ ножны изъ-за дивана и сѣлъ на диванъ.

Долго я сидѣлъ такъ. Я ничего не думалъ, ничего не вспоминалъ. Я слышалъ, что тамъ что-то возились. Слышалъ, какъ пріѣхалъ кто-то, потомъ еще кто-то. Потомъ слышалъ и видѣлъ, какъ Егоръ внесъ мою привезенную корзину въ кабинетъ. Точно кому-нибудь это нужно!

— Слышалъ ты, что случилось? — сказалъ я. — Скажи дворнику, чтобы дали знать въ полицію. — Онъ ничего не сказалъ и ушелъ. Я всталъ, заперъ дверь, досталъ папироски и спички и сталъ курить. Я не докурилъ папироски, какъ меня схватилъ и повалилъ сонъ. Я спалъ, вѣрно, часа два. Помню, я видѣлъ во снѣ, что мы дружны съ ней, поссорились, но миримся, и что немножко что-то мѣшаетъ, но мы друзья. Меня разбудилъ стукъ въ дверь. «Это полиція, — подумалъ я, просыпаясь. — Вѣдь я убилъ, кажется. А можетъ быть, это *она*, и ничего не было». Въ дверь еще постучались. Я ничего не отвѣтилъ и рѣшалъ вопросъ: «было это или не было? Да было». Я вспомнилъ сопро-

тивленіе корсета и погруженіе ножа, и морозъ пробѣжалъ по спинѣ. «Да, было. Да, было! Да, теперь надо и себя», сказалъ я себѣ. Но я говорилъ это и зналъ, что я не убью себя. Однако я всталъ и взялъ опять въ руки револьверъ. Но, странное дѣло: помню, какъ прежде много разъ я былъ близокъ къ самоубійству, какъ въ тотъ день даже на желѣзной дорогѣ мнѣ это легко казалось, легко именно потому, что я думалъ, какъ я этимъ поражу ее. Теперь я никакъ не могъ не только убить себя, но и подумать объ этомъ. «Зачѣмъ я это сдѣлаю?» спросилъ я себя, и отвѣта не было. Въ дверь постучались еще. «Да, прежде надо узнать, кто это стучится. Успѣю ещ ». Я положилъ револьверъ и покрылъ его газетой. Я подошелъ къ двери и отодвинулъ задвижку. Это была сестра жены, добрая, глупая вдова.

— Вася! что это? — сказала она, и всегда готовыя у нея слезы полились.

— Что надо? — грубо спросилъ я. Я видѣлъ, что совсѣмъ не надо было и не зачѣмъ было быть съ ней грубымъ, но я не могъ придумать никакого другого тона.

— Вася, онъ умираетъ! Иванъ Захарычъ сказалъ. — Иванъ Захарычъ это былъ докторъ, ея докторъ, совѣтчикъ.

— Развѣ онъ здѣсь? — спросилъ я, и вся злоба на нее поднялась опять. — Ну такъ что жъ?

— Вася, поди къ ней. Ахъ, какъ это ужасно! — сказала она. «Пойти къ ней?» задалъ я себѣ вопросъ. И тотчасъ же отвѣтилъ, что надо пойти къ ней. Что, вѣроятно, всегда такъ дѣлается, что когда мужъ, какъ я, убилъ жену, то непремѣнно надо идти къ ней. «Если такъ дѣлается, то надо идти», сказалъ я себѣ. «Да если нужно будетъ, всегда успѣю», подумалъ я о своемъ намѣреніи застрѣлиться и пошелъ за нею. «Теперь будутъ фразы, гримасы, но я не поддамся имъ», сказалъ я себѣ.

— Постой, — сказалъ я сестрѣ, — глупо безъ сапогъ, дай, я надѣну хоть туфли.

XXVIII.

И удивительное дѣло! Опять, когда я вышелъ изъ комнаты и пошелъ по привычнымъ комнатамъ, опять во мнѣ явилась надежда, что ничего не было, но запахъ этой докторской гадости — іодоформа, карболки — поразилъ меня. Нѣтъ, все было. Проходя по коридору мимо дѣтской, я увидалъ Лизаньку. Она смотрѣла на меня испуганными глазами. Мнѣ показалось даже, что тутъ были всѣ пятеро дѣтей и всѣ смотрѣли на меня. Я подошелъ къ двери, и горничная изнутри отворила мнѣ и вышла.

Первое, что бросилось мнѣ, было ея свѣтло-сѣрое платье на стулѣ, все почернѣвшее отъ крови. На нашей двуспальной постели, на моей даже постели (къ ней былъ легче подходъ) лежала она съ поднятыми колѣнями. Она лежала очень отлого на однѣхъ подушкахъ въ разстегнутой кофтѣ. На мѣсто раны было что-то положено. Въ комнатѣ былъ тяжелый запахъ іодоформа. Прежде и болѣе всего поразило меня ея распухшее и синѣющее по отекамъ лицо, часть носа и подъ глазами. Это было послѣдствіе удара моего локтемъ, когда она хотѣла удержать меня. Красоты не было никакой, а что-то гадкое показалось мнѣ въ ней. Я остановился у порога. — Подойди, подойди къ ней, — говорила мнѣ сестра. «Да, вѣрно, она хочетъ покаяться», подумалъ я. «Простить? Да, она умираетъ и можно простить ее», думалъ я, стараясь быть великодушнымъ. Я подошелъ вплоть. Она съ трудомъ подняла на меня глаза, изъ которыхъ одинъ былъ подбитый, и съ трудомъ, съ запинками проговорила:

— Добился своего, убилъ... — И въ лицѣ ея сквозь физическія страданія и даже близость смерти выразилась та же старая, знакомая мнѣ, холодная животная ненависть.—Дѣтей... я все-таки тебѣ... не отдамъ... Она (ея сестра) возьметъ...

О томъ же, что было главнымъ для меня, — о своей винѣ, измѣнѣ, она какъ бы считала нестоящимъ упоминать.

— Да... полюбуйся на то, что ты сдѣлалъ, — сказала она, глядя въ дверь, и всхлипнула. Въ двери стояла сестра съ дѣтьми. — Да, вотъ что ты сдѣлалъ.

Я взглянулъ на дѣтей, на ея съ подтеками разбитое лицо, и въ первый разъ забылъ себя, свои права, свою гордость, въ первый разъ увидалъ въ ней человѣка. И такъ ничтожно мнѣ показалось все то, что оскорбляло меня, вся моя ревность, и такъ значительно то, что я сдѣлалъ, что я хотѣлъ припасть лицомъ къ ея рукѣ и сказать: прости! — но не смѣлъ.

Она молчала, закрывъ глаза, очевидно не въ силахъ говорить дальше. Потомъ изуродованное лицо ея задрожало и сморщилось. Она слабо оттолкнула меня.

— Зачѣмъ все это было? зачѣмъ?

— Прости меня, — сказалъ я.

— Прости? Все это вздоръ!.. Только бы не умереть!.. — вскрикнула она, приподнялась, и лихорадочно-блестящіе глаза ея устремились на меня. — Да, ты добился своего!.. Ненавижу!.. Ай! Ахъ! — очевидно уже въ бреду, пугаясь чего-то, закричала она. — Только всѣхъ, всѣхъ и его!.. Ушелъ!.. ушелъ!.. Ну, убивай, убивай, я не боюсь!..

Бредъ продолжался уже все время. Она не узнавала никого. Въ тотъ же день къ полудню она умерла. Меня прежде этого, въ 8 часовъ, отвели въ часть и оттуда въ тюрьму. И тамъ, просидѣвъ 11 мѣсяцевъ, дожидаясь суда, я обдумалъ себя и свое прошедшее и понялъ его. Началъ понимать я на третій день: на третій день меня водили туда...

Онъ что-то хотѣлъ сказать и, не въ силахъ будучи удержать рыданія, остановился. Собравшись съ силами, онъ продолжалъ:

— Я началъ понимать только тогда, когда увидалъ ее въ гробу...

Онъ всхлипнулъ, но тотчасъ же торопливо продолжалъ:

— Только тогда, когда я увидалъ ея мертвое лицо, я понялъ все, что̀ я сдѣлалъ. Я понялъ, что я, я убилъ ее, что отъ меня сдѣлалось то, что она была живая, движущаяся, теплая, а теперь стала неподвижная, восковая, холодная, и что поправить этого никогда, нигдѣ, ничѣмъ нельзя. Тотъ, кто не пережилъ этого, тотъ не можетъ понять... У! у! у!.. — вскрикнулъ онъ нѣсколько разъ и затихъ...

Мы долго сидѣли молча. Онъ всхлипывалъ и трясся молча передо мной. Лицо его сдѣлалось тонкое, длинное и ротъ во всю ширину его.

— Да, — сказалъ онъ вдругъ. — Если бъ я зналъ, что̀ я знаю теперь, такъ бы совсѣмъ другое было. Я бы не женился на ней ни за что... и никакъ не женился бы.

Опять мы долго молчали.

— Ну, простите... — Онъ отвернулся отъ меня и прилегъ на лавкѣ, закрывшись пледомъ. На той станціи, гдѣ мнѣ надо было выходить, — это было въ 8 часовъ утра, — я подошелъ къ нему, чтобы проститься. Спалъ ли онъ, или притворялся, но онъ не шевелился. Я тронулъ его рукой. Онъ открылся, и видно было, что онъ не спалъ.

— Прощайте, — сказалъ я, подавая ему руку. Онъ подалъ мнѣ руку и чуть улыбнулся, но такъ жалобно, что мнѣ захотѣлось плакать.

— Да, простите, — повторилъ онъ то же слово, которымъ заключилъ и весь разсказъ.

1889 г,

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Я получилъ и получаю много писемъ отъ незнакомыхъ мнѣ лицъ, просящихъ меня объяснить въ простыхъ и ясныхъ словахъ то, что̀ я думаю о предметѣ написаннаго мною разсказа подъ заглавіемъ «Крейцерова соната». Попытаюсь это сдѣлать, т.-е. въ короткихъ словахъ выразить, насколько это возможно, сущность того, что̀ я хотѣлъ сказать въ этомъ разсказѣ, и тѣхъ выводовъ, которые, по моему мнѣнію, можно сдѣлать изъ него.

Хотѣлъ я сказать, *во-первыхъ*, то, что въ нашемъ обществѣ сложилось твердое, общее всѣмъ сословіямъ и поддерживаемое ложной наукой, убѣжденіе о томъ, что половое общеніе есть дѣло, необходимое для здоровья, и что такъ какъ женитьба есть дѣло не всегда возможное, то и половое общеніе внѣ брака, не обязывающее мужчину ни къ чему, кромѣ денежной платы, есть дѣло совершенно естественное и потому долженствующее быть поощряемымъ. Убѣжденіе это до такой степени стало общимъ и твердымъ, что родители, по совѣту врачей, устраиваютъ развратъ для своихъ дѣтей; правительства, единственный смыслъ которыхъ состоитъ въ заботѣ о нравственномъ благосостояніи своихъ гражданъ, учреждаютъ развратъ, т.-е. регулируютъ цѣлое сословіе женщинъ, долженствующихъ погибать тѣлесно и душевно для удовлетворенія мнимыхъ потребностей мужчинъ, а холостые люди съ совершенно спокойною совѣстью предаются разврату

И вотъ я хотѣлъ сказать, что это нехорошо, потому что не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно было губить тѣла и души другихъ людей, такъ же какъ не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно было пить кровь другихъ.

Выводъ же, который, мнѣ кажется, естественно сдѣлать изъ этого, тотъ, что поддаваться этому заблужденію и обману не нужно. А для того, чтобы не поддаваться, надо, во-первыхъ, не вѣрить безнравственнымъ ученіямъ, какими бы они ни поддерживались мнимыми науками, а во-вторыхъ, понимать, что вступленіе въ такое половое общеніе, при которомъ люди или освобождаютъ себя отъ возможныхъ послѣдствій его—дѣтей, или сваливаютъ всю тяжесть этихъ послѣдствій на женщину, или предупреждаютъ возможность рожденія дѣтей, — то такое половое общеніе есть преступленіе самаго простого требованія

нравственности, есть подлость, и что потому холостымъ людямъ, не хотящимъ жить подло, надо не дѣлать этого.

Для того же, чтобы они могли воздержаться, они должны, кромѣ того, что вести естественный образъ жизни: не пить, не объѣдаться, не ѣсть мяса и не избѣгать труда (не гимнастики, а утомляющаго, не игрушечнаго труда), не допускать въ мысляхъ своихъ возможности общенія съ чужими женщинами, такъ же какъ всякій человѣкъ не допускаетъ такой возможности между собой и матерью, сестрами, родными, женами друзей.

Доказательствъ же того, что воздержаніе возможно и менѣе опасно и вредно для здоровья, чѣмъ невоздержаніе, всякій мужчина найдетъ вокругъ себя сотни.

Это — первое.

Второе — то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе взгляда на любовное общеніе не только какъ на необходимое условіе здоровья и на удовольствіе, но и какъ на поэтическое, возвышенное благо жизни, супружеская невѣрность сдѣлалась во всѣхъ слояхъ общества (въ крестьянскомъ особенно, благодаря солдатству) самымъ обычнымъ явленіемъ.

И я полагаю, что это нехорошо.

Выводъ же, который вытекаетъ изъ этого, тотъ, что этого не надо дѣлать.

Для того же, чтобы не дѣлать этого, надо, чтобы измѣнился взглядъ на плотскую любовь, чтобы мужчины и женщины воспитывались въ семьяхъ и общественнымъ мнѣніемъ такъ, чтобы они и до и послѣ женитьбы не смотрѣли на влюбленіе и связанную съ нимъ плотскую любовь, какъ на поэтическое и возвышенное состояніе, какъ на это смотрятъ теперь, а какъ на унизительное для человѣка животное состояніе, и чтобы нарушеніе обѣщанія вѣрности, даваемаго въ бракѣ, казнилось общественнымъ мнѣніемъ по крайней мѣрѣ такъ же, какъ казнятся имъ нарушенія денежныхъ обязательствъ и торговые обманы, а не воспѣвалось бы, какъ это дѣлается теперь въ романахъ, стихахъ, пѣсняхъ, операхъ и т. д.

Это — второе.

Третье — то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе опять того же ложнаго значенія, которое придано плотской любви, рожденіе дѣтей потеряло свой смыслъ и, вмѣсто того чтобы быть цѣлью и оправданіемъ супружескихъ отношеній, стало помѣхой для пріятнаго продолженія любовныхъ отношеній, и что потому и внѣ брака и въ бракѣ, по совѣту служителей врачебной науки, стало распространяться употребленіе средствъ, лишающихъ женщину возможности дѣторожденія, или стало вхо-

дить въ обычай и привычку то, чего не было прежде и теперь еще нѣтъ въ патріархальныхъ крестьянскихъ семьяхъ: продолженіе супружескихъ отношеній при беременности и кормленіи.

И полагаю я, что это нехорошо.

Нехорошо употреблять средства противъ рожденія дѣтей, вопервыхъ, потому, что это освобождаетъ людей отъ заботъ и трудовъ о дѣтяхъ, служащихъ искупленіемъ плотской любви, а во-вторыхъ, потому, что это нѣчто весьма близкое къ самому противному человѣческой совѣсти дѣйствію — убійству. И нехорошо невоздержаніе во время беременности и кормленія, потому что это губитъ тѣлесныя, а главное — душевныя силы женщины.

Выводъ же, который вытекаетъ изъ этого, тотъ, что этого не надо дѣлать. А для того, чтобы этого не дѣлать, надо понять, что воздержаніе, составляющее необходимое условіе человѣческаго достоинства при безбрачномъ состояніи, еще болѣе обязательно въ бракѣ.

Это — третье.

Четвертое — то, что въ нашемъ обществѣ, въ которомъ дѣти представляются или помѣхою для наслажденія, или несчастною случайностью, или своего рода наслажденіемъ, когда ихъ рождается впередъ опредѣленное количество, — эти дѣти воспитываются не въ виду тѣхъ задачъ человѣческой жизни, которыя предстоятъ имъ, какъ разумнымъ и любящимъ существамъ, а только въ виду тѣхъ удовольствій, которыя они могутъ доставить родителямъ. И что вслѣдствіе этого дѣти людей воспитываются какъ дѣти животныхъ, такъ что главная забота родителей состоитъ не въ томъ, чтобы приготовить ихъ къ достойной человѣка дѣятельности, а въ томъ (въ чемъ поддерживаются родители ложною наукой, называемой медициной), чтобы какъ можно лучше напитать ихъ, увеличить ихъ ростъ, сдѣлать ихъ чистыми, бѣлыми, сытыми, красивыми (если въ низшихъ классахъ этого не дѣлаютъ, то только по необходимости, а взглядъ одинъ и тотъ же). И въ изнѣженныхъ дѣтяхъ, какъ и во всякихъ перекормленныхъ животныхъ, неестественно рано появляется непреодолимая чувственность, составляющая причину страшныхъ мученій этихъ дѣтей въ отроческомъ возрастѣ. Наряды, чтенія, зрѣлища, музыка, танцы, сладкая пища, вся обстановка жизни, отъ картинокъ на коробкахъ до романовъ, повѣстей и поэмъ, еще болѣе разжигаютъ эту чувственность, и вслѣдствіе этого самые ужасные половые пороки и болѣзни дѣлаются обычными условіями выростанія дѣтей обоего пола и часто остаются и въ зрѣломъ возрастѣ.

И я полагаю, что это нехорошо.

Выводъ же, который можно сдѣлать изъ этого, тотъ, что надо перестать воспитывать дѣтей людей, какъ дѣтей животныхъ, а для воспитанія людскихъ дѣтей поставить себѣ другія цѣли, кромѣ красиваго, выхоленнаго тѣла.

Это — четвертое.

Пятое — то, что въ нашемъ обществѣ, гдѣ влюбленіе между молодымъ мужчиной и женщиной, имѣющее въ основѣ все-таки плотскую любовь, возведено въ высшую поэтическую цѣль стремленій людей, свидѣтельствомъ чего служатъ все искусство и поэзія нашего общества, молодые люди лучшее время своей жизни посвящаютъ: мужчины — на выглядываніе, пріискиваніе и овладѣваніе наилучшими предметами любви въ формѣ любовной связи или брака, а женщины и дѣвушки — на заманиваніе и вовлеченіе мужчинъ въ связь или бракъ.

И отъ этого лучшія силы людей тратятся не только на не производительную, но на вредную работу. Отъ этого происходитъ большая часть безумной роскоши нашей жизни, отъ этого — праздность мужчинъ и безстыдство женщинъ, не пренебрегающихъ выставленіемъ, по модамъ, заимствованнымъ отъ завѣдомо развратныхъ женщинъ, вызывающихъ чувственность частей тѣла.

И я полагаю, что это нехорошо.

Нехорошо это потому, что достиженіе цѣли соединенія въ бракѣ или внѣ брака съ предметомъ любви, какъ бы оно ни было опоэтизировано, есть цѣль недостойная человѣка, такъ же какъ недостойна человѣка представляющаяся многимъ людямъ высшимъ благомъ цѣль пріобрѣтенія себѣ сладкой и изобильной пищи.

Выводъ же, который можно сдѣлать изъ этого, тотъ, что надо перестать думать, что любовь плотская есть нѣчто особенно возвышенное, а надо понять, что цѣль, достойная человѣка — служеніе ли человѣчеству, отечеству, наукѣ, искусству ли (не говоря уже о служеніи Богу), какая бы она ни была, если только мы считаемъ ее достойной человѣка — не достигается посредствомъ соединенія съ предметомъ любви въ бракѣ или внѣ его, а что, напротивъ, влюбленіе и соединеніе съ предметомъ любви (какъ бы ни старались доказывать противное въ стихахъ и прозѣ) никогда не облегчаетъ достиженія достойной человѣка цѣли, но всегда затрудняетъ его.

Это — пятое.

Вотъ то существенное, что я хотѣлъ сказать и думалъ, что сказалъ въ своемъ разсказѣ. И мнѣ казалось, что можно разсуждать о томъ, какъ исправить то зло, на которое указывали

эти положенія, но что не согласиться съ ними никакъ нельзя. Мнѣ казалось, что не согласиться съ этими положеніями нельзя, во-первыхъ, потому, что положенія эти вполнѣ согласны съ прогрессомъ человѣчества, всегда шедшимъ отъ распущенности къ большей и большей цѣломудренности, и съ нравственнымъ сознаніемъ общества, съ нашею совѣстью, всегда осуждающею распущенность и цѣнящей цѣломудріе; и, во-вторыхъ, потому, что эти положенія суть только неизбѣжные выводы изъ ученія Евангелія, которое мы или исповѣдуемъ, или по крайней мѣрѣ — хотя и безсознательно—признаемъ основой нашихъ понятій о нравственности.

Но вышло не такъ.

Никто, правда, прямо не оспариваетъ положеній о томъ, что развратничать не надо до брака, не надо и послѣ брака, что не надо искусственно уничтожать дѣторожденія, что не надо изъ дѣтей дѣлать забавы и не надо ставить любовное соединеніе выше всего остального, — однимъ словомъ, никто не споритъ о томъ, что цѣломудріе лучше распущенности. Но говорятъ: «если безбрачіе лучше брака, то очевидно, что люди должны дѣлать то, что лучше. Если же люди сдѣлаютъ это, то родъ человѣческій прекратится, и потому не можетъ быть идеаломъ рода человѣческаго уничтоженіе его». Но не говоря уже о томъ, что уничтоженіе рода человѣческаго не есть понятіе новое для людей нашего міра, а есть для религіозныхъ людей догматъ вѣры, для научныхъ же людей — неизбѣжный выводъ наблюденій объ охлажденіи солнца, въ возраженіи этомъ есть большое, распространенное и старое недоразумѣніе.

Говорятъ: «если люди достигнутъ идеала полнаго цѣломудрія, то они уничтожатся, и потому идеалъ этотъ не вѣренъ». Но тѣ, которые говорятъ такъ, умышленно или неумышленно смѣшиваютъ двѣ разнородныя вещи: правило-предписаніе и идеалъ.

Цѣломудріе не есть правило или предписаніе, а идеалъ или, скорѣе, одно изъ условій его.

А идеалъ только тогда идеалъ, когда осуществленіе его возможно только въ идеѣ, въ мысли, когда онъ представляется достижимымъ только въ безконечности и когда поэтому возможность приближенія къ нему безконечна. Если бъ идеалъ не только могъ быть достигнутъ, но мы могли бы представить себѣ его осуществленіе, онъ пересталъ бы быть идеаломъ.

Таковъ идеалъ Христа, — установленіе царства Бога на землѣ,—идеалъ, предсказанный еще пророками, о томъ, что наступитъ время, когда всѣ люди будутъ научены Богомъ, перекуютъ мечи на орала, копья на серпы, левъ будетъ лежать

съ ягненкомъ, и когда всѣ существа будутъ соединены любовью. Весь смыслъ человѣческой жизни заключается въ движеніи по направленію къ этому идеалу, и потому стремленіе къ христіанскому идеалу во всей его совокупности и къ цѣломудрію, какъ къ одному изъ условій этого идеала, не только не исключаетъ возможности жизни, но, напротивъ того, отсутствіе этого христіанскаго идеала уничтожило бы движеніе впередъ и, слѣдовательно, возможность жизни.

Сужденіе о томъ, что родъ человѣческій прекратится, если люди всѣми силами будутъ стремиться къ цѣломудрію, подобно тому, которое сдѣлали бы (да и дѣлаютъ), что родъ человѣческій погибнетъ, если люди вмѣсто борьбы за существованіе будутъ всѣми силами стремиться къ осуществленію любви къ друзьямъ, къ врагамъ, ко всему живущему.

Сужденія такія вытекаютъ изъ непониманія различія двухъ пріемовъ нравственнаго руководства.

Какъ есть два способа указанія пути путешественнику, такъ есть два способа нравственнаго руководства для ищущаго правды человѣка. Одинъ способъ состоитъ въ томъ, что человѣку указываются предметы, долженствующіе встрѣтиться ему, и онъ направляется по этимъ предметамъ.

Другой способъ состоитъ въ томъ, что человѣку дается только направленіе по компасу, который человѣкъ несетъ съ собой и на которомъ онъ видитъ всегда одно неизмѣнное направленіе и потому всякое свое отклоненіе отъ него.

Первый способъ нравственнаго руководства есть способъ внѣшнихъ опредѣленій, правилъ: человѣку даются опредѣленные признаки поступковъ, которые онъ долженъ и которыхъ не долженъ дѣлать.

«Соблюдай субботу, обрѣзывайся, не крадь, не пей хмельного, не убивай живого, отдавай десятину бѣднымъ, омывайся и молись пять разъ въ день» и т. под. — таковы постановленія внѣшнихъ религіозныхъ ученій: браминскаго, буддійскаго, магометанскаго, еврейскаго и другихъ.

Другой способъ есть способъ указанія человѣку никогда недостижимаго имъ совершенства, стремленіе къ которому человѣкъ сознаетъ въ себѣ: человѣку указывается идеалъ, по отношенію къ которому онъ всегда можетъ видѣть степень своего удаленія отъ него.

«Люби Бога твоего всѣмъ сердцемъ и всею душой твоей, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и ближняго, какъ самого себя. Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный».

Таково ученіе Христа.

Повѣрка исполненія внѣшнихъ религіозныхъ ученій есть совпаденіе поступковъ съ опредѣленіями этихъ ученій, и совпаденіе это возможно.

Повѣрка исполненія Христова ученія есть сознаніе степени несоотвѣтствія съ идеальнымъ совершенствомъ. (Степень приближенія не видна, а видно только одно отклоненіе отъ совершенства.)

Человѣкъ, исповѣдующій внѣшній законъ, есть человѣкъ, стоящій въ свѣтѣ фонаря, привѣшеннаго къ столбу. Онъ стоитъ въ свѣтѣ этого фонаря, ему свѣтло и идти ему дальше некуда. Человѣкъ, исповѣдующій Христово ученіе, подобенъ человѣку, несущему фонарь передъ собой на болѣе или менѣе длинномъ шестѣ: свѣтъ всегда впереди его, всегда побуждаетъ его идти за собой и вновь открываетъ ему впереди его новое, влекущее къ себѣ, освѣщенное пространство.

Фарисей благодаритъ Бога за то, что онъ исполняетъ все. Богатый юноша тоже исполняетъ все съ дѣтства и не понимаетъ, чтò можетъ недоставать ему. И они не могутъ думать иначе: впереди ихъ нѣтъ того, къ чему бы они могли продолжать стремиться. Десятина отдана, суббота соблюдена, родители 'почтены, прелюбодѣянія, воровства, убійства нѣтъ. Чего же еще? Для исповѣдующаго же христіанское ученіе достиженіе всякой ступени совершенства вызываетъ потребность вступленія на высшую ступень, съ которой открывается еще высшая, и такъ безъ конца.

Исповѣдующій законъ Христа всегда въ положеніи мытаря. Онъ всегда чувствуетъ себя несовершеннымъ, не видя позади себя пути, который онъ прошелъ, а видя всегда впереди себя тотъ путь, по которому еще надо идти и который онъ не прошелъ еще.

Въ этомъ состоитъ различіе ученія Христа отъ всѣхъ другихъ религіозныхъ ученій, — различіе, заключающееся не въ различіи требованій, а въ различіи способа руководства людей.

Христосъ не давалъ никакихъ опредѣленій жизни, онъ никогда не устанавливалъ никакихъ учрежденій, никогда не устанавливалъ и брака. Но люди, не понимающіе особенности ученія Христа, привыкшіе къ внѣшнимъ ученіямъ и желающіе чувствовать себя правыми, какъ чувствуетъ себя правымъ фарисей, противно всему духу ученія Христа, изъ буквы его сдѣлали внѣшнее ученіе правилъ и этимъ ученіемъ подмѣнили истинное Христово ученіе идеала.

. . . .

Такъ какъ въ истинномъ христіанскомъ ученіи нѣтъ никакихъ основаній для учрежденія брака, то и вышло то, что

люди нашего міра отъ одного берега отстали и къ другому не пристали, т.-е. не вѣрятъ, въ сущности, въ церковныя опредѣленія брака, чувствуя, что это учрежденіе не имѣетъ основанія въ христіанскомъ ученіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не видя передъ собой закрытаго церковнымъ ученіемъ идеала Христа — стремленіе къ полному цѣломудрію, остаются по отношенію брака безъ всякаго руководства. Отъ этого-то и происходитъ то, кажущееся сначала страннымъ, явленіе, что у евреевъ, магометанъ, ламаистовъ и другихъ, признающихъ религіозныя ученія гораздо низшаго уровня, чѣмъ христіанское, но имѣющихъ точныя внѣшнія опредѣленія брака, семейное начало и супружеская вѣрность несравненно тверже, чѣмъ у такъ называемыхъ христіанъ. У тѣхъ есть опредѣленное наложничество, и многоженство, и многомужство, ограниченное извѣстными предѣлами. У насъ же существуетъ полная распущенность и наложничество, и многоженство, и многомужство, не подчиненное никакимъ опредѣленіямъ, скрывающееся подъ видомъ воображаемаго единобрачія.

Только потому, что надъ нѣкоторою частью соединяющихся совершается духовенствомъ извѣстный обрядъ, люди нашего міра наивно или лицемѣрно воображаютъ, что живутъ въ единобрачіи...

. . . .

Идеалъ христіанина есть любовь къ Богу и ближнему, есть отреченіе отъ себя для служенія Богу и ближнему; плотская же любовь, бракъ, есть служеніе себѣ и потому есть во всякомъ случаѣ препятствіе служенію Богу и людямъ, и потому съ христіанской точки зрѣнія — паденіе, грѣхъ.

Вступленіе въ бракъ не можетъ содѣйствовать служенію Богу и людямъ даже въ томъ случаѣ, если бы вступающіе въ бракъ имѣли цѣлью продолженіе рода человѣческаго. Такимъ людямъ, вмѣсто того, чтобы вступать въ бракъ для произведенія дѣтскихъ жизней, гораздо проще поддерживать и спасать тѣ милліоны дѣтскихъ жизней, которыя гибнутъ вокругъ насъ отъ недостатка, не говорю уже духовной, но матеріальной пищи.

Только въ томъ случаѣ могъ бы христіанинъ безъ сознанія паденія, грѣха вступить въ бракъ, если бы онъ видѣлъ и зналъ, что всѣ существующія жизни дѣтей обезпечены.

Можно не принимать ученія Христа,—того ученія, которымъ проникнута вся наша жизнь и на которомъ основана вся наша нравственность, но, принимая это ученіе, нельзя не признавать того, что оно указываетъ идеалъ полнаго цѣломудрія.

Въ Евангеліи вѣдь сказано ясно и безъ возможности какого-либо перетолкованія, во-первыхъ, то, что женатому не должно разводиться съ женой, съ тѣмъ чтобы взять другую, а должно жить съ той, съ которой разъ сошелся (Матѳ. V, 31, 32; XIX, 8); во-вторыхъ, то, что человѣку вообще, и слѣдовательно какъ женатому, такъ и неженатому, грѣшно смотрѣть на женщину какъ на предметъ наслажденія (Матѳ. V, 28—29), и, въ третьихъ, то, что неженатому лучше не жениться вовсе, т.-е. быть вполнѣ цѣломудреннымъ (Матѳ. XIX, 10—12).

Для многихъ и многихъ мысли эти покажутся странными и даже противорѣчивыми.

И онѣ дѣйствительно противорѣчивы, но не между собой, а мысли эти противорѣчатъ всей нашей жизни, и невольно является сознаніе, кто правъ: мысли ли эти, или жизнь милліоновъ людей и моя?

Это самое чувство испытывалъ и я въ сильнѣйшей степени, когда приходилъ къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя теперь высказываю; я никакъ не ожидалъ, что ходъ моихъ мыслей приведетъ меня къ тому, къ чему онъ привелъ меня. Я ужасался своимъ выводамъ, хотѣлъ не вѣрить имъ, но не вѣрить нельзя было. И какъ ни противорѣчатъ эти выводы всему строю нашей жизни, какъ ни противорѣчатъ тому, что́ я прежде думалъ и высказывалъ даже, я долженъ былъ признать ихъ.

«Но все это общія соображенія, которыя, можетъ быть, и справедливы, но относятся къ ученію Христа и обязательны для тѣхъ, которые исповѣдуютъ его; но жизнь есть жизнь, и нельзя, указавъ впереди недостижимый идеалъ Христа, оставить людей въ одномъ изъ самыхъ жгучихъ, общихъ и производящихъ наибольшія бѣдствія вопросовъ съ однимъ этимъ идеаломъ безъ всякаго руководства.

«Молодой страстный человѣкъ сначала увлечется идеаломъ, но не выдержитъ, сорвется и, не зная и не признавая никакихъ правилъ, попадетъ въ полный развратъ!»

Такъ разсуждаютъ обыкновенно.

«Христовъ идеалъ недостижимъ, поэтому не можетъ служить намъ руководствомъ въ жизни; о немъ можно говорить, мечтать, но для жизни онъ не приложимъ, и потому надо оставить его.

«Намъ нуженъ не идеалъ, а правило, руководство, которое было бы по нашимъ силамъ, по среднему уровню нравственныхъ

силъ нашего общества: церковный честный бракъ или хоть даже не совсѣмъ честный бракъ, при которомъ одинъ изъ брачущихся, какъ у насъ, мужчина, уже сходился со многими женщинами, или хотя бы бракъ съ возможностью развода, или хотя бы гражданскій, или (идя по тому же пути) хотя бы японскій на срокъ,—почему же не дойти и до домовъ терпимости?»

Говорятъ, это лучше, чѣмъ уличный развратъ.

Въ томъ-то и бѣда, что, позволивъ себѣ принижать идеалъ по своей слабости, нельзя найти того предѣла, на которомъ надо остановиться.

Но вѣдь это разсужденіе съ самаго начала невѣрно; невѣрно прежде всего то, чтобъ идеалъ безконечнаго совершенства не могъ быть руководствомъ въ жизни и чтобы нужно было, глядя на него, или махнуть рукой, сказавъ, что онъ мнѣ не нуженъ, такъ какъ я никогда не достигну его, или принизить идеалъ до тѣхъ ступеней, на которыхъ хочется стоять моей слабости.

Разсуждать такъ — все равно, что мореплавателю сказать себѣ, что такъ какъ я не могу идти по той линіи, которую указываетъ компасъ, то я выкину компасъ или перестану смотрѣть на него, т.-е. отброшу идеалъ или прикрѣплю стрѣлку компаса къ тому мѣсту, которое будетъ соотвѣтствовать въ данную минуту ходу моего судна, т.-е. принижу идеалъ къ моей слабости.

Идеалъ совершенства, данный Христомъ, не есть мечта или предметъ риторическихъ проповѣдей, а есть самое необходимое, всѣмъ доступное руководство нравственной жизни людей, какъ компасъ — необходимое и доступное орудіе руководства мореходa; только надо вѣрить какъ въ то, такъ и въ другое.

Въ какомъ бы ни находился человѣкъ положеніи, всегда достаточно ученія идеала, даннаго Христомъ, для того, чтобы получить самое вѣрное указаніе тѣхъ поступковъ, которые должно и не должно совершать. Но надо вѣрить этому ученію вполнѣ, этому одному ученію, — перестать вѣрить во всѣ другія, точно такъ же какъ надо мореходу вѣрить въ компасъ, перестать приглядываться и руководиться тѣмъ, что̀ видитъ по сторонамъ.

Надо умѣть руководствоваться христіанскимъ ученіемъ, какъ умѣть руководствоваться компасомъ, а для этого, главное, надо понимать свое положеніе, надо умѣть не бояться съ точностью опредѣлять свое отклоненіе отъ идеальнаго даннаго направленія.

На какой бы ступени ни стоялъ человѣкъ, всегда есть для него возможность приближенія къ этому идеалу, и никакое положеніе для него не можетъ быть такимъ, въ которомъ бы онъ

могъ сказать, что онъ достигъ его, и не могъ бы стремиться къ еще большему приближенію.

Таково стремленіе человѣка къ христіанскому идеалу вообще и таково же къ цѣломудрію въ частности.

Если представить себѣ по отношенію полового вопроса самыя различныя положенія людей отъ невиннаго дѣтства до брака, въ которомъ не соблюдается воздержаніе, на каждой ступени между этими двумя положеніями ученіе Христа, съ выставляемымъ имъ идеаломъ, будетъ всегда служить яснымъ и опредѣленнымъ руководствомъ того, что̀ должно и не должно на каждой изъ этихъ ступеней дѣлать человѣку.

Что дѣлать чистому юношѣ, дѣвушкѣ? Соблюдать себя чистыми отъ соблазновъ и, для того чтобы быть въ состояніи всѣ свои силы отдать на служеніе Богу и людямъ, стремиться къ большему и большему цѣломудрію мыслей и желаній.

Что дѣлать юношѣ и дѣвушкѣ, подпавшимъ соблазнамъ, поглощеннымъ мыслями о безпредметной любви или о любви къ извѣстному лицу и потерявшимъ отъ этого извѣстную долю возможности служить Богу и людямъ? Все то же: не попускать себя на паденіе, зная, что такое попущеніе не освободитъ отъ соблазна, а только усилитъ его, и все такъ же стремиться къ большему и большему цѣломудрію для возможности болѣе полнаго служенія Богу и людямъ.

Что дѣлать людямъ, когда они не осилили борьбы и пали? Смотрѣть на свое паденіе не какъ на законное наслажденіе, какъ смотрятъ теперь, когда оно оправдывается обрядомъ брака, не какъ на случайное удовольствіе, которое можно повторять съ другими, не какъ на несчастіе, когда паденіе совершается съ неровней и безъ обряда, а смотрѣть на это первое паденіе какъ на единственное, какъ на вступленіе въ неразрывный бракъ.

Вступленіе это въ бракъ своимъ, вытекающимъ изъ него, послѣдствіемъ — рожденіемъ дѣтей — опредѣляетъ для вступившихъ въ бракъ новую, болѣе ограниченную форму служенія Богу и людямъ. До брака человѣкъ непосредственно въ самыхъ разнообразныхъ формахъ могъ служить Богу и людямъ; вступленіе же въ бракъ ограничиваетъ его область дѣятельности и требуетъ отъ него возвращенія и воспитанія происходящаго отъ брака потомства, будущихъ служителей Богу и людямъ.

Что дѣлать мужчинѣ и женщинѣ, живущимъ въ бракѣ и исполняющимъ то ограниченное служеніе Богу и людямъ, черезъ возращеніе и воспитаніе дѣтей, которое вытекаетъ изъ ихъ положенія?

Все то же: стремиться вмѣстѣ къ освобожденію отъ соблазна, очищенію себя и прекращенію грѣха замѣной отношеній, препятствующихъ и общему и частному служенію Богу и людямъ, замѣной плотской любви чистыми отношеніями сестры и брата.

И потому неправда то, что мы не можемъ руководиться идеаломъ Христа, потому что онъ такъ высокъ, совершененъ и недостижимъ. Мы не можемъ руководиться имъ только потому, что мы сами себѣ лжемъ и обманываемъ себя.

Вѣдь если мы говоримъ, что нужно имѣть правила, болѣе осуществимыя, чѣмъ идеалъ Христа, а то иначе мы, не достигнувъ идеала Христа, впадемъ въ развратъ, — мы говоримъ не то, что для насъ слишкомъ высокъ идеалъ Христа, а только то, что мы въ него не вѣримъ и не хотимъ опредѣлять своихъ поступковъ по этому идеалу. Говоря, что, разъ павши, мы впадемъ въ развратъ, мы вѣдь этимъ говоримъ только, что мы впередъ уже рѣшили, что паденіе съ неровней не есть грѣхъ, а есть забава, увлеченіе, которое необязательно поправить тѣмъ, что̀ мы называемъ бракомъ. Если же мы понимали бы, что паденіе есть грѣхъ, который долженъ и можетъ быть искупленъ только неразрывностью брака и всею той дѣятельностью, которая вытекаетъ изъ воспитанія дѣтей, рожденныхъ отъ брака, то паденіе никакъ не могло бы быть причиной впаденія въ развратъ.

А это вѣдь все равно, какъ если бы земледѣлецъ не считалъ посѣвомъ тотъ посѣвъ, который не удался ему, а сѣя на другомъ и третьемъ мѣстѣ, считалъ бы настоящимъ посѣвомъ тотъ, который удается ему. Очевидно, что тотъ человѣкъ испортилъ бы много земли и сѣмянъ и никогда бы не научился сѣять.

Только поставьте идеаломъ цѣломудріе, считайте, что всякое паденіе кого бы то ни было съ кѣмъ бы то ни было есть единственный, неразрывный на всю жизнь бракъ, и будетъ ясно, что руководство, данное Христомъ, не только достаточно, но единственно возможно.

«Человѣкъ слабъ, надо дать ему задачу по силамъ», говорятъ люди. Это все равно, что сказать: руки мои слабы, и я не могу провести линію, которая была бы прямая, т.-е. кратчайшая между двумя точками, а потому, чтобы облегчить себя, я, желая проводить прямую, возьму за образецъ себѣ кривую или ломаную».

Чѣмъ слабѣе моя рука, тѣмъ совершеннѣе мнѣ нуженъ образецъ.

Нельзя, познавъ христіанское ученіе идеала, дѣлать такъ, какъ будто мы не знаемъ его, и замѣнять его внѣшними опредѣленіями.

Христіанское ученіе идеала открыто человѣчеству именно потому, что онъ можетъ руководить его въ теперешнемъ возрастѣ. Человѣчество уже выжило періодъ религіозныхъ внѣшнихъ опредѣленій, и никто уже не вѣритъ въ нихъ. Христіанское ученіе идеала есть то единое ученіе, которое можетъ руководить человѣчествомъ.

Нельзя, не должно замѣнять идеалъ Христа внѣшними правилами, а надо твердо держать этотъ идеалъ предъ собой во всей чистотѣ его и главное — вѣрить въ него.

Плавающему недалеко отъ берега можно было говорить: «держись того возвышенія, мыса, башни» и т. п. Но приходитъ время, когда пловцы удалились отъ берега, и руководствомъ имъ должны и могутъ служить только недостижимыя свѣтила и компасъ, показывающій направленіе. А то и другое дано намъ.

1890 г.

ХОЗЯИНЪ и РАБОТНИКЪ.

(Разсказъ).

I.

Это было въ 70-хъ годахъ, на другой день послѣ зимняго Николы. Въ приходѣ былъ праздникъ, и деревенскому дворнику, купцу 2-й гильдіи, Василію Андреичу Брехунову, нельзя было отлучиться: надо было быть въ церкви, — онъ былъ церковный староста, — и дома надо было принять и угостить родныхъ и знакомыхъ. Но вотъ послѣдніе гости уѣхали, и Василій Андреичъ сталъ собираться тотчасъ же ѣхать къ сосѣднему помѣщику для покупки у него давно уже приторговываемой рощи. Василій Андреичъ торопился ѣхать, чтобы городскіе купцы не отбили у него эту выгодную покупку. Молодой помѣщикъ просилъ за рощу десять тысячъ только потому, что Василій Андреичъ давалъ за нее семь. Семь же тысячъ составляли только одну треть настоящей стоимости рощи. Василій Андреичъ, можетъ быть, выторговалъ бы и еще, такъ какъ лѣсъ находился въ его округѣ и между нимъ и деревенскими уѣздными купцами уже давно былъ установленъ порядокъ, по которому одинъ купецъ не повышалъ цѣны въ округѣ другого, но Василій Андреичъ узналъ, что губернскіе лѣсоторговцы хотѣли ѣхать торговать Горячкинскую рощу, и онъ рѣшилъ тотчасъ же ѣхать— и покончить дѣло съ помѣщикомъ. И потому, какъ только отошелъ праздникъ, онъ досталъ изъ сундука свои 700 рублей, добавилъ къ нимъ находящихся у него церковныхъ 2300, такъ чтобы составилось 3000 рублей, и, старательно перечтя ихъ и уложивъ въ бумажникъ, собрался ѣхать.

Работникъ Никита, одинъ въ этотъ день не пьяный изъ работниковъ Василія Андреича, побѣжалъ запрягать. Никита не былъ пьянъ въ этотъ день потому, что онъ былъ пьяница и теперь, съ заговѣнъ, во время которыхъ онъ пропилъ съ себя поддевку и кожаные сапоги, онъ зарекся пить и не пилъ вто-

рой мѣсяцъ; не пилъ и теперь, несмотря на соблазнъ вездѣ распиваемаго вина въ первые два дня праздника.

Никита былъ 50-лѣтній мужикъ изъ ближней деревни, не хозяинъ, какъ про него говорили, большую часть своей жизни прожившій не дома, а въ людяхъ. Вездѣ его цѣнили за его трудолюбіе, ловкость и силу въ работѣ, главное — за добрый, пріятный характеръ; но нигдѣ онъ не уживался, потому что раза два въ годъ, а то и чаще, запивалъ, и тогда, кромѣ того, что пропивалъ все съ себя, становился еще буенъ и придирчивъ. Василій Андреичъ тоже нѣсколько разъ прогонялъ его, но потомъ опять бралъ, дорожа его честностью, любовью къ животнымъ и главное дешевизной. Василій Андреичъ платилъ Никитѣ не 80 руб., сколько стоилъ такой работникъ, а рублей 40, которые выдавалъ ему безъ расчета, по мелочи, да и то большею частью не деньгами, а по дорогой цѣнѣ товаромъ изъ лавки.

Жена Никиты, Мароа, когда-то бывшая красивая, бойкая баба, хозяйничала дома съ подросткомъ малымъ и двумя дѣвками и не звала Никиту жить домой, во-первыхъ, потому, что уже лѣтъ 20 жила съ бондаремъ, мужикомъ изъ чужой деревни который стоялъ у нихъ въ домѣ, а во-вторыхъ, потому, что, хотя она и помыкала мужемъ, какъ хотѣла, когда онъ былъ трезвъ, она боялась его какъ огня, когда онъ напивался. Одинъ разъ, напившись пьянъ дома, Никита, вѣроятно, чтобы выместить женѣ за все свое трезвое смиренство, взломалъ ея сундукъ, досталъ самые драгоцѣнные ея наряды и, взявъ топоръ, на обрубкѣ изрубилъ въ мелкую окрошку всѣ ея сарафаны и платья. Зажитое Никитой жалованье все отдавалось его женѣ, и Никита не противорѣчилъ этому. Такъ и теперь, за два дня до праздника, Мароа пріѣзжала къ Василію Андреичу и забрала у него бѣлой муки, чаю, сахару и осьмуху вина, всего рубля на три, да еще взяла пять рублей деньгами и благодарила за это, какъ за особую милость, тогда какъ по самой дешевой цѣнѣ за Василіемъ Андреичемъ было рублей 20.

— Мы развѣ съ тобой уговоры какіе дѣлали? — говорилъ Василій Андреичъ Никитѣ.—Нужно—бери, заживешь. У меня не какъ у людей: подожди, да расчеты, да штрафы. Мы по чести. Ты мнѣ служишь, и я тебя не оставлю.

И, говоря это, Василій Андреичъ былъ искренно увѣренъ. что онъ благодѣтельствуетъ Никитѣ: такъ убѣдительно онъ умѣлъ говорить и такъ всѣ зависящіе отъ его денегъ люди, начиная съ Никиты, поддерживали его въ этомъ убѣжденіи, что онъ не обманываетъ, а благодѣтельствуетъ ихъ.

— Да я понимаю, Василій Андреичъ; кажется, служу, стараюсь какъ отцу родному. Я очень хорошо понимаю, — отвѣчалъ Никита, очень хорошо понимая, что Василій Андреичъ обманываетъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что нечего и пытаться разъяснять съ нимъ свои расчеты, а надо жить, пока нѣтъ другого мѣста, и брать, что даютъ.

Теперь, получивъ приказаніе хозяина запрягать, Никита, какъ всегда, весело и охотно, бодрымъ и легкимъ шагомъ своихъ гусемъ шагающихъ ногъ пошелъ въ сарай, снялъ тамъ съ гвоздя тяжелую ременную съ кистью узду и, погромыхивая баранчиками удилъ, пошелъ къ затворенному хлѣву, въ которомъ отдѣльно стояла та лошадь, которую велѣлъ запрягать Василій Андреичъ.

— Что, соскучился, соскучился, дурачокъ?—говорилъ Никита, отвѣчая на слабое привѣтственное ржаніе, съ которымъ встрѣтилъ его средняго роста ладный, нѣсколько вислозадый, караковый, мухортый жеребецъ, стоявшій одинъ въ хлѣвушкѣ. — Но, но! поспѣешь, дай прежде напою, — говорилъ онъ съ лошадью совершенно такъ, какъ говорятъ съ понимающими слова существами, и, обмахнувъ полой жирную съ желобкомъ посрединѣ, разъѣденную и засыпанную пылью спину, онъ надѣлъ на красивую молодую голову жеребца узду, выпросталъ ему уши и челку и, скинувъ оброть, повелъ поить.

Осторожно выбравшись изъ высоко занавоженнаго хлѣва, Мухортый заигралъ и взбрыкнулъ, притворяясь, что хочетъ задней ногой ударить рысью бѣжавшаго съ нимъ къ колодцу Никиту.

— Балуй, балуй, шельмецъ!—приговаривалъ Никита, знавшій ту осторожность, съ которой Мухортый вскидывалъ задней ногой только такъ, чтобы коснуться его засаленнаго полушубка, но не ударить, и особенно любившій эту замашку.

Напившись студеной воды, лошадь вздохнула, пошевеливая мокрыми крѣпкими губами, съ которыхъ капали съ усовъ въ корыто прозрачныя капли, и замерла, какъ будто задумавшись; потому вдругъ громко фыркнула.

— Не хочешь — не надо, такъ и знать будемъ; ужъ больше не проси, — сказалъ Никита, совершенно серьезно и обстоятельно разъясняя свое поведеніе Мухортому, и опять побѣжалъ къ сараю, подергивая за поводъ взбрыкивающую и на весь дворъ потрескивающую веселую молодую лошадь.

Работниковъ никого не было; былъ только одинъ чужой, пришедшій на праздникъ кухаркинъ мужъ.

— Поди спроси, душа милая, — сказалъ ему Никита, — какія сани велитъ запрягать: пошевни али махонькія?

Кухаркинъ мужъ пошелъ въ желѣзомъ крытый на высокомъ фундаментѣ домъ и скоро вернулся съ извѣстіемъ, что велѣно впрягать махонькія. Никита въ это время уже надѣлъ хомутъ, подвязалъ сѣделку, обитую гвоздиками, и, въ одной рукѣ неся легкую крашеную дугу, а въ другой ведя лошадь, подходилъ къ двумъ стоявшимъ подъ сараемъ санямъ.

— Въ махонькія, такъ въ махонькія, — сказалъ онъ и ввелъ въ оглобли умную лошадь, все время притворявшуюся, что она хочетъ кусать его, и съ помощью кухаркина мужа сталъ запрягать.

Когда все почти было готово и оставалось только завожжать, Никита послалъ кухаркина мужа въ сарай за соломой и въ амбаръ за верстьемъ.

— Вотъ и ладно. Но, но, не топырься!—говорилъ Никита, уминая въ саняхъ принесенную кухаркинымъ мужемъ свѣжеобмолоченную овсяную солому. — А теперь вотъ давай дерюжку такъ постелемъ, а сверху веретье. Вотъ такъ-то, вотъ такъ-то и хорошо будетъ сидѣть, — говорилъ онъ, дѣлая то, что говорилъ: подтыкая веретье сверхъ соломы, со всѣхъ сторонъ вокругъ сидѣнья. — Вотъ спасибо, душа милая, — сказалъ Никита кухаркину мужу,—вдвоемъ все спорѣе.—И, разобравъ ременныя съ кольцомъ на соединенномъ концѣ вожжи, Никита присѣлъ на облучокъ и тронулъ просившую хода добрую лошадь по мерзлому навозу двора къ воротамъ.

— Дядя Микитъ, дядюшка, а дядюшка,—закричалъ сзади его тоненькимъ голоскомъ торопливо выбѣжавшій изъ сѣней на дворъ семилѣтній мальчикъ въ черномъ полушубочкѣ, новыхъ бѣлыхъ валенкахъ и теплой шапкѣ.—Меня посади, — просилъ онъ, на ходу застегивая свой полушубочекъ.

— Ну, ну, бѣги, голубокъ,—сказалъ Никита и, остановивъ, посадилъ просіявшаго отъ радости хозяйскаго блѣднаго, худенькаго мальчика и выѣхалъ на улицу.

Былъ часъ третій. Было морозно, градусовъ 10, пасмурно и вѣтрено. Половина неба была закрыта низкой темной тучей. Но на дворѣ было тихо. На улицѣ же вѣтеръ былъ замѣтнѣе; съ крыши сосѣдняго сарая мело снѣгъ и на углу, у бани, крутило. Едва только Никита выѣхалъ въ ворота и завернулъ лошадь къ крыльцу, какъ и Василій Андреичъ, съ папиросой во рту, въ крытомъ овчинномъ тулупѣ, туго и низко подпоясанный кушакомъ, вышелъ изъ сѣней на повизгивающее подъ его кожей

обшитыми валенками, утоптанное снѣгомъ, высокое крыльцо и остановился. Затянувшись остаткомъ папироски, онъ бросилъ ее подъ ноги и наступилъ на нее и, выпуская черезъ усы дымъ и косясь на выѣзжавшую лошадь, сталъ заправлять съ обѣихъ сторонъ своего румянаго, бритаго, кромѣ усовъ, лица углы воротника тулупа мѣхомъ внутрь, такъ, чтобы мѣхъ не потѣлъ отъ дыханія.

— Вишь ты, прокуратъ какой, поспѣлъ ужъ! — сказалъ онъ, увидавъ сынишку въ саняхъ. Василій Андреичъ былъ возбужденъ выпитымъ съ гостями виномъ и потому еще болѣе, чѣмъ обыкновенно, доволенъ всѣмъ тѣмъ, что ему принадлежало, и всѣмъ тѣмъ, что онъ дѣлалъ. Видъ своего сына, котораго онъ всегда въ мысляхъ называлъ наслѣдникомъ, доставлялъ ему теперь большое удовольствіе; онъ, щурясь и оскаливая длинные зубы, смотрѣлъ на него.

Закутанная по головѣ и плечамъ шерстянымъ платкомъ, такъ что только глаза ея были видны, беременная, блѣдная и худая жена Василія Андреича, провожая его, стояла за нимъ въ сѣняхъ.

— Право, Никиту бы взялъ, — говорила она, робко выступая изъ-за двери.

Василій Андреичъ ничего не отвѣчалъ и на слова ея, которыя были ему очевидно непріятны, сердито нахмурился и плюнулъ.

— Съ деньгами поѣдешь — продолжала тѣмъ же жалобнымъ голосомъ жена. — Да и погода не поднялась бы, право ей-Богу.

— Что жъ я, иль дороги не знаю, что мнѣ безпремѣнно провожатаго нужно?—проговорилъ Василій Андреичъ съ тѣмъ неестественнымъ напряженіемъ губъ, съ которымъ онъ обыкновенно говорилъ съ продавцами и покупателями, съ особенною отчетливостью выговаривая каждый слогъ.

— Ну, право, взялъ бы. Богомъ тебя прошу!—повторила жена, перекутывая платокъ на другую сторону.

— Вотъ какъ банный листъ пристала... ну, куда я его возьму?

— Что жъ Василій Андреичъ, я готовъ,—весело сказалъ Никита.—Только лошадямъ корма бы безъ меня дали,—прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Я посмотрю, Никитушка, Семену велю,—сказала хозяйка.

— Такъ что жъ, ѣхать, что ли, Василій Андреичъ?—сказалъ Никита, ожидая.

— Да ужъ видно уважить старуху. Только коли ѣхать, поди одѣнь дипломатъ какой потеплѣе, — выговорилъ Василій Андреичъ, опять улыбаясь и подмигивая глазомъ на прорванный подъ мышками и въ спинѣ, и въ подолѣ бахромой разорванный, засаленный и свалявшійся, всего видавшій полушубокъ Никиты.

— Эй, душа милая, выдь, подержи лошадь,—крикнулъ Никита во дворъ кухаркину мужу.

— Я самъ, я самъ! — запищалъ мальчикъ, вынимая зазябшія красныя ручонки изъ кармановъ и хватаясь ими за холодныя ременныя вожжи.

— Только не больно охорашивай дипломатъ-то свой, поживѣй!—крикнулъ Василій Андреичъ, зубоскаля на Никиту.

— Однимъ пыхомъ, батюшка, Василій Андреичъ, — проговорилъ Никита и, быстро мелькая носками внутрь своими старыми, подшитыми войлочными подметками, валенками, побѣжалъ во дворъ и въ рабочую избу.

— Ну-ка, Аринушка, халатъ давай мой съ печи — съ хозяиномъ ѣхать!—проговорилъ Никита, вбѣгая въ избу и снимая кушакъ съ гвоздя.

Работница, выспавшаяся послѣ обѣда и теперь ставившая самоваръ для мужа, весело встрѣтила Никиту и, зараженная его поспѣшностью, такъ же, какъ онъ, быстро зашевелилась и достала съ печи сушившійся тамъ плохонькій, проношенный суконный кафтанъ и начала поспѣшно отряхивать и разминать его.

— То-то тебѣ съ хозяиномъ просторно гулять будетъ,—сказалъ Никита кухаркѣ, всегда изъ добродушной учтивости что-нибудь да говорившій человѣку, когда оставался съ нимъ съ глазу на глазъ.

И, обводя вокругъ себя узенькій свалявшійся кушачокъ, онъ втянулъ въ себя и такъ тощее брюхо и затянулся по полушубку, что было силы.

— Вотъ такъ-то, — сказалъ онъ послѣ этого, обращаясь уже не къ кухаркѣ, а къ кушаку, засовывая его концы за поясъ,—такъ не выскочишь,—и, приподнявъ и опустивъ плечи, чтобы была развязность въ рукахъ, онъ надѣлъ сверху халатъ, тоже напружилъ спину, чтобы рукамъ вольно было, подбилъ подъ мышками и досталъ съ полки рукавицы.—Ну, вотъ и ладно.

— Ты бы Степанычъ, ноги-то перебулъ, — сказала кухарка,—а то сапоги худые.

Никита остановился, какъ бы вспомнивъ.

— Надо бы... Ну, да сойдетъ и такъ, недалече!

И онъ побѣжалъ во дворъ.

— Не холодно тебѣ будетъ, Никитушка?—сказала хозяйка, когда онъ подошелъ къ санямъ.

— Чего холодно, тепло вовсе,—отвѣчалъ Никита, оправляя солому въ головашкахъ саней, чтобы закрыть ею ноги, и засовывая ненужный для доброй лошади кнутъ подъ солому.

Василій Андреичъ уже сидѣлъ въ саняхъ, наполняя своею, одѣтою въ двухъ шубахъ, спиной почти весь гнутый задокъ саней, и тотчасъ же, взявъ вожжи, тронулъ лошадь. Никита на ходу примостился спереди съ лѣвой стороны и высунулъ одну ногу.

II.

Добрый жеребецъ съ легкимъ скрипомъ полозьевъ сдвинулъ санки и бойкою ходой тронулся по накатанной въ поселкѣ морозной дорогѣ.

— Ты куда прицѣпился? Дай сюда кнутъ, Микита!—крикнулъ Василій Андреичъ, очевидно радуясь на наслѣдника, который примостился было сзади на полозьяхъ. — Я тебя! Бѣги къ мамашѣ, сукинъ сынъ.

Мальчикъ соскочилъ. Мухортый прибавилъ иноходи и, заѣкавъ, перешелъ на рысь.

Кресты, въ которыхъ стоялъ домъ Василія Андреича, состояли изъ шести домовъ. Какъ только они выѣхали за послѣднюю кузнецову избу, они тотчасъ же замѣтили, что вѣтеръ гораздо сильнѣе, чѣмъ они думали. Дороги уже почти не видно было. Слѣдъ полозьевъ тотчасъ же заметало, и дорогу можно было отличить только по тому, что она была выше остального мѣста. По всему полю крутило, и не видно было той черты, гдѣ сходится земля съ небомъ. Телятинскій лѣсъ, всегда хорошо видный, теперь изрѣдка смутно чернѣлъ черезъ снѣжную пыль. Вѣтеръ дулъ съ лѣвой стороны, заворачивая упорно въ одну сторону гриву на крутой, наѣденной шеѣ Мухортаго, и сворачивалъ на бокъ его простымъ узломъ подвязанный пушистый хвостъ. Длинный воротникъ Никиты, сидѣвшаго со стороны вѣтра, прижимался къ его лицу и носу.

— Бѣгу ей настоящаго нѣтъ, снѣжно, — сказалъ Василій Андреичъ, гордясь своею хорошею лошадью. — Я разъ въ Пашутино ѣздилъ на немъ же, такъ онъ въ полчаса доставилъ.

— Чаго? — спросилъ, не разслышавъ изъ-за воротника, Никита.

— Въ Пашутино, говорю, въ полчаса доѣхалъ, — прокричалъ Василій Андреичъ.

— Что и говорить, лошадь добрая! — сказалъ Никита.

Они помолчали. Но Василію Андреичу хотѣлось говорить.

— Что жъ, хозяйкѣ-то, я чай, наказывалъ бондаря не поить? — заговорилъ тѣмъ же громкимъ голосомъ Василій Андреичъ, столь увѣренный въ томъ, что Никитѣ должно быть лестно поговорить съ такимъ значительнымъ и умнымъ человѣкомъ, какъ онъ, и столь довольный своею шуткой, что ему и въ голову не приходило, что разговоръ этотъ можетъ быть непріятенъ Никитѣ.

Никита опять не разслышалъ относимый вѣтромъ звукъ словъ хозяина.

Василій Андреичъ повторилъ своимъ громкимъ, отчетливымъ голосомъ свою шутку о бондарѣ.

— Богъ съ ними, Василій Андреичъ, я не вникаю въ эти дѣла. Мнѣ чтобы малаго она не обижала, а то Богъ съ ней.

— Это такъ, — сказалъ Василій Андреичъ. — Ну, а что жъ, лошадь-то будешь покупать къ веснѣ? — началъ онъ новый предметъ разговора.

— Да не миновать,—отвѣчалъ Никита, отворотивъ воротникъ кафтана и перегнувшись къ хозяину.

Теперь ужъ разговоръ былъ интересенъ Никитѣ, и онъ желалъ все слышать.

— Малый возросъ, надо самому пахать, и то все наймали, — сказалъ онъ.

— Что жъ, берите безкостречнаго, дорого не положу!—прокричалъ Василій Андреичъ, чувствуя себя возбужденнымъ и вслѣдствіе этого нападая на любимое, поглощавшее всѣ его умственныя силы, занятіе—барышничество.

— А то рубликовъ пятнадцать дадите, я на конной куплю,— сказалъ Никита, знавшій, что красная цѣна безкостречному, котораго хочетъ ему сбыть Василій Андреичъ, рублей семь, а что Василій Андреичъ, отдавъ ему эту лошадь, будетъ считать ее рублей въ двадцать пять и тогда за полгода не увидишь отъ него денегъ.

— Лошадь хорошая. Я тебѣ желаю, какъ самому себѣ. По совѣсти. Брехуновъ никакого человѣка не обидитъ. Пускай мое пропадаетъ, а не то, чтобы какъ другіе. По чести,—прокричалъ онъ своимъ тѣмъ голосомъ, которымъ онъ заговаривалъ зубы своимъ продавцамъ и покупателямъ.—Лошадь настоящая.

— Какъ есть,—сказалъ Никита вздохнувъ, и, убѣдившись, что слушать больше нечего, пустилъ рукой воротникъ, который тотчасъ же закрылъ ему ухо и лицо.

Съ полчаса они ѣхали молча. Вѣтеръ продувалъ Никитѣ бокъ и руку, гдѣ шуба была прорвана.

Онъ пожимался и дышалъ въ воротникъ, закрывавшій ему ротъ, и ему всему было нехолодно.

— Что, какъ думаешь, на Карамышево поѣдемъ али прямо?—спросилъ Василій Андреичъ.

На Карамышево ѣзда была по болѣе бойкой дорогѣ, уставленной хорошими вѣшками въ два ряда, но дальше. Прямо было ближе, но дорога была мало ѣзжена и вѣшекъ не было или были плохонькія, занесенныя.

Никита подумалъ немного.

— На Карамышево хоть и подальше, да ѣздовитѣе,—проговорилъ онъ.

— Да вѣдь прямо только лощинку проѣхать, не сбиться, а тамъ лѣсомъ хорошо,—сказалъ Василій Андреичъ, которому хотѣлось ѣхать прямо.

— Воля ваша,—сказалъ Никита и опять пустилъ воротникъ.

Василій Андреичъ такъ и сдѣлалъ и, отъѣхавъ съ полверсты, у высокой, мотавшейся отъ вѣтра дубовой вѣтки, съ сухими, кое-гдѣ державшимися на ней листьями, свернулъ влѣво.

Вѣтеръ съ поворота сталъ имъ почти встрѣчный. И сверху пошелъ снѣжокъ. Василій Андреичъ правилъ, надувалъ щ ки и пускалъ духъ себѣ снизу въ усы. Никита дремалъ.

Они молча проѣхали такъ минутъ десять. Вдругъ Василій Андреичъ заговорилъ что-то.

— Чаго?—спросилъ Никита, открывая глаза.

Василій Андреичъ не отвѣчалъ, а изгибался, оглядываясь назадъ и впередъ передъ лошадью. Лошадь закурчавившаяся отъ пота въ пахахъ и на шеѣ, шла шагомъ.

— Чаго ты, говорю?—повторилъ Никита.

— Чаго, чаго!—передразнилъ его Василій Андреичъ сердито.—Вѣшекъ не видать! Должно сбились!

— Такъ стой же, я дорогу погляжу,—сказалъ Никита и, легко соскочивъ съ саней и доставъ кнутъ изъ-подъ соломы, пошелъ влѣво и съ той стороны, съ которой сидѣлъ.

Снѣгъ въ этомъ году былъ не глубокій, такъ что вездѣ была дорога, но все-таки кое-гдѣ онъ былъ по колѣно и засыпался Никитѣ въ сапогъ. Никита ходилъ, щупалъ ногами и кнутомъ, но дороги нигдѣ не было.

— Ну что?—сказалъ Василій Андреичъ, когда Никита подошелъ опять къ санямъ.

— Съ этой стороны нѣту дороги. Надо въ ту сторону пойти походить.

— Вонъ что-то впереди чернѣетъ, ты туда дойди, погляди,—сказалъ Василій Андреичъ.

Никита пошелъ и туда, подошелъ къ тому, что̀ чернѣлось, — это чернѣлась земля, насыпавшаяся съ оголенныхъ озимей сверхъ снѣга и окрасившая снѣгъ чернымъ. Походивъ и справа, Никита вернулся къ санямъ, обилъ съ себя снѣгъ, вытряхнулъ его изъ сапога и сѣлъ въ сани.

— Вправо ѣхать надо, — сказалъ онъ рѣшительно. — Вѣтеръ мнѣ въ лѣвый бокъ былъ, а теперь прямо въ морду. Пошелъ вправо! — рѣшительно сказалъ онъ.

Василій Андреичъ послушалъ его и взялъ вправо. Но дороги все не было. Они проѣхали такъ нѣсколько времени. Вѣтеръ не уменьшался, и пошелъ снѣжокъ.

— А мы, Василій Андреичъ, видно вовсе сбились, — вдругъ сказалъ какъ будто съ удовольствіемъ Никита. — Это что? — сказалъ онъ, указывая на черную картофельную ботву, торчавшую изъ-подъ снѣга.

Василій Андреичъ остановилъ уже вспотѣвшую и тяжело водившую крутыми боками лошадь.

— А что? — спросилъ онъ.

— А то, что мы на Захаровскомъ полѣ. Вонъ куда заѣхали!

— Вре? — откликнулся Василій Андреичъ.

— Не вру я, Василій Андреичъ, а правду говорю, — сказалъ Никита, — и по санямъ слышно — по картофелищу ѣдемъ; а вонъ и кучи, — ботву свозили. Захаровское заводское поле.

— Вишь ты, куда сбились! — сказалъ Василій Андреичъ. — Какъ же быть-то?

— А надо прямо брать, вотъ и все, куда-нибудь, да выѣдемъ, — сказалъ Никита. — Не въ Захаровку, такъ на барскій хуторъ выѣдемъ.

Василій Андреичъ послушался и пустилъ лошадь, какъ велѣлъ Никита. Они ѣхали такъ довольно долго. Иногда они выѣзжали на оголенныя зеленя, и сани гремѣли по колчамъ мерзлой земли; иногда выѣзжали на жнивье, то на озимое, то на яровое, по которымъ изъ-подъ снѣга виднѣлись мотавшіяся отъ вѣтра полыни и соломины; иногда въѣзжали въ глубокій и вездѣ одинаково бѣлый ровный снѣгъ, сверху котораго уже ничего не было видно.

Снѣгъ шелъ сверху и иногда поднимался снизу. Лошадь очевидно уморилась, вся закурчавилась и заиндевѣла отъ пота и шла шагомъ. Вдругъ она оборвалась и сѣла въ водомоину или канаву. Василій Андреичъ хотѣлъ остановить, но Никита закричалъ на него:

— Чего держать! Заѣхали — выѣзжать надо. Но, миленькій! но, но, родной! — закричалъ онъ веселымъ голо-

сомъ на лошадь, выскакивая изъ саней и самъ увязая въ канавѣ.

Лошадь рванулась и тотчасъ же выбралась на мерзлую насыпь. Очевидно, это была копаная канава.

— Гдѣ жъ это мы? — сказалъ Василій Андреичъ.

— А вотъ узнаемъ! — отвѣчалъ Никита. — Трогай знай, куда-нибудь выѣдемъ.

— А вѣдь это, должно, горячкинскій лѣсъ?—сказалъ Василій Андреичъ, указывая на что-то черное, показавшееся изъ-за снѣга впереди ихъ.

— Вотъ подъѣдемъ, увидимъ, какой такой лѣсъ, — сказалъ Никита.

Никита видѣлъ, что со стороны чернѣвшагося чего-то неслись сухіе продолговатые листья лозины, и потому зналъ, что это не лѣсъ, а жилье, но не хотѣлъ говорить. И дѣйствительно, не проѣхали они еще и десяти саженъ послѣ канавы, какъ передъ ними зачернѣлись, очевидно, деревья и послышался какой-то новый унылый звукъ. Никита угадалъ вѣрно: это былъ не лѣсъ, а рядъ высокихъ лозинъ съ кое-гдѣ трепавшимися еще на нихъ листьями. Лозины, очевидно, были обсажены по канавѣ гумна. Подъѣхавъ къ уныло гудѣвшимъ на вѣтру лозинамъ, лошадь вдругъ поднялась передними ногами выше саней, выбралась и задними на возвышеніе, повернула влѣво и перестала утопать въ снѣгу по колѣни. Это была дорога.

— Вотъ и пріѣхали, — сказалъ Никита, — а незнамо куда.

Лошадь, не сбиваясь, пошла по занесенной дорогѣ, и не проѣхали они по ней сорока саженъ, какъ зачернѣлась прямая полоса плетня риги подъ толсто засыпанной снѣгомъ крышей, съ которой не переставая сыпался снѣгъ. Миновавъ ригу, дорога повернула по вѣтру, и они въѣхали въ сугробъ. Но впереди виднѣлся проулокъ между двумя домами, такъ что, очевидно, сугробъ надуло на дорогѣ и надо было переѣхать его. И дѣйствительно, переѣхавъ сугробъ, они выѣхали на улицу. У крайняго двора на веревкѣ отчаянно трепалось отъ вѣтра развѣшанное замерзшее бѣлье: рубахи, одна красная, одна бѣлая, портки, онучи и юбка. Бѣлая рубаха особенно отчаянно рвалась, махая своими рукавами.

— Вишь, баба лѣнивая, а либо умираетъ: бѣлье къ празднику не собрала, — сказалъ Никита, глядя на мотавшіяся рубахи.

III.

Въ началѣ улицы еще было вѣтрено и дорога была заметена, но въ серединѣ деревни стало тихо, тепло и весело. У

одного двора лаяла собака, у другого баба, закрывшись съ головой поддевкою, прибѣжала откуда-то и зашла въ дверь и бы, остановившись на порогѣ, чтобы поглядѣть на проѣзжающихъ. Изъ середины деревни слышались пѣсни дѣвокъ.

Въ деревнѣ, казалось, и вѣтра, и снѣга, и мороза было меньше.

— А вѣдь это Гришкино, — сказалъ Василій Андреичъ.

— Оно и есть, — отвѣчалъ Никита.

И дѣйствительно, это было Гришкино. Выходило такъ, что они сбились влѣво и проѣхали верстъ восемь не совсѣмъ въ томъ направленіи, которое имъ нужно было, но все-таки подвинулись къ мѣсту своего назначенія. До Горячкина отъ Гришкина было верстъ пять.

Въ серединѣ деревни они наткнулись на высокаго человѣка, шедшаго посрединѣ улицы.

— Кто ѣдетъ?—крикнулъ этотъ человѣкъ, останавливая лошадь, и тотчасъ же, узнавъ Василія Андреича, схватился за оглоблю и, перебирая по ней руками, дошелъ до саней и сѣлъ на облучокъ.

Это былъ знакомый Василію Андреичу мужикъ Исай, извѣстный въ округѣ за перваго конокрада.

— А! Василій Андреичъ! Куда жъ это васъ Богъ несетъ?— сказалъ Исай, обдавая Никиту запахомъ выпитой водки.

— Да мы въ Горячкино было.

— Вона куда заѣхали! Вамъ бы на Малахово надо.

— Мало что надо, да не потрафили, — сказалъ Василій Андреичъ, останавливая лошадь.

— Лошадка-то добрая, — сказалъ Исай, оглядывая лошадь и затягивая ей привычнымъ движеніемъ подъ самую рѣпицу ослабшій узелъ завязаннаго густого хвоста.

— Что же, ночевать, что ли?

— Нѣ, братъ, обязательно ѣхать надо.

– Нужно, видно. А это чей? А! Никита Степанычъ!

— А то кто же?—отвѣчалъ Никита.—А вотъ какъ бы, душа милая, намъ тутъ не сбиться опять.

— Гдѣ жъ тутъ сбиться! Поворачивай назадъ, по улицѣ прямо, а тамъ, какъ выѣдешь, все прямо. Влѣво не бери. Выѣдешь на большакъ, а тогда — вправо.

— Поворотъ-то съ большака гдѣ? По-лѣтнему или по-зимнему? — спросилъ Никита.

— По-зимнему. Сейчасъ, какъ выѣдешь, кустики, насупротивъ кустиковъ еще вѣшка большая, дубовая, кудрявая стоитъ, — тутъ и есть.

Василій Андреичъ повернулъ лошадь назадъ и поѣхалъ слободой.

— А то ночевали бы! — прокричалъ имъ сзади Исай.

Но Василій Андреичъ не отвѣчалъ ему и потрогивалъ лошадь; пять верстъ ровной дороги, изъ которыхъ двѣ были лѣсомъ, казалось, легко проѣхать, тѣмъ болѣе что вѣтеръ какъ будто затихъ и снѣгъ переставалъ.

Проѣхавъ опять улицей по накатанной и чернѣвшей кое-гдѣ свѣжимъ навозомъ дорогѣ и миновавъ дворъ съ бѣльемъ, у котораго бѣлая рубаха уже сорвалась и висѣла на одномъ мерзломъ рукавѣ, они опять выѣхали къ страшно гудѣвшимъ лозинамъ и опять очутились въ открытомъ полѣ. Метель не только не стихала, но, казалось, еще усилилась. Дорога вся была заметена, и можно было знать, что не сбился, только по вѣшкамъ. Но и вѣшки впереди трудно было разсматривать, потому что вѣтеръ былъ встрѣчный.

Василій Андреичъ щурился, нагибалъ голову и разглядывалъ вѣшки, но больше пускалъ лошадь, надѣясь на нее. И лошадь дѣйствительно не сбивалась и шла, поворачивая то вправо, то влѣво по извилинамъ дороги, которую она чуяла подъ ногами, такъ что, несмотря на то, что снѣгъ сверху усилился и усилился вѣтеръ, вѣшки продолжали быть видны то справа, то слѣва.

Такъ проѣхали они минутъ десять, какъ вдругъ прямо предъ лошадью показалось что-то черное, двигавшееся въ косой сѣткѣ гонимаго вѣтромъ снѣга. Это были попутчики. Мухортый совсѣмъ догналъ ихъ и стукнулъ ногами о кресла впереди ѣдущихъ саней.

— Объѣзжай... а-а-й... передомъ! — кричали изъ саней.

Василій Андреичъ сталъ объѣзжать. Въ саняхъ сидѣли три мужика и баба. Очевидно, это ѣхали гости съ праздника. Одинъ мужикъ хлесталъ засыпанный снѣгомъ задъ лошаденки хворостиной. Двое, махая руками, кричали что-то въ передкѣ. Укутанная баба, вся засыпанная снѣгомъ, не шевелясь сидѣла, нахохлившись, въ задкѣ саней.

— Чьи будете? — закричалъ Василій Андреичъ.

— А-а-а... скіе! — только слышно было.

— Чьи, говорю?

— А-а-а... скіе! — изо всѣхъ силъ закричалъ одинъ изъ мужиковъ, но все-таки нельзя было разслышать, какіе.

— Вали! Не сдавай! — кричалъ другой, не переставая молотить хворостиной по лошаденкѣ.

— Отъ праздника, видно?

— Пошелъ! пошелъ! вали, Семка! Объѣзжай! Вали!

Сани стукнулись другъ о друга отводами, чуть не зацѣпились, расцѣпились, и мужицкія сани стали отставать.

Косматая, вся засыпанная снѣгомъ, брюхастая лошаденка, тяжело дыша подъ низкой дугой, очевидно изъ послѣднихъ силъ тщетно стараясь убѣжать отъ ударявшей ее хворостины, ковыляла своими коротенькими ногами по глубокому снѣгу, подкидывая ихъ подъ себя. Морда, очевидно молодая, съ подтянутой, какъ у рыбы, нижней губой, съ расширенными ноздрями и прижатыми отъ страха ушами, подержалась нѣсколько секундъ подлѣ плеча Никиты, потомъ стала отставать.

— Вино-то что дѣлаетъ, — сказалъ Никита. — На отдѣлку замучили лошаденку. Азіаты какъ есть!

Нѣсколько минутъ слышны были сопѣнье ноздрей замученной лошаденки и пьяные крики мужиковъ, потомъ затихло сопѣнье, потомъ замолкли и крики. И кругомъ опять ничего не стало слышно, кромѣ свистящаго около ушей вѣтра и изрѣдка слабаго скрипа полозьевъ по сдутымъ мѣстамъ дороги.

Встрѣча эта развеселила и ободрила Василія Андреича, и онъ смѣлѣе, не разбирая вѣшекъ, погналъ лошадь, надѣясь на нее.

Никитѣ дѣлать было нечего и, какъ всегда, когда онъ находился въ такомъ положеніи, онъ дремалъ, наверстывая много недоспаннаго времени. Вдругъ лошадь остановилась, и Никита чуть не упалъ, клюнувъ впередъ носомъ.

— А вѣдь мы опять неладно ѣдемъ, — сказалъ Василій Андреичъ.

— А что?

— Да вѣшекъ не видать. Должно, опять сбились съ дороги.

— А сбились съ дороги, поискать надо, — коротко сказалъ Никита, всталъ и опять, легко шагая своими внутрь вывернутыми ступнями, пошелъ ходить по снѣгу.

Онъ долго ходилъ, скрываясь изъ вида, опять показываясь и опять скрываясь, и наконецъ вернулся.

— Нѣтъ тутъ дороги, можетъ, впереди гдѣ, — сказалъ онъ, садясь на сани.

Начинало уже замѣтно смеркаться. Метель не усиливалась, но и не слабѣла.

— Хоть бы тѣхъ мужиковъ услыхать, — сказалъ Василій Андреичъ.

— Да вишь не догнали, должно, далеко сбились. А може, и они сбились, — сказалъ Никита.

— Куда жъ ѣхать-то? — сказалъ Василій Андреичъ.

— А пустить лошадь надо, — сказалъ Никита. — Онъ приведетъ. Давай вожжи.

Василій Андреичъ отдалъ вожжи тѣмъ болѣе охотно, что руки его въ теплыхъ перчаткахъ начинали зябнуть.

Никита взялъ вожжи и только держалъ ихъ, стараясь не шевелить ими, радуясь на умъ своего любимца. Дѣйствительно, умная лошадь, повертывая то въ одну, то въ другую сторону то одно, то другое ухо, стала поворачивать.

— Только не говорить! — приговаривалъ Никита. — Вишь, что дѣлаетъ! Иди, иди, знай! Такъ, такъ.

Вѣтеръ сталъ дуть взадъ, стало теплѣе.

— И уменъ же, — продолжалъ радоваться на лошадь Никита. — Киргизенокъ — тотъ силенъ, а глупъ. А этотъ, гляди, что̀ ушами дѣлаетъ. Никакого телеграфа не надо, за версту чуетъ.

И не прошло еще получаса, какъ впереди дѣйствительно зачернѣло что-то — лѣсъ ли, деревня, и съ правой стороны показались опять вѣшки. Очевидно, они опять выѣхали на дорогу.

— А вѣдь это опять Гришкино, — вдругъ проговорилъ Никита.

Дѣйствительно, теперь слѣва у нихъ была та самая рига, съ которой несло снѣгъ, и дальше та же веревка съ замерзшимъ бѣльемъ, рубахами и портками, которыя все такъ же отчаянно трепались отъ вѣтра.

Опять они выѣхали на улицу, опять стало тихо, тепло, весело, опять стала видна навозная дорога, опять послышались голоса, пѣсни, опять залаяла собака. Уже настолько смерклось, что въ нѣкоторыхъ окнахъ засвѣтились огни.

Посрединѣ улицы Василій Андреичъ повернулъ лошадь къ большому, въ двѣ кирпичныя связи, дому и остановилъ ее у крыльца.

Никита подошелъ къ занесенному освѣщенному окну, въ свѣтѣ котораго блестѣли перепархивающія снѣжинки, и постучалъ кнутовищемъ.

— Кто тамъ? — откликнулся голосъ на призывъ Никиты.

— Съ Крестовъ, Брехуновы, милый человѣкъ, — отвѣчалъ Никита. — Выдь-ка на часъ!

Отъ окна отошли, и черезъ минуты двѣ — слышно было — отлипла дверь въ сѣняхъ, потомъ стукнула щеколда въ наружной двери и, придерживая дверь отъ вѣтра, высунулся высокій старый съ бѣлой бородой мужикъ въ накинутомъ полушубкѣ сверхъ бѣлой праздничной рубахи и за нимъ малый въ красной рубахѣ и кожаныхъ сапогахъ.

— Ты, что ли, Андреичъ?—сказалъ старикъ.

— Да вотъ заплутали, братъ,—сказалъ Василій Андреичъ:—хотѣли въ Горячкино, да вотъ къ вамъ попали. Отъѣхали, опять заплутали.

— Вишь какъ сбились, — сказалъ старикъ. — Петрушка, поди отвори ворота, — обратился онъ къ малому въ красной рубахѣ.

— Это можно, — отвѣчалъ малый веселымъ голосомъ и побѣжалъ въ сѣни.

— Да мы, братъ, не ночевать, — сказалъ Василій Андреичъ.

— Куда ѣхать—ночное время, ночуй!

— И радъ бы ночевать, да ѣхать надо. Дѣла, братъ, нельзя.

— Ну, погрѣйся по крайности, прямо къ самовару,—сказалъ старикъ.

— Погрѣться — это можно, — сказалъ Василій Андреичъ:—темнѣе не будетъ, а мѣсяцъ взойдетъ—посвѣтлѣетъ. Зайдемъ, что ль, погрѣемся, Микитъ.

— Ну, что жъ, и погрѣться можно. — сказалъ Никита, сильно перезябшій и очень желавшій отогрѣть въ теплѣ свои зазябшіе члены.

Василій Андреичъ пошелъ со старикомъ въ избу, а Никита въѣхалъ въ отворенныя Петрушкой ворота и, по указанію его, вдвинулъ лошадь подъ навѣсъ сарая. Сарай былъ поднавоженный, и высокая дуга зацѣпила за переметъ. Ужъ усѣвшіеся на переметѣ куры съ пѣтухомъ что-то недовольно заквахтали и поцапались лапками по перемету. Встревоженныя овцы, топая копытами по мерзлому навозу, шарахнулись въ сторону. Собака, отчаянно взвизгивая, съ испугомъ и злостью по-щенячьи заливалась-лаяла на чужого.

Никита поговорилъ со всѣми; извинился передъ курами, успокоилъ ихъ, что больше не потревожитъ; упрекнулъ овецъ за то, что онѣ пугаются, сами не зная чего и не переставая усовѣщивалъ собачонку въ то время, какъ привязывалъ лошадь.

— Вотъ такъ-то и ладно будетъ, — сказалъ онъ, охлопывая съ себя снѣгъ. — Вишь, заливается,—прибавилъ онъ на собаку.—Да будетъ тебѣ! Ну, буде, глупая, буде. Только себя безпокоишь,—говорилъ онъ.—Не воры, свои...

— А это, какъ сказано, три домашніе совѣтника,—сказалъ малый, закидывая сильною рукой подъ навѣсъ оставшіяся снаружи санки.

— Это какъ же совѣтники?—сказалъ Никита.

— А такъ въ Пульсонѣ напечатано: воръ подкрадывается къ дому, собака лаетъ, — не зѣвай значитъ, смотри. Пѣтухъ поетъ, — значитъ вставай. Кошка умывается, — значитъ дорогой гость: приготовься угостить его,—проговорилъ малый улыбаясь.

Петруха былъ грамотный и зналъ почти наизусть имѣвшуюся у него единственную книгу Паульсона и любилъ, особенно когда онъ былъ немного выпивши, какъ нынче, приводить изъ нея казавшіяся ему подходящими къ случаю изреченія.

— Это точно, — сказалъ Никита.

— Прозябъ, я чай, дядюшка, — прибавилъ Петруха.

— Да есть-таки, — сказалъ Никита. И они пошли черезъ дворъ и сѣни въ избу.

IV.

Дворъ, въ который заѣхалъ Василій Андреичъ, былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ деревнѣ. Семья держала пять надѣловъ и принанимала еще землю на сторонѣ. Лошадей во дворѣ было шесть, три коровы, два подтелка, штукъ двадцать овецъ. Всѣхъ семейныхъ во дворѣ было двадцать двѣ души: четыре сына женатыхъ, шестеро внуковъ, изъ которыхъ одинъ Петруха былъ женатый, два правнука, трое сиротъ и четыре снохи съ ребятами. Это былъ одинъ изъ рѣдкихъ домовъ, оставшихся еще недѣлеными; но и въ немъ уже шла глухая внутренняя, какъ всегда начавшаяся между бабъ, работа раздора, которая неминуемо должна была скоро привести къ раздѣлу. Два сына жили въ Москвѣ въ водовозахъ, одинъ былъ въ солдатахъ. Дома теперь были старикъ, старуха, второй сынъ хозяинъ и старшій сынъ, пріѣхавшій изъ Москвы на праздникъ, и всѣ бабы и дѣти; кромѣ домашнихъ, былъ еще гость-сосѣдъ и кумъ.

Надъ столомъ въ избѣ висѣла съ верхнимъ щиткомъ лампа, ярко освѣщавшая подъ собой чайную посуду, бутылку съ водкой, закуску и кирпичныя стѣны, въ красномъ углу увѣшанныя иконами и по обѣ стороны ихъ картинами. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ за столомъ въ одномъ черномъ полушубкѣ Василій Андреичъ, обсасывая свои замерзшіе усы и оглядывая кругомъ народъ и избу своими выпуклыми и ястребиными глазами. Кромѣ Василія Андреича, за столомъ сидѣлъ лысый, бѣлобородый старикъ-хозяинъ въ бѣлой домотканной рубахѣ; рядомъ съ нимъ въ тонкой ситцевой рубахѣ, съ здоровенною спиной и плечами — сынъ, пріѣхавшій изъ Москвы на праздникъ, и еще другой сынъ, широкоплечій — старшій братъ, хозяйничавшій въ домѣ, и худощавый рыжій мужикъ — сосѣдъ.

Мужики, выпивъ и закусивъ, только что собирались пить чай, и самоваръ уже гудѣлъ, стоя на полу у печки. На палатяхъ и на печкѣ виднѣлись ребята. На нарахъ сидѣла баба надъ люлькой. Старушка-хозяйка, съ покрытымъ во всѣхъ направленіяхъ мелкими морщинками, морщившими даже ея губы, лицомъ, ухаживала за Василіемъ Андреичемъ.

Въ то время какъ Никита входилъ въ избу, она, наливъ изъ толстаго стекла стаканчикъ водки, подносила его гостю.

— Не обезсудь, Василій Андреичъ, нельзя, проздравить надо,—говорила она.—Выкушай, касатикъ.

Видъ и запахъ водки, особенно теперь, когда онъ перезябъ и уморился, сильно смутили Никиту. Онъ нахмурился и, отряхнувъ шапку и кафтанъ отъ снѣга, сталъ противъ образовъ и, какъ бы не видя никого, три раза перекрестился и поклонился образамъ, потомъ, обернувшись къ хозяину-старику, поклонился сперва ему, потомъ всѣмъ бывшимъ за столомъ, потомъ бабамъ, стоявшимъ около печки, и, проговоря: «съ праздникомъ», сталъ раздѣваться, не глядя на столъ.

— Ну, и заиндевѣлъ же ты, дядя, — сказалъ старшій братъ, глядя на запушенное снѣгомъ лицо, глаза и бороду Никиты.

Никита снялъ кафтанъ, еще отряхнулъ его, повѣсилъ къ печи и подошелъ къ столу. Ему тоже предложили водки. Была минута мучительной борьбы; онъ чуть не взялъ стаканчикъ и не опрокинулъ въ ротъ душистую, свѣтлую влагу, но онъ взглянулъ на Василія Андреича, вспомнилъ зарокъ, вспомнилъ пропитые сапоги, вспомнилъ бондаря, вспомнилъ малаго, которому онъ обѣщалъ къ веснѣ купить лошадь, вздохнулъ и отказался.

— Не пью, благодаримъ покорно,—сказалъ онъ, нахмурившись, и присѣлъ ко второму окну на лавку.

— Что жъ такъ?—сказалъ старшій братъ.

— Не пью, да и не пью,—сказалъ Никита, не поднимая глазъ, косясь на свои жиденькіе усы и бороду и оттаивая съ нихъ сосульки.

— Ему не годится,—сказалъ Василій Андреичъ, закусывая баранкой выпитый стаканчикъ.

— Ну, такъ чайку, — сказала ласковая старушка. — Я чай иззябъ, сердечный. Что вы, бабы, съ самоваромъ копаетесь?

— Готовъ,—отвѣчала молодайка и, обмахнувъ занавѣской уходившій прикрытый самоваръ, съ трудомъ донесла его, подняла и стукнула на столъ.

Между тѣмъ Василій Андреичъ разсказывалъ, какъ они сбились, какъ два раза возвращались въ ту же деревню, какъ плутали

какъ встрѣтили пьяныхъ. Хозяева дивились, объясняли, гдѣ и почему они сбились и кто были пьяные, которыхъ они встрѣтили, и учили, какъ надо ѣхать.

— Тутъ до Молчановки малый ребенокъ доѣдетъ, только потрафить на поворотѣ съ большака,—кустъ тутъ видать. А вы не доѣхали!—говорилъ сосѣдъ.

— А то ночевали бы. Бабы постелютъ,--уговаривала старушка.

— Утречкомъ поѣхали бы, разлюбезное дѣло,—подтверждалъ старикъ.

— Нельзя, братъ, дѣла,—сказалъ Василій Андреичъ.—Часъ упустишь, годомъ не наверстаешь,—добавилъ онъ, вспоминая о рощѣ и о купцахъ, которые могли перебить у него эту покупку.—Доѣдемъ вѣдь?—обратился онъ къ Никитѣ.

Никита долго не отвѣчалъ, все какъ будто озабоченный оттаиваніемъ бороды и усовъ.

— Не сбиться бы опять,—сказалъ онъ мрачно.

Никита былъ мраченъ потому, что ему страстно хотѣлось водки, и одно, что могло затушить это желаніе, былъ чай, а чаю еще ему не предлагали.

- Да вѣдь только до поворота бы доѣхать, а тамъ ужъ не собьемся: лѣсомъ до самаго мѣста,—сказалъ Василій Андреичъ.

— Дѣло ваше, Василій Андреичъ; ѣхать—такъ ѣхать,—сказалъ Никита, принимая подаваемый ему стаканъ чаю.

— Напьемся чайку, да и маршъ.

Никита ничего не сказалъ, но только покачалъ головой и, осторожно выливъ чай на блюдечко, сталъ грѣть о паръ свои, съ всегда напухшими отъ работы пальцами, руки. Потомъ, откусивъ крошечный кусочекъ сахара, онъ поклонился хозяевамъ и проговорилъ:

— Будьте здоровы,—и потянулъ въ себя согрѣвающую жидкость.

— Кабы проводилъ кто до поворота,—сказалъ Василій Андреичъ.

— Что жъ, это можно,—сказалъ старшій сынъ.—Петруха запряжетъ, да и проводитъ до поворота.

— Такъ запрягай, братъ. А ужъ я поблагодарю.

— И, чего ты, касатикъ!—сказала ласковая старушка.—Мы рады душой.

— Петруха, иди запряги кобылу,—сказалъ старшій братъ.

— Это можно,—сказалъ Петруха, улыбаясь, и тотчасъ же, сорвавъ съ гвоздя шапку, побѣжалъ запрягать.

Пока закладывали лошадь, разговоръ перешелъ на то, на чемъ онъ остановился въ то время, какъ Василій Андреичъ

подъѣхалъ къ окну. Старикъ жаловался сосѣду-старостѣ на третьяго сына, не приславшаго ему ничего къ празднику, а женѣ приславшаго французскій платокъ.

— Отбивается народъ молодой отъ рукъ—говорилъ старикъ.

— Какъ отбивается-то,—сказалъ кумъ-сосѣдъ,—сладу нѣтъ! Больно умны стали. Вонъ Демочкинъ — такъ отцу руку сломалъ. Все отъ большого ума, видно.

Никита вслушивался, всматривался въ лица и очевидно желалъ тоже принять участіе въ разговорѣ, но былъ весь поглощенъ чаемъ и только одобрительно кивалъ головой. Онъ выпивалъ стаканъ за стаканомъ, и ему становилось все теплѣе и теплѣе, и пріятнѣе, и пріятнѣе. Разговоръ продолжался долго все объ одномъ и томъ же—о вредѣ раздѣловъ, и разговоръ очевидно былъ не отвлеченный, а дѣло шло о раздѣлѣ въ этомъ домѣ, раздѣлѣ, котораго требовалъ второй сынъ, тутъ же сидѣвшій и угрюмо молчавшій. Очевидно, это было больное мѣсто, и вопросъ этотъ занималъ всѣхъ домашнихъ, но они изъ приличія при чужихъ не разбирали своего частнаго дѣла. Но наконецъ старикъ не выдержалъ и со слезами въ голосѣ заговорилъ о томъ, что дѣлиться онъ не дастъ, пока живъ, что домъ у него слава Богу, а раздѣлить—всѣ по міру пойдутъ.

— Вотъ какъ Матвѣевы,—сказалъ сосѣдъ.—Былъ домъ настоящій, а раздѣлили—ни у кого ничего нѣтъ.

— Такъ-то и ты хочешь,—обратился старикъ къ сыну.

Сынъ ничего не отвѣчалъ, и наступило неловкое молчаніе. Молчаніе это прервалъ Петруха, уже заложившій лошадь и вернувшійся на нѣсколько минутъ передъ этимъ въ избу и все время улыбавшійся.

— Такъ-то у Пульсона есть басня,—сказалъ онъ:—далъ родитель сыновьямъ вѣникъ сломать. Сразу не сломали, а по прутику легко. Такъ и это,—сказалъ онъ, улыбаясь во весь ротъ.—Готово!—прибавилъ онъ.

— А готово такъ поѣдемъ,—сказалъ Василій Андреичъ.— А насчетъ дѣлежу ты, дѣдушка, не сдавайся. Ты наживалъ, ты и хозяинъ. Мировому подай. Онъ порядокъ укажетъ.

— Такъ фордыбачитъ, такъ фордыбачитъ,—плаксивымъ голосомъ говорилъ все свое старикъ,—что нѣтъ съ нимъ ладовъ. Какъ осатанѣлъ ровно.

Никита между тѣмъ, допивъ пятый стаканъ чаю, все-таки не перевернулъ его, а положилъ бокомъ, надѣясь, что ему нальютъ еще шестой. Но воды въ самоварѣ уже не было, и хозяйка не налила ему еще, да и Василій Андреичъ сталъ одѣваться. Нечего было дѣлать, Никита тоже всталъ, положилъ назадъ въ

сахарницу свой обкусанный со всѣхъ сторонъ кусочекъ сахару, обтеръ полой мокрое отъ пота лицо и пошелъ надѣвать халатъ.

Одѣвшись, онъ тяжело вздохнулъ и, поблагодаривъ хозяевъ и простившись съ ними, вышелъ изъ теплой, свѣтлой горницы въ темныя, холодныя, гудѣвшія отъ рвавшагося въ нихъ вѣтра и занесенныя снѣгомъ черезъ щели дрожавшихъ дверей сѣни и оттуда на темный дворъ.

Петруха въ шубѣ стоялъ со своею лошадью посрединѣ двора и говорилъ, улыбаясь, стихи изъ Паульсона. Онъ говорилъ: «Буря съ мглою небо скроить, вихри снѣжные крутять, ажъ какъ звѣрь она завоить, ажъ заплачеть какъ дитё».

Никита одобрительно покачивалъ головой и разбиралъ вожжи.

Старикъ, провожая Василія Андреича, вынесъ фонарь въ сѣни и хотѣлъ посвѣтить ему, но фонарь тотчасъ же задуло. И на дворѣ даже замѣтно было, что метель разыгралась еще сильнѣе.

«Ну ужъ погодка,—подумалъ Василій Андреичъ,—пожалуй, и не доѣдешь, да нельзя, дѣла! Да и собрался ужъ, и лошадь хозяйская запряжена. Доѣдемъ, Богъ дастъ!»

Хозяинъ-старикъ тоже думалъ, что не слѣдовало ѣхать, но онъ ужъ уговаривалъ остаться, его не послушали. Больше просить нечего. «Можетъ, я отъ старости такъ робѣю, а они доѣдутъ,—думалъ онъ.—Да и по крайности спать ляжемъ вовремя. Безъ хлопотъ».

Петруха же и не думалъ объ опасности; онъ такъ зналъ дорогу и всю мѣстность, а кромѣ того, стишокъ о томъ, какъ «вихри снѣжные крутять», бодрилъ его тѣмъ, что совершенно выражалъ то, что̀ происходило на дворѣ. Никитѣ же вовсе не хотѣлось ѣхать, но онъ уже давно привыкъ не имѣть своей воли и служить другимъ, такъ что никто не удержалъ отъѣзжающихъ.

V.

Василій Андреичъ подошелъ къ санямъ, съ трудомъ разбирая въ темнотѣ, гдѣ онѣ, влѣзъ въ нихъ и взялъ вожжи.

— Пошелъ передомъ! — крикнулъ онъ.

Петруха, стоя на колѣнкахъ въ розвальняхъ, пустилъ свою лошадь. Мухортый, уже давно ржавшій, чуя впереди себя кобылу, рванулся за ней, и они выѣхали на улицу. Опять поѣхали слободой и той же дорогой, мимо того же двора съ развѣшаннымъ замерзшимъ бѣльемъ, котораго теперь уже не видно было, мимо того же сарая, который уже былъ занесенъ почти до крыши и съ котораго сыпался безконечный снѣгъ, мимо тѣхъ

же мрачно шумящихъ, свистящихъ и гнущихся лозинъ и опять въѣхали въ то снѣжное, сверху и снизу бушевавшее, море. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что когда онъ былъ въ бокъ и сѣдоки парусили противъ него, то онъ накренивалъ на бокъ санки и сбивалъ лошадь въ сторону. Петруха ѣхалъ развалистою рысцой своей доброй кобылы впереди и бодро покрикивалъ. Мухортый рвался за ней.

Проѣхавъ такъ минутъ десять, Петруха обернулся и что-то прокричалъ. Ни Василій Андреичъ, ни Никита не слышали отъ вѣтра, но догадались, что они пріѣхали къ повороту. Дѣйствительно, Петруха поворотилъ направо, и вѣтеръ, бывшій въ бокъ, опять сталъ навстрѣчу, и справа сквозь снѣгъ завиднѣлось что-то черное. Это былъ кустикъ на поворотѣ.

— Ну, съ Богомъ!

— Спасибо, Петруха!

— «Буря небо мглою скроитъ»,—прокричалъ Петруха и скрылся.

— Вишь, стихотворецъ какой, — проговорилъ Василій Андреичъ и тронулъ вожжами.

— Да, молодецъ хорошій, мужикъ настоящій, — сказалъ Никита.

Поѣхали дальше.

Никита, укутавшись и вжавъ голову въ плечи, такъ что небольшая борода его облегала ему шею, сидѣлъ молча, стараясь не потерять набранное въ избѣ за чаемъ тепло. Предъ собой онъ видѣлъ прямыя линіи оглобель, безпрестанно обманывавшія его и казавшіяся ему накатанной дорогой, колеблющійся задъ лошади съ заворачиваемымъ въ одну сторону подвязаннымъ узломъ хвостомъ и дальше, впереди, высокую дугу и качавшуюся голову и шею лошади съ развѣвающейся гривой. Изрѣдка ему попадались въ глаза вѣшки, такъ что онъ зналъ, что ѣхали пока по дорогѣ, и ему дѣлать было нечего.

Василій Андреичъ правилъ, предоставляя лошади самой держаться дороги. Но Мухортый, несмотря на то, что вздохнулъ въ деревнѣ, бѣжалъ неохотно и какъ будто сворачивалъ съ дороги, такъ что Василій Андреичъ нѣсколько разъ поправлялъ его.

«Вотъ справа одна вѣшка, вотъ другая, вотъ и третья,— считалъ Василій Андреичъ,—а вотъ впереди и лѣсъ», подумалъ онъ, вглядываясь во что-то чернѣющее впереди его. Но то, что показалось ему лѣсомъ, былъ только кустъ. Кустъ проѣхали, проѣхали еще саженъ 20-ть, четвертой вѣшки не было и лѣса не было. «Долженъ сейчасъ быть лѣсъ», думалъ Василій Андреичъ и, возбужденный виномъ и чаемъ, не останавливаясь,

потрогивалъ вожжами, и покорное, доброе животное слушалось и то иноходью, то небольшой рысцой бѣжало туда, куда его посылали, хотя и знало, что его посылаютъ совсѣмъ не туда, куда надо. Прошло минутъ десять, лѣса все не было.

— А вѣдь мы опять сбились! — сказалъ Василій Андреичъ, останавливая лошадь.

Никита молча вылѣзъ изъ саней и, придерживая свой халатъ, то липнувшій къ нему по вѣтру, то отворачивающійся и слѣзающій съ него, пошелъ лазить по снѣгу; пошелъ въ одну сторону, пошелъ въ другую. Раза три онъ скрывался совсѣмъ изъ вида. Наконецъ онъ вернулся и взялъ вожжи изъ рукъ Василія Андреича.

— Вправо ѣхать надо,—сказалъ онъ строго и рѣшительно, поворачивая лошадь.

— Ну вправо, такъ вправо пошелъ, — сказалъ Василій Андреичъ, отдавая вожжи и засовывая озябшія руки въ рукава.

Никита не отвѣчалъ.

— Ну, дружокъ, потрудись,—крикнулъ онъ на лошадь, но лошадь, несмотря на потряхиванье вожжей, шла только шагомъ. Снѣгъ былъ кое-гдѣ по колѣно, и сани подергивались рывомъ съ каждымъ движеніемъ лошади.

Никита досталъ кнутъ, висѣвшій на передкѣ, и стегнулъ. Добрая, непривычная къ кнуту лошадь рванулась, пошла рысью, но тотчасъ же опять перешла на иноходь и шагъ. Такъ проѣхали минутъ пять. Было такъ темно и такъ курило сверху и снизу, что дуги иногда не было видно. Сани, казалось иногда, стояли на мѣстѣ и поле бѣжало назадъ. Вдругъ лошадь круто остановилась, очевидно чуя что-то неладное предъ собой. Никита опять легко выскочилъ, бросая вожжи, и пошелъ впередъ лошади, чтобы посмотрѣть, чего она остановилась; но только что онъ хотѣлъ ступить шагъ передъ лошадью, какъ ноги его поскользнулись и онъ покатился подъ какую-то кручь.

— Тпру, тпру, тпру,—говорилъ онъ себѣ, падая и стараясь остановиться, но не могъ удержаться и остановился только, врѣзавшись ногами въ нанесенный внизу оврага толстый слой снѣга.

Нависшій съ края кручи сугробъ, растревоженный паденіемъ Никиты, насыпался на него и засыпалъ ему снѣгу за шиворотъ.

— Эка ты какъ!—укоризненно проговорилъ Никита, обращаясь къ сугробу и къ оврагу и вытряхивая снѣгъ изъ-за воротника.

— Никитъ, а Никитъ,—кричалъ Василій Андреичъ сверху

Но Никита не откликался.

Ему некогда было: онъ отряхался, потомъ отыскивалъ кнутъ, который выронилъ, когда скатился подъ кручу. Найдя кнутъ, онъ полѣзъ было прямо назадъ, гдѣ скатился, но взлѣзть не было возможности; онъ скатывался назадъ, такъ что долженъ былъ низомъ пойти искать выходъ кверху. Сажени на три отъ того мѣста, гдѣ онъ скатился, онъ съ трудомъ вылѣзъ на четвереинькахъ на гору и пошелъ по краю оврага къ тому мѣсту, гдѣ должна была быть лошадь. Лошади и саней онъ не видалъ; но такъ какъ онъ шелъ на вѣтеръ, онъ, прежде чѣмъ увидалъ ихъ, услыхалъ крики Василія Андреича и ржаніе Мухортаго, звавшихъ его.

— Иду, иду. Чего гогочешь?—проговорилъ онъ.

Только совсѣмъ уже дойдя до саней, онъ увидалъ лошадь и стоявшаго возлѣ нихъ Василія Андреича, казавшагося огромнымъ.

— Куда, къ дьяволу, запропастился? Назадъ ѣхать надо. Хоть въ Гришкино вернемся,—сердито сталъ выговаривать Никитѣ хозяинъ.

— И радъ бы вернулся, Василій Андреичъ, да куда ѣхать-то! Тутъ овражище такой, что попади туда, и не выберешься. Я туда засвѣтилъ такъ, что насилу выдрался.

— Что жъ, не стоять же тутъ? Куда-нибудь надо же ѣхать,—сказалъ Василій Андреичъ.

Никита ничего не отвѣчалъ. Онъ сѣлъ на сани задомъ къ вѣтру, разулся и вытряхнулъ снѣгъ, набившійся ему въ сапоги, и, доставъ соломки, старательно заткнулъ ею изнутри дыру въ лѣвомъ сапогѣ.

Василій Андреичъ молчалъ, какъ бы предоставивъ теперь уже все Никитѣ. Переобувшись, Никита убралъ ноги въ сани, надѣлъ опять рукавицы, взялъ вожжи и повернулъ лошадь вдоль оврага. Но не проѣхали они и ста шаговъ, какъ лошадь опять уперлась. Предъ ней опять былъ оврагъ.

Никита опять вылѣзъ и опять пошелъ лазить по снѣгу. Довольно долго онъ ходилъ. Наконецъ появился съ противоположной стороны, съ которой онъ пошелъ.

— Андреичъ, живъ?—крикнулъ онъ.

— Здѣсь!—откликнулся Василій Андреичъ.—Ну, что?

— Да не разберешь никакъ. Темно, овраги какіе-то. Надо опять на вѣтеръ ѣхать.

Опять поѣхали, опять ходилъ Никита, лазяя по снѣгу. Опять садился, опять лазилъ и наконецъ, запыхавшись, остановился у саней.

— Ну, что?—спросилъ Василій Андреичъ.

— Да что, вымотался я весь! Да и лошадь становится.

— Такъ что же дѣлать?

— Да вотъ, постой.

Никита опять ушелъ и скоро вернулся.

— Держи за мной, — сказалъ онъ, заходя предъ лошадью.

Василій Андреичъ уже не приказывалъ ничего, а покорно дѣлалъ то, что говорилъ ему Никита.

— Сюда, за мной,—закричалъ Никита, отходя быстро вправо и хватая за вожжу Мухортаго и направляя его куда-то книзу, въ сугробъ.

Лошадь сначала уперлась, но потомъ рванулась, надѣясь проскочить сугробъ, но не осилила и сѣла въ него по хомутъ.

— Вылѣзай,—закричалъ Никита на Василія Андреича, продолжавшаго сидѣть въ саняхъ, и, подхвативъ подъ одну оглоблю, сталъ надвигать сани на лошадь.—Трудненько, братъ,—обратился онъ къ Мухортому,—да что жъ дѣлать, понатужься но, но, немного!—крикнулъ онъ.

Лошадь рванулась разъ, другой, но все-таки не выбралась и опять сѣла, какъ будто что-то обдумывала.

— Что жъ, братъ, такъ неладно,—усовѣщивалъ Никита Мухортаго.—Ну, еще!

Опять Никита потащилъ за оглоблю съ своей стороны; Василій Андреичъ дѣлалъ то же съ другой. Лошадь пошевелила головой, потомъ вдругъ рванулась.

— Ну, но! не потонешь, небось!—кричалъ Никита.

Прыжокъ, другой, третій, и наконецъ лошадь выбралась изъ сугроба и остановилась, тяжело дыша и отряхиваясь. Никита хотѣлъ вести дальше, но Василій Андреичъ такъ запыхался въ своихъ двухъ шубахъ, что не могъ идти, и повалился въ сани.

— Дай вздохнуть,—сказалъ онъ, распуская платокъ, которымъ онъ повязалъ въ деревнѣ воротникъ шубы.

— Тутъ ничего, ты лежи,—сказалъ Никита,—я проведу,—и съ Василіемъ Андреичемъ въ саняхъ провелъ лошадь подъ уздцы внизъ шаговъ десять и потомъ немного вверхъ и остановился.

Мѣсто, на которомъ остановился Никита, было не въ лощинѣ, гдѣ бы снѣгъ, сметаемый съ бугровъ и оставаясь, могъ совсѣмъ засыпать ихъ, но оно все-таки отчасти было защищено краемъ оврага отъ вѣтра. Были минуты, когда вѣтеръ какъ будто немного стихалъ, но это продолжалось недолго, и какъ будто для того, чтобы наверстать этотъ отдыхъ, буря налетала

послѣ этого съ удесятеренною силой, еще злѣе рвала и крутила. Такой порывъ вѣтра ударилъ въ ту минуту, какъ Василій Андреичъ, отдышавшись, вылѣзъ изъ саней и подошелъ къ Никитѣ, чтобы поговорить о томъ, что̀ дѣлать. Оба невольно пригнулись и подождали говорить, пока пройдетъ ярость порыва. Мухортый тоже недовольно прижималъ уши и трясъ головой. Какъ только немного прошелъ порывъ вѣтра, Никита, снявъ рукавицы и заткнувъ ихъ за кушакъ, подышавъ въ руки, сталъ отвязывать съ дуги поводокъ.

— Ты что жъ это дѣлаешь? — спросилъ Василій Андреичъ.

— Отпрягаю, что жъ еще дѣлать? Мочи моей нѣтъ,—какъ бы извиняясь, отвѣчалъ Никита.

— А развѣ не выѣдемъ куда?

Не выѣдемъ, только лошадь замучаемъ. Вѣдь онъ, сердечный, не въ себѣ сталъ,—сказалъ Никита, указывая на покорно стоящую, на все готовую и тяжело носившую крутыми и мокрыми боками лошадь.—Ночевать надо,—повторилъ онъ, точно какъ будто собирался ночевать на постояломъ дворѣ, и сталъ развязывать супонь.

Клещи разскочились.

— А не замерзнемъ мы?—сказалъ Василій Андреичъ.

— Что жъ? И замерзнешь—не откажешься,—сказалъ Никита.

VI.

Василію Андреичу въ своихъ двухъ шубахъ было совсѣмъ тепло, особенно послѣ того, какъ онъ повозился въ сугробѣ; но морозъ пробѣжалъ у него по спинѣ, когда онъ понялъ, что дѣйствительно надо ночевать здѣсь. Чтобы успокоиться, онъ сѣлъ въ сани и сталъ доставать папиросы и спички.

Никита между тѣмъ распрягалъ лошадь. Онъ развязалъ подбрюшникъ, чрезсѣдельникъ, развожжалъ, снялъ гужъ, вывернулъ дугу, и, не переставая разговаривать съ лошадью, ободрялъ ее.

— Ну, выходи, выходи,—говорилъ онъ, выводя ее изъ оглобель.—Да вотъ привяжемъ тебя тутъ. Соломки подложу да разнуздаю,—говорилъ онъ, дѣлая то, что̀ говорилъ.—Закусишь, тебѣ все веселѣе будетъ.

Но Мухортый очевидно, не успокаивался рѣчами Никиты и былъ тревоженъ; онъ переступалъ съ ноги на ногу, жался къ санямъ, становясь задомъ къ вѣтру, и терся головой о рукавъ Никиты.

Какъ будто только для того, чтобы не отказать Никитѣ въ его угощеніи соломой, которую Никита подсунулъ ему подъ

храпъ, Мухортый разъ порывисто схватилъ пукъ соломы изъ саней, но тотчасъ же рѣшилъ, что теперь дѣло не до соломы, бросилъ ее, и вѣтеръ мгновенно растрепалъ солому, унесъ ее и засыпалъ снѣгомъ.

— Теперь примѣту сдѣлаемъ — сказалъ Никита, повернувъ сани лицомъ къ вѣтру, и связавъ оглобли чрезсѣдельникомъ, онъ поднялъ ихъ вверхъ и притянулъ къ передку.—Вотъ, какъ занесетъ насъ, добрые люди по оглоблямъ увидятъ, откопаютъ,—сказалъ Никита, похлопывая рукавицами и надѣвая ихъ.—Такъ-то старики учили.

Василій Андреичъ между тѣмъ, распустивъ шубу и закрываясь полами ея, теръ одну сѣрную спичку за другой о стальную коробку, но руки у него дрожали, и загоравшіяся спички одна за другой, то еще не разгорѣвшись, то въ самую ту минуту, какъ онъ подносилъ ее къ папиросѣ, задувались вѣтромъ. Наконецъ одна спичка вся загорѣлась и освѣтила на мгновенье мѣхъ его шубы, его руку съ золотымъ перстнемъ на загнутомъ внутрь указательномъ пальцѣ и засыпанную снѣгомъ, выбившуюся изъ-подъ веретья овсяную солому, и папироса загорѣлась. Раза два онъ жадно потянулъ, проглотилъ, выпустилъ сквозь усы дымъ, хотѣлъ еще затянуться, но табакъ съ огнемъ сорвало и унесло туда же, куда и солому.

Но и эти нѣсколько глотковъ табачнаго дыма развеселили Василія Андреича.

— Ночевать — такъ ночевать! — сказалъ онъ рѣшительно. — Погоди же ты, я еще флагъ сдѣлаю, — сказалъ онъ, поднимая платокъ, который онъ, снявъ съ воротника, бросилъ было въ сани, и, снявъ перчатки, сталъ въ передкѣ саней и, вытягиваясь, чтобы достать до чрезсѣдельника, тугимъ узломъ привязалъ къ нему платокъ подлѣ оглобли.

Платокъ тотчасъ же отчаянно затрепался, то прилипая къ оглоблѣ, то вдругъ отдуваясь, натягиваясь и щелкая.

— Вишь, какъ ловко,—сказалъ Василій Андреичъ, любуясь на свою работу, опускаясь въ сани.—Теплѣе бы вмѣстѣ, да вдвоемъ не усядемся,—сказалъ онъ.

— Я мѣсто найду,—отвѣчалъ Никита,—только лошадь укрыть надо, а то взопрѣлъ сердечный. Пусти-ка,—прибавилъ онъ и, подойдя къ санямъ потянулъ изъ-подъ Василія Андреича веретье.

И, доставъ веретье, онъ сложилъ его вдвое и, скинувъ прежде шлею и снявъ сѣделку, покрылъ имъ Мухортаго.

— Все теплѣе тебѣ будетъ, дурачокъ, — говорилъ онъ, надѣвая опять на лошадь сверхъ веретья сѣделку и шлею. — А не

нужна вамъ дерюжка будетъ? Да соломки мнѣ дайте, — сказалъ Никита, окончивъ это дѣло и опять подойдя къ санямъ.

И, забравъ и то и другое изъ-подъ Василія Андреича, Никита зашелъ за спинку саней, выкопалъ себѣ тамъ, въ снѣгу, ямку, положилъ въ нее соломы и, нахлобучивъ шапку и закутавшись кафтаномъ и сверху покрывшись дерюжкой, сѣлъ на постланную солому, прислонясь къ лубочному задку саней, защищавшему его отъ вѣтра и снѣга.

Василій Андреичъ неодобрительно покачалъ головой на то, что̀ дѣлалъ Никита, какъ онъ вообще не одобрялъ необразованность и глупость мужицкую, и сталъ устраиваться на ночь.

Онъ разровнялъ оставшуюся солому по санкамъ, подложилъ погуще себѣ подъ бокъ и, засунувъ руки въ рукава, приладился головой въ уголъ саней, къ передку, защищавшему его отъ вѣтра.

Спать ему не хотѣлось. Онъ лежалъ и думалъ: думалъ все о томъ же одномъ, что составляло единственную цѣль, смыслъ, радость и гордость его жизни, — о томъ, сколько онъ нажилъ и можетъ еще нажить денегъ; сколько другіе, ему извѣстные, люди нажили и имѣютъ денегъ, и какъ эти другіе наживали и наживаютъ деньги, и какъ онъ такъ же, какъ и они, можетъ нажить еще очень много денегъ. Покупка горячкинскаго лѣса составляла для него дѣло огромной важности. Онъ надѣялся на этомъ лѣсѣ поживиться сразу, можетъ быть, десяткомъ тысячъ. И онъ сталъ въ мысляхъ расцѣнивать видѣнную имъ осенью рощу, въ которой онъ на двухъ десятинахъ пересчиталъ всѣ деревья.

«Дубъ на полозья пойдетъ. Срубы сами собой. Да дровъ саженъ 30 все станетъ на десятинѣ», говорилъ онъ себѣ. «Съ десятины на худой конецъ по 200 съ четвертной останется. 56 десятинъ, 56 сотенъ, да 56 сотенъ, да 56 десятковъ, да еще 56 десятковъ, да 56 пятковъ». Онъ видѣлъ, что выходило за 12 тысячъ, но безъ счетовъ не могъ смекнуть ровно сколько. «Десяти тысячъ все-таки не дамъ, а тысячъ восемь, да чтобъ за вычетомъ полянъ. Землемѣра помажу — сотню, а то полторы; онъ мнѣ десятинъ пять полянъ намѣряетъ. И за восемь отдастъ. Сейчасъ 3.000 въ зубы. Небось, размякнетъ», думалъ онъ, ощупывая предплечіемъ руки бумажникъ въ карманѣ. «И какъ сбились съ поворота, Богъ ее знаетъ! Долженъ бы тутъ быть лѣсъ и сторожка. Собакъ бы слышно. Такъ не лають, проклятыя, когда ихъ нужно». Онъ отстранилъ воротникъ отъ уха и сталъ прислушиваться; слышенъ былъ все тотъ же свистъ вѣтра, въ оглобляхъ трепанье и щелканье платка и

стеганье по лубку саней падающаго снѣга. Онъ закрылся опять.

«Кабы знать, ночевать бы остаться. Ну, да все одно, доѣдемъ и завтра. Только день лишній. Въ такую погоду и тѣ не поѣдутъ». И онъ вспомнилъ, что къ 9-му надо получить за валуховъ съ мясника деньги. «Хотѣлъ самъ пріѣхать; не застанетъ меня — жена не сумѣетъ деньги взять. Очень ужъ необразована. Обхожденія настоящаго не знаетъ», продолжалъ онъ думать, вспоминая, какъ она не умѣла обойтись со становымъ, бывшимъ вчера на праздникѣ у него въ гостяхъ. «Извѣстно — женщина! Гдѣ она что видала? При родителяхъ какой нашъ домъ былъ? Такъ себѣ, деревенскій мужикъ богатый: рушка да постоялый дворъ — и все имущество въ томъ. А я что въ 15 лѣтъ сдѣлалъ: лавка, два кабака, мельница, ссыпка, два имѣнія въ арендѣ, домъ съ амбаромъ подъ желѣзной крышей», вспоминалъ онъ съ гордостью. «Не то, что при родителѣ! Нынче кто въ округѣ гремитъ? Брехуновъ».

«А почему такъ? Потому — дѣло помню, стараюсь, не такъ, какъ другіе — лежни али глупостями занимаются. А я ночи не сплю. Метель не метель — ѣду. Ну и дѣло дѣлается. Они думаютъ, такъ, шутя денежки наживаютъ. Нѣтъ, ты потрудись да голову поломай. Вотъ такъ-то заночуй въ полѣ, да ночи не спи. Какъ подушка отъ думы въ головахъ ворочается», размышлялъ онъ съ гордостью. «Думаютъ, что въ люди выходятъ по счастію. Вонъ, Мироновы въ милліонахъ теперь. А почему? Трудись, Богъ и дастъ. Только бы далъ Богъ здоровья».

И мысль о томъ, что и онъ можетъ быть такимъ же милліонщикомъ, какъ Мироновъ, который взялся съ ничего, такъ взволновала Василія Андреича, что онъ почувствовалъ потребность поговорить съ кѣмъ-нибудь. Но говорить не съ кѣмъ было... Кабы доѣхать до Горячкина, онъ бы поговорилъ съ помѣщикомъ, вставилъ бы ему очки.

«Ишь ты, дуетъ какъ! Занесетъ такъ, что и не выберемся утромъ!» подумалъ онъ, прислушиваясь къ порыву вѣтра, который дулъ въ передокъ, нагибая его, и сѣкъ его лубокъ снѣгомъ. Онъ приподнялся и оглянулся: въ бѣлой колеблющейся темнотѣ видны были только чернѣющая голова Мухортаго и его спина, покрытая развѣвающимся веретьемъ, и густой завязанный хвостъ; кругомъ же со всѣхъ сторонъ, спереди, сзади была вездѣ одна и та же однообразная, бѣлая колеблющаяся тьма, иногда какъ будто чуть-чуть просвѣтляющаяся, иногда еще больше сгущающаяся.

«И напрасно послушался я Никиту», думалъ онъ. «Ѣхать бы надо, все бы выѣхали куда-нибудь. Хоть назадъ бы доѣхали въ Гришкино, ночевали бы у Тараса. А то вотъ сиди ночь цѣлую. Да что̀, бишь, хорошаго было? Да, что за труды Богъ даетъ, а не лодырямъ, лежебокамъ или дуракамъ. Да и покурить надо!» Онъ сѣлъ, досталъ папиросочницу, легъ брюхомъ внизъ, закрывая полой отъ вѣтра огонь, но вѣтеръ находилъ ходъ и тушилъ спички одну за другой. Наконецъ онъ ухитрился зажечь одну и закурилъ. То, что онъ добился своего, очень обрадовало его. Хотя папироску выкурилъ больше вѣтеръ, чѣмъ онъ, онъ все-таки затянулся раза три, и ему опять стало веселѣй. Онъ опять привалился къ задку, укутался и опять началъ вспоминать, мечтать и совершенно неожиданно вдругъ потерялъ сознаніе и задремалъ.

Но вдругъ точно что-то толкнуло и разбудило его. Мухортый ли это дернулъ изъ подъ него солому, или это внутри его что-то всколыхнуло его, только онъ проснулся, и сердце у него стало стучать такъ быстро и такъ сильно, что ему показалось, что сани трясутся подъ нимъ. Онъ открылъ глаза. Вокругъ него было все то же, но только казалось свѣтлѣе. «Свѣтаетъ,—подумалъ онъ,—должно, и до утра недолго». Но тотчасъ же онъ вспомнилъ, что свѣтлѣе стало только отъ того, что мѣсяцъ взошелъ. Онъ приподнялся, оглядѣлъ сначала лошадь. Мухортый стоялъ все задомъ къ вѣтру и весь трясся. Засыпанное снѣгомъ веретье заворотилось одной стороной, шлея съѣхала на бокъ, и засыпанная снѣгомъ голова съ развѣвающимися челкой и гривой была теперь виднѣе. Василій Андреичъ перегнулся къ задку и заглянулъ за него. Никита сидѣлъ все въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ сѣлъ. Дерюжка, которою онъ прикрывался, и ноги его были густо засыпаны снѣгомъ. «Не замерзъ бы мужикъ: плоха одеженка на немъ. Еще отвѣтишь за него. То-то народъ безтолковый. Истинно необразованность», подумалъ Василій Андреичъ и хотѣлъ было снять съ лошади веретье и накрыть Никиту, но холодно было вставать и ворочаться, и лошадь, боялся, какъ бы не застыла. «И на что я его взялъ! Все ея глупость одна!» подумалъ Василій Андреичъ, вспоминая немилую жену, и опять перевалился на свое прежнее мѣсто къ передку саней. «Такъ-то дядюшка разъ всю ночь въ снѣгу просидѣлъ,— вспомнилъ онъ,—и ничего. Ну, а Севастьяна-то откопали,—тутъ же представился ему другой случай,—такъ тотъ померъ, закоченѣлъ весь, какъ туша мороженая».

«Остался бы въ Гришкиномъ ночевать, ничего бы не было». И. старательно запахнувшись, такъ чтобы тепло мѣха нигдѣ

не пропадало даромъ, а вездѣ — и въ шеѣ, и въ колѣняхъ, и въ ступняхъ — грѣло его, онъ закрылъ глаза, стараясь опять заснуть. Но сколько онъ ни старался теперь, онъ не могъ уже забыться, а, напротивъ, чувствовалъ себя совершенно бодрымъ и оживленнымъ. Опять онъ началъ считать барыши, долги за людьми, опять сталъ хвастаться самъ предъ собой и радоваться на себя и на свое положеніе, но все теперь постоянно прерывалось подкрадывающимся страхомъ и досадною мыслью о томъ, зачѣмъ онъ не остался почевать въ Гришкиномъ. «То ли дѣло: лежалъ бы на лавкѣ, тепло». Онъ нѣсколько разъ переворачивался, укладывался, стараясь найти болѣе ловкое и защищенное отъ вѣтра положеніе, но все ему казалось неловко; онъ опять приподнимался, перемѣнялъ положеніе, укутывалъ ноги, закрывалъ глаза и затихалъ. Но или скрюченныя ноги въ крѣпкихъ валеныхъ сапогахъ начинали ныть, или продувало гдѣнибудь, и онъ, полежавъ недолго, опять съ досадой на себя вспоминалъ о томъ, какъ бы онъ теперь могъ спокойно лежать въ теплой избѣ въ Гришкиномъ, и опять поднимался, ворочался, кутался и опять укладывался.

Разъ Василію Андреичу почудилось, что онъ слышитъ дальній крикъ пѣтуховъ. Онъ обрадовался, отворотилъ шубу и сталъ напряженно слушать, но, сколько онъ ни напрягалъ слухъ, ничего не слышно было, кромѣ звука вѣтра, свистѣвшаго въ оглобляхъ и трепавшаго платокъ, и снѣга, стегавшаго о лубокъ саней.

Никита какъ сѣлъ съ вечера, такъ и сидѣлъ все время, не шевелясь и даже не отвѣчая на обращенія Василія Андреича, который раза два окликалъ его. «Ему и горюшка мало, спитъ, должно», съ досадой думалъ Василій Андреичъ, заглядывая черезъ задокъ саней на густо засыпаннаго снѣгомъ Никиту.

Василій Андреичъ вставалъ и ложился разъ двадцать. Ему казалось, что конца не будетъ этой ночи. «Теперь уже, должно быть, близко къ утру», подумалъ онъ разъ, поднимаясь и оглядываясь. «Дай, посмотрю на часы. Озябнешь раскрываться. Ну, да коли узнаю, что къ утру дѣло, все веселѣе будетъ. Запрягать станемъ». Василій Андреичъ въ глубинѣ души зналъ, что не можетъ быть еще утро, но онъ все сильнѣе и сильнѣе начиналъ робѣть и хотѣлъ въ одно и то же время и провѣрить и обмануть себя. Онъ осторожно распустилъ крючки полушубка и, засунувъ руку за пазуху, долго копался, пока досталъ до жилетки. Насилу, насилу вытащилъ онъ свои серебряные съ эмалевыми цвѣтками часы и сталъ смотрѣть. Безъ огня ничего не видно было. Онъ опять легъ ничкомъ на локти и на колѣнки, такъ же, какъ когда закуривалъ, досталъ спички, сталъ зажи-

гать. Теперь онъ аккуратнѣе взялся за дѣло и, ощупавъ пальцами спичку съ самымъ большимъ количествомъ фосфора, съ перваго раза зажегъ ее. Подсунувъ циферблатъ подъ свѣтъ, онъ взглянулъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ... Было всего десять минутъ перваго. Еще вся ночь была впереди.

«Охъ, длинна ночь!» подумалъ Василій Андреичъ, чувствуя, какъ морозъ пробѣжалъ ему по спинѣ, и, застегнувшись опять и укрывшись, онъ прижался къ углу саней, собираясь терпѣливо ждать. Вдругъ изъ-за однообразнаго шума вѣтра онъ явственно услышалъ какой-то новый, живой звукъ. Звукъ равномѣрно усиливался и, дойдя до совершенной явственности, такъ же равномѣрно сталъ ослабѣвать. Не было никакого сомнѣнія, что это былъ волкъ. И волкъ этотъ вылъ такъ недалеко, что по вѣтру я но было слышно, какъ онъ, ворочая челюстями, измѣнялъ звуки своего голоса. Василій Андреичъ откинулъ воротникъ и внимательно слушалъ. Мухортый также напряженно слушалъ, поводя ушами, и, когда волкъ кончилъ свое колѣно, переставилъ ноги и предостерегающе фыркнулъ. Послѣ этого Василій Андреичъ уже никакъ не могъ не только заснуть, но и успокоиться. Сколько онъ ни старался думать о своихъ расчетахъ, дѣлахъ и о своей славѣ и своемъ достоинствѣ и богатствѣ, страхъ все больше и больше завладѣвалъ имъ и надъ всѣми мыслями преобладала и ко всѣмъ мыслямъ примѣшивалась мысль о томъ, зачѣмъ онъ не остался ночевать въ Гришкинѣ.

«Богъ съ нимъ, съ лѣсомъ, безъ него дѣлъ слава Богу. Эхъ, ночевать бы!» говорилъ онъ себѣ. «Говорятъ, пьяные-то замерзаютъ,—подумалъ онъ.—А я выпилъ». И, прислушиваясь къ своему ощущенію, онъ чувствовалъ, что начиналъ дрожать, самъ не зная, отъ чего онъ дрожитъ—отъ холода или отъ страха. Онъ пробовалъ закрыться и лежать какъ прежде, но уже не могъ этого сдѣлать. Онъ не могъ оставаться на мѣстѣ, ему хотѣлось встать, предпринять что-нибудь, съ тѣмъ, чтобы заглушить поднимающійся въ немъ страхъ, противъ котораго онъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Онъ опять досталъ папироски и спички, но спичекъ уже оставалось только три и всѣ худшія. Всѣ три ошмурыгались, не загорѣвшись.

«А, чортъ тебя дери, проклятая, провались ты!» обругалъ онъ самъ, не зная кого, и швырнулъ смятую папироску. Хотѣлъ швырнуть и спичечницу, но остановилъ движеніе руки и сунулъ ее въ карманъ. На него нашло такое безпокойство, что онъ не могъ больше оставаться на мѣстѣ. Онъ вылѣзъ изъ саней и, ставъ задомъ къ вѣтру, началъ туго и низко вновь перепоясываться.

«Что лежать-то, смерти дожидаться! Сѣсть верхомъ да и маршъ», вдругъ пришло ему въ голову. «Верхомъ лошадь не станетъ. Ему,—подумалъ онъ на Никиту,—все равно умирать. Какая его жизнь! Ему и жизни не жалко, а мнѣ, слава Богу, есть чѣмъ пожить»...

И онъ, отвязавъ лошадь, перекинулъ ей поводья на шею и хотѣлъ вскочить на нее, но шубы и сапоги были такъ тяжелы, что онъ сорвался. Тогда онъ всталъ на сани и хотѣлъ съ саней сѣсть. Но сани покачнулись подъ его тяжестью, и онъ опять оборвался. Наконецъ въ третій разъ онъ подвинулъ лошадь къ санямъ и, осторожно ставъ на край ихъ, добился-таки того, что легъ брюхомъ поперекъ спины лошади. Полежавъ такъ, онъ посунулся впередъ разъ, два и наконецъ перекинулъ ногу черезъ спину лошади и усѣлся, упираясь ступнями ногъ на долевой ремень шлеи. Толчокъ пошатнувшихся саней разбудилъ Никиту, и онъ приподнялся, и Василію Андреичу показалось, что онъ говоритъ что-то.

— Слушай васъ, дураковъ! Что жъ, пропадать такъ, ни за что?—крикнулъ Василій Андреичъ и, подправляя подъ колѣни развѣвающіяся полы шубы, повернулъ лошадь и погналъ ее прочь отъ саней по тому направленію, въ которомъ онъ предполагалъ, что долженъ быть лѣсъ и сторожка.

VII.

Никита, съ тѣхъ поръ какъ сѣлъ, покрывшись дерюжкой, за задкомъ саней, сидѣлъ неподвижно. Онъ, какъ и всѣ люди, живущіе съ природой и знающіе нужду, былъ терпѣливъ и могъ спокойно ждать часы, дни даже, не испытывая ни безпокойства, ни раздраженія. Онъ слышалъ, какъ хозяинъ звалъ его, но не откликался, потому что не хотѣлъ шевелиться и откликаться. Хотя ему еще было тепло отъ выпитаго чая и отъ того, что онъ много двигался, лазяя по сугробамъ, онъ зналъ, что тепла этого хватитъ ненадолго, а что согрѣваться движеніемъ онъ уже будетъ не въ силахъ, потому что чувствовалъ себя такъ же усталымъ, какъ чувствуетъ себя лошадь, когда она становится, не можетъ, несмотря ни на какой кнутъ, идти дальше, и хозяинъ видитъ, что надо кормить, чтобы она вновь могла работать. Одна нога его въ прорванномъ сапогѣ остыла и онъ уже не чуялъ на ней большого пальца. И кромѣ того всему тѣлу его становилось все холоднѣе и холоднѣе. Мысль о томъ, что онъ можетъ и даже, по всѣмъ вѣроятіямъ, долженъ умереть въ эту ночь, пришла ему, но мысль эта показалась ему не осо-

бенно непріятной, ни особенно страшной. Не особенно непріятна показалась ему эта мысль потому, что вся его жизнь не была постояннымъ праздникомъ, а, напротивъ, была неперестающей службой, отъ которой онъ начиналъ уставать. Не особенно же страшна была эта мысль потому, что, кромѣ тѣхъ хозяевъ, какъ Василій Андреичъ, которымъ онъ служилъ здѣсь, онъ чувствовалъ себя всегда въ этой жизни въ зависимости отъ главнаго Хозяина, Того, который послалъ его въ эту жизнь; и зналъ, что и умирая онъ останется во власти этого же Хозяина, а что Хозяинъ этотъ не обидитъ. «Жаль бросать обжитое, привычное? Ну, да что же дѣлать, и къ новому привыкать надо».

«Грѣхи?» подумалъ онъ и вспомнилъ свое пьянство, пропитыя деньги, обиды женѣ, ругательства, нехожденіе въ церковь, несоблюденіе постовъ и все то, за что̀ выговаривалъ ему попъ на исповѣди. «Извѣстно, грѣхи. Да что жъ, развѣ я самъ ихъ на себя напустилъ? Такимъ, видно, меня Богъ сдѣлалъ. Ну, и грѣхи! Куда жъ дѣнешься?»

Такъ онъ подумалъ сначала о томъ, что̀ можетъ случиться съ нимъ въ эту ночь, и потомъ уже не возвращался къ этимъ мыслямъ и отдался тѣмъ воспоминаніямъ, которыя сами собой приходили ему въ голову. То онъ вспоминалъ пріѣздъ Мароы и пьянство рабочихъ и свои отказы отъ вина, то теперешнюю поѣздку и Тарасову избу и разговоры о дѣлежахъ, то о своемъ маломъ и о Мухортомъ, который угрѣется теперь подъ попоной, то о хозяинѣ, который скрипитъ теперь санями, ворочаясь въ нихъ. «Тоже, я чай, сердечный, самъ не радъ, что поѣхалъ, — думалъ онъ. — Отъ такого житья помирать не хочется. Не то, что нашъ братъ». И всѣ эти воспоминанія стали переплетаться, мѣшаться въ его головѣ, и онъ заснулъ.

Когда же Василій Андреичъ, садясь на лошадь, покачнулъ сани, и задокъ, на который Никита упирался спиной, совсѣмъ отдернулся и его полозомъ ударило въ спину, онъ проснулся и волей-неволей принужденъ былъ измѣнить свое положеніе. Съ трудомъ выпрямляя ноги и осыпая съ нихъ снѣгъ, онъ поднялся, и тотчасъ же мучительный холодъ пронизалъ все его тѣло. Понявъ, въ чемъ дѣло, онъ хотѣлъ, чтобы Василій Андреичъ оставилъ ему ненужное теперь для лошади веретье, чтобы укрыться имъ, и закричалъ ему объ этомъ.

Но Василій Андреичъ не остановился и скрылся въ снѣжной пыли.

Оставшись одинъ, Никита задумался на минуту, что ему дѣлать. Идти искать жилья онъ чувствовалъ себя не въ силахъ.

Сѣсть на старое мѣсто уже нельзя было,—оно все было засыпано снѣгомъ. И въ саняхъ, онъ чувствовалъ, что не согрѣется, потому что ему нечѣмъ было покрыться, его же кафтанъ и шуба теперь совсѣмъ не грѣли его, Ему было такъ холодно, какъ будто онъ былъ въ одной рубахѣ. Ему стало жутко. «Батюшка, Отецъ Небесный!» проговорилъ онъ, и сознаніе того, что онъ не одинъ, а Кто-то слышитъ его и не оставитъ, успокоило его. Онъ глубоко вздохнулъ и, не снимая съ головы дерюжки, влѣзъ въ сани и легъ въ нихъ на мѣсто хозяина.

Но и въ саняхъ онъ никакъ не могъ согрѣться. Сначала онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, потомъ дрожь прошла, и онъ понемногу сталъ терять сознаніе. Умиралъ онъ или засыпалъ, — онъ не зналъ, но чувствовалъ себя одинаково готовымъ на то и на другое.

VIII.

Между тѣмъ Василій Андреичъ и ногами и концами повода гналъ лошадь туда, гдѣ онъ почему-то предположилъ лѣсъ и сторожку. Снѣгъ слѣпилъ ему глаза, а вѣтеръ, казалось, хотѣлъ остановить его, но онъ, нагнувшись впередъ и безпрестанно запахивая шубу и подвертывая ее между собой и мѣшавшей ему сидѣть холодной сѣделкой, не переставая гналъ лошадь. Лошадь хоть съ трудомъ, но покорно шла иноходью туда, куда онъ посылалъ ее.

Минутъ пять онъ ѣхалъ, какъ ему казалось, все прямо, ничего не видя, кромѣ головы лошади и бѣлой пустыни, и ничего не слыша, кромѣ свиста вѣтра около ушей лошади и воротника своей шубы.

Вдругъ передъ нимъ зачернѣлось что-то. Сердце радостно забилось въ немъ, и онъ поѣхалъ на это черное, ужъ видя въ немъ стѣны домовъ деревни. Но черное это было не неподвижно, а все шевелилось, и было не деревня, а выросшій на межѣ высокій чернобыльникъ, торчавшій изъ-подъ снѣга и отчаянно мотавшійся подъ напоромъ гнувшаго его все въ одну сторону и свистѣвшаго въ немъ вѣтра. И почему-то видъ этого чернобыльника, мучимаго немилосерднымъ вѣтромъ, заставилъ содрогнуться Василія Андреича, и онъ поспѣшно сталъ погонять лошадь, не замѣчая того, что, подъѣзжая къ чернобыльнику, онъ совершенно измѣнилъ прежнее направленіе и теперь гналъ лошадь совсѣмъ уже въ другую сторону, все-таки воображая, что онъ ѣдетъ въ ту сторону, гдѣ должна была быть сторожка. Но лошадь все воротила вправо, и потому онъ все время сворачивалъ ее влѣво.

Опять впереди его зачернѣло что-то. Онъ обрадовался, увѣренный, что теперь это уже навѣрное деревня. Но это была опять межа, поросшая чернобыльникомъ. Опять такъ же отчаянно трепался сухой бурьянъ, наводя почему-то страхъ на Василія Андреича. Но мало того, что это былъ такой же бурьянъ, — подлѣ него шелъ конный, заносимый вѣтромъ слѣдъ. Василій Андреичъ остановился, нагнулся, пригляделся; это былъ лошадиный слегка занесенный слѣдъ и не могъ быть не чей иной, какъ его собственный. Онъ, очевидно, кружился и на небольшомъ пространствѣ. «Пропаду я такъ!» подумалъ онъ; но, чтобы не поддаваться страху, онъ еще усиленнѣе сталъ погонять лошадь, вглядываясь въ бѣлую снѣжную мглу, въ которой ему показывались какъ будто свѣтящіяся точки, тотчасъ же исчезавшія, какъ только онъ вглядывался въ нихъ. Разъ ему показалось, что онъ слышитъ лай собакъ или вой волковъ, но звуки эти были такъ слабы и неопредѣленны, что онъ не зналъ, слышитъ ли онъ что̀ или это только чудится ему, и онъ, остановившись, сталъ напряженно прислушиваться.

Вдругъ какой-то страшный, оглушающій крикъ раздался около его ушей, и все задрожало и затрепетало подъ нимъ. Василій Андреичъ схватился за шею лошади, но и шея лошади вся тряслась, и страшный крикъ сталъ еще ужаснѣе. Нѣсколько секундъ Василій Андреичъ не могъ опомниться и понять, что̀ случилось. А случилось только то, что Мухортый, ободряя ли себя или призывая кого на помощь, заржалъ своимъ громкимъ, заливистымъ голосомъ. «Тьфу ты пропасть! напугалъ какъ, проклятый!» сказалъ себѣ Василій Андреичъ. Но и понявъ истинную причину страха, онъ не могъ уже разогнать его.

«Надо одуматься, остепениться», говорилъ онъ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ удержаться и все гналъ лошадь, не замѣчая того, что онъ ѣхалъ теперь уже по вѣтру, а не противъ него. Тѣло его, особенно въ шагу, гдѣ оно было открыто и касалось сѣделки, зябло и болѣло, руки и ноги его дрожали, и дыханіе было прерывисто. Онъ видитъ, что пропадаетъ среди этой ужасной снѣжной пустыни, и не видитъ никакого средства спасенія.

Вдругъ лошадь куда-то ухнула подъ нимъ и, завязши въ сугробѣ, стала биться и падать на бокъ. Василій Андреичъ соскочилъ съ нея, при соскакиваніи сдернувъ на бокъ шлею, на которую опиралась его нога, и свернувъ сѣделку, за которую держался соскакивая. Какъ только Василій Андреичъ соскочилъ съ нея, лошадь справилась, рванулась впередъ, сдѣлала

прыжокъ, другой и, опять заржавши и таща за собой волочившееся веретье и шлею, скрылась изъ вида, оставивъ Василія Андреича одного въ сугробѣ. Василій Андреичъ бросился за нею, но снѣгъ былъ такъ глубокъ и шубы на немъ такъ тяжелы, что, увязая каждой ногой выше колѣна, онъ, сдѣлавъ не болѣе 20 шаговъ, запыхался и остановился. «Роща, валухи, аренда, лавка, кабаки, желѣзомъ крытый домъ и амбаръ, наслѣдникъ,—подумалъ онъ,—какъ же это все останется? Что жъ это такое? Не можетъ быть!» мелькнуло у него въ головѣ. И почему-то ему вспомнился мотавшійся отъ вѣтра чернобыльникъ, мимо котораго онъ проѣзжалъ два раза, и на него нашелъ такой ужасъ, что онъ не вѣрилъ въ дѣйствительность того, что съ нимъ было. Онъ подумалъ: «не во снѣ ли все это?» и хотѣлъ проснуться, но просыпаться некуда было. Это былъ дѣйствительный снѣгъ, который хлесталъ ему лицо и засыпалъ его и холодилъ его правую руку, съ которой онъ потерялъ перчатку, и это была дѣйствительная пустыня, та, въ которой онъ теперь оставался одинъ, какъ тотъ чернобыльникъ, ожидая неминуемой, скорой и безсмысленной смерти.

«Царица Небесная, святителю отче Миколае, воздержанія учителю», вспомнилъ онъ вчерашніе молебны и образъ съ чернымъ ликомъ въ золотой ризѣ и свѣчи, которыя онъ продавалъ къ этому образу и которыя тотчасъ приносили ему назадъ и которыя онъ чуть обгорѣвшія пряталъ въ ящикъ. И онъ сталъ просить этого самаго Николая чудотворца, чтобы онъ спасъ его, обѣщалъ ему молебенъ и свѣчи. Но тутъ же онъ ясно, несомнѣнно понялъ, что этотъ ликъ, риза, свѣчи, священникъ, молебны, — все это было очень важно и нужно тамъ, въ церкви, но что здѣсь они ничего не могли сдѣлать ему, что между этими свѣчами и молебнами и его бѣдственнымъ теперешнимъ положеніемъ нѣтъ и не можетъ быть никакой связи. «Надо не унывать», подумалъ онъ. «Надо идти по слѣдамъ лошади, а то и тѣ занесетъ», пришло ему въ голову. «Она выведетъ, а то и поймаю. Только не торопиться, а то зарьяешь и хуже пропадешь». Но, несмотря на намѣреніе идти тихо, онъ бросился впередъ и бѣжалъ, безпрестанно падая, поднимаясь и опять падая. Слѣдъ лошади уже становился чуть замѣтенъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ снѣгъ былъ неглубокъ. «Пропалъ я,—подумалъ Василій Андреичъ,—потеряю и слѣдъ, и лошади не догоню». Но въ ту же минуту, взглянувъ впередъ, онъ увидалъ что-то черное. Это былъ Мухортый и не только одинъ Мухортый, но и сани и оглобли съ платкомъ. Мухортый со сбитой на бокъ шлеей и веретьемъ стоялъ теперь не на прежнемъ мѣстѣ, а ближе къ оглоблямъ и моталъ

головой, которую заступленный поводъ притягивалъ ему книзу. Оказалось, что завязъ Василій Андреичъ въ той самой лощинѣ, въ которой они завязли еще съ Никитой, что лошадь везла его назадъ къ санямъ и что соскочилъ онъ съ нея не больше 50 шаговъ отъ того мѣста, гдѣ были сани.

IX.

Дովалившись до саней, Василій Андреичъ схватился за нихъ и долго стоялъ такъ неподвижно, стараясь успокоиться и отдышаться. На прежнемъ мѣстѣ Никиты не было, но въ саняхъ лежало что то, занесенное уже снѣгомъ, и Василій Андреичъ догадался, что это былъ Никита. Страхъ Василія Андреича теперь совершенно прошелъ, и если онъ боялся чего, то только того ужаснаго состоянія страха, который онъ испыталъ на лошади и въ особенности тогда, когда одинъ остался въ сугробѣ. Надо было во что бы то ни стало не допустить до себя этого страха, а чтобы не допустить его, надо было дѣлать что-нибудь, чѣмъ-нибудь заняться. И потому первое, что̀ онъ сдѣлалъ, было то, что онъ, ставъ задомъ къ вѣтру, распустилъ шубу. Потомъ, какъ только онъ немного отдышался, онъ вытряхнулъ снѣгъ изъ сапогъ, изъ лѣвой перчатки, правая была безнадежно потеряна и, должно быть, ужъ гдѣ-нибудь на двѣ четверти подъ снѣгомъ; потомъ онъ вновь туго и низко, какъ онъ подтягивался, когда выходилъ изъ лавки покупать съ возовъ привозимый мужиками хлѣбъ, затянулся кушакомъ и приготовился къ дѣятельности. Первое дѣло, которое представилось ему, было то, чтобы выпростать ногу лошади. Василій Андреичъ и сдѣлалъ это и, освободивъ поводъ, привязалъ Мухортаго опять къ желѣзной скобкѣ у передка къ старому мѣсту и сталъ заходить сзади лошади, чтобы оправить на ней шлею, сѣделку и веретье, но въ это время онъ увидалъ, что въ саняхъ зашевелилось что-то, и изъ-подъ снѣга, которымъ она была засыпана, поднялась голова Никиты. Очевидно, съ большимъ усиліемъ, замерзавшій уже Никита приподнялся и сѣлъ, какъ-то странно, точно отгоняя мухъ, махая предъ носомъ рукой. Онъ махалъ рукой и говорилъ что-то, какъ показалось Василію Андреичу, призывая его. Василій Андреичъ оставилъ веретье, не поправивъ его, и подошелъ къ санямъ.

— Чего ты?—спросилъ онъ.—Чего говоришь?

— Поми-ми-мираю я, вотъ что, — съ трудомъ, прерывистымъ голосомъ выговорилъ Никита. — Зажитое малому отдай, али бабѣ, все равно.

— А что жъ, аль зазябъ? — спросилъ Василій Андреичъ.

— Чую, смерть моя... прости, Христа ради...—сказалъ Никита плачущимъ голосомъ, все продолжая, точно обмахивая мухъ, махать предъ лицомъ руками.

Василій Андреичъ съ полминуты постоялъ молча и неподвижно, потомъ вдругъ съ тою же рѣшительностью, съ которой онъ ударялъ по рукамъ при выгодной покупкѣ, онъ отступилъ шагъ назадъ, засучилъ рукава шубы и обѣими руками принялся выгребать снѣгъ съ Никиты и изъ саней. Выгребши снѣгъ, Василій Андреичъ поспѣшно распоясался, расправилъ шубу и, толкнувъ Никиту, легъ на него, покрывая его не только своею шубой, но и всѣмъ своимъ теплымъ, разгоряченнымъ тѣломъ. Заправивъ руками полы шубы между лубкомъ саней и Никитой и колѣнками ногъ прихвативъ ея подолъ, Василій Андреичъ лежалъ такъ ничкомъ, упершись головой въ лубокъ передка, и теперь уже не слышалъ ни движенія лошади, ни свиста бури, а только прислушивался къ дыханію Никиты. Никита сначала долго лежалъ неподвижно, потомъ громко вздохнулъ и пошевелился.

— А вотъ то-то, а ты говоришь--помираешь. Лежи, грѣйся, мы вотъ какъ...—началъ было Василій Андреичъ.

Но дальше онъ, къ своему великому удивленію, не могъ говорить, потому что слезы ему выступили на глаза, и нижняя челюсть быстро запрыгала. Онъ пересталъ говорить и только глоталъ то, что подступало ему къ горлу. «Натращался я, видно; ослабъ вовсе», подумалъ онъ на себя. Но слабость эта его не только не была ему непріятна, но доставляла ему какую-то особенную, неиспытанную еще никогда радость.

«Мы вотъ какъ», говорилъ онъ себѣ, испытывая какое-то особенное торжественное умиленіе. Довольно долго онъ лежалъ такъ молча, вытирая глаза о мѣхъ шубы и подбирая подъ колѣни все заворачиваемую вѣтромъ правую полу шубы.

Но ему такъ страстно захотѣлось сказать кому-нибудь про свое радостное состояніе.

— Микита!—сказалъ онъ.

-- Хорошо, тепло,—откликнулось ему снизу.

— Такъ-то, братъ, пропалъ было я. И ты бы замерзъ и я бы...

Но тутъ опять у него задрожали скулы, и глаза его опять наполнились слезами, и онъ не могъ дальше говорить.

«Ну, ничего», подумалъ онъ. «Я самъ про себя знаю, что знаю».

И онъ замолкъ. Такъ онъ лежалъ долго.

Ему было тепло снизу отъ Никиты, тепло и сверху отъ шубы; только руки, которыми онъ придерживалъ полы шубы

по бокамъ Никиты, и ноги, съ которыхъ вѣтеръ безпрестанно сворачивалъ шубу, начинали зябнуть. Особенно зябла правая рука безъ перчатки. Но онъ не думалъ ни о своихъ ногахъ, ни о рукахъ, а думалъ только о томъ, какъ бы отогрѣть лежащаго подъ собой мужика.

Нѣсколько разъ онъ взглядывалъ на лошадь и видѣлъ, что спина ея раскрыта и веретье съ шлеей лежатъ на снѣгу, что надо бы встать и покрыть лошадь, но онъ не могъ рѣшиться ни на минуту оставить Никиту и нарушить то радостное состояніе, въ которомъ онъ находился. Страха онъ теперь не испытывалъ никакого.

«Небось, не вывернется», говорилъ онъ самъ себѣ про то, что онъ отогрѣетъ мужика, съ тѣмъ же хвастовствомъ, съ которымъ онъ говорилъ про свои покупки и продажи.

Такъ полежалъ Василій Андреичъ часъ, и другой, и третій но онъ не видалъ, какъ проходило время. Сначала въ воображеніи его носились впечатлѣнія мятели, оглобель и лошади подъ дугой, трясущихся передъ глазами, и вспоминалось о Никитѣ, лежащемъ подъ нимъ; потомъ стали примѣшиваться воспоминанія о праздникѣ, женѣ, становомъ, свѣчномъ ящикѣ и опять о Никитѣ, лежащемъ подъ этимъ ящикомъ; потомъ стали представляться мужики, продающіе и покупающіе, и бѣлыя стѣны, и дома, крытые желѣзомъ, подъ которыми лежалъ Никита; потомъ все это смѣшалось, одно вошло въ другое, и, какъ цвѣта радуги, соединяющіеся въ одинъ бѣлый свѣтъ, всѣ разныя впечатлѣнія сошлись въ одно ничто, и онъ заснулъ. Онъ спалъ долго, безъ сновъ, но предъ разсвѣтомъ опять появились сновидѣнія. Представилось ему, что стоитъ онъ будто у свѣчного ящика и Тихонова баба требуетъ у него 5-копеечную свѣчу къ празднику, и онъ хочетъ взять свѣчу и дать ей, но руки не поднимаются, а зажаты въ карманахъ. Хочетъ онъ обойти ящикъ, но ноги не движутся, а калоши новыя, чищенныя приросли къ каменному полу и ихъ не поднимешь и изъ нихъ не вынешь. И вдругъ свѣчной ящикъ становится не свѣчнымъ ящикомъ, а постелью, и Василій Андреичъ видитъ себя лежащимъ на брюхѣ на свѣчномъ ящикѣ, т.-е. на своей постели въ своемъ домѣ. И лежитъ онъ на постели и не можетъ встать, а встать ему надо, потому что сейчасъ зайдетъ за нимъ Иванъ Матвѣичъ, становой, и съ Иваномъ Матвѣичемъ надо идти либо торговать рощу, либо поправить шлею на Мухортомъ. И спрашиваетъ онъ у жены: «Что же, Миколавна, не заходилъ?» — «Нѣтъ, говоритъ, не заходилъ». И слышитъ онъ, что подъѣзжаетъ кто - то къ крыльцу. Должно, онъ. Нѣтъ,

мимо. «Миколавна, а Миколавна, что жъ, все нѣту?» — «Нѣту». И онъ лежитъ на постели и все не можетъ встать и все ждетъ, и ожиданіе это и жутко и радостно. И вдругъ радость совершается: приходитъ тотъ, кого онъ ждалъ, и это ужъ не Иванъ Матвѣичъ, становой, а кто-то другой, но тотъ самый, кого онъ ждетъ. Онъ пришелъ и зоветъ его, и этотъ, тотъ, кто зоветъ его, тотъ самый, который кликнулъ его и велѣлъ ему лечь на Никиту. И Василій Андреичъ радъ, что этотъ кто-то пришелъ за нимъ. «Иду!» кричитъ онъ радостно, и крикъ этотъ будитъ его. И онъ просыпается, но просыпается совсѣмъ ужъ не тѣмъ, какимъ онъ заснулъ. Онъ хочетъ встать—и не можетъ, хочетъ двинуть рукой — не можетъ, ногой — тоже не можетъ. Хочетъ повернуть головой—и того не можетъ. И онъ удивляется, но нисколько не огорчается этимъ. Онъ понимаетъ, что это смерть, и нисколько не огорчается и этимъ. И онъ вспоминаетъ, что Никита лежитъ подъ нимъ, что онъ угрѣлся и живъ, и ему кажется, что онъ — Никита, а Никита — онъ, и что жизнь его не въ немъ самомъ, а въ Никитѣ. Онъ напрягаетъ слухъ и слышитъ дыханіе и даже слабый храпъ Никиты. «Живъ Никита, значитъ живъ и я», съ торжествомъ говоритъ онъ себѣ.

И онъ вспоминаетъ про деньги, про лавку, домъ, покупки, продажи и милліоны Мироновыхъ; ему трудно понять, зачѣмъ этотъ человѣкъ, котораго звали Василіемъ Брехуновымъ, занимался всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ занимался. «Что жъ, вѣдь онъ не зналъ въ чемъ дѣло», думаетъ онъ про Василія Брехунова. «Не зналъ, такъ теперь знаю. Теперь ужъ безъ ошибки. *Теперь знаю*». И опять слышитъ онъ зовъ того, кто уже окликалъ его. «Иду, иду!» радостно, умиленно говоритъ все существо его. И онъ чувствуетъ, что онъ свободенъ и ничто уже больше не держитъ его.

И больше уже ничего не видѣлъ и не слышалъ, и не чувствовалъ въ этомъ мірѣ Василій Андреичъ.

Кругомъ все также курило. Тѣ же вихри снѣга крутились, засыпали шубу мертваго Василія Андреича и всего трясущагося Мухортаго, и чуть видныя уже сани, и въ глубинѣ ихъ лежащаго подъ мертвымъ уже хозяиномъ угрѣвшагося Никиту.

X.

Предъ утромъ проснулся Никита. Разбудилъ его опять начавшій пробирать его спину холодъ. Приснилось ему, что онъ ѣдетъ съ мельницы съ возомъ хозяйской муки и, переѣзжая ручей, взялъ мимо моста и завязилъ возъ. И видитъ онъ, что

29*

онъ подлѣзъ подъ возъ и поднимаетъ его, расправляя спину. Но—удивительное дѣло!—возъ не двигается и прилипъ ему къ спинѣ, и онъ не можетъ ни поднять воза, ни уйти изъ-подъ него. Всю поясницу раздавило. Да и холодный же! Видно, вылѣзать надо. «Да будетъ», говоритъ онъ кому-то тому, кто давитъ ему возомъ спину. «Вынимай мѣшки!» Но возъ все холоднѣе и холоднѣе давитъ его, и вдругъ стукаетъ что-то особенное, и онъ просыпается совсѣмъ и вспоминаетъ все. Холодный возъ — это мертвый замерзшій хозяинъ, лежащій на немъ. А стукнулъ — это Мухортый, ударившій два раза копытомъ о сани.

— Андреичъ, а Андреичъ! — осторожно, уже предчувствуя истину, окликаетъ Никита хозяина, напруживая спину.

Но Андреичъ не отзывается, и брюхо его и ноги — крѣпкія и холодныя и тяжелыя, какъ гири.

«Кончился, должно. Царство небесное!» думаетъ Никита.

Онъ повертываетъ голову, прокапываетъ предъ собой снѣгъ рукой и открываетъ глаза. Свѣтло; такъ же свиститъ вѣтеръ въ оглобляхъ, и такъ же сыплется снѣгъ, съ тою только разницей, что ужъ не стегаетъ о лубокъ саней, а беззвучно засыпаетъ сани и лошадь все выше и выше, и ни движенія, ни дыханія лошади не слышно больше. «Замерзъ, должно, и онъ», думаетъ Никита про Мухортаго. И дѣйствительно, тѣ удары копытъ о сани, которые разбудили Никиту, были предсмертныя усилія удержаться на ногахъ уже совсѣмъ застывшаго Мухортаго.

«Господи, Батюшка, видно, и меня зовешь», говоритъ себѣ Никита. «Твоя святая воля. А жутко. Ну, да двухъ смертей не бывать, а одной не миновать. Только поскорѣе бы»... И онъ опять прячетъ руку, закрывая глаза, и забывается, вполнѣ увѣренный, что теперь онъ ужъ навѣрное и совсѣмъ умираетъ. Уже въ обѣдъ на другой день мужики откопали лопатами Василія Андреича и Никиту въ 30 саженяхъ отъ дороги и въ полуверстѣ отъ деревни.

Снѣгъ нанесло выше саней, но оглобли и платокъ на нихъ были еще видны. Мухортый по брюхо въ снѣгу съ сбившимися со спины шлеей и веретьемъ стоялъ весь бѣлый, прижавъ мертвую голову къ закостенѣлому кадыку; ноздри обмерзли сосульками, глаза заиндевѣли и тоже обмерзли, точно слезами. Онъ исхудалъ въ одну ночь такъ, что остались на немъ только кости да кожа. Василій Андреичъ застылъ какъ мороженая туша, и какъ были у него разставлены ноги, такъ, раскорячившись, его и отвалили съ Никиты. Ястребиные выпуклые

глаза его обмерзли, и раскрытый ротъ его подъ подстриженными усами былъ набитъ снѣгомъ. Никита же былъ живъ, хотя и весь обмороженный. Когда Никиту разбудили, онъ былъ увѣренъ, что теперь онъ ужъ умеръ и что то, что съ нимъ теперь дѣлается, происходитъ уже не на этомъ, а на томъ свѣтѣ. Но когда онъ услыхалъ кричащихъ мужиковъ, откапывавшихъ его и сваливавшихъ съ него закоченѣвшаго Василія Андреича, онъ сначала удивился, что на томъ свѣтѣ такъ же кричатъ мужики и такое же тѣло; но когда понялъ, что онъ еще здѣсь, на этомъ свѣтѣ, онъ скорѣе огорчился этимъ, чѣмъ обрадовался, особенно когда почувствовалъ, что у него пальцы на обѣихъ ногахъ отморожены.

Пролежалъ Никита въ больницѣ два мѣсяца. Три пальца ему отняли, а остальные зажили, такъ что онъ могъ работать, и еще двадцать лѣтъ продолжалъ жить — сначала въ работникахъ, а потомъ, подъ старость, въ караульщикахъ. Померъ онъ только въ нынѣшнемъ году дома, какъ желалъ, подъ святыми и съ зажженной восковой свѣчкой въ рукахъ. Передъ смертью онъ просилъ прощенія у своей старухи и простилъ ее за бондаря; простился и съ малымъ и съ внучатами и умеръ, истинно радуясь тому, что избавляетъ своею смертью сына и сноху отъ обузы лишняго хлѣба и самъ, уже по-настоящему, переходитъ изъ этой наскучившей ему жизни въ ту иную жизнь, которая съ каждымъ годомъ и часомъ становилась ему все понятнѣе и заманчивѣе. Лучше или хуже ему тамъ, гдѣ онъ послѣ этой настоящей смерти проснулся, разочаровался ли онъ, или нашелъ тамъ то самое, что̀ ожидалъ,—мы всѣ скоро узнаемъ.

1895 г.

ТРИ ПРИТЧИ.

Первая притча.

Выросла сорная трава на хорошемъ лугу. И, чтобы избавиться отъ нея, владѣльцы луга скашивали ее, а сорная трава отъ этого только умножалась. И вотъ добрый и мудрый хозяинъ посѣтилъ владѣльцевъ луга и въ числѣ другихъ поученій, которыя онъ давалъ имъ, сказалъ и о томъ, что не надо косить сорную траву, такъ какъ она только больше распложается отъ этого, а надо вырывать ее съ корнемъ.

Но или потому, что владѣльцы луга не замѣтили въ числѣ другихъ предписаній добраго хозяина предписанія о томъ, чтобы не косить сорной травы, а вырывать ее, или потому, что не поняли его, или потому, что по своимъ расчетамъ не хотѣли исполнить этого, но вышло такъ, что предписаніе о томъ, чтобы не косить сорной травы, а вырывать ее, не исполнялось, какъ будто его никогда и не было, и люди продолжали косить сорную траву и размножать ее. И хотя въ послѣдующіе годы и бывали люди, которые напоминали владѣльцамъ луга предписаніе добраго и мудраго хозяина, но ихъ не слушали и продолжали поступать попрежнему, такъ что скашивать сорную траву, какъ только она показывалась, сдѣлалось не только обыкновеніемъ, но даже священнымъ преданіемъ, и лугъ все больше и больше засорялся. И дошло дѣло до того, что въ лугу стали однѣ сорныя травы, и люди плакались на это и придумывали всякія средства для поправленія дѣла, но не употребляли только одного того, которое давно уже было предложено имъ добрымъ и мудрымъ хозяиномъ. И вотъ случилось въ послѣднее время одному человѣку, видѣвшему то жалкое положеніе, въ которомъ находился лугъ, и нашедшему въ забытыхъ предписаніяхъ хозяина правило о томъ, чтобы не косить сорной травы, а вырывать ее съ корнемъ, — случилось этому человѣку напо-

мнить владѣльцамъ луга о томъ, что они поступали неразумно и что неразуміе это уже давно указано было добрымъ и мудрымъ хозяиномъ.

И что же? Вмѣсто того, чтобы провѣрить справедливость напоминанія этого человѣка и въ случаѣ вѣрности его перестать косить сорную траву и въ случаѣ невѣрности его доказать ему несправедливость его напоминанія или признать предписанія добраго и мудраго хозяина неосновательными и для себя необязательными, владѣльцы луга не сдѣлали ни того, ни другого, ни третьяго, а обидѣлись на напоминанія того человѣка и стали бранить его. Одни называли его безумнымъ гордецомъ, вообразившимъ себѣ, что онъ одинъ изъ всѣхъ понялъ предписаніе хозяина; другіе—злостнымъ лжетолкователемъ и клеветникомъ; третьи, забывъ о томъ, что онъ говорилъ не свое, но напоминалъ только предписанія почитаемаго всѣми мудраго хозяина, называли его зловреднымъ человѣкомъ, желающимъ развести дурную траву и лишить людей ихъ луга. «Онъ говоритъ, что не надо косить траву, а если мы не будемъ уничтожать траву,— говорили они, нарочно умалчивая о томъ, что человѣкъ говорилъ не о томъ, что не надо уничтожать сорную траву, а о томъ, что надо не косить, а вырывать ее,—то сорная трава разрастется и уже совсѣмъ погубитъ нашъ лугъ. И зачѣмъ намъ тогда данъ лугъ, если мы должны воспитывать въ немъ сорную траву?» И мнѣніе о томъ, что человѣкъ этотъ или безумецъ, или лжетолкователь, или имѣетъ цѣлью вредъ людей, до такой степени утвердилось, что всѣ его бранили и всѣ смѣялись надъ нимъ. И сколько ни разъяснялъ этотъ человѣкъ, что онъ не только не желаетъ разводить сорную траву, но, напротивъ, считаетъ, что въ уничтоженіи дурной травы состоитъ одно изъ главныхъ занятій земледѣльца, какъ и понималъ это добрый и мудрый хозяинъ, слова котораго онъ только напоминаетъ,—сколько онъ ни говорилъ этого, его не слушали, потому что окончательно рѣшено было, что человѣкъ этотъ или безумный гордецъ, превратно толкующій слова мудраго и добраго хозяина, или злодѣй, призывающій людей не къ уничтоженію сорныхъ травъ, а къ защитѣ и возвращенію ихъ.

То же самое случилось и со мной, когда я указалъ на предписаніе евангельскаго ученія о непротивленіи злу насиліемъ. Правило это было проповѣдано Христомъ и послѣ Него во всѣ времена и всѣми Его истинными учениками. Но потому ли, что они не замѣтили этого правила, или потому, что они не поняли его, или потому, что исполненіе этого правила показалось имъ слишкомъ труднымъ, — чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ

болѣе забывалось это правило, тѣмъ болѣе и болѣе удалялся складъ жизни людей отъ этого правила, и наконецъ дошло дѣло до того, до чего дошло теперь, — до того, что правило это уже стало казаться людямъ чѣмъ-то новымъ, неслыханнымъ, страннымъ и даже безумнымъ. И со мной случилось то же самое, что̀ случилось съ тѣмъ человѣкомъ, который указалъ людямъ на давнишнее предписаніе добраго и мудраго хозяина о томъ, что сорную траву не надо косить, а надо вырывать съ корнемъ.

Какъ владѣльцы луга, умышленно умолчавъ о томъ, что совѣтъ состоялъ не въ томъ, чтобы не уничтожать дурной травы, а въ томъ, чтобы уничтожать ее разумнымъ образомъ, сказали: не будемъ слушать этого человѣка,—онъ безумецъ, онъ велитъ не косить дурныхъ травъ, а велитъ разводить ихъ, такъ и на мои слова о томъ, что для того, чтобы по ученію Христа уничтожить зло, надо не противиться ему насиліемъ, а съ корнемъ уничтожать его любовью, сказали: не будемъ слушать его, онъ безумецъ: онъ совѣтуетъ не противиться злу, для того чтобы зло задавило насъ.

Я говорилъ, что по ученію Христа зло не можетъ быть искоренено зломъ, что всякое противленіе злу насиліемъ только увеличиваетъ зло, что по ученію Христа зло искореняется добромъ: «благословляйте проклинающихъ васъ, молитесь за обижающихъ васъ, творите добро ненавидящимъ васъ, любите враговъ вашихъ, *и не будетъ у васъ врага*[1]). Я говорилъ, что по ученію Христа вся жизнь человѣка есть борьба со зломъ, противленіе злу разумомъ и любовью, но что изъ всѣхъ средствъ противленія злу Христосъ исключаетъ одно неразумное средство противленія злу насиліемъ, состоящее въ томъ, чтобы бороться со зломъ зломъ же.

И эти слова мои были поняты такъ, что я говорю, будто Христосъ училъ тому, что не надо противиться злу. И всѣ тѣ, чья жизнь построена на насиліи и кому поэтому дорого насиліе, охотно приняли такое перетолкованіе моихъ словъ и вмѣстѣ съ нимъ и словъ Христа, и было признано, что ученіе о непротивленіи злу есть ученіе невѣрное, нелѣпое, безбожное и зловредное. И люди спокойно продолжаютъ подъ видомъ уничтоженія зла производить его.

---

[1]) Ученіе двѣнадцати апостоловъ.

Вторая притча.

Торговали люди мукою, масломъ, молокомъ и всякими съѣстными припасами. И одинъ передъ другимъ, желая получить побольше барышей и поскорѣе разбогатѣть, стали эти люди все больше и больше подмѣшивать разныхъ дешевыхъ и вредныхъ примѣсей въ свои товары: въ муку сыпали отруби и известку, въ масло пускали маргаринъ, въ молоко — воду и мѣлъ. И до тѣхъ поръ, пока товары эти не доходили до потребителей, все шло хорошо: оптовые торговцы продавали розничнымъ и розничные продавали мелочнымъ.

Много было амбаровъ, лавокъ, и торговля, казалось, шла очень успѣшно. И купцы были довольны. Но городскимъ потребителямъ, тѣмъ, которые не производили сами своего продовольствія и потому должны были покупать его, было очень непріятно и вредно.

Мука была дурная, дурное было и масло и молоко; но такъ какъ на рынкахъ въ городахъ не было другихъ, кромѣ подмѣшанныхъ, товаровъ, то городскіе потребители продолжали брать эти товары и въ дурномъ вкусѣ ихъ и въ своемъ нездоровьѣ обвиняли себя и дурное приготовленіе пищи, а купцы продолжали все въ большемъ и большемъ количествѣ подмѣшивать постороннія дешевыя вещества къ съѣстнымъ припасамъ.

Такъ продолжалось довольно долго; городскіе жители всѣ страдали, и никто не рѣшался высказать своего недовольства.

И случилось одной хозяйкѣ, всегда питавшейся и кормившей свою семью домашними припасами, пріѣхать въ городъ. Хозяйка эта всю свою жизнь занималась приготовленіемъ пищи и хотя и не была знаменитой поварихой, но хорошо умѣла печь хлѣбы и вкусно варить обѣды.

Купила эта хозяйка въ городѣ припасовъ и стала печь и варить. Хлѣбы не выпеклись, а развалились. Лепешки на маргариновомъ маслѣ оказались невкусными. Поставила хозяйка молоко—сливки не настоялись. Хозяйка тотчасъ же догадалась, что припасы нехороши. Она осмотрѣла ихъ, и ея догадка подтвердилась: въ мукѣ она нашла известку, въ маслѣ—маргаринъ, въ молокѣ—мѣлъ. Увидавъ, что всѣ припасы обманные, хозяйка пошла на базаръ и стала громко обличать купцовъ и требовать отъ нихъ или того, чтобы они держали въ своихъ лавкахъ хорошіе, питательные непорченные товары, или чтобы перестали торговать и закрыли свои лавочки. Но купцы не обратили никакого вниманія на хозяйку и сказали ей, что

товары у нихъ первый сортъ, что весь городъ уже сколько лѣтъ покупаетъ у нихъ и что они даже имѣютъ медали, и показали ей медали на вывѣскахъ. Но хозяйка не унялась.

— Мнѣ не медали нужны, — сказала она, — а здоровая пища, такая, чтобы у меня и у дѣтей отъ нея животы не болѣли.

— Вѣрно ты, матушка, муки и масла настоящаго и не видала, — сказали ей купцы, указывая на засыпанную въ лакированные закрома бѣлую на видъ, чистую муку, на жалкое подобіе масла, лежащее въ красивыхъ чашкахъ, и на бѣлую жидкость въ блестящихъ прозрачныхъ сосудахъ.

— Нельзя мнѣ не знать, — отвѣчала хозяйка, — потому что я всю жизнь только то и дѣлала, что сама готовила и ѣла вмѣстѣ съ дѣтьми. Товары ваши порченые. Вотъ вамъ доказательство, — говорила она, показывая испорченный хлѣбъ, маргаринъ въ лепешкахъ и отстой въ молокѣ. — Ваши товары надо всѣ въ рѣку бросить или сжечь и на мѣсто ихъ завести хорошіе!—И хозяйка не переставая, стоя передъ лавками, кричала все одно подходившимъ покупателямъ, и покупатели начинали смущаться.

Тогда, видя, что эта дерзкая хозяйка можетъ повредить ихъ торговлѣ, купцы сказали покупателямъ: «Вотъ посмотрите, господа, какая шальная эта баба. Она хочетъ людей съ голоду уморить. Велитъ всѣ съѣстные припасы потопить или сжечь. Что же вы будете ѣсть, коли мы ея послушаемся и не будемъ продавать вамъ пищи? Не слушайте ея: она — грубая деревенщина и не знаетъ толка въ припасахъ, а нападаетъ на насъ только изъ зависти. Она бѣдна и хочетъ, чтобы и всѣ были такъ же бѣдны, какъ она».

Такъ говорили купцы собравшейся толпѣ, нарочно умалчивая о томъ, что женщина хочетъ не уничтожать припасы, а дурные замѣнить хорошими.

И тогда толпа напала на женщину и начала ругать ее. И сколько женщина ни увѣряла всѣхъ, что она не уничтожить хочетъ съѣстные припасы, что она, напротивъ, всю жизнь только тѣмъ и занималась, что кормила и сама кормилась, но что она хочетъ только того, чтобы тѣ люди, которые берутъ на себя продовольствіе людей, не отравляли ихъ вредными веществами подъ видомъ пищи; но сколько она ни говорила и что̀ она ни говорила, ея не слушали, потому что было рѣшено, что она хочетъ лишить людей необходимой для нихъ пищи.

То же случилось со мной по отношенію къ наукѣ и искусству нашего времени. Я всю жизнь питался этой пищей и — хо-

рошо ли, дурно — старался и другихъ, кого могъ, питать ею. И такъ какъ это для меня пища, а не предметъ торговли или роскоши, то я несомнѣнно знаю, когда пища есть пища и когда только подобна ей. И вотъ, когда я попробовалъ той пищи, которая стала продаваться въ наше время на умственномъ базарѣ подъ видомъ науки и искусства, и попробовалъ питать ею любимыхъ людей, я увидалъ, что бо̀льшая часть этой пищи не настоящая. И когда я сказалъ, что та наука и то искусство, которыми торгуютъ на умственномъ базарѣ, маргариновыя или по крайней мѣрѣ съ большими подмѣсями чуждыхъ истинной науки и истинному искусству веществъ и что знаю я это, потому что купленные мной на умственномъ базарѣ продукты оказались неудобосъѣдаемыми ни для меня, ни для близкихъ мнѣ людей, не только неудобосъѣдаемыми, но прямо вредными, то на меня стали кричать и ухать и внушать мнѣ, что это происходитъ оттого, что я не ученъ и не умѣю обращаться съ такими высокими предметами. Когда же я сталъ доказывать то, что сами торговцы этимъ умственнымъ товаромъ обличаютъ безпрестанно другъ друга въ обманѣ; когда я напомнилъ то, что во всѣ времена подъ именемъ науки и искусства предлагалось людямъ много вреднаго и плохого и что потому и въ наше время предстоитъ та же опасность, что дѣло это не шуточное, что отрава духовная во много разъ опаснѣе отравы тѣлесной и что поэтому надо съ величайшимъ вниманіемъ изслѣдовать тѣ духовные продукты, которые предлагаются намъ въ видѣ пищи, и старательно откидывать все поддѣльное и вредное,— когда я сталъ говорить это, никто, никто, ни одинъ человѣкъ ни въ одной статьѣ или книгѣ не возразилъ мнѣ на эти доводы, а изъ всѣхъ лавокъ закричали, какъ на ту женщину: онъ безумецъ! онъ хочетъ уничтожить науку и искусство, — то, чѣмъ мы живемъ. Бойтесь его и не слушайтесь! Пожалуйте къ намъ, къ намъ! У насъ самый послѣдній заграничный товаръ.

Третья притча.

Шли путники. И случилось имъ сбиться съ дороги, такъ что приходилось идти уже не по ровному мѣсту, а по болоту, кустамъ, колючкамъ и валежнику, загораживавшему имъ путь, и двигаться становилось все тяжелѣе и тяжелѣе.

Тогда путники раздѣлились на двѣ партіи: одна рѣшила не останавливаясь идти все прямо по тому направленію, по кото-

рому она шла сейчасъ, увѣряя себя и другихъ въ томъ, что они не сбились съ настоящаго направленія и все-таки придутъ къ цѣли путешествія; другая партія рѣшила, что такъ какъ направленіе, по которому они идутъ теперь, очевидно, невѣрное,—иначе они бы уже пришли къ цѣли путешествія, то надо искать дорогу, а для того, чтобы отыскать ее, нужно не останавливаясь двигаться какъ можно быстрѣе во всѣхъ направленіяхъ. Всѣ путники раздѣлились между этими двумя мнѣніями: одни рѣшили идти все прямо, другіе рѣшили ходить по всѣмъ направленіямъ; но нашелся одинъ человѣкъ, который, не согласившись ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ, сказалъ, что, прежде чѣмъ идти по тому направленію, по которому уже шли, или начать двигаться быстро по всѣмъ направленіямъ, надѣясь, что мы этимъ способомъ найдемъ настоящее, нужно прежде всего остановиться и обдумать свое положеніе и потомъ уже, обдумавъ его, предпринять то или другое. Но путники были такъ возбуждены движеніемъ, были такъ испуганы своимъ положеніемъ, такъ хотѣлось имъ утѣшать себя надеждой на то, что они не заблудились, а только на короткое время сбились съ дороги и сейчасъ опять найдутъ ее, такъ, главное, имъ хотѣлось движеніемъ заглушить свой страхъ, что мнѣніе это встрѣчено было всеобщимъ негодованіемъ, упреками и насмѣшками людей какъ перваго, такъ и второго направленія. «Это совѣтъ слабости, трусости, лѣни», говорили одни.

«Хорошо средство дойти до цѣли путешествія, состоящее въ томъ, чтобы сидѣть на мѣстѣ и не двигаться», говорили другіе. «На то мы люди и на то намъ даны силы, чтобы бороться и трудиться, побѣждая препятствія, а не малодушно покоряться имъ», говорили третьи.

И сколько ни говорилъ отдѣлившійся отъ большинства человѣкъ о томъ, что, двигаясь по ложному направленію, не измѣняя его, мы навѣрное не приближаемся, а удаляемся отъ своей цѣли, и что точно такъ же мы не достигнемъ цѣли, если будемъ метаться изъ стороны въ сторону, что единственное средство достигнуть цѣли состоитъ въ томъ, чтобы, сообразивъ по солнцу или по звѣздамъ, какое направленіе приведетъ насъ къ нашей цѣли, и, избравъ его, идти по немъ, но что для того, чтобы это сдѣлать, нужно прежде всего остановиться, остановиться не затѣмъ, чтобы стоять, а затѣмъ, чтобы найти настоящій путь и потомъ уже неуклонно идти по немъ, и что для того и для другого нужно первое — остановиться и опомниться, — сколько онъ ни говорилъ этого, его не слушали.

И первая часть путниковъ пошла впередъ по направленію, по которому она шла, вторая же часть стала метаться изъ стороны въ сторону; но ни та, ни другая не только не приблизились къ цѣли, но и не выбрались изъ кустовъ и колючекъ и блуждаютъ до сихъ поръ.

Точь въ точь то же самое случилось со мной, когда я попытался высказать сомнѣніе въ томъ, что путь, по которому мы забрели въ темный лѣсъ рабочаго вопроса и въ засасывающее насъ болото не могущихъ имѣть конца вооруженій народовъ, есть не вполнѣ тотъ путь, по которому намъ надо идти, что очень можетъ быть, что мы сбились съ дороги, и что поэтому не остановиться ли намъ на время въ томъ движеніи, которое очевидно ложно, не сообразить ли прежде всего по тѣмъ общимъ и вѣчнымъ началамъ истины, открытой намъ, по тому ли направленію мы идемъ, по которому намѣревались идти? Никто не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, ни одинъ не сказалъ: мы не ошиблись въ направленіи и не блуждаемъ, мы въ этомъ увѣрены потому-то и потому-то. Ни одинъ человѣкъ не сказалъ и того, что, можетъ быть, и точно мы ошиблись, но что у насъ есть средство несомнѣнное, не прекращая нашего движенія, поправить нашу ошибку. Никто не сказалъ ни того, ни другого. А всѣ разсердились, обидѣлись и поспѣшили заглушить дружнымъ говоромъ мой одиночный голосъ. «Мы и такъ лѣнивы и отсталы. А тутъ проповѣдь лѣни, праздности, недѣланія!» Нѣкоторые прибавили даже: ничегонедѣланія. «Не слушайте его,— впередъ, за нами!» закричали какъ тѣ, которые считаютъ, что спасеніе въ томъ, чтобы, не измѣняя его, идти по разъ избранному направленію, какое бы оно ни было, такъ и тѣ, которые считаютъ, что спасеніе въ томъ, чтобы метаться по всѣмъ направленіямъ.

— Что стоять? Что думать? Скорѣе впередъ! Все само собой сдѣлается!

Люди сбились съ пути и страдаютъ отъ этого. Казалось бы, первое и главное усиліе энергіи, которое слѣдуетъ сдѣлать, должно бы быть направлено не на усиленіе того движенія, которое завлекло насъ въ то ложное положеніе, въ которомъ мы находимся, а на остановку его. Казалось бы, ясно то, что, только остановившись, мы можемъ хоть сколько-нибудь понять свое положеніе и найти то направленіе, въ которомъ мы должны идти, для того чтобы придти къ истинному благу не одного человѣка, не одного разряда людей, а истинному общему благу человѣчества, къ которому стремятся всѣ люди и отдѣльно каждое сердце человѣческое. И что же? Люди придумываютъ все

возможное, но только не то одно, что̀ можетъ спасти, и если и не спасти ихъ, то хоть облегчить ихъ положеніе, именно то, чтобы хоть на минуту остановиться и не продолжать усиливать своею ложною дѣятельностью свои бѣдствія. Люди чувствуютъ бѣдственность своего положенія и дѣлаютъ всевозможное для избавленія себя отъ него; но только того одного, что навѣрное облегчитъ ихъ положеніе, они ни за что не хотятъ сдѣлать, и совѣтъ сдѣлать это больше всего раздражаетъ ихъ.

Если бы можно было еще сомнѣваться въ томъ, что мы заблудились, то это отношеніе къ совѣту одуматься очевиднѣе всего доказываетъ, какъ безнадежно мы заблудились и какъ велико наше отчаяніе.

1895 г.

КТО ПРАВЪ?

(Отрывокъ неизданнаго и неоконченнаго сочиненія).

> **Аще не будете какъ дѣти, не внидите въ царствіе Божіе.**

Была половина октября. Къ земскому начальнику въ одномъ изъ черноземныхъ уѣздовъ заѣхала по дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ она обыкновенно проводила зиму, сестра его жены съ мужемъ и дочерью. Они пріѣхали въ 12-ть и теперь, къ 3-мъ часу, послѣ поданнаго имъ не въ урочное время чая, ожидая обѣда, сидѣли всѣ порознь, мужья, жены и дѣти, по отдѣльнымъ комнатамъ.

Пріѣздъ сестры былъ не совсѣмъ удобенъ для жены земскаго начальника только тѣмъ, что почти совпалъ со днемъ, назначеннымъ земскимъ начальникомъ для псовой охоты въ его лѣсу. Еще съ ранней осени важный князь, большой охотникъ, державшій большую охоту въ томъ же уѣздѣ и участкѣ, просился въ мѣста земскаго начальника, и нельзя было отказать, и вотъ нынче, въ тотъ же день, какъ пріѣхалъ своякъ, приходила охота и долженъ былъ пріѣхать самъ князь.

Охота пришла, но князя еще не было, и было неизвѣстно даже, пріѣдетъ ли онъ или нѣтъ, и если пріѣдетъ, то останется ли ночевать, или только проведетъ вечеръ.

Мужчины были въ кабинетѣ. Хозяинъ, подвижной, красивый, элегантный сложеніемъ и манерами мужчина, съ густою шапкою волосъ, зачесанныхъ кверху, и маленькой бородкой, ходилъ взволнованно по ковру кабинета изъ угла въ уголъ и, не бросая папироски, горячо говорилъ.

Гость-своякъ, пухлый, тяжелый человѣкъ съ расплывающимся въ креслѣ тѣломъ, сидѣлъ у письменнаго стола, поглаживая прорѣзной слоновый ножъ, и, иронически улыбаясь глазами, возражалъ сдержаннымъ тономъ. Между свояками не было любви, и каждый, говоря про другого, долженъ былъ

удерживаться, чтобы не говорить все худое, которое такъ и просилось на умъ. Казалось бы, дѣлить было нечего, и въ сущности оба были совершенно одинаковаго міра, воспитанія и воззрѣній на міръ. Оба были помѣщики (пріѣзжій, Владиміръ Ивановичъ Спесивцевъ, былъ только болѣе богатъ, чѣмъ земскій начальникъ, Анатолій Дмитріевичъ Лыжинъ). Оба служили: пріѣзжій — въ Петербургѣ, въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, занимая мѣсто члена совѣта, хозяинъ— земскимъ начальникомъ въ голодающей губерніи. Оба были либеральны, индиферентны въ религіозномъ отношеніи, оба считали необходимымъ соблюдать decorum и не выдѣляться отъ другихъ. Оба жили внѣшнимъ образомъ хорошо съ своими женами, оба были отцами семействъ: у Владиміра Ивановича было два сына — въ пажескомъ корпусѣ и правовѣдѣніи — 18-ти и 13-ти лѣтъ и дочь Вѣра, 16-ти лѣтъ, которая теперь была вмѣстѣ съ ними за границей и вмѣстѣ съ ними возвращалась; у Анатолія Дмитріевича была старшая дочь 15-ти лѣтъ и три мальчика. Спорить имъ, казалось, было не о чемъ, а между тѣмъ надо было имъ дѣлать усилія надъ собой, чтобы соглашаться, о какомъ бы предметѣ ни заговорили.

— Совсѣмъ нѣтъ. Я признаю въ принципѣ, — говорилъ Анатолій Дмитріевичъ, — что выборное начало болѣе обезпечиваетъ общество, но тутъ вопросъ о томъ въ данномъ случаѣ, имѣю ли я право отказаться, давъ возможность какому-нибудь негодяю занять это мѣсто, чтобы наказывать мужиковъ.

— Да какое же это признаніе выборнаго начала, когда вы занимаете мѣсто, замѣнившее выборное, и вступаете въ него по назначенію, — сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

— Законы пишу не я.

— Я, признаюсь, не могу допустить, — тихо улыбаясь, отвѣчалъ Владиміръ Ивановичъ, — чтобы... — онъ хотѣлъ сказать: «уважающій себя человѣкъ», но замялся, — что человѣкъ въ наши времена могъ толковать о томъ, напримѣръ, наказывать или не наказывать извѣстнымъ образомъ взрослыхъ людей и отцовъ семействъ. Есть такія дѣла, которыя нужно не брать на себя...

— Нѣтъ, должно! — возвышая голосъ, сказалъ Анатолій Дмитріевичъ. Его раздражили и это умалчиваніе, и смыслъ самой рѣчи, и болѣе всего эта манера Владиміра Ивановича спокойно острить. Когда Владиміръ Ивановичъ говорилъ о наказаніяхъ, онъ открылъ уже ротъ, чтобы сказать непріятное, но, вспомнивъ, что онъ хозяинъ и тотъ только что пріѣхалъ, сдержался и, подойдя къ столу, напряженно вдавилъ въ раковину-

пепельницу окурокъ папиросы. — Нѣтъ, должно. Не должно бѣлоручничать. Я знаю, чтó должно, потому что знаю, что дѣлаю это не для себя.

Онъ вспомнилъ въ это время о жалованьи, которое было очень нужно ему, и еще болѣе разсердился и даже вошелъ въ паѳосъ.

— Если бы мы всѣ отступились, то всѣ мѣста заняли бы разные негодяи и погибло бы все сдѣланное въ 60-хъ годахъ. Нѣтъ, Владиміръ Ивановичъ, не будемте говорить лучше.

— Ну, не будемте, — спокойно улыбаясь, сказалъ Владиміръ Ивановичъ, — это покойнѣе, — и положилъ ножикъ. — Какой славный этотъ лось у васъ, — сказалъ онъ, указывая на выдѣланную голову.

— Да, я это убилъ прошлаго года. — И сейчасъ же вспомнилось Анатолію Дмитріевичу опять непріятное, то, что Владиміръ Ивановичъ ничего не понималъ въ охотѣ и смѣялся надъ ней. Въ это время вошелъ лакей и принесъ конвертъ изъ земства. Анатолій Дмитріевичъ распечаталъ.

— Позовите Петра Семеновича. Да нѣтъ, я самъ пойду,— сказалъ онъ, подумавъ о томъ, какъ пріятно избавиться отъ tête-à-tête со свякомъ. — Извините, Владиміръ Ивановичъ,— и онъ вышелъ.

Владиміръ Ивановичъ, какъ только ушелъ Анатолій Дмитріевичъ, тотчасъ же пересталъ улыбаться глазами. Онъ, очевидно, дѣлалъ это только, чтобы дразнить своего свояка, и сталъ серьезно смотрѣть передъ собой. «А впрочемъ, что мнѣ за дѣло,— подумалъ онъ.—Не люблю только эту важность и этотъ пошлый либерализмъ, шестидесятые годы. Il s'en soucie comme de l'an quarante. И куда она могла ихъ дѣть?» сталъ онъ думать о ящикѣ сигаръ, которыя, онъ помнилъ, что онъ отдалъ женѣ, но которыхъ нигдѣ не оказалось. Вспомнилъ онъ приэтомъ про жену, какъ она настояла-таки, чтобы заѣхать къ сестрѣ. «Она рѣшительно стала особенно молодиться послѣ Рима и этого дурацкаго Ордини. А препротивно... Что же не зовутъ къ обѣду? Пора бы! Едва ли будетъ хорошій обѣдъ? Россея!» И, какъ всегда, ему стало тяжело, какъ всегда бывало, когда онъ оставался одинъ съ собою. Онъ поспѣшно всталъ и взялъ книжку со стола. Это былъ календарь. Онъ перелистовалъ и сталъ читать некрологъ неизвѣстнаго ему генерала.

«Противное существо! — думалъ Анатолій Дмитріевичъ, идя по коридору, — т.-е. не противное. Онъ ничего, но мнѣ тяжело съ нимъ. Какой-то тонъ снисходительный, всезнающій. Не

могу съ нимъ. Эта самоувѣренность. Надѣюсь, не надолго. Ну, да Богъ съ нимъ».

— Анатоль, это ты? — окликнула его жена изъ двери своей комнаты, мимо которой онъ проходилъ. Онъ остановился. Маленькая миловидная женщина съ ямочками и улыбками въ глазахъ и губахъ и вьющимися вокругъ головы волосами высунулась къ нему. — Что ты?

Онъ хотѣлъ войти къ ней.

— Не входи, Маня раздѣта.

— Что ты?

— Матрена (это экономка) приготовила имъ въ угловой. А вдругъ какъ князь останется ночевать? Пускай Владиміръ ляжетъ въ кабинетѣ. Маня со мной. Тогда угловую можно отдать князю.

Анатолій Дмитріевичъ поморщился.

— Князь не останется ночевать.

Варя, его жена, знала его отношенія къ свояку и знала, что поморщился онъ отъ мысли, что своякъ будетъ въ кабинетѣ.

— Да вѣдь не долго. Ужасно ты нетерпимъ.

— Нисколько я не нетерпимъ, — съ досадой пробурчалъ Анатолій Дмитріевичъ. — Вѣчно твои замѣчанія.

— Отчего же я могу стѣсниться, а ты на двѣ ночи не можешь уступить своего кабинета.

— Ахъ, да я не объ этомъ. Я очень радъ отдать кабинетъ. Я только... — и, не сказавъ, что̀ онъ только, онъ пошелъ къ секретарю.

Въ это время Матрена съ двумя подсвѣчниками и чистымъ бѣльемъ, сопутствуемая мальчикомъ, несшимъ лохань и рукомойникъ, вышла изъ двери. Варвара Николаевна, стоявшая въ дверяхъ, остановила ее.

— Матреша, мы передумали. Не въ угловой, а Марья Николаевна будетъ со мной рядомъ. А князю въ угловой. Вы уже постелили?

— У меня все готово. Вы бы прежде сказали! — проворчала Матреша.

— Такъ, пожалуйста! — И Варвара Николаевна ушла въ дверь.

Матреша остановилась и долго стояла. Васька тоже стоялъ сзади.

— Куда же нести, Матрена Петровна? — спросилъ онъ.

— Въ омутъ. Тьфу! — сказала Матрена Петровна и, повернувшись, топая, пошла назадъ по коридору, соображая, какъ все перекладывать и перестилать.

Маня, т.-е. пріѣзжая Марья Николаевна, жена Владиміра Ивановича, сидѣла въ бѣлой кофтѣ, обшитой кружевами, передъ зеркаломъ туалета сестры и расчесывала свои длинные еще, хотя и жидкіе волосы.

— Такъ я и прошу его объ одномъ, — продолжала она начатый разговоръ съ младшей сестрой, — чтобъ онъ самъ велъ хозяйство, если онъ находитъ, что я много расходую. Вѣдь это невозможно!

Варвара Николаевна ничего не сказала, но подумала, что Владиміръ правъ, потому что она знала непрактичность и способность увлекаться своей сестры.

— Такъ ты и отдай ему.

- Ахъ, это невозможно! Мы пробовали. Начинается такая мелочность, такія économies de bouts de chandelles... и потомъ ни мнѣ, ни Вѣрѣ, — Вѣра была ея 16-лѣтняя дочь, — невозможно за каждой мелочью ходить къ нему.

— А Вѣра est dépensière?

— Нѣтъ, не очень. Но, какъ всѣ дѣвочки, не знаетъ цѣны деньгамъ. Просила лошадь верховую, потому что у Лили есть. А въ Ниццѣ держать лошадь, ты знаешь, чтò это стоитъ, грума, ça coute les yeux de la tête?

— А что, Лили все не выходитъ замужъ? — спросила Варвара Николаевна, и Марья Николаевна, не замѣчая того, что онѣ говорили совсѣмъ о другомъ, тотчасъ же начала разсказывать про Лили, про ея кокетство и про то, отчего она не выходитъ замужъ. При этомъ Варвара Николаевна разсказала про себя, про то, чтò Марья Николаевна давно знала, что она совсѣмъ не хотѣла выходить замужъ, и что теперь часто говорятъ это Анатолію. На что Марья Николаевна замѣтила, что они всѣ ужасно глупы и непослѣдовательны, и хотѣла разсказать о случаѣ непослѣдовательности, но Варвара Николаевна привела свои болѣе сильные примѣры непослѣдовательности своего мужа.

— Да, это они всѣ, — сказала Марья Николаевна, отыскивая рукой черепаховую шпильку. Варвара Николаевна подала ей ее и спросила, такъ ли все носятъ волосы. Вслѣдствіе чего разговоръ перешелъ на прически.

«Ужасно frivole», думала Варвара Николаевна, когда Марья Николаевна сняла кофту и стала надѣвать на туго стянутый корсетъ слишкомъ, по мнѣнію Варвары Николаевны, нарядное платье vert bouteille съ бархатной отдѣлкой. «Какъ она молодится! — думала Варвара Николаевна, — а она на три года старше меня». Марья Николаевна видѣла, что Варя замѣчаетъ

и не одобряетъ ея туалета, а сама о ней подумала, что она слишкомъ опустилась. «Эта кофточка бумазейная и не свѣжая. А мужъ ея молодъ». И эта филіація мысли привела ее къ тому, чтобы спросить ее о немъ.

— Ну, а какъ Анатоль, не тяготится деревенскою жизнью?

— Нѣтъ, но только этотъ годъ нынѣшній такая бездна дѣлъ отъ этого голода. Я почти не вижу его. Это теперь особенное счастье, что вы застали его.

— Ну, а что же, правда голодъ? За границей пишутъ ужасы, коллекты дѣлаютъ. Мнѣ кажется, что преувеличено.

— Спроси у Анатоля. Онъ говоритъ, что нѣтъ. Да, я вижу, иногда приходятъ люди. — И Варвара Николаевна вспомнила объ оборванной женщинѣ съ сумой, въ разбитыхъ лаптяхъ, которая нынче утромъ встрѣтилась ей у людской, и это воспоминаніе навело ее на обувь. — Я думаю, ты привезла кучу ботинокъ и туфель. Заграничныя такъ хороши! Я позволяю себѣ эту роскошь.

— Да, я привезла много. Хочешь, я тебѣ уступлю? Тебѣ вѣдь впору мои?

— Не совсѣмъ — широки, — сказала Варвара Николаевна, никогда не пропускавшая безъ возраженія попытки Марьи Николаевны утверждать, что у нихъ равныя ноги. — Не впору, но носить могу. Что же, вещи пріѣхали?

— Вѣроятно; я спрошу. Да вѣдь ты готова?

— Пойдемъ. Скоро обѣдать. Я думаю, ты голодна.

Такъ бесѣдовали старшіе. Между тѣмъ въ комнатѣ рядомъ съ дѣтской, отведенной для Вѣры, шли свои разговоры между свидѣвшимися двоюродными. Вѣра, стройная, румяная, съ блестящими глазами и зубами и такими же, какъ у тетки, вьющимися волосами, въ модномъ, но простомъ платьѣ, сидѣла на диванѣ, окруженная всѣми четырьмя старшими Лыжиными, и вела бесѣду съ самой старшей дѣвочкой, кузиной, 15-лѣтней Сашей, которая сидѣла рядомъ съ ней и не спускала съ нея влюбленныхъ глазъ, и не обнимала ее очевидно только потому, что Вѣрѣ это могло не понравиться.

Въ такомъ же точно положеніи находился и второй—11-лѣтній черноглазый, поэтическаго вида, мальчикъ Миша, и въ еще болѣе ошалѣвшемъ отъ влюбленности состояніи находился третій — толстый бѣлокурый широкорожій бутузъ Вася, съ блестящими узкими сѣрыми глазенками, ни на минуту не спускавшимися съ лица и рта говорившей кузины. Только пятилѣтній

Анатолій Анатоліевичъ, сидѣвшій у Вѣры на колѣняхъ, очевидно не былъ восхищенъ такъ же, какъ остальные. Онъ былъ совершенно равнодушенъ и не понималъ, изъ чего они такъ волновались. Ну, кузина, ну, Вѣра, ну, держитъ на колѣняхъ, ну, колѣни такія же, какъ у няни. Платье на груди атласное, и часы, это хорошо. Но все-таки ничего особеннаго и главное— ничего этого ѣсть нельзя, а ужъ пора.

Атмосфера обожанія, въ которой она себя чувствовала, возбуждала Вѣру. Она была изъ тѣхъ, которые особенно чутки и легко возбуждаются восхищеніемъ людей, да и избалована она была этимъ и любила это, и теперь ей было очень хорошо. Она видѣла, что ею восхищаются. А отъ этого она всей душой любила теперь этихъ милыхъ дѣтей. А дѣти чувствовали, что она любила ихъ, и отъ этого еще больше восхищались, и т. д. Кругъ былъ замкнутъ, и любовнаго электричества набиралось все больше и больше.

Вѣра разсказывала имъ про то, какъ въ Италіи она одинъ разъ отняла собаку у мальчиковъ, которые мучили ее.

— Какъ же они перестали? — спросилъ неожиданно Вася, широкорожій бѣлокурый бутузъ.

Вѣра оглянулась на него, и всѣ оглянулись на него, и бутузъ началъ краснѣть, краснѣть. Казалось, нельзя было больше покраснѣть, но кровь еще и еще приливала, и сырость начинала выступать у него на лбу и въ глазахъ. Онъ сидѣлъ не шевелясь, только вжимая шею въ плечи, очевидно чувствуя, что при малѣйшемъ движеніи онъ погибнетъ.

— Да разумѣется, Вѣра сказала, чтобы они перестали,— несомнѣнно съ убѣжденіемъ того, что приказанія Вѣры никто въ мірѣ не могъ ослушаться, сказала Саша.

Вѣра поспѣшила отвести глаза отъ погибающаго отъ конфуза бутуза и продолжала разговоръ.

— Ну, барышня, они съ вами и время забыли, — сказала няня входя. — Пожалуйте, Анатолій Анатоліевичъ. Мамаша приказали гулять.

Вошла и швейцарка за дѣтьми. Но всѣ дѣти съ досадой отворачивались отъ швейцарки, держась за Вѣру, и, чтобы ни на минуту не нарушать близость съ ней, только съ нею пошли въ садъ. Швейцарка съ упрекомъ и досадой посмотрѣла на Вѣру, не только отвлекшую отъ нея дѣтей, но вызывавшую даже недоброжелательность къ ней.

Въ это время въ кухнѣ шло сильное волненіе и напряженная работа.

— А кто его зналъ, что они пріѣдутъ. Мнѣ только нынче сказали,—говорила Матрена Петровна, облокотившись на шкапъ и куря папироску.

— Какое же жаркое будетъ, коли сейчасъ убить, сейчасъ зажарить,—говорилъ поваръ въ курткѣ и колпакѣ,—да и то нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Вотъ эту у бабы возьми, а своихъ двухъ ловятъ.

— Ну, давай ее сюда,—сказалъ поваръ бабѣ, державшей курицу.

— Вы ужъ, Матрена Петровна, прибавьте пятачокъ.

— Ну, давай сюда.

Поваръ взялъ курицу и ножъ и, отхвативъ ей голову, бросилъ ее на полъ, гдѣ она начала прыгать, обливая кирпичи пола кровью.

— Что жъ онъ своихъ не несетъ? Евдокимъ!—крикнулъ онъ и вышелъ изъ кухни.

Недалеко отъ кухни, у сиреневаго куста, малый, мужикъ, подходилъ, разставивъ руки, къ двумъ курицамъ, одной бѣлой и другой черной, которыя, подрагивая ожерельемъ, ходили у куста. Кухарка, держа передникъ, шла съ другой стороны.

— Ну, чего же вы?—сказалъ поваръ, и какъ только онъ сказалъ это, кухарка со всѣхъ ногъ бросилась прямо на черную курицу. Куры поняли, что дѣло касается ихъ, и пустились бѣжать. Малый побѣжалъ наперерѣзъ и чуть было не догналъ, но, увидавъ его, куры прибавили шагу и, миновавъ его, быстро отдѣлились отъ кухарки. Онѣ пробѣжали сквозь сиреневый кустъ и подбѣжали къ забору. Малый бѣжалъ за ними; но куры отдѣлялись все дальше и дальше. Малый сталъ отставать, и тогда кухарка смѣнила его. Уменьшившія было ходъ куры, увидавъ кухарку, отчаянно закудахтали и опять побѣжали шибче, шибче, такъ что за ними, казалось, не поспѣвали крѣпкія сѣрыя вытянутыя ноги. Кухарка гналась за ними. Онѣ опять обѣжали сиреневый кустъ, и опять кухарка остановилась. Она не могла бѣжать дальше и, ухватившись за грудь, тяжело дышала. Малый тотчасъ же смѣнилъ ее.

— Не давай ей отдыхать, пуще всего не давай отдыхать!—кричала кухарка. Малый бѣжалъ, стуча сапогами.

— Петровичъ! хоть бы вы подсобили! Петровичъ!—обратилась кухарка къ повару, когда куры опять были подогнаны къ забору.

Поваръ улыбался, но въ то время, какъ куры загибали назадъ у забора, онъ вдругъ кинулся на черную курицу, перехватилъ ее, загналъ въ уголъ забора и, несмотря на отчаянный крикъ ея и всплескъ крыльевъ, ухватилъ ее и торжественно поднялъ.

— Вотъ какъ командуютъ! А вы что безъ толку гоняете!

Упрекъ повара подѣйствовалъ. Кухарка и малый заложились за бѣлой курицей и, смѣясь и не давая ей отдыхать, загнали ее опять въ сиреневый кустъ, и тамъ кухарка, расставивъ руки, поймала и ее. И эти также были зарѣзаны. А зарѣзанная прежде уже щипалась малымъ на столѣ.

— Да ужъ вы возьмите, Матрена Петровна, отпустите, что ль. Баранчикъ, право, хорошъ, — говорилъ длинный мужикъ въ разорванномъ на плечѣ и подпоясанномъ обрывкомъ зипунѣ, который съ ранняго утра стоялъ на дворѣ у телѣги, на которой лежалъ связанный баранъ.

Матрена Петровна бросила папироску.

— Некогда сказать ей. Все занята съ гостями. Пройду еще скажу.

— Ту... Ту... — прощелкалъ языкомъ мужикъ. — Извѣстное дѣло. Кабы не нужда, мнѣ бы что... А то корову проѣли. Вотъ послѣднюю проѣмъ,—говорилъ мужикъ, обращаясь къ лакею, пришедшему съ ведромъ къ водяной бочкѣ.

— А что жъ, по чемъ мука?

— Надысь была шесть гривенъ.

— Рубль шесть гривенъ.

— Да ужъ рубль-то мы не говоримъ. Овцу на пудъ смѣняешь. А надолго ли? Семь душъ.

— Да, бѣда. А ты откуда?

— Да мы ближнiе, изъ Телятинокъ.

— Такъ. — Лакею не хотѣлось идти въ домъ. — Это у васъ значитъ охота собирается?

— Должно, у насъ. Вечоръ по нашей деревнѣ шли, шли, ровно полкъ. Этихъ собакъ, братецъ ты мой, какъ стадо. А самъ бравый, золото такъ и горитъ!

— Это княжескiе-то? — спросилъ лакей.

— А то чьи жъ? Яго.

— Самъ-то онъ гдѣ?

— Сказывали, въ Покровскомъ сталъ.

— Тоже къ намъ ожидаютъ, — сказалъ лакей.

— О-о-о! — сказалъ мужикъ полуодобрительно, полуудивленно.

Лакей хотѣлъ что-то поговорить, но его кликнули, и онъ убѣжалъ.

Мужикъ дождался-таки. Барана взяли. Мужикъ самъ зарѣзалъ его въ сараѣ, снялъ съ него овчину и, шлепнувъ ее въ ящикъ телѣги, сталъ дожидаться денегъ.

Въ 6-ть часовъ изъ куръ были сдѣланы котлеты, баранина зажарена, и обѣдъ готовъ.

За столомъ было двѣ четы, Вѣра, четверо дѣтей, швейцарка и русскій учитель, воспитанникъ духовной академіи, жившій въ домѣ. Разговоръ завязался общій — о погодѣ, о музыкѣ, о тетѣ Настѣ, объ экскурсіяхъ въ горы. Всѣ, кромѣ дѣтей, гувернантки и учителя, участвовали въ немъ. Центромъ разговора была Вѣра. Она очевидно кокетничала и съ дѣтьми, и съ теткой, и съ дядей Анатоліемъ Дмитріевичемъ, у котораго губы морщились въ улыбку, когда онъ, глядя на нее, говорилъ съ ней, и даже съ учителемъ, молчаніе котораго и постоянно устремленные на нее, тоже восхищенные, взгляды безпокоили ее. Ей нужно было знать, что и онъ покоренъ. И она изрѣдка взглядывала на него, какъ бы повѣряя, тутъ ли онъ и пойманъ ли такъ же, какъ другіе.

Недовольна ею была только Варвара Николаевна, которая, замѣтивъ впечатлѣніе, какое она производила на ея мужа, особенно ласково улыбалась ей, чтобы скрыть свое недоброжелательство, и особенно недовольна, до ненависти, была ею швейцарка, которая осудила въ ней все—отъ серегъ до произношенія.

И дѣйствительно, Вѣра была не совсѣмъ натуральна, она сама чувствовала это, но не могла измѣнить того тона, въ который попала, и при томъ подъемѣ духа, въ которомъ она находилась. Она разсказывала, напримѣръ, про свои экскурсіи съ отцомъ и о томъ, какъ она съ нимъ обходилась, какъ съ ребенкомъ, одѣвала, кормила его.

— А то папа все забудетъ, — и т. д. Это было не совсѣмъ натурально, а было что-то «милашное», какъ называли ея братья, сентиментальность, но не могла удержаться.

Въ серединѣ обѣда вбѣжалъ съ испугомъ лакей, объявивъ, что князь пріѣхалъ въ коляскѣ.

— Ну, хорошо. Что жъ ты какъ шальной бѣжишь? Проси, — съ досадой сказалъ Анатолій Дмитріевичъ и пошелъ навстрѣчу князю.

Такъ же какъ лакею не надо было бѣгать, такъ и хозяину не надо было замѣчать этого.

Вошелъ князь, молодой, красивый человѣкъ. Ему всѣхъ представили, дали чаю. Онъ бесѣдовалъ съ дамами о погодѣ и охотѣ

и поглядывалъ на Вѣру. Нельзя было этого не дѣлать, когда она была въ комнатѣ и улыбалась. А она не только улыбалась, но смѣялась съ дѣтьми своимъ бодрымъ, густымъ и заразительнымъ смѣхомъ.

Черезъ два часа, уже послѣ обѣда князя, мужикъ дождался денегъ. Онъ не ѣлъ съ утра, и, покачивая головой и вздыхая, смотрѣлъ на приготовленіе господскаго обѣда. Подъ конецъ онъ не выдержалъ и попросилъ у кухарки хлѣба.

— Кабы знать, съ собой бы захватилъ.

— Иди похлебай,—сказала кухарка и налила ему въ чашку квасу и отрѣзала ломоть хлѣба. Поѣвши, онъ дожидалъ терпѣливо, и дождался. Вечеромъ ему вынесли рубль восемь гривенъ. Онъ поблагодарилъ и, заложивъ соломкой окровавленную овчину, подложивъ подъ себя и отодвинувъ мѣшокъ, сѣлъ въ телѣгу и потащился на своей буренькой кобыленкѣ прямо къ лавкѣ за мукой. Князь пробылъ не долго, не болѣе часа, и, согласившись завтра съѣзжаться у Лисьихъ Перяръ, распростился, особенно весело улыбаясь Вѣрѣ, выражая надежду свидѣться завтра и доставить ей удовольствіе, и, провожаемый хозяиномъ, вышелъ на крыльцо.

— Что за погода, какъ лѣто! И какая красота эти желтые листья — золото!

— Сухо только для охоты. Ну, да что дѣлать. Ждать нельзя.

Грузный кучеръ съ задомъ, расширеннымъ юбкой, проговоривъ: «впередъ!», тронулъ вожжами.

Свѣжая четверня вороныхъ трехвершковыхъ лошадей двинула какъ перышко коляску. Князь сѣлъ и уѣхалъ.

По дорогѣ онъ нагналъ мужика, продавшаго барана. Мужикъ спалъ и не свернулъ лошадь. Кучеръ присадилъ, взявъ на время вожжи въ одну руку, и ловко попалъ кнутомъ по шеѣ мужика. Мужикъ встрепенулся, но не успѣлъ глазъ протереть, какъ коляска промчалась со своимъ ровнымъ топотомъ четверки по крѣпкой дорогѣ.

— Пьяный, ваше сіятельство, — сказалъ кучеръ.

«Вотъ все толкуютъ — голодъ», подумалъ князь, оглядывая вершину направо отъ дороги, на лазу которой онъ станетъ завтра съ этой хорошенькой дѣвочкой.

На другой день состоялась охота. Въ 7 часовъ Вѣра была уже готова и ждала Анатолія Дмитріевича, съ которымъ она должна была ѣхать въ телѣжкѣ до мѣста сбора охоты. Верховыя лошади были ужъ высланы раньше. Погода была волшебная, именно волшебная. На желтыхъ листьяхъ, на зеленѣющей травѣ блестѣлъ морозъ. Косые лучи яркаго солнца

играли сквозь красно-желтые листья дубовъ. Воздухъ былъ свѣжій, бодрящій. Телѣжка, заложенная парой вороныхъ кобылъ, была уже подана, какъ Анатолій Дмитріевичъ на самомъ выѣздѣ былъ задержанъ мужиками, которые пришли по своимъ дѣламъ. Анатолію Дмитріевичу, очевидно, было скучно это, но онъ остался и долго говорилъ съ ними. Вѣра слушала. Дѣло шло о кадушкѣ. Баба и мужикъ горячо спорили. Вѣра въ амазонкѣ, съ хлыстомъ, волнуясь, дожидалась.

— Да ты бы напилась чаю.

— Я пила.

Наконецъ мужикъ послѣдній отвалился. Она вспомнила, какъ матери ставили пьявки и какъ онѣ отвалились.

Анатолій Дмитріевичъ сѣлъ, взялъ вожжи, и они поѣхали по глянцевитой, гладкой, съ отпечатками шиповъ, дорогѣ по деревнѣ, изъ которой несло запахомъ дыма, выходившаго бѣлымъ столбомъ изъ каждой трубы.

Весело, весело было. Все было весело: и то, какъ бѣжали лошади, и какъ смотрѣли люди, и какъ взлетали грачи. Повороты дороги, зеленя, — все было весело.

— Скоро ли?

— Да вѣдь пять верстъ, мы и такъ хорошо ѣдемъ.

Но вотъ проѣхали сквозной лѣсъ, весь свѣтящійся на косыхъ лучахъ. Вотъ послышался визгъ собаки и крикъ охотника.

Это они. Да, вотъ тутъ. Проѣхали лѣсъ, завернули, и вотъ блестящій кругъ. Лошади, собаки, красныя шапки, галуны. Все блеститъ и играетъ и вспыхиваетъ на солнцѣ. Тутъ же и лошадь Вѣры и Анатолія Дмитріевича. Но не успѣли еще Анатолій Дмитріевичъ съ Вѣрой разглядѣть всю эту толпу, какъ на пригоркѣ показалась коляска. Это былъ князь.

— Вотъ какъ съѣхались.

— Какой день, сухо немного.

— Вы не устанете? — И сейчасъ же началась игра кокетства между княземъ и Вѣрой.

Очень, очень было весело. Волка не затравили, но зайцевъ поймали трехъ и скакали. И потомъ сидѣли и завтракали. И князь лежа разрѣзалъ курицу, и держа на вилкѣ, предложилъ Вѣрѣ.

— Puis je vous offrir, mademoiselle, un morceau de volaille? — сказалъ онъ. И это было ненатурально и глупо, и несмотря на то, что ей было очень весело, Вѣра замѣтила это. Потомъ князь кормилъ курицею же и тоже съ вилки любимую собаку. Это тоже замѣтила Вѣра, особенно по тому, что у дороги стояла толпа бабъ и ребятъ, выбѣжавшихъ изъ деревни смотрѣть. Бѣ-

жали двѣ бабы въ короткихъ поневахъ, въ лаптяхъ и въ кокошникахъ, махая локтями, и, добѣжавъ до другихъ, вдругъ стали, упершись глазами въ охотниковъ.

— Не правда ли, египетское что-то есть въ нихъ? — сказалъ князь, и Вѣра согласилась.

Было очень весело.

Послѣ завтрака охотились еще и вернулись къ тому помѣщику, у котораго стоялъ князь. Туда пріѣхалъ и Владиміръ Ивановичъ за дочерью. Онъ остался обѣдать и съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что между княземъ и Вѣрой шло ненужное, неприличное даже, flirtation. Уже темно, при лунномъ свѣтѣ, поѣхали домой. Дорогой Владиміръ Ивановичъ прямо сказалъ дочери, что ему не нравилось ея обращеніе съ княземъ. Она тотчасъ же согласилась, покраснѣла ужасно, но согласилась.

— Я не могу, папа; мнѣ весело и я не могу удержаться; но онъ мнѣ вовсе не нравится.

Отецъ успокоился.

Когда они вернулись, къ чаю пріѣхалъ сосѣдъ Анатолія Дмитріевича, и зашелъ разговоръ о положеніи крестьянъ. Анатолій Дмитріевичъ разсказалъ то, что̀ рѣшено было въ съѣздѣ уѣздномъ и губернскомъ, и о томъ, какъ ему неизбѣжно теперь заняться подробнымъ изслѣдованіемъ имущественнаго положенія крестьянъ. Онъ сказалъ, что это дѣло требуетъ большого вниманія, потому что общество находится между Сциллой и Харибдой: не дать помощи — жестоко, дать тѣмъ, которые не нуждаются въ ней, значитъ поощрять тунеядство, праздность.

— Вотъ, вы говорите, — обратился онъ къ Владиміру Ивановичу, — что не надо служить. Кто же бы дѣлалъ это и какъ бы дѣлали это?

— Я не говорю,—отвѣчалъ Владиміръ Ивановичъ.—Это дѣло святое, и по-моему мы всѣ обязаны служить помощи народу въ тяжелую годину. Я первый готовъ бы былъ посвятить себя этому дѣлу.

— Да что надо дѣлать? — спросила Вѣра, которой скучно было, что разговоръ шелъ безъ нея.

— Дѣлать то, чтобы ходить по дворамъ, узнать условія жизни, все имущественное положеніе каждаго двора, записать...

— Такъ что же, я могу. Пошлите меня.

— Да вѣдь вы уѣдете послѣзавтра.

— А я останусь.

— Вотъ прелесть-то бы, — заговорили дѣти.

— Папа, оставь меня съ тетей Варей. Тетя, возьми меня, я буду послушна и буду работать.

Случайно сдѣланное предложеніе это сначала, какъ непривычное, показалось неисполнимымъ, но понемногу стало получать видъ возможнаго. Черезъ три недѣли проѣзжаетъ тетя Настя. Она захватитъ тогда Вѣру съ собой, а пока Вѣра будетъ жить здѣсь, будетъ секретаремъ у дяди Анатолія, будетъ исполнять всѣ его порученія.

Все это представлялось Вѣрѣ большой, продолжительной partie de plaisir.

— Завтра охота, погода чудная, а потомъ будемъ ходить съ Сашей. Вѣдь можно Сашѣ? Будемъ записывать, будемъ все дѣлать, будемъ вмѣстѣ. Ну, просто прелесть. Ура!.. А вы съ нами будете ходить? — обратилась она къ учителю. — Не правда ли?

Учитель, разумѣется, былъ очень радъ.

Отецъ, либеральный Владиміръ Ивановичъ, былъ за оставленіе дочери у тетки. Тетка и дядя Анатолій были за, какъ хозяева, да и она очень мила была, такъ что тетя Варя плѣнилась ею. Противъ была только Марья Николаевна, мать.

«Что-то тутъ страшное, неестественное. Что̀ дѣвушкѣ дѣлать по мужицкимъ хатамъ? И неприлично, да и ничего не сдѣлаетъ она. Да и къ чему главное?»

Вечеромъ между мужемъ и женой, родителями Вѣры, было продолжительное преніе объ этомъ предметѣ.

— Какъ же ты сама говорила, что Вѣра легкомысленна, роскошна, нѣтъ въ ней серьезности. Что же можетъ быть лучше для дѣвушки ея лѣтъ, какъ узнать жизнь, увидать, какъ живетъ народъ, чтобы понять всю ту роскошь, которую она имѣетъ. Вообще это не можетъ произвести ничего, кромѣ самаго добраго вліянія.

Владиміръ Ивановичъ пересилилъ, и такъ и рѣшено было оставить Вѣру на три недѣли у дяди. Какъ рѣшено было, Владиміръ Ивановичъ съ женой уѣхали рано утромъ во вторникъ, и въ тотъ же день Вѣра съ учителемъ и Сашей пошли въ обходъ.

Дѣло было въ томъ, что за Вѣрой была послана няня въ условленный срокъ, три недѣли, но она не пріѣхала, написала письмо очень рѣшительное, что она не можетъ и не хочетъ оставить дѣло, и няня вернулась одна, разсказала, что барышня совсѣмъ разстроены, съ утра до вечера съ бабами, похудѣли и стали чесаться, нашли насѣкомое.

Это сразило Марью Николаевну. Всѣ дѣлали дѣло какъ люди, и княжны Д., и баронессы П. и Р., и c'etait bien vu, а тутъ вдругъ это какой-то азартъ, желаніе отличиться, выдѣ-

литься. И къ чему? «Варенька, сестра, всегда была шальная, такъ и осталась. По всему видно что она не удерживаетъ и совсѣмъ распустила ее», думала Марья Николаевна.

— Вотъ я и говорила, — сказала Марья Николаевна мужу, употребляя самую для него непріятную и потому чаще всего ею употребляемую форму выраженія: «вотъ я и говорила»,—что, кромѣ дурного, ничего не выйдетъ. Я всегда чувствую. Такъ и вышло. Я больна, но сама поѣду. Я умру, но этого я не могу. Всегда ты съ своей бабьей безхарактерной упрямствомъ,—говорила она, не согласуя родовъ отъ волненія. — Если ужъ до того дошло, что она вся въ мерзости, я выговорить-то не могу... Со мной дурно сдѣлалось, когда я разъ увидѣла его. Вся твоя грубая натура.

Владиміръ Ивановичъ хотѣлъ вставить свое слово, полагая, что разговоръ уже достаточно отклонился, но еще было рано, — какъ въ магазинномъ ружьѣ, одинъ зарядъ, вылетая, давалъ мѣсто другому.

— Да позволь, — только сказалъ онъ.

— Да я ужъ знаю, что когда ты говоришь, то всѣ должны слушать и любоваться твоимъ краснорѣчіемъ; но у меня не краснорѣчіе, а материнское сердце, которое ты измучилъ... измучилъ. Единственная дочь, которую я блюла отъ всякой грязи, отъ всего подлаго, и вдругъ ты ее бросаешь нарочно въ самую грубую, низменную среду.

— Да вѣдь твоя же...—сестра, онъ хотѣлъ сказать.

— Нѣтъ, твоя фантазія была. Все это хорошо, но когда это искренно, а все это фальшь, которую ты напустилъ. Если ты такъ жалѣешь, отдай имъ весь урожай. Что, небось не хочешь!— говорила она, совершенно забывъ о томъ, какъ она пилила его за то, что онъ распорядился дать по пуду на бѣдные дворы своей деревни.

Онъ хотѣлъ сказать, что онъ готовъ бы и больше сдѣлать.

— Неправда, все притворство, либеральничанье, — продолжала она колоть его въ самыя больныя мѣста, какъ пчела въ глаза. — И то, чтò ты далъ всѣмъ хвастаясь, ты далъ потому, что я настояла.

«Боже мой, какъ можетъ врать эта женщина!» думалъ про себя Владиміръ Ивановичъ. Наконецъ всѣ заряды магазиннаго ружья были выпущены и новые не вложены еще, и Владиміръ Ивановичъ успѣлъ сказать то, чтò хотѣлъ.

— Безпокоиться не о чемъ. Что няня разсказывала, что на ней нашли трехъ паразитовъ, то это еще не ужасное несча-

стіе, а что она увлеклась и перешла въ крайность, то это понятно. Но бѣды нѣтъ. Комитетъ хотѣлъ посылать для раздачи помощи, онъ можетъ предложить себя, его пошлютъ и онъ привезетъ ее. Вотъ и все.

Какъ предложилъ Владиміръ Ивановичъ, такъ и было рѣшено, и черезъ три дня онъ съ порученіемъ отъ комитета поѣхалъ къ дочери.

Въ Красномъ у Лыжиныхъ среди молодого поколѣнія шла страшная работа, не столько внѣшняя — хожденіе по крестьянскимъ деревнямъ и избамъ (хотя и этого было много), сколько внутренняя — перестановка всѣхъ оцѣнокъ добраго и злого.

1901 г.

Примѣчанія къ XII тому полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

Въ этотъ томъ вошли всѣ образцы народной литературы, какъ отдѣльные разсказы, такъ и тексты къ лубочнымъ картинамъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ помѣщены въ полное собраніе сочиненій въ первый разъ, а именно: «Искушеніе Христа», «Страданіе Христа» и «Оправданная». Затѣмъ къ этимъ произведеніямъ присоединены нами повѣсти, разсказы и притчи, написанныя въ 80-хъ и 90-хъ годахъ; при чемъ въ первый разъ въ полномъ собраніи «Бесѣда досужихъ людей» поставлена на свое мѣсто, т.-е. въ видѣ пролога или введенія къ разсказу «Ходите въ свѣтѣ», какъ оно и было написано Львомъ Николаевичемъ. Къ повѣсти «Ходите въ свѣтѣ» написано примѣчаніе В. Г. Чертковымъ, которое мы и помѣщаемъ вслѣдъ за нашимъ. Разсказы, въ которыхъ были замѣчены какія-либо неточности, исправлены по точнымъ версіямъ архива В. Г. Черткова.

Примѣчаніе къ повѣсти „Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ“.

По отношенію къ этой повѣсти необходимо прежде всего определенно оговориться, что Левъ Николаевичъ Толстой не желалъ, чтобы она была включена въ число его произведеній и даже просилъ о томъ, чтобы ее не помѣщали въ полное собраніе его сочиненій. Но высказался онъ въ этомъ смыслѣ только нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ повѣсть уже успѣла получить широкое распространеніе въ печати.

Если мы рѣшились включить ее въ наше изданіе, то сдѣлали это единственно въ расчетѣ на то, что настоящее примѣчаніе устранитъ возможность всякаго недоразумѣнія въ связи съ характеромъ авторской роли Л. Н-ча въ данномъ случаѣ. Совсѣмъ же пренебречь этой повѣстью или помѣстить здѣсь только нѣкоторые ея первоначальные отрывки было бы, какъ намъ казалось, неудобно въ виду того, что она такъ давно уже печатается отдѣльными изданіями и хорошо извѣстна читающей публикѣ, какъ въ Россіи, такъ и за границей, гдѣ она пользуется особеннымъ успѣхомъ. Къ тому же тѣ исключительныя условія, при которыхъ создалась эта вещь, несомнѣнно, имѣютъ свой спеціальный интересъ, въ особенности теперь, послѣ смерти Л. Н-ча, для тѣхъ, кому дорого все то, что имѣетъ малѣйшее отношеніе къ его литературнымъ работамъ.

Въ первое время моего знакомства со Л. Н-чемъ, въ 80-хъ годахъ, приводя въ порядокъ разныя залежавшіяся его рукописи, я наткнулся на нѣсколько листовъ, исписанныхъ его убористымъ почеркомъ, которые, какъ оказалось, содержали вступленіе къ задуманной имъ повѣсти изъ временъ древнихъ христіанъ и начало и конецъ самой повѣсти. Рукопись эту я, по своему обыкновенію, переписалъ, и подъ впечатлѣніемъ прекраснаго содержанія того, что Л. Н. уже успѣлъ набросать на этихъ листахъ, я, въ свое время, когда онъ былъ свободенъ отъ другихъ работъ, попросилъ его пополнить, хотя бы начерно, оставшіеся въ повѣсти пробѣлы для

того, чтобы общая идея всего замысла не пропала для читателей. Взявшись за это, Л. Н. довольно много поработалъ надъ повѣстью, вставивъ всю недостававшую въ серединѣ эпизодическую часть и особенно ярко выставивъ разсужденія язычника-матеріалиста, противодѣйствующаго идеалистическимъ стремленіямъ героя повѣсти и подъ конецъ ставшаго христіаниномъ. Но работа эта надъ произведеніемъ, задуманнымъ Л. Н-чемъ значительно раньше, когда онъ находился въ другомъ настроеніи, уже не могла имъ завладѣть цѣликомъ, и, охладѣвъ къ ней, онъ ее оставилъ въ недоконченномъ по существу видѣ, хотя съ внѣшней стороны она успѣла принять форму вполнѣ закругленнаго произведенія.

Повѣсть эта читалась въ рукописи въ кружкахъ, соприкасавшихся къ ближайшимъ друзьямъ Л. Н-ча, и вызывала величайшій интересъ не только какъ все вообще, что̀ писалъ Толстой, но въ особенности еще и потому, что затрогивала самые насущные вопросы жизни и поведенія. Въ то время Л. Н. не успѣлъ еще высказаться о многихъ изъ этихъ вопросовъ такъ полно и обстоятельно, какъ онъ это сдѣлалъ впослѣдствіи въ различныхъ своихъ статьяхъ; и потому изображенное въ этой повѣсти столкновеніе двухъ міровоззрѣній,—языческаго и христіанскаго, и разборъ различныхъ явленій жизни съ этихъ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія представляли громадное значеніе для ищущей новыхъ путей молодежи.

Но съ идейной стороны одинъ крупный недостатокъ въ повѣсти всѣми замѣчался и оставлялъ въ читателѣ сознаніе неудовлетворенности. А именно, въ то время, какъ разсужденія язычника, будучи изложены весьма пространно и обоснованно, выступали во всей своей яркости и силѣ, возраженія на нихъ съ христіанской точки зрѣнія были во многомъ скомканы и даже заключали въ себѣ такіе пробѣлы и недомолвки, которые вызывали, по отношенію къ нѣкоторымъ вопросамъ, впечатлѣніе большей правоты язычника, между тѣмъ какъ чувствовалось, что авторъ былъ всецѣло на сторонѣ христіанина. Если бъ въ повѣсть было вложено больше непосредственной художественной силы, то сама изображаемая жизнь невольно, помимо всякихъ разсужденій, овладѣла бы сердцемъ читателя и обезсилила бы софистическія разсужденія матеріалиста. Но, вслѣдствіе указаннаго охлажденія автора, такого чисто художественнаго вдохновенія было слишкомъ мало въ этомъ произведеніи, которое, даже по внѣшности, уже успѣло принять форму не столько повѣсти, сколько ряда теоретическихъ діалоговъ полемическаго характера. Приходилось относиться къ этому произведенію не какъ къ художественному творенію, а просто какъ къ обсужденію «въ лицахъ» двухъ міровоззрѣній; и чувствовалась

необходимость дополнить разсужденія христіанина опроверженіями на тѣ доводы матеріалиста, которые оставались безъ отвѣта.

Въ виду этого, когда нѣкоторые изъ друзей Л. Н-ча предложили ему для просмотра списокъ повѣсти, въ которомъ они предположительно намѣтили желательныя вставки, онъ, сочувствуя ихъ побужденіямъ, занялся внимательной обработкой этой пополненной версіи. Такимъ образомъ получилось то полное изложеніе повѣсти, которое здѣсь предлагается читателю.

Но при пересмотрѣ рукописи, послѣ нѣкотораго времени, Л. Н-чу бросилась въ глаза чрезмѣрная пространность отвлеченныхъ споровъ въ произведеніи, первоначально задуманномъ въ художественной формѣ; и онъ сдѣлалъ нѣкоторые выпуски въ разсужденіяхъ христіанина. Еще позже онъ, опять перечитавъ всю вещь, почувствовалъ, что она вообще не удалась по формѣ, не представляя изъ себя ни чисто художественнаго произведенія, ни строго теоретическаго разсужденія, а являясь нежелательнымъ смѣшеніемъ того и другого вмѣстѣ. Тогда онъ и рѣшилъ вовсе не включать этой работы въ число своихъ литературныхъ произведеній.

Для удобства читателя мы въ повѣсти выдѣлили прямыми скобками тѣ мѣста, которыя Л. Н. думалъ выкинуть. Если мы рѣшили сохранить эти мѣста, не принадлежащія всецѣло перу Л. Н-ча, какъ и нѣкоторыя другія части, включенныя въ разсужденія, то побудило насъ къ этому большое количество тщательныхъ исправленій и передѣлокъ, собственноручно внесенныхъ Л. Н-чемъ именно въ эти мѣста и свидѣтельствующихъ о томъ, сколько вниманія и труда онъ въ свое время счелъ нужнымъ посвятить этой обработкѣ.

Мнѣ кажется, что сказаннаго достаточно для того, чтобы, съ одной стороны, предупредить возможность того недоразумѣнія, котораго Л. Н. желалъ избѣжать, отказавшись подписаться подъ этой повѣстью, а съ другой — дать читателю нѣкоторое представленіе о характерѣ тѣхъ измѣненій, которымъ послѣдовательно подвергалось самое произведеніе.

В. Г. Чертковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Народные разсказы.

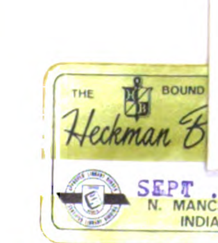
Тексты къ лубочнымъ картинамъ.

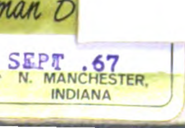
Переводы и передѣлки.

Повѣсти и разсказы 80-хъ и 90-хъ годовъ.

3 2000 000 857 773

THE BOUND
Heckman B

SEPT .67
N. MANCHESTER,
INDIANA

